ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 4 (30)

2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 4 (30)

2016

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

ISSN 2072-2087

№4(30)
Декабрь 2016
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

The Bryansk State University Herald

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/ SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS / PEDAGOGICAL SCIENCE

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4 (30) (2016): исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки.
Брянск: РИО БГУ, 2016. 282 с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович - ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», доктор филологических наук, профессор.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна - доктор педагогических наук, профессор.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович - кандидат биологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алферова И.В.
«АРМЕЙСКИЙ ВЕСТНИК» И «ГЕРОИЧЕСКОЕ» НА ЕГО СТРАНИЦАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 7
Антюхова Е.А.
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО НАЧАЛА XXI ВЕКА В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 13
Горбик К.А.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. 17
Григорова В.А.
НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕНОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.. 25
Громова А.И.
ДОСУГ СТОЛИЧНОЙ КУРСИСТКИ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ 30
Золотарев А.В.
НАЧАЛО КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БРЯНСКЕ: МУЖСКАЯ ПРОГИМНАЗИЯ (1877-1889) 37
Косарев С.И., Косарева И.В.
АМЕРИКАНСКИЙ АГЕНТ «РУССКОГО ВЛИЯНИЯ» (ПАМЯТИ Я.А. МАК-ГАХАНА) 43
Косарев С.И., Косарева И.В.
БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС (1875–1878) В ОТРАЖЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 47
Ландик Л.П.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1988-2004 ГОДАХ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ 51
Лисунец Л. И.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. К. ВОРОНЦОВОЙ 56
Лушников А.А.
АНТИЯЗЫЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ XI– XIII ВЕКОВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ 64
Майоров А.А.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ И ВЕРХОВСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ 71
Михальченко С.И.
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРОФЕССУРЫ В ПРАГЕ В 1920-е ГОДЫ (ПО ЭПИСТОЛЯРНЫМ ИСТОЧНИКАМ). 78
Муцалханов М.С., Шугаибов И.Ш.
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ ДАГЕСТАНА (ПО СТРАНИЦАМ НЕПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ 1920-1941 ГОДОВ) 82
Новикова А.В.
ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА 88

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Богуславский Михаил Викторович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией Института теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна – доктор филологических наук, доцент, доцент Отделения Русистики и Славистики Латвийского университета, Латвия;

Ланин Борис Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

Роленков А.Г.
«ТЕРРОР РАВЕНСТВА»: МИССИЯ КОМИССАРА ФУШЕ В ДЕПАРТАМЕНТАХ ЦЕНТРА И ЗАПАДА ФРАНЦИИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1793 ГОДА 96
Филиппова А.В.
МОДЕРНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1938-1941) 105
Цумарева Е.П.
ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1905–1914 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ) 109
Черниловский А.А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1913 ГОДУ РУССКИМ ГЕНЕРАЛОМ Н.П. МИХНЕВИЧЕМ 115

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гусейнов М.А.
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ПОСТСОВЕТСКОЙ КУМЫКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Б. АТАЕВА) 120
Дёгтева Я. Н.
ПРОБЛЕМА ЧУЖОГО ВЗГЛЯДА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 125
Кирсанов М.А.
РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА 131
Козьмина Е.Ю.
РОБИНЗОНАДА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ 136
Любарский Р. В.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕЙ К. КАСТАНЕДЫ В РОК-ПОЭЗИИ ХЕЛАВИСЫ 141
Максимова Т.Ю.
ТВОРЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЦВЕТАЕВСКОГО ЦИКЛА «АХМАТОВОЙ» (1916) 149
Меджидов А.А.
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ ФЕЙЗУДИНА НАГИЕВА 153
Сарин Е.И.
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПОСЛАНИИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА II К РИМСКОМУ ПАПЕ КЛИМЕНТУ III 158
Семина А. А.
ПОЭТИКА ЗАСТЫВШЕГО МГНОВЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА И БОРИСА РЫЖЕГО 161
Тархова Е.В.
ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИМВОЛА В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА» . 166

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Балашова Т.А.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ЖУЖЕСЛОВА» В РЕЧИ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОБЕСЕДОВАНИЯ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ) 171
Бондаренко А.О.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕЖАНРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА 177
Величкова Л.В., Двойменная В.И.
ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКА СИММЕТРИИ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА 181
Егорова О.Н., Манукян Д.Д.
РОЛЬ ОБРЯДОВОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ 185
Захватова Е.А.
РОЛЬ ПАУЗ В СЦЕНИЧЕСКОМ МОНОЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ Ж. КОКТО «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС») 190
Курочкина А.М.
РИТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АРГУМЕНТАТИВНОЙ МОДЕЛИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ) 194
Песина С.А., Дружинин А.С.
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСЕМАНТА ARM) 199

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри, Люблин, Польша;

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и социального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

В данном выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.
Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России» - 40705 годовая

Попова Т.А.
О РАЗНООБРАЗИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КОНЦЕПТА «RAIN» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА 204
Радченко Е.Н.
К ВОПРОСУ ЭКВИВАЛЕНТИКИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Л. УЛИЦКОЙ И ИХ ВЕРСИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ) 210
Россихина М.Ю., Россихина Г.Н.
СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 214
Савельева О.Е.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНОСА НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА..... 220
Тимофеев С.Е., Храброва Е.С.
НАТУРОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)..... 224
Трошина Н.В., Фёдорова С.К.
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО..... 228
Федотова И.П.
ВЕРБАЛЬНЫЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В СЕРИИ МУЛЬТФИЛЬМОВ О ТРЁХ БОГАТЫРЯХ 233
Федяева Н.Д., Троян С.В.
МЕРА ЗДОРОВЬЯ (О ГРАДУИРОВАНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЮСОВ «ЗДОРОВЫЙ – БОЛЬНОЙ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ)..... 241
Шумакова А.П.
АФОРИЗМЫ МАРСЕЛЯ ПРУСТА: ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВАТОРСТВО?..... 244

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антипова Е.И., Дубовская Д.А.
ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА КАК ИННОВАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ..... 251
Балыкина О.С., Серегина Н.В.
МОТИВАЦИОННЫЙ ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ 257
Голубева Г.Ф., Фещенко Е.М.
ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ВОЛЕВОГО САМОКОНТРОЛЯ СТУДЕНТОВ В СИТУАЦИИ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ..... 264
Ретивых М.В., Воронин А.М., Степченко Т.А.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ В ВУЗЕ..... 272
Смахтина А.В.
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ЧТЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 276

© РИО БГУ, 2016

№4(30)

December 2016

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

The Bryansk State University Herald

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS / PEDAGOGICAL SCIENCE

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doctor and candidate degree-seekers

ВЕСТНИК

Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ /
ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Chairman of editorial board:

Andrey Viktorovich Antyukhov,
Rector of Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Doctor of Philological Sciences, professor

Chief editor:
Tatyana Alexandrovna Stepchenko,
Doctor of Pedagogical Sciences, professor

Executive secretary:
Igor Vladimirovich Melnikov,
Candidate of Biological Sciences, associate professor

Editorial board:

S.V. Artamoshin **-** Doctor of Historical Sciences, Dean of the History and International Relations faculty, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);

N.A. Astashova – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Pedagogy department, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

I.A. Bikkulova – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Philology faculty, Professor BSU (research area: science of literature);

M.Ya. Bloch – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department at MPGU (research area: linguistics);

S.F. Blumenau - Doctor of Historical Sciences, Head of the department of General History, International Relations and

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alferova I.V.
"THE ARMY BULLETIN" AND "HEROIC" ON THE PAGES DURING THE WORLD WAR I 7
Antyukhova E.A.
NATO FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY IN POLITOLOGICAL RESEARCHES 13
Gorbik K.A.
THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF HISTORY OF THE BANKING SYSTEM DURING THE SECOND HALF OF XIX-EARLY XX CENTURIES 17
Grigorova V.A.
DIRECTIONS OF THE TRANSFORMATION OF HANDICRAFT INDUSTRY IN THE EARLY 20th CENTURY 25
Gromova A.I.
LEISURE ACTIVITY OF METROPOLITAN GIRL STUDENTS IN RUSSIA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY) 30
Zolotarev A.V.
THE BEGINNING OF CLASSICAL EDUCATION IN BRYANSK: BRYANSK MEN'S PROGIMNASIUM (1877-1889) 37
Kosarev S.I., Kosareva I.V.
AMERICAN AGENT OF "THE RUSSIAN INFLUENCE" (Ya. A. MAK-GAKHAN'S MEMORIES) 43
Kosarev S.I., Kosareva I.V.
BALKAN CRISIS (1875–1878) IN REFLECTION OF THE GERMAN PERIODICALS 47
Landik L.P.
RELATIONS BETWEEN THE ORTHODOX CHURCH AND SOCIETY IN THE DONETSK REGION IN 1988-2004: SOURCE BASED RESEARCH 51
Lisunets L.I.
CHARITABLE AND CULTURE-EDUCATIONAL ACTIVITY OF E.K. VORONTSOVA (ON MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF ANCIENT ACTS AND STATE ARCHIVES OF ODESSA REGION) 56
Lushnikov A.A
ANTIPAGAN HOMILIES OF XI-XII CENTURIES AS A KIND OF DIDACTIC LITERATURE IN OLD RUSSIA 64
Mayorov A.A.
THE HISTORICAL MEMORY OF GREAT MORAVIA AND VERKHOVSKAYA HISTORICAL-GEOGRAPHIC PROVINCE. 71
Mikhalchenko S.I.
ACADEMIC ACTIVITIES OF RUSSIAN PROFESSORS IN PRAGUE IN THE 1920S (ACCORDING TO THE EPISTOLARY SOURCES). 78
Mucalhanov M.S., Shugaibov I.Sh.
HISTORY OF THE FORMATION OF LABOUR SCHOOL DAGHESTAN (NON-TEACHING PAGES MAGAZINE PERIODICALS 1920-1941 YEARS) 82
Novikova A.V.
PARTICULARLY THE ACTIVITIES OF CONCILIATORS AT EARLY STAGES OF THE PEASANT REFORM OF 1861 88
Rolenkov A.G.
«TERROR'S EQUALITY»: COMMISSIONER FOUCHE'S MISSION TO DEPARTMENTS OF THE CENTRE AND THE WEST IN THE SUMMER AND AUTUMN OF 1793 96

International Law, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);

M.V. Boguslavsky – Doctor of Pedagogical Professor, Head of the laboratory Institute of the theory and history of pedagogics, RJSC (research area: pedagogical science);

A.P. Vasilenko **-** Doctor of Philological Sciences, Head of the French Language department, Professor BSU (research area: linguistics);

S.Ya. Gekhtlyar - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);

L.V. Gribanova - Candidate of Philological Sciences, associate professor BSU (research area: linguistics);

T.E. Demidova **-** Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, Professor BSU (research area: pedagogical science)

I. Dzhambov - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);

A.M. Dubrovsky - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences a nd archaeology);

S.V. Evteev – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the department of German, MGIMO (research area: linguistics);

R.O. Kurpniyetsa – Doctor of Philological Sciences, Associate professor Rusistiki and Slavic philology of the Latvian university, Latvia (research area: linguistics);

B.A. Lanin – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature FGNU (research area: science of literature);

L. Mikrut - Doctor of Philological Sciences, university of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);

S.I. Mikhalchenko - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);

M.V. Retivykh – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

Filippova A.V.
MODERNIZATION OF THE FAR EAST OF THE USSR BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR (1938-1941) 105
Tsumareva E.P.
LIBERAL AND CONSERVATIVE DRAFT CHANGES IN THE EDUCATION SYSTEM IN THE YEARS 1905–1914. (THROUGH THE EXAMPLE OF BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES)..... 109
Chernilovsky A.A.
GENERAL MIKHNEVICH`S PREDICTION OF THE UPCOMING WAR IN 1913 115

SCIENCE OF LITERATURE

Huseynov M.A.
THE HISTORICAL NOVEL IN POST-SOVIET KUMYK LITERATURE (FOR EXAMPLE NOVELS B. ATAEVA) 120
Dyogteva Ya.N.
THE PROBLEM OF THE OTHER'S VIEW IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT AND F.M. DOSTOEVSKY'S ARTISTIC WORKS..... 125
Kirsanov M.A.
RHETORICAL PECULIARITIES IN M. YU. LERMONTOV'S WORKS..... 131
Kozmina E.Yu.
ROBINSONADE AS A KIND OF GEOGRAPHIC ADVENTURE NOVEL..... 136
Lyubarskiy R.V.
ART MODELING IDEAS OF C. CASTANEDA IN ROCK POETRY OF HELEWISE.....141
Maximova T.Yu.
CREATIVE SOURCES OF THE TSVETAYEVA'S CYCLE OF "AKHMATOVA" (1916).....149
Mejidov A.A.
EDUCATIONAL POTENTIAL OF CHILDREN'S FICTION FEYZUDIN`S NAGIYEV ...153
Sarin E.I.
AUTOBIOGRAPHICAL POTENTIAL OF THE MESSAGE OF METROPOLITAN JOHN II TO POPE CLEMENT III 158
Semina A.A.
THE POETICS OF A LINGERING MOMENT IN GEORGY IVANOV'S AND BORIS RYZHY'S LYRICS 161
Tarkhova E.V.
INTERIORIZATION OF AN ARTISTIC SYMBOL IN THE NOVEL "THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN" BY JOHN FOWLES 166

LINGUISTICS

Balashova T.A.
ENGLISH LANGUAGE BORROWINGS AND THE FUNCTION OF "BUZZWORDS" IN THE SPEECH OF MIDDLE MANAGERS (BASED ON A JOB INTERVIEW)... 171
Bondarenko A.O.
SPECIFICITY OF THE DEVELOPMENT OF GENRE COMPETENCE IN THE PROCESS OF ONTOGENESIS..... 177
Velichkova L.V., Dvoymennaya V.I.
MANIFESTATION OF THE SIGN OF THE SYMMETRY AT VARIOUS LEVELS OF THE POETIC TEXT..... 181
Egorova O.N., Manukyan D.D.
THE ROLE OF CEREMONY LEXIS IN FICTION 185
Zakhvatova E. A.
THE ROLE OF DIFFERENT TYPES OF PAUSES IN THE STAGE MONOLOGUE («THE HUMAN VOICE» «LA VOIX HUMAINE» BY JEAN COCTEAU)..... 190
Kurochkina A.M.
RHETORICAL PARAMETERS OF ARGUMENTATIVE MODEL IN ADVERTISING TEXT (BASED ON MATERIAL OF HOTEL ADVERTISING).....194
Pesina S.A., Druzhinin A.S.
ANTHROPOCENTRIC FACTORS OF LEXICAL POLYSEMY (IN CASE OF THE ENGLISH POLYSEMANT ARM) 199
Popova T.A.
ON THE DIVERSITY OF LEXICAL-SEMANTIC PARADIGM OF THE CONCEPT "RAIN" IN THE ENGLISH LANGUAGE WORLDVIEW 204
Radchenko E.N.
TO THE QUESTION OF EQUIVALENCE OF THE RUSSIAN AND GERMAN TAXIS 210
Rossikhina M.Y., Rossikhina G.N.
ON PECULIARITIES OF USING GERMAN YOUTH SLANG IN FICTION..... 214
Savelyeva O.E.
USE OF POSITIVE TRANSFER AT GRAMMATICAL LEVEL IN STUDYING IMPERSONAL SENTENCES AT LESSONS OF ENGLISH..... 220
Timofeev S.E., Khrabrova E.S.
THE METAPHOR OF NATURE IN A PRESIDENTIAL DISCOURSE (DIACHRONIC ASPECT) 224

G.N. Rossikhina - Candidate of Philological Sciences, Dean of the faculty of Foreign Langauges, Professor BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);

S.A. Chugunova - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);

A.V. Sharavin - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);

L.A. Yadvirshis - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science)

Troshina N.V., Fjodorova S.K.
COMPARATIVE CONSTRUCTIONS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE SPATIAL CULTURAL CODE IN THE ARSENY TARKOVSKY'S POETRY 228
Fedotova I.P.
VERBAL INTERTEXTUAL MARKERS IN THE CARTOONS ABOUT THREE RUSSIAN FAIRY TALES' HEROS 233
Fedyaeva N.D., Troyan S.V.
MEASURE OF HEALTH (ABOUT GRADUATION METHOD OF AXIOLOGICAL POLES "HEALTHY - SICK" IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE) 241
Shumakova A.P.
MARCEL PROUST' APHORISMS: TRADITIONS OR INNOVATION? 244

PEDAGOGICAL SCIENCES

Antipova E.I., Dubovskaya D.A.
TECHNOLOGY OF SOCIAL CONTRACT AS INNOVATION IN SOCIAL WORK 251
Balykina O.S., Seregina N.V.
MOTIVATIONAL TRAINING AS A MEANS OF ADAPTATION OF STUDENTS TO TRAINING IN HIGH SCHOOL 257
Golubeva G.F., Feshchenko E.M.
FORMATION OF EMOTIONAL STABILITY AND A STRONG-WILLED SELF-CONTROL OF STUDENTS IN SITUATIONS OF KNOWLEDGE ASSESSMENT 264
Retivyh M.V., Voronin A.M., Stepchenko T.A.
MODERN METHODOLOGICAL CULTURE OF THE TEACHER: THE NATURE, STRUCTURE AND THE FORMATION OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION 272
Smakhtina A.V.
DEVELOPMENT PSYCHO-PEDAGOGICAL RESOURSES OF JUNIOR SCHOOLCHILD READING REQUIREMENT 276

© BSU, 2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

«АРМЕЙСКИЙ ВЕСТНИК» И «ГЕРОИЧЕСКОЕ» НА ЕГО СТРАНИЦАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

Алферова И.В.

В статье на основе анализа содержания газеты «Армейский вестник» и архивных материалов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, интерпретируются особенности формирования образа «героя» и «героического» в годы Первой мировой войны. Выделяются несколько факторов, определивших презентацию подвигов комбатантов на страницах фронтовой печати: понимание командованием «героического», его трансформация в зависимости от хода военных действий; предписания военной цензуры, исходившей из соображения сохранения военной тайны; уровень профессионализма работников редакции газеты, который определял своевременный выпуск газеты и ее содержание.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная печать, «Армейский вестник», «героическое», «образ героя».

"THE ARMY BULLETIN" AND "HEROIC" ON THE PAGES DURING THE WORLD WAR I

Alferova I. V.

In the article based on analysis of the content of the newspaper "The Army Bulletin" and archival materials of the Russian State Military Historical Archive, many of which are first introduced into a scientific turn, interpreted features of the formation of the image of "hero" and "heroic" during the World War I. Identify several factors that determined the presentation of feats of combatants on the pages of the front press: understanding of the command of the "heroic", its transformation depending on the progress of military actions; requirements of military censorship, for the conservation of military secrets; the level of professionalism of employees of the newspaper, which defined the timely issuance of the newspaper and its content.

Keywords: World War I, military press, "Army Bulletin", "heroic", "the image of the hero".

Генерал-лейтенант императорской армии, а впоследствии инструктор Агитпропотдела Политуправления РККА Н.М. Потапов в своей работе «Печать и война» отводил фронтовым газетам особую роль. По его мнению, они должны были «быстро информировать читателей о всех важных событиях, сопровождая сообщения необходимыми комментариями; обсуждать все происходившее в пределах армии и внутри войсковых частей; сообщать о наиболее выдающихся подвигах отдельных лиц и целых частей; давать исторические и географические описания районов, занятых армией; отмечать памятные для армии дни и чествования героев войны» [1, с. 37].

В новейшей отечественной историографии появились работы, посвященные истории периодической печати периода Первой мировой войны как обобщающего характера, так и рассматривающие отдельные проблемы ее функционирования [2]. В том числе внимание исследователей привлекает изучение деятельности печатных изданий, как наиболее результативного в тот период средства пропаганды [3, 4, 5, 6]. Прежде всего, в рамках имагологии рассматривается формирование «образа врага». Появились отдельные работы, интерпретирующие создание героических образов и их трансляцию на уровень общественного сознания [7, 8, 9, 10, 11]. Однако вопрос эффективности пропагандистской работы армейской печати в годы Первой мировой войны еще мало изучен.

Не претендуя на всестороннее рассмотрение проблемы в рамках журнальной статьи, хотелось бы с привлечением архивных источников и материалов газеты «Армейский вестник» продемонстрировать отдельные этапы отображения «героического» на страницах издания. Вместе с тем выявить определенные сложности, которые помешали газете стать «выразителем духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы…», что является по мнению того же Н.М. Потапова образцом «положительной, полезной работы печати» [1, с. 7-8].

К началу Первой мировой войны российская военная печать насчитывала несколько изданий. Центральным органом военного министерства были военно-научный журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид». Свои печатные органы имели военные округа и штабы казачьих войск. Однако на начало военных действий какая-либо фронтовая печать, на страницах которой объяснялись бы цели и задачи происходивших событий военнослу-

[1] Статья написана в рамках реализации гранта РГНФ 15-01-00399

жащим, в действующей российской армии отсутствовала. Возможно, причиной этому было отрицательное отношение к печати, которое сформировалось в русском Генеральном штабе еще со времен русско-японской войны, когда в газетах освещался ход мобилизации, давались полные описания сражений с упоминанием частей войск. Не случайно уже в первый день войны начальник штаба Верховного Главнокомандующего Н. Н. Янушкевич отправил начальникам окружных штабов телеграмму: «Корреспонденты в армию допущены не будут» [1, с. 17].

В то же время командующие фронтов достаточно скоро осознали необходимость информирования комбатантов. Так, в докладе начальника штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта М. В. Алексеева от 31 июля 1914 года указывалось на необходимость издания специальной газеты «с целью ознакомления воинских чинов армий с событиями на обширном театре действий». Речь шла о широком распространении газеты, «которая приняла бы на себя задачу будить чувства бодрости, веры в себя, любовь к родине, необходимости ведения борьбы с настойчивостью и упорством по примеру наших предков» [12, оп. 1, д. 2948, (ч. 1), л. 1].

Первой из фронтовых газет стал издаваться «Армейский вестник» при штабе Юго-Западного фронта. Начальник Цензурного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта полковник Б. В. Геруа, по чьей инициативе появился армейский печатный орган, считал, что газета «должна была связать войска с тылом и Россией, давать ориентировку в общей политической и военной обстановке» и вместе с тем, «рассказывать о подвигах наших войск и отдельных лиц, развлекать» [13, с. 6].

Уже в первых газетных номерах сформировалась редакторская концепция и была определена главная читательская аудитория – офицерский состав. Так, основное содержание газеты составляли обзоры военных действий на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, а также действий союзников. Они были достаточно детальны, пестрили названиями населенных пунктов, перечисляли многочисленные военные стычки, по началу демонстрируя «доблесть наших войск», «ничтожность наших потерь» и «громадные потери» противника. Определенные идеологические установки являлись не лишними для офицеров русской армии, которые, как следовало из воспоминаний русского офицера-мемуариста, «уделяют гораздо больше (или, по крайней мере, достаточно много) внимания конкуренции между видами вооруженных сил и "полковому снобизму", а также офицерской преданности царю и государству, которому они служат, а не каким-либо этническим различиям» [14, с. 37].

Что же касается задачи информационного обеспечения солдатской массы, она, если и решалась «Армейским вестником», то не в первую очередь. При этом уже с первых номеров на страницах газеты присутствовал некий обобщенный образ былинного героя-солдата, при описании которого использовалась лубочная стилистика. В редакционной статье «Армейского вестника» № 3 1914 года «великая черноземная сила, богатырь Микула Селянинович» противопоставлялся «расслабленному немцу-"бюргеру"» и «русский витязь, отразивший на своем веку немало врагов, видевший полчища татар и не раз спасавший родину от порабощения призывался "С Богом, вперед!"» [15, № 3, 14 августа]. Свидетельством «непоколебимого русского духа русского солдата» явился и «молодецкий подвиг казака Крючкова», совершенный им в пределах действий Северо-Западного фронта, «поддержавшего во всем блеске славу донского казака», уложив 11 немецких уланов. Сообщение об этом было размещено во № 2 «Армейского вестника» [15, № 2, 12 августа].

Конкретные же примеры героического поведения комбатантов армий фронта, которые обеспечивали успешный ход военных операций в юго-западном направлении на начальном этапе войны, практически не получили своего отражения на страницах газеты.

Несколько изменить отношение к содержанию газетных материалов командование заставили масштаб и последствия поражения российской армии под Таннебергом. В условиях «неоправданно больших потерь» верховное командование посчитало недостаточным для поддержания воодушевления читающей публики «сухих отчетов о передвижении наших войск и взятых трофеях». Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов в своей телеграмме от 22 августа 1914 года к начальнику штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту М.В. Алексееву передавал настоятельную просьбу начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича, которая заключалась в следующем: «Вследствие выяснившейся острой необходимости… описаний подвигов наших частей и отдельных лиц и других материалов, дающих картинные представления о деятельности войск… не отказать в зависящих распоряжениях о назначении особого лица в штаб армий Юго-Западного фронта, коему был бы поручен сбор соответствующих материалов и присылка их в штаб Верховного Главнокомандующего» [12, оп. 1, д. 2948, (ч. 2), л. 71].

Обер-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта М. С. Пустовойтенко уже 20 августа сделал необходимые распоряжения [12, оп. 1, д. 2948, (ч. 2), л. 72]. Полковник Б. В. Геруа в свою очередь докладывал в ответной телеграмме обер-офицеру для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего А. А. Свечину: «На Ваше письмо от 22 августа сообщаю Вашему превосходительству, что штабам армий уже поставлено требование собирать для опубликования материалы по описанию подвигов наших частей и отдельных лиц, со вложением организации этого дела на военно-цензурное отделение штабов армий» [12, оп. 1, д. 2959, л. 1].

«Панический страх по всей стране», вызванный слухами, что «полмиллиона наших погибло в Мазурских озерах» [16, с. 59], заставил командование изменить и отношение к содержанию корреспонденций с фронта. Под воздействием вышеуказанных обстоятельств Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич разрешил отправить в армию десять корреспондентов, из них шесть российских, которые выехали из ставки 26 сентября 1914 года [17, с. 176].

Редакция «Армейского вестника» в это же время обращалась к офицерам всех частей действующей армии с просьбой присылать в газету «описания боев, стычек, разведок и отдельных подвигов» [15, № 22. 28 сентября]. Форма изложения предоставлялась на усмотрение авторов, при этом не исключалось возможность печатание фельетонов юмористического характера и жанровых картинок, допускалось и напечатание фамилии авторов.

Использование на страницах газеты материалов очевидцев военных событий столкнулось со сложно разрешимой проблемой: обязательное сохранение военной тайны, а, следовательно, со строгими цензурными ограничениями.

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта генерал-майор М. С. Пустовойтенко отправил 29 сентября 1914 года в штаб V армии телеграмму, в которой передавал «повеление» Верховного главнокомандующего «более строго придерживаться перечня тех сведений, появление которых в печати воспрещены согласно постановлению Совета Министров 24 июля 1914 года». Причиной «повеления» как раз были статьи, касающиеся военных действий, которыми наводнилась печать. «В этих статьях, – указывал М.С. Пустовойтенко, – нередко встречается оценка различных видов оружия, наших и неприятельских, приводятся различные сноровки и соображения для будущего, указывается на слабые стороны наших противников. Хотя название частей и отсутствует, но по общему настроению статей на этот счет можно делать различные более или менее достоверные догадки» [18, оп. 1, д. 956, л. 2].

Заметки, которые печатались в «Армейском вестнике» с начала октября 1914 года уже не сообщали названия войсковых соединений и фамилии старших офицеров, как, например, в материале «Один из боевых дней наших стрелков»: «Еще до перехода в наступление был убит шрапнелью командир полка П-ъ. Командование немедленно принял на себя полковник С-мъ, находившийся в цепи» [15, № 26. 7 октября]. Однако и «безыменная» подача материала могла предоставить противнику определенные сведения. Фронтовые офицеры, находясь в гуще военных событий, часто оформляли свои заметки для газеты в виде боевых сводок, что не позволяло обходить молчанием некоторые детали военных операций, непреднамеренно раскрывая секретную информацию.

В конце ноября 1914 года, Н. Н. Янушкевич в телеграмме М. В. Алексееву высказал серьезную озабоченность по поводу содержания «Армейского вестника». Он указывал, что в издании, «всякому слову» которого «придается если не официальный, то официозный характер… иногда сообщает сведения, распространение которых является, безусловно, недопустимым» и по поручению Верховного главнокомандующего указывал «на необходимость соблюдения крайней осторожности и тщательности редакции, без чего продолжение издания должно быть признано вредным» [17, с. 61]. Генерал Н. Н. Янушкевич предлагал ограничиться перепечаткой в газете сообщений, которые исходят из Генерального штаба, лишь несколько комментируя их. «Если все наше общество мирится со скудостью вестей с театра военных действий, то с этими же вестями должны мириться и войска» [17, с. 62], – заключал он.

В феврале 1915 года в газете появилась новая рубрика «Наши воинские подвиги», в которой редакция планировала помещать извлечения из войсковых донесений. Однако из специального комментария следовало, что для сохранения военной тайны «в ее полной неприкосновенности» в материалах будут упускаться «названия полков, рот, имена командиров и места событий» [19, № 76. 3 февраля]. Воинские подвиги, таким образом, получавшие освещение на страницах газеты, должны были сохранять анонимный характер. Так, по-видимому, по соображениям сохранения военной тайны редакция газеты обошла молчанием героическую сторону осады крепости Перемышль, а о ее взятии, что явилось ярчайшим три-

умфом российского оружия, сообщила лишь в нескольких строках в газетном номере от 10 марта 1915 года [19, № 91. 10 марта].

Определенные изменения коснулись не только содержательной части материалов «Армейского вестника». Решая проблемы психоэмоционального состояния отступающих войск, командование большее внимание стало уделять художественному оформлению газетного материала и озаботилось литературными талантами авторов издания.

Необходимо заметить, что в редакции «Армейского вестника» с самого начала работали люди, знакомые с газетным делом. Редакторскую должность исполнял некоторое время «бывший репортер из Петрограда» прапорщик В. И. Осипов [13, с. 6]. С декабря 1914 по март 1915 г. редактором газеты был подполковник Л. З. Соловьев, который до этого работал журналистом в «Новом времени» и считался специалистом по военно-морским вопросам, участвовал в русско-японской войне, знал военную среду. Работая, в газете, он выезжал непосредственно на позиции и затем в ряде статей делился своими впечатлениями [19, № 96, 22 марта]. Однако занимал он эту должность чуть больше двух месяцев: во время одной из поездок простудился, проболел несколько недель и скончался.

Летом 1915 года на страницах газеты начал печататься И. А. Родионов, есаул 39-й Донской казачьей особой сотни, штаб-офицер при военно-цензурном отделении, который еще в 1909 году в издательстве А. С. Суворина опубликовал по следам первой русской революции повесть «Наше преступление (Не бред, а быль)» с подзаголовком «Из современной народной жизни». Публикация выдержала пять изданий и принесла писателю широкую известность.

Генерал-квартирмейстер Юго-западного фронта М. К. Дитерихс (назначен 01. 04. 1915) способствовал печатанию пространных очерков (иногда по несколько материалов под разными псевдонимами в одном номере) талантливого писателя и публициста, который к тому же зарекомендовал себя еще до войны убежденным патриотом-монархистом. Материалы И. А. Родионова отличались не только хорошим литературным языком, но и глубоким проникновением в тему. Ему удавалось при освещении, казалось бы, безысходных событий «Великого отступления» находить соответствующие образы и темы, которые могли воодушевить на геройское противостояние врагу.

Так, в одном из таких материалов И. А. Родионов сравнивал Россию с «медведем», который «при всей его громадной силе почти всегда бежит прочь от человека и только раненый вскидывается на дыбы и бросается на врага», а «галицийский эпизод» характеризовал «даже не раной, а царапиной», и выражал надежду, что «вся совокупность одиннадцатимесячной драмы, кажется, наконец-то, вздыбила Россию, и она, как раненый медведь, уже решительно пошла на врага» [19, № 131, 16 июня].

В октябре 1915 года есаул И. А. Родионов был назначен исполняющим должность редактора «Армейского вестника» [12, оп. 2, д. 1045, л. 135]. Газете под его руководством предстояло стать «наиболее видным отражением событий, происходящих в действующей армии, настроений, господствующих в ней» [12, оп. 1, д. 2951, л. 24]. Генерал-майор М. К. Дитерихс вновь обратился к генерал-квартирмейстерам штабов армий фронта с требованием «озаботиться сбором соответствующего материала, черпая его в донесениях корпусов, подробные описания боевых действий и подвигов частей войск и отдельных чинов, а также всех ярких случаев боевой жизни войск» [12, оп. 1, д. 2951, л. 24]. Собранный материал, в том числе фотографические снимки, было рекомендовано доставлять три раза в неделю – по вторникам, средам и четвергам в военно-цензурное отделение штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта.

По-видимому, учитывался и тот момент, что мотивирующее воздействие печатного слова в силу изменившейся ситуации, должно было быть обращено не только к солдату, имевшему боевой опыт. Осенью 1915 года на фронте оказывались всё новые волны мобилизованных, среди которых были не только запасники, но и ополченцы и даже «белобилетники» (мужчины, освобожденные от военной службы в мирное время). Перед командованием русской армии в полный рост встала задача патриотического воспитания вновь прибывающего пополнения, в том числе и при помощи формирования «героических символов», которые должны были реализовывать «героическое» уже в контексте окопной войны, в оккупации или в плену.

Однако редакция газеты, испытывая дефицит актуальных армейских сообщений, заполняла полосы газеты пространными внешнеполитическими обзорами, перепечатками из других изданий. Фронтовые подвиги, описание которых все же появлялось в соответствующей рубрике газеты, относились к полугодовой давности, что соответствовало цензурному предписанию. Материалы по-прежнему не содержали названий местностей и войсковых соединений и изобиловали клише и штампами вроде «молодцы-разведчики», «чудо-богатыри», «суворовская хватка». Герои заметок с «редким мужеством» и «поразительной находчивостью» побеждали врага.

В декабре 1915 года начальник военно-цензурного отделения штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта подполковник К. В. Сахаров представил доклад М. К. Дитерихсу, в котором отмечал значительное изменение в программе «Армейского вестника». При этом он предлагал после его личной цензуры отправлять телеграммы в Петроградское телеграфным агентство, чтобы «статьи и известия, свидетельствующие о высоком духе наших войск, об их доблести, мужестве, подвигах войсковых частей и отдельных лиц, о расстройстве и состоянии наших врагов стали бы достоянием не только небольшого круга читателей газеты, но и широкой публике в глубине России» [12, оп. 1, д. 2951, л. 131, 131 об.]. «Иначе получается, – предупреждал К. В. Сахаров, – не соответствующие действительности впечатления, как будто на других фронтах беспрерывно совершаются боевые дела и подвиги, достойные внимания, а на Юго-Западном фронте как будто их совсем нет» [12, оп. 1, д. 2951, л. 131, 131 об.].

Однако М. К. Дитерихс ответил отказом, посчитав «более полезным широкое распространение самого "Армейского вестника" в народе, а не в публике и в обществе, для которых цена известий агентства все равно одинаково ноль… Общество (неразб.) телеграммами не занять и без того вся Россия говорит, что только и покоя, что на Юго-Западном фронте» [12, оп. 1, д. 2951, л. 131, 131 об.].

Здесь представляется уместным сообщить еще об одной проблеме, в связи с которой «Армейскому вестнику» никак не удавалось «служить вестником в широком смысле чинам действующей армии» [12, оп. 1, д. 2951, л. 93]. По докладам офицеров, приезжавших в штаб непосредственно с фронта осенью 1915 года, выяснилось, что части войск, находившихся в окопах, не получают газеты по два месяца [12, оп. 1, д. 2951, л. 4]. В свою очередь из штабов корпусов сообщалось, что они получают «Армейский вестник» в очень ограниченном количестве экземпляров с промежутком в три-пять дней. Предполагалось, что газета задерживается где-либо в тыловых конторах, «почтовые же конторы при корпусах передают газеты без задержки и таковые оттуда рассылаются частям своевременно» [12, оп. 1, д. 2951, л. 21].

Порядок рассылки номеров «Армейского вестника», согласно доклада начальника военно-цензурного отделения К. В. Сахарова, состоял в следующем. В день выхода газеты, номера запаковывались по 100 экземпляров и отправлялись почтой в штабы дивизий фронта. Так как на отдельных пачках и номерах не указывалось, какой конкретно части предназначалась посылка, он предположил, что «она дальше названных штабов не направляется, с одной стороны потому, что не отмечена конкретным адресом, с другой – попадая в канцелярию штаба и так перегруженной своей непосредственной работой, остается там, в лучшем случае до востребования адресатом» [12, оп. 1, д. 2951, л. 93].

Проверка в феврале 1916 года, проведенная в 102 и 125 пехотных дивизиях фронта, показала, что газета приходит к ним раз в 2-3 недели в количестве 2-3 экземпляров [12, оп. 1, д. 2952, л. 135 об.]. Редактор газеты И. А. Родионов объяснял недостатки в доставке, отсутствием «означенных адресов» в экспедиции редакции, однако сведения, «что газета "Армейский вестник" не доходит вовсе или доходит в малом количестве до войск передовых линий, для рот, сотен, и батарей» поступали и от других частей [12, оп. 1, д. 2952, л. 131].

Таким образом, на основании даже беглого обзора документов и анализа содержания «Армейского вестника» можно констатировать, что командование российской армии в начальный период войны не уделило значительного внимания тиражированию героических образов среди воюющих на фронте. Возможно, сказывалось широко распространенное мнение о готовности русского народа умереть за «веру, царя и отечество», на что позднее указывал генерал русской армии, главнокомандующий Западным, а затем Юго-Западным фронтами А. И. Деникин. В своих известных «Очерках русской смуты» он сокрушался: «Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма» [20, с. 18].

Сам стиль в изображении «героического», который сформировался уже в первые месяцы на страницах газеты, характеризовался избитыми стереотипами, поверхностными обобщениями, гиперболизацией военной доблести солдата российской армии и карикатурным изображением противника. Не случайно, он был позднее раскритикован военным историком, издававшимся в эмиграции, А.А. Керсновским, который писал: «Совершенно нетерпим и недопустим слащавый тон о «солдатиках» и «серых героях». Он раздражает бойцов и деморализует значительные их категории. В основе слащавости и пафоса всегда фальшь. Авторов подобного рода статей и очерков следует, после первого и последнего предупреждения, лишать права писать до окончания военных действий» [16, с. 59-60]. Подобный «лубочный» материал, возможно, мог развлечь читающую публику в тылу и подогреть патриотиче-

ские чувства, однако, для комбатанта, уже получившего боевое крещение, «нелепая бравада» могла вызвать только отторжение.

В то же время реальное изображение фронтовой действительности, в том числе героических свершений, на которое с определенного момента стала ориентироваться редакция газеты, наталкивалось на ограничительные предписания военной цензуры, а также бюрократические препоны. Не способствовала популярности «Армейского вестника» и организационная неразбериха по доставке газеты в окопы. «Случалось, что "Вестник Армии" приносил новости уже с неделю, как известные в окопах, отстоящих верстах в пятидесяти от Варшавы, через варшавские газеты» [21, с. 88], – сообщал офицер штаба армии.

Е. Кривцов в обзоре «Книга и газета на войне», размещенном в «Военном сборнике». Он же отмечал что «роль непрерывной посредницы между народом и армией может играть только газета, ежедневная и аккуратно доставляемая» [21, с. 86].

Список литературы

1. Потапов Н.М. Печать и война. М. ; Л., 1926. 84 с.

2. Гужва Д.Г. Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 годов. Новосибирск, 2009. 167 с.

3. Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. 400 с.

4. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года. Военный опыт и современность, М., 2014. 740 с.

5. Блохин В.Ф., Алферова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3(49). С. 32-48.

6. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

7. Алферова И.В. Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 16-23.

8. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914 – 1917 годов // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». Научный редактор В. Ф. Блохин. Брянск, 2016. С. 37-60.

9. Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет / Под ред. Мягкова М. Ю., Пахалюка К. А. СПб., 2014. С. 206-236.

10. Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы/ Под ред. Г. В. Кретинина, И. О. Дементьева, С. А. Якимова. Калининград, 2013. С. 305-314.

11. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1.

13. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. II. 217 с.

14. Хаген фон М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 37-49.

15. Армейский вестник. 1914.

16. Керсновский А.А. Философия войны. М., 2012. 208 с.

17. Лемке М.К. 250 дней в Царской ставке. Мн., 2003. 448 с.

18. РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1.

19. Армейский вестник. 1915.

20. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Выпуск. 1. Париж, 1921. 200 с.

21. Военный сборник. 1915. № 11.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, alferovairi@yandex.ru

УДК 327.7+341.1

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО НАЧАЛА XXI ВЕКА В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антюхова Е.А.

Статья посвящена некоторым аспектам деятельности НАТО в условиях современной политической организации мира и их отражении в политологических исследованиях отечественных и зарубежных ученых.
Ключевые слова: НАТО, глобализация, новые доктринальные установки, политологические исследования, стратегия, постбиполярный период, международные отношения.

NATO FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY IN POLITOLOGICAL RESEARCHES

Antyukhova E.A.

The article is devoted to some aspects of the NATO activities under the conditions of the modern political arrangement of the world and their reflection in the politological researches of domestic and foreign scientists.
Keywords: NATO, globalization, new doctrinal guideposts, politological researches, strategy, post-bipolar period, international relations.

Стратегия и политика НАТО всегда находились в центре исследовательских интересов как отечественных, так и зарубежных политологов. Этот интерес во многом объясняется возрастающим военно-политическим значением Североатлантического альянса в условиях постбиполярного мира.

Очевидно, что политику НАТО нельзя рассматривать вне контекста тех структурных изменений, которые происходят в мировой политике в целом. В этом плане обращение к работам таких известных российских ученых-политологов, как А.Д. Богатурова, А.А. Кокошина, Е.М. Примакова, А.В. Торкунова, П.А. Цыганкова, поможет более объективно представить картину политической организации мира и системы международных отношений в целом [1-5].

Современные отечественные исследования, посвященные проблематике НАТО, ее политике и стратегии, основываются на изучении политического участия сил этого военно-политического блока в конфликтах, анализе функционирования структурных компонентов Альянса и выявлении степени конфликтности между странами-членами организации по вопросам мировой политики и европейской безопасности. Изучению данных проблем посвящены исследования А.Г. Арбатова, Н.К. Арбатовой, Д.А. Данилова, В.С. Котляра, Ю.А. Никитиной, А.А. Орлова, Ю.М. Почта, М.А. Троицкого, В.В. Штоля и других [6-16].

Системный анализ трансформации стратегии НАТО был осуществлен М.Е. Кучинской[17], исследовавшей не только содержательную часть стратегической концепции Организации Североатлантического договора, но и уделившей пристальное внимание вопросу преемственности в политике НАТО до и после «холодной войны». В работе М.Е. Кучинской отмечается наличие расхождений между политической стратегией США и ЕС по вопросу применения сил Альянса для противодействия глобальным угрозам.

В работах Т.Г. Пархалиной рассматриваются изменения структуры безопасности в Европе и процесс политической трансформации НАТО [18-20]. Исследователь отмечает сложность выработки единой политики в условиях конфликтов и возможность расхождения между европейскими странами-участниками в проведении единого курса в рамках Североатлантического блока.

Взаимоотношения США и европейских государств, входящих в состав НАТО, являлись предметом изучения Т.В. Юрьевой, которая указывала на поиск новых моделей взаимоотношений между членами Альянса, в том числе в пределах программы расширения организации. В работах Т.В. Юрьевой основное внимание уделяется проблемам обеспечения трансатлантического взаимодействия в рамках Североатлантического договора [21-25].

Ряд исследований отечественных авторов посвящен анализу трансформации стратегических подходов НАТО. При этом отмечается, что всё большее значение приобретает выработка коалиционной стратегии. Данному аспекту деятельности военно-политического блока посвящены работы Н.И. Балахонцева, В.А. Тюрина, В.Н. Олевского, А.А. Бартоша и А.А. Симонова [26-30], в которых отмечается отход от глобального проти-

востояния и переход к тактике ситуативных действий, что нашло отражение в стратегических положениях натовской политической концепции.

Изучение трансформации натовской внешнеполитической стратегии представлено в коллективном исследовании под редакцией Ф.Г. Войтоловского [31]. Это исследование посвящено соотношению идеологии атлантизма и внешнеполитической стратегии НАТО.

Процесс трансформации НАТО на рубеже XX–XXI вв. и ее подходов к определению глобальных угроз в свете принятия в 1999 г. новой Стратегической концепции анализируется в исследовании П.Л. Иванова. Справедливым представляется утверждение автора о том, что геополитическая трансформация мира определила необходимость политических и структурных изменений НАТО [32].

Важное значение имеет анализ динамики взаимоотношений США и европейских стран Западной Европы, осуществленный А.И. Уткиным. Рассматривая политическую ситуацию в конце XX в., автор полагает, что становление Европейского союза отразится не только на политическом взаимодействии европейских государств и США, но и может затронуть их взаимоотношения в рамках НАТО. Политический сценарий взаимоотношений между США и Европейским союзом в XXI в. может привести к изменению стратегии и практики НАТО в новых условиях [33].

Проблеме отношения между США и Европейским союзом посвящена работа С.Э. Приходько [34]. Автор отмечает наличие серьезных политических расхождений в позициях партнеров, предопределяемых стремлением США к демонстрации политической гегемонии. В исследовании уделяется внимание взаимодействию между США и ЕС в области политико-экономических контактов.

Исследование политических изменений в стратегической деятельности НАТО нашло отражение в работах зарубежных политологов А. Бейлиса, С. Крофта, П. Гордона, Д. Шапиро [35-37]. В исследованиях этих авторов рассматриваются процессы изменения стратегии НАТО в постбиполярный период.

В зарубежных исследованиях также поднимаются вопросы, связанные с новой организацией НАТО, определением стратегии Альянса в современных изменяющихся условиях. В работе Д. Хульсмана рассматривается ход дискуссии между США и НАТО по поводу места и роли Североатлантического блока в условиях глобальных угроз [38]. Исследование затрагивает ряд важных вопросов взаимодействия США и европейских государств в новых условиях и определения роли блока в обеспечении европейской безопасности.

Труды В. Бюхерля, М. Рюле посвящены определению стратегии НАТО после саммита в Праге [39; 40]. В данных работах подчеркивается консолидирующая роль Североатлантического альянса в вопросе выработки согласованного подхода США и ЕС к мировым политическим конфликтам.

Существенное влияние на стратегию НАТО оказывают доктринальные документы США по вопросам обеспечения безопасности. Анализ оборонительной и внешнеполитической стратегии республиканской администрации Дж. Буша-мл. осуществлен В.И. Батюком и А.Н. Богдановым [41; 42]. Следует согласиться с выводом А.Н. Богданова о наличии элементов преемственности в американской внешнеполитической стратегии. Автор продемонстрировал изменения стратегической концепции США под воздействием террористических угроз.

Глубиной и системностью отличаются исследования Т.А. Шаклеиной по НАТО. В ее работах, посвященных эволюции глобальной стратегии США, подчеркивается направленность американской политики на формирование мирового порядка, соответствующего, прежде всего, интересам Вашингтона [43; 44].

В целом проанализированные исследования показывают ключевое значение стратегических установок США для политики и стратегии Альянса.

Анализ внешнеполитической стратегии США в начале XXI в. представлен и в работах зарубежных исследователей Р. Либера, Д. Доннелли, К. Феля, Д. Петерсона [45-48]. Большое значение имеет понимание сущности президентской стратегии американской администрации, которая была выражена в геополитических доктринах президентов Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Детальному анализу официальной доктрины Вашингтона этого периода посвящены работы Б. Шмидта и К. Мэйя [49; 50].

Авторы исследований справедливо отмечают преемственность доктрин республиканской и демократической администраций, при этом указывая на изменение характера применения силы американской администрацией. Если администрация Буша стремилась делать упор на самостоятельное применение силы в борьбе против терроризма, то демократическая администрация Обамы старается привлекать к действиям международные организации и обладать международным мандатом на применение силы.

Исследование геополитической роли США как лидера НАТО и их внешней политики нашло отражение в работах Х. Мунклера, К. Купчана, П. Трубовича, О. Холсти [51-53]. В них подчеркивалась

американская гегемония в современном мире и стремление США к транзиту демократии на планете. Следует отметить определенную некритичность авторов в оценке внешнеполитической деятельности США, которые придерживаются позитивного характера демократического транзита без учета национальных и региональных особенностей. Привлечение исследований по геополитике США позволяет более полно представить эволюцию НАТО и ее стратегию в современных условиях.

Нами представлены лишь некоторые аспекты политологических исследований деятельности НАТО в постбиполярный период. Дополнительное привлечение в качестве исследовательской базы более обширного корпуса трудов отечественных и зарубежных политологов, безусловно, даст возможность детального анализа стратегии НАТО, ее доктринальных установок в условиях современной политической организации мира.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. и др. Очерки теории и политического анализа международных отношений/ А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев // Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М.: НОФМО, 2002. 377 с.

2. Кокошин А.А., Богатуров А.Д. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ/ Отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М.: КомКнига, 2005. - 430 с.

3. Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика/А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. 991 с.

4. Примаков Е.М. Россия в современном мире/Е.М. Примаков. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. 36 с.

5. Цыганков П.А. Теория международных отношений/П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 2003. 590 с.

6. Арбатов А.Г. Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте. М., 2001

7. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург // Полития. 2006. № 2. С. 94-103.

8. Арбатова Н.К. Эволюция структур безопасности и партнеры России. М., 2002

9. Данилов Д.А. Россия и основные международные организации на евро-атлантическом пространстве // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь мир, 2011

10. Котляр В.С. Развитие стратегических концепций США и НАТО после 11 сентября 2001 года. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2003

11. Никитина Ю.А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия // Вестник МГИМО Университета. 2011. №. 6. С. 26-27

12. Орлов А.А. Отношения России с НАТО в контексте Стратегической концепции-2010 Североатлантического альянса // Международная жизнь. 2011. №. 3. С. 85-93

13. Почта Ю.М. Расширение НАТО и проблема российской государственности// Россия, Франция, Германия и Португалия в контексте европейской интеграции/ Под ред. Н.С.Кирабаева, Ю.М.Почты, М.М.Мчедловой. М.: Изд-во РУДН, 2005. С.81-90.

14. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1999-2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, ИСК РАН, 2004

15. Штоль В.В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2003

16. Качалова Т.Г. Невоенные аспекты деятельности НАТО. Изд-во Дипломатической академии МИД России. М., 2003.

17. Кучинская М.Е. Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. М.: РИСИ, 2007.

18. Пархалина Т.Г. Некоторые размышления об архитектуре безопасности Европы на рубеже XX–XXI вв. М., 1998

19. Пархалина Т.Г. Пражский саммит НАТО: вызов для России или для Альянса? // Европейская Безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. Вып. 6

20. Пархалина Т.Г. Россия – НАТО: десять лет спустя // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2007. Вып. 8.

21. Юрьева Т.В. Внешнеполитическое измерение ЕС: парадоксы и дилеммы // Космополис. Зима 2004/2005

22. Юрьева Т.В. Европейская политика соседства в контексте европейской архитектуры (политические аспекты) // Россия и Объединяющая Европа: Перспективы сотрудничества. М., 2007

23. Юрьева Т.В. Россия и НАТО // Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999. М., 2000

24. Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 126-133

25. Юрьева Т.В. Безопасность в Евро-Атлантическом регионе // Метаморфозы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 47-67.

26. Балахонцев Н.И., Тюрин В.А. Коалиционная военная стратегия НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 4. С. 3-7

27. Бартош А.А. Генезис НАТО: от монолитного блока до ситуативных коалиций // Независимое военное обозрение. 2013. № 43(784). С. 4-5

28. Олевский В.Н. Развитие концептуальных основ обеспечения безопасности НАТО // Зарубежное военное обозрение 2011. № 11. С. 3-12

29. Олевский В.Н. Деятельность НАТО по обеспечению Европейской безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 5. С. 3-10

30. Симонов А.А. Новая стратегическая концепция НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 3-8.

31. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Под ред. Ф.Г. Войтоловского. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.

32. Иванов П.Л. Трансформация НАТО: век нынешний и век минувший // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 1. С. 15-26.

33. Уткин А.И. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2000.

34. Приходько С.Э. США–ЕС: оценка возможности формирования самостоятельного европейского полюса силы. М.: ИСКРАН, 2002.

35. Bailes A. EU and US Strategic Concepts. A Mirror for Partnership and Difference? // International Spectator. 2004. № 1

36. Croft S. The EU, NATO and Europeanization: The Return of the Architectural Debate // European Security. Vol. 9. 2000. № 3

37. Gordon P.H., Shapiro J. Allies at War: America, Europa and the Crisis over Iraq. N. Y., 2004.

38. Hulsman J. Restructuring the US Role in NATO and European Defense Priorities for the President // The Heritage Foundation. 2001. January.

39. Bücher W. Eine Allianz für Amerika? Die NATO nach Prag // Internationale Politik. 2003. № 3

40. Rühle M. Der Leiter des Planungsreferats der Politischen Abteilung der NATO. Für eine neue “Streitkultur”. Der NATO als Forum für den transatlantischen Dialog // Internationale Politik. 2006. Januar.

41. Батюк В.И. Национальная оборонительная стратегия США после неоконсервативной революции // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 7. С. 18-26

42. Богданов А.Н. Внешнеполитическая идеология США и современный мировой порядок. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012.

43. Шаклеина Т.А. Мировой порядок в XXI в.: эволюция глобальной стратегии США. 2001–2011 // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. Июль-сентябрь. С. 35-58

44. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М., 2012.

45. Donnelly J. Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy: American Power and International Society // European Journal of International Relations. 2006. № 2

46. Fehl C. Living with a Reluctant Hegemon: The Transatlantic Conflict Over Multilateral Arms Control // Eurupean Journal of International Relations. 2008. № 2

47. Lieber R. The American Era. Power and Strategy for the 21 st Century. N.Y., 2005

48. Peterson J. America as a European Power: the End of Empire by Integration // International Affairs. 2004. № 4

49. Schmidt B. The Bush Doctrine and the Iraq War: Neoconservatives vs. Realists // Security Studies. 2008. № 2

50. May C. Sins of Omission in Obama’s National Security Strategy // Scripps Howard News Service. June 3.

51. Munkler H. Empires. The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States. Cambridge, 2007

52. Kupchan Ch., Trubowitz P. Dead Center. The Demise of Liberal Internationalism in the United States // International Security. 2007. № 2

53. Holsti O. Public Opinion and American Foreign Policy. Michigan, 2004.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

УДК 93/94

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

Горбик К.А.

Статья посвящена анализу отечественной историографии формирования и развития банковской системы Российской империи во второй половине XIX-начале XX вв. Рассмотрены основные труды дореволюционных, советских и современных российских исследователей. Выделяются работы, характеризующие общее развитие банковской системы России. Анализируются труды по частным сторонам отечественной организации банковского дела. Обозначена литература по развитию местных кредитных заведений. Отдельно автор касается исследований государственных и коммерческих банковских учреждений в Области Войска Донского.

Ключевые слова: отечественная историография, Российская империя, банковская система, финансово-кредитные учреждения, государственное ипотечное кредитование, деятельность негосударственных банковских структур.

THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF HISTORY OF THE BANKING SYSTEM DURING THE SECOND HALF OF XIX-EARLY XX CENTURIES

Gorbik K.A.

The article the national historiography of formation and development of the Russian Empire of the banking system during the second half of XIX-early XX centuries. There are works of pre-revolutionary, soviet and modern Russian researchers. It highlights the works that characterize the overall development of the Russian banking system. Study analyzes the domestic private party organization of banking. The author denotes the literature on the development of local credit institutions. Separately, this article regards the researches of public and private credit institutions in the Province of the Don Cossack Host.

Keywords: domestic historiography, the Russian Empire, the banking system, financial-credit institutions, public mortgage lending activity of non-state banking institutions.

Вторая половина XIX-начала XX вв. - эпоха закладывания и развития капиталистических отношений в Российской империи. Одним из главных стимуляторов рыночных процессов в отечественной экономике являлась банковская система в пореформенный период. Разные стороны функционирования российских кредитно-финансовых учреждений и их влияние на народное хозяйство нашей страны являлись предметом исследований многих отечественных авторов. Однако обобщающего историографического исследования по данному вопросу нет. Его отсутствие усложняет отбор и поиск литературы молодыми учёными для своей научной работы. К тому же незнание историографии может привести к появлению многочисленных трудов по уже хорошо исследованным проблемам пореформенной банковской истории. Поэтому цель данной работы - обзор и анализ отечественной историографии формирования и развития банковской системы Российской империи во второй половине XIX-начале XX вв.

Условно историография пореформенной отечественной банковской системы делится на дореволюционный (вторая половина XIX-начало XX вв.), советский (1920-1980-е годы) и современный российский этапы (1990-2000-е годы).

В свою очередь, каждый историографический период можно подразделить на:

- монографии, в которых освещаются общие вопросы применительно к построению отечественной кредитной системы;
- труды, посвящённые частным вопросам формирования и развития банковской системы России в пореформенный период;
- литература, где анализируются деятельность региональных банковских учреждений после 1860 года.

Работы, посвящённые общим сторонам развития отечественной финансово-кредитной системы в указанный период, представлены в первую очередь монографией «Очерк развития кредитных учреждений в России» А.Н. Гурьева, где этим учёным были подробно исследованы вопросы формирования и развития государственных и частных банковских учреждений в пореформенный период [20].

Другой исследователь А.К. Голубев в своём труде «Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях» собрал краткие данные о существовавших банках на 1 января 1895 года, которые освещают особенности производимых коммерческих кредитных операций, состав правлений банков, чистую прибыль банковских учреждений и другие [18].

Вышедшая в 1910 году книга «Банки и

банкирские конторы Российской Империи» Л.М. Варшавского также представляет собой краткий очерк развития отечественных кредитных учреждений [13]. Как и А.К. Голубев, автор этого труда предоставил информацию о становлении обществ взаимного кредита, акционерных и земельных банков. В виде небольшого описания кредитных операций он касался и деятельности Государственного банка. В большей мере работа Л.М. Варшавского - справочный указатель существовавших в России банковских заведений и их дочерних учреждений на начало XX века. Глубокого анализа функционирования отечественной банковской системы этот автор не проводил.

Несмотря на малочисленность, вышеперечисленные работы характеризуют разные направления исследований. Так, А.Н. Гурьев преимущественно заострил внимание на общих принципах построения кредитной государственной системы. Банковские труды Л.М. Варшавского и А.К. Голубева носят справочный характер и подтверждают существование в Российской империи большого числа кредитных учреждений разного уровня.

Первые работы, непосредственно затрагивающие частные вопросы отечественной банковской системы, приходятся на 1870-е годы.

Так, в 1874 была опубликована книга А. Шипова «Реформа нашей кредитной системы с установлением наибольшей правильной свободы банков или устранения давлений плутократии» [43]. Работа посвящена значению в кредитной системе России таких банковских категорий, как «торговый баланс», «вексельные и ассигнационные курсы», «процентные и беспроцентные денежные знаки» и другие.

Другой исследователь А.С. Залшупин в своей монографии «Вопросы банковой политики: к реформе денежного обращения» рассматривал теоретические вопросы, посвящённые подготовке денежной реформы С.Ю. Витте [22]. Свободный обмен кредитных билетов на золото был новым требованием к Государственному банку, что привело к принятию его нового устава от 6 июня 1894 года. Согласно этому документу, банковское учреждение становилось центральным эмиссионным образованием, то есть таким же кредитным заведением, как банки в Англии, Франции и Германии.

Профессор Харьковского университета П.П. Мигулин изучал вопросы кредитования отечественной земледельческой отрасли в монографии «Русский сельскохозяйственный банк: к вопросу о нуждах нашей сельскохозяйственной промышленности» [29]. Опираясь на другие исследовательские работы, автор этой монографии отмечал, что отечественная хлебная торговля была неорганизованна и находилась в руках иностранных фирм. Соответственно, чтобы изменить такое положение вещей необходимо было «озаботиться созданием нового учреждения, которое поставило бы себе задачей взять в руки организацию нашей внешней торговли сельскохозяйственными продуктами» [29, с. 13].

Также исследователь отметил роль банковского сектора экономики Российской империи в строительстве отечественных железных дорог, в том числе и Владикавказской, в монографии «Наша железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893-1902)» [30].

Отдельные вопросы влияния деятельности государственных кредитных учреждений на благосостояние сельских жителей изучал С.С. Хрулев в монографии «Финансы России в связи с экономическим положением её населения» [41]. Этот учёный проанализировал финансовое состояние сельского общества Российской империи, в том числе рассмотрел и его кредитоспособность.

Немаловажную роль по истории отечественных учреждений краткосрочного кредита играет труд Э.Барклай-де-Толли [4]. Этот исследователь отмечал важное значение обществ взаимного кредита в банковской системе России. Он был одним из первых дореволюционных авторов, проанализировавших задачи, функции и организацию учреждений мелкого кредита. Ранее примерно такими же вопросами занимался и исследователь М.Я. Герценштейн [16].

Российский экономист М.В. Бернацкий рассматривал деятельность Государственного банка [6], исследовал его эмиссионные операции. Работа содержит краткие исторические сведения о денежной системе России с первой половины XIX до начала XX века, представлены теоретические сведения о монометаллизме и основы нормального денежного обращения.

Исследованием банковских услуг частных акционерных учреждений занимался Е.П. Вознесенский в монографии «Операции коммерческих банков», где подробно рассматривал теоретические вопросы системы функционирования акционерных банков [14].

Небольшие сведения о кредитовании торговых фирм организациями частного кредита и другими банковскими учреждениями содержатся в работе И.Е.Ададурова «Подтоварный кредит в коммерческих банках. Теория и практика. Выпуск 2» [1]. Автор проанализировал некоторые положения отечественной торговли, где отмечал высокую односторонность русского экспорта и высокий масштаб банковской конкуренции. По

мнению исследователя, это вело к тому, что частные кредитные учреждения переставали решать задачи по достижению благополучия народного хозяйства, а их деятельность становилась нацеленной на получение прибыли [1, с. 153]. Также И.Е. Ададуров предлагал сменить товарный зерновой курс акционерных финансово-кредитных структур на поддержку фабрично-заводской промышленности и горного дела на примере германских банков [1, с. 153-154].

В такой работе, как «Систематический свод распоряжений Государственного банка по операции учёта векселей», исследователь Н.В. Краснов собрал данные о бухгалтерской банковской работе [25].

Позднее была опубликована работа К.В. Гандера «Текущие счета Государственного банка и чековое обращение» [15]. Книга посвящена эмиссионной деятельности Государственного банка во время Первой мировой войны, нацеленной на уменьшение количества бумажных денег и большего открытия текущих счетов и чекового обращения. Данные меры были направлены на смягчение экономической ситуации в стране в период военного времени путём совершенствования расчётно-платёжной системы [15, с.1-2].

Вышеперечисленные исследования по частным отечественным банковским вопросам Российской империи в большей мере посвящены проблемам, характеризующим связь правительственной финансовой политики с нововведениями в Государственном банке, как главном проводнике эмиссионных операций. В таких трудах можно найти теоретические рассуждения о том, для чего вообще нужен Государственный банк, каковы его цели в построении кредитно-финансовой системы страны, общие и отличительные черты отечественной эмиссионной политики при сравнении с западноевропейским финансовым курсом и другие.

Работы, посвящённые исследованиям формирования и развития региональных банковских учреждений, в том числе и донских кредитных заведений, представлены небольшим числом трудов.

Так, в начале XX века вышла в свет книга русского генерала П.С. Балуева «Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году» [3]. Автор этого труда не стремился провести глубокий анализ экономического положения Донской области. По сути, работа является небольшим и кратким очерком по описанию положения торгово-промышленной донской буржуазии и некоторых кредитных учреждений.

Исследователь А.М. Греков в своём труде «Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области» осветил деятельность разных категорий населения Дона [19]. Автор проанализировал проблемы арендования наделов земли у крупных собственников посредством Крестьянского поземельного банка.

Перечисленные выше труды о региональных кредитных заведениях отличаются немногочисленностью. Эти работы в большей мере носят описательный характер региональной экономической конъюнктуры. Какой-либо ценной информации для изучения местных отделений коммерческих и государственных банков в таких работах практически нет.

В целом дореволюционная историография формирования и развития российской банковской системы характеризуется трудами, освещающими разные проблемы функционирования кредитных учреждений на рубеже XIX - XX вв. Большинство работ подтверждают наличие существования коммерческих операций у разного рода пореформенных банков без глубокого анализа. Некоторые банковские вопросы не освещались в трудах отечественных авторов. Например, малочисленностью отличаются монографии, характеризующие организацию коммерческих операций региональных кредитных заведений.

Советский период в историографии, как и дореволюционный, выделяется исследованиями разных банковских аспектов.

Так, фактически единственной работой, отражающей общие банковские вопросы по истории формирования и развития кредитно-финансовой системы в пореформенной России, является монография И.Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1862-1892 годы)» [17]. Хотя в большей мере этот труд представляет собой анализ кредитных операций Государственного банка в 60-80-е годы XIX века, автору также удалось на основе статистических и других материалов проанализировать всю правительственную политику в отношении частных банков и кредитных структур почти за весь период.

Довольно большой комплекс советских исследований был направлен на изучение частных вопросов в функционировании дореволюционного отечественного кредитования.

Так, в 1922 г. была опубликована монография «Аграрный вопрос и аграрная политика» «советского» экономиста Б.Д. Бруцкуса, которого в этом же году выслали из страны за либеральные убеждения в построении отечественной экономики [12]. Он от-

мечал, что решению задач, поставленных перед Крестьянским поземельным банком, мешал открывшийся в 1885 году Дворянский земельный банк. Правительство стало финансировать в основном только его деятельность [12, с. 68]. Соответственно, это кредитное учреждение при поддержке государства предоставляло огромные льготы дворянам для сохранения собственного хозяйства. В результате чего падало предложение на помещичьи земли, поэтому уменьшались и покупки этих имений крестьянами [12, с. 43].

Продолжением изучения деятельности Крестьянского банка является работа Д.А. Батуринского «Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк» [5]. Автор данной работы проанализировал его деятельность в 1883-1916 годы, представил ценные статистические сведения о посреднических и ссудных операциях этого государственного учреждения. Стоит отметить, что Д.А. Батуринский в рамках марксистко-ленинской идеологии негативно оценивал всю деятельность этого кредитного учреждения, как государственного органа, действовавшего в интересах дворянского сословия. Какие-либо положительные стороны ссудных операций этого банка в данной работе не отмечены.

Монография Я.И. Лившина «Монополии в экономике России» включает анализ распространения капиталистических отношений в Российской империи [27]. Автор подробно освещал вопросы, касавшиеся сращивания банковского и промышленного капиталов.

Также аспекты монополистического капитализма рассматривались В.И. Бовыкиным. Опубликована целая серия работ по данной тематике [7; 8; 9; 10; 11]. По мнению учёного, одними из ключевых моментов появления этого исторического явления являлись весьма тесные отношения иностранных и отечественных банков в кредитовании российской промышленности в пореформенный период [7, с.286].

Другой исследователь В.Я. Лаверычев изучал особенности проникновения финансово-кредитного капитала в текстильную промышленность [26]. В отличие от других советских авторов, этот исследователь отмечал тот факт, что в основном только московские банковские учреждения кредитовали текстильные заведения, а петербургские банки - нефтяные, металлургические отрасли народного хозяйства [26, с. 32].

В 1970-80-е годы были опубликованы монографии, отражающие малоизученные стороны функционирования кредитных учреждений. Например, исследователь В.С. Дякин, на основе статистических архивных материалов, изучал некоторые стороны деятельности Крестьянского поземельного банка в начале XX века [21], Л.Е. Шепелев сконцентрировал внимание на законодательстве Российской империи в отношении деятельности Государственного банка [42].

Некоторые вопросы формирования и развития капиталистических отношений были рассмотрены в монографии Г.Р.Наумовой «Российские монополии (источниковедческие проблемы)» [32]. На основе банковской документации, исследователем было отмечено, что кредитные учреждения выступали векселедержателями и залогодержателями в отношении многих отечественных торгово-промышленных кругов.

Таким образом, приведённые выше работы по частным вопросам российской финансово-кредитной деятельности во второй половине XIX-начале XX веков, в основном характеризуются изучением двух банковских вопросов - Крестьянский банк и монополистический капитализм. По причине идеологического курса в большинстве советских исследований царские кредитные учреждения выступали в качестве пособников дворян и буржуазии в эксплуатации крестьян и рабочих. Но несмотря на это, такие работы содержат ценную статистическую информацию по проводимым ссудным операциям дореволюционных банков.

Также советская историография представлена трудами по региональным особенностям банковских заведений. Среди работ, посвящённых деятельности государственных учреждений в российских губерниях, выделяется монография И.П. Хлыстова «Дон в эпоху капитализма» [40]. Автор исследовал вопросы экономического развития Области Войска Донского в пореформенный период, особо обратил внимание на процесс распространения капиталистических отношений среди помещиков и крестьян, где активную роль играли разные государственные кредитные структуры (Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки). Но надо отметить, что в работе содержатся сведения о торговой деятельности жителей Дона, но анализ структуры и разного рода операций местных банков практически не был отражен.

Исследователь Э.Г. Алавердов изучал роль банков, в том числе и донских, в организации и кредитовании хлебной торговли через южные порты России [2]. Он рассматривал появление монополистического капитализма в среде хлеботорговых фирм, в кредитовании которых играли заметную роль многие донские кредитные струк-

туры. Это работа ценна тем, что в ней учёный проанализировал вопросы отношений банковского капитала и местных купцов, исследовал процесс превращения банков в собственно самих торговцев хлебом, которые выкупали зерно у мелких лавочников и затем его реализовывали.

Если подвести итог, советские труды по региональным вопросам банковской системы характеризуются краткими сведениями о существовавших дореволюционных местных кредитный учреждений. Если и давалась какая-либо информация о кредитных учреждениях, то она была связана с такими понятиями как «монополистический капитализм», «промышленно-банковские отношения». Таким образом, вопросы изучения региональных особенностей местных банковских систем среди советских авторов имели второстепенное значение.

В целом советская историография сосредотачивала своё внимание на проблемах проникновения банковского капитала в торгово-промышленную сферу народного хозяйства. Однако в меньшем объёме изучались особенности функционирования местных банковских учреждений, роль кредитных учреждений в стимулировании капиталистических отношений в регионах Российской империи, кредитно-финансовая деятельность городских общественных банков.

В 1990-2000-е годы выходит ряд научных изданий, посвященных различным аспектам банковской деятельности.

Некоторые из таких современных исследований посвящены общим вопросам развития банковской сектора экономической системы России в конце XIX-начале XX веков [37; 33; 23].

Однако для этих работ характерен упрощённый и краткий анализ деятельности кредитных заведений. Например, Е.В. Кисмина и Н.А. Благочинова затронули некоторые вопросы функционирования банков на территории Российской Империи [23], но по большёму счёту их работа сводилась к констатации факта существования разных государственных кредитных учреждений. При обзоре деятельности Крестьянского поземельного банка не совсем ясна роль этого учреждения в создании частновладельческих хозяйств после проведения аграрной реформы П.А.Столыпина.

Также в современной российской историографии особое место занимают научные труды, связанные с отдельными сторонами отечественной системы кредитования.

Так, исследователь Н.В Самарина в работе «Донская буржуазия в период империализма (1900-1914)» касалась отдельных проблем кредитования российских предпринимателей [36].

Исследования С.А. Саломатиной и Н.А. Проскуряковой также посвящены частным вопросам дореволюционного банковского развития. Например, С.А. Саломатина в монографии «Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864-1917» проанализировала массовые операции частных коммерческих структур на основе ранее неизученных финансовых статистических данных [35]. По мнению исследователя, опираясь на архивные сведения, можно объяснить и многообразие коммерческих банков в России во второй половине XIX-начале XX веков.

Н.А. Проскурякова в своём исследовании «Ипотека в Российской империи» коснулась малоизученных вопросов банковской системы Российской империи [34]. Её исследование было направлено на изучение отечественной ипотечной банковской системы в пореформенный период. Н.А. Проскурякова проанализировала основные формы, организацию и основные операции отечественных кредитных земельных учреждений. Работа подкреплена статистическими архивными данными по ипотечным банкам.

Вышеперечисленные труды, посвящённые отдельным особенностям кредитно-финансовой системы в пореформенной Российской империи, расширяют представления о российской системе государственного и частного ипотечного кредитования, дополняют сведение о банковской поддержке отечественных торгово-промышленных кругов.

В последнее время стали опубликоваться немало работ, посвящённых изучению губернских банковских организаций Российской империи [38; 24; 39]. Появилась возможность проанализировать местные методики кредитования дворянских и крестьянских имений, что необходимо для изучения всей системы народного хозяйства России в пореформенный период.

Так, С.А. Фролов рассматривал вопросы государственного ипотечного кредитования. Например, в статье «Крестьянский поземельный банк и аграрная реформа П.А.Столыпина в Тамбовской губернии (1906-1916)» исследуется влияние столыпинской аграрной реформы на организационные и функциональные особенности Крестьянского банка [39]. Но для объективного анализа позитивных и отрицательных сторон государственного крестьянского кредитования, ему необходимо было бы сравнить ипотечные операции Крестьянского банка с подобными операциями коммерческих кредитных земельных учреждений в указанный период.

В исследовании С.В. Людневой «История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914)» рассматривались некоторые вопросы функционирования банковских организаций северокавказского региона в пореформенные годы [28]. Помимо анализа губернских отделений Крестьянского и Дворянского банков и анализа местных коммерческих кредитных заведений, в том числе влиятельного Азовско-Донского акционерного банка, она обратила внимание и на организационные формы учреждений мелкого кредита. Кроме того, затронута проблема проникновения банковского капитала в каменноугольную промышленность.

Одной из монографий, посвящённых губернским государственным и негосударственным кредитным учреждениям, является исследование В.В. Морозан «Деловая жизнь на юге России в XIX-начале XX века» [31]. Автор это труда рассмотрел отношения между деловыми кругами Южной России и банковскими заведениями в пореформенное время. В этой монографии исследователь осветил важные стороны развития правительственных и частных кредитных учреждений, которые играли заметную роль в финансировании и кредитовании донской промышленности и торговли, однако почти не были затронуты операции ипотечных финансовых структур. Возможно, анализ таких кредитных учреждений и не входил в исследовательские задачи этого учёного при написании подобного труда.

Обозначенные выше новые отечественные труды по истории региональных банковских систем отличаются новизной изучения в рамках всей современной российской историографии. Исследуются статистические данные, отчёты, нормативные акты разных кредитных организаций, которые характеризуют специфические и общие черты губернских банковских систем в рамках единой государственной финансово-кредитной структуры. Все эти сведения расширяют представления о развитии банковского дела на территории Российской империи во второй половине XIX- начале XX веков.

Проанализировав труды современных российских авторов по банковской тематике, можно сделать вывод, что научный интерес исследователей вызывали разные вопросы банковского функционирования в пореформенные годы. Это проблемы производства массовых коммерческих банковских операций, вопросы формирования системы ипотечного кредита, аспекты функционирования региональных кредитных структур и многие другие. Подобные исследования существенным образом дополняют представления о становлении и развитии отечественной банковской системы.

Таким образом, вся историография формирования и развития банковской системы Российской империи во второй половине XIX-начале XX веков характеризуется исследованиями, отличающимися друг от друга разной степенью изученности тех или иных аспектов отечественных финансово-кредитной учреждений. Например, в дореволюционной историографии большинство работ посвящены вопросам функционирования Государственного банка. В советский период преобладали труды о государственном ипотечном земельном кредитовании и особенностях отечественного монополистического капитализма. В современной России всё больше появляется литературы о формировании и развитии местных ячеек банковской системы нашей страны в пореформенный период. Однако до настоящего времени исследователями не были подробно проанализированы такие стороны отечественного банковского сектора, как система мелиоративного кредита и деятельность сельских банков. Работы по истории кредитных учреждений в Области Войска Донского также весьма малочисленны и малоизученны.

Список литературы

1. Ададуров И.Е. Подтоварный кредит в коммерческих банках. Теория и практика. Выпуск 2 СПб. : Издание кн. склада «Книжная литература», 1912. 155 с.

2. Алавердов Э.Г. Роль банков в организации экспортной торговли хлебом через южные порты России в конце XIX начале XX веков // Вопросы истории и филологии. Ростов-на-Дону, 1974. С. 89-95.

3. Балуев П.С. Исторические и статистические описания станиц и городов, посещаемых г. военным министром при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году. Новочеркасск : Обл. Войска Донск. тип. 1900. 260 с.

4. Барклай-де-Толли Э. Общества Взаимного Кредита: Учреждение.Организация. Ведение дел. СПб.: Издание М. В. Кечеджи-Шаповалова: Кн. склад Т-ва «Улей», 1912. 103 с.

5. Батуринский Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М.: «Новая деревня», 1925, 142 с.

6. Бернацкий М.В. Русский государственный банк как учреждение эмиссионное: Из лекций, читанных в СПб. Полит. Ин-те. СПб.: Тип. Шредера, 1912. 81 с.

7. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во МГУ, 1967. 290 с.

8. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М.: Наука, 1984. 278 с.

9. Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.:Наука,1988.155 с.

10. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 320 с.

11. Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX-начало XX в. М.: «Российская политическая энциклопедия»(РОССПЭН), 1999. 256 с.

12. Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. СПб.: «Право»,1922. 235 с.

13. Варшавский Л.М. Банки и банкирские конторы Российской Империи. М.: Т-во Типо-Литогр. И. М. Машистова, 1910. II, 211 с.

14. Вознесенский Е.П. Операции коммерческих банков. СПб. : Изд. М. В. Кечеджи-Шаповалова: Кн. склад Т-ва «Улей», 1914. 192 с.

15. Гандер К.В. Текущие счета Государственного банка и чековое обращение. Петроград: Тип. Ред. Период. Изд. М-ва Фин, 1916. 27 с.

16. Герценштейн М.Я. Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и сберегательные. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1904. VIII, 128 с.

17. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1862-1892 годы). М., Госфиниздат, 1960. 415 с.

18. Голубев А.К. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. (Год первый). СПб. 1896. 254 с.

19. Греков А.М. Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской Области. Таганрог: Типография Чумаченко К.Д., 1905. 150 с.

20. Гурьев. А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб. : Типо-литогр. «Якорь», 1904. 250 с.

21. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л. : Изд-во Наука, 1978. 248 с.

22. Залшупин А.С. Вопросы банковой политики: к реформе денежного обращения. СПб. : Тип. В. С. Балашов и К°, 1896. 147 с.

23. Кисмина Е.В., Благочинова Н.А. Государственные банки в системе кредита Российской Империи второй половины XIX-XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (115). С. 103-111.

24. Костылева Е.Н. Из истории деятельности Государственного Дворянского земельного банка в 1885 - 1917 гг. (по материалам Рязанской губернии) // Вестник Томского Государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 29-32.

25. Краснов Н.В. Систематический свод распоряжений Государственного Банка по операции учёта векселей». Петроград: Типография I. Г.Ватсар, Садовая ул., № 35, 1914.120 с.

26. Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900 - 1917). М.: Изд-во МГУ, 1963. 423 с.

27. Лившин Я.И. Монополии в экономике России. М., Изд-во социальной-экономической науки, 1961. 446 с.

28. Люднева С.В. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914) // Автореф. дисс. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Пятигорск. гос. тех. Университет. Пятигорск, 2005. 24 с.

29. Мигулин П.П. Русский сельскохозяйственный банк: к вопросу о нуждах нашей сельско-хозяйственной промышленности. Харьков : Типо-литогр«Печатное Дело»,1902. 40 с.

30. Мигулин П.П. Наша железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893-1902). Харьков: Типо-литогр. «Печатное Дело», 1903. 373 с.

31. Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX-начале XX века. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014 . 616 с.

32. Наумова Г.Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М., 1984. 120 с.

33. Оселедец В.М., Кожура О.М. История развития ипотечного кредита в дореволюционной России // Сибирская финансовая школа. 2004. № 3. С. 105-108.

34. Проскурякова Н.А. Ипотека в Российской империи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 737 с.

35. Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864-1917 годы. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 304 с.

36. Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900-1914). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 160 с.

37. Соколов Б.И., Топровер И.В. Банковская система Российской Империи во второй половине XIX-начале XX века // Вестник СПбГУ. 2002. сер. 5. вып. 1 (№ 5). С. 125-132.

38. Фролов С.А. Историко-правовые основы залога земли сельскохозяйственного назначения в России (на примере Дворянского банка 1885 - 1917 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013,.специальный № 44. С. 139-142.

39. Фролов С.А. Крестьянский поземельный банк и аграрная реформа П.А.Столыпина в Тамбовсой Губернии (1906-1916 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2015. № 1(55). С. 185-188.

40. Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. Ростов -на-Дону. 1962. 331с.

41. Хрулев С.С. Финансы России в связи с экономическим положением ее населения. 2-е изд., доп. СПб., 1909. 296 с.

42. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики.Л.: Изд-во Наука, 1981. 275 с.

43. Шипов А. Реформа нашей кредитной системы с установлением наибольшей правильной свободы банков или устранения давлений плутократии/А. Шипов. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1874. IV, 156 с.

Об авторе

Горбик Константин Александрович – аспирант, кафедра философии и истории Отечества, Ростовский государственный университет путей сообщения, gorbik.konstantin@mail.ru

УДК 93

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕНОСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

Григорова В.А.

В статье анализируется история развития мелкой кустарной промышленности Черноземного юга России в период становления монополистического капитализма. Автор охарактеризовала отдельные направления социальной и экономической трансформации мелкотоварного производства в эпоху революций, Гражданской войны и первых лет Советской власти. Исследуется процесс кооперирования мелких товаропроизводителей, который регламентировался со стороны центральных и местных органов государственной власти. Выявляются результаты государственной политики в сфере мелкотоварного производства в период монополистического капитализма. Обобщаются причины сосуществования кустарной и крупной фабрично-заводской промышлености.

Ключевые слова: кустарная промышленность, кустарные промыслы, мелкие товаропроизводители, кустари, Черноземный юг России, монополистический капитализма, причины сосуществования кустарной и крупной промышленности.

DIRECTIONS OF THE TRANSFORMATION OF HANDICRAFT INDUSTRY IN THE EARLY 20th CENTURY

Grigorova V.A.

The article analyzes the history of the development of small cottage industries Chernozemnogo southern Russia in the period of monopoly capitalism. The author described the individual areas of social and economic transformation of the small-scale production in the era of revolutions, the Civil War and the first years of Soviet power. We study the process of cooperation of small producers, which is regulated by the central and local public authorities. Revealed the results of the state policy in the sphere of small-scale production in the period of monopoly capitalism. Summarizes reasons for the coexistence of artisanal and large-scale factory industry.

Keywords: cottage industry, handicrafts, small producers, artisans, Black Earth south of Russia, monopoly capitalism, the reasons for the coexistence of artisanal and large-scale industry.

На рубеже XIX – XX веков кустарная промышленность Черноземного юга России вступила в новый этап своего развития, связанный с ее переходом к индустриальной форме развития. Революции, появление в стране Советской власти, обуславливали социально-экономическую трансформацию кустарных промыслов, которая исследовалась в исторической литературе лишь поверхностно.

Обозначенная тема актуальна в современных условиях развития в России частного предпринимательства и формирования «среднего класса» предпринимателей. Прежде всего исследование его глубинных истоков, связанных с промыслами позволяет выявить эффективные средства регулирования и стимулирования развития мелкотоварного производства в целом. В частности, умелое использование опыта реализации кустарно-промышленной политики в начале XX века может представлять ценность при разработке законопроектов и целевых программ по поддержке малого предпринимательства сегодня.

В период империализма, мелкая кустарная промышленность России продолжала развиваться наряду с крупной промышленностью. В ней было занято свыше 4 млн. крестьян, которые по-прежнему сочетали промысловую и земледельческую виды деятельности. В региональном масштабе удельный вес мелкой кустарной промышленности в производстве валового продукта составлял 40,8% от показателей промышленного производства Черноземного юга России. Причем занятость рабочих в ней равнялась 83,4% от общей занятости местного населения на всех предприятиях. [1, 246. 2, 548-549, 632-633]

В начале XX века развитие кустарной промышленности было противоречивым. С одной стороны, наблюдался процесс ее вытеснения крупным производством. Происходило это в условиях концентрации и монополизации ряда промышленных отраслей, когда мелкие предприятия поглощались более устойчивыми крупными предприятиями, с которыми они не могли выдерживать конкуренцию. С другой стороны, отмечалось дальнейшее развитие кустарных промыслов, связанное с ростом аграрного перенаселения в сельской местности и переходом крестьян от земледелия к промысловым занятиям.

Причины сосуществования мелкой кустарной и крупной промышленности в эпоху монополистического капитализма изменились. Если в пореформенный период они заключались во взаимной заинтересованности кустаря и владельцев предприятий, то в начале XX века кустари сохраняли производство благодаря увеличению продолжительности рабочего дня, сокращению собственных потребностей, вовлечению в промысел членов своей семьи. К тому же преимуществом для кустаря была возможность сочетания

промыслового и сельскохозяйственного видов деятельности. Это всегда предоставляло кустарю дополнительный источник к существованию. В эпоху революций, Гражданской войны и первых лет Советской власти они разделялись на две категории. К первой относились кустари, которые сохраняли относительную производственную самостоятельность. Вторую категорию составляли наемные работники-надомники, попадавшие в зависимость от перекупщиков, которые диктовали свои условия и цены на кустарные изделия.

Помимо изменения социального состава непосредственных товаропроизводителей и причин сосуществования мелких и крупных промышленных предприятий, в России в начале XX века происходило кооперирование кустарей, связанное с переоценкой системы управления мелкотоварным производством в результате Октябрьской революции в России.

В основу системы был положен ленинский кооперативный план, который определял пути развития кустарной промышленности в целом и ее отдельных промыслов [3, с.103]. Первые меры государственной политики заключались в ликвидации существовавших в то время промысловых и промышленных заведений для осуществления в будущем их социализации, которая предполагала создание новых кооперативных объединений, состоящих из мелких заведений, изготавливавших кустарные изделия.

Согласно резолюциям и постановлениям VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 года кооперирование мелкотоварного производства предполагало несколько направлений. Объединение непосредственных производителей должно было осуществляться путем:

- выдачи государственных заказов кустарям;
- включения кустарной промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом;
- оказания финансовой поддержки кустарной промышленности при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы;
- поощрения кооперированных объединений в виде артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий [4, с.127,129].

Следующей мерой государственной политики нового руководства страны явился созыв Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) в качестве органа управления и регулирования основными отраслями промышленности. Он являлся первым центральным органом советской власти по регулированию народным хозяйством государства. При каждом отделе создавалась комиссия, в состав которой входили представители от рабочего класса. ВСНХ начал действовать с декабря 1917 года [5, с.51-52].

Высший совет народного хозяйства имел широкие полномочия. Он занимался не только планированием хозяйственной политики, но и регулированием, а также организацией хозяйства в целом [6, с.82-83; 7, с.77-85]. В функции ВСНХ входила разработка общих норм регулирования промышленности в масштабах страны, объединение и согласование деятельности местных совнархозов и промышленных наркоматов.

ВСНХ подчинялись местные Советы народного хозяйства (СНХ или совнархозы), возникшие на территории государства в период с конца декабря 1917 по январь 1918 года. Губернские, уездные и районные СНХ являлись государственными органами территориального управления промышленностью и строительством в СССР. В свою очередь районные были представленны несколькими объединенными губерниями.

В декабре 1918 года в числе подразделений ВСНХ и ГСНХ были созданы специальные отделы, которые контролировали развитие кустарных промыслов в государстве. В дальнейшем они были преобразованы в Управление по делам кооперации, мелкой и кустарной промышленности, и «Кустпромы» на местах. Обозначенные органы заведовали вопросами кооперативного строительства в сфере мелкого промышленного производства. Они подчинялись отделу кустарной промышленности Народного комиссариата земледелия, созданного в марте 1918 года из числа сотрудников бывшего ведомства при Министерстве земледелия.

В следующем 1919 году в результате слияния кооперативного и кустарного отделов ВСНХ было образовано единое Управление по делам кооперированной, кустарной и мелкой промышленности (кустарно-кооперативное управление) с целью увеличения продолжительности кооперирования кустарей в артели.

Объединенный орган наделялся полномочиями по организации производственного процесса кустарей-одиночек и артелей, путем оказания содействия в решении сырьевых, производственных и сбытовых вопросов.

Помимо обозначенных центральных и местных органов власти в сфере промышленности новым руководством страны создавались отраслевые главки промышленности. Они подчинялись президиуму ВСНХ. В сентябре 1918 насчитывалось 18 различных главков, созданных на базе ранее существовавших дореволюционных

органов управления промышленностью. Одним из них был Главтекстиль, контролирующий развитие текстильной отрасли промышленного производства, выделившаяся в отдельную самостоятельную отрасль производства. Также существовали Главкожа –орган отраслевого управления в сфере кожевенного производства, Губметалл, Главсахар, Главторф и другие.

Главки наделялись широкими полномочиями. Они выписывали наряды каждому государственному предприятию на получение сырья и полуфабрикатов, принимали произведенную предприятиями продукцию. Также имели право отстранить директоров фабрик и заводов по личному усмотрению. Самым важным являлся финансовый контроль, устанавливающийся по отношению к предприятиям. Представители главка имели возможность производить любые расходы за счет предприятий. Госпредприятия получали и сырье, и полуфабрикаты только по нарядам соответствующего главка и сдавали ему всю произведенную продукцию.

В годы Гражданской войной, вплоть на начала Новой экономической политики в непосредственное подчинение ВСНХ передавались не только крупные предприятия, но и средние, и мелкие. Местные кустарные производства находились в ведении Главного управления кустарной промышленностью ВСНХ. [16, с.35-39]

В те годы деятельность всех предприятий страны, в том числе кустарных, подчинялась строгой регламентации. Они работали по плановым заданиям и правительственным нарядам. Снабжение промышленности топливом, сырьем и материалами осуществлялось централизованно (без денежной оплаты) по ордерам [15, с. 54].

На территории Черноземного юга России практическая реализация деятельности местных органов управления кустарной промышленностью соответствовала российским тенденциям [17, с. 20-25]. Она выражалась в отдельных региональных мерах. Одной из них явилось создание кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, взаимодействовавших между собой на основе разработанного устава. Например, в веревочном производстве появились кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, занимавшиеся обработкой бечевы. Подтверждением может служить документ - «Сведения о закупленной пеньке и пакле Курской конторой Главпродукта на 15 июня 1919 года и ведомость о пеньке Курского союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, направленной на переработку со складов на 1 июня 1919 года». В нем указывались Смородинское, Ольховатское, Поныревское, Фатежское товарищества, входившие в состав Главпродукта, которые находились в тесном сотрудничестве с товариществами других губерний по решению производственных и сбытовых вопросов [8, с.1].

Второй мерой реализации государственной политики в регионе было создание Лавочных комиссий, подведомственных Центральному Правлению. Они контролировали торговлю изделиями кустарного производства. В центре их внимания были вопросы, связанные с расценкой товаров и с торговой отчетностью лавок. Представители комиссий следили за получением товаров, приобретением и распределением сырья, наймом и увольнением служащих.

Оценить результаты деятельности Лавочных комиссий представляется затруднительным. Учитывая практическую пользу, нельзя отвергать и документальные свидетельства о том, что их работа не имела серьезных результатов. Подтверждением могут служить «Протоколы общих собраний членов потребительских обществ» за период с 6 по 11 сентября 1919 года [9, с.10].

Однозначным представляется установление государственного контроля за осуществлением кооперирования кустарей Черноземного юга России в годы Советской власти. Это проявлялось в попытках со стороны органов государственной власти регулировать осуществление производственного процесса. Например, согласно «Переписки с Суджанским уездным совнархозом о заготовке и учете пеньки», 7 февраля 1920 года уполномоченный Пенькобюро Центротекстиля ВСНХ при Курском губернском Совете Народного Хозяйства запретил производить переработку материала на бечеву и дальнейшую ее заготовку без разрешения Пенькобюро». Причем при Совнархозе предлагалось создать специальный закупочный пункт для заготовки пеньки сырцом [10, с.24].

Контролировалась и сдача произведенного сырья. Важно обозначить, что процесс разверстки был непоследовательным. Отсутствовали критерии количества сдачи. Например, согласно «Протокола заседания комиссии по рассмотрению расчетов Губернского совета народного хозяйства с Губернским союзом о сборе пеньки по разверстке 1920 года» в Курской губернии постоянно сдавали разное количество пеньки [11, с.2-5].

Установление государственного контроля за осуществлением кооперирования кустарей выражалось и в регулировании темпов кооперирования кустарного производства. Подтверждением служат документы Единого Потребительского Общества (ЕПО). В соответствии с ними в 1920 г. членам Правления и заведующим отделами Курского ЕПО было дано указание увеличить темпы

кооперирования кустарного производства и принять меры для его подъема, вплоть до улучшения качества питания членов коопераций [12, с.38].

Важно заметить, что процесс кооперирования кустарей был непоследовательным. Создаваемые производственные отделы не имели четкой программы, регулирующей направления их деятельности. Зачастую нигде не фиксировалось наименование предприятий, закрепленных за отделами. Распоряжения на местах практически не выполнялись. В результате многие кустари остались некооперированными. В качестве подтверждения можно привести данные сельскохозяйственной переписи за 1920 год, анализ которых позволил высчитать, что в Курской губернии числилось 86 артелей кустарей и 45 710 кустарных хозяйств [13, с. 242-249]. Причем кустари некооперированные осуществляли сбыт изготовленной продукции, независимо от монополизации государством. Они нелегально торговали как разрешенными к реализации товарами, так и монополизированными государством продуктами. Эту нелегальную торговлю пытались пресечь местные органы власти путем введения наказаний. Но несмотря на угрозу заключения виновных в концентрационный лагерь или передачу их в ЧК и ревтрибунал, изменить ситуацию в лучшую сторону так и не удалось [14]. Объяснением может служить невозможность обеспечения полного контроля всего рынка и мелкого кустарного производства со стороны Советской власти в короткий срок.

В последствии промышленная кооперация Центрально-Черноземной области получила значительный толчок к своему развитию, который усилился одновременно с районированием области, образованием в системе промышленной кооперации ряда районных промысловых союзов и организации областного объединения промышленной кооперации - облпромсоюза. В результате было образовано 17 межрайонных промсоюзов. Среди них шесть приходилось на межрайонные специальные союзы и одиннадцать - на много промысловые союзы.

К межрайонным специальным союзам относились такие союзы как Воронежский - кожеобувной, Елецкий - кружевной, Рассказово - трикотажный и другие. Межрайонные многопромысловые союзы были образованы в Воронеже, Тамбове, Орле и некоторых других крупных центрах. Существовал также Центрально-Черноземный союз промышленной кооперации. Облпромсоюз Центрально-Черноземной области был образован 1 апреля 1930 года. Его деятельность распространялась на всю территорию Центрально - Черноземной области. Союз осуществлял руководство всей деятельностью системы промышленной кооперации области в организационном, оперативно-финансовом и производственном отношении.

Таким образом, трансформация кустарной промышленности в начале XX века заключалась в социальных и экономических изменениях, связанных с кооперированием мелких товаропроизводителей. Оно предполагало создание объединений из кустарей-одиночек и их мелких промышленных заведений, которое до введения НЭПа осуществлялось на добровольных началах. Практические результаты реализации государственной политики по кооперированию кустарей были противоречивы. С одной стороны, проводимая политика способствовала росту кустарного производства через меры государственной поддержки в виде содействия в решения сырьевых, производственных и сбытовых вопросов. С другой стороны - препятствовала развитию частной инициативы мелких товаропроизводителей в результате действия системы запретительных мер.

В современных условиях негативных проявлений государственной политики в сфере предпринимательства, признанной основной эффективного экономического роста государства, опыт развития кустарной промышлености в начале XX века имеет практическую значимость. Учет его положительных и отрицательных сторон поможет избежать ошибок при разработке мер по поддержке мелкого бизнеса и активизации частной инициативы индивидуальных предпринимателей сегодня.

Список литературы

1. Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Кн. 1. Воронеж, 1931. С. 246.
2. Статистический справочник облплана Центрально-Черноземной области «Районы ЦЧО». Воронеж, 1930. С. 548-549, 632-633.
3. Русские художественные промыслы второй половины XIX–XX вв. Отв. ред. изд. Э.В. Померанцева. М., 1965. С. 103.
4. Резолюции и постановления VIII съезда РКП(б) (Извлечения) // Образование и развитие Союза Советских Социалистических республик. (в документах). М., 1973. С. 127–129.
5. О высшем совете народного хозяйства. Декрет Всероссийской центральной исполнительной комиссии // Образование и развитие Союза Советских Социалистических республик (в документах). М., 1973. С. 51–52.

6. Проект закона о рабочем контроле и регулировании, внесенный советом фабрично-заводских комитетов в комиссию труда // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 82–83.

7. О рабочем контроле. Декрет. 14 ноября 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т.1. С. 77–85.

8. Государственный архив Курской области (ГАКО), ГАКО, ф. Р-197, оп. 1, д. 5, л. 1.

9. ГАКО. –Ф. Р-367. - ОП. 1. – Д. 1. – Л. 10.

10. ГАКО. – Ф. Р-197. - ОП. 1. – Д. 2. – Л. 24.

11. ГАКО. – Ф. Р-321. – ОП. 1. - Д. 1031. – Л. 2–5.

12. ГАКО. – Ф. Р-367. – ОП. 1. – Д. 4. – Л. 3.

13. Итоги сельскохозяйственной переписи Курской губернии 1920 года: таблицы абсолютных и относительных и средних величин основных элементов сельского хозяйства. Курск, 1923. С. 242–249.

14. Ямпольская Г.А. «Военный коммунизм» на территории Воронежской и Курской губерний: складывание и функционирование военно-хозяйственной диктатуры: автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2011. // [Электронный ресурс].

15. Душкова Н.А., Григорьева Н.Н. Великие реформы и изменение социально-политического облика российского предпринимателя // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2008. Т. 4. № 6. С. 53-56.

16. Душкова Н.А., Григорова В.А. О некоторых направлениях государственной политики в сфере мелкотоварного производства в прошлом и настоящем //Современная научная мысль. 2016. № 2. С. 32-39.

17. Григорова В.А. Исторический опыт эволюции налоговой системы России и развитие кустарных промыслов Черноземного юга в условиях модернизационного процесса (XIX в.) //Современная научная мысль. 2015. № 6. С. 20-25.

Об авторе

Григорова Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Воронежский государственный технический университет, vagrigorova@rambler.ru

УДК 94(47).083

ДОСУГ СТОЛИЧНОЙ КУРСИСТКИ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ[2]

Громова А.И.

Данная статья посвящена обзору основных форм досуговой деятельности курсисток Петербурга и Москвы конца XIX – начала XX веков. Предполагается охарактеризовать женщин–учащихся высших учебных заведений как особую социальную группу, выделить основной вектор их духовных запросов и культурных потребностей.
Ключевые слова: русская курсистка, досуг, повседневность, культура, женское образование.

LEISURE ACTIVITY OF METROPOLITAN GIRL STUDENTS IN RUSSIA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Gromova A.I.

This article is dedicated to an overview of the main forms of leisure activity of the girl students of St. Petersburg and Moscow at late 19th – early 20thcentury.The author attempts to characterize the female university students as a distinct social group, emphasize their spiritual interests and cultural needs.
Keywords: Russian girl student, leisure activity, daily, culture, women's education.

Женское образование в Российской империи развивалось по долгому и сложному пути. Высшие учебные заведения для женщин начинают создаваться во второй половине XIX века. Первыми из них считаются курсы профессора Герье, открытые в 1872 году в Москве. Высшие женские (Бестужевские) курсы, ставшие фактически первым в России женским университетом, начали свою работу в 1878 году в Санкт-Петербурге [20, с. 216]. Уже в начале XX века в России было открыто 25 высших учебных заведений для женщин [12, с. 39].

В это время начинает формироваться совершенно новый для российского общества тип женской учащейся молодежи как особой социальной группы со своими культурными потребностями и духовными запросами. Цель данного исследования – сквозь призму основных форм досуговой деятельности курсистки получить характеристику духовного облика учащейся столичного высшего учебного заведения в Российской империи конца XIX – начала XX века. На материале источников личного происхождения, оставленных московскими и петербургскими курсистками, а также статистических данных и прессы предполагается выявить, что столичные курсистки представляли собой достаточно консервативную социальную группу с высокими культурными запросами, тяготением к серьезному искусству, развитым эстетическим вкусом и потребностью в духовном самосовершенствовании.

Прежде всего нужно отметить, что одним из мотивов поступления на курсы для девушек, помимо желания заниматься наукой, было стремление к свободе и независимости. Провинциалки тем самым получали возможность уехать в столицу, жить отдельно от родителей, с которыми у них нередко были натянутые отношения из-за жизненных установок девушек, выбивавшихся из социально приемлемой колеи. Например, у Елизаветы Дьяконовой были очень сложные отношения с матерью, которая длительное время категорически противилась ее учебе на курсах. «До совершеннолетия я была так занята одною мыслию - поступить на курсы, вечной борьбой с матерью, отстаивая каждый свой шаг от её самодурства и деспотизма» [8, с. 504], - вспоминает она. «Поступила на курсы потому, что это был самый удобный предлог уехать из дома» … «А главное уйти от серой домашней обстановки» [17, с. 80], - ответ одной из бестужевок на вопрос анкеты о мотивах поступления на курсы. Провинциальный образ жизни, с минимальными возможностями духовного роста, выбора жизненных стратегий и удовлетворения эстетических потребностей, не устраивал девушек, стремившихся познать красоту и разнообразие окружающего мира. «Я наслаждалась красотою картин, музыки, пения, театра, красотою человеческой мысли в лекциях, разговорах и спорах, красотою природы и новой обстановки. Я ощущала свое Я. Почувствовала себя, как отдельное самостоятельное существо, имеющее право на жизнь, представляющее собою личность, обособленную, независимую в мыслях и чувствах, и главное, способную жить одиноко, независимо и свободно» [6], - пишет в своем дневнике Зинаида

[2] Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность»

Денисьевкая о времени обучения на Высших женских курсах и жизни в Москве.

В начале века еще сильны были традиционные представления о предназначении женщины. Девушек, которые стремились заниматься наукой, семья и общество, в особенности провинциальное, нередко считали «синими чулками». Поступая на курсы, они хотели обрести самостоятельность, сломать привычные рамки, не быть «барышнями». Л.Д. Менделеева (в замужестве Блок) вспоминает, что поступила на курсы ради того, чтобы получить «большую свободу, чем положение барышни, просто живущей дома и изучающей что-нибудь вроде языков, как тогда было очень принято» [1, с.53]. Писательница и критик А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала, как не смогла поступить на медицинские курсы, потому что правительство закрыло женские высшие школы сразу после того, как она окончила гимназию. Ходили слухи, что это делалось по желанию императрицы Марии Федоровны, которая считала, что естественные науки – неприличное занятие для девушек. «Точно сама царица осудила меня на бездельную жизнь деревенской барышни, когда мне полагается быть студенткой» [19, с.196-197], - вспоминает Тыркова-Вильямс.

Однако, даже уехав учиться и вырвавшись из-под родительской опеки, девушки не всегда могли в полной мере пользоваться свободой. Правила для проживающих в общежитии при курсах были довольно строгими: бестужевки могли принимать посетителей только в определенные часы, которые устанавливались директором и согласовывались с инспектриссой. При этом пройти в комнату могли исключительно дамы [13, с.8]. Княгиня Н.Т. Кропоткина вспоминает, как, поступив на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, жила в интернате при курсах и ее самостоятельность чувствовалась только в том, что у нее появились карманные деньги, которых раньше не было [11]. Детская писательница и журналистка Т.А. Богданович, которая училась на Бестужевских курсах в 1890-1895 годах, в общежитии чувствовала себя институткой под надзором воспитательницы. «Возвращаться мы должны были к 11 часам. Принимать гостей могли только в общей приемной. Если мы хотели пойти в театр, то должны были просить разрешения у заведующей» [2], - вспоминает она.

Поэтому многие курсистки стремились поселиться на частной квартире. Для этого нужно было предоставить в дирекцию согласие родителей, а при перемене места жительства слушательницы должны были сообщать новый адрес в канцелярию курсов.

Необходимо отметить, что досуг курсисток напрямую зависел от их материального положения и количества свободного времени. Обучение на курсах было платным. Например, плата за обучение на Бестужевских курсах составляла 100 рублей в год [13, с.3]. На бедность и нужду в средствах большинства курсисток указывают и статистические данные, и источники личного происхождения, и пресса. Данные переписи, выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 года среди слушательниц С. – Петербургских Высших женских (бестужевских) курсов, указывают на массовую малосостоятельность курсисток. Самым значительным источником дохода для курсисток была семья (52,5%) получали от нее полное содержание [17, с.27]. Но основная масса бестужевок принадлежала к небогатым или даже нуждающимся семьям [20, с.217]. Многим приходилось искать дополнительный заработок, который существенно мешал учебе и зачастую не оставлял времени на развлечения. Основными видами заработка были частные уроки, конторская и канцелярская работа, переводы и литературная работа, переписка и другие [17, с.38]. Однако при поиске заработка курсистки часто сталкивались с трудностями. При найме репетиторов курсисткам предпочитали студентов, а на конторскую работу и без курсисток было большое количество претендентов. Поэтому они вынуждены были искать другие источники дохода: служить в аптеках или даже поступать на фабрики [4, с.161]. В статье «Вопиющая нужда» из «Женского вестника» говорилось о том, что есть курсистки, которым приходится голодать, некоторые из них не могли себе позволить даже завтрак в буфете при курсах [4, с.161]. Как вспоминает Е.А. Васич, которая во время обучения на Бестужевских курсах и в женском медицинском институте находилась на полном обеспечении состоятельного отца, на курсах были очень нуждающиеся студентки, которые давали грошовые уроки, не доедали [3]. «Театры, концерты, выставки, даже публичные лекции – вся эта область искусств и науки (за пределами курсов) для нас недостижима, за недостатком средств и времени. Главное – денег нет!» [17, с.57] - пишет одна бестужевка в ответе на анкету статистического семинария.

Однако если многим курсисткам приходилось отказывать себе в еде, чтобы купить билет на концерт или спектакль, то были среди них и те, кто мог позволить себе благодаря средствам родителей частые и разнообразные развлечения. Например, Н.Т. Кропоткина, вспоминая о времени обучения на Екатерининских фельдшерских курсах, пишет: «учением мы занимались мало, <...>, мы все же больше развлекались и принимали посетителей». По подсчетам Кропоткиной, она в течение

2-х месяцев 30 раз была в театре, «правда, большей частью на галерке. С мамой приходилось ходить на хорошие места, так как она плоховато слышала и не желая проронить ни одного слова, ходила в партер» [11]. У Васич, в то время слушательницы литературного отделения Бестужевских курсов, был абонемент в Мариинский театр, в который было особенно трудно попасть.

Из всех видов искусств театр занимал особенное место в жизни дореволюционного студенчества и был, по точному определению А.Е. Иванова, «больше, чем досугом». «Интерес к искусству, и в особенности – театру, составлял основу самосознания студенчества как социальной группы с *особым* культурным горизонтом и, главное, «запросами», высокими духовными притязаниями» [9]. По данным статистического семинария, 94 % бестужевок охотно посещали театры и концерты [17]. О том, какое большое значение имел театр для курсисток и студенчества в целом, говорит содержание специализированных изданий для учащейся молодежи – таких журналов, как, например, «Студенческое дело» и «Студенческая жизнь». Одним из элементов содержания указанных изданий были обзоры театральных сезонов, изменения в составе театральных трупп, объявления о предстоящих спектаклях, а также статьи, посвященные памяти знаменитых артистов. В журнале «Студенческая жизнь» даже была специальная рубрика, которая так и называлась – «Театр».

Редкие воспоминания, мемуары или личные дневники курсисток обходились без упоминания о походах в театр и спектаклях, которые произвели на них особенное впечатление. Например, в дневнике Зинаиды Денисьевской содержится множество упоминаний о театральных, оперных и балетных постановках, которые она посещала. Происходившее на сцене вызывало в ее душе живейший эмоциональный отклик. «А потом - театры. Музыка, пение... И в жизнь мою вошло новое понятие – наслаждение красотою»[6], - пишет она. «Меня удивляет, что в операх и драмах мужчина, если любит, страдает, убивает соперника, себя, женщина же, любя, жертвует своею жизнью за любимого человека» [там же],- размышляет она после похода на «Риголетто».

Ни материальная нужда, заставлявшая тратить последние деньги на поход в театр, ни чрезвычайные трудности в получении билета не становились препятствием для курсисток. Бестужевка В.Н. Диаконенко указывала на то, что театры были неразрывно связаны с общим духовным ростом слушательниц курсов [7, с. 251]. Она же отмечала, что в Петербурге самыми знаменитыми были три императорских театра – Мариинский, Александровский и Михайловский. В первый, как уже отмечалось выше, было весьма сложно попасть. Одна курсистка в ответе на анкету статистического семинария даже порекомендовала «обратиться к дирекции Мариинского театра с просьбой присылать билеты в высшие учебные заведения» [17, с. 136]. Там Диаконенко впервые увидела Ф.И. Шаляпина, ради которого молодежь дежурила всю ночь возле театра. «Я взяла два билета в последних рядах партера по 4 р. 50 к. На деньги, истраченные на билеты, мы обе могли обедать в курсовой столовой целый месяц» [там же, с. 252], - вспоминает она. Другая бестужевка, Л.К. Щитинская-Цветова, оставила схожие впечатления: «Часами простаивали за билетами в Мариинский театр, где пели Шаляпин и Собинов, в театр Комиссаржевской, на гастроли Московского Художественного театра. Денег было мало, а хотелось увидеть побольше. Приходилось экономить на пище» [23, с. 298].

Также курсистки охотно посещали музеи, выставки и картинные галереи. Наиболее значимыми были Эрмитаж и музей Александра III (Русский музей) в Петербурге (по данным анкеты статистического семинария, их посещали 65,1 % и 73,5 % бестужевок соответственно) [17, с. 136] и Третьяковская галерея – в Москве. Это говорит о том, какой большой интерес проявляли курсистки к изобразительному искусству. «Вторично осматриваю Третьяковскую галерею - на меня сразу нахлынула такая масса художественных впечатлений, что даже закружилась голова... Картины Репина, Айвазовского, Верещагина, - всё, что есть прекрасного в нашей живописи, все лучшие художники, о которых я читала только в газетах - были здесь пред моими изумленными глазами...» [8, с. 101] - так писала в 1894 году Елизавета Дьяконова, впоследствии ставшая одной из самых знаменитых бестужевок. Схожие воспоминания о походе в Третьяковскую галерею оставила Зинаида Денисьевская: «Я вышла оттуда охваченная новым для меня радостным чувством. Нервный трепет и странный восторг наполнили все мое существо. Красота стала передо мною, незнакомая до тех пор, красота искусства» [6]. Н.Т. Кропоткина вспоминает, как вместе с мамой она с «азартом наслаждалась театром, картинными галереями и музеями» [11].

Одним из основных видов досуга, доступным каждой курсистке вне зависимости от материального положения, оставалось чтение художественной литературы. Чтение для курсисток являлось гораздо большим, чем просто времяпрепро-

вождением – книги влияли на мировоззрение и зачастую формировали его, были источником сведений о реальной жизни, находили в их душах живейший эмоциональный отклик. Большинство девушек попрежнему отдавали предпочтение русской классической литературе. Любовь к ней прививалась зачастую еще в гимназии, поэтому можно сказать, что курсистки больше перечитывали, чем читали, родную классику, заново ее переосмысливая. Согласно данным переписи, проведенной на Бестужевских курсах в 1909 году, которая ставила цель, среди прочего, «прийти к определенным и точным представлениям относительно духовного облика русской учащейся женщины и выявить ее миросозерцание и личность» [17, с. 109], Лев Толстой имел «огромное и преобладающее влияние на душу курсистки», за ним – Достоевский и Тургенев [17, с.134]. Пиетет перед Толстым был почти благоговейным. Для Елизаветы Дьяконовой он сам составлял литературу [8, с. 60]. «Читала с глубоким наслаждением, чувствуя, переживая сама настроения писателя, который в таких простых и ясных выражениях раскрывал свою душу и мысли, не щадя себя никогда. И осмеливаются еще говорить, что великий писатель встал на ложную дорогу. Безумцы! [там же, с. 356-357]» - с негодование пишет она в 1898 году.

Менее популярна среди бестужевок была иностранная классика – Гете, Шиллер, Гейне, Шекспир, Гюго [17, с. 121]. Наиболее значимыми поэтами были Лермонтов, Пушкин и Некрасов (по данным переписи, их назвали в числе любимых 49,8 %, 34,7 % и 30,7 % курсисток соответственно) [там же]. Среди современных писателей читали Андреева, Горького, Чехова, Куприна, Мережковского, из иностранных – Ибсена, Гамсуна, Уайльда, Пшебышевского и другие.

Любовь к чтению прививалась еще в детстве и служила одним из факторов семейной преемственности и своего рода социальным маркером, особенно в дворянских семьях, выходцами из которых было большее число курсисток.[3] Например, А.В. Тыркова-Вильмс была «с детства ненасытная читательница» [19, с. 223]. Она происходила из старинной помещичьей семьи, у ее дедушки «была недурная библиотека. Он любил исторические книги и в долгие зимние вечера заставлял детей вслух читать в оригинале немецких классиков, французских романтиков, историю Гизо, ламартиновских «Жирондистов», «Несчастных» Гюго. <...> От него мама переняла привычку к серьезному чтению» [19, с. 15]. Как вспоминает еще одна бестужевка, Е.А. Васич, «вероятно, в нашем воспитании большую роль сыграло чтение книг, сначала под руководством матери, позднее самостоятельно. Оно научило нас понимать жизнь, и хорошие и дурные стороны, оно указало нам место в жизни человека – честного и трудолюбивого, оно уберегло нас от неправильного пути» [3]. В своих воспоминаниях Васич рассказывает о поразившем ее эпизоде: она проводила лето в помещичьей семье, настолько малокультурной, что в их доме не было книг, кроме приложения к «Ниве» [3].

Зинаида Денисьевская, поступившая на московские Высшие женские курсы в 1907 году, в своем дневнике уделяет значительное место впечатлениям от прочитанных книг. Над ее кроватью висят портреты-открытки Михайловского, Чехова и Андреева. «Перечитываю Тургенева и наслаждаюсь красотою его мысли, слога, образов» (*14 декабря 1907*); «я люблю Андреева. Он более близок мне, чем Горький, Скиталец и др.» (*27 января 1908*); «вчера читали с Лилей «Суламифь» Куприна. Что за роскошь!» *(21 февраля 1908*). Писатели были для нее авторитетами, мерилами нравственности, выстраивавшими моральные рамки («Раскрыла Надсона и задумалась. Прочитала стихотворение «Идеал», и встал у меня вопрос о собственном идеале» (*14 декабря 1907*). Литература в определенной степени была для нее бегством, желанием уйти «от той будничной мелкой грязи, которая так душит, так слипляет все свободные мысли» (*20 февраля 1908*). Денисьевская не только черпает сведения о реальности из книг, но и сравнивает окружающих ее людей с литературными персонажами. «Я увидела, как живут люди. Раньше я только представляла их жизнь по книгам», - констатирует она *7 декабря 1908 года*. Студент, с которым у Денисьевской были отношения, напоминает ей то Санина, то Марка Волохова из «Обрыва», то Антона Арсеньева из «Восьмидесятников» Амфитеатрова. С этим студентом, по замечанию Йохана Хелльбека, Денисьевская даже впоследствии «с поразительным буквализмом разыграла некоторые литературные предписания послереволюционной эпохи» [21, с. 378].

Одним из видов совместного досуга курсисток, продолжавшим семейные традиции, было чтение друг другу вслух. По воспоминаниям Л.К. Щитинской-Цветовой, на курсах устраивались вечера с литературными диспутами, на которых «декламировали Тургенева «Стихотворения в прозе», стихи Брюсова, Скитальца, Бальмонта, Блока, чи-

[3]Например, по данным переписи статистического семинария, первое место в составе слушательниц Бестужевских курсов принадлежало дворянскому сословию (с дочерьми чиновников и лиц, состоящих на действительной военной службе, дворянки составляли 44, 6 %).

тали рассказы Горького, Куприна, Бунина, пели хором» [23, с. 298]. Популярность литературы как вида художественного творчества среди курсисток подтверждает и В.Н. Диаконенко: «Одним из наиболее популярных и многочисленных на нашем факультете был литературный кружок, руководимый Н.К. Пиксановым. На собраниях кружка обсуждались произведения новейшей русской литературы, иногда читались и обсуждались литературные опыты членов кружка. Кроме того, устраивались литературные и музыкальные вечера, привлекавшие курсисток со всех факультетов» [7, с. 250].

Также Диаконенко вспоминает о вечере футуристов, к которым бестужевки были настроены очень недоброжелательно, хотя профессор С.А. Венгеров и призывал прислушаться к этому новому литературному явлению. Выступал весь «цвет» футуризма – Ивнев, Бурлюк, Хлебников, Северянин и Маяковский «в желто-черной в полоску блузе с красным цветком на груди». Вопреки громкому заявлению Маяковского о том, что «каждая курсистка, прежде чем лечь, она не забудет над стихами моими замлеть». Диаконенко отмечала, что «поэзия Маяковского этого периода была некоторым моим подругам непонятна и до многих «не доходила» [7, с. 251].

Курсистки не были восприимчивы к новым литературным течениям, особенно так смело и хаотично заявлявшим о себе. Как точно отметила Л.Д. Менделеева, «это было время глухого непонимания надвигающегося нового искусства в нашей семье, как и везде» [1, с. 63]. По данным исследования статистического семинария, поэзия декадентов была настолько непопулярна, что Белый, Гиппиус, Кузьмин и другие в таблице любимых поэтов, составленной по итогам переписи, вошли в рубрику «иные» с ничтожной цифрой в 2, 8 % по всем факультетам. Среди декадентов наибольшей популярностью пользовался Бальмонт– 12, 5 % курсисток назвали его в числе любимых [17, с. 122]. Можно предположить, что из «декадентов» они могли воспринять более «мягких» и спокойных символистов, более близких и понятных им – отсюда их сравнительный успех. По замечанию А. Кауфмана, руководителя переписи, «новейшая поэзия мало проникла в сердца наших курсисток» [10, с. 87]. Как вспоминала Л. Д. Менделеева, говоря о предпочтениях современников, «декадент – «вот словцо, которым долго и вкривь и вкось стремились душить все направо и налево! Это понимание и любовь к новым идеям и новому искусству мгновенно объединяло в те времена и впервые встретившихся людей, - таких было еще мало» [1, с. 64].

В начале XX века вопросы пола и сексуальной жизни, подчас доходящие, по меркам того времени, до настоящей эротики и неприкрытой порнографии, повсеместно поднимались в прессе и литературе. В начале века в русской литературе возникает новое явление – романы-бестселлеры [5]. Наиболее известными из них были «Санин» (1907) М.П. Арцыбашева и «Ключи счастья» (1909-1913) А.А. Вербицкой. Эти и другие скандальные произведения, такие, как «Яма» А.И. Куприна, «Бездна» Л.Н. Андреева, появившиеся позже «Женщина, стоящая посреди» Арцыбашева, «Женщина на кресте» Анны Мар открывали перед читателями сферу половой жизни. Доктор Е.П. Радин в исследовании «Проблема пола в современной литературе и больные нервы» прямо называет программу новой литературы порнографической [16, с. 11]. Газеты и журналы писали об абортах, проституции и иных девиациях, связанных с половой жизнью женщины. Статьи и беллетристика в женской прессе зачастую постулировали релятивизм сексуального поведения, сомнительную ценность полового воздержания и сохранения невинности до брака, оправдывали женскую измену и развод. По замечанию Н.Л. Пушкаревой, «тема сексуальности стала одной из основных в литературном и культурно-философском дискурсе» [14, с. 10].

Нужно заметить, что процент читающих современную литературу среди курсисток был весьма высок, однако к современной литературе они относили Чехова, Андреева, Горького, Короленко и Куприна. «Модернистов» же и «декадентов» курсистки не причисляли к этой категории, и успех их, согласно данным переписи 1909 года, был весьма сомнительным [17, с. 121]. «Литературные герои эпохи» [21, с. 378], Санин и Маня Ельцова из «Ключей счастья» не были популярны в их среде. К. Чуковский в саркастическом разгромном очерке о творчестве Вербицкой, который он посвятил учащейся молодежи, выразил недоверие к тому факту, что ее читатели, по собственному выражению писательницы - «студенты, курсистки, интеллигенты вообще». Ему кажется невероятным, что «бестужевки и медички, курсистки и студенты» могли прельститься ... «дрожащими ноздрями» и «черными безднами экстаза» [22, с. 18]. И оказался прав. По данным анкеты о душевном настроении учащихся в высших учебных заведениях Петербурга,[4] предпринятой по инициативе доктора

[4] Среди женских учебных заведений опрошены были учащиеся Высших женских курсов, Психоневрологический институт, Стебутовские сельскохозяйственные, Фребелевские курсы.

Е.П. Радина, эротика современной литературы нашла отклик всего у 11 % курсисток [15, с. 60]. О «новейшей» «декадентской» литературе курсистки отзывались подобным образом: «терпеть не могу декадентство», «читаю иногда с удовольствием, но не уважаю», «Женское творчество – после Вербицкой – ставлю очень низко», и другие. По переписи 1909 года среди любимых писателей Вербицкую назвали только 8 % бестужевок с оговорками: «читаю от нечего делать», «читаю только для отдыха» [17, с. 124]. Поклонниц Арцыбашева оказалось и того меньше – всего 4,3 %. Данные статистики опровергают мнение самой Вербицкой, что ее читатели – «студенты, курсистки, интеллигенты вообще» [22, с. 16].

Несмотря на то, что в начале XX века активно шли диспуты о новой половой морали, а современная литература постулировала естественность сексуальных отношений, курсистки в большинстве своем были далеки от подобных тенденций и сохраняли традиционные взгляды на брак. Идеи новой литературы о сексуальной свободе были чужды основной массе учащихся девушек и поэтому не могли завоевать популярность в их среде. Добившись возможности получать образование и продвинувшись в сфере профессиональной самореализации, в области сексуально-брачных отношений выпускницы курсов были скованы достаточно жесткими патриархальными рамками. Черты традиционной половой морали в начале века стойко сохраняли свои позиции. Наиболее сильному общественному контролю подвергалась, конечно, женская сексуальность. Особенно это касалось незамужних девушек. Имея намного больше свободы, чем их предшественницы – вечеринки, свобода общения с молодежью противоположного пола, широкая доступность литературы «эротического» содержания – они сохраняли взгляды на отношения с мужчинами, не выходящие за рамки социально приемлемых. Проводя время практически бок о бок со студентами (подчас в буквальном смысле – курсистки жили в дешевых квартирах, где за тонкой перегородкой могли снимать комнату студенты), одной из самых прогрессивных и бунтарских социальных категорий, они продолжали придерживаться консервативных взглядов на отношения с мужчинами. Поэтому проповедь неограниченного индивидуализма, гедонизма и полной свободы сексуальных отношений, которые постулировали новые романы-бестселлеры, не могли найти в них должного отклика. «Два года слышу про шестьсот шестьдесят шесть соблазнов, а всего-то за всю жизнь один раз целовалась с гимназистом на катке», - говорит героиня романа А.Н. Толстого «Хождения по мукам», слушательница юридических курсов Даша Булавина [18, с. 51].

Итак, можно сделать вывод, что основные формы досуга женской учащейся молодежи были так или иначе связаны с удовлетворением культурных потребностей. При этом курсистки в массе своей предпочитали серьезное искусство и классическую литературу, а не более дешевый и легкий кинематограф и менее глубокие по смыслу и содержанию книги. Как замечал А. Кауфман, подводя итоги переписи среди бестужевок, «в стремлении в театр и оперу проявляется не жажда развлечений <…>, а жажда проникновения в глубины искусства, жажда приобщения к действительным культурным ценностям» [17, с. 144]. Курсистки мыслили стандартами, заданными «высокой» литературой, соизмеряя свои поступки с мнением «отцов» - художников слова. Ни хроническое безденежье, ни недостаток времени не были для них помехой в стремлении к интеллектуальному обогащению. Родители многих курсисток были людьми интеллигентных профессий, поэтому тяга к серьезному искусству была привита им еще в детстве и вполне обосновывала последующий выбор девушками своего жизненного пути и культурных предпочтений. Вместе с тем нужно отметить, что женская учащаяся молодежь в основной массе представляла собой консервативную социальную группу. Их взгляды на литературу и искусство по преимуществу оставлялись теми же, что были привиты в семье, в помещичьих усадьбах или интеллигентских квартирах. Эти образованные, жаждущие свободы девушки были в основной массе невосприимчивы к новым смелым экспериментам в культурной жизни. Эпоха модернизма, авангарда и декаданса за редким исключением не завоевала популярность среди курсисток, вызвав подчас даже насмешку и непонимание.

Список литературы

1. Блок Л. И быль и небылицы о Блоке и о себе // Жизни гибельный пожар. М.: ПрозаиК, 2012. С. 39-111.
2. Богданович Т.А. (урожд. Криль, 1872-1942). Повесть моей жизни (1880-1910) // Ф. 218. № 383.
3. Васич Е.А. Мои воспоминания (1800-е – 1915-е годы) // НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1284. Ед. хр. 5.
4. Вопиющая нужда // Женский вестник. 1912. № 7-8. С. 161.

5. Грачева А.М. Бестселлеры начала XX в. (К вопросу о феномене успеха) // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/DRECK.HTM

6. Денисьевская З. А. Дневник 1906-1908 // НИОР РГБ. Ф.752. Карт. 1. Ед. хр.2.

7. Диаконенко В.Н. Из жизни бестужевки // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878-1918). Сборник статей. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 247-257.

8. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 672 с.

9. Иванов А.Е. Больше, чем досуг (театр и культура повседневности дореволюционного студенчества) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 31-44.

10. Кауфман А. Русская курсистка в цифрах. По данным переписи, произведенной на спб. высших женских (Бестужевских) курсах 15 ноября 1909 г. // Русская мысль. 1912. Кн. 6. С. 63-93.

11. Кропоткина Н.Т. Записки княгини Надежды Тимофеевны Кропоткиной (рожд. Повало-Швейковской) // НИОР РГБ. Ф. 549. Карт. 1. Ед. хр. 4.

12. Патрикеева О.А. Курсистка или вольнослушательница Университета: выбор россиянок в начале XX столетия // Вестник МПГУ им. М.А. Шолохова: Серия «История и политология». 2012. № 2. С. 38-46.

13. Правила для слушательниц Санкт-Петербургских высших женских курсов. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1903. 14 с.

14. Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X-XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3-18.

15. Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб.: Издание Н.П. Карбасникова, 1913. 118 с.

16. Радин Е.П. Проблема пола в современной литературе и больные нервы. Спб.: Типография Монтвида, 1910. 68 с.

17. Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов по данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. Спб.: Типо-Литография «Экономия», 1912. 144 с.

18. Толстой А.Н. Собрание сочинений. Хождение по мукам. Трилогия. Книги первая и вторая. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 5. 638 с.

19. Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет:Воспоминания известной писательницы и обществ. деятельницы А.В.Тырковой-Вильямс (1869-1962): [В 2 ч.]. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. 559 с.

20. Федосова Э.П. Бестужевские курсы // Вопросы истории. 1975. № 11. С. 216-220.

21. Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900-1933 гг.) // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 374-384.

22. Чуковский К. Книга о современных писателях. СПб., 1914. 236 с.

23. Щитинская-Цветова Л.К. Облик бестужевки начала века // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878-1918). Сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 296-299.

Об авторе

Громова Анна Игоревна – аспирант, старший лаборант, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, *anna4gromova@yandex.ru*

УДК 908 (470.333)

НАЧАЛО КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БРЯНСКЕ: МУЖСКАЯ ПРОГИМНАЗИЯ (1877-1889)

Золотарев А.В.

Статья посвящена истории первого классического учебного заведения в г. Брянске: Брянской мужской прогимназии. Судьба прогимназии рассматривается в контексте проблем, с которыми сталкивалось классическое образование в России в XIX веке, а также споров между сторонниками и противниками классического образования.
Ключевые слова: Брянск, В.В. Розанов, классическое образование, классическая прогимназия, реальное училище.

THE BEGINNING OF CLASSICAL EDUCATION IN BRYANSK: BRYANSK MEN'S PROGIMNASIUM (1877-1889)

Zolotarev A.V.

The article is devoted to the history of the first classical school in Bryansk: Bryansk Men's Progymnasium. The author analyzes the history of the school in the context of problems faced by a classical education in Russia in the XIX century, and in the context of debates between supporters and opponents of classical education.
Keywords: Bryansk, V.V. Rozanov, classical education, classical progymnasium, real school.

История Брянской мужской прогимназии 1877-1889 годов являет собой характерный образец процессов, происходивших в то время в русской школе. 60-70-е годы XIX века ознаменовались в России спорами сторонников и противников классического образования, вызванными проводимой министром народного просвещения Д.А. Толстым реформой средней школы. Политика Д.А. Толстого состояла в том, чтобы повсеместно насаждать классические гимназии и прогимназии, противники же его из числа либералов, прогрессистов и революционных демократов выступали за преимущественное развитие реального образования. Толстой, как и главный идеолог «классицизма» М.Н. Катков, считал, что реальное образование с его упором на естественные науки способствует распространению атеизма и как следствие этого - всяческой революционности. Цель же классического образования – через изучение древних языков и математики способствовать развитию подлинно научного мышления, чуждого поверхностности и публицистичности, характерных для русской революционной мысли 60-х годов. Кроме того, знакомство с доблестью древних греков и римлян должно было формировать у учеников гимназий патриотические чувства и в конечном счете – здоровый консерватизм.

В брянском Земском собрании, поднявшем вопрос об открытии в городе среднего учебного заведения, преобладали сторонники реального образования. Земцам нравилось, что реальные училища, согласно их уставу, замышлялись как «приспособленные к практическим потребностям», в первую очередь – потребностям промышленности и торговли. «После продолжительных по этому поводу дебатов, – и в виду обещания гласного Мальцева в поддержке ходатайства со стороны Председателя Комитета Министров графа Игнатьева, – сторонники реального училища одержали победу. Вследствие этого была назначена депутация в лице гласного Ротрофи для ходатайства перед Министром Народного Просвещения об учреждении сказанного училища». Однако «на все доводы в пользу реального училища Министр отвечал тремя вопросами: зачем, для чего и почему Земство не ходатайствует об учреждении Классической Прогимназии и при этом добавил, что по учреждении Классической Прогимназии, если Земство найдет нужным, то может ходатайствовать об учреждении реального училища. После такой неудачи пришлось примириться с мыслью о прогимназии, которая при содействии Правительства была учреждена…» [1, д. 18, л. 43].

В результате 1 июля 1877 года в Брянске была открыта мужская четырехклассная прогимназия с приготовительным классом. Штат прогимназии включал инспектора, 10 учителей – Закона Божия, русского языка, математики, латыни и греческого, истории и географии, новых языков (французского и немецкого), чистописания и рисования, пения, гимнастики, арифметики и русского языка в приготовительном классе (он же являлся помощником классных наставников) – а также врача и письмоводителя. Обязанности учителя гимнастики и врача (который должен был периодически посещать прогимназию, а также лечить больных учителей и учеников на дому) исполняли по совместительству соответственно

старший офицер местной артиллерийской команды и старший врач Брянского арсенала [3, д. 52 л. 39]. На содержание прогимназии ежегодно выделялось: из Казначейства 8550 р., от Брянского уездного земства 3000 р. и от Брянского городского самоуправления – 3000 р. Почетным попечителем прогимназии состоял Брянский городской голова. Сначала это был И.И. Невструев, в 1884-1885 годах – И.Н. Могилевцев и с 1885 года до закрытия прогимназии – В.И. Сафонов.

Ежегодно в прогимназию поступало около двадцати человек, однако к четвертому классу количество учащихся существенно сокращалось из-за отчислений и переводов в другие учебные заведения. Так, в середине срока существования прогимназии, в 1883 - в ней училось 68 человек. Сословная принадлежность учащихся была такова: 21 дворянин, 6 представителей духовенства, 15 – городских сословий, 23 – сельских сословий (куда причислялись все недворяне, не имеющие собственности в городе), 3 иностранца. Помимо православных среди учеников было 4 католика, 2 лютеранина и 4 иудея [3, д. 52 л. 11]. Большинство учеников было детьми жителей Брянска. Иногородние ученики жили на ученических квартирах, главным образом, принадлежавших учителям и духовенству. В 1883 было 8 таких квартир, на которых жили 15 учеников [3, д. 52 л. 18].

У прогимназии не было своего помещения. В 1877 году для нее был снят Земской управой за 2000 р. в год дом Н.А. Вязьмитина (ныне ул. Калинина, 84). В 1880 году, когда открывался 4-й класс, для которого в доме Вязьмитина не находилось уже помещения, прогимназия переехала на второй этаж недавно построенного дома полковника Халаева на улице Московской (ныне ул. Калинина, 91а). За это помещение также платили 2000 р. в год, и оно также не было вполне приспособлено для нужд прогимназии. Из года в год учебное заведение жаловалось на деревянные перегородки (из-за которых «преподавание в одном классе ясно слышно в другом»), темный и тесный коридор, отсутствие гимнастического зала и особого класса для рисования, и наконец, соседство с питейным заведением – располагавшимся на первом этаже ренсковым погребом купца Бякина. Однако имевшееся у местных властей при основании прогимназии намерение построить для нее специальное здание так и не было осуществлено.

Сложность и, можно сказать, драматизм судьбы Брянской прогимназии определялся тем, что она находилась как бы в тройной зависимости – от Министерства народного просвещения, от уездного земства и от городского самоуправления, причем стремления каждой из сторон были различны. Министерство и Московский учебный округ во главе с графом П.А. Капнистом, проводили политику насаждения «классицизма». Уездное Земское собрание, настроенное либерально, вообще не хотело иметь в Брянске прогимназию и постоянно стремилось преобразовать ее в реальное училище. Более верноподданная Городская дума соглашалась с существованием прогимназии и пыталась способствовать ее развитию. Почетный попечитель прогимназии И.И. Невструев свидетельствовал: «со времени учреждения прогимназии она с самого начала не пользовалась симпатиями Земского Собрания, она являлась учреждением не желательным… были люди, которые отрицали самую пользу этого учреждения… таким образом, учреждение, содержимое отчасти на средства Земства, стало учреждением чуждым Земскому Собранию, главным образом несочувствие Земского Собрания и отчасти не совсем удачное назначение первоначальных преподавателей не могли укрепить доверие в публике к начинающему учебному заведению» [1, д. 18 л. 42].

Когда в 1880 году Д.А. Толстой был сменен на посту министра народного просвещения А.А. Сабуровым, брянские земцы предприняли безуспешную попытку ходатайствовать о преобразовании прогимназии в реальное училище. Гласный земского собрания Невиандт так описывал это: «после трех лет своего существования это учебное заведение почему-то пришлось нам не по нраву и мы, не стесняясь первым неудачным ходатайством, решаемся на другое… которое по справедливости можно назвать назойливым, а также и демонстративным против классического образования, но эта попытка не удалась, и по поводу неудачи я не могу не заявить своей признательности… всем городским гласным за несогласие присоединиться к сказанному ходатайству» [1, д. 18 л. 43].

Интересные свидетельства о Брянской мужской прогимназии мы можем найти в сочинениях выдающегося философа В.В. Розанова, служившего в ней учителем в 1882-1887 годах Розанов преподавал здесь историю и географию, кроме того – латинский язык в 1-м классе, был классным наставником 1-го класса и членом хозяйственного комитета. Учительский опыт, приобретенный Розановым в годы работы в Брянске, послужил основой для формирования того, что он позже называл своей «философией образования», изложенной им во множестве публицистических сочинений [См.: 5]. В некоторых из этих сочинений он вспоминает о годах работы в Брянске.

Прежде всего, его поражала оторванность от местных нужд и как следствие бесполезность

прогимназии. Позднее он вспоминал: «До существа дела – ею заведующим нет дела; до боли, до страдания местности, где она внедрилась, им нет забот. Такова была (теперь закрытая) четырехклассная прогимназия (в г. Б-ске), где мне пришлось начать службу. Ее вред до того был для всех очевиден, что город, в котором она находилась, из года в год ходатайствовал перед министерством о ее закрытии; но всегда получал отказ. Кончилось тем, что жители его перестали просто отдавать детей в нее, отвозя их в соседний город, и прогимназия закрылась за отсутствием учеников…» [8, с. 706]. В статье «Город и школа» Розанов более подробно рисует картину того расхождения между существующей моделью гимназического образования и действительными потребностями русской жизни, которое он обнаружил, служа в Брянске. «Нам известны случаи, что в четырехклассных прогимназиях, в последнем выпускном классе, сидят на двух скамейках пять учеников, при восьми преподавателях из стольких же предметов [Когда Розанов покидал Брянск, в выпускном классе было четыре ученика – А.З.]. Что-то похожее на неловкость, забота всеми силами заманить еще учеников, усилие скрыть факт на месте, среди населения города, и как-нибудь объяснить его перед центральным окружным начальством, – все это составляло предмет постоянной тревоги в жизни таких прогимназий. В надежде заманить родителей к отдаче детей в прогимназию – прием их, перевод в следующий класс и выпуск понижались в своих требованиях. И ничто не помогало. Просто преподавание данных предметов, как бы дешево ни стоило и как бы облегченно ни велось, оказывалось не нужным... В этом же городке… где влачила свое существование классическая четырехклассная прогимназия, – мне пришлось услышать разговор в толпе горожан: “когда бы не евреи, мы бы и без сапог находились”. И в самом деле, все ремесла в этом городке были уже захвачены или захватываемы евреями… Как учитель школы, имеющей центральное отношение к Москве, я не знал местных нужд; и, как начинающий учитель, не интересовался ими; но все-таки разговор не мог не поразить меня и не заставить задуматься: да что делаем мы тут, для чего нас сюда послали? Какова и не отрицательна ли по результатам наша деятельность здесь, оплачиваемая что-то около 13.000 рублей в год, из коих три тысячи давал город, кстати, очень бедный?» [8, с.784, 785].

Одним из вопиющих проявлений беспочвенности школы в целом видится Розанову беспочвенность гимназического учителя, этого «коммивояжера просвещения», его отчужденность от учеников, от интересов общества, в котором несет он свое служение. «Человек и без того очень общего образования, долгого учения и, следовательно, очень *отвлеченных* интересов, он обычно рожден в одном городе, гимназию прошел – в другом, университет – в третьем, и службу проходит в четвертом, пятом, шестом. Он – человек без *корней*; в сущности – у него нет *родины* и следовательно – *родного*» [8, с. 705]. Нетрудно заметить, что тут Розанов рисует прямо обстоятельства своей собственной биографии, но они были типичны и для многих других учителей Брянской прогимназии, переводившихся после нескольких лет учительской службы из одного города в другой.

Отчуждали учителя от учеников и навязанный гимназической системой формализм, и бюрократизм учительской деятельности. Розанов в Брянске за скромную плату в 1610 рублей в год давал 28 уроков в неделю (20 в мужской прогимназии и 8 в женской), проверял ученические тетради, исполнял обязанности члена хозяйственного комитета, в качестве классного наставника заполнял кондуитные списки, вел статистику оценок, дисциплинарных проступков и наказаний учеников, посещал ученические квартиры, в воскресные и праздничные дни сопровождал учеников в церковь [3, д. 46, л. 32; 2, д. 20, л. 63]. Поэтому он со знанием дела говорил о тяжелом положении учителя: «Урок, даваемый в классе - это не единственная его забота и даже не самая настоятельная… но не составленная к совету «ведомость» - это уже неприятность… во что бы то ни стало нужно обойти раз в месяц все ученические квартиры, сделать столько-то классных работ, выписать в кондуитную книгу все шалости, подвергнуть их классификации и подвести им статистику» [8, с. 741].

Все это, по мнению Розанова, было одной из причин низкого уровня преподавания в прогимназии. Другой причиной было, по его мнению, неудачное назначение первого инспектора прогимназии, С.Н. Попова, преподавателя латинского языка: *«открыть* и затем *установить* в ней весь *строй*, в качестве первого ее начальника, был предназначен человек, не только не знавший этого строя сверху, в качестве учителя, но не знакомый и с самыми формами его хотя бы даже в качестве ученика (как сын очень богатых родителей, он поступил в университет с домашнею подготовкой). Распущенность доходила в его управление до того, что учитель новых языков, например, только около 20 числа [т.е. в день выдачи жалования – А.З.] посещал гимназию, и ученики смеясь говорили ему это на уроке в глаза, а сам

начальник брал с урока преподавателя математики играть к себе в шашки, оставляя класс на надзирателя, - и также не скрывая от учеников, зачем берется от них преподаватель» [8, с.742]. Учитель новых языков – Эмилий Францевич Деляви, швейцарский подданный, действительно пропустивший в 1882/83 учебном году 157 уроков; учитель математики – Н.Ф. Ярошевский, «старая руина», по характеристике Розанова.

Проверка, произведенная Я.И. Вейнбергом – окружной инспектор, по словам Розанова, «распушивший всех преподавателей ничему не учившей прогимназии» [6, с. 92] – привела к значительным переменам. С.Н. Попов был переведен инспектором в Александровскую Серпуховскую прогимназию. Его место с сентября 1883 по июль 1884 года занимал Д.А. Соколов, а затем до закрытия прогимназии инспектором был И.И. Пенкин. Вскоре после С.Н.Попова были удалены Деляви и Ярошевский. Однако «ученики при изменившихся порядках должны были рассчитываться за все, чего не доучили за пять лет его распущенного управления» [8, с.742]. Многие из них, в том числе по мнению Розанова и очень способные, были отчислены.

Розанов, удалившийся в Брянск из Москвы, чтобы работать над своей первой философской книгой «О понимании», не находил среди брянских учителей людей с культурными интересами: «в Брянске… никто не интересовался философией, были только карты» [6, с.154]. Едва ли не единственное исключение составлял учитель греческого языка и латыни С.И. Саркисов, опубликовавший в 1883 году свое филологическое исследование по грамматике армянского языка. Высказывается предположение, что именно он подал Розанову мысль издать книгу «О понимании» за счет автора [См.: 9].

В целом деятельность Брянской прогимназии виделась Розанову неудачной. В частности он отмечал неудачный опыт в деле религиозного и патриотического воспитания учащихся. Учитель Розанов исправно участвовал в гимназических торжественных собраниях с речами и молебнами, по случаю, например, «священного коронования Их Императорских Величеств» 15 мая 1883, «тысячелетия блаженной кончины Славянского Первоучителя Св. Мефодия» 6 апреля 1885 или «пятидесятилетия кончины А.С. Пушкина» 27 января 1887 года. Вместе с другими классными наставниками он «насаждал и поддерживал» в учениках «благие чувствования и желания», «выяснял своим воспитанникам их религиозные обязанности друг к другу, к старшим и к церкви, указывая при этом на изданные Министерством Народного Просвещения правила», «строго следил, чтобы все ученики накануне всякого праздника вечером и утром в самый праздник собирались… для участия в общественной молитве» [3, д. 22, л. 4, 5]. И вот неутешительный вывод, который он делает на основании этого опыта: «ведь и я стоял годы в этих дисциплинированных рядах, священнодействующих в классе и совете, всегда серьезных, поучающих, укоряющих... Зачем хранить тайну, которою вы все связаны; что не вера движет ваши ряды, что индифферентизм религиозный, местный, национальный, прикрытый для видимости только соответствующими параграфами, есть то, что более всего вас одушевляет; и что всякий из “верующих”, непредвиденно для себя замешавшийся в эти ряды, чувствует себя в них ненужным…» [8, с. 727, 728].

Каждый учебный день в прогимназии начинался с общей молитвы в актовом зале, на которую собирались ученики под наблюдением помощника классных наставников, а также те учителя, у которых был первый урок. По воскресным и праздничным дням ученики собирались в актовом зале, где законоучитель объяснял им предстоящее евангельское чтение, и затем под надзором двух учителей шли в Собор для участия в литургии. В 1884 году Министерство народного просвещения предписало создавать из учеников гимназий церковные хоры и привлекать учеников к чтению за богослужением. Во исполнение этого распоряжения, по благословению епископа Орловского и Севского Симеона, в Брянске были учреждены поздние литургии для учащихся. С 1885 года прогимназия совершала литургии в находящейся неподалеку Успенской церкви. Ее настоятель, иерей Владимир Попов, был с 1882 законоучителем в прогимназии. Он же совершал в актовом зале всенощные бдения сразу после пятого урока, «чтобы ученикам не приходилось ходить в храм в позднее время» [3, д. 84. л. 16]. Розанов так вспоминал об этих богослужениях: «лучшая церковь, куда “приводились” ученики… почти не посещалась молящимися (народом): до такой степени бессознательно все чувствовали, что атмосфера, вносимая в храм “учащимися” дисгармонировала с тем, что в храме привыкли искать и находить молящиеся!» [8, с. 729]. «Церковь почти пуста в других частях своих, и только перед алтарем, вытянувшись в продолговатую колонну, стоят гимназисты. Не буду говорить о подробностях, которые – стоя, по должности, сзади – приходилось наблюдать (щелканье подсолнечников – нередкая вещь). Но в общем никто и решительно нисколько не молится, все только “стоят”» [8, с. 798].

Критически оценивал Розанов и пастырские способности о. Владимира Попова. Много позднее он вспоминал: «Был у меня товарищ-законоучитель гимназии, приходской вместе с тем священник: все-то он брал из гимназической библиотеки книжки одного духовного журнала за двадцать лет назад. На мой вопрос: «зачем ему», он беззастенчиво отвечал, что там «напечатан перевод с греческого проповедей Иоанна Златоустого, и они ему нужны для проповедей же». Представьте, Златоуст громил императрицу Феодору, супругу Юстиниана Великого. И вот, переменив имена, грады, улицы – сей Златоустов гром несется на бедные стогна уездного русского городка в 1882-1886 годах!!» [7, с. 113]

Сам Розанов, хотя и не имел (как он сам это впоследствии признавал) педагогических способностей, в годы работы в Брянске старался быть требовательным преподавателем. Так, кондуитный список ученика Семена Алясова показывает, что больше всего наказаний тот получал на уроках латыни у Розанова. Наставник Розанов при посещении квартиры ученика Певзнера Льва Ицки обнаружил у него, изрезанной и испачканной, печатную речь учителя Д.И. Плютинского, произнесенную по поводу празднования тысячелетия кончины св. Мефодия и розданную на память ученикам; Певзнер был наказан. В 1885 году произошел конфликт Розанова с отцом одного из учеников, чиновником Брянского арсенала титулярным советником Иткиным, пожаловавшимся попечителю Московского учебного округа, что Розанов несправедлив к его сыну, а его самого при объяснении в прогимназии назвал «дураком» [См.: 3, д. 86]. Прогимназия и Округ в этом конфликте заняли сторону Розанова, и ученик Иткин вынужден был уйти из учебного заведения.

Все-таки попечители Невструев и Сафонов, инспектор Пенкин, некоторые учителя, такие как названный выше Плютинский, старались повысить уровень прогимназии и интерес к ней среди горожан. С этой целью организовывались и различные внеурочные мероприятия. Так, например, 27 января 1887 года попечитель Сафонов «пригласил физика и оптика Тицнера показать воспитанникам в зале прогимназии посредством большого микроскопа, освещенного Друмановым светом, некоторые тела… из всех трех царств природы» (Братья Тицнеры гастролировали по России с представлением, в ходе которого они проецировали на большой экран с помощью «друммондова света» изображение, полученное с микроскопа). При опытах присутствовали и ученицы женской прогимназии [2, д. 20. л. 20]. Летом 1885 года ученики прогимназии были приглашены городским управлением в цирк Вагнера на бесплатное представление, состоявшее из двенадцати номеров и пантомимы «Мазепа»; в антракте ученики «были угощаемы Городским Управлением конфектами, пряниками и орехами» [3, д. 64. л. 117].

Все это не могло отменить того факта, что прогимназия не отвечала тогдашним потребностям города. Жители Брянска предпочитали отдавать или переводить своих детей в другие учебные заведения. В 1887 году в 4-м классе училось всего четыре ученика и Земское собрание снова подняло вопрос о закрытии прогимназии. Последний удар по Брянской прогимназии был нанесен в 1888 году, когда, после того как по высочайшему повелению от 30 мая 1888 года был прекращен отпуск средств из казны на содержание приготовительных классов при гимназиях и прогимназиях, в Брянске был упразднен приготовительный класс [4, с. 59]. Наконец, по распоряжению Министерства народного просвещения Брянская мужская прогимназия была закрыта с 1 августа 1889 года. Учителя были переведены в другие учебные заведения. Инспектор И.И. Пенкин был переведен в Елец, куда двумя годами ранее перешел на службу и Розанов. Последний рассуждал в связи с этим о зависимости гимназических учителей от начальства: «Иван Игнатьевич Пенкин, инспектор закрытой за *безлюдностью* Брянской прогимназии, явившись с орденом и в мундире в канцелярию, нет – в Канцелярию, сказал Высотскому [правитель канцелярии Московского учебного округа – А.З.]: «Что же, Ваше-ство, Вы *предполагаете со мною сделать*?» (его рассказ мне). Слава Богу, - ему дали место инспектора же в Ельце. А могли сказать: «Дадим годовой оклад… Но вакансий нет… и вы уж пожалуйте в (полную) отставку». Карасек бы и испекся, без возможности протестовать, жаловаться, даже громко плакать» [6, с. 96].

Хотя первый опыт создания классического учебного заведения в Брянске оказался неудачным, он составил небезынтересную страницу в истории брянского образования. Впоследствии классическое образование на Брянщине прижилось и принесло немалые плоды. А Брянская мужская прогимназия останется в истории хотя бы как место, где начинал службу выдающийся русский философ Розанов.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО) Ф. 4. Оп. 1.
2. ГАБО Ф. 204. Оп. 1.
3. ГАБО Ф. 304. Оп. 1.
4. Заболотный Н.Ф. Школы, гимназии, лицеи России и Брянской области: историко-краеведческие очерки о развитии образования. Брянск: Брянск. обл. типогр., 2002.
5. Золотарев А.В. Формирование взглядов В.В. Розанова на вопросы философии образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, Грамота, Тамбов, 2013. №12. Ч.1. С.71-78.
6. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н.Страхов, К.Н.Леонтьев. М.: Республика, 2001.
7. Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М.: Республика, 1995.
8. Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории – Сумерки просвещения. М.: Республика, СПб., Росток, 2009.
9. Соловьев Ю.П. Брянские приключения «русского Ницше» - Брянская тема – 2013 - № 9 (71).

Об авторе

Золотарев Алексей Вадимович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, avzolo@yandex.ru

УДК 947.081

АМЕРИКАНСКИЙ АГЕНТ «РУССКОГО ВЛИЯНИЯ» (ПАМЯТИ Я.А. МАК-ГАХАНА)

Косарев С.И., Косарева И.В.

Статья посвящена памяти Януария Алоизия Мак-Гахана, американского военного корреспондента, большого друга России и других славянских народов, участника русско-турецкой войны 1877-78, который своими публикациями во многом определил формирование общественного мнения в Западной Европе и России того времени.
Ключевые слова: русско-турецкая война 1877-78, общественное мнение, периодическая печать, военные корреспонденты, Януария Алоизия Мак-Гахан.

AMERICAN AGENT OF "THE RUSSIAN INFLUENCE" (Ya. A. MAK-GAKHAN'S MEMORIES)

Kosarev S. I., Kosareva I. V.

This article dedicated to the memory of Januarius Aloysius McGahan, an American war correspondent, a great friend of Russia and other Slavic nations, a participant of Russian-Turkish war of 1877-78. His publications largely determined the formation of public opinion in Western Europe and Russia at that time.
Keywords: Russian-Turkish War of 1877-78, public opinion, the periodical press, war correspondents, Januarius Aloysius McGahan.

Обращаясь к истории появления военных корреспондентов, работой которых стало освещение событий, происходящих в «горячих» точках планеты, невозможно пройти мимо выдающегося представителя этой профессии Януария Алоизия Мак-Гахана, по праву считающимся одним из первых звезд военной журналистики. Самый известный британский репортер того времени, Арчибальд Форбс говорил о нем: "Из всех людей, которые получили репутацию в качестве военных корреспондентов, Мак-Гахан – самый блестящий" [6].

Два года назад отмечалось 170-летие со дня рождения Я.А. Мак-Гахана, о котором в России практически не вспомнили, что вызывает большое сожаление. Ведь этот американский журналист английской газеты был большим другом России, имел добрые отношения со многими выдающимися нашими соотечественниками, а материалы, которые он отправлял в свои газеты, серьезно способствовали улучшению имиджа нашей страны в глазах Западной Европы.

Как и многие из знаменитых американцев, Я.А. Мак-Гахан начал свой жизненный путь как «мальчик с фермы» [5, с. 12]. Он родился 12 июня 1844 года недалеко от города Пежон Руст Ридж в штате Огайо в семье ветерана британского флота ирландского происхождения Джеймса Мак-Гахана и Истер Демпси. Ранняя смерть отца (Януарию было всего семь лет) заставила его рано искать работу на соседних фермах, чтобы помогать семье.

В семнадцать лет он перебирается в Хантингтон штат Индиана, где учится и, одновременно, подрабатывает продавцом, а за тем учителем. Но тихая провинциальная жизнь не могла удовлетворить деятельного молодого человека, и в 1864 году Я.А. Мак-Гахан находит работу в железнодорожной компании «Юнион Пассифик» и переезжает в Сент-Луис. Здесь он начинает подрабатывать в газете St. Louis Democrat. Благодаря этой работе в возрасте 22 лет Я.А. Мак-Гахан знакомится с героем Гражданской войны, своим земляком, генералом Филом Шериданом. Это знакомство в дальнейшем и определить судьбу молодого Януария. Именно генерал Шеридан посоветовал жаждущему приключений молодому человеку «двигаться далеко на Восток», в Европу [3].

Я.А. Мак-Гахан решил последовать совету генерала. В декабре 1868 года уехал в Европу. Первоначально у него не было никаких определенных планов, кроме туманной идеи «выучить языки», а за тем вернутся назад в США, и заняться юридической практикой.

За два года жизни в Париже, постоянно выезжая в различные путешествия, Януарий, показал необычную способность к изучению иностранных языков. Скоро он стал свободно разговаривать на девяти языках. В 1870 году Я.А. Мак-Гахан столкнулся с проблемой - закончились деньги, но выдающиеся способности и помощь генерала Шеридана помогли Мак-Гахану стать военным корреспондентом в серьезной газете The New York Herald.

Сделанные начинающим корреспондентом описания катастрофического поражения Франции в 1870 году и интервью с будущими ведущими государственными деятелями Франции (Гамбеттой, Луи Бланом и Виктором Гюго) привлекли широкое внимание общественности в Америке и Европе. Буллард пишет: «Поведение молодого американца на протяжении этих дней опасности,

его мужество и такт сделал его знаменитым .... Он послал графические и точные письма, которые были скопированы газетами во многих стран " [6].

В 1871 году, после сообщения о восстании Парижской комунны, Мак-Гахан был арестован в Париже и только дипломатическое вмешательство США спасло Мак-Гахана от гибели. В том же году Я.А. Мак-Гахан получил назначение от газеты The New York Herald корреспондентом в Санкт-Петербург. Приехав в Россию, он достаточно быстро выучил русский язык, обзавелся широким кругом знакомств среди представителей русской аристократии. В 1873 году женился на Варваре Николаевне Елагиной, происходившей из старинной дворянской семьи.

Узнав о том, что русская армия собирается совершить поход на Хивинское ханство, в 1873 году Я.А. Мак-Гахан без российского разрешения, на свой страх и риск, совершил конный переход длинною в несколько сот миль через пустыню и стал свидетелем капитуляции города Хивы. В этом походе он завязал крепкие дружеские отношения с тогда еще полковником М. Скобелевым и знаменитым русским художником В. Верещагиным. Его сообщения с линии фронта из этого региона принесли Я.А. Мак-Гахану международную известность. Результатом среднеазиатского похода корреспондента стала публикация в 1874 году в Лондоне, а в 1875 году и в Москве его записок «Военные действия в Оксусе и падение Хивы».

Интересно, что деятельный Я.А. Мак-Гахан не мог оставаться без дела ни дня, и в 1875 году в компании с английским путешественником А.У. Янгом совершил экспедицию в Арктику.

Летом 1876 году после конфликта с хозяином газеты The New York Herald, Мак-Гахан оставляет газету. Но тут же, 23 июля 1876 года, по приглашению американского консула в Стамбуле решает отправиться в Болгарию для расследования зверств турецкой армии при подавлении восстания. Узнав о событиях в Болгарии, Мак-Гахан обратился в лондонскую газету Daily News с просьбой дать ему статус специального корреспондента газеты и минимальную финансовую поддержку.

За несколько дней Я.А. Мак-Гахану удалось побывать в Пловдиве, Пештере, Пазарджике и селе Батак. Увидев своими глазами результаты тех зверств, которые натворили турецкие войска, корреспондент был потрясен: «Я приехал сюда уравновешенным и бесстрастным. Боюсь от моей беспристрастности не осталось и следа, как, впрочем, и хладнокровия». В своих корреспонденциях он откровенно рассказал о том, как турецкие солдаты сгоняли жителей деревни в церковь, которую потом подожгли, как пытали оставшихся в живых. Он описывал коня, шарахающегося от горы гниющих трупов. Как выглядели черепа детей после ударов саблями. Как массово насиловали женщин, а последний должен был убить жертву. "Между церковью и школой были отвалы (органов). Зловоние было страшно. ... Были 3000 тел во дворе монастыря и церкви" [2, с.77].

По данным Я.А. Мак-Гахана, из семи тысяч жителей села Батак выжили только две тысячи. По его подсчетам турками было уничтожено пятьдесят восемь деревень, пять монастырей, убито пятнадцать тысяч мирных людей. Репортажи Я.А. Мак-Гахана, опубликованные в Daily News, вызвали огромный общественный резонанс, встряхнули мир. Они были перепечатаны ведущими европейскими, русскими и американскими газетами. Большинство выдающихся мировых политических и общественных деятелей после этих репортажей заявили, что ситуация нестерпима. Большинство статей Мак-Гахана были собраны в книге «Турецкие преступления в Болгарии», которая вышла не только в Англии и США, но и в европейских странах. В европейской прессе в 1876 году появилось приблизительно 3000 статей о зверствах против болгар. Корреспонденции Мак-Гахана оказали намного большее влияние на общественное сознание, чем статистические отчеты Шуилера и Бэринга [2, с. 79].

Поддержка Османской империи в Европе таяла на глазах. Даже британская королева Виктория вынуждена была признать, что поражена заметками Мак-Гахана из Болгарии. Поменялось общественное мнение в Англии. По следам публикаций Я.А. Мак-Гахана в Daily News, Уильям Гладстоун написал брошюру «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» оказавшую большое влияние на эту перемену. Попытка британского премьера Бенджамина Дизраэли приуменьшить масштаб жертв и переложить часть ответственности на самих болгар провалилась.

Можно смело говорить, что умение Я.А.Мак-Гахана сообщать об увиденных событиях, окунаться в самую суть происходящего, представляли из себя нечто большее, чем просто информирование любопытной публики. Рассказанная Я.А. Мак-Гаханом правда определенно повлияла на ход истории.

Сообщения американского корреспондента так же взбудоражили общественное мнение в России. Подавляющее большинство населения, забыв о своих политических взглядах и позициях, выступили за оказание сострадания и помощи «братушкам», во многом определив дальнейшие решения российских властей.

24 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. За два дня до этого события Я.А. Мак-Гахан был назначен военным корреспондентом все той же Daily News в русскую армию. Полковник Генерального штаба М.А. Газенкампф, непосредственно отвечавший за работу иностранных корреспондентов, 22 апреля записал: « Пока допущены только Мак-Гахан, де Вестин, Даннгауер и фонМарее» [1, с.9].

Благодаря давней дружбе с генералом М.Д. Скобелевым, Мак-Гахан мог постоянно находиться в передовых частях. Корреспонденту удалось охватить все основные сражения. Он был с русскими войсками и при осаде Плевны, и на Шипкинском перевале и в других сражениях. Именно он первым сообщил об окончательном поражении турецкой армии. Мак-Гахан был одним из немногих корреспондентов, кто присутствовал при заключении Сан-Стефанского мирного договора. Н.В. Максимов писал о нем: « Последние двое (Форбс и Мак-Гахан) как из земли вырастали при всяких важных событиях войны…будучи по природе человеком в высшей степени энергичным, неутомимым, мистер Форбс (а за ним и Мак-Гахан) поражали всех своим вездесущием» [4, с.178].

Актуальная информация о военных событиях, посылаемая Мак-Гаханом являлась одной из самых востребованных в заграничной печати. Читатели, благодаря усилиям корреспондента, выступали не просто в роли наблюдателей происходившего на войне, но и были подвержены аналитическому прессингу. Являясь другом России, Я.А. Мак-Гахан в своих материалах не скрывал симпатий к нашей стране, к ее внешней политике, к мужеству солдат и офицеров русской армии. Его интерпретация событий нередко приобретала большую значимость, чем само происходившее на фронте. «Замечательно то, что, несмотря на более и более развивающиеся напряженные отношения Англии к России, корреспонденты английских газет с театра войны не могут скрыть своего сочувствия к русским и их союзникам, – констатировала "Петербургская газета" [9].

После окончания войны, Мак-Гахан продолжал оставаться некоторое время в Константинополе, собираясь ехать на конгресс в Берлин. Случайно он узнал, что в городе находится больной тифом его старый приятель – американец Грин. Корреспондент стал ухаживать за больным товарищем, заразился и скоропостижно скончался 9 января 1878 года. Ему шел всего лишь тридцать четвертый год. В присутствии дипломатов, военных корреспондентов и генерала Собелева, Мак-Гахан был похоронен на греческом кладбище в Константинополе. Через пять лет, по приказу Главнокомандующего Армии США генерала Шеридана, тело Мак-Гахана было перевезено в США и перезахоронено в его родном Нью-Лексингтоне в штате Огайо.

В статье, посвященной памяти покойного корреспондента, опубликованной в New-York Times, его коллега, Арчибальд Форбс написал: « Мак-Гахан всегда был как путеводный огонек для военных корреспондентов", который "всегда умудрялся" показать хороший фронт, а неудачи никогда не пугали его бодрости» [7].

После смерти мужа, его супруга Варвара Николаевна Мак-Гахан (Елагина) сначала жила в Петербурге. Она работала иностранным корреспондентом The New York Herald», а в 1880 году уехала в Америку, работая постоянным корреспондентом «Русских ведомостей». Мужественная, сильная женщина, не потеряла веру, стала продолжателем дела мужа, став известным корреспондентом, принимала активное участие в жизни наших соотечественников и в России, и в Нью-Йорке. Варвара Николаевна, всегда тепло относившаяся к другу своего мужа, художнику Василию Верещагину. Она сыграла ключевую роль в популяризации его художественных произведений в Америке, получивших к тому времени всеобщее европейское признание. Она же организовала летнюю поездку Верещагина по стране в 1884 году, а позднее приглашение Чикагского института искусств, провести грандиозную выставку (завершившуюся аукционом) с ноября 1888 по ноябрь 1891 в крупнейших городах США.

Военный корреспондент Я.А. Мак-Гахан, проживший короткую жизнь, оставил исключительно яркий след в истории. Его до сих пор помнят в США и Болгарии. Ему установлены памятники в его родном городе в штате Огайо и в нескольких болгарских городах. Его имя носят улицы и площади. Он считается национальным героем Болгарии. На памятнике, установленном на его могиле болгарской диаспорой, выбита надпись «освободитель Болгарии». В 1988 году в Америке вышла биографическая книга о легендарного журналисте историка Дейла Уокера «Януариус Макгахан: Жизнь и кампании американского военного журналиста», выдержавшая несколько переизданий. В 1995 году американцем Риком Совашем была написана пьеса для одного актера «Жизнь и время Я. Макгахана», которая фактически является пересказом его жизни от первого лица.

Список литературы

1. Газенкампф М. Мой дневник 1877–1878. Издание исправленное и дополненное. СПб.: Издание В. Березовского, 1908.

2. Блохин В.Ф., Косарев С.И. Балканский кризис 1870-х годов и периодическая печать России и западной Европы. Брянск. Издательство «Курсив». 2014. 191 с.

3. Косарев С.И. Военные корреспонденты газет на русско-турецкой войне 1877–1878. Историография и источниковедение Отечественной истории. Сборник научных статей. СПб., 2012. Вып. 7. С. 235-240.

4. Максимов Н.В. «За Дунаем», № 5 (1878).

5. Gannon Joseph E. Januarius A. MacGahan: Daring to Tell the Truth. http://thewildgeese.irish/profiles/blogs/januarius-a-macgahan-daring-to-tell-the-truth-part-1-of-2

6. Sowash, Rick. Heroes of Ohio: 23 True Tales of Courage and character. Gabriel's Horn Publishing Co., 1988

7. Walker, Dale L. Januarius MacGahan: The Life and Campaigns of an American War Correspondent. Ohio University Press, 1988.

8. Waker, Dale L. The Search for Januarius MacGahan. Carl Hertzog Lecture Series, No. 1, 1989.

9. Петербургская газета. No 91. 1877.

Об авторах

Косарев Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, kosarev@inbox.ru

Косарева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, kosarevaiv@inbox.ru

УДК 947.081

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС (1875–1878) В ОТРАЖЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Косарев С.И., Косарева И.В.

Статья посвящена сложным отношениям между Россией и Германией в новых условиях формирования европейской политики во время Балканского кризиса 1875-1878 годов и особенностям их освещения в немецкой периодической печати.
Ключевые слова: Балканский кризис 1875-1878 годов, общественное мнение, периодическая печать.

BALKAN CRISIS (1875–1878) IN REFLECTION OF THE GERMAN PERIODICALS

Kosarev S. I., Kosareva I. V.

The article is devoted to the complex relationship between Russia and Germany in the new conditions of formation of European policy during the Balkan crisis of 1875-1878 and features of their coverage in the German periodicals.
Keywords: Balkan crisis of 1875-1878, public opinion, the periodical press.

Целью статьи является анализ реакции общественного мнения кайзеровской Германии на Балканский кризис 1875-1878 годов, нашедшей свое отражение на страницах немецкой периодической печати. Немецкие газеты не только следили за ходом развития кризиса по сообщениям журналистов из зоны конфликтов, но давали собственную оценку происходившим событиям, пытались влиять своим мнением как на ход внутриполитической борьбы внутри страны, так и на внешнеполитический курс Германии. Именно в этот период газеты заставили обратить на себя серьезное внимание Бисмарка как на важный инструмент формирования общественного мнения.

Бисмарк рассматривал, начавшийся в августе 1875 года, Балканский кризис как средство для отвлечения внимания от недавнего объединения Германии и создания конфликтов между другими великими державами, чтобы представить новое немецкое государство как незаменимого партнера, с целью укрепления его международных позиций. «Если оно (Балканское восстание) дойдет до открытого пламени… мы должны будем оставаться нейтральными и продолжать греть руки над этим пламенем как можно дольше» - говорил он [1, с.154].

Но осторожную нейтральность Бисмарка, его равнодушие к насилию на Балканах, разделяли далеко не все. Европейская общественность проявила чрезвычайный интерес к кризису, и Германия не стала исключением. Первой новостью, привлекшей общественное внимание к кризису, стала насильственная смерть французского и немецкого консула от рук мусульманской толпы в мае 1876 года в Салониках. Отчеты в немецких газетах подогревали внимание общественности к событиям, происходившим в Османской империи. Следующим фактом, вызвавшем пристальное внимание общественного мнения к происходящему на Балканах, явилось известие о так называемых «турецких зверствах» в Болгарии, появившихся в газетах в конце июля того же года. Понятно, что и сам ход военных действий русско-турецкой войны 1877-78 годов и отношение к ней различных слоев общественного мнения привлекали первостепенное внимание европейской прессы, в том числе и немецкой.

Вопрос об отношении к восточному кризису стал предметом многочисленных дискуссий между историками. По мнению многих, восприятие кризиса в кайзеровской Германии было более возбужденным и пристрастным, чем это хотелось Бисмарку. Немецкие газеты взахлеб сообщали о нем, давая подчас диаметрально противоположные оценки происходившим событиям. Оживление общественной реакции на события в османской империи стали источником беспокойства властей Германии. Это побудило Бисмарка выступить в рейхстаге 5 декабря 1877 года со словами, что «весь Восток не стоит костей одного померанского гренадера» [1, с. 156].

«Открытый огонь» на Балканах», на который рассчитывал Бисмарк, привлек к себе гораздо больше внимания, чем это можно было себе представить. Убийство в Салониках стало катализатором роста общественного интереса к новостям из Порты. Весть о смерти консулов показала, что насилие, ранее ограничившееся театром восстаний, может распространиться и на места, где жили и работали немцы и другие европейцы. Причиной происшедшего немецкий посол Карл фон Вертер определил «исламский фанатизм». В дискуссии, развернувшейся в прессе

вокруг инцидента, «фанатизм» стал кодовым словом для мусульманского насилия. Официальные газеты: Politische Korrespondenz и Reichsanzeiger воспроизвели сжатое описание убийства в Салониках, в котором Вертер определил мусульманский гнев как причину смерти. Полуофициальная Norddeutsche Allgemeine Zeitung и консервативные, как Kreuzzeitung, вняли пожеланиям министерства иностранных дел и напечатали только официальный отчет без своих комментариев. Дальше всех пошел консервативный Die Post, призвавший изгнать турок из Европы.

Либеральная пресса изобиловала комментариями о деле в Салониках. Но она переформулировала вопрос о виновности. Либеральная пресса, оспаривая идею «турецкого фанатизма», добавляла к нему и «греческий фанатизм». Легкость, с которой эти либеральные газеты развернули полемику по поводу греков и османских христиан, вытекает из культурных войн, бушевавших тогда в Германии. Стереотипы фанатизма, используемые, чтобы демонизировать католиков, были развернуты, чтобы критиковать крестьян в Османской империи.

Бисмарк не мог сопротивляться соблазну возможности взорвать католиков и попросил министерство иностранных дел «поиграть» на прооманской политике Ватикана в прессе. Выдавая ливанских католиков в качестве агентов французского влияния в османских землях, он с удовольствием использовал балканский кризис для разжигания антикатолических настроений в Германии [2, с. 234].

Приближение войны продолжало все больше будоражить умы немецких редакторов и читателей. Возможные варианты разрешения Балканского кризиса становились темой, разделявшей различные слои общественного мнения Германии. Общественное мнение, прежде всего, обратилось к вопросам сочувствия. Кому стоит сочувствовать немецкой общественности: мусульманским правителям или христианским «боевикам»? На чьей стороне быть?

Туркофильский Wiesbaden считал, что конец османского владычества принесет страдания молодой немецкой нации в форме политической нестабильности.

Противоположная сторона выступала за облегчение страданий своих религиозных братьев балканских христиан.

Национально-либеральная Kolnische Zeitung высказывала третью точку зрения о том, что «турки не имеют никакого права на сочувствие, но решение политических вопросов не должно идти на поводу у чувств. Кроме того, следует спросить, действительно ли все эти славяне, сербы, греки, болгары и все, кто так называемые христианские народы, заслуживают ли они симпатию?»[3] Оспаривание симпатий к балканским христианам ставит под сомнение вопрос о жертве и преступнике.

В середине августа, после того, как «турецкие зверства» в Болгарии были обнародованы, эта же газета опубликовала материал, предостерегающий от оценки описанных событий как «бунта благородных, угнетенных людей, борющихся за свободу, права и цивилизацию» [3].

Эта история усложнила популярную у большей части консервативной прессы идею о том, что Балканский кризис – это всего лишь борьба между исламом и христианством на территории Юго-Восточной Европы. Газета Kreuzzeitung поддерживала озабоченность России судьбой балканских народов, отстаивая новый крестовый поход против «ужасных турок». Die Post сохранила свой первоначальный энтузиазм, призывая Россию к войне, которая избавила бы Европу от Османского влияния.

Многие консервативные газеты сплотились вокруг христианского мира и призывали «выбросить турок из Европы». Либеральные газеты, напротив, придерживались мнения, что искоренить турецких мусульман из Европы невозможно.

Но еще больше, чем отношения между мусульманами и христианами в османской империи, общественное мнение Германии занимал вопрос дальнейшего устройства миропорядка. Левые национал-либералы боялись усиления России, опасаясь, что русская экспансия может угрожать Центральной Европе. Kolnische Zeitung, National-Zeitung и Allgemeine Zeitung сосредоточились на критике России и существующих в ней порядков. В своих материалах они сопоставляли Российскую и Османскую империи, спрашивая, которая из них была большей защитницей либеральных ценностей. Они рассказывали истории о насильственном обращении в православие, о гонениях на татар-мусульман, о грабительских набегах казаков на деревни горцев. Проводилась мысль, что, несмотря на то, что Османская империя была насквозь коррумпирована и управлялась продажными чиновниками, она была лучшей альтернативой «дикой» России [3].

Боязнь России пронизывала все классы и слои общественного мнения Германии. Страх доминирования России на Балканах разделяло большинство немцев. Даже социалисты, к примеру, Вильгельм Либкнехт, стали туркофилами, агитируя на страницах своих газет против балканского национализма и делая мрачные прогнозы о продвижении России. Он договорился до

того, что утверждал, что «турецких зверств» в Болгарии не было, а все разговоры об этих событиях – русская пропаганда [4].

Дебаты, разгоревшиеся летом 1876 года, в немецком обществе, заставили Бисмарка забыть о своем нейтралитете и начать комментировать свою позицию по Балканскому кризису. Ему непросто удавалось одновременно, оставаясь нейтральным, сохранять дистанцированность от войны, поддерживать добрые отношения с Россией и, тем временем пытаться ослабить немецкую симпатию к Порте [1, с. 175]. Бисмарк постоянно опасался, что общественное мнение может быть использовано в качестве показателя политических намерений. Поэтому контроль немецких симпатий был важнейшей частью стратегии Бисмарка. Добиться этого «железный» канцлер стремился увеличением количества официальных новостей в прессе, содержащих официальную точку зрения на происходящие события.

Кульминацией усилий Бисмарка по формированию необходимого власти общественного мнения стала его речь (уже упомянутая выше) 5 декабря 1876 в Рейхстаге. В своей речи он не только отказался открыто вмешиваться в конфликт, но и отверг идею о том, что немецкая общественность вообще должна проявлять интерес к Балканскому кризису.

Но, несмотря на все усилия властей, продолжение кризиса генерировало новый общественный интерес. В апреле 1877 года началась русско-турецкая война. Как только война была объявлена, газеты со всей Европы послали своих корреспондентов на театр боевых действий. Немецкие газеты Kolnische Zeitung, Berliner Tageblatt и Vossische Zeitung тоже имели своих военных корреспондентов. Они были аккредитованы к обоим: и российской и турецким армиям, находились в тесном контакте с немецкими консулами и своими коллегами.

Сообщения этих корреспондентов непосредственно с мест событий были крайне важны. Немецкие газеты не только размещали рассказы о боевых действиях, но и интерпретировали те или иные события, давали им свою оценку. Таким образом, сообщения о военных зверствах стали еще одним символическим моментом в борьбе за немецкие общественные симпатии, а контроль за освещением новостей вновь стал важнейшим приоритетом для немецких чиновников.

Когда истории о якобы зверствах русских против мусульман, во время первой осады Плевны, впервые были обнародованы, немецкий посол в Константинополе, князь Рейсс не обратил на них внимание, приняв эти новости за безответственную работу доверчивых британских дипломатов, симпатизировавших Порте. После девяти лет в Санкт-Петербурге, он был отправлен в Константинополь, чтобы убедить русских в германском нейтралитете и действовал строго по указаниям Бисмарка.

Бисмарк был встревожен, что британцы опубликовали подробности о зверствах, совершенных с обеих сторон, после того, как немецкий посол в Лондоне сообщил, что британское общественное мнение поворачивается против русских. Канцлер резко отклонил османскую просьбу об официальной жалобе против России и, вместо этого, искал способы, чтобы поддержать российскую военную кампанию.

Рейсс начал сбор свидетельских показаний от немецких офицеров, которые были прикреплены к российским силам. К концу июля Рейсс получил доказательства того, что именно Башибузуки грабили и убивали болгарских христиан, а также свидетельства немецких офицеров, подтверждающие, как османские солдаты убили раненых в сражении русских солдат [1, с. 176].

Сведения военной разведки от немецких офицеров в русской армии поступали в Берлин через Рейсса и германского консула в Руштуке, обеспечивая основу для новой официальной кампании в прессе. Через месяц после начала военных действий, 8 августа, Бисмарк распорядился, чтобы военные доклады немецких офицеров опубликовались в прессе анонимно, и первая из статей в появилась в Norddeutsche Allgemeine Zeitung уже на следующий день. В Norddeutsche Allgemeine были не только представленные рассказы об убийствах турками раненых русских солдат на поле боя, но также поставлены под сомнение доказательства зверствах русских против мусульман и массового выселении болгарских мусульман из своих деревень [1, с.177].

Для того, чтобы дать повод для полуофициальной прессы распространять новости об османских зверствах в немецкой общественной сфере, Бисмарк направил в Порту письмо в начале августа, в котором он обращал внимание на нарушения Османской империей Женевской конвенции (1864) о военнопленных. [5]. Факт подготовки этого письма был красноречивым показателем того, насколько Бисмарк отошел от исповедуемого им нейтралитета. Автор письма, статс-секретарь Бюлов, в первый вариант записки включил в длинный, беспристрастный отчет о военных злодеяний обеих армий. Бисмарк вычеркнул все упоминания о зверствах русских,

поручив Бюлову сосредоточиться только на турецких зверствах [1, с. 178]. После того, как Кайзер возразил, что российские зверства, по крайней мере, тоже следует упомянуть, Бисмарк пригрозил отменить ноту в целом. Министерство иностранных дел отправило ноту в том виде, как того хотел Бисмарк [1, с. 178].

Бисмарк организовал публикацию консульских сообщений об османских зверствах для того, чтобы найти свой путь в немецком общественном мнении. Доклады о зверствах Башибузуков, переселение болгарских христиан, о показательных казнях христианских повстанцев были направлены в Die Post и Norddeutsche Allgemeine, в то время как свидетельства российских и болгарских жестокостей, жалобы со стороны Красного Креста, что русские обстреливают османские лазареты или о проблеме мусульманских беженцев, были удалены [1, с. 179].

Таким образом, мы отмечаем, что события Балканского кризиса нашли самый живой отклик в общественном мнении Германии. Определяющую роль в обсуждении проблем, вызванных кризисом, сыграла немецкая пресса, активно освещавшая и интерпретировавшая происходившие события.

Настроение различных слоев немецкого общества в оценке восточного вопроса было далеко неоднородно и состояло из самых различных мнений.

Кроме того, необходимо отметить серьезное влияние на формирование общественного мнения представителей власти Германии. Сегодня трудно определить эффективности политики Бисмарка в этом направлении, но нельзя не отдать дань тому упорству и настойчивости, с которыми «железный» канцлер пытался противостоять туркофильской точке зрения в обществе.

Список литературы

1. Gummer S. Chase. The politics of sympathy: German turkophilism and the Ottoman Empire in the age of the mass media 1871-1914. Georgetown University. Washington, DC. 2010
2. Winfried Baumgart, "Prolog zur Krieg-in-Sicht-Krise. Bismarcks Versuch, den Kulturkampf in die Turkei zu exportieren" in, D. Albrecht (ed.), Politik und Komfession. Festschrift fur Konrad Repgen zum 60. Geburtstag (Berlin, 1983). S. 231-256.
3. Kolnische Zeitung (1876-1878). No 110, 226, 237.
4. (Leipziger) Vorwdrts, 1876.
5. Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field. Geneva, 22 August 1864. For full text see, http://www.icrc.org/ihl.nsf/FULL/1207OpenDocument
6. Berliner Tageblatt (1876-1878).
7. Die Post (1876-1878).
8. Frankfurter Zeitung (1876-1878).
9. Germania (1876-1878).
10. Norddeutsche Allgemeine Zeitung (1876-1878).
11. Блохин В.Ф., Косарев С.И. Балканский кризис 1870-х годов и периодическая печать России и западной Европы. Брянск. Издательство «Курсив». 2014. 191 с.

Об авторах

Косарев Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, *kosarev@inbox.ru*

Косарева Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, *kosarevaiv@inbox.ru*

УДК 930.2:26-67:271.2(477.6)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1988-2004 ГОДАХ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ландик Л.П.

Статья посвящена анализу источниковой базы вопроса о взаимосвязях и взаимоотношениях доминирующего церковного института и общества в Донецкой области на рубеже XX – XXI веков. Автором предложена собственная классификация имеющихся по данной проблеме источников с включением новых видов материалов, полученных эмпирическим путем. Всесторонний анализ каждого вида источников позволил выявить его специфические черты и должным образом оценить информационный потенциал источниковой базы в целом.
Ключевые слова: источники, православная церковь, Донецкая область, общество.

RELATIONS BETWEEN THE ORTHODOX CHURCH AND SOCIETY IN THE DONETSK REGION IN 1988-2004: SOURCE BASED RESEARCH

Landik L.P.

The article is devoted to the qualitative analysis of the source base of the links and relationships of the dominant institution of church and society in the Donetsk region at the turn of XX - XXI centuries. The author offers own classification of available sources on this issue with the inclusion of new types of materials derived empirically. A comprehensive analysis of each type of source has revealed its specific features and information to properly assess the potential source base as a whole.
Keywords: sources, the Orthodox Church, Donetsk region, society.

Результаты любого исторического исследования определяются, прежде всего, количеством и характером источников, на которых оно основывается. Поэтому целью данной статьи является анализ источников, которые позволят охарактеризовать государственно-церковные отношения в Донецкой области в 1988 - 2004 годах, а также выявить влияние Православной церкви на духовную и культурную жизнь региона в изучаемый период.

Использование различных источников требует их классификации. В данной статье использована типо-видовая классификация источников, в которой необходимо выделить письменные материалы в качестве главного типа источников, используемого при изучении вопросов, связанных с положением Православной церкви, взаимоотношениями с государством в Донецком регионе в 1988 - 2004 годах. Эта группа источников, по мнению большинства ученых, является основным для историка, избравшего темой для исследования события, явления и процессы новейшей истории общества. Для всех письменных источников, которые могут быть использованы при изучении данной темы, целесообразным является деление на несколько групп.

Первый вид источников составляют законодательные документы СССР, Украины – основные законы государства (Конституция СССР, 1977; Конституция Украины, 1996) [1]. Основой государственно-правовой базы религиозных объединений в СССР на протяжении длительного времени были именно положения, прописанные в Конституции. В частности, Конституция СССР 1924 года гарантировала свободу совести, свободу религиозной или антирелигиозной пропаганды, но делала акцент на отделении церкви от государства и школы от церкви [2]. А уже Конституция СССР 1936 года, а именно ее 124 статья значительно ухудшила и без того трудное положение верующих, предоставляя вместо свободы вероисповедания только свободу отправления религиозных культов [3]. Конституция 1977 года сохранила фактическое неравноправие граждан в зависимости от их отношения к религии: атеисты могли свободно пропагандировать свои убеждения, а верующие могли только отправлять религиозные культы. Но уже Статья 35 Конституции Украины 1996 года закрепила право каждого человека, который проживал на территории Украины (а не только для ее граждан) на свободу мировоззрения и вероисповедания. Это право включало свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, вести религиозную деятельность [4]. Но на практике это привело к увеличению количества сект и других религиозных организаций, которые в силу наличия в своей деятельности деструктивных культовых практик оказывают отрицательное влияние на духовно-религиозную сферу общества, не получившую должной степени контроля со стороны государства.

Кроме того, в рассматриваемый промежуток времени был принят наиболее важный доку-

мент этого периода «О свободе совести и религиозных организациях» [5]. 1 октября 1990 года Верховным Советом СССР был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях», утвердивший за отдельными приходами и церковными учреждениями статус юридического лица. Закон сохранял существовавший ранее орган по связям с церковными учреждениями — Совет по делам религий при Совете министров СССР, но лишил его властных полномочий [6]. Прямым результатом этого закона стало изменение статуса Русской православной церкви и других религиозных организаций, которые получили должную правовую основу своей деятельности и приобрели правоспособность юридического лица. Отныне эти организации могли владеть недвижимостью, заниматься хозяйственной деятельностью, открывать учебные заведения для детей и взрослых, а также свободно распространять религиозную литературу. А 23 апреля 1991 г. был принят закон УССР «О свободе совести и религиозных организациях», который в основном повторял положения общесоюзного закона [7].

Именно эти документы заложили основы государственно-церковных взаимоотношений и непосредственно влияли на религиозную ситуацию в Донецкой области. Поэтому информационные возможности данного вида письменных источников являются действительно весомыми – от определения основ государственной политики в религиозном вопросе до выводов по поводу существования разных конфессий на территории страны и определения каких именно. Данный источник непосредственно влиял на все остальные. Специфика этой группы источников заключается в том, что имеет место существенный дисбаланс между задекларированными положениями нормативно-правовых актов и повседневными практиками их реализации на местах. Документы этой группы содержатся в сборниках «Законы Украины», «Кодексы Украины», в официальном издании «Ведомости Верховной Рады, газетах «Правительственный курьер» и «Голос Украины» и в достаточном количестве и объеме был издан на протяжении последних десятилетий

Второй вид источников – это актовые документы центральных и местных органов власти: декреты, указы, постановления правительств СССР и УССР, распоряжения и приказы областных исполнительных органов власти. Это, например, Указ Президента Украины «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества» от 04.03.1992 [8]. Содержание данных документов было направлено на практическое внедрение политики власти, которая была зафиксирована в законодательных актах. Эта группа источников позволяет проследить процессы практической реализации положений, зафиксированных в Конституциях разных лет. Также помогают исследовать все аспекты изменений советской политики по отношению к религиозным общинам в пределах всего СССР (чуть позже постсоветского пространства), и возможности Церкви по распространению своих идей в обществе, что оказало непосредственное влияние на формирование локальных особенностей государственно-церковных отношений в Донецком регионе. Ведь основной закон государства и законы в целом только «декларировали» определенные направления деятельности без значительного их уточнения, а уже разнообразные публично-правовые акты непосредственно определяли основные направления воплощения их в жизнь. Однако эта документация тоже требует серьезного изучения и анализа, так как существует определенный дисбаланс между теорией и практикой воплощения в жизнь. Этот вид источников также был издан в сборниках советских документов.

Третий вид источников – документы Коммунистической партии. Эта группа источников является довольно важной, исходя из той роли, которую играла Коммунистическая партия в политической и общественной жизни СССР. По сути постановления Компартии непосредственно влияли на все сферы жизни страны и исполняли главную роль среди всех других, но это не было зафиксировано документально. Официально документы Компартии не имели влияния на общесоюзное законодательство, поэтому логично будет выделить документы Коммунистической партии в отдельную группу источников. Однако, именно в них и были зафиксированы основные особенности взаимоотношений государства и общества в целом, и государственно-церковных отношений указанного периода, в частности. То есть религиозная политика Компартии стала составляющей частью политики государства и наоборот. Общей особенностью партийных документов как исторических источников следует признать многоуровневый характер их информации, сложность структуры документальных комплексов, взаимосвязь составляющих их документов. Следствием является то обстоятельство, что информация дробится, отдельный документ не универсален, полноценный анализ требует выявления всей системы документов, раскрытия реального движения исторических событий.

Четвертый вид источников составляют документы текущего делопроизводства центральных и местных органов власти. Это информацион-

ные отчеты, доклады, донесения, протоколы и стенограммы заседаний, переписка, справки органов исполнительной власти. В данном случае акцентируется внимание на документах органов власти, которые следили именно за религиозными объединениями. Названия этих органов несколько раз изменялись, а точнее с 1974 года Уполномоченный Совет по делам религии при Совете Министров СССР по Украинской ССР изменяет название на Совет по делам религии при Совете Министров Украинской ССР. Совет по делам религий при Совете Министров Украинской ССР с 18 апреля 1991 получает название – Совет по делам религии при Кабинете Министров Украинской ССР. Все эти органы власти имели своих представителей в каждой области, в том числе и Донецкой. Так до 1992 на территории Донецкой области был Совет по делам религий при Совете Министров УССР по Донецкой области, с 1992 по 1994 – Отдел по делам религий Донецкой областной гос. администрации, с 1994 по 1995 – Отдел по делам религий исполкома Донецкого областного Совета народных депутатов, в 1996 – 1998 – Управление по делам религии Донецкой областной госадминистрации, в 1998 – 2000 – Управление по делам национальностей, миграции и религии Донецкой областной госадминистрации, в 2001 – Управление по делам национальностей, миграции и религии Донецкой обладминистрации, с 2001 – Отдел по делам религий Донецкой обладминистрации.

Именно делопроизводственная документация этих органов власти предоставляет исследователю многочисленную информацию о государственно-церковных отношениях в региональном аспекте. В частности, это отчетно-информационные доклады за каждый год (отчетно-информационные доклады уполномоченного Совета по Сталинской области), информационные доклады (информационные отчеты, донесения и другая переписка с вышестоящими и местными органами власти, правоохранительными органами по вопросам, касающимся вопросов религии и религиозных обществ, разъяснения законодательства о свободе совести, которые рассылались с центра на места с целью улучшения его практического применения), информация, справки, план работы и другие [9].

Эта документация содержит информацию об общем количестве действующих церквей, молитвенных домов, церковных деятелей в целом и отдельно по иерархии, причинах ликвидации отдельных церквей (что, кстати, рассматривается как исключительно добровольный акт). Также предоставляется информация о доходах церквей и в целом проблемные ситуации, которые связаны с местными религиозными общинами, тенденции развития отдельных религиозных направлений, благотворительная деятельность общин, участие иностранцев в религиозной жизни области. С точки зрения этих информационных возможностей делопроизводственной документации, можно констатировать, что они действительно являются основополагающими для рассмотрения положения Православной церкви и основных форм ее деятельности непосредственно в Донецкой области. Эта группа источников хранится в Государственном архиве Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР).

Пятый вид источников – статистические источники. Эти источники предоставляют возможность добавить к анализу исторических процессов количественную характеристику. Это, например, «Сведения о численности, количественном составе и обрядности религиозных объединений (сводные по области)», которые хранятся в ГА ДНР [10]. Данная группа документов дает достаточно широкую количественную характеристику о численности религиозных общин, монастырей, священнослужителей, воскресных школ, периодических изданий, культовых зданий (находящиеся в собственности и на правах аренды). Также содержать информацию о количестве религиозных групп каждой конфессии (при чем, как зарегистрированных, так и незарегистрированных). Кроме того, предоставляется численная характеристика динамики браков и венчаний, крещений и похорон, которые непосредственно связаны с проведением разных религиозных обрядов [11]. Стоит отметить немаловажную особенность содержательности информационности статистических источников, появившуюся именно в данный период – власть перестает заниматься их фальсификацией, поскольку деструктивные процессы в государственном организме близки к финалу, влияние партийного аппарата сводится к нулю, прежняя идеология стремительно разрушается. Следовательно, статистика рассекречивается и становится более достоверной.

Характеристика современной религиозной ситуации отражена и в ежегодных статистических и информационных отчетах областных управлений и центрального органа по делам религий [12]. Статотчеты содержат ведомости о численности религиозных организаций, их видах, количестве священнослужителей, высших учебных заведений, воскресных школ, периодических изданий разных конфессий по области. Этот источник находится на стыке двух видов письменных источников – делопроизводственной документации и

статистики. Современные статотчеты, по состоянию на 2013 год, хранились в текущем архиве Департамента по вопросам внутренней политики Донецкой областной государственной администрации [13]. Однако сейчас являются доступными на официальном сайте данной организации.

Кроме того, важным источником являются статистические исследования (анкетирование) проведенные автором данной работы. Среди учителей общеобразовательной школы № 118 г. Донецка, в количестве 25 человек, была распространена анкета с вопросами о роли православия в школьном процессе в 1990-х – начале 2000-х годов. Вопросы касались учебного и воспитательного процесса. Абсолютное большинство респондентов признало наличие влияния православной церкви на образовательный и воспитательный процесс при официальном разделении церкви и школы. Данный вид источников помогает узнать информацию «из первых рук», а не из уже переработанной кем-то информации для официального отчета.

Шестой вид источников – периодические издания православной церкви Донецкой области и СМИ в целом. Это: 1) православный собеседник «Живой Родник» издается ежемесячно с апреля 2003 года. Журнал ориентирован прежде всего на воцерковленных православных христиан, он ставит перед собой цель ознакомить как можно более широкий круг читателей с истинами православной веры, предоставить апологетику для сомневающихся, углубить знания воцерковленных людей; 2) православная телепрограмма «Дорога к храму», которая выходила в эфир Донецкой областной государственной телерадиокомпании (27 канал) с 2003 года. Программа выходила в нескольких форматах: дважды в неделю по будням священники епархии отвечают на письма телезрителей; по выходным размещаются новости православного Донбасса и сюжеты об архипастырском служении, о духовной, просветительской и социальной деятельности Церкви на территории Донецкой епархии. В материалах журналистов рассказывается о христианских традициях, о праздниках и святынях Православия, об интересных людях, которые своей жизнью и делами служат Богу и ближнему; 3) интернет-сайт «Донбасс Православный», созданный в 2002 году. Дизайн сайта и его контент разработали протоиерей Евгений Пейков и Анна Калмыкова [14]. На сегодняшний день существует еще большее количество непосредственно православных СМИ в регионе, расширено сотрудничество с внецерковными СМИ, но в данном случае нас интересует период до 2004 г.

Кроме сугубо церковных СМИ существуют также светские периодические издания, которые публиковали и публикуют информацию о важных событиях в жизни православной церкви. Например, «Социалистический Донбасс», «Радянська Донеччина», «Вечерний Донецк» и другие. Особенно много публикаций было в период определенного религиозного юбилея – 1000-летия крещения Руси или празднование 2000-летия Рождества Христова. К этим знаменательным датам были даже приурочены целые серии статей об истории православной церкви, известных ее представителей, важных событий из жизни церкви. Стоит отметить, что данный вид источников требует крайне осторожного обращения, так как имели место конфликты между официальной православной церковью и светскими средствами массовой информации, вызванные неправильной интерпретацией фактов или информацией, которая, по мнению церкви, не должна освещаться на страницах периодической прессы и других видах СМИ. Поэтому, как и любой другой источник, этот вид информации требует комплексного изучения и всесторонней проверки правдивости фактов.

Седьмой вид источников – официальные церковные документы, материалы соборов, выступления православных деятелей [15]. Эта группа документов дает достаточно широкую характеристику внутрицерковной жизни и официальную позицию православной церкви по поводу важнейших вопросов жизни в стране. Наиболее важное значение в этой группе имеет документ под названием «Основы социальной концепции» православной церкви (2000), где «излагаются базовые положения ее учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Помимо этого, он устанавливает ряд руководящих принципов, применяемых в данной области епископатом, клиром и мирянами» [16]. Кроме этого, важная информация содержится в материалах Архиерейских соборов 1992, 1994, 1997, 2000, 2004 годов, где обсуждались наиболее значимые для православной церкви проблемы, тенденции развития и перспективы на ближайшее время [17], опубликованные на страницах «Журнала Московской Патриархии» или других изданий. Официальные церковные документы позволяют видеть в динамике мнение руководства РПЦ по самому широкому кругу вопросов, касающихся как внутрицерковной жизни, так и отношений Церкви с государством и обществом. Именно

на этих соборах закладывались основы той политики, которая после воплощалась на местах, в том числе и на территории Донецкой области.

Важность этой группы источников очень трудно недооценить, так как именно они позволяют узнать не только официальную государственную точку зрения на определенные события, но и внутрицерковное мнение.

Таким образом, проанализированная база исторических источников недостаточно привлечена в научно-исторический оборот, что частично и определяет собой новизну исследования по данной тематике. Кроме того, вышеперечисленный корпус источников, при условии комплексного подхода в их использовании, перекрестного анализа, предоставляет возможность исследователю с достаточной степенью объективности воссоздать картину государственно-церковных отношений в Донецкой области в 1988 - 2004 годах и показывает влияние православной церкви на духовную и культурную жизнь региона.

Список литературы

1. Конституция, 1977. М.: Наука, 1978. 365 с.; Конституція України. К.: Наукова думка, 1996. 75 с.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1980.
3. Там же.
4. Конституція України. К.: Наукова думка, 1996. 75 с.
5. Закон о свободе совести и религиозных организациях. URL http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req= doc;base=ESU;n=3671
6. Там же.
7. Про свободу совісті та релігійні організації. URL http://zakon4.rada.gov.ua/ laws/show/987-12
8. Указ Президента Украины «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества». URL http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U012500.html
9. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 4022. Оп. 1. Д.597, 603, 606, 621, 622, 623, 632, 643, 646, 652, 653, 665, 668, 708, 726.
10. Там же, д. 23.
11. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 4021. Оп.1. Д. 262.
12. Там же, д. 643.
13. Текущий архив Департамента по вопросам внутренней политики Донецкой областной государственной администрации. Справка о религиозной сети в Донецкой области — 2012 г. – Папка № 28.
14. Епархиальные СМИ. URL http://donetsk.church.ua/eparxialnye-smi-3/
15. Официальный сайт Московского патриархата. URL http://www.patriarchia.ru
16. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL http://www.patriarchia.ru/db /text/419128.html
17. Материалы соборов. URL http://www.patriarchia.ru/db/document/100048/

Об авторе

Ландик Лариса Петровна – аспирант, кафедра региональной и отечественной истории, Донецкий национальный университет, larisalandik@rambler.ru

УДК 930.25:929Воронцова.(479+477)-056.87

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. К. ВОРОНЦОВОЙ

Лисунец Л. И.

В статье на основе изучения архивных источников Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Одесской области рассмотрена филантропическая и культурно-просветительская деятельность супруги генерал-губернатора Новороссийского края и наместника кавказского М. С. Воронцова – Е. К. Воронцовой. Анализ документов позволяет охарактеризовать основные направления ее социальной практики, раскрыть управленческий талант Е. Воронцовой. Анализируется информационная сторона архивных источников, степень их сохранности и репрезентативности. Архивные документы позволяют всесторонне осветить участие Е. К. Воронцовой в общественной жизни Новороссийского края и Кавказского наместничества.
Ключевые слова: Е. К. Воронцова, благотворительность, благотворительное общество, культурно-просветительская деятельность, Новороссийский край, Кавказское наместничество.

CHARITABLE AND CULTURE-EDUCATIONAL ACTIVITY OF E.K. VORONTSOVA (ON MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF ANCIENT ACTS AND STATE ARCHIVES OF ODESSA REGION)

Lisunets L.I.

In this article that based on the research of archival sources of The Russian State Archives of Ancient Acts and The State Archives of Odessa Region is considered philanthropic and culture-educational activity the wife of the governor-general of the Novorossiysk Territory and the governor of Caucasus M. S. Vorontsov – E. K. Vorontsova. Document's analysis allows us to characterize the main directions of her social practice, to open managerial talent of E. Vorontsova. We analyze the information side of the archival sources, the degree of their safety and representativeness. Archival documents allow us comprehensively illuminate the concern of E.K. Vorontsova in the public life of the Novorossiysk Territory and the Caucasus governorship.
Keywords: E. K. Vorontsova, charity, charitable Society, culture-education activity, Novorossiysk Territory, Caucasus governorship.

Процесс гармонизации социальных отношений между мужчинами и женщинами вызвал научный интерес к гендерной истории. Анализ исторического развития представлений о «мужском» и «женском» позволяет глубже понять проблемы современного общества и корректировать будущее построение партнерских отношений между полами. До времени социальных, культурных, экономических и политических преобразования, произошедших в течение XIX – XX веков в Российской империи, единственной сферой реализации социальной активности женщин была благотворительность. Обращение к личности известной благотворительницы XIX века Е.К. Воронцовой позволит расскрыть процесс вовлечения женщин в общественную жизнь страны.

Цель работы – на основе архивных источников осветить основные направления благотворительной и культурно-просветительской деятельности Е. К. Воронцовой, выявить методы ее социальной практики, формы участия.

Елизавета Ксаверьевна Воронцова родилась 19 сентября 1791 года в семье коронного гетмана К.-Ф. Браницкого и А. В. Энгельгардт, племянницы Г. А. Потемкина, фрейлины императрицы Екатерины II. Детство и юность Е. Браницкая провела в Белой Церкви. В 1819 году вышла замуж за М. С. Воронцова. После его назначения в 1823 году на пост Новороссийского генерал-губернатора супруги переехали в Одессу. По приезду М. Воронцов развернул широкую административную, хозяйственную, и культурно-просветительскую деятельность. Заметное место в общественной жизни Одессы заняла и его супруга Е. Воронцова.

Семейный фонд Воронцовых (ф-1261), который хранится в РГАДА включает многочисленные документы, которые отражают благотворительную, культурно-просветительскую и хозяйственную стороны жизни Е. Воронцовой. Источники разнообразны по своему содержанию, функциям и характеру. Часть материалов освещающих проблему хранится в фондах ГАОО. Прежде всего это фонды Новороссийского генерал-губернатора (ф-1), Канцерии Одесского градоначальника (ф-2), Одесской городской думы (ф-4), (Херсонской духовной консистории (ф-37), Одесского строительного комитета (ф-59), Одесского общества истории и древностей (ф-93), Одесского статистического комитета (ф-274), Одесского комитета опеки о тюрьмах (ф-361), семейного фонда Стурдз-Гагариных (ф-141).

Источниковедческая база проблемы характеризуется значительным объемом документов и

вариативностью их происхождения, весомая часть, которых вводится в научный оборот впервые. Среди них мы выделяем: переписку (личную и делопроизводственную), отчётную документацию (отчёты), документы деятельности коллегиальных органов; управленчиские документы.

Начало благотворительной деятельности Е. К. Воронцовой связано с Одесским женским благотворительным обществом. Общество было основано в 1829 году. Цель его деятельности заключалась в оказании помощи бедным и опеке сирот, которые воспитывались в сиротском приюте, открытом обществом немного позже. В Государственном архиве Одесской области хранятся документы связанные с его основанием. В ходатайстве об разрешении открытия общества, М. С. Воронцов, ссылался на инициативу и заинтересованность одесской общественности в его учреждении [1, л. 1]. Елизавета Ксаверьевна Воронцова на протяжении 43 лет возглавляла благотворительную организацию, что позволяет нам сделать вывод о том, что инициатива открытия исходила от неё.

Со времени начала работы Женского благотворительного общества перед учредителями, и в первую очередь перед Е. К. Воронцовой, стоял вопрос о его финансовом обеспечении. Документы о благотворительной деятельности Е. Воронцовой свидетельствуют о ее крупных целевых пожертвованиях на строительство помещений детского приюта, подведомственного Женскому благотворительному обществу, ремонт, приобретение больших покупок [2, л. 233]. В 1858 году, беспокоясь о будущем организаци, она внесла на баланс 24000 руб. в качестве основного капитала [3].

Особое внимание Е. Воронцова сконцентрировала на развитии детского приюта. В семейном фонде Воронцовых остались письма, в которых к ней обращались за помощью в устройстве детей в сиротский дом. Адресантами большей части писем были выходцы из крестьянского сословия и мещан. Крестьянка Акацетова, обратилася к Е.К. Воронцовой с просьбой о принятии в приют своей дочери, которую она была не в состоянии прокормить. Мать подробно рассказала о бедственном положении семьи и заверяла, что ее дочь кротка и послушна [4]. Родственные и дружеские связи С. Потоцого [5] и графини Остен-Сакен [6] с Е. Воронцовой, позволили им просить ее о принятии в детский приют, детей которые остались без родительской опеки. Г. Стефандупало обратился к Е. Воронцовой с просьбой принять своего воспитанника, которого он не мог больше опекать, в связи с возвращением в Грецию [7].

Сохранившиеся в фондах ГАОО, личные дела воспитанников Одесского женского благотворительного общества Я. Данилова [8, л.3], и С. Гулякова [9, л.6] свидельствуют об личном участии Е. Воронцой в их судьбе. По ее настоянию они были отданы на обучение к ремесленникам. Привлекала в интересах детей она и «собственные материальные ресурсы». Е.К. Воронцова была обладательницей многочисленных поместий, чем пользовалась в своей благотворительной практике. Для обучения садоводству в свое поместье в Мошнах она отправила воспитанника приюта С. Гурию [10].

Пристальное внимание Е. К. Воронцова уделяла хозяйственным и имущественным вопросам Одесского женского благотворительного общества. Эту проблему репрезентуют дела фонда Одесского строительного комитета и Канцелярии Новороссийского генерал-Губернатора: «О предоставлении Женскому благотворительному обществу в Одессе права продажи игральных карт» [11], «Об отводе Женскому благотворительному обществу участка на лимане под постройку помещения для сирот» [12], «О сдаче городского колодца в ведение сиротского дома женского благотворительного общества» [13], «О дозволении Женскому обществу устроить галереи перед лавкой на площадке старого базара» [14]. Аналогичные документы (о переходе части территории общества во владение города и получении компенсации [15], ходатайство Е. Воронцовой о переносе нечистотных ям подальше от территории Одесской Стурдзовской богадельни сердобольных сестер) представлены в семейном фонде Воронцовых в РГАДА [16].

Е.К. Воронцова принимала участие во многих городских проектах. Сведения о ее благотворительной деятельности нашли отражение также в фонде Одесского попечительного комитета о тюрьмах. При инициативе Е. Воронцовой и других членов организации был решен вопрос об устройстве детей арестанток в городской сиротский дом [17, л. 1-2]. Опираясь на сохранившиеся квитанции разных благотворительных заведений, мы може сделать вывод, что Е. Воронцова содержала за свой счет многих бедняков, которым оказывалась материальная и медицинская помощь.

Участие Е. Воронцовой в деятельности Одесского общества истории и древностей, созданного с целью сбора и охраны древних культурных памятников, прослеживается по книгам регистрации предметов древности. Е. К. Воронцова передала обществу несколько десятков греческих и римских монет, амфор, кувшинов [19], что доказывает её интерес к работе общества.

Для Одесского женского благотворительного общества 1844 год ознаменовался многими пе-

ременами. М.С. Воронцов был назначен Кавказским наместником. Е.К. Воронцова, следуя за супругом, покинула Одессу. Однако сохранила за собой место председательницы. В историографии утвердилось мнение, что Е. Воронцова, во время пребывания в Тифлисе, исполняла свои обязанности лишь номинально. Архивные источники дают возможность опровергнуть эту мысль. А.С. Стурдза, попечитель Дома призрения сирот по нравственно-учебно части, в письме от 22 января 1852 года, обратился к Е.К. Воронцовой с просьбой освободить его от этих обязаностей [20].

Особое участие супруги Воронцовы приняли в решении вопроса о расширении штата воспитанников Дома призрения сирот. Изучив отчеты общества и учитывая внешние обстоятельства они пришли к мысли о необходимости увеличения численности сирот. Из Тифлиса М. С. Воронцов написал ходатайство об расширении штата воспитанников, на что получил утвердительный ответ [21]. Таким образом, можно сделать вывод, что находясь на Кавказе, Е. К. Воронцова продолжала принимать решения по важным управленческим вопросам, которые оставались в ее компетенции.

Деятельность Е. Воронцовой по распостранению женского образования в Кавказском регионе отражена в делопроизводственной переписке секретарей Одесского, Тифлисского и Ставропольского благотворительных обществ, прежде всего это: «Переписка разных учреждений и лиц с Е. К. Воронцовой и отчетные сведения о Ставропольском женском училище Св. Александры» [22] и «Письма Кутаисского, Ставропольского, Шемахинского и других учебных заведений на Кавказе секретарю Женского благотворительного общества Св. Нины А. И. Казначееву» [23]. За короткий период времени Е. Воронцова основала на Кавказе общество Св. Нины в Тифлисе (1845) и двумя отделениями в Кутаисе (1847) и Шемахе (1848), общество Св. Александры в Ставрополе (1849), общество Св. Рипсимии в Ереване (1850). При вишеперечисленных организациях действовали женские училища «в которых за умеренную плату дочерям небогатых родителей представлялось образование». На характер и содержание документов повлияли время и условия их создания. Хронологически переписка охватывает 1855-1859 годы, в этот период Е. Воронцова с супругом после отставки М. Воронцова проживали в Одессе, поэтому письма являются результатом «дистанционного управления» училищами с её стороны. В письмах к ней авторы раскрывали будни основанных ею учебных заведений [24, л.39]. Секретарь общества Св. Александры Я. Булычев обратился за советом к Е. Воронцовой в решении кадровых вопросов. Он отметил хорошую работу эконома (имя его не указывается), но выразил недовольство по поводу надзирательницы Атарбековой [25, л. 12-14]. Надзирательница училища Св. Нины М. Васильева, в письме о сложении с себя полномочий, просила назначить ей пенсию [26].

Интерес представляют письма Я. Булычева о строительстве собственного здания училища Св. Александры. Стиль изложения таков, что становится понятно, что этот проект должна была рассмотреть и одобрить Е. Воронцова, без её разрешения никаких шагов не предпринималось. Среди писем не сохранилось оригинала ответного письма Е. Воронцовой, однако из последствующих писем становиться ясно, что она не утвердила первоначальный проект и указала на некоторые недоработки в нем [27, л. 26]. Здесь же упоминается о ходатайстве Е. Воронцовой к Н. Завадовскому образовать в Ставрополе благотворительное общество и женское училище «с целью воспитания за самую умеренную плату дочерей небогатых родителей в духе христианской религии и строгой нравственности» [28, л. 72-73]. В отчете за первое десятилетие деятельности общества приводится полный текст рескрипта императрицы Александры Федоровны на имя Е. К. Воронцовой. Она одобрила действия Е. Воронцовой и была удолетворена, что именно она возглавит общество [29, л. 74].

Дело под названием «Письма Кутаисского, Ставропольского, Шемахинского и других учебных заведений на Кавказе секретарю Женского благотворительного общества Св. Нины А. И. Казначееву» также включает разноплановою информацию. Здесь находятся сведения о пожертвованиях Е. Воронцовой на развитие училищ, данные об пансионерках, воспитываемых за её счет [30, л. 11, 14, 18]. Из писем следует, что находясь в Одессе, она по прежнему курировала заведения, интересовалась состоянием и успехами подопечных. Под ее контролем были не только финансовые, но и кадровые вопросы. К тому же заметим, что порядок замещения пансионерок воспитываемых за её счет, решался только Е. Воронцовой [31, л. 14]. Она сохранила хорошие взаимоотношения со своими воспитанницами. В одном из писем Е. Воронцова тепло благодарила их за присланное ей в подарок рукоделие [32, л. 15].

Изучив письма секретарей благотворительных обществ Св. Нины, Александры, Рипсимии, приходим к выводу, что в них по большей части содержится информация о материальном положении, основанных Е. К. Воронцовой учебных заведений, численности и судьбе воспитан-

ниц, на что несомненно повлияла цель их написания. С другой стороны это определило их полифонизм, поскольку они включают в себя тексты других групп исторических источников (рескриптов, ходатайств, отчетов).

Важным периодом в деятельности Е. Воронцовой была середина 1850-60 –х годов. В это время ее усилия были направлены на реформирование и расширение деятельности Одесского женского благотворительного общества.

Внимания заслуживают «Письма Правления Одесскогго женского благотворительного общества к казначею общества Тумачевскому Г. И.» в 3 томах [33, 34, 35]. В целом информация, заключающаяся в них, однородна по своему характеру и формам изложения. Прежде всего это поточные расходы общества на Дом призрения сирот, Михайло-Семеновского приюта, отделения для младенцев, отделения для старых и немощных женщин, уплаты за содержание детей в больнице и других детских приютах города, сведения о количестве воспитаников, расписки секретаря и казначея в получении денег. При изучении деловой переписки Женского благотворительного общества выявлено распоряжение Е. Воронцовой увеличить ежемесячное содержание младенцев с 4 руб. до 5 руб. [36, л.10], в связи с высоким уровнем смертности среди них. Услышав о положительных профессиональных и человеческих качествах доктора А. Кондратовича, Е. К. Воронцова предложила ему исполнять обязанности доктора при детском приюте [37]. Названные документы свидетельствуют об ее чувстве ответственности за жизнь детей. Меры, предпринятые ею для улучшения условий содержания сирот, как явствует из документов дали положительный результат.

Глубоко переживая потерю мужа Е. Воронцова решила оставить свои обязанности главы Одесского женского благотворительного общества. На экстренном собрании членов общества она огласила свое решение, в котором таке сформулировала свое видение будущего Одесского женского благотворительного общества. По ее мнению, цель воспитания сирот должна была заключатся в воспитании их в духе христианства и развитие в детях таких качеств, как трудолюбие. Также она считала необходимым: 1) упростить структуру общества; 2) соединить сиротский дом и отделение для младенцев в одно заведение; 3) уравновешивать доходы и расходы общества [38, л. 1-2].

Члены Женского благотворительного общества настояли на том, чтобы Е. Воронцова продолжила исполнять свои обязанности. 6 февраля 1859 г. она приняла на себя вновь звание председательницы общества. Вступая в должность, Е. К. Воронцова изложила свой план действий, направленный на повышение эффективности работы общества [39, л. 7].

Первостепенное значение данных материалов заключается в том, что эти документы, отражают конкретные меры, предпринятые Е. Воронцовой, направленные на развитие Одесского женского благотворительного общества.

Е. К. Воронцова в 1859 г. инициировала учреждение Михайло-Семеновского приюта, названого таким образом в честь супруга. В заведении воспитывались только мальчики. В РГАДА имеются бухгалтерские книги и ведомости, а также другие документы, отражающие финансовую сторону строительства заведения на протежении около 15 лет (1861-1875), не захватив впрочем первых двух лет строительства. За этот отрезок времени в делопроизводстве отложились подробные отчеты о расходах на постройку сиротского приюта [40, 41], несколько приходно-расходных книг [42], ведомости прихода и расхода денежных сумм [43], сметы [44], счета, расписки [45], договоры о постройке и отдельным видам работ [46]. Данные этих документов дают возможность сделать погодовую сетку расходов средств, установить лиц, привлеченных к строительству, и проследить денежные вклады Е. Воронцовой в инициированное ею дело. Так в 1861 г. было израсходовано 9800 руб., в следующем еще 11700 руб. [47]. В приходно-расходной книге фиксируются все имеющиеся денежные средства и их реализация (покупка строительных материалов, оплата рабочим и т. д.), а в отчете представлены итоги строительных работ.

Отдельного рассмотрения заслуживает записная книжка Е. К. Воронцовой, в которой погодно отмечены суммы пожертвований, внесенных ею на строительство Михайло-Семеновского детского приюта. В общей сложности она внесла на баланс учреждения за 1868-1873 годы. 154776 руб. 20 коп. [48].

Основывая благотворительные и культурно-просветительские общества, Е. Воронцова всегда заботилась об их будущем благосостоянии. Желая обеспечить прочное финансовое положение Михайло-Семеновского приюта, она внесла на баланс учреждения крупную сумму. В личном письме генерал-губернатору Новороссийского края П. Е. Коцебу Е. К. Воронцова писала: «Я обращаюсь к Вам, генерал, за помощью, старания мои направлены на обеспечение нового Михайло-Семеновского приюта, вот мотивы, которые толкают меня прописать условия составления чернового варианта правил, что

определят порядок внесения 110000 руб.» [49, л. 1]. Стремясь оградить пожертвование от расточителей и неправильного распоряжения доходом с этого капитала, Е. Воронцова пожелала видеть в уставе Одесского женского благотворительного общества пункт о том, что в случае изменения задач организации ее наследники могли бы забрать внесенный ею капитал. В ответном письме П. Коцебу сообщил, что не видит необходимости внесения даного условия, поскольку уставом определено, что задачи общества не могут быть изменены. Получив отрицательный ответ Е. Воронцова составила повторное прошение: «сохраняя убеждение, что редакция примечаний к § 54 в предложенном мною смысле выражает определенность, то непременное условие, под которым приносится пожертвование на доброе дело, и позволяя себе думать, что в таком желании не может быть ничего противного благотворным видам правительства, я вновь имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказывать в исходатайствовании» [50, л. 2-4].

Переписка между Е.К. Воронцовой и П.Е. Коцебу имеет исключительную научную ценность. Во-первых, это единственный документ, который подтверждает личное участие Е.Воронцовой в выработке устава. Во-вторых, она свидетельствует о настойчивой позиции Е.К. Воронцовой в защите интересов Михайло-Семеновского приюта.

В 1850-е годы у Е. Воронцовой возникла мысль о создании богадельни для воинов-инвалидов. Эта идея появилась в связи со сбором денег на сооружение памятника М.С. Воронцову. В письме от 30 декабря 1856 года Е.К. Воронцова писала императору Александру II: «Я считаю своим долгом представить несколько замечаний, которые я желала бы видеть оцененными, чтобы дать к предполагаемому сооружению памятника значение, по-моему мнению, наиболее соответствующее его цели. Если бы мысль о воздвижении князю Воронцову памятника в роде статуи возникла при его жизни, то я убеждена…он воспротивился бы тому… Иначе бы он принял проект основания, хотя бы и в его честь, полезного и благотворительного учреждения с целью призрения нескольких пристарелых немочных военных чинов…» [51]. К сожалению, проект не был исполнен. По неизвестным причинам ходатайство Е.К. Воронцовой было отклонено.

В 1851 году в Одессе, с целью оказания бесплатной медицинской помощи бедным жителям города и для обучения сестер милосердия была открыта Стурдзовская богадельня сердобольных сестер. Е. Воронцова стала почетной попечительницей этого заведения. В пользу богадельни Е. К. Воронцова не раз делала щедрые пожертвования [52, л.232-233]. Роль ее личного участия в развитии этого заведения отметил даже император Александр I, говоря, что только благодаря пожертвованиям Е. Воронцовой благосостояние богадельни заметно улучшилось [53, л. 8].

Об успешной деятельности Е. К. Воронцовой по социальной защите населения свидетельствуют ежегодные отчеты. В фондах Новороссийского генерал-губернатора, канцелярии Одесского градоначальника и Одесского статистического комитета (ГАОО), находится сводная отчетная документация благотворительных обществ региона, где зафиксировано количество воспитанников каждого заведения, год его основания, капитал [54, л. 59-60]. Анализ отчетов позволяет говорить о положительной динамике развития Одесского благотворительного общества и Стурдзовской богадельни сердобольных сестер, выявить приоритетные направления деятельности учреждений.

Благотворительная помощь Е. Воронцовой со временем приобрела внушительный масштаб и к ней все чаще стали обращаться люди, которые оказались в затруднительном положении. Всего в семейном фонде Воронцовых выявлено более 350 писем с обращением о помощи. В данной статье мы не станем подробно останавливатся на каждом, а лиш обобщим их информационные возможности. Просьбы были самые разные: о материальной помощи [55, 56, 57, 58], назначении пенсии [59], трудоустройстве и даже с просьбами дать взаймы некоторую сумму денег [60, 61]. Анализ писем позволяет также говорить, что люди обращались за помощью к Е. К. Воронцовой находясь в трудном материальном положении, вызванном болезнью [62, 63], переездом [64], потерей работы [65].

Некоторые документы ГАОО и РГАДА отражают участие Е.К. Воронцовой в жизни Новороссийского университета и его студентов. Совместно с другими жителями Одессы она сделала пожертвование в пользу университетской церкви Александра-Невского [66]. Студент Новороссийского университета В. Мураневич, уповая на Е. Воронцову как известную благодетельницу и поклонницу распространения знаний, обратился к ней с просьбой принять его на работу в ее домовую церковь [67]. Также в семейном архиве сохранились сведения об воспитанниках Е. К. Воронцовой в Ришельевском лицее [68] и Одесском и Керченском институте благородных девиц [69, 70].

Широкую поддержку Е.К. Воронцова оказала церковному строительству. В семейном архиве Воронцовых хранится около 30 адресованных

Е. Воронцовой обращений церковных служителей, с просьбой оказать материальную помощь. Чаще всего она выделяла деньги на строительство и ремонт храмов. Среди писем находим и просьбы о пожертвовании икон, риз, церковной утвари. Несколько церквей Е.К. Воронцова поддерживала на постоянной основе. В таких случаях, пожертвования сделанные ею, зачастую направлялись на жалование священослужителям. Московский митрополит Филарет и епископ Александр, благодаря Е. Воронцову за пожертвования, сообщали, что средства были потрачены на нужды церкви, жалование духовенству и аренду дома [71, 72, 73]. Интересным является письмо священника Иоанна Покрово-Богородичного братства. Священнослужитель пишет, что предоставляет Е.К. Воронцовой подробный отчет о деятельности братства за 1876 год [74]. Письмо адресовано на имя председателя Одесского женского благотворительного общества. Склоняемся к мысли, что такой отчет прислан не случайно, вероятно церковь получала от организации постоянную денежную помощь. Денежные подарки, церковную утварь, иконы, облачення получили от Е. Воронцовой и многие другие храмы [75].

Особое внимание Е. Воронцова уделяла церковному строительству в Кавказском наместничестве. Проживая в Тифлисе она всегда делала пожертвования местной церкви. В 1858 году Е. К. Воронцова передала митрополиту Исидору 1000 руб. Серебром, равнозначную сумму она пожертвовала Тифлисской церкви [76]. Кроме того, по просьбе митрополита Исидора она выделила крупную сумму на другие храмы Кавказского наместничества. Широкая поддержка Е. К. Воронцовой храмов данного региона обусловлена не только личными благочестивыми намерениями благотворительницы, но и сформировалась как знак уважения к памяти мужа.

Особое внимание Е. К. Воронцова уделяла постройке и развитию православного храма в Варне. Сохранилась ее переписка с русским посольством в Константинополе по делам здешнего храма Святого Николая. Из личной переписки следует, что Е. Воронцова жертвовала на его содержание ежегодно 700-750 руб. [77, 78, 79]. К письмам прилагались также расписки о получении денег и о расходах церкви. В письме от 11 ноября 1843 года консульський агент Н. Даскалов писал, что существование храма обеспечивается уже четвертый год исключительно щедрыми пожертвованиями Е. К. Воронцовой [80]. Сохранилось и письмо Е. Воронцовой в Константинополь в котором она высказывала свою радость за быстрое развитие храма [81].

На помощь от Е. К. Воронцовой рассчитывали и другие конфессии. К ней обращался также настоятель Перекопской Римско-католической церкви [82]. Поддержка Е. К. Воронцовой католиков свидетельствует, что она не ограничивала свою деятельность конфессиональными рамками и сохранила память о своем отце-католике.

Наименьшей степенью информативности обладают документы РГАДА, касающиеся деятельности Е. Воронцовой в Одесском болгарском настоятельстве [83] и Одесском музыкальном обществе [84]. Сведения в них подтверждают лишь факт участия Е. К. Воронцовой в них. Немного больше из семейного архива Воронцовых становится известно об ее поддержке Александро-Мариинской богадельни. Е. Воронцова не только жертвовала на развитие учреждения, но и принимала участие в решении его финансирования и кадрового обеспечения [85].

Таким образом в фондах ГАОО и РГАДА сохранился весьма обширный и многогранный комплекс источников, позволяющих раскрыть благотворительную и культурно-просветительскую деятельность Е.К. Воронцовой. Подавляющую часть материалов составляют документы на русском языке, часть – на французском. Архивные источники РГАДА и ГАОО позволяют осветить вклад в Е. Воронцовой в становление и развитие Одесского общества истории и древностей, Одесского общества изящных исскуств, Одесского болгарского настоятельства. Документи семейного архива Воронцових раскрывают участие Е. К. Воронцовой в жизни учеников Ришельевского лицея и воспитаниц Одесского и Керченского института благородных девиц. Документы, касающиеся истории развития Одесского женского благотворительного общества, Михайло-Семеновского приюта, Стурдзовской богадельни, а также обществ в Тифлисе, Кутаисе, Шемахе, Ставрополе, Ереване репрезентируют меры Е. Воронцовой, направленные на улучшение эфективности работы благотворительных и учебных заведений. Всестороннее изучение архивных источников позволяет воссоздать обьективную картину жизни и деятельности известной благотворительницы XIX века Е. К. Воронцовой.

Список литературы

1. ГАОО. – Ф 1. – Оп. 190. – Д. 11. – Л. 1.
2. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2712. – С. 233.
3. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2737. – 3 л.
4. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 1961. – 1 л.
5. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2273. – 2 л.
6. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2253. – 2 л.
7. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2716. – 7 л.
8. ГАОО – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 3.
9. ГАОО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 6
10. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2304. – 2 л.
11. ГАОО. – Ф. 59. – Оп. 1 – Д. 3476. – 8 л.
12. ГАОО. – Ф. 59. – Оп. 2. – Д. 608. – 5 л.
13. ГАОО. – Ф. 59. – Оп. 2. – Д. 645. – 6 л.
14. ГАОО. – Ф 361. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 1-2.
15. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2715. – 5 л.
16. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2718. – 5 л.
17. ГАОО. – Ф 361. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 1-2.
18. РГАДА. – Ф. 1261. Оп. 1. – Д. 2690. – 23 л.
19. ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 28. 220 л.; Оп. 2. – Д. 1. – 195 л.
20. ГАОО. – Ф. – 141. – Оп. 1. – Д. 12.
21. РГИА. – Ф. – 1287. – Оп. 17. – Д. 160. – Л. 1
22. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2696. – 110 л.
23. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2699. – 18 л.
24. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2696. – Л. 39.
25. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2699. – Л. 12-14.
26. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2720. – 1 л.
27. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. – Д. 2696. – Л. 26.
28. Там же – Л. 72-73.
29. Там же. – Л. 74
30. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2699. – Л. 11, 14, 18.
31. Там же – Л. 14.
32. Там же. – Л. 15.
33. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2735. – 88 л.
34. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2742. – 70 л.
35. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2747. – 71 л.
36. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2736. – Л. 10.
37. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2732. – 1 л.
38. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2701. – Л. 1-2.
39. Там же. – Л. 7.
40. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2710. – 2 л.
41. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2713. – 8 л.
42. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2711. – 78 л.
43. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2721. – 75 л.
44. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2722. – 16 л.
45. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2723. – 139 л.
46. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2727. – 356 л.
47. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2710. – 2 л.
48. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2728. – 23 л.
49. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 306. – Л. 1.
50. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2739. – Л. 2-4.
51. ГАОО. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 47-48.
52. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2712. – Л. 232-233.
53. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 1976. – Л. 8.
54. ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 198. – Д. 94. – 18 л; Ф. 4. – Оп. 120. – Д. 11. – Л. 41-44.

55. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3 – Д. 1960. – 1 л.
56. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2328. – 1 л.
57. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2400. – 1 л.
58. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2097. – 1 л.
59. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2189. – 2 л.
60. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2208. – 17 л.
61. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 238 – 1 л.
62. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2221. – 2 л.
63. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2325. – 1 л.
64. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 1968. – 2 л.
65. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2127. –1997. – 1 л.
66. Желясков С., Левченко Г. Из истории императорского Новороссийского университета; Александро-Невская церков // Воронцовский сборник. Одесса, 2012. Вып. 4. С. 48.
67. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2232. – 1 л.
68. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2689 –
69. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2690. – 23 л.
70. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2765. – 1 л.
71. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2355. – 4 л.
72. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2356. – 1 л.
73. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 1963. – 1 л.
74. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2055. – 6 л.
75. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 1958. – 2 л; Д. 1973. – 3 л; Д. 1987. – 7 л; Д. 2043. – 2 л; Д. 2045. – 2 л; Д. 2055. – 6 л; Д. 2115. – 2 л; Д. 2126. – 4 л; Д. 2130. – 2 л; Д. 2138. – 2 л; 2156. – 2 л; 2191.– 2 л; 2209. – 1 л; 2225. – 2 л; 2235. – 2 л; 2241.– 6 л; 2261-а. – 2 л. ; 2294. – 1 л; 2389. – 4 л ; 2415. – 2 л.
76. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2127. – 22 л.
77. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2714. – 9 л.
78. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2717. – 4 л.
79. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2719. – 6 л.
80. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2074. – 19 л.
81. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 306-а. – 2 л.
82. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2054. – 2 л.
83. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2738. – 2 л.
84. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 3. – Д. 2271. –1 л.
85. РГАДА. – Ф. 1261. – Оп. 1. – Д. 2758. – 2 л.

Об авторе

Лисунец Людмила Игоревна – аспирант, кафедра новой и новейшей истории, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, liydalisunets@mail.ru

УДК 930.85

АНТИЯЗЫЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ XI– XIII ВЕКОВ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Лушников А.А.

Целью настоящей статьи является анализ антиязыческих сочинений XI – XIII веков как источников, в которых были отражены историософские воззрения древнерусских книжников. Определен основной состав данных произведений, выявлена специфика дидактических текстов, состоящая в отождествлении текста и иконы, проанализировано «идеальное пространство» текста и исторические мифы, порожденные антиязыческой литературой. Подчеркивается сложность применения историко-сравнительного метода при анализе данных источников, что часто ведет к снижению достоверности исследования.
Ключевые слова: Древняя Русь, язычество, дидактическая литература, Паисиевский сборник, Софийский сборник, сравнительно-исторический метод.

ANTIPAGAN HOMILIES OF XI-XII CENTURIES AS A KIND OF DIDACTIC LITERATURE IN OLD RUSSIA

Lushnikov A. A.

The aim of the article is the analysis of antipagan works of XI – XIII cent. as historical sources were historiosophical ideas of scribes in Ancient Rus were reflected. The author defined the main composition of thsese writings, reveals the identification of text and icon as their theological peculiarity, examines so-called “ideal space” of the works and their historical myths which had spiritual sense as well as ideological. That’s why the author doubts the free using of comparative-historical method in this kind of investigations because it can reduce their reliability.
Keywords: Ancient Rus, paganism, didactic literature, Paisiy’s collection, Sofiya collection, comparative-historical method.

В число письменных источников Древней Руси, так или иначе относящихся к полемике против язычества, входят собственно антиязыческие произведения, целиком и полностью посвященные данным вопросам. Такая литература как особый исторический источник привлекала внимание исследователей еще в XIX веке, и на ее основе ими неоднократно предпринимались попытки реконструировать особенности древнерусской духовной культуры.

В рамках мифологической школы и близких к ней исследованиях материал данных источников использовался весьма свободно: отдельные фрагменты текстов сравнивались с религиозными текстами других народов, на этой основе создавались многочисленные реконструкции так называемого «восточнославянского язычества» [5; 35, с.52-64], библиография данных работ представлены в работе Л.В. Клейна [19], а также статье Н. В. Савельевой в издании Софийского сборника [4, с.426]. В трудах представителей историко-филологической школы, напротив, подчеркивался гетерогенный характер древнерусской книжности и неоднозначность ее содержания, что привнесло в науку определенный скептицизм в отношении данных источников [3; 9]. Представители советской историографии сделали акцент на социальных основах текстов, в определенный степени была «возрождена» сравнительная мифология, предложена своя реконструкция [15, с.46-48; 16; 19; 22, с.8-23], однако и она вызывает много вопросов и споров.

Сегодня, в условиях «историографической революции», усиления внимания исследователей к «социальной логике текста» (биографический, социально-политический, событийный, духовный контекст, в рамках которого и был создан текст) [32; 36, с.214-219] наиболее актуальным является применение герменевтического подхода в изучении данной литературы, ставящего перед исследователями задачи определить мировоззренческие особенности самих авторов древнерусской литературы. Полагаем, что именно эта методологическая стратегия позволит преодолеть все трудности, с которыми сталкиваются исследователи такого неоднозначного источника, как антиязыческая литература Древней Руси. Поэтому целью настоящей статьи является анализ специфики древнерусских антиязыческих произведений XI – XIII веков как произведений дидактических, а также особенностей отображения исторического материала в них.

Четкая периодизация данной группы сочинений в науке еще не проведена, и традиционно все они рассматриваются как некий «монолитный блок». Может сложиться представление о том, что до XVII века включительно данная литература не претерпевала никаких изменений, что, конечно, в корне не верно. Поэтому при определении хронологических рамок мы руководствовались как общими периодизациями древнерусской культуры, так и собственным опытом анализа источников.

Время XI – XIII века совпадает с существованием Киевской Руси после принятия христианства и независимых княжеств до монголо-татарского нашествия. Именно в этот период проявляется большинство характерных черт антиязыческих сочинений – на основе авторитетных источников формируется общее представление о язычестве как о явлении духовного порядка и периоде в мировой истории, складываются основные описательные модели язычества, на основе которых вырабатываются основные содержательные блоки. В данный период происходит активное распространение переводной литературы и создание на ее основе собственных произведений, которые, как правило, приписывались отцам церкви. Впоследствии с XIV века в сочинениях подобного рода более активно отражаются эсхатологические ожидания и реакция духовенства не только на остатки «язычества», но и на увлечение общества заносной магической и гадательной литературой - несмотря на то, что язычество уходило на второй план, антиязыческая учительная литература продолжала свое существование [11; 23; 25; 26], это и отличает второй этап в ее развитии от первого, которому и посвящена статья.

Основными сочинениями, созданными в данный период и наиболее полно отражающими характерные черты антиязыческой литературы как исторического источника, являются: «Слово святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» (XI в., далее – «Слово Григория об идолах»), «Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере» (XI – XIII вв.), «Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константина града о том, как первое поганые веровали в идолы и требы им клали и имена им нарекали» (XI – XIII вв., далее – «Слово Иоанна Златоуста»), «Слово Исайи пророка истолковано святым Иоанном Златоустом о поставляющих вторую трапезу роду и роженицам» (XI – XIII вв., далее – «Слово Исайи пророка»).

Древнейшие списки указанных произведений находятся в сборниках XIV – XV вв., которые по праву можно назвать «энциклопедиями духовной жизни» Руси – Софийский [27], Паисиевский [24], Трифоновский [26]. Судя по датировке этих источников, первым из них является, по-видимому, Паисиевский (XIV – первая треть XV вв.), в котором содержатся списки «Слова некоего Христолюбца» и «Слова Григория об идолах» [24, л.29-35, л.40-43], в Софийском же сборнике (первая половина XV в.) впервые встречаем «Слово Исайи пророка» [27, л.87-88 об], там же располагаются указанные сочинения по Паисиевскому сборнику [27, л.84об-90]. Несмотря на датировку Софийской рукописи XV в., она представляет собой антологию произведений более раннего времени, на что [4, с.3; 16], даже сочинения, расположенные в нем, сохранили древнюю орфографию XII – начала XIII вв. [4, с.4]. Несомненно, составители имели в распоряжении ранний сборник-протограф, причем в композиционном построении сборника присутствует своя дидактическая логика – он начинается догматическими произведениями (из Изборника 1073 г.), и заканчивается той же догматикой – чтениями из Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста, заключительным сочинением является «Слово о вере» [4, с.4]. В рамках этих «границ» располагались произведения разных жанров, при этом состав основных антиязыческих сочинений в обоих сборниках в целом схож, есть определенные сходства и в их последовательности. Все это свидетельствует как об общем протографе домоногольского времени, так и о своеобразной антиязыческой дидактической традиции, бытовавшей в литературе XI – XIII вв. и сохранившейся в данных сборниках.

Что касается Трифоновского сборника, то сама эта рукопись и целый ряд антиязыческих произведений в ее составе (особенно в составе трактата «Власфимия») отражают более позднюю традицию, связанную с эсхатологической направленностью XIV – XV вв. [1]. Тем не менее, именно он сохранил «Слово Иоанна Златоуста об идолах» [26, л.12-13], относящееся к XI – XIII вв. и близкое по смыслу к «Слову некоего Христолюбца» и «Слову Григория об идолах».

Как правило, данные произведения, наряду с летописями, используются для воссоздания достоверной картины прошлого. Однако если первые, при всех их особенностях, принадлежат к исторической, то вторые – к дидактической («учительной») литературе. Интересно, что в обобщающих трудах по истории древнерусской литературы нередко подчеркивается ее историзм, выражающийся, однако, не в том, что авторы стремились точно передать события истории, а в том, что они практически никогда не вводили вымышленных или условных персонажей. Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, «вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой» [21, с.9].

В определениях самого понятия «дидактическая литература» исследователи нередко вводят термин «пропаганда». Так, Р. О. Шор, понимавшая первую как «условное обозначение весьма многообразных литературных жанров, вводящих нелитературный (философский, бого-

словский, научный, практически-моральный) материал в обычные формы художественно-словесного творчества» [41, с. 275] связывала рост дидактической продукции «с борьбой за определенные идеологии и лежащие в их основе реальные интересы» [41, с. 276] и отмечает, что «именно в эпохи обострения борьбы за эти интересы и выступает дидактическая литература как прямое орудие пропаганды, защиты и нападения»[41, с.277] . Данные положения относительно к истории литературы на Руси были применены И. П. Ереминым, который связывал распространение учительной литературы с «пропагандой новой веры в том ее сложном оформлении, которое было выработано христианизующей метрополией» [14, с.183]. Интересно, что уже в 60-е гг. XX в. в определениях вместо «пропаганды» используется термин «поучение» – в статье Н. Б. Веселовской дидактическая литература справедливо понимается как «поучительная литература, использующая художественную форму для выражения научных, философских, моральных, религиозных и других знаний и идей» [7, с.674]. Заметим, что в данном определении было удачно соединен факт установки данных источников на «поучение» и факт наличия в них нелитературного материала в художественной форме. Полагаем, что в широком смысле древнерусскую учительную литературу все же можно условно рассматривать как вариант пропаганды, исторической формой которой являлось поучение, так как именно учительная литература являлась инструментом для распространения новой веры. Однако и здесь необходимо учитывать, что такая «пропаганда» в форме «поучения» является для восприятия человека современного общества настолько специфичной, что это ведет за собой определенные трудности для получения информации из источника и ее анализа.

Подобные особенности определялись, в конечном итоге, специфическим восприятием текста и книги в древнерусской культуре, основное которых – приводить к Истине, которая рассматривалась как самое лучшее сокровище для человеческой души, которое можно обрести через общение с книгой как с духовным руководителем. Так, в «Сказании о книжней вещи» (по Софийскому сборнику XV в.) читаем: «Что приобретають приникающе в божественныя книгы. Книгы бо быша первое подобны глоубины морьстеи и в нюже понирающе износять бисер драгыи. Тако и приничюще в богодухновенныя книгы. Обретають собе скровище не имеи и цены всех благых исполнено» [27, л.17]. В свое время А.М. Панченко удачно заметил по поводу книжности Древней Руси: «книга, подобно иконе, – духовный авторитет, духовный руководитель» [28, с.308]. Сравнение с иконой, как удалось выяснить, не несет в себе большой доли условности, так как оно имело в себе богословские основания, прежде всего в «Слове на день святых четыредесяти мучеников» Василия Великого. Автор, рассуждая о необходимости всячески запечатлевать память о страданиях мучеников Севастийских, говорит о связи между книжным текстом и изображением: «Что повествовательное слово передает чрез слух, то живопись показывает молча чрез подражание» [40, с.229]. Данное сочинение уже в X в. было переведено на старославянский язык, оно находится в Супральской рукописи, где помещено в четьи-минеи на март («Святаго Василия архиепископа кесария кападокийскыя. похвала о 40 мученицех») [38, с.81-97].

Соответственно, цель антиязыческих сочинений как сочинений дидактических, определяла их содержание. Книга, как и икона, являлась для человека Древней Руси средством общения между Богом (как Истиной) и человеком. Однако в таком случае все факты, события, явления, о которых должен рассказывать источник, необходимым образом стилизуются, подстраиваются под Истину, которая уже была изложена в авторитетной для автора литературе.

В рассматриваемых нами источниках отображалась не «информация», которую бы желал получить современный исследователь, но своего рода «иконография», а так называемое «язычество» не просто попадало в сферу «осуждения» древнерусских книжников – его «описание» включалось в сложную систему восприятия исторического процесса. Несмотря на высокую полемичность, назидательность и злободневность подобных произведений, «язычество» в них описывалось по моделям отдаленных от собственно древнерусской истории событий и явлений, содержащихся в авторитетных для книжников источниках, а пространство и действующие в нем персонажи переносилось на так называемое «идеальное пространство». Условно представим последнее как символическую систему, состоящую из нескольких уровней, которые вполне свободно сосуществовали в источнике между собой. Рассмотрим самые главные из них.

Первый уровень – «библейская история». Многочисленные библеизмы в антиязыческой литературе стоит рассматривать не только как приемы красноречия, но и как мировоззренческий стержень самих сочинений, так как именно библейская

история – та священная история, под которую подстраивалось описание книжниками каких-либо исторических событий. Образ «языческого народа» был сформирован под влиянием описанием язычников Египта, Вавилона и Ханаана (Лев.18:3) [6, с.137], (Пс.77:58) [6, с.615], (Иез.20:28-29) [6, с.832]. Классическими образцами для древнерусских книжников стали следующие строки: из Псалтири о кровавых жертвах язычников бесам; из Второзакония об идолах и мерзких обычаях (Втор. 29:16-17) [6, с.236]; книги Исайи пророка о языческих трапезах (Ис.65:11) [6, с.740].

В частности, под воздействием библейских образцов сложилась известная конструкция о так называемом «славянском языческом пантеоне» князя Владимира во главе с Перуном, описание которого посредством Хроники Георгия Амартола было распространено в летописных материалах; проблема исторических и художественных источников этого «пантеона», его отображение в летописях привлекает к себе значительное внимание исследователей [2, с.65-73; 30, с.173-177].

Что же касается отображения данного нарратива в учительной литературе, то, согласно нашим наблюдениям, он в текстуальном плане в целом повторяет летописную основу. Вероятно, имеет смысл говорить об общем протографе, на основе которого в литературе сложился образ «языческого пантеона», однако в учительных сочинениях «набор богов» не был устойчивым и мог содержать некоторые изменения, причем с князем Владимиром Святославичем он здесь уже не связывался. Так, по сравнению с летописным «шестибожием» в «Слове некоего христолюбца» отсутствует Даждьбог, Стрибог, вводятся «вилы», а «Симаргл» разделяется на два божества (24, л.29; 27, л.84об); в «Слове Григория об идолах» число их сокращено до четырех, но явные параллели с летописным «пантеоном» все равно просматриваются: «молятся проклятому богоу их пероуноу хърсоу и мокоши и вилам» (24, л.41; 27, л.89об), тот же порядок присутствует в «Слове Иоанна Златоуста об идолах» [26, л.12об]. Интересно, что как в летописях, так и в антиязыческой учительной литературе «пантеон» обычно начинается с громовержца как якобы главного бога. Определенное влияние на этот факт мог оказать также библейские образы высшего божества («верховного владыки») – Вила (Ис.46:1) [6, с.726], (Дан.14:9-28) [20, с.91-93], Молоха (3Цар, 7:31), [6, с.386], (Иер.7:31) [6, с.751]. Соответственно, источником развенчивания жестоких жертвоприношений языческому божеству нам представляется библейская легенда о кровавом культе Молоха, которому якобы приносили в жертву детей (Иер.7:31) [6, с.751]. В более конкретных юридических и исторических книгах Библии (Левит, Второзаконие) говорится не о буквальном принесении в жертву, но о запрете обращать детей в язычество – «отдавать детей на услужение Молоху» (Лев.18:21, 20:2) [6, с.137, 139], «проведение ребенка через огонь» (Втор.18:10) [6, с.222], что означало прохождение обряда инициации. Если в эмоциональных пророческих книгах, указанных выше (Даниил, Исайя, Иеремия), такое описание стало пониматься как «принесение в жертву» в духовном и риторическом смысле, то в антиязыческой литературе Руси, вероятно, этот нарратив стал пониматься буквально и превратился в исторический миф, обладающий большим идеологическим потенциалом.

Заметим, что было бы неверно полагать, что все эти «сведения» имели чисто книжное происхождение – против этого свидетельствует, по крайней мере, факт включения аутентичных имен в описание «язычества» – авторы говорили о реальных фактах и явлениях, но осознанных и отображенных как зеркальное отражение библейской истории. Тем не менее, представление о таком «системном» пантеоне божеств, имеющем аналогии в государствах древности, могло сложиться только на основе переложения библейской истории на собственную.

Следующий уровень можно назвать «конкретно-историческим» – он предполагает своеобразное изложение «истории» язычества народов мира, в том числе и славян, причем здесь источники такой «истории» мы находим уже в текстах времен полемики между язычниками и христианами в Римской империи в IV в. н.э. В то время с христианами активно полемизировали ряд представителей интеллектуальной элиты – в невежестве, нетерпимости к представителям других вер и к ученым, а также в распаде Римской империи и стихийных бедствиях из-за того, что христиане и их моления отвернули богов от людей, и на фоне этого подчеркивалось достойное происхождение древних оракулов и мудрецов (Евнапий, Зосима, Ливаний) [31]. В противовес данным обвинениям христианские апологеты разработали собственное понимание истории, где обвинениям подвергалось уже язычество. Так, Евсевий Кесарийский в 1-й книге своего обширного трактата «Приготовление к Евангелию» описывал многочисленные «заблуждения» финикийцев, египтян и греков [42]. Впоследствии было разработано понимание дохристианских религий как смена соответствующих периодов, отраженное в энциклопедическом «Панарионе» Епифания Кипр-

ского, где были выделены виды «ересей» – варварство, скифство, эллинство, иудаизм, а также рассмотрено «движение» идолопоклонства, магии, гадания, астрологии от одних народов к другим [39, с.13-14]. Данные идеи были усвоены древнерусскими книжниками через «Хронику Георгия Амартола» (X в.), а также напрямую через «Панарион» Епифания Кипрского, список которого мы находим уже в Ефремовской кормчей XII в. из собрания Государственного исторического музея (ГИМ) [10, л.249об -250]. Интересно, что богословы и церковные историки Византии никогда не включали славян в историю подобных «заблуждений», оставляя их на более низкой ступени «варварства». Только древнерусский автор «Слова Григория об идолах» «подключил» к ним собственную историю язычества, присоединив к данному историческому мифу о «переходе» идолопоклоннических «заблуждений» славян с их культом «Рода и рожаниц» [24, л.42-42об; 27, л.89об] а его «периодизация славянского язычества», ставшая предметом оживленных дискуссий среди исследователей, на самом деле являлась переложением на собственную историю «дохристианских ересей», которая сложилась в церковной литературе гораздо раннего времени.

Наконец, на конкретно-историческом уровне Григорий Назианзиянин в 39-м слове на Богоявление развенчивает конкретные языческие «таинства» (в противовес таинствам христианским), широко используя образ «мерзости» язычества и его обрядов – его обвинения были включены в «Слово Григория об идолах» и стали достоянием древнерусской литературы [24, л.40-43; 27,л.88 - 90,]. На примере того же произведения хорошо видно, как авторы могли применять нелестные характеристики «языческих» народов, сформированные в Библии и в трудах церковных историков прошлого, на другие народы – в рамках самого произведения такая характеристика была перенесена на болгар и сарацин, которые были включены в истории «передачи» эллинства. Интересно, что данные образы, заимствованные из антиязыческой, а также эсхатологической литературы (прежде всего, «Откровения» Мефодия Патарского), применялись и в идеологическом плане, поэтому богословские идеи оказывались на службе у политических. Так, данные характеристики, сходные с описаниями «варваров», применялись к половцам, затем к татарам [18, с.252-278], а в описании «латинян» - католиков по «Слову Феодосия Печерского о вере христианской и о латинской» (также помещенного в Софийский и Паисиевский сборники) можно легко узнать те же языческие «мерзости» «Слова Григория об идолах»: «и нечисто живут, ядят со псы, и с кошками,и пьют бо свои сецью, ядять же лвы, и дикие кони, и ослы, и оудавленину, и мертвичину, и медведину, и бобровину, и хвост бобров…» [24, л.24об, 27, л.101].

Таким образом, исторический материал антиязыческих произведений был сформирован, во-первых, через трансформацию библейской истории, во-вторых, на основе развенчивания язычества богословами и историками времен формирования христианской апологетики. Полученные книжные образы могли быть использованы в литературе не только с теологических и историософских, но и с идеологических позиций. Богословское понимание книги и чтения, полемичность литературы, эрудированность ее авторов могут создать впечатление о неком всеобъемлющем характере антиязыческих произведений, причем уже в XI - XIII вв. Однако, во-первых, стоит обратить внимание на факт дороговизны изготовления пергаменных кодексов, бывшими основной формой бытования книги в то время. Так, по Л. В. Столяровой, «на переписку Остромирова евангелия ушло не менее 147 шкур, Изборника Святослава – 133, Мстиславова евангелия – 107…» [37, с.56]. Во-вторых, каков был реальный уровень распространенности данных сочинений? В отличие от крупных соборов из-за дороговизны кодексов репертуар книг обычных приходских церквей в XI – XIII вв. являлся минимальным и, по-видимому, не включал и необходимых книг для богослужения [8; 12, с.474-481; 37, с.44-46]. В-третьих, кто являлся потребителем подобной литературы? Антиязыческие сочинения, находясь, таким образом, в собраниях крупных соборов и монастырей, были достоянием, прежде всего, духовенства. Конечно, учительная литература не только читалась, но и проповедовалась в церкви. Тем не менее, основными слушателями подобных проповедей (в том виде, в каком мы можем их прочесть), вероятно, также являлись представители духовенства. Об этом может свидетельствовать сложное и вряд ли доступное для понимания простых прихожан содержание дидактической литературы. Таким образом, подобные проповеди на данном этапе более корректно рассматривать как руководства для христианского духовенства, примером для которого мог послужить образ нетерпимого к языческим верованиям и обрядам Илии-пророка в «Слове некоего Христолюбца» [27, л.84-84об]. В свое время Е. В. Аничков при анализе этого сочинения отмечал ряд указателей, свидетельствующих об

обращении автора именно к духовенству – «Будете же вы, книжици попове, подбници Павлу, великому учителю» [3, с.188], «того бо ради пьете и ясте и дары емлете у них» («у них» - вероятно, «у прихожан») [3, с.188], «не примешайтеся к ним» [3, с.189]. Заметим, что данный вывод нельзя абсолютизировать и допускать его обращение *только* к священникам – в заглавии «Слова» отмечается, что оно составлено «на оукор творящим таковая. на поучение правоверным» [27, л.84] (а не только духовенства).

Таким образом, антиязыческая литература в Древней Руси XI - XIII вв. представляла собой комплекс произведений, ядро которого представляли собой источники, сохранившиеся в Паисиевском, Софийском и, частично, Трифоновском сборниках (XIV - XV вв.). Именно в данных сочинениях под влиянием авторитетных для книжников текстов была сформулировано понимание язычества у собственного народа. С одной стороны, оно рассматривалось как отражение библейской модели «языческого пантеона богов» с их кровавыми жертвами, с другой стороны – оно рассматривалось как часть некого «мирового культа» как результат перенесения «эллинства» посредством других народов. Получившиеся исторические мифы имели, прежде всего, духовный смысл, однако могли применяться и в идеологических целях. Кроме того, основными читателями и слушателями данных сочинений были, вероятно, представители духовенства, в том числе и приходского, которое должно было само взаимодействовать со своими прихожанами.

Учитывая данные выводы, следует крайне осторожно применять сравнительно-исторический метод при анализе таких источников, особенно, если это касается таких вопросов, как уровень и содержание мифологии и ее социальное значение – увлекаясь сравнениями с мифологиями, о которых сохранилось гораздо больше сведений и которые, как правило, принадлежали другим обществам, находящимся на другой ступени социально-политического развития, исследователь рискует неверно интерпретировать внутреннее содержание источника и замысел его авторов, субъективно экстраполировать известные факты и явления на неизвестные и малоизвестные области, парадоксальным образом копируя стиль работы самих древнерусских книжников.

Список литературы

1. Алексеев А. И. «Трифоновский сборник» как источник для изучения русской религиозности кон. XIV-XV вв. // Средневековое православие: от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 129-145.

2. Андрейчева М. Ю.. К проблеме истолкования образа Перуна в статье 6488 Повести временных лет // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., ИВИ РАН, 2013. С.65-73.

3. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М.: Академический Проект, 2009. 538 с.

4. Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 540 с.

5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. 802 с.

6. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2008. 1250 с.

7.Веселовская Н. Б. Дидактическая литература // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 2. С. 674-676.

8. Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI – XIV вв. и их указатель. Спб., 1897. 96 с.

9. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М.,1913. Т.2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. 308 с.

10. Ефремовская кормчая XII в. // Государственный исторический музей (ГИМ). Ф. Синодальное собрание (Син.). № 227.

11. Громов Н. М., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб.: РХГИ, 2001. 960 с.

12. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч.1. Период первый. Киевский или домонгольский. 968 с.

13. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: «Аспект-Пресс», 2004. 370 с.

14. Еремин И. П. Учительная литература (в переводах XI – начала XIII века) // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. I. Литература XI – начала XIII века. С. 183 – 194.

15. Зубов Н. И. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. 1995. № 3. С. 46-48.

16. Зубов М. І. Лінгвотекстологія средньовічних слов'янських повчань против язичництва.

Одесса: ОРІДУ НАДУ, 2004. 336 с.

17. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Петроград, Российская государственная академическая типография, 1920. Том 1. 612 с.

18. Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., Квадрига, 2014. 400 с.

19. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб: «Евразия», 2004. 480 с.

20. Книги Ветхого Завета в переводе П. А. Юнгерова. Пророк Даниил. Малые пророки. М., Издательский совет РПЦ, 2006. 296 с.

21. Лихачев Д. С. Избранные работы. М., Художественная литература, 1987. Т.2. Великое наследие. Смех в Древней Руси: Монографии; Заметки о русском. 496 с.

22. Назаренко А. В. О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира История и современность. М., 2002. С. 8-23.

23. Сборник XIV – XV вв. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.113. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 13.

24. Сборник XV в. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря (КБ). № 4/1081.

25. Сборник XV в. // ОР РНБ. Ф.351. КБ. № 10/1087.

26. Сборник XIV в. // ОР РНБ. Ф. 728. Библиотека Софийского Новгородского собора. № 1262.

27. Сборник XV в. // ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1285.

28. Панченко А. М. Русская история и культура. Работы разных лет. Спб., Юна, 1999. 518 с.

29. Петрухин В. Я. «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С.314-343.

30. Петрухин В. Я., Лукин П. В.. Языческий «пантеон» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции? // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., ИВИ РАН, 2010. С.173-177.

31. Поснов М. Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей 1054 г.). М., Высшая школа, 2005. 648 с.

32. Репина Л. П. «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т.4. № 2. Теория и методология исторической науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.jes.su/s207987840000362-7-1 (дата обращения: 06.03.2016).

33. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: «Наука»,1985. 784 с.

34. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: «Наука»,1994. 608 с.

35. Срезневский И. И. Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских // Москвитянин. 1851. № 5. Ч.2. Кн.1. С. 52-64.

36. Спигел Г.М. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. М., ИВИ РАН, 1995. С. 214-219.

37. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в древней Руси (XI - XVI вв.). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 448 с.

38. Супрасълски, или Ретков сборник. София, Българска Академия на наутките, 1982. Т. 1. 273 с.

39. Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М.: Типография В. Готье, 1863. Т. 43. Творения святого Епифания Кипрского. Ч.1. 386 с.

40. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Спб: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1911. 624 с.

41. Шор Р. Дидактическая литература // Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т.3. С. 275-277.

42. Eusebe de Cesaree. La Preparation Evangelique. Livre 1 // Sources Chretiennes. № 206. Paris, 1982. 620 p.

Об авторе

Лушников Александр Александрович – кандидат исторических наук, докторант, Пензенский государственный университет, lushnikov1@mail.ru

УДК 94 (470)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ И ВЕРХОВСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Майоров А.А.

Отдельные особенности упоминания Великой Моравии в русских летописях, наряду с наличием ряда признаков, подтверждающих существование её связи с Древней Русью, вкупе с военно-политическими реалиями X в., позволяют предположить существование в тот период концепции преемственности между Великой Моравией и Древней Русью. Верховская историко-географическая провинция была одним из мест, принявших моравских переселенцев, которые оставили заметный след как в материальной истории, так и иных сферах культуры.

Ключевые слова: Великая Моравия, концепция преемственности, Древняя Русь, Верховская историко-географическая провинция, вятичи, Вятко.

THE HISTORICAL MEMORY OF GREAT MORAVIA AND VERKHOVSKAYA HISTORICAL-GEOGRAPHIC PROVINCE

Mayorov A.A.

Some features of the description of the Great Moravian State in the Russian Chronicles, together with the presence of other arguments, which confirm the existence of its connection with Rus, on the basis of the known with the military and political realities of the X century AD, making it possible to formulate a hypothesis about the existence, at the time, particularly the special concept of continuity from the Great Moravian State to Rus. Verkhovskaya historical-geographic province was one of the places that have adopted the Moravian settlers. They left a noticeable mark in the history of the material, as well as other spheres of culture of this land.

Keywords: Great Moravia, the concept of continuity, Ancient Russia, Verkhovskaya historical-geographical province, vyatichs, Vyatko.

Российское государство прошло длительный путь исторического развития. Весьма уверенно можно утверждать, что значительный вклад в его военные и политико-административные успехи внесло формирование национальной идентичности, выдающиеся проявления которой получили в свое время название «величие русского духа». Процесс её возникновения был длителен, сложен и многогранен, в нём активно использовались самые разные социально-политические мифы, существовавшие на протяжении всей российской истории. Многие мифы и концепции – «святая Русь», «Москва есть третий Рим», «Киевская Русь», «щит на вратах Цареграда» - закрепились в разной степени сохранности внутри русской национальной мифологии. Другие – «римско-имперские корни Рюриковичей», «сдача Аляски в аренду на 100 лет», «русские – суть скифы» и другие – исчезли либо маргинализировались в общественном восприятии. Тем не менее, ряд признаков, явно или косвенно указывающих на существование разного рода неактуальных ныне концепций, весьма явно прослеживаются при более подробном изучении дошедших до наших дней источников разного рода.

По всей видимости, одним из таких ранних мифов, отдельные следы которого дошли до наших дней, были представления об исторической связи Древней Руси с Великой Моравией – мощным и, вероятно, самым первым регулярным славянским государством Центральной Европы (предания о «державе Само» практически не подкреплены солидным археологическим материалом). Ряд сохранившихся письменных памятников и свидетельств указывают на возможность существования такой концепции, позволявшей выстроить некую преемственность между Русью и недавно (для того периода) исчезнувшей Великой Моравией.

Зафиксированных исторической наукой письменных свидетельств о вероятной связи великоморавской и древнерусской исторических традиций довольно мало. Тем не менее, они существуют и четко прослеживаются в прошлом нашей страны. Каждое из них в отдельности довольно специфично, своеобразно и не очень информативно, собранные же вместе они позволяют предположить высокую вероятность существования довольно целостной системы взглядов и оценок.

К числу наиболее хорошо известных следует отнести легендарную «дунайскую теорию» происхождения славян, изложенную в древнейших русских летописях: «По мнозехъ же временехъ сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. [и] от техъ Словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими…» [8, с.5] Крайне любопытно, что летописец здесь же первым славянским племенем в перечислении называет моравов, хотя р.Морава лишь один из притоков, не имеющих отношение ни к устью, ни к истоку Дуная. Эта подробность подчеркивает особое место Моравской земли среди прочих, населенных славянами.

В том же тексте описывается, что моравы первыми приняли крещение и грамоту: «симъ бо первое преложены книги Мараве, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть в Руси и въ Болгарехъ Дунайскихъ» [8, с.19]. Далее следует широко известный рассказ о приглашении учителей славянских Мефодия и Константина (Кирилла) в уже крещеную славянскую страну, достаточно точно опознаваемую как Великая Моравия (что надежно подтверждает перечисление её князей: Ростислав и Святополк). Таким образом, Великая Моравия в передаче летописца становиться не только фактическим центром первоначальной родины славян, но и местом, откуда начала свое распространение славянская грамотность и славянская христианская проповедь, что имело ещё более важное значение для православного монаха.

Любопытно, что летописец относит время расселения славян с Дуная к периоду *до* появления новых народов – болгар, обров (аваров), угров белых, печенегов и угров черных – которые разрушили мирное житие славян на своей прародине, фактически смешивая в одном повествовании различные исторические периоды [8, с.9]. Исторической наукой падение Великой Моравии (с точки зрения летописца занимавшей центральное место на прародине славян) под ударами пришедших с востока венгров относится к первому десятилетию X века, что, принимая во внимание её положение в славянском мире, позволяет отнести это событие к разряду важных общеславянских.

Сам факт летописной фиксации рассказа о дунайском происхождении славян может служить косвенным доводом в подтверждение гипотезы существования «великоморавской» государственной легенды. В X-XI веках, пока еще были свежи следы разгрома мадьярами (а затем германцами и поляками) Великой Моравии, такого рода претензии могли стать моральной основой для оправдания некоего военно-политического реванша: оказывается логически объяснимым настойчивое стремление князя Святослава перенести центр своей государственности из Киева на Дунай в город Переяславец или на сопредельные территории. К моменту же достоверной письменной фиксации этого рассказа в XII в. политическая ситуация в Придунавье уже стабилизировалась и русские князья вряд ли бы сумели извлечь из этой легенды какие-либо реальные политические выгоды. Вероятно существовавшие нравственно-политические претензии на наследство Великой Моравии (и первого Болгарского царства) стали практически бесполезны.

Существует гипотеза, связывающая повествование о дунайской прародине с возникновением и укреплением не Моравии, а Болгарского царства, а начало расселения славян из Придунавья относящая к VII веку [5, с.40,47]. Представляется, что русский летописец вряд ли бы соотнёс идиллический рассказ о счастливой жизни славян с абсолютно реальным Болгарским государством, неоднократно выступавшим в качестве военного противника Древней Руси. Кроме того, болгары прямо в тексте названы в числе разрушителей прежнего мирного бытия славян на берегах Дуная, что, по мнению автора, является серьёзным аргументом против указанной гипотезы.

Помимо летописных примеров, демонстрирующих важность и значимость Великой Моравии, следует указать на прямое заимствование князьями дома Рюрика великоморавской традиции княжеского имянаречения. После падения этой страны скандинавская традиция (Хельг, Ингвар) дополняется явственно славянскими двукорневыми (как было принято в моравской традиции): Святослав, Святополк, Ярослав, Владимир. Принимая во внимание, что влияние польских и чешских княжеских династических традиций (во многом скалькированных с моравских) на Русь было очевидно небольшим, а в Болгарском царстве того периода прослеживается совершенно иной подход к имянаречению правителя (Симеон, Борис, Пётр), именно Великая Моравия может рассматриваться в качестве источника отмеченных нововведений.

Ярким косвенным примером наличия некой чрезмерной сосредоточенности на вопросах «моравского наследия» может быть названо подчёркнутое стремление древнерусского князя Святослава Игоревича (первого, названного в соответствии с нескандинавским обычаем имянаречения) укрепиться в на Дунае и учредить там свою столицу – Переяславец-на-Дунае («не любо ми єсть в Києве быти. хочю жити с Переіаславци в Дунаи. іако то єсть середа в земли моєи»).[8, с.48] Ранее вектор русской внешней политики традиционно был ориентирован на юг и восток. Святослав же, первым из киевских князей получивший великоморавское имя, стремился на запад и юго-запад – по направлению к землям, по которым несколько десятилетий назад проходили границы Великой Моравии – самой развитой славянской державы предшествующей эпохи. В этих своих устремлениях Святослав выглядит как сторонник реконструируемой концепции об особом месте Великой Моравии среди славянских земель.

Представляется, что описанные детали могут представлять собой случайно сохранившиеся признаки наличия геополитической концепции, позволявшей Руси полагать возможным

формировать претензии на существование определенной преемственности славянских исторических традиций, перешедших из Великой Моравии на древнерусские земли. Государственным руководителям Древней Руси сам факт этой связи помогал формировать идеологические претензии на освоение некоего дунайского наследства, что могло способствовать укреплению их политической власти и авторитета.

Интересно отметить, что летописец, через два столетия включивший повествование о дунайских походах Святослава в летописный свод, явно их не одобрял и находил объяснение их проведению лишь в характере самого князя, а не в какой бы то ни было идеологической концепции. Это вполне может быть понято как следствие неактуальности старой теории и религиозности автора текста, склонного больше сочувствовать православной Ромейской (Византийской) империи, сражавшейся с князем-язычником. По всей видимости, ко времени составления первых летописей в XII веке, сама концепция «моравского наследия» потеряла актуальность для киевской династии и явно не была понята летописцем.

Помимо письменных источников существуют данные археологических исследований, указывающие на достаточно тесные и прочные связи между землями восточных славян и странами дунайского бассейна. Весьма многочисленны они в среднем Поднепровье и ряде других территорий.

В частности, достаточно давно отмечено, что особенности погребального обряда многих захоронений Среднего Поднепровья IX-X веков весьма отличаются от традиционной среди восточных славян кремации и захоронения в курганах, а «…по характеру и детальням погребальной обрядности имеют прямые аналогии в массово изученных к настоящему времени соответствующих памятниках на древней территории Великой Моравии» [16, с.204]. Особая сакральная значимость и устойчивость погребального обряда позволяет утверждать о явном наличии признаков миграции на Русь населения, культурно явно связанного с моравской традицией.

Гипотеза моравского следа представляется чрезвычайно уместной и плодотворной, так как позволяет дать весьма обоснованные и правдоподобные объяснения появлению многочисленных находок предметов, имеющих явное отношение к среднему Подунавью и Великой Моравии в качестве его составной части, как в захоронениях, так и среди обычных предметов быта многочисленных поселений Древней Руси IX-X веков [14, с.148-150].

Сфера научных интересов автора настоящей статьи сосредоточена, в первую очередь, на истории Верховской историко-географической провинции (бассейн Верхней Оки и прилегающие территории) [3, с. 67-75]. Как бы это не показалось удивительным, свидетельства наличия связей с павшим в начале X в. Великоморавским государством можно обнаружить и на территории Верховской историко-географической провинции. Именно ко времени возвышения и падения Великой Моравии можно отнести многочисленные западные заимствования и влияния, отмечаемые на верховской территории, а также на прилегающих землях Древней Руси.

К числу особенностей, характерных для верхнеокского ареала, следует указать, на отмеченное рядом исследователей, появление в начале X века на территории провинции новых культурно-бытовых особенностй, вполне возводимых к западным славянским: особенности устройства печей, резкое изменение численности населения в этот период, сопровождаемое активным распространением иного типа производства и потребления керамической посуды, явное влияние дунайских ювелирных ремесленных традиций, изменение погребального обряда, ряд других.

Строго говоря, признаки появления на территории Руси достаточно большого числа пришлого населения, являвшегося носителем явно родственной, но отличающейся от местной, культуры отмечаются многими исследователями. Представляется вполне обоснованным предположить, что жители Великой Моравии различных социальных страт составили ощутимую часть в обнаруживаемом в начале-середине X в. потоке славянских переселенцев, внезапно появившихся на Русской равнине и имевших иные бытовые и хозяйственные привычки в сравнении с прежним населением.

Именно совокупность и хронологическая синхронность подобных признаков позволяет предположить, что причиной подобных событий вполне мог стать приход носителей новых традиций, в том числе, из Моравии: по западной части континентального маршрута «из немцев в хазары».

Достаточно подробный анализ имеющейся в наличии исторической и археологической информации, подтверждающей высокую вероятность великоморавской гипотезы происхождения легендарного основателя вятичского этнополитического объединения автор настоящей работы размещал в отдельной статье [4, с.101-104]. В настоящей статье достаточно перечислить основные признаки, обосновывающие данную гипотезу.

Собственное имя Вятко общепринято разворачивать и трактовать как сокращение от Вячеслав, что абсолютно точно совпадает с ранее обо-

значенной тенденцией перехода княжеских традиций имянаречения от традиционно норманнских к славянским двусоставным [13, с.376,378]. Применение такого способа имянаречения по отношению к нетитулованному персонажу представляется маловероятным. «Фульдские анналы» дважды упоминают богемские княжеские имена, созвучные имени Вячеслав: Witislan под 872 г. и Witizla (Вячеслав) под 895 г., что практически доказывает факт существования такого княжеского имени [17, с.126]. Помимо прочего, реконструкция полного имени Вятко полностью совпадает с именем канонизированного христианской церковью чешского князь Вячеслава (ст.-слав. «Вяцеслав», чеш. Václav, лат. Venceslaus), жившего в начале X в.

Косвенным подтверждением гипотезы об особом статусе родоначальника служит цитата из летописного сообщения: «бяста бо. 2. брата в Лясе[х]. Радимъ. а другому Вятко и пришедъша. седоста Радимъ на Съжю. [и] прозв[а]шася Радимичи. Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце. От негоже прозвашася Вятичи» [8, с.12]. Отрывок прямо перекликается в своем содержании с легендой о призвании Рюрика: «и изъбрашася. трие брата. *с роды своими*. и поіаша по собе всю Русь. и придоша къ Словеномъ первее. и срубиша горо[д] Ладогу. и седе стареишии в Ладозе Рюрикъ» [9, с.14]. Применение в средневековом текстовом сообщении даже усеченного варианта формулы призвания правителя, адресуясь к неопределённому по своему статусу персонажу, сразу же переводит его в непростую категорию полноправных легитимных вождей и не может быть случайным.

Нигде, кроме как у вятичей и радимичей, невозможно достоверно установить появление каких-либо иерархически организованных групп пришлого славянского населения, удостоенных письменной фиксации своего появления. Нет оснований утверждать, что других подобных фактов не было. По всей видимости, группы организованных переселенцев-беженцев, являвшихся носителями иных, нежели чем местные славянские, культурно-бытовых привычек и традиций, появлялись всюду.

Симптоматично, что лишь вятичи и радимичи удостоились летописной фиксации имен своих основателей, что дополняет аргументацию в пользу признания историчности этих персон и наличия определённой их легитимности в глазах киевского летописца. Лингвистическое исследование показало, что «летописный текст мог бы служить вполне аутентичным доказательством их реального существования. ...В родословных легендах радимичей и вятичей в качестве эпонимов использованы подлинные имена... племенное название является производным от реального антропонима». Летописный источник являясь во многом повествовательным произведением «…оказывается вполне надежным ономастически» [6, с.388]. В реконструируемом филологами вятичском наречии отмечаются отдельные черты, сближающих его с так называемыми лехитскими западнославянскими языками. Гипотетический вятичский язык специалисты относят к «словенской», а точнее, к «склавинской» группе славянских диалектов, в отличии от однокультурных донских славян, относимых к группе «антской» [7, с.39,42].

Полное перечисление доводов и аргументов, приведенных в упомянутой ранее статье автора представляется нецелесообразным вследствие нежелания повторяться. Следует указать на дополнительный косвенный повод вернуться к подобному списку, связанный с анализом технологических процессов, получивших распространение внутри Верховской историко-географической провинции и на прилегающих к ней территориях.

Речь идет об особенностях гончарного производства, получивших распространение именно в рассматриваемый период. Господствовавший в предшествующий период на Верхней Оке (и остальном роменском ареале) лепной способ изготовления керамики со специфическим составом сырья и низкотемпературным обжигом явно указывает на место зарождения такого рода способа [11, с.240-241]. Таковым должна была быть местность с небольшим количеством топлива для обжига и специфическим набором глиняного сырья. В наибольшей степени старому методу соответствуют степные либо лесостепные ландшафты к югу и востоку от верхнеокского бассейна.

Распространившийся позднее вариант производства керамики на гончарном круге с последующим высокотемпературным обжигом явно возник в значительно более залесённой (в целях заготовки большого количества топлива, способного обеспечить требуемые температурные режимы) местности, внутри социума, явно уже получившего производственное и социальное разделение и, явно, более сложного по своей структуре относительно верховского. Помимо прочего, многие находки явно имеют привозной характер.

Общепризнано, что товарность производства домохозяйства определяется наличием и возможностью «сверхпроизводства» некоего избыточного продукта, цена которого на потенциальном рынке намного превосходит не только затраты домохозяйства на его производство, но и совокупную стоимость сырья, производства, упаковки, транспортировки, охраны и хранения.

Причем цену, выраженную не только в денежных единицах, а в готовности членов домохозяйства потратить личное время не на повседневные работы для выработки обязательных для продолжения существования семьи и рода продуктов, а на создание товара, избыточного для целей семейного и родового потребления.

В такой ситуации переход на производство круговой, а не лепной керамики, обжигаемой в высокотемпературных специализированных печах, с точки зрения автаркичного самообеспечения выглядит явно избыточным. Характерно, что производство и потребление такого рода керамики активизировалось с середины X в. не только в городищах, но и в поселениях явно сельского типа, что представляется абсолютно нелогичным при наличии медленного эволюционного развития рассматриваемого социума. Одним из очевидных вариантов разрешения ситуации представляется появление и расселение на рассматриваемой территории большого количества людей, имевших в значительной степени иные (по сравнению с более ранними поселенцами) бытовые традиции, привыкших к потреблению бытовой керамики, произведенной специализированными ремесленниками. Нельзя не указать на несколько более узкоспециализированный и «городской» характер бытовой культуры новых поселенцев.

Попытка обнаружить ближайшую залесённую и плотно населённую местность, имеющую явные признаки сложной социальной организации приводит к закарпатским славянским государственным образованиям, то есть, по сути, к Великой Моравии и близлежащим славянским обществам (Волжская Булгария культурно и лингвистически слишком далека от верховских земель).

Хорошо известен упомянутый ранее аргумент, опирающийся на особенности устройства печей в обнаруженных жилищах. Согласно имеющимся данным, наиболее близки вятичам по способам сооружения печей были поляне и закарпатские хорваты, также использовавшие каменно-глиняные печи и каменные очаги для обогрева. Весьма близкие вятичам культурно и территориально северы предпочитали печи, вырезанные в материковых останцах либо глиняные, а обогревались жилища подбойными печами и очагами [12, с.111]. Разница форм и методов постройки и использования печей определялась, помимо доминирующих религиозных и строительных традиций, историческими традициями и опытом предшествовавших поколений.

Возможных моравских переселенцев в равной степени могли привлекать все земли, уже занятые не очень многочисленными славянскими племенами. Бассейн Верхней Оки оказался весьма удобным для поселения, так как быстрому проникновению и адаптации на верховской территории новой власти и новых людей помогло наличие хорошо известного и освоенного широтного торгового пути с востока на запад по рекам окского и днепровского бассейнов. Переселенцы должны были хорошо понимать экономические выгоды от использования этого торгового пути и стремиться к установлению контроля над ним. Более того, на рассматриваемой территории, судя по летописным свидетельствам, не было враждебных им этнических групп, способных консолидировано воспрепятствовать приходу новых переселенцев.

Процессы переселения мораван в пределы Верховской историко-географической провинции, в случае их реальности, растянулись на несколько десятилетий. Как известно, первое упоминание вятичей как этнополитической общности отнесено летописцем к 859 г. К тому времени переселенцы полностью освоились на занятой территории и в глазах современников представлялись ее местным населением. Главным ориентиром использованы события, легшие в основу летописного рассказа о данничестве вятичей по отношению к хазарам, который присутствует в летописях: «В лето 6367 (859). Имаху дань Варязи из заморья. на Чюди и на Словенех. на Мери. и на всехъ Кривичехъ. а Козари имаху на Полянех. и на Северех и на Вятичехъ…» [8, с.14]

К числу доводов, подтверждающих высокую вероятность активизации западных славянских миграций в верхнеокский регион, следует отнести результаты археологических исследований, которые подтверждают, что «в начале IX в. не только резко возрастает количество населения, но и происходят заметные изменения в его материальной культуре. Причем коснулись эти перемены не только вновь освоенных территорий, но и земель освоенных славянами в предшествующее столетие. …Характер украшений позволяет предполагать, что новые поселенцы… происходили из районов Подунавья» [2, с. 99-100]. Во второй и третьей четвертях IX в. река Дунай выступала в качестве южной границы Великоморавской державы, а позднее, во времена Святополка I (871-894) это государство расширилось весьма значительно, так что его население, с учётом весьма высокого культурного и технологического уровня, выступает в качестве одно из наиболее вероятных носителей этих дунайских традиций [10, с. 84-85].

Не следует забывать, что вероятность добровольного переселения большого числа процвета-

ющих ремесленников с благодатных южных территорий на значительно менее освоенные северные земли без наличия высокой степени угрозы для жизнедеятельности, представляется крайне низкой. Для населения Великой Моравии середины IX в. такая угроза реально существовала в лице Восточно-Франкского государства и его короля Людовика II Немецкого. В 846 г. Людовик вторгся в Моравию, сверг князя Моймира I и передал власть своему ставленнику Ростиславу. Борьба с немецкой опасностью продолжалась с переменным успехом всю вторую половину IX в., значительно осложняя жизнь местного населения. Если немецкое давление жители Великой Моравии выдерживали более полувека, то остановить нашествие венгров они не смогли. После битвы при Прессбурге в 907 г. венгры заняли всю территорию Великой Моравии и ликвидировали ее суверенитет. Таким образом, объективные причины для переселения мораван на более спокойные в военном отношении восточные земли впервые появились в середине IX в. и максимально увеличились в начале X в.

Весьма перспективно в этой связи выглядит анализ реконструкции истории Великой Хорватии и Великой Моравии, осуществленной Л.В.Войтовичем, согласно которой «Великая Хорватия на Среднем и Верхнем Днестре, в Закарпатье, на Сане и вдоль гор до верховьев Одры, Лабы, Заале и Белой Эльстер, избавившись от аварского влияния, определенное время процветала, свидетельством чего является само ее название. С движением на юг лехитских племен, одно из которых — вислане — вклинилось в хорватский массив в районе Кракова, разделив его на две части, Великая Хорватия начала распадаться. Восточная часть еще некоторое время сохраняла название Великой Хорватии, распадаясь на племенные княжества… В IX в. часть хорватских княжеств, по меньшей мере, до р. Стрый была включена в орбиту Великоморавского государства князя Святоплука. Наверное, их судьбу разделили и закарпатские хорваты. Все эти регионы постепенно стали принимать христианскую религию. В X в. венгры разгромили Великую Моравию» [1, с.35]. В этой связи гипотетический князь Вячеслав прекрасно вписывается и выглядит вполне уместно внутри рассматриваемого ранее летописного рассказа в качестве уроженца одного из многочисленных восточнохорватских или моравских княжеств IX века [15, с.81-82].

Конкретные причины и реальные побудительные мотивы, заставившие моравских переселенцев двинуться на Русь и на верхнеокские земли, достоверное место рождения и социальный статус гипотетического первовятича Вячеслава, по всей видимости, никогда не будут установлены. Тем не менее, предположения о примерном месте их первоначального поселения и принадлежности к Великоморавской этнической и культурной традиции выглядят весьма обоснованными.

Таким образом, появляются основания связать историю славянского Великоморавского государства, существовавшего в IX-X веках на Среднем Дунае не только с общей историей Древней Руси, но и с историей славянского освоения земель в верховьях Оки.

О наличии такой связи могло быть известно общественному сознанию как верхнеокского населения, так и жителей других регионов Древней Руси IX в. Историческая память о Великой Моравии в сознании восточнославянских племен составляла достаточную базу для возвеличивания их роли в развитии славянского мира и размещения в пантеоне физических и духовных предков молодого государства Русь. Более того, она имела все основания для того, чтобы стать частью государственного мифа древнерусской общности, способного представить Древнюю Русь наследницей более ранних европейских славянских государственных образований.

Список литературы

1. Войтович Л.В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э.: Начальные этапы формирования государственности// ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 6-39.

2. Григорьев А.В. О «второй волне» славянской колонизации // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб: СОЛО, 2012. С.99-100.

3. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия// Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т.21, вып 2 (154). С.67-75.

4. Майоров А.А. Призвание Вятко (к вопросу о создании вятичского племенного союза)// Вестник Брянского государственного университета: Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. 2015. № 3 (26). С.101-104.

5. Мачинский Д.Л. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.:

«Наука», 1981. С. 39—51.

6. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2009. 528 с.

7. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов// Вопросы языкознания. 1994. №3. С.23-49.

8. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1926-1928. 540 с.

9. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Тип.М.А.Александрова, 1908. 574 с.

10. Раткош П. Великая Моравия – территория и общество// Великая Моравия, её историческое и культурное значение. М.: «Наука», 1985. С.81-95.

11. Сарачев И.Г. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры // Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула: «Гриф и К°», 2000. С.237-242.

12. Смиленко А.Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII-X вв.// Древние славяне и Киевская Русь: Сб. науч. трудов/ АН УССР, Ин-т археологии; отв. ред. Толочко П.П. Киев: Наук. Думка, 1989. С.105-114.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева/ под ред. и предисл. Б.А.Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

14. Шинаков Е.А. Клад «серег волынского типа» в Брянской области и межславянские взаимоотношения в X веке // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2011. С. 147-155.

15. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2009. 477 с.

16. Ширинский С.С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии// Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С.203- 206.

17. Annales fuldenses sive annales regni francorum orientales. Ed.G.H.Pertzii, Hannoverae, Impensis bibliopolii antiquissimi, 1891.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музейного дела, Орловский государственный институт культуры, aamajorov@rambler.ru

УДК 008 (430)(-161.1)(091)192/193

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРОФЕССУРЫ В ПРАГЕ В 1920-е ГОДЫ (*по эпистолярным источникам*) [5]

Михальченко С.И.

Статья посвящена анализу эпистолярного наследия русской эмиграции (на примере переписки профессуры). Основное внимание уделяется тому, как освещались вопросы трудоустройства и дальнейшей работы преподавателей в высших учебных заведениях Праги. Статья написана на основе преимущественно неопубликованных материалов из российских и зарубежных архивов.
Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, Чехословакия в 1920-е гг., Прага, профессура, переписка ученых.

ACADEMIC ACTIVITIES OF RUSSIAN PROFESSORS IN PRAGUE IN the 1920s (according to the epistolary sources)

Mikhalchenko S. I.

This article analyzes the epistolary heritage of Russian emigration (by the example of professors' correspondence). The main focus is on how to cover the issues of employment and further work of teachers in higher education institutions in Prague. This article was written based on mainly unpublished material from Russian and foreign archives.
Keywords: Russian emigration of the first wave, Czechoslovakia in the 1920s, Prague, professorate, scholars correspondence.

История русской эмиграции первой волны – одно из популярных направлений исторических исследований последнего времени. Непроходящий интерес в рамках этого общего направления вызывает пражская ветвь эмиграции, поскольку Прага в 1920-е годы аккумулировала значительные силы русской эмигрантской интеллигенции, в том числе вузовской [2; 9]. Одним из ценнейших источников жизни русской эмиграции в Праге являются письма ученых. Часть из этих писем введена в научный оборот, некоторые опубликованы, однако, многие сотни писем остаются неизвестными, находясь в российских и зарубежных архивах. Цель настоящей статьи – привлечь внимание к отдельным из них, содержащим сведения об академической деятельности русской профессуры из числа эмигрантов первой волны.

Одним из ярких представителей русской диаспоры в Праге был известный историк Александр Александрович Кизеветтер [6; 13]. Он вел обширную переписку, его письма сохранились во многих отечественных и зарубежных архивохранилищах. Высланный в 1922 г. на печально известном «философском пароходе», Кизеветтер, как и большинство других профессоров, оказался в ситуации поиска средств к существованию. Вскоре он был приглашен в Прагу на Русский юридический факультет (РЮФ) его основателем П.И.Новгородцевым. Об этом говорится в письме известному историку С.П. Мельгунову[4], в личном фонде которого в Британской библиотеке политических и экономических наук Лондонской школы экономики сохранилось немало писем ученого: «Новгородцев <…> был главным устроителем моего сюда определения и даже именно для меня создал кафедру русской истории на своем юридическом факультете, где он деканом» (письмо от 10.3.1925) [1, f.46]). 2.11.1922 он писал оказавшемуся также в эмиграции в Праге П.Б.Струве (письмо хранится в фонде Струве в Государственном архиве РФ (ГАРФ)): «Очень буду рад очутиться в одном городе с Вами. Да и вообще Прага меня привлекает» [14. Ф.5912. Оп.1.Д.63, л.2-2 об.].

Ориентировавшийся на российские дореволюционные программы, РЮФ ставил своей целью подготовку студентов к работе как в Чехословакии, так и в России (в надежде на скорое возвращение туда). Факультет возник в рамках т.н. «русской акции» - масштабной системы материальной поддержки, оказывавшейся правительством Чехословакии русским эмигрантам в 1920-е гг. [10] Наряду с учебными функциями факультет выполнял и научные – на нем были лица, оставленные при кафедрах для подготовки к профессорской деятельности, принимались магистрантские экзамены и даже проводились диспуты по защите диссертаций [11, с.67-87]. Первоначально Кизеветтер был полон энтузиазма, и его не смущала обрушившаяся на него в Праге популярность – наряду с обязанностями по преподаванию истории на РЮФ, он принимал активное участие в лекционной деятельности, поскольку это давало дополнительный заработок. «Я тут, можно сказать, изошел лекциями: прочел уже два публичных курса, а в апреле должен буду читать третий, - писал он

[5] Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта 15-01-00209

Мельгунову 24 февраля 1923 г. - Прага удивительный город в том отношении, что тут каждый день буквально с утра до ночи все беспрерывно читают лекции и что – еще удивительнее – всех слушают столь же беспрерывно. Однако, если всё читать да читать лекции, то ведь думать разучишься, ибо времени для дум не остается. 4 марта опять мне предстоит читать: тут будет грандиозное собрание русских земледельцев со всей Чехословакии по случаю годовщины 19 февраля 1861 г. [1, f.2 rev.-3]) Через несколько лет эйфория сменяется усталостью. 11 января 1925 г. он пишет: «Я ничего путного не пишу, только разъезжаю по лекциям, да прославляю разных юбиляров. Недавно чествовали Германову. Скоро предстоит чествование Немировича-Данченко». Через полгода – «всю зиму – непрерывные юбилеи, торжественные собрания и т.п., я себе прямо язык отшлепал»[1, f.53 rev.]. С 1925 г. начала сокращаться «русская акция», итогом чего стало постепенное сворачивание Юридического факультета: «Русская акция» здесь явно идет на сокращение. На юридическом русском факультете по распоряжению министерства прекращен прием на первый курс. То же грозит и русскому Педагогическому институту. Таким образом, настроение становится здесь кислым» (письмо от 28 августа 1925 г.) [1, f.54]. (Факультет, как учебное заведение, просуществовал всего несколько лет: с одной стороны, значительно сократилась поддержка в рамках «русской акции», с другой, стало ясно, что Советская власть - это надолго, поэтому изучение русского дореволюционного права стало бесперспективным. Последний выпуск студентов был осуществлен в конце 1920-х годов. Затем до второй половины 1930-х гг. факультет являлся только научно-административным учреждением [11, с.86]). Кизеветтеру пришлось искать другую работу. Таким местом явился знаменитый пражский Карлов университет («Я действительно с этого года буду читать в Карловом университете, только что получил бумагу об утверждении моего курса. Читаю я по-чешски совершенно свободно, но говорю плохо за отсутствием практики» (письмо от 9.10.26) [1, f.78]. Уже через месяц он делился впечатлениями с Мельгуновым (письмо от 8.11.26): «Третьего дня читал вступительную лекцию. Говорил по-чешски без бумажки и весьма суровые критики из числа чешских профессоров одобрили мою чешскую речь, а в Narodnem Osvobozeni появилась о моей речи восторженная статья. На будущей неделе начинаю и самый курс» [1, f.79].

Еще одним местом работы Кизеветтера был Русский народный (Свободный) университет. Народные университеты были организованы русской эмиграцией во многих столицах европейских стран, в них функционировали многочисленные курсы, кружки, читались публичные лекции для населения. Дипломов о высшем образовании они не выдавали, являясь учреждениями дополнительного образования [3]. В Праге университет возглавлял известный биолог, бывший ректор Московского университета М.М.Новиков, а исторической секцией руководил А.А.Кизеветтер. Деятельность университета нашла отражение в его письмах к известному историку и политическому деятелю В.А.Мякотину, хранящихся в ГАРФе. 13 мая 1929 г. Кизеветтер писал: «Народный Университет решил, - в виду изменения здешней русской компании за отъездом из Чехии многих учащихся, - в предстоящем учебном году не объявлять курсов, а заменить их всецело эпизодическими отдельными лекциями на сюжеты, по возможности прямо или косвенно соприкасающиеся с вопросами, имеющими для широкой публики интерес к современности, но при условии научного подхода к этим вопросам. Так вот, будьте добры теперь же прислать мне несколько тем для таких Ваших лекций» [14.Ф.5917.Оп.1.Д.38, л.18 об.]. Через полгода Кизеветтер извещал Мякотина: «Сейчас составляем расписание лекций для Народного университета на второе полугодие, Вашу лекцию намечаем на февраль. Будьте так добры, немедленно черкните мне тему» [14. Ф.5917.Оп.1.Д.38, л.20].

Открытие в 1921 г. Русского юридического факультета - одного из немногих учебных заведений русской эмиграции, которые с полным правом можно назвать высшими (РЮФ имел 4-летний срок обучения и выдавал дипломы, идентичные русским дореволюционным университетским дипломам), повлекло за собой поток ходатайств от многих представителей русской профессуры с просьбами принять их на работу. Однако, количество преподавательских вакансий на факультете было невелико и, судя по сохранившимся документам, в том числе письмам из фонда РЮФ в ГАРФе, многие из просителей получали отказ. Так, 22.12.1923 обратился с просьбой о приеме на службу на факультет магистр политической экономии и статистики Н.И.Кохановский. «Моя и моей семьи судьба в истекающем году сложилась очень неблагоприятно, - писал он основателю и руководителю (декану) РЮФ П.И.Новгородцеву. - Советская волна докатилась до нас лишь в конце 1922 г. В Дальневосточном университете, где я состоял профессором по кафедре политэкономии и статистики (одновременно читал также курсы финансовой науки и истории экономических учений) пер-

вый семестр 1923 г. начался поздно и имел переходный характер. Полная «советизация» университета началась с лета «чисткой» в среде профессуры и студенчества. <…> Я с женой, распродав за бесценок имущество и отправив часть его, в том числе, научные книги морем, выехали в Москву, с намерением направиться в Чехословакию, как мне посоветовали мои чешские ученики». Далее после сложностей с получением паспорта, Кохановские, решив эти проблемы, оказались в Латвии, откуда Николай Иванович и писал письмо Новгородцеву. «В Риге мы рассчитывали получить визы, о чем возбудили ходатайство еще в сентябре. Теперь проживаем здесь, в ожидании помощи из Праги, так как по объяснению в Консульстве, лишь из Праги может быть оказана действительная помощь в выдаче нам виз. Озабочивает нас и вопрос о средствах к жизни, так как на имеющиеся средства долго жить не сможем, а также вопрос о пропуске через границу идущих морским путем домашних вещей и книг. Возвращаться в Россию было бы тяжело. Экономисту там нечего делать», - завершал грустные размышления о своей судьбе Кохановский [14; Ф.5765.Оп.1.Д.90, л.214-216 об.].

Для ответа на ходатайство был собран Совет Русского юридического факультета, решение которого содержится в письме от 30.01.1924 секретаря Совета П.Кириева, отвечающего Кохановскому по просьбе заболевшего декана Новгородцева: «При рассмотрении Вашего ходатайства установлено, что ввиду того обстоятельства, что в настоящее время в составе факультета имеется 5 докторов политической экономии и статистики и 3 приват-доцента, факультет более не вправе приглашать профессоров на эту кафедру, почему и лишен возможности пойти Вам навстречу в данном случае.<…>

Г. Декан рекомендует Вам обратиться в Русский Научный Институт в Берлине, в котором, по имеющимся от него сведениям, в настоящее время еще имеется нужда в преподавательском персонале» [14; Ф.5765.Оп.1.Д.90 Л.213-213 об.]. Кохановский в итоге остался в Риге, где преподавал в местных учебных заведениях.

Мечтой о Праге жили и представители бывшей одесской профессуры, оказавшиеся в эмиграции в Болгарии. Это видно из их переписки с известным историком, жившим в столице Чехословакии, также бывшим одесситом А.В.Флоровским. Так, надеялся на переезд в Прагу ботаник Г.Секачев. «Живем надеждой на Прагу!» - писал он 15 января 1923 г. из Софии [8, с.322]. Секачев жил с семьей в трудных условиях. «Живется тяжело, так как не только нельзя одеться, но не хватает даже на пищу, - жаловался он в письме от 17 июня 1923 г. – Но все же я не падаю духом. «Караю» в надежде на скорый отъезд в Прагу» [8, с.326]. Питал надежды на устройство на профессорскую стипендию в Праге и историк права А.С.Мулюкин. В начале февраля 1923 г. он писал Флоровскому: «Если найдете возможным, то помогите мне устроиться в Праге или научите меня. Я могу читать курсы западноевропейского общего административного права. Я знаю хорошо немецкие и французские курсы … Я знаю, что Вы сами должны еще устраиваться и Вам некогда, но Вы поделитесь со мною этими знаниями и опытностью, которые Вы уже имеете» [8, с.329]. Но уже к апрелю 1923 г. надежды Мулюкина рассеялись – из МИДа Чехословакии был получен отрицательный ответ. Как объяснил ему другой историк права И.А.Базанов: «слишком много высланных», а средства весьма ограниченны [8, с.335-336]. Очень хотел попасть в Прагу и языковед Ф.Г.Александров. В мае 1923 г. он писал Флоровскому из Варны: «Я знаю, что высланные, как и вообще русские, всем надоели, в том числе и друг другу; я знаю, что получить место в каком-либо чехословацком университете невозможно, что Русский университет в Праге, если таковой существует, вероятно, заполнен, и притом людьми «высокой квалификации». Но все-таки … действительно ли положение совершенно безнадежное или на что-то можно рассчитывать. Должен сказать, что я удовлетворился бы даже какой угодно службой, если бы эта служба была в университетском городе…» [8, с.339]. Ни Секачев, ни Мулюкин, ни Александров в Прагу так и не попали. Только Александров смог найти место учителя в школе в Софии, Секачев и Мулюкин вовсе ушли из профессии.

Были, однако, и иные ситуации, когда тот или иной специалист всячески приглашался в Прагу, но сам выражал сомнение в необходимости переезда туда. Не стремился, например, в Прагу известный славист М.Г. Попруженко, получивший место в Софийском университете («Прага по климату нечто очень скверное», - писал он Флоровскому 24 сентября 1922 г. [8, с.306].

Долго сомневался в необходимости переезда в Прагу и знаменитый статистик А.А.Чупров. Оказавшись за границей в командировке еще в 1917 г. и оставшись в итоге в эмиграции, он несколько лет жил в маленьком немецком городке Штрелене и затем в Дрездене за счет гонораров от многочисленных публикаций. Ухудшение экономической ситуации в Германии вынудило его искать новое место, таковым, в конце концов, стала Прага. Но решение о переселении туда он принял не без колебаний. «В вопросе о моем переселении в Прагу меня смущает, конечно,

прежде всего, тот благотворительный привкус, с которым сопряжено пражское устройство и которое особенно неприятно чувствуется, как мне многие свидетельствовали, на литераторских стипендиях, где он особо подчеркивается и расписками, и всем порядком выдачи стипендий, - писал он П.Б.Струве, имея в виду «русскую акцию». - Вольная вакансия в связи с преподаванием осадок этот, разумеется, сильно смягчает: отработки устраняют ощущение лично получаемого подаяния, характер которого не подчеркивается тут, судя по тому, что Вы пишете, и формально. Но благотворительный характер всего чешского «бюджетного расхода» по этим статьям остается». Чупров мечтал работать там «где устройство опиралось бы на чисто проводимый принцип: «do ut facias, facio ut des»[6] и тем самым «представляло бы само по себе бóльшую приятность». Смущала Чупрова (как на первых порах и Кизеветтера) Прага и «очень уж интенсивной русской «общественностью», в которую неизбежно будут втягивать с разных сторон, так что соблюдать ценимый мною что дальше, тем больше полуотшельнический образ жизни, будет нелегко. Минусам этим противостоит, как большой плюс, сравнительная благодарность педагогической задачи». Письмо писалось 25 июля 1924 г., поэтому понятны дальнейшие размышления Чупрова: «Смысл существования юридического факультета в его целом для меня довольно сомнителен, но несомненно, что группирующиеся в Праге молодые силы составят основные кадры преподавательского персонала русской высшей школы, когда наше поколение вымрет, и содействие им в их работе представляется вполне продуктивным использованием сил» [14, Ф.5912. Оп.1. Д.131, л.42 об.].

Чупров переехал в Прагу в январе 1925 года, но некоторое время был почти не у дел. «Пока я ограничиваюсь тем, что присматриваюсь к жизни, к людям и к ведущейся здесь научной работе, - писал он известному экономисту В.И.Борткевичу. – Меня усиленно затягивают туда и сюда, но я не даю пока связать себя ни с чем. Лишь на русском юридическом факультете выбран я уже в профессора, но это ни к чему не обязывает, кроме посещения факультетских заседаний (тут мне пришлось уже принять участие в магистерском экзамене) и ничего не дает, кроме права чтения лекций, буде найдутся слушатели» [7]. Дальнейшая судьба Чупрова в Праге зависела от получения профессорской стипендии от чехов. Стипендия присуждена не была, вероятно, из-за опубликования ученым статьи в советском «Вестнике статистики». В итоге, через несколько месяцев Чупров покинул Прагу [12, с.18-19].

Приведенные в статье примеры – лишь немногие свидетельства академической деятельности отечественной профессуры в Праге, безусловно, доказывающие большую роль переписки в освещения научной и учебной деятельности русских ученых-эмигрантов.

Список литературы

1. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S.P.Melgunov papers. A.A.Kizevetter letters.
2. Chinyaeva E. Russians outside Russia: the Émigré Community in Czechoslovakia, 1918-1938. München: B.Oldenburg Verlag, 2001.
3. Волошина В.Ю. Статус и роль народных университетов в русском зарубежье в 1920-е годы // Омский научный вестник. 2009. №6. С.16-19.
4. Емельянов Ю.Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. Изд.2-е. М.: Едиториал УРСС, 2012.
5. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012.
6. Михальченко С.И. А.А. Кизеветтер: "...был убежденным конституционалистом" // История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Смоленск: Русич,1996. Т.1. С. 329-343
7. Переписка А.А.Чупрова и В.И.Борткевича // http://www.sheynin.de/download/9_Perepiska.pdf
8. [Переписка А.В.Флоровского] / Публ. Г.А.Савиной // Диаспора: Новые материалы. Под ред. О.А.Коростелева. СПб.: Феникс, 2002. Вып.3. С.304-410.
9. Савицкий И. «Русский Оксфорд» в Праге. 1919-1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк,2001-2002. Т.XXXI.С.87-137.
10. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение.1993. №4. С.28-38.
11. Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918-1939). М.: Книга и бизнес, 2000.

[6] *лат.* даю, чтобы ты сделал; делаю, чтобы ты дал

12. Шейнин О. Б. А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка. Берлин: [б. и.], 2010 // http://www.sheynin.de/download/chuprov_2.pdf

13. Шпаковская М.А. Одиннадцать лет в эмиграции (Из жизни профессора А.А.Кизеветтера в Праге) (по материалам московских архивов) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2001. № 1. С.163-169

14. Государственный архив Российской Федерации.

Об авторе

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, smikh10@mail.ru

УДК 93/94

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ ДАГЕСТАНА (ПО СТРАНИЦАМ НЕПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ 1920-1941 ГОДОВ)

Муцалханов М.С., Шугаибов И.Ш.

Статья посвящена изучению истории становления и развития трудовой общеобразовательной школы Дагестана в межвоенный период (1920-1941) на основе публикаций журналов непедагогического направления. Проведенный анализ показал, что материалы указанного типа печати оказали значительное позитивное воздействие на деятельность властных структур республики при решении задач строительства основ и дальнейшего совершенствования работы единой трудовой общеобразовательной политехнической школы Дагестана исследуемого периода.
Ключевые слова: единая трудовая общеобразовательная школа Дагестана, межвоенные годы, непедагогическая журнальная периодика.

HISTORY OF THE FORMATION OF LABOUR SCHOOL DAGHESTAN (NON-TEACHING PAGES MAGAZINE PERIODICALS 1920-1941 YEARS)

Mucalhanov M.S., Shugaibov I.Sh.

The article is devoted to the study of the history and development of labor secondary schools in Dagestan in the interwar period (1920-1941), Based on the direction of non-teaching publications magazines. The analysis showed that the materials of this type printing had a significant positive impact on the activities of the power structures of the republic with the tasks of building the foundations and further development of the unified labor secondary polytechnic school of Dagestan study period.
Keywords: single labor secondary school in Dagestan, interwar years, non-teaching magazine periodicals.

Традицию отражать на своих страницах проблемы школьного образования, обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки молодежи к труду и жизни в условиях нового строя заложил журнал «Танг Чолпан» (Утренняя звезда), издававшейся группой прогрессивной молодежи Дагестана с 1917 по август 1918 года [1, л.14].

Журнал издавался на кумыкском языке на аджаме – письменности, созданной на основе арабской графики. Издание ставило перед собой задачу – публиковать материалы о школах и их проблемах, постановке преподавания в них, и оно осталось верной своему обещанию до последнего выпуска[2].

С мая 1918 г. журнал возглавил филолог по образованию А.С. Шемшединов[3], что способствовало усилению внимания в материалах издания к проблемам просвещения населения и молодежи.

После окончательной победы советской власти (апрель 1920 г.) в Дагестане традицию «Танг Чолпана» в вопросах отражения на своих страницах проблем школьного образования продолжили начавшие издаваться в республике разной направленности и содержания журналы.

Авторы данной статьи предлагают вниманию читателя анализ отражения школьной жизни на страницах непедагогической журнальной периодики Дагестана межвоенного периода. При этом следует отметить, что раскрытие проблемы в полном объеме сопряжено с определенными трудностями и, прежде всего, плохой сохранностью источников рассматриваемой проблемы. В книгохранилищах и фондах архивов Дагестана и страны сохранились далеко не все номера издававшихся в республике указанного направления журналов – «Звезда», «Плановое хозяйство Дагестана», «Страна гор», «Штурм», «Юность гор».

Первым по счету периодическим изданием советского времени истории Дагестана, который обратился к проблемам обучения и воспитания подрастающего поколения в единой трудовой общеобразовательной школе, стал журнал обкома комсомола республики «Юные борцы» [4].

По данным справочной литературы, первый и единственный номер этого журнала вышел в тогдашней столице Дагестана г. Темир-Хан-Шура (ныне – г. Буйнакск) 1 мая 1921 г. – в день открытия I съезда комсомола Дагестана [5, с.149]. Выпуск издания осуществила группа энтузиастов во главе с лидером молодежи Дагестана Тату Булач.

Относительно нашей темы, журнал представляет интерес в том смысле, что на его страницах была опубликована статья о трудовом воспитании молодежи, но ни его содержание, ни характер самой публикации и другие данные, которые могли бы удовлетворить интерес к проблеме исследователей и любознательных читателей, остаются пока неизвестными.

К сожалению, как установили исследователи истории молодежной печати Дагестана 20-х годов прошлого столетия, этот журнал не найден ни в архивах, ни в библиотеках республики и страны [6, с.76].

Общие сведения о выпуске журнала и его

содержании можно почерпнуть из воспоминаний Т.О. Булач [7, с.47] и С.И. Эпштейна, принимавших непосредственное участие в осуществлении этого издания.

Достаточно большое внимание проблемам строительства трудовой школы Дагестана уделял один из первенцев периодики советской власти – республиканский литературно-художественный журнал «В горах Дагестана»[8]. Согласно данным справочника «Печать Дагестана», журнал издавался в 1922-1923 г. в г. Буйнакске. Свет увидели всего 7 выпусков, из которых сохранился только первый номер. В завершение информации о данном издании отметим, что составителями справочника «Печать Дагестана», журнал ошибочно указан как литературно-педагогический [5, с. 129].

Как показывают материалы сохранившегося, как было указано, первого номера журнала за 1922 г. издание уделяло большое внимание вопросам становления трудовой школы республики. Здесь опубликованы статьи зам НКП Дагестана А. Ефременко «Новый экономический курс и просвещение» [8, с.1-3] и «Текущие задачи Наркомпроса Д.С.С.Р» [8, с.7-9], в которых дана оценка состоянию строительства трудовой школы республики, вскрыты причины, из-за которых не удается выполнить задачи по созданию нового типа общеобразовательных учебных заведений.

Одним из важнейших тормозов на пути строительства трудовой школы автор называет «с одной стороны полное обнищание государства, как следствие длительной, разрушительной войны, с другой стороны, новый экономический курс, где нет ничего “дарственного и бесплатного”». Получилось несоответствие желаний, нужд, запросов в области просвещения и имеющихся в государстве средств и культурных сил. В качестве выхода из создавшейся ситуации автор предлагает строить новую школу не на условиях новой экономической политики, а «в связи с ней» [8, с.2].

Как видно из названия, во второй статье этого автора говорится задачах первоочередной важности, без решения которых невозможно строительство основ и дальнейшее развитие трудовой школы Дагестана. Среди острых проблем текущего момента в развитии школьного образования республики автор называет подготовку учителя-национала, подготовку и издание учебников на местных языках, создание материальной базы и другие.

В статье говорится о первых успехах в выполнении указанных выше задач строительства трудовой школы Дагестана. Особенно заметными оказались успехи в области подготовки квалифицированных кадров для общеобразовательной системы республики. В Махачкале для всех 300 учителей-националов действовали 4-месячные педагогические курсы. Такие же курсы, но с охватом 100 учителей аварцев, кумыков и русских функционировали в г. Буйнакск и на 60 человек – в г. Дербент для учителей на тюркском языке.

При отборе курсантов комиссии придерживались жестких правил. Это привело к тому, что часть вызванных учителей, как несоответствующих назначению не были допущены к занятиям. Несмотря на нехватку учителей, такая процедура была проведена также в школах с уже работающими педагогами.

К началу 1922-23 учебного года ожидалось поступление в общеобразовательные трудовые школы Дагестана значительного количества учителей, прошедших указанные педкурсы. В их числе были 15 учительниц-националок с педкурсов Буйнакска и это стало важным фактором на пути становления и дальнейшего развитии трудовой школы республики.

Вслед за окончанием курсов и на основе их опыта, материалов и проделанной работы, Наркомпрос Дагестана готовился открыть педтехникум для подготовки учителя-национала. На момент опубликования статьи в указанном направлении проводились подготовительные работы. Соответствующие сметы и мотивированные доклады были внесены на рассмотрение высших органов Дагреспублики и Наркомпроса РСФСР.

Среди других успехов начального этапа строительства трудовой школы в статье названа подготовка и издание букварей и пособий на национальных языках. В связи с принятием положения о трехлетней сельской школе на родном языке, Наркомпрос Дагестана приступил к изданию учебников на языках народов республики. И к началу 1922 из печати вышли «Буквари» на аварском, даргинском и кумыкском, работа В. Ермолова «Трудовая школа» на кумыкском, «Кавказский пленник» Л. Толстого на аварском и кумыкском, а также другие учебники и пособия на языках народов республики.

Находились в печати «Букварь» на лакском языке, работа Генко «Пособие по истории культуры для учителей Дагестана».

Учительствовавший в школах Дагестана с начала XX в. и опытный педагог, который внес весомый вклад в становление и развитие трудовой школы республики, А.П. Скрабе[9] подготовил к печати «Учебник природоведения». Книга была издана на 4 дагестанских языках и тиражом 2 тыс. экземпляров.

Кроме того, на аварский и кумыкский

языки были переведены литературные произведения отечественных авторов (Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченко, Гаршина).

В этом же номере указанного журнала опубликована еще одна статья, имеющая непосредственное отношение к проблеме становления и развития трудовой школы Дагестана. Речь идет о статье Н. Калашникова «Что же дальше?» [8, с.3-4].

Анализируя итоги полуторагодового развития школы Дагестана в условиях советской власти, автор материала не без основания, как нам представляется, говорить о фактическом «провале строительства единой трудовой школы» в республике. Анализируя причины неудач в осуществлении курса на единую трудовую школу, Калашников делает вывод о том, что «корень зла» в этом вопросе кроется в попытке решать задачи в области просвещения «мерками периода “военного коммунизма”».

Авторы статьи полагают, что именно в новой обстановке, сложившейся в республике к началу первой половины XX в., подходит время, когда можно перейти от лозунгов к действительному проведению в жизнь единой трудовой школы. Для этого, прежде всего, необходимо научить и учащихся и, главным образом, учителей продуктивно и систематически работать в учебное время и при организации внеклассной общественно-полезной работы с детьми, а также вести самый строгий учет работы, как учащихся, так и преподавателей.

Определенное внимание проблеме трудовой подготовки школьников Дагестана в изучаемый период уделял выпускавшийся в Дагестане в течение недолгого времени журнал «Штурм»[10]. Издание призвано было отражать ход выполнения задач культсанштурма в республике. Среди материалов, опубликованных на страницах некоторых номеров этого журнала, имеются и те, что непосредственно относятся к проблемам подготовки школьной молодежи к трудовой самостоятельной жизни.

В рассматриваемом плане интерес представляют иллюстративного характера материалы, опубликованные в первом номере журнала «Штурм» (1933). Это два снимка, сделанные фотокорреспондентом Р. Чутуевым и помещенных под названиями «Урок» [10, с.29] и «Пионеры-энтузиасты культпохода в горах» [10, с.56].

Первый документ относится к серии открыток, выпускавшихся Культштабом и Наркомпросом Дагестана в 30-е годы прошлого столетия в период культсанштурма. Это фотография нескольких взрослых женщин-горянок, занятых ликвидацией своей неграмотности. Непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме имеют слова, сопровождающие фотодокумент. В нем сказано, что культсанштурм дошел в Дагестане и до таких «таежных аулов, как Гочоб, Килятль, Чарода и др.[11], где недавно еще не было даже школ» и сыграл свою положительную роль в развитии культуры и просвещения населения горных районов республики.

Из сказанных слов вытекает, что в указанных и, вероятно, других населенных пунктах этого и других районов горного Дагестана в рассматриваемое время были созданы общеобразовательные трудовые школы, имевшие первостепенное значение для обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки юношей и девушек к труду и жизни.

На втором фотодокументе изображены трое пионеров-школьников (один мальчик и двое девочек), которые в торжественной обстановке (с пионерским барабаном и другими атрибутами) идут проводить со взрослыми работу по ликвидации их неграмотности и другие мероприятия (текст к фото не комментирует этот момент) культурного и просветительского характера. Этот материал, собранный в Лакском районе Дагестана, относится к сфере организации внеклассной общественно-полезной деятельности учащихся как формы вовлечения подрастающего поколения к трудовым процессам, а, стало быть, и подготовки юношей и девушек к труду и жизни.

В общественно-полезной деятельности школьников Дагестана межвоенного периода особо следует выделить участие молодежи в сборе и сохранении произведений фольклора народов республики, хотя подобного рода примеров, зарегистрированных документально, не так много. Об одном таком случае написал известный специалист по дагестанскому фольклору А. Назаревич в своей статье, помещенной на страницах журнала «Страна гор» и посвященной изучению кумыкской поэзии[11]. По мнению ученого, народному сказителю Дагестана Аяу Акавову из села Костек Хасавюртовского района сказку о славном храбреце (улане) рассказал ученик местной школы по имени Насрутдин[12, с.65].

Среди других журналов Дагестана непедагогического направления с публикациями на школьную тему следует назвать издание Госплана республики «Плановое хозяйство Дагестана», выходившееся в свет ежемесячно с 1927 г. по середину 1930 г.[5, с.139].

Одной из значительных публикаций журнала, где уделено достаточно большое внимание проблемам развития в Дагестане трудовой школы и просвещения в целом является статья Н. Султанова, посвященная анализу бюджета Дагестана на 1926-1927 гг.[13].

В качестве важнейших причин, препятствующих нормальному развитию школьного образования Дагестана автор называет слабое и явно недостаточное финансирование системы просвещения. По части выделения средств для образования из всех источников республика намного отставала по РСФСР. В 1925-26 учебном году, по данным журнала, на одного жителя Дагестана по линии народного образования было потрачено 1 руб. 60 коп., против 2 руб. 06 коп. по стране [13, с.17]. В следующем учебном году указанные траты в республике возросли до 2 руб. 22 коп., но и это было на 1 руб. 46 коп. меньше, чем по Северо-Кавказскому краю.

Интерес представляет материал, приводимый автором статьи по другим национальным республикам страны. Согласно данным журнала, отставая по показателю финансирования образования от среднероссийских данных, Дагестан опережал такие национальные республики как Татарстан (1 руб. 44 коп.), Башкирия (1 руб. 43 коп) и Казахстан (1 руб. 07 коп).

Однако приведение этих цифр на уровне простой констатации, как факта, в отрыве от учета общего уровня развития образования в перечисленных выше национальных республиках страны, не дает читателю реальной картины проблемы. Если учесть, что Дагестан в первые десятилетия советской власти намного отставал в развитии светского образования среди автономий РСФСР и СССР, то отмеченное в статье небольшое преобладание республики в финансировании просвещения среди других национальных окраин страны было обусловлено необходимостью доведения уровня общего и профессионального образования дагестанского населения до среднероссийского уровня.

Большой интерес в плане изучения проблем строительства трудовой школы республики представляют статьи И.П. Кинсбурга, посвященные итогам Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 г. в Дагестане. Это мероприятие, как известно, в масштабе страны проводилось согласно постановлению ЦИК и СНК СССР 10 августа 1927 г.[14].

В первых номерах журнала за 1928 г. Кинсбург дал обзорную статью об указанном мероприятии и почеркнул, что перепись преследовала цель, прежде всего, выяснить состояние материально-технической базы трудовой школы, как одного из важнейших условий и предпосылок обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки юношей и девушек к трудовой самостоятельной жизни [15, с.99].

Анализируя итоги школьной переписи 15 декабря 1927 года, Кинсбург, считает, что сильно мешает полноценному развитию трудовой школы Дагестана географические, этнические и прочие особенности, которые становятся сдерживающими факторами просвещения в целом. Перепись выявила, что процент выполнения такого важного фактора школьного образования, как начальный всеобуч, по районам Дагестана разниться от 7,3 до 82,3 процентов[16, с.39].

О первых успехах в становлении и развитии трудовой школы в упомянутом выше Чародинском районе говорится в материале, опубликованном журналом Северо-Кавказского края «Революция и горец» в 1932 году. В объединенном выпуске этого издания помещена статья журналиста Ф. Перебийноса с названием «Большие победы маленькой Чароды»[17, с.208].

В материале рассказывается о ситуации, связанной с практическим отсутствием материальной базы трудовой школы в селе Хилих Арчинского сельсовета. В школе совершенно не хватало лесоматериала для классных досок, столов и парт. Выход из положения нашли сами учащиеся: они стали приходить в школу с подносами и медными блюдами, которые клали на колени и на них выполняли учебные задания. Вместо скамеек учащиеся сидели на бревнах, заготовленных ими же в лесу, организовывая для этого субботники и воскресники.

Достаточно внимания вопросам трудовой школы республики обращал в своих публикациях журнал Дагобкома ВКП(б) «Звезда». Интерес в плане руководства развитием трудовой школы и разрешения возникающих перед педагогическими коллективами республики проблем представляет материал, опубликованный журналом в первом и втором объединенном номере за 1933 г. и посвященный задачам парторганизации республики в свете прошедшего в начале 1933 г. IV Пленума Дагобкома ВКП(б)[18]. Высший политический форум республики, рассматривая вопросы культурного строительства, признал, что «Даггиз издает всякую макулатуру, но не издает литературу на родных языках в том количестве, в каком требуется».

Среди наиболее острых причин, мешавших нормальной работе трудовой школы Дагестана и являвшихся «немалым тормозом на пути развертывании культурной революции» в целом, пленум назвал «отжившую систему преподавания в школах, их перегруженность, многоязычие населения республики…».

Ненормальным явлением в школьной жизни республики журнал назвал ситуацию, при которой «в дагестанских школах первой ступени учащиеся должны были учиться дольше, чем в других национальных республиках страны, а в школах второй ступени – 2-3 года».

Не распространяясь особо в комментариях, авторы публикации отметили, что такое положение с обучением и воспитанием подрастающего поколения, связанное с особенностями Дагестана, не ускоряет, а задерживает развитие школьного дела в целом, подготовку кадров, как для самой школы, так и для народного хозяйства.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Непедагогическая журнальная периодика Дагестана межвоенного периода уделяла вопросам становления и развития единой трудовой школы республики достаточно большое внимание. Об этом говорят опубликованные по данной проблеме материалы журналов, подвергшиеся анализу в данной статье.

2. Публикации изученной нами категории журналов Дагестана содержат много фактологического материала. Высказаны интересные и полезные факты, позволяющие оценить состояние единой трудовой общеобразовательной школы Дагестана в первые два десятилетия её становления.

3. В рассмотренных нами материалах непедагогической журнальной периодики Дагестана 1920-40-х годов практически отсутствует критика имеющихся недостатков и упущений в деятельности властных структур республики по строительству новой школы. Как было показано выше, только журнал Дагобкома ВКП(б) «Звезда» слегка «пожурил» Даггосиздат за неверный подходы в вопросах обеспечения трудовой школы соответствующей литературой.

В целом непедагогическая журнальная периодика Дагестана межвоенного периода оказала позитивное воздействие на процесс становления и дальнейшего развития в республике единой трудовой общеобразовательной политехнической школы. Воспитанная этой школой молодежь вскоре встала на защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Список литературы

1. Танг Чолпан // ЦГА РД. Ф.2370. Оп.2. Д.70. Л.1-239. Л.14.

2. Гаджиев А. Славный «Танг Чолпан» // Дружба (г. Хасавюрт). 1970. 25 сентября.

3. Муцалханов М.С. Шемшединов А.С.: штрихи биографии // Вести Кумыкского научно-культурного общества (КНКО), 2000. №4. С.41-43.

4. Юные борцы, 1921. №1. Других сведений не сохранилось. *Прим. автора*.

5. Печать Дагестана: Справочник. Махачкала, 1983. 172 с.

6. Арипов Г. Первые комсомольские: О молодежной печати Дагестана 20-х годов // Советский Дагестан, 1971. №3. С.73-76.

7. Тату Булач. Боролись и не сдавались. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 72 с.

8. В горах Дагестана, 1922. №1. 64 с.

9. Муцалханов М.С. Вклад А.П. Скрабе в становление и развитие трудовой школы Дагестана (1900–1950 гг.) // Научный альманах, 2016. №2-3. С. 412-415.

10. Штурм. Махачкала, 1933. №1. 64 с.

11. Перечисленные населенные пункты относятся к нынешнему Чародинскому району Республики Дагестан. *Прим. автора.*

12. Назаревич А. У истоков кумыкской сказки // Страна гор – Махачкала, 1941. №1. С.61-83.

13. Султанов Н. Анализ местного бюджета Дагестана на 1926-27 год // Плановое хозяйство Дагестана (далее – ПХД), 1927. №5. С.12-22.

14. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. В 2 т. М.: Гос. планово-хоз. изд-во, 1930. Т.1. С.39.

15. Кинсбург. И.П. Школьная перепись в ДССР. 1927 г. // ПХД, 1928. №1-2. С. 99-101.

16. Кинсбург И.П. Состояние народного образования в ДССР в связи с данными предварительных итогов школьной переписи // ПХД, 1929. №5-6. С.36-43.

17. Перебийнос Ф. Большие победы маленькой Чароды // Революция и горец, 1932. №10-12. 222 с.

18. Задачи парторганизации на новом этапе социалистического строительства // Звезда, 1933. №1-2. С.3-11.

Об авторах

Муцалханов Мавлетхан Солтаналиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет, mucallhanov@mail.ru

Шугаибов Ильмутдин Шугаибович – соискатель, кафедра истории, Дагестанский государственный педагогический университет, silmutdin@mail.ru

УДК 433.908

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Новикова А.В.

Статья посвящена начальному этапу реализации крестьянской реформы на местах. На основе материалов периодической печати, архивных документов обосновывается цель создания института мировых посредников, рассматривается перечень полномочий чиновников, а также анализируется процесс деятельности учреждения в первые годы осуществления реформы.
Ключевые слова: крестьянская реформа, мировые посредники, пореформенная Россия, крестьянство, поместное дворянство, уставная грамота, Редакционные комиссии.

PARTICULARLY THE ACTIVITIES OF CONCILIATORS AT EARLY STAGES OF THE PEASANT REFORM OF 1861

Novikova A.V.

The article is devoted to the initial stage of implementation of the peasant reform in the field. On the basis of the periodical press materials, archival documents justifying the purpose of creating the Institute of conciliators considers the list of powers of officials, as well as analysis of the process of the institution of conciliators in the first years of the reform.
Keywords: peasant reform, conciliator, post-reform Russia, peasantry, landed gentry, charter, editorial commission.

Реформа 1861 года является одним из главных событий Российской истории и занимает важное место в ряду научных исследований, посвященных истории второй половины XIX века. Отмена крепостного права, даже несмотря на общую половинчатость и непоследовательность, а также противоречивость проводимых мер, обусловленную рядом компромиссов – между государством и обществом, между либералами и консерваторами, между помещиками и крестьянами, стала самым значимым прогрессивным актом XIX века. Ключевым звеном в деле реализации реформы явился специально созданный орган – институт мирового посредничества, главной целью которого должно было стать проведение преобразований и регулирование крестьянского вопроса на местах.

Несмотря на то, что институт мировых посредников был важнейшим элементом процесса реализации реформы, его деятельности посвящено небольшое количество исследовательских работ. Это обусловлено тем, что основные источники, связанные с функционированием института, не сосредоточены в одном или даже нескольких учреждениях, а также находятся в фондах региональных архивов. Тем не менее, в разное время рассмотрением темы занимались такие отечественные историки, как А.А. Корнилов [1], Н.М. Дружинин [2], Л.Г. Захарова [3], В.Г. Чернуха [4]. В настоящее время, перечень региональных работ заметно расширяется [5]. Современные исследования, в основе которых лежат новые методологические подходы, заметно приумножили круг рассматриваемых вопросов, но для создания общей картины подготовки и реализации реформы как применительно к отдельным российским территориям, так и в общероссийском масштабе «необходимо еще более расширить комплекс проблем, включенных в сферу исследовательского внимания» [6, с. 9]. Обширное количество неизученного материала, лишь подчеркивает актуальность рассматриваемой темы и необходимость дальнейшего обращения к ней.

Введение основных положений крестьянской реформы 1861 года на местах было возложено, главным образом, на губернские по крестьянским делам присутствия, мировые съезды, а также на мировых посредников. Если губернские присутствия руководили и распоряжались введением и осуществлением ключевых идей «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861», а мировые съезды были своего рода апелляционной инстанцией, то непосредственное претворение в жизнь реформы отмены крепостного права в уездах должно было происходить при содействии нового института – мировых посредников. На чиновников возлагалась обязанность разрешения жалоб и споров между помещиками и крестьянами, которые могли возникнуть на основе обязательных поземельных отношений, помимо этого предполагалось и руководство органами крестьянского самоуправления [7].

Учреждению новой чиновничьей должности предшествовало большое количество проектов. Так, например, на основании утвержденных 25

марта 1859 года «главных начал», первоначально планировалось создать в каждом уезде особые мировые учреждения в лице мировых судей, которых следовало выбирать из числа дворянского сословия, но выборщиками-крестьянами. Этот вопрос неоднократно обсуждался как в Редакционных комиссиях, так и в Главном комитете. Подобная выборность лиц на должность была расценена большинством как затруднительный и долгий процесс, поэтому окончательное решение этого вопроса сводилось к тому, что назначение мировых посредников (изначально – мировых судей) на первые три года необходимо делегировать губернаторам.

Автором одного из таких проектов являлся известный общественный деятель того времени князь В.А. Черкасский (1824–1878), который в составленной им записке создания института мировых посредников также опирался на мнение ряда членов Редакционных комиссий, считавших, что необходимо было предоставить право их выбора именно крестьянам. В своем обосновании этого положения он указывал на следующие причины: 1) крестьяне, самостоятельно избравшие посредников, должны были проникнуться к ним большим доверием, нежели к чиновникам, которые будут им навязаны; 2) мировые посредники имели бы возможность судить крестьян строже, но в рамках закона; 3) многие из помещиков согласились бы гораздо быстрее и охотнее занять должность посредника в случаях, если бы заручились бы поддержкой крестьян [8].

На тот момент Редакционные комиссии представляли себе работу института посредников именно таким образом, однако конечный результат, получивший свою реализацию после 19 февраля 1861, был иным. Впрочем, В.А. Черкасский разделял позицию Главного комитета в том, что должность мирового посредника не должен занимать помещик независимый и живущий в достатке. Князю представлялось, что более эффективным и целесообразным было бы назначение помещиков, заинтересованных в финансовой стороне службы, и именно это должно было стимулировать их деятельность. Назначение добросовестных посредников, по мнению В.А. Черкасского, должно было стать делом первостепенной важности [9].

Проект князя В.А. Черкасского был не единственным, и во время работы Редакционных комиссий в результате обсуждений всевозможных предложений рождались новые идеи, которые должны были способствовать, по мнению сторонников реформы, наиболее эффективному и рациональному претворению ее в жизнь. Многие предложения действительно были задействованы при реализации окончательного проекта.

В итоге, в качестве основных для потенциальных посредников предъявлялись следующие требования: на должность мог претендовать потомственный дворянин, во-первых, владевший, возможно, в разных губерниях землей как находившейся в личном распоряжении и пользовании, так и отданной крестьянам (не менее 500 десятин). Во-вторых, допускался и меньший размер земельных владений, но не менее 150 десятин, если помещик окончил высшее учебное заведение с правом на чин XII класса. В-третьих, если помещик имел право избирательного голоса в губернском дворянском собрании [7]. Должность мирового посредника не предусматривала отказ от других занимаемых постов, но, тем не менее, помещикам следовало учитывать, что деятельность посредника потребует большого количества времени и личных усилий. Таким образом, сохранять за собой иные должности было целесообразно лишь в том случае, если они не препятствовали выполнению обязанностей посредника [7]. Вероятно, это объяснялось тем, что сделав выбор в пользу самодостаточных, обеспеченных и образованных помещиков правительство в конечном итоге рассчитывало на большую эффективность института и продуктивность реформы в целом.

Министр внутренних дел С.С. Ланской в циркуляре от 22 марта 1861, адресованном начальникам губерний, настаивал на особенной осторожности и осмотрительности при назначении лиц на должность посредников. Основное внимание документа фокусировалось на личности мировых посредников, на требованиях, которым они должны были соответствовать. Объяснялось это тем, что именно такой выбор может в конечном итоге решить судьбу реформы, определит ее результаты. Поспорить с этим довольно трудно, так как будущая практика полностью подтвердила мысли министра внутренних дел. С.С. Ланской осознавал и то, что каждая ошибка при назначении чиновника могла обойтись очень дорого. Действительно, деятельность мирового посредника не была подконтрольна административным учреждениям, и практически снимались препятствия в их работе по реализации крестьянской реформы на местах.

В циркуляре были обозначены и нравственные качества, наличие которых особенно приветствовалось в посредниках: беспристрастие, образованность, искренняя преданность делу и реформе. Посредник должен был «быть примирителем и судьей интересов обеих сословий», но не менее важным являлось и выстраивание грамотных отношений с крестьянством: следовало заслужить его доверие, во многом для

того, чтобы крестьяне без всякого стеснения обращались к нему за помощью, зная, что обретут поддержку и защиту. Министр рекомендовал губернаторам приглашать на должность посредников в первую очередь помещиков искренне сочувствующих реформе, стремившихся делом, а не словом улучшить жизнь и быт крестьян. Этот элемент деятельности посредников носил принципиально важный характер [8].

Циркуляр, вне всякого сомнения, имел колоссальное значение, хотя далеко не все губернаторы прислушались к рекомендациям С.С. Ланского. Тем не менее в состав посредников «первого призыва» в большинстве своем попали люди исключительные, в своем большинстве добросовестно выполнявшие все возложенные на них обязанности.

Мировой посредник назначался в каждом уезде. Предшествовало этому составление уездным предводителем дворянства списков претендентов на должность. Вслед за этим кандидатуры предъявлялись уездному дворянскому собранию для проверки правильности и достоверности приведенных данных, а также для исключения из списка, на основе уведомления начальства, тех потенциальных кандидатов, которые «опорочены или состоят под судом и следствием» [7]. Далее списки претендентов на должность посредника передавались начальнику губернии, и именно он, по предварительному согласованию с губернским и уездными предводителями дворянства, принимал решение о назначении на должность посредников, направляя соответствующее представление в Правительствующий Сенат для утверждения чиновника в должности. После получения уведомления об утверждении от губернатора, мировой посредник приступал к работе, о чем следовало сообщить губернатору, уездному предводителю дворянства и исправнику.

Первоначально срок полномочий мировых посредников ограничивался тремя годами, по истечении которых, в случае необходимости, планировалось внести необходимые корректировки. Каждому из мировых посредников ежегодно должно было представляться в распоряжение 1500 руб. Предполагалось, что эти средства должны были способствовать наиболее эффективной деятельности чиновников, поскольку в первые годы проведения реформы особенно важным было незамедлительное и безостановочное внедрение на местах ключевых тезисов «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Таким образом, мировые посредники не должны были испытывать разного рода стеснений и неудобств, замедлявших и сковывавших их профессиональные действия. Предполагалось, что средства должны были расходоваться на наем рассыльных, транспорта, на содержание канцелярии и на другие профессиональные издержки.

Помимо посредника необходимо было выбрать одного или двух кандидатов мирового посредника. Целесообразность этой должности также объяснялась стремлением вводить на местах положения крестьянской реформы без какого-либо промедления и отлагательств. В тех случаях, когда мировой посредник по законным причинам вынужден был на некоторое время снять с себя полномочия и обязанности, они переходили старшему из кандидатов. Если же в участке все-таки не было назначено кандидата мирового посредника, то до момента назначения его обязанности, с согласия уездного предводителя дворянства и председателя мирового съезда, возлагались на других мировых посредников уезда. На кандидатов возлагались все обязанности, которые были отведены посредникам, в частности, составление уставных грамот [11, с. 4-5].

В итоге, весь процесс составления списков, непосредственное избрание, утверждение в должности посредников занял более трех месяцев, хотя осуществлялась эта процедура в максимально короткие сроки. Работа посредников и мировых учреждений началась в июле 1861 года при пристальном внимании со стороны общественности.

Несмотря на всю важность и значимость исторического момента, конечным результатом проекта крестьянской реформы в действительности остались довольны далеко не все: от самих разработчиков реформы, до крестьян, ожидавших другой «воли». В стремлении соблюсти интересы всех, кого, так или иначе, должна была коснуться реформа, был принят ряд компромиссных шагов и мер, вплоть до отставки С.С. Ланского и Н.А. Милютина. Шквал критики обрушился и со стороны прогрессивного дворянства, изначально предлагавшего иные способы реализации улучшения крестьянского быта. Представители консервативного дворянства, изначально возмущенные «Положениями 19 февраля» и идеей ликвидации крепостничества, не оставляли попыток всевозможно препятствовать деятельности мировых посредников, стремясь внести поправки и корректировки, соответствовавшие исключительно их интересам. Помещиками предпринимались неоднократные попытки избавиться от неугодного посредника в надежде, что новый чиновник будет равнодушен к судьбе крестьянства и примет сторону дворян.

Говоря о полномочиях мировых посредников, следует сказать о том, что к ведению чиновников относилось распределение помещичьих усадеб на разряды, перенесение крестьянских усадеб, обмен земель, отвод угодий, дела по выкупу крестьянских угодий и земель, дела по повышению и понижению повинностей, взыскание с крестьян недоимок в пользу помещика, дела по предоставлению мирской земли во временное распоряжение помещика. Ими рассматривались дела по приему и удалению крестьян, по увольнению дворовых людей и другие. Чиновникам полагалось утверждать должностных лиц сельского и волостного управления, назначение волостного старшины. При рассмотрении дел между помещиками и временнообязанными крестьянами о причинении разного рода убытков, посредник имел право присудить потерпевшей стороне вознаграждение, виновная же сторона подвергалась штрафу. Таким образом, рассмотрение этих вопросов посредниками имело большое значение в плане финансовых интересов и помещиков, и государства.

В законодательстве оговаривались случаи, когда мировому посреднику запрещалось рассматривать дела, к которым он имели непосредственное отношение или дела, связанные с его имуществом, имениями своих родственников, родственников жены, родных братьев и сестер, всех помещиков, состоявших с ним в свойстве до второй степени, а также детей и находившихся у него в опеке или попечительстве. Во всех подобных случаях дело делегировалось кандидату мирового посредника или же посреднику ближайшего участка [12]. Таким образом, предполагалось создать максимально справедливые и беспристрастные обстоятельства, лишенные пособничества и содействия, при решении вопросов в имениях самих посредников.

Помимо прочего, к мировой посреднику можно было обратиться с просьбой рассмотрения спора или же гражданского иска, в том случае, если обе стороны выступали с просьбой разрешить их дело по совести [7]. Таким образом, можно сделать вывод, что посредники были наделены и определенными судебными полномочиями в пределах своего уезда.

Мировому посреднику предстояло разбирать дела, как в пределах своего места жительства, так и в других селениях, закрепленного за ним участка. Для подобной процедуры необходимо было заранее сообщить о том, где именно и в какие дни недели будет находиться посредник для рассмотрения различных дел, касаемых его ведения. При необходимости дела рассматривались им на месте, и чиновник заранее осведомлял всех затронутых в них лиц о времени своего визита. Таким образом, создавались условия для максимально мобильного и скорого рассмотрения дел, всевозможных споров и неурядиц, стоявших на пути осуществления основных положений крестьянской реформы.

Примечательно, что особой бюрократической формальности при обращении с просьбой к мировому посреднику не существовало, как и не существовало особой специфики оформления обращения к чиновнику – просьбы принимались «везде и во всякое время, письменно или словесно, лично или через доверенное лицо» [7] . Принимая или не принимая прошения, посредник выдавал подписанное им удостоверение, если с такой просьбой к нему выступал сам проситель. Очевидно, что процедура обращения к посреднику была проста и не чинила никаких препятствий для разрешений разного рода прошений.

На посредников была возложена обязанность рассмотрения всевозможных споров и недоразумений. Для подобной процедуры была характерна следующая последовательность: для начала рассмотрения дела истцу было необходимо обратиться с просьбой, содержащей основные требования и доказательства, обосновывавшие целесообразность обращения к посреднику. Подобно судебной процедуре, каждая из сторон могла представлять свидетелей, а также явиться к мировому посреднику вместе. В случае неявки одной из сторон, посредник назначал другой срок для явки и направлял не явившемуся лицу повестку, с объяснением причины вызова. Примечательно, что в случае отсутствия законных оснований для неявки мировой посредник принимал к рассмотрению все представленные истцом доказательства и, основываясь только на них, принимал окончательное решение по делу. Ответчик же подвергался денежному штрафу. Обязательной явка была и для свидетелей с обеих сторон, в противном случае на них также налагался штраф.

Характерно, что при рассмотрении каждого из дел, выслушав каждую из сторон, мировые посредники предлагали разрешить дело мирным способом или же прекратить спор с помощью третейского разбора. При этом мировые посредники принимали все возможные и зависящие меры для склонения спорящих сторон к примирению. Интересно, что многократно подчеркиваемый на всех уровнях метод «примирения», возложенный на чиновников, находил свое выражение даже в подобных ситуациях. В тех случаях, если

помирить стороны не удавалось, посредник приступал к рассмотрению дела. Те дела, по которым решение мирового посредника не являлось окончательным, можно было обжаловать, подав жалобу в уездный мировой съезд.

Немаловажной составляющей деятельности посредника являлось удостоверение в правильности и добровольности соглашений и засвидетельствование различных актов. В тех случаях, если посреднику следовало засвидетельствовать сделку между помещиками и крестьянами, он обязан был удостовериться в добровольности намерений и соглашении между сторонами. Важно было убедиться, что крестьяне понимали и осознавали условия сделки, либо же акта, и, следовательно, ничто в ней не противоречило как Положению, так и закону вообще. В этом направлении деятельности мировым посредникам предстояла долгая и очень непростая работа: им приходилось сталкиваться со множеством разного рода недоразумений, но чаще всего – бороться с самими крестьянами за их собственные интересы [7].

Очевидно, что при создании новой должности изначально ставилась цель максимально адаптировать ее к существовавшей системе дворянского самоуправления или, во всяком случае, обеспечить взаимодействие с уездными предводителями, которые не только предоставляли списки кандидатов на должность, но впоследствии и председательствовали на съездах мировых посредников. Однако случаи нарушения такого взаимодействия были нередки и оборачивались серьезным противостоянием. Достаточно привести пример, когда после назначения губернатором без согласования с уездным предводителем Брянского уезда В.А. Краинским мирового посредника Н.Т. Головина возникло серьезное противостояние, в которое был вовлечен министр внутренних дел [13]. Избежать подобных недоразумений было практически невозможно: посредникам полагалось рассматривать споры, жалобы и иски, основой которых, зачастую, служили поземельные отношения между помещиками и вчерашними крепостными. Чаще всего именно подобные ситуации служили предлогом к регулярным столкновениям интересов. Сам конфликт противоборствующих сторон был заложен в основе реформы, которая кардинально меняла уклад жизни и дворянства, и крестьянства.

Примером подобных разбирательств может служить один из многочисленных эпизодов, сведения о которых сохранили заседания губернских по крестьянским делам присутствия. Так, малоархангельская помещица Сидорова жаловалась губернскому присутствию на неправильное составление уставной грамоты мировым посредником Сновидовым, а также на включение дворовых в состав надела.

Как сообщал мировой посредник, имение Сидоровой, хотя и мелкопоместное, но дворовые люди этого имения имели право на получение земельного надела, потому что они как до реформы, так и в день обнародования «Положений 19 февраля 1861» , пользовались земельным наделом. Мировой посредник считал, что заявление помещицы о том, что дворовые люди не несли никакой повинности было совершенно несправедливо. Сидорова же настаивала на том, что дворовые люди завладели ее землей, «ничего не работают, а только воруют и делают дерзости» [14, с. 3-4]. Примечательно, что при разбирательстве в присутствии помещицы Сидоровой в ее доме были собраны дворовые и свидетели, которые единогласно подтвердили, что дворовые люди давно пользуются тягловой землей, живут в своих домах, имеют усадебную оседлость и отбывают удельную повинность. В ответ на это помещица Свиридова не представила никаких доказательств и доводов, а «только сердилась, кричала на своих дворовых людей и присутствующих при этом свидетелей, а мировому посреднику не затруднилась наделать неприятностей и наговорить дерзостей» [14, с. 3-4]. Орловское губернское по крестьянским делам присутствие, признавшее действия мирового посредника правильными и законными, постановило отказать помещице Свиридовой в ее прошении.

Подобный случай, отягощенный рядом трудностей, не был единичным. Сложности сопутствовали деятельности посредников на протяжении всего периода существования института. Для большей убедительности приведем еще один пример, отражающий особенности и ход рассмотрения жалоб на имя мировых посредников.

Поручик И.Ф. Климов из Брянского уезда Орловской губернии жаловался на неправильные действия мирового посредника Васильева и его кандидата Надеина. Причиной недовольства помещика, как это бывало достаточно часто, стало утверждение уставной грамоты в его имении.

По мнению Климова, затруднение заключалось в следующем: 1) мировой посредник Васильев сообщал помещику о своем визите 9 мая с целью осмотра имения для определения качества земли. Однако осмотра, как утверждал помещик, в тот день так и не состоялось; 2) Надеин в начале ноября осматривал качество земли в имении Климова, и в споре с землемером Григорьевым сказал,

что земля хорошего качества, но «сам Климов не хорош», поэтому уменьшения надела не последует; 3) Васильев приезжал в имение, как сообщал помещик, прочел крестьянам уставную грамоту и составил акт, но грамоту так и не утвердил, а вместо нее выдал сельскому старосте расчет о количестве определенных им рабочих в неделю дней, по которому приказал исполнять работы. Примечательно, что Климов находил все действия посредника абсолютно безосновательными и неправильными, обратившись с просьбой в Брянский мировой съезд убавить в его имении надел по ближайшей местности Трубчевского уезда.

Сам посредник Васильев отвечал на выдвинутые против него обвинения следующим образом: 9 мая он лично просил прибыть Климова в его имение для осмотра качества земли, но помещик не приехал. Именно поэтому Васильев принял решение вместе с сельским старостой самостоятельно осмотреть землю. В результате осмотра было выяснено, что только 60 десятин хорошего качества, остальная же земля крестьян (133 десятины), по своему качеству не могли быть отнесены к местности Трубчевского уезда. Васильев отмечал, что земля в имении Климова ему очень хорошо известна, так как он неоднократно проезжал через поля крестьянского надела, лично видел крестьянские хлеба, которые были очень плохого качества. Именно поэтому мировой посредник и посчитал просьбу Климова об уменьшении крестьянского надела не заслуживающей внимания. Остальные мировые посредники, принимавшие участие в мировом съезде, поддержали коллегу и высказали свое отношение к этому вопросу. Так, мировой посредник Карышев заявил, что имение Климова ему также хорошо известно, и он вполне разделяет мнение Васильева. Посредник Головин добавил, что «нынешнее лето он проезжал через имение Климова и не находит никаких причин, по которым можно было уменьшить надел» [15, с. 4-5].

Мировой съезд принял решение отказать в прошении Климова по вопросу об отнесении его имения к местности Трубчевского уезда. При этом председатель съезда остался при мнении, что ходатайство Климова должно быть удовлетворено, считая, что земля в его имении, сравнительно с другими землями Брянского уезда, лучшего качества. Тем не менее, губернское присутствие постановило: так как все мировые посредники лично видели качество земли в имении Климова, и все единогласно заявляли, что ходатайство Климова не заслуживает внимания, было принято решение принять сторону большинства мирового съезда [15, с. 4-5].

Составление уставных грамот во всех губерниях планировалось осуществить за два года, соответственно, этот период характеризуется напряженной работой мировых посредников. Известен случай, когда помещик жаловался губернскому присутствию на то, что мировой посредник прислал ему для проверки уставную грамоту, которую необходимо было доставить ему утром. В свою очередь, помещик счел, что отведенного ему времени не будет достаточно для внесения исправлений и посредник намерено создал это «затруднительное положение ему лично» [16, с. 890]. Следует сказать, что губернское присутствие и в этом случае не разделило позицию помещика, так как никаких незаконных и несправедливых действий мировым посредником совершено не было: для исправления уставной грамоты по сделанным уже ранее замечаниям не требовалось много времени. Губернское присутствие особенно подчеркивало, что помещику следовало взять во внимание тот факт, что мировые посредники на тот момент (1862 г. – **А. Н**.) были обременены делами по введению в действие уставных грамот. Таким образом, поспешность посредника кажется вполне оправданной и не могла заслуживать какого-либо порицания.

Подобные конфликтные и спорные ситуации имели место во многих губерниях. Так, князь В.А. Черкасский в 1861 году, став мировым посредником в Веневском уезде Тульской губернии, собираясь на дворянское собрание и допуская возможность противоречий и столкновений враждующих позиций, составил духовное завещание, опасаясь за свою жизнь [17]. В разных губерниях посредники, поддерживавшие крестьянскую реформу, сталкивались с враждебным, а порой даже агрессивным отношением со стороны дворянства. Калужские помещики называли мировых посредников шайкой разбойников, а губернатора В.А. Арцимовича, страстно поддерживавшего отмену крепостного права, – их атаманом. Можно привести и такой любопытный эпизод: когда мировой посредник Н.П. Щепкин, назначенный Арцимовичем вопреки мнению помещиков, прибыл в Калугу, его родной дядя, прежде относившийся к нему очень тепло, отказался подать ему руку.

Многие из губернаторов просто не решались идти наперекор мнению дворянства и даже прямо сообщали это претендентам на должность посредников. В Новгородской губернии был зафиксирован случай избиения посредника помещиками прямо на балу. В ряде губерний мировые посредники были подобраны по диаметрально противоположным принципам, о которых говорилось в циркуляре С.С. Ланского. Например, во

Владимирской губернии, после ревизии сенатора И.Х. Капгера в 1862 году, поднимался вопрос о предании суду ряда членов мирового института и губернского присутствия [17].

Однако в целом, во многих губерниях состав мировых посредников «первого призыва» оказался на высоком уровне. В работе нового учреждения приняли участие деятели либерального и прогрессивного направления, представители известных и уважаемых фамилий. С момента возникновения института должность мировых посредников считалась очень престижной, вызывала интерес среди помещиков: многие из которых хотели попробовать свои силы в этой деятельности [18, с. 173].

Начальный период реализации крестьянской реформы характеризовался крупномасштабной работой, проводимой мировыми учреждениями и прежде всего мировыми посредниками. Успех реформы находился в прямой зависимости от результатов каждодневной работы посредников с дворянским и крестьянским сословиями – это понимали все. Проанализировав законодательство, в частности масштаб полномочий новых чиновников, можно прийти к выводу, что правительством были предусмотрены и упреждены все вероятные преграды на пути реализации реформы. Среди этих мер особо примечательны следующие: устанавливалась относительная независимость должности посредников; предусматривалось жалование в размере 1500 руб., позволявшее осуществлять все профессиональные расходы, и при этом существовать не испытывая финансовых затруднений; при наличии законных оснований вместо посредника исполнять обязанности должен был его кандидат (заместитель); был установлен четкий срок для составления всех уставных грамот по стране – два года. Иными словами, все меры были направлены и продуманны таким образом, чтобы институт посредников функционировал непрерывно, оперативно и эффективно. Однако в итоге сложности все равно возникли.

Трудно сказать произошло ли это случайно или же было следствием бездействий или даже намеренных действий. Основные проблемы были сопряжены с тем, что крестьяне зачастую просто не понимали, что эти меры осуществлялись в их интересах. Они изначально не понимали и не принимали основные положения крестьянской реформы, не доверяли и новым чиновникам из дворянской среды – посредникам. Помещики, в свою очередь, априори восприняли реформу враждебно, и еще с большей враждебностью отнеслись к посредникам, искренне симпатизировавшим раскрепощению крестьян. Это столкновение двух взаимоисключающих подходов к проблеме не удалось преодолеть ни в период разработки реформы, ни во время ее реализации. В этих непростых условиях посредникам предстояло осуществлять свою деятельность. Следуя рекомендациям министра внутренних дел, на должность мировых посредников на первый трехлетний срок было назначено множество либерально настроенных дворян, поддерживавших идею реформы. Именно посредникам «первого призыва», несущим свою службу стойко и честно, удалось отстоять идею реформы, способствовать ее проведению с наименьшими уступками крепостникам и с большей пользой для крестьянства.

Список литературы

1. Корнилов А.А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С.237-252.
2. Дружинин Н.М. Мировые посредники 1860–1870-х годов (к вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Труды Института экономики и права АН ГрузССР. Тбилиси, 1968. Т. 15. С. 114-127.
3. Захарова Л.Г. Крестьянство России в буржуазных реформах 60-х годов XIX в. // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 194-207.
4. Чернуха В.Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (сер. XIX – нач. XX вв.). Л., 1967. С. 197-238.
5. Рыбков А.Г. Мировые посредники Саратовской губернии. Сборник документов и материалов. Составитель А. Г. Рыбков. Саратов, 2009. 187 с.
6. Блохин В.Ф. Участие орловского дворянства в «определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1855–1859 гг.). Брянск: «Курсив», 2013. 224 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Т. 36. № 36660.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. II. Т. 36. № 36770.
9. Черкасский В.А. Записка о мировых посредниках. Составлена для Вел. кн. Константина Николаевича и Чевкина // ОР РГБ. Ф. 327. Черкасские. Разд. I. Карт. 26. Д. 1. Л. 1-2.
10. Новикова А.В. К истории создания института мировых посредников в России // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянск, «Курсив», 2016. Выпуск I. С. 48-55.

11. Орловские губернские ведомости. 1863. № 31. 3 августа.
12. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.
13. Новикова А. В. К проблеме отношений мировых посредников с губернской администрацией 1860-е – начало 1970-х гг. (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3(26). С. 107-110.
14. Орловские губернские ведомости. 1863. № 23. 8 июня.
15. Орловские губернские ведомости. 1863. № 16. 20 апреля.
16. Орловские губернские ведомости. 1862. № 31. 4 августа.
17. Корнилов А.А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Т. 5. М., 1911. С. 237-252.
18. Великие реформы России. 1856–1874: Сборник под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.

Об авторе

Новикова Алина Владимировна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, alinovi@inbox.ru

УДК 944.044

«ТЕРРОР РАВЕНСТВА»: МИССИЯ КОМИССАРА ФУШЕ В ДЕПАРТАМЕНТАХ ЦЕНТРА И ЗАПАДА ФРАНЦИИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1793 ГОДА

Роленков А.Г.

В статье рассмотрена миссия комиссара Конвента Ж. Фуше в департаментах Центральной и Западной Франции летом-осенью 1793 года. Главное внимание уделено его социально-экономической политике.
Ключевые слова: комиссар, эгалитаризм, террор, наблюдательный комитет, Республика, департамент.

«TERROR'S EQUALITY»: COMMISSIONER FOUCHE'S MISSION TO DEPARTMENTS OF THE CENTRE AND THE WEST IN THE SUMMER AND AUTUMN OF 1793

Rolenkov A.G.

The article describes the mission of Commissioner of Convention J. Fouche to Central and West departments of France in the summer and autumn of 1793. The main attention is given to its socio-economic policies.
Keywords: commissioner, egalitarianism, terror, Supervisory Committee, Republic, department.

Фуше вернулся в Париж в начале мая 1793 года из миссии в Нижнюю Луару и пробыл в столице до конца июня, пока не получил новое назначение. Тяжелое положение Республики летом 1793: война в Вандее, угроза федералистского мятежа, восстание в Лионе, Марселе, Тулоне и иностранная интервенция вынуждали Конвент отправить в очередной раз большую группу депутатов в качестве комиссаров по департаментам.

Декретом Конвента от 24 июня 1793 года граждане Фуше, Меолль, Филиппо и де ла Валль назначались народными представителями в департаменты Центра и Запада. Цель миссии формулировалась предельно четко: комиссары должны «призывать граждан именем закона взяться за оружие против мятежников Вандеи» [4, p.120] и обеспечить снабжение армий. Военный вопрос летом 1793 года стоял очень остро. Нант осадили вандейцы и создалась реальная угроза падения этого стратегически важного города. Париж решил любыми мерами не допустить капитуляции столицы Нижней Луары. Исходя из этого, комиссарам вменялось координировать действия с республиканскими войсками в Вандее. Однако военные задачи не были единственными. Возникала необходимость укрепления власти Парижа в департаментах после события 31 мая - 2 июня.

Для решения подобных задач огромная власть концентрировалась в руках комиссаров-проконсулов. Конвент персонифицировался в его посланниках – народных представителях в миссии. Именно с лета 1793 года комиссаров стали называть проконсулами, по аналогии с проконсулами Древнего Рима, облеченными огромной гражданской и военной властью.

Дни в Париже Фуше не терял даром и 3 июля 1793 года увидела свет программная статья «Размышления Фуше из Нанта - народного представителя об образовании». Документ, который Мадлен называл «первым якобинским манифестом депутата от Нанта» [12, p.48]. Несмотря на название, она охватывала основные сферы жизни тогдашнего общества: образование, религию и социальную сферу. «Размышления» - программа переустройства общества на новый лад с учетом реалий Республики. Это план, как говорил Фуше, «всеобщей революции», революции во всех сферах жизни, которую он начал проводить в жизнь летом 1793 г. в департаментах центральной Франции.

Главная черта «Размышлений» - их резкий антирелигиозный тон. Подвергая суровой критике религию не только как определенный набор догматов, но и ее служителей, Фуше не видел ей места в новом обществе. Поскольку одной из основных функций церкви был присмотр за больными, бедными, убогими, то она должна перейти к другим учреждениям. Религия и рассуждения не помогут людям. Необходимо «организовать социальные учреждения, общественную помощь, образование, выплаты и национальные праздники», «пусть во всех частях Республики недуг нищеты найдет убежище, помощь, участие» [5, p.208]. Фуше призывал создавать то, что в ближайшее время получит название филантропических комитетов. Организации, призванные взять на себя присмотр за всеми больными, убогими и страждущими. Акцент делался на подчеркнутом уважении к подобным людям и их бедам со стороны властей и патриотической общественности. Декларируемая с трибун добродетель не должна оставаться на бумаге, она находила себе применение в реальной жизни.

Помимо филантропических порывов Фуше обрел известность как один из самых непримиримых борцов с «презренным металлом» - серебром,

золотом и всякого рода богатством. Богачи и «их преступления по отношению к свободе», богатство, «искупается в этом момент, единственно, прогрессивным налогом, принудительным займом» [5, p.208]. В этом пассаже заметны контуры принудительных займов и реквизиций. Отношение к собственности особенно важно для понимания места, которое занимал Фуше на политическом поле революции. Не секрет, что якобинцы отрицательно относились ко всякого рода эгалитаристским призывам, исходившим, начиная с зимы 1793 г. от крайне левых фракций – эбертистов и «бешеных». Не стала исключением и дискуссия в Конвенте по поводу принудительного займа. Предложение депутата Малларме произвести заем в размере 1 млн. франков, распределив его с учетом уровней доходов населения, Робеспьер встретил возражениями в речи 21 июня 1793 г. Одним из слабых мест декрета Неподкупный считал то, что «представленный план слишком низко спускается по лестнице градации состояний. Как будто мы стараемся пощадить богатых за счет мелких пролетариев» [3, с.24], и в нем потенциально скрыта социальная напряженность. Фуше предлагал свое решение данной проблемы – обложить налогом богачей. Собственно их богатство и являлось подчас единственным преступлением, т.к. его можно было использовать во вред революции.

«Размышления» вышли в свет 3 июля, в то время Фуше уже 4 дня находился в столице департамента Об - Труа. О его приезде жители узнали по большому числу расклеенных плакатов на улицах города. Обстановка в городе была неспокойной не только из-за борьбы революционных партий, но и потому, что Шампань - приграничный регион, которому угрожало вторжение войск коалиции. На комиссара сразу посыпались жалобы со стороны местных властей. Якобинцы требовали арестов и увольнений нерадивых чиновников, а законные власти констатировали невозможность справиться с рабочими торфяных разработок. Последние при подстрекательстве местного Народного общества восставали против властей. Многие комиссары сталкивались с подобной проблемой, власти в департаментах вместо попыток решения проблем перекладывали ответственность друг на друга.

Фуше решил консолидировать общество и донести до людей принципы новой Конституции, особенности значение событий 31 мая - 2 июня. Преследуя эту цель, он наводнил город листовками и плакатами, полными «пламенной и ортодоксальной революционной риторики» [17]. В воззвании к горожанам 29 июня он говорил: «Набат и сигнальные пушки пробудили патриотизм, сообщая, свобода в опасности, только в этот момент ее можно спасти» [5, p.73]. В Конвент 30 июня Фуше отправил первое большое письмо. По словам комиссара, дни 31 мая - 2 июня встречены с энтузиазмом. Чтение конституционного акта сопровождалось «продолжительными аплодисментами» и «трогательными пожеланиями». На волне такого успеха по инициативе Фуше местное Якобинское общество из «Друзей свободы» переименовали в клуб «Друзей Конституции». Стоит отметить, департаменты Центра в целом отнеслись спокойно к восстанию 31 мая – 2 июня. В них не наблюдалось сколько-нибудь активных выступлений против установившегося нового порядка. Исключением не стали департаменты Об, Ньевр и Аллье, в которых оказался Фуше. Поэтому прокламации комиссара можно списать скорее на революционный порыв, чем на реальную необходимость.

К задаче по набору волонтеров народный представитель приступил без промедлений. По его свидетельству, люди незамедлительно стали вносить свои имена в списки. План мобилизации озвучили в клубе «Друзей Конституции». Сначала организовывалось шествие местных властей во главе с Фуше, а затем начиналась непосредственно запись добровольцев: «После девяти часов никто не может быть записан, вы выберите своих офицеров, денежное жалованье будет выплачено до прихода в Париж. До полудня вы выступите в путь, чтобы встретиться с вашими братьями в Вандее» [12, p.79]. Представитель лично возбуждал энтузиазм, он был повсюду, «на городской площади и у дверей всех мастерских, везде слышали голос, находящегося в опасности отечества» [6, p.535]. В начале списков стояли имена местных администраторов, служащих. Женщины и старики жалели, что не могут записаться и поэтому агитировали сыновей, мужей, братьев. Подобную картину рисовал проконсул. Практически наверняка уровень энтузиазма местных жителей преувеличен. Не подлежит сомнению, в записи принимали активное участие местные активисты народных обществ и клубов, и возможно большая часть населения, но говорить о том, что все как один бросились вносить свои имена в списки – значить приукрасить действительность. Все проволочки Фуше списывал на нерадивость чиновников. Он отмечал «поразительное противоречие»: «Граждане Оба готовы на все, что бы отправиться против врагов конституции. И между тем призывной контингент еще не набран» [14, p.268], однако «это не вина граждан, но результат множества уловок

господ, которые назначены исполнительной властью для выполнения этой операции» [14, p.268].

По ходу вербовки встала другая проблема - отсутствие экипировки и вооружения, недостаток провианта. Доходило до комичных ситуаций. Канониры просили у Конвента два орудия на время боевых действий, обещая вернуть их, как только надобность в них исчезнет. В результате, так и не добившись помощи просьбами, незадачливые петиционеры лично отправились к решетке Конвента.

Вопреки трудностям, Фуше наметил на 7 июля отправку первых добровольческих отрядов, по его словам, пришлось даже оставить дома лишних 1500 человек. В пригороде Сен-Савене устроили банкет, 8 июля в Вандею ушли канониры, а 9 июля - пехотинцы. Проконсул координировал действия с чрезвычайным депутатом от Нанта Пуантелем, не забывая разжигать патриотизм местного населения. Его воззвания полны эпитетов к родному Нанту, «первому городу, который разрушил деспотические учреждения», а дух его патриотов настолько высок, что «нантские республиканцы, скорее, похоронят себя под прахом своего города» [5, p.73], чем сдадутся врагам.

Не забывал народный представитель указывать на подлинных врагов Республики. С этой целью разыгрывалась столь популярная в то время карта заговора. По словам комиссара, во главе «нового заговора против свободы» стояли «аристократы и фанатики» (священники – А.Р.). Гражданская война - результат их сговора с предателем Дюмурье. Против них и сочувствующих им надлежит направлять народный гнев.

После трех недель пребывания в Об комиссар направился в Дижон. Последний – достаточно консервативный город и народный представитель это отметил. В письме Конвенту от 22 июля Фуше характеризует Дижон, как «место пребывания унизительных средневековых цеховых организаций», он «насчитывает в своих стенах некоторое количество людей, которые дорожат своими старыми предрассудками и верят в привидений» [6, p.485]. Несмотря на резкую риторику, до августа Фуше не предпринимал никаких серьезных кадровых чисток. Объяснить это можно не нежеланием комиссара менять порядки, а тем, что в Дижоне и Труа он не встретил полной поддержки радикальных мероприятий. Фуше позднее ставил подобную «умеренность» себе в заслугу и говорил: «Я встретил там хороших граждан; я поддержал их на местах и окружил всеобщим доверием и уважением» [17].

В Кот-д`Ор комиссар устроил сбор национальной гвардии. Перед ней он произнес речь о критическом положении страны. Картина получилась крайне колоритной. Гражданская междоусобица, «чудовище, рожденное на свет федерализмом и аристократией, пожирает статую Свободы» [6, p.485], патриотизм находился в оковах и утопал в крови. «Настоящие патриоты» воодушевились и выказали единогласное желание сражаться с врагами революции. Дижон покинул один батальон пехотинцев, две артиллерийские роты и небольшое число кавалеристов. Вдобавок к этому местные крестьяне сформировали подобие ополчения, готовые «применять против врагов Республики ужасные инструменты, которые они используют для окончания своей жатвы» [6, p.486].

Как и в Об виновниками тяжелой ситуации, в которую попала Республика летом 1793 г., Фуше считал роялистов, аристократов и федералистов. Близость с восставшим Лионом заставляла народного представителя не упускать из виду события, происходившие там. Он живописал ужасы, происходившие в Лионе: «Роялизм размахивает рядом с нами кровавым флагом гражданской войны…В Лионе, как и в Вандее, народ введен в заблуждение заговором против своего суверенитета; проливается кровь его (народа – А.Р.) защитников». Предупреждал: «Раздуваются ужасные страсти против Национального Конвента, его хотят распустить и заменить анархией или деспотизмом». «Все зло, на которое вы жалуетесь, совершенно точно должно быть приписано им (федералистам и аристократам - А.Р.)» [6, p.486], таковых Фуше одаривал «эпитетами»: «подлые», «глупые орды», «преступники», «отбросы нации». Яркая революционная риторика мобилизововала население, внушала мысль остерегаться предателей и создавала ощущение осажденной крепости. Для повышения гражданского сознания, народный представитель распорядился вывесить в коммунах списки добровольцев и их семей, что бы они были окружены «общественным уважением».

Последний летний месяц 1793 г. Фуше встречал в Ньевре - глубокой провинции, где весной того же года успели побывать непродолжительное время в качестве комиссаров Конвента Колло-д`Эрбуа, Лапланш и Форестье. Миссия Фуше в Ньевре стала самым ярким событием за всю историю революции для этого департамента. Он сделался своего рода символом революции, «промелькнув в революционных событиях Невера, без сомнения, он не был совсем забыт» [9, p.28]. К августу, после пяти недель нахождения в миссии, комиссар Фуше добился некоторых успехов. Во-первых, по мере сил, удалось укрепить республиканские принципы. Во-вторых, решить задачу по

набору волонтеров, вооружению и отправке их на борьбу с федералистами и вандейцами. Проявляя непреклонность, проконсул приказал сжечь пришедшие в Невер бумаги от «сеньоров, которые держат двор в Кане» [14, p.505], бывшем в то время одним из центров федерализма.

Август и начала сентября для Фуше попрежнему сопряжены с решением военных вопросов. Остановив наступление вандейцев во второй половине лета 1793 г., Республика бросила все силы на подавление лионского восстания. В донесении 7 сентября Комитету общественного спасения Фуше писал об активности лионских мятежников на границах департаментов Аллье и Ньевра. Жители, по словам Фуше, проявляли рвение, только один департамент Ньевр мог выставить контингент в 5 тыс. чел. Свою роль он определял так: «я разжигаю во всех сердцах огонь мести» [15, p.347], мести против федералистов, восставших лионцев и врагов свободы. Правда, проблемы оставались прежними: нехватка оружия, обмундирования, канониры часто отправлялись в район боевых действий без орудий и т.п. С началом в сентябре настоящей осады Лиона войсками Доппе, успехами в Вандее решение военных задач начало отходить на второй план.

Как только у народного представителя в миссии появлялось время, он начинал решать социальные вопросы, занимавшие Фуше не меньше, а то и больше, чем военные. Приехав в Труа, проконсул выступил перед местными революционерами и обозначил цели социальной политики: «В течение ночи мы позаботимся о средствах, чтобы обеспечить существование ваших семей в ваше отсутствие и о том, чтобы вы получили достаточное для республиканцев удовлетворение, такое, какое родина должна солдату» [12, p.79]. Вопросы помощи семьям волонтеров Дижона и Труа стояли довольно остро. Фуше негодовал: все социальные вопросы саботируются местными властями. Он писал в Париж: «Я без сомнения, с энтузиазмом выполнил бы ваши (Конвента - А.Р.) постановления по прибытии в каждый департамент, устраивая распределение помощи» [6, p.535]. В продолжение абзаца было предложено одно из решений: «Я бы обязал главных налогоплательщиков сделать необходимые выплаты в кассу дистрикта» [6, p.535]. «Главные налогоплательщики» - это все состоятельные граждане и «выплаты» не заставили себя ждать.

Активные действия проконсула позволили Матьезу утверждать: «Фуше был одним из тех, которые думали, что революция может быть спасена только энергичной классовой политикой в пользу санкюлотов» [2, с.442]. Подобная классовая политика в 1793 г. была символом принадлежности к более радикальным движениям левого толка, чем официальные власти и Якобинский клуб.

Во время миссии в департаменты Центра эгалитаристская политика Фуше снискала ему славу одного из первых «коммунистов» революционной эпохи. Как мы считаем, не совсем корректно использовать слово «коммунизм» применительно к действиям Фуше и вообще к социально-политической истории конца XVIII в. Более точным определением являться термин «эгалитаристская политика» (от фр. égalité – равенство). Эгалитаризм и его проводники (эбертисты, Парижская Коммуна, «бешеные») стал отличительной чертой леворадикальной идеологии I-II гг., к которой одинаково отрицательно относились как жирондисты, так и монтаньяры. С созыва Конвента и до весны 1794 г. эгалитаристские призывы стали существенной частью революционного дискурса, подчас определяя повестку дня. Не имея, в отличие от возникшей в XIX в. коммунистической идеологии, философской и научной базы эгалитаризм окрашивался в цвета народного гнева. Очень часто он сводился к простой формуле «Отобрать и поделить», отвечавшей чаяниям санкюлотов. Недаром главным рупором эгалитаризма явились движения, связанные с городскими низами и секциями, – эбертисты и «бешеные».

С августа 1793 г. началась борьба Фуше «с презренным металлом» - золотом. В его отношении надо поступать так, как и с его хозяевами: «Недостаточно гильотинировать заговорщиков, нужно гильотинировать преступные состояния» [9, p.34]. Экс-ораторианец проводил уравнительную политику жесткими методами, не ограничиваясь громкими заявлениями. Фуше обрушился на «богатых эгоистов», которые ни во что не ставили бедствия народа, не хотели делиться своими запасами. Он убеждал и доказывал: интересы Революции - это их интересы. Если они будут противиться, то «волны революции унесут их на рифы» [7, p.271], где их ожидает смерть. Это метафора - последнее предупреждение богатым собственникам, комиссар не намеревался с ними церемониться. Кто «не принесет в общий амбар все, что он произвел, когда это потребуется» [7, p.272], всякий кто отказывался смягчить тяжесть народной нужды попадал в разряд подозрительных, «богатство в его (богача - А.Р.) руках – это опасное оружие» [7, p.272].

Фуше, несмотря на угрозы, выступал против бездумного террора: «Нельзя, чтобы мечом правосудия размахивали наугад, закон устанавливает строгие наказания, а не проскрипции, которые настолько безнравственны, насколько и аморальны» [7, p.271]. С одной стороны крутые меры призваны удовлетворить запросы санкюлотов, а с

другой – важно не потерять для революции собственников и буржуа.

Справедливости ради необходимо отметить, что летом 1793 г. ряд дистриктов центральных департаментов оказался поражен голодом. Даже 1 сентября Фуше писал, что в Невере его ожидали «тревоги относительно продовольствия» [7, p.271]. Муниципалитету Сен-Мартинан в департаменте Аллье пришлось раздать голодающим овес, предназначавшийся для лошадей. Панические настроения набирали силу. Власти дистрикта Кюссе объявили виновными в голоде «лесных бродяг, эмигрантов, злодеев, которые захватывают зерно, чтобы потом им спекулировать» [11, p.296]. В некоторых местах, как например, в Мулене, при наличии зерна булочники не могли приступить к выпечке хлеба из-за отсутствия рабочих рук. Голодное население от безысходности в некоторых местах встречало комиссаров камнями. Подобная экономическая и социальная ситуация играла на руку уравнительной политике, направленной на решение продовольственной проблемы конкретными и самое главное быстродейственными методами – террором и реквизициями.

Продовольственную политику Фуше правомерно рассматривать как «срочный ответ на продовольственный вопрос» [11, p.296]. Богачи связывались в представлении народа со всеми бедами. Обладание даже небольшим состоянием автоматически приравнивало человека к подозрительным. Любой «настоящий патриот» мог задаться вопросом: откуда это имущество? почему собственник не хочет поделиться и облегчить участь простых людей? Фуше, чувствуя настроения масс, умело провоцировал террор против богатых: «Я удивлен, граждане, вашим трудностям: вам недостает муки, возьмите ее у богатых аристократов, вам не хватает зерна, организуйте революционную армию и отправьте на эшафот собственников, выступающих против реквизиций» [11, p.298]. Обращаясь к богачам, Фуше вопрошал: «Вы спросите, в чем мы можем вас упрекнуть? Нищета ваших сограждан, постоянные и длительные страдания почтенных семей, тех, кто заплатил кровью за защиту вашей собственности, не дает ли это признаков вашей вины? Их отчаянье, слезы, осушившие свой источник, разве они не должны быть приписаны вашей гнусной жадности?» [8, p.685-686]. Состоятельные граждане обвинялись во всех смертных грехах: поражениях армий республики, социальном и продовольственном кризисе, коррупции и заговорах.

Будучи в Невере в начале октября 1793 г., Фуше так говорил о роле денег: «Богатство - самое ужасное оружие против Республики, когда оно оказывается в руках ее врагов: они (враги – А.Р.) уже долгое время создают дефицит и лишения среди изобилия» [16, p.266]. Комиссар задавался вопросом: «для кого вы сохраняете ваши богатства, если вы должны либо восторжествовать с Республикой, либо умереть вместе с ней?» [8, p.686]. Подобная риторика близка по смыслу к тому, что писал в №279 «Папаши Дюшена» Эбер в августе 1793 г.: «С тех пор, как активные граждане более не существуют, с тех пор как несчастный санкюлот пользуется теми же правами, что и богатый вымогатель, все они, будь они прокляты, отвернулись от нас и употребляют всякие меры к уничтожению республики. Они скупили все продовольственные припасы, чтобы продавать их потом на вес золота или вызвать голод…» [2, с.421].

Главный удар Фуше нанес 22 вандемьера II года (14 октября 1793 г.). В Невере опубликована прокламация, в преамбуле которой говорилось: после того как сброшено «позорное королевское ярмо» у граждан осталось «ненасытное желание власти и богатства, которое всегда горит в глубине ваших сердец» [8, p.685]. Такая тяга - не порок и преступление – это болезнь, поражающая весь организм общества. Отсюда вывод: необходимо уничтожить источник болезни или ее носителей.

Проконсул объявил о ряде радикальных мер. Все «богатые собственники и фермеры, имеющие зерно» назначались лично ответственными за дефицит продуктов и зерна на рынках Невера. Отказ поставлять продукты или сопротивление реквизициям предусматривало унизительное наказание. На городской площади стоял эшафот, где в течение четырех часов выставляли нарушителя с табличкой «Спекулянт народным продовольствием, предатель родины». В случае повторного нарушения, человек с той же самой табличкой должен был отстоять два дня, потом попадал в тюрьму. Все имущество таких людей, кроме самого необходимого, подлежало секвестру, поместья - описи, а бумаги опечатывались. Данная мера не осталась на бумаге, булочник Анрио и хозяин гостиницы Кретьен попались на спекуляции хлебом и подверглись наказанию. Помимо собственников угроза ареста нависла и над фабрикантами: «Хозяева кузниц, печей и других мастерских, которые станут пренебрегать работой, будут объявлены подозрительными» [8, p.687]. Их обязывали строить новые цеха и мастерские, наращивать темпы производства. Наблюдательный комитет обязан был на месте посетить фабрики и мастерские удостовериться в их положении.

Подозрительным объявлялся любой фермер или землевладелец, не засевавший полностью имевшуюся пашню. В этом случае пустая земля принудительно засевалась, а собранный урожай

шел «неимущим гражданам». Денежные расходы по проведению данных мер предполагалось изыскивать у богатых, отказ понести расходы или несвоевременные выплаты грозили попаданием в списки подозрительных. Одна из самых известных эгалитаристских мер Фуше – введение так называемого «хлеба равенства». В департаменте Невер хлеб теперь продавался по 3 су за фунт. Муниципалитеты обязывались возместить булочникам ущерб «пропорционально их потерям» и взять на себя полицейские функции по контролю за выполнением предписаний народного представителя. Комиссар пытался поддержать на плаву ассигнат, введя принудительной обмен звонкой монеты на новые революционные деньги. В одном из посланий в столицу проконсул отмечал: «Ассигнаты в большом количестве распространяются для того чтобы развращать народ в этом департаменте (Ньевр – А.Р.), розданы тысячи ассигнатов для моей дискредитации» [16, p.266].

Мадлен называл политику Фуше термином «террором равенства». Действительно очень точное определение, как практики, так и теоретической базы, подведенной под нее. Революционная ситуация постоянно вызывала к жизни теории заговоров, она в какой-то степени ими жила. Фуше находясь в департаментах, непосредственно не затронутых ни войной с коалицией, ни восстаниями, мог разделять общую веру в заговор, при наличии запроса на репрессии со стороны самой активной массы населения - санкюлотов. В Ньевре ничто не говорило о наличии масштабных контрреволюционных заговоров. Однако во всех его посланиях Республике грозила опасность. Фуше во всем видел, если не контрреволюционный заговор, то его попытку, а во время революции между намерением совершить преступление и самим преступлением, нет никакой разницы. Если кто-то слишком богат, значит он - враг, т.к. золото можно использовать против народа и республики, если кто-то не соглашается с революционным порядком управления, он – враг, если человек работает не в полную силу, он – саботажник, а значит враг. Народному обществу Невера «апостол Равенства» указал конкретно на тех, с кем следует бороться: «Ваши самые грозные враги – священники, аристократы и богатые злодеи» [9, p.42]. Жесткость и догматизм Фуше являвшиеся частью его личности, гармонично слились с нарастанием в конце I года атмосферы террора и страха.

Одно дело печатать прокламации, а другое – претворять их в жизнь. Для этого проконсул опирался, прежде всего, на местных якобинцев, на самую радикальную часть, тех, кого называли «ультра-революционеры». Перед отъездом в Лион 20 брюмера II года (11 ноября 1793 г.) Фуше обращался к Народному обществу Мулена: «Надо иметь большое вероломство или большую глупость, что бы все ваши мысли, весь ваш гнев направить на крайних патриотов, на ультра-революционеров… Вы можете быть уверены, они в большинстве своем ваши верные друзья… они (ультра-революционеры - А.Р.) напоминают кипящую воду, они сжигают себя, распространяя вокруг целительные пары» [9, p.42-43].

Состав народных обществ, революционных и гражданских комитетов не был однородным. Туда входили люди самого разного имущественного положения и рода занятий. По данным исследований в народных обществах доминировали ремесленники – 41,6%, далее шли наемные рабочие и торговцы – 20,1% и 15,7% соответственно. В революционных комитетах опять господствовали ремесленники – 45,3% , на втором и третьем местах находились торговцы и люди свободных профессий – 18,5% и 15,3%. В гражданских комитетах ремесленники также превалировали – 34,9 %, потом располагались люди жившие на доходы со своего имущества и торговцы – 26,2% и 23,6% [10, p.171]. Анализируя приведенные данные, мы получаем следующий вывод: наиболее активными участниками революционных организаций являлись ремесленники, люди свободных профессий, служащие и торговцы. Это и была целевая аудитория обращений Фуше – люди, имевшие средний или ниже среднего уровня достаток. Именно они были заинтересованы в переделе имущества и решении проблемы социального неравенства, не лишены инициативы и образования. Наблюдательным комитетам отводилась важная роль. Они вместе с властями дистриктов ответственны за проведение в жизнь революционных мер, «собирать с богатых все необходимые суммы», «оказывать благородную поддержку несчастным гражданам и особенно семьям революционеров, сражающихся за Республику» [8, p.687]. Созданные для благих целей они не могли достигнуть их, т.к. состав членов, атмосфера заговора и страх сделали из комитетов инструмент сведения личных счетов. Тем более, Конвент декретами поощрял доносительство, обещая часть имущества или товара бдительному гражданину. Часто аресты и конфискации совершались на основании непроверенных доносов или откровенно нелепых слухов, в результате имущество «врагов» делилось между «патриотами».

Народный представитель организовал революционную армию из людей в возрасте 30-40 лет, имевших свидетельство о цивизме. Армия

насчитывала 200 человек пехотинцев, отряд кавалерии и артиллерию. За службу назначалось жалованье 3 ливра в день. Каждый день под угрозой 24-х часового ареста солдаты обязывались упражняться в военном деле. Помимо армии, в дистриктах создавались наблюдательные комитеты, что являлось выполнением декрета 5 сентября «О наблюдательных комитетах» [1, с.229]. В их компетенцию входил сбор средств, проведение революционных мер и оказание помощи неимущим, семьям добровольцев.

Для помощи беднякам создали филантропические комитеты, ответственные «за положение бедняков, обеспечение работой трудоспособных и помощь тем, кто ее не имеет» [12, p.103]. Фуше законодательно запретил бродяжничество в департаменте Аллье. Для бродяг отводились дома призрения, где «несчастные граждане будут одеты, накормлены за счет богатых, символы нищеты уничтожены» [11, p.299]. Власти обязывались разместить нищих в домах призрения или передать семьям родственников.

Эгалитарстский террор Фуше неизбежно тянул за собой и политический. В число подозрительных попадали не только люди, имевшие приличное финансовое положение, среди них встречались те, кто запятнал себя связями с королевским режимом. Недоверие «патриотов» возбуждали все, кто хоть в малой степени выделялся среди массы, не обязательно имуществом, а например, уровнем образования. В середине августа из Кламеси по приказу Фуше в Неверский трибунал отправлено 20 человек по самым сомнительным обвинениям. Там он организовал во главе с экс-священником Пареном наблюдательный комитет, наводивший страх на местное население. В сентября, в Невере, Фуше предложил служащим сделать выбор между «исполнением служебных обязанностей и эшафотом» [12, p. 97]. Адинистраторов поставили между контрреволюцией и якобинским топором.

В Дижоне под подозрение попали клерки, которые, по мнению Фуше, саботировали снабжение армии. В письме Комитету общественного спасения он отмечал: «Отделы департамента полны подозрительных людей» [14, p.519], а местную директорию называл «предательской». Проконсул возлагал надежды на дижонский муниципалитет: «Приятно встретить даже в этом городе энергичный патриотизм, поддерживаемый муниципалитетом, который может гордиться собой и заслуживает того, чтобы быть равным парижскому, и обществом самых горячих республиканцев» [6, p.485]. 13 сентября он сообщал Комитету, что власти городка Шарите «пригрели на своей груди недоброжелателей и негодяев богачей, удерживающих народ в нищете» [15, p.475]. Народному представителю пришлось выступить перед людьми и открыть им глаза.

Под подозрение бдительного комиссара попал местный инспектор артиллерии генерал Дюбушаж и даже «морской министр (Монж – А.Р.) тоже ему подозрителен» [15, p.475]. Спустя несколько дней Фуше в письме в Конвент хвалился, как ему удалось заставить признать вину и выдать сообщников преступника, судя по всему осужденного по политическим мотивам. «Это чудовище, напуганное близостью смерти, признало свое преступление и выдало сообщников, я послал на поиски, чтобы их гильотинировать вместе с ним» [15, p.569]. Получило продолжение и недовольство Фуше Монжем. В сентябре родной Невер посетил прокурор-синдик Парижской Коммуны Шометт и Фуше назначил его инспектором кузниц в Гереньи. Поводом к назначению стало недовольство Фуше: «Кузницы Гереньи я нашел в такой нищете, что вынужден был отстранить на месте инспектора и его секретаря, которые вечно чинят бесполезные препятствия. Место инспектора – пятое колесо в карете. Его занимал Уар – зять Монжа. Шометт, который прибыл в Гереньи с несколькими посланными мной комиссарами, подтвердил, Уар – аристократ, как и секретарь, я без колебаний приказал заключить их в тюрьму» [15, p.569-570]. Такая активность Фуше не являлась исключительно самодеятельностью. Конвент декретом 16 августа 1793 г. санкционировал чистки властей и замену неблагонадежных людей на «граждан, известных, своим патриотизмом» [1, с.228].

Франсуа-Поль Лежандр - неверский депутат находился в начале октября 1793 г. на родине вместе с Фуше. Им вместе удалось выстроить настоящую систему надзора за провинцией. Пока один занимался «воодушевлением общественного мнения», устраивая праздники, шествия, выступая в клубах, другой «следил и осматривал все действующие кузницы, мастерские, арсеналы…посещал сараи, чердаки богатых фермеров и собственников, убеждаясь своими глазами в точности описей» [8, p.337]. Такое разделение полномочий повышало эффективность республиканской администрации. Гильотина, расположенная на центральной площади Невера не ржавела без дела. Фуше и Лежандр заверяли Конвент - меч правосудия не залежался в ножнах: «Мы продолжим преследовать преступление со всей энергией и упорством нашего характера, как только добудем доказательства. Эшафот уже совершил правосудие над тремя убийцами, он возвышается, встречая всех спекулянтов, предателей, плутов –

преступников, держащихся друг за друга; ужасный разбой и политика – вот их единственная мораль. Республика может возвыситься только на их прахе» [8, p.337]. Комиссары в начале октября получили «инструкции, в которых мы (Лежандр и Фуше - А.Р.) нуждались, чтобы очистить органы управления и суды» [8, p.152]. 9 октября наблюдательный комитет департамента Аллье создал проскрипционный список подозрительных лиц, инициировав арест 39 человек. Начавшийся с разовых акций в отношении клерков и мелких служащих, террор к октябрю с легкой руки Фуше стал приобретать все больший размах, радуя «настоящих патриотов» в Париже и провинции.

Ж.Жорес и Я.М. Захер подчеркивали руководящую роль Шометта в действиях Фуше в Ньевре, который находился в родном Невере, навещая мать с 18 по 23 сентября 1793 г. Данное утверждение диктовалось скорее отрицательным отношением к герцогу Отрантскому, которому отказывали в возможности иметь твердые убеждения. Подобная позиция не лишена слабых мест. Личность Шометта не располагала к тому, что бы он развернул масштабную деятельность, он теоретик, а не практик. Цель поездки Шометта носила личный характер – навестить больную мать, а не участвовать в политических баталиях. Фуше по-видимому решил использовать Шометта, который своим авторитетом перед земляками мог добавить весомости действиям комиссара. Время, потраченное Шометтом на нахождение в Невере – всего пять дней – явно недостаточно для активного участия в местных событиях. И самое главное, Шометт не обладал никакими властными полномочиями диктовать волю народному представителю в миссии, облеченному практически безграничной властью. Все точки расставил сам Шометт, когда признавался, что «не смог бы в своей жизни сделать ничего подобного тому, что сделал в департаменте Ньевр народный представитель Фуше и санкюлоты народного общества Невера» [13, p.83-84]. Подводя итог работы Фуше, Шометт отмечал: будучи «в окружении федералистов, роялистов, фанатиков, народный представитель Фуше имел в качестве советников трех или четырех гонимых патриотов и с этими слабыми помощниками он совершил настоящее чудо» [13, p.84] департамент «возрожден его (Фуше – А.Р.) отеческими заботами» [13, p.84]. Конечно, Шометт не мог не быть довольным действиями Фуше в Ньевре и по возвращению в Париж сделал хорошую прессу последнему среди левых патриотов. Признанием заслуг Фуше стала его назначение проконсулом в захваченный республиканцами Лион.

Подведем итоги пяти месяцам работы Фуше в департаментах Центра и Запада. Комиссар добился существенных успехов. Набор добровольцев, несмотря на объективные трудности, прошел достаточно успешно и волонтеры Ньевра и Аллье сражались в Вандее и под Лионом. Важным результатом для Фуше стала реализация обширной программы «всеобщей революции» в вопросах социального устройства. Находясь не в самых революционно активных департаментах, проконсул делал ставку на местных санкюлотов и народные общества. Возрожденная национальная гвардия, революционная армия, наблюдательные и филантропические комитеты стали рычагами, с помощью которых удалось навязать не только республиканский, но и революционный режим правления. Конечно, подобная республика крайне специфична, противоположна принципам 1789 г., зато она отвечала эгалитаристским устремлениям санкюлотских масс и тех, кого стали называть «ультра-революционерами». Жесткая вертикаль власти от проконсула до наблюдательного комитета дистрикта позволяла проводить смелые преобразования: устанавливать равенство, бороться со спекулянтами и «презренным металлом». Фуше являл в 1793 г. поразительный пример реализации заявленных целей. В брюмере II года работа Фуше получила высокую оценку в Париже со стороны радикальной части якобинцев в лице Шометта. Он стал не только подлинным «апостолом Равенства», но и примером для других ультра-революционеров.

Список литературы

1. Документы истории Великой Французской революции. Т.1. М., 1990.
2. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
3. Робеспьер М. Избранные произведения: в 3-х т. Т.3. М., 1965.
4. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.67. P., 1896-1901.
5. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.68. P., 1896-1901.
6. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.69. P., 1896-1901.
7. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.73. P.,

1896-1901.
8. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.76. P., 1896-1901.
9. Brebisson J de. Fouche duc d`Otrante. Republicain. Imperialiste. Royaliste. P., 1906.
10. Histoire et dictionnaire de la Révolution francaise: 1789-1799. P., 1997.
11. Liris E. On rougit ici d`etre riche// Annales historiques de la Révolution française. 1995, №300.
12. Madelin L. Fouché. T.1. P., 1901.
13. Martel C. de Étude sur Fouché et sur le communisme dans la pratique en 1793. P., 1873.
14. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.5. P., 1889.
15. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.6. P., 1889.
16. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.7. P., 1889.
17. Waresqueil E de. Fouché. Les silences de la pieuvre. P., 2014.

Об авторе

Роленков Альберт Геннадьевич – аспирант, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, rolenkovalbert@yandex.ru

УДК 94

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1938-1941)

Филиппова А.В.

В статье рассматривается создание военно-промышленного комплекса на Дальнем Востоке СССР (1938-1941), который позволил сформировать стратегические запасы материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, подготовить органы государственной власти, местного самоуправления и населения в административно-территориальных границах к работе в условиях военного времени.
Ключевые слова: Дальний Восток, пятилетка, переселение, трудовые ресурсы.

MODERNIZATION OF THE FAR EAST OF THE USSR BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR (1938-1941)

Filippova A.V.

The article discusses the creation of the military-industrial complex in the far East of the USSR (1938-1941.), which allowed us to form strategic reserves of material values of the state and mobilization reserves to prepare the state authorities, local self-government and the population in administrative-territorial borders to work in wartime.
Keywords: far East, five-year plan, relocation, human resources.

Реализация задач третьей пятилетки (1938–1942) шла под лозунгом: выиграть историческое соревнование с капитализмом, догнать и перегнать в экономическом отношении развитые капиталистические страны. С этой целью преимущественное развитие оборонной промышленности предполагало увеличение объема продукции всей промышленности СССР на 92%.

В те года была поставлена задача комплексного развития Дальнего Востока: «На примере Дальнего Востока особенно видно, что без комплексного развития основных экономических очагов страны нельзя обеспечить самых важных государственных интересов. Дальний Восток должен иметь у себя на месте всё необходимое по топливу, металлу, машиностроению, по цементу, лесу и вообще по строительным материалам», записано в решении XVII съезда ВКП(б) [1].

Третий пятилетний план в комплексном развитии Дальнего Востока должен был стать решающим. Для этого на капитальное строительство было выделено 19,2 млрд. руб. против 8,8 млрд. руб. (в ценах 1926/27) во второй пятилетке [2, с. 89].

Основной упор был сделан на несколько крупных новостроек, куда выделялось более 3/4 всех средств. Это были прежде всего г. Комсомольск-на-Амуре, где возводилось 18 крупнейших объектов (заводы «Амурсталь», нефтеперегонный, химический, кирпичный, самолетостроительный, судостроительный завод им. Комсомола и др.), 39 угольных шахт в Приморском крае («Дальшахтстрой»), 10 угольных шахт в Хабаровском крае («Бурейшахтстрой»), нефтепромысел Катангли и новые нефтескважины Охи и Эхаби на Сахалине, Владивостокская ГРЭС, Хабаровская и Комсомольская ТЭЦ, Горюновская ГРЭС, строительство электростанции «Дэсна» в Советской Гавани, машиностроительный завод в Арсеньеве, стройки цветной металлургии («Ургалмашстрой», «Синанчаоловострой») и горнорудной промышленности Дальнего Востока («Дальстрой»), сооружение нефтепровода Оха-Софийское с переходом через Татарский пролив[3].

Была проведена реконструкция восьми крупнейших заводов оборонной промышленности Дальнего Востока: хабаровские заводы «Дальдизель», «Энергомаш», машиностроительные заводы им. С.М. Кирова, им. Г.К. Орджоникидзе и им. М. Горького, нефтеперерабатывающий завод, в Приморье – «Дальзавод», «Металлист» и Спасский цементный завод.

В 1937–1939 годах произошло изменение структуры управления промышленностью в СССР. Была проведена децентрализация комплексных хозяйственных наркоматов тяжелой и оборонной промышленности и образованы отраслевые наркоматы авиационной, нефтяной, судостроительной, угольной, химической промышленности, боеприпасов, вооружения, машиностроения, цветной металлургии, черной металлургии, электростанций и электрической промышленности, промышленности стройматериалов[4].

В рамках реформы управления в 1938–1940 годов создавались специализированные строительно-монтажные тресты «Дальэнергострой», «Дальшахтстрой», «Дальнефтестрой», трест № 2 «Амуртяжстроя» и «Госстройтрест» № 6 и др. Реорганизация управления значительно приблизила партийно-хозяйственное руководство к проблемам промышленных новостроек на Дальнем Востоке.

Ярким примером является история строительства в Комсомольске-на-Амуре. Удельный вес всех строек этого города в системе «Главдальстроя», например, в 1940 г. составлял 80%, среди них особо важным был завод «Амурсталь»[5].

Для нужд металлургического завода началось интенсивное разведывание и промышленное использование железной руды в Уссурийском и Малохинганском районах, магнезитовых руд у бухты Ольга, известняка у ст. Лондоко и т.п. Создавались новые промышленные центры и целые районы. Скоростное строительство было основным методом при возведении промышленных объектов г. Комсомольска-на-Амуре – машиностроительного, самолётостроительного и судостроительного, химического, нефтеперегонного, кирпичного заводов, ТЭЦ-2 и другие. Темпы строительства в предвоенные годы стали базой того, что за один 1942 год в Комсомольске-на-Амуре были введены в действие 5 крупных заводов - «дублеров» тяжелой оборонной промышленности, что позволило городу давать фронту и тылу промышленной продукции в 3,4 раза больше, чем до войны [6].

Скоростной метод в годы третьей пятилетки в различных отраслях проявился по-своему. Так, скоростное бурение в нефтеперерабатывающей промышленности стало основой быстрейшего ввода в эксплуатацию новых скважин, что имело важное оборонное значение. Раньше всех его применили в 1938 г. на Охинском нефтепромысле треста «Сахалиннефть». В декабре 1940 г. на этот метод перевели все нефтескважины Сахалина, что было осуществлено во многом за счет трудовой активности коллективов [7].

В годы третьей пятилетки чрезвычайно остро стоял вопрос о повышении темпов строительства угольных шахт и рудников на Дальнем Востоке. Для руководства угольной промышленности региона в августе 1939 г. было создано Управление уполномоченного Наркомата угольной промышленности СССР на Дальнем Востоке, в состав которого вошли тресты «Артемуголь», «Сучануголь», «Сахалинуголь», а также Ворошиловское, Липовецкое, Подгородненское шахтоуправления и приморский завод «Металлист». Если к началу третьей пятилетки были построены только 8 шахт, то за третью пятилетку - 10 шахт в Хабаровском крае и 39 шахт - в Приморском. При этом благодаря скоростному методу срок строительства шахты сократился с 3-4 лет до 10 месяцев [7].

Основной исторический результат всей организационной и мобилизационной деятельности партийного управления - это то, что перед войной Дальний Восток имел у себя на месте развитые машиностроительную, металлообрабатывающую, топливно-энергетическую, горнодобывающую, судостроительную, металлургическую, нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую и лесную отрасли. Промышленность региона за три года третьей пятилетки дала самый большой относительный прирост продукции по стране, при этом по тяжелой промышленности темпы роста были значительно выше. Если крупная промышленность по стране в 1940 г. превышала уровень 1913 г. в 12 раз, то на Дальнем Востоке – в 14,5 раза [8, с. 58].

Эволюция территориально – административного устройства на Дальнем Востоке России также происходила в контексте изменений геополитических условий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20октября 1938 г. Дальневосточный край был разделен на две самостоятельные единицы – Хабаровский и Приморские края [9, с. 168-169].

В состав Хабаровского края (центр г. Хабаровск) вошли Хабаровская (ликвидирована в 1939 г.), Амурская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная, Камчатская и Сахалинская области. На 1 января 1941 г. в край входили 5 областей, 2 национальных округа, 58 районов, в том числе 4 района г. Хабаровска, 12 городов, 26 рабочих поселков, 845 сельских советов.

В Приморский край включались Приморская (ликвидирована в 1939 г.) и Уссурийская области (ликвидирована в 1943 г.). К началу 40-х годов здесь имелось 29 районов, 7 городов, 24 рабочих поселка, 423 сельсовета[10].

Таким образом, сформировалось устойчивое административно-территориальное деление, которое в дальнейшем изменялось в интересах властных структур по двум направлениям: разукрупнение края, уточнение границ областей, районов и низовой сети.

По геополитическим соображениям, учитывая особое военно-политическое значение Приморского края, в годы войны была ликвидирована Уссурийская область. В 40-е годы из состава Хабаровского края в самостоятельные административные единицы постепенно выделилась Амурская, Сахалинская и Камчатская области.

Все территориальные изменения сводились к унификации, что повышало степень централизации управления из центра. Порядок их решения зависел от центральных органов власти СССР, в ведении которых находилось утверждение границ между союзными республиками, образование новых краев и областей в составе республик. Одновременно в регионе сложилась система управления, которая осуществляла властные функции (управление, регулирование, распределение) на основе решений, принятых поли-

тическим центром. Она отличалась жесткой централизацией, концентрацией огромных властных полномочий в руках партийно-государственного аппарата, который обладал огромными возможностями по сосредоточению и маневрированию людскими и материальными ресурсами.

В рамках модернизации региона необходимо было полностью закончить кооперирование крестьянских хозяйств, укрепить материально-техническую базу колхозов, улучшить руководство ими, поднять урожайность полей и продуктивность животноводства, повысить материальное благосостояние и культурный уровень колхозного крестьянства.

В результате социалистической реконструкции сельского, хозяйства в 1937 г. в Приморье было 498 колхозов, 26 совхозов, 39 МТС. 93% всех крестьянских хозяйств состояли в колхозах. Социалистический сектор в деревне имел 98% посевных площадей и 98,7% всего скота. В колхозах и совхозах насчитывалось 2 тыс. тракторов, 800 комбайнов[11, с. 119-121].

Осуществление нового пятилетнего плана проходило в сложной международной обстановке. 29 июля 1938 года японские войска вторглись в пределы советского Приморья в районе озера Хасан.

Так же одной из важнейших задач считалось увеличение численности населения Дальнего Востока, уменьшение его текучести, рациональное использование трудовых ресурсов для получения максимального экономического эффекта. В качестве одной из форм пополнения трудовых ресурсов региона стало использоваться плановое переселение.

Предполагалось направить на Дальний Восток до 80–100 тыс. семейств. Однако эта цифра оказалась нереальной, и переселение было осуществлено в довольно скромных размерах. В 1933–1937 годах в ДВК, включая Еврейскую автономную область, прибыли 9 216 семей (44 312 чел.) из 77 304 семей (347 866 чел.), ставших участниками организованных сельхозмиграций в целом по Союзу [12].

В приморский край в 1940 г. прибыло 7278 хозяйств переселенцев (6324 хозяйства с семьей, 954 – одиночки) общей численностью 32884 чел., включая 16932 трудоспособных старше 16 лет. Все они были расселены по 384 хозяйствам в 5514 домов. В этом же году 110 хозяйств покинули Приморский край [13].

Вовлечение в хозяйственный оборот малообжитых территорий определялось созданием надежной топливно-энергетической и сырьевой базы общесоюзного значения, исторически сложившейся специализацией. Дальний Восток, располагая набором уникальных по запасам и качеству природных ресурсов, при реализации своих потенциальных возможностей требовал выделения не только значительной части капиталовложений, но и рабочей силы. За годы третьей пятилетки около 10% всех капиталовложений страны были выделены Дальнему Востоку.

Следует учитывать, что Дальний Восток нуждался не только в количественном увеличении трудовых ресурсов, но и подготовленных профессионально, способных стать ядром молодых дальневосточных коллективов. Между тем форсированная индустриализация ключевых секторов экономики с ускоренным переходом от стадии до индустриальных технологий, обострила проблему кадров повсеместно, и переселение рабочих в столь отдаленные районы со слабой социальной инфраструктурой было сопряжено с большими трудностями. Направленные на работу в районы Дальнего Востока пользовались определенными льготами, перечень и размеры которых постоянно уточнялись.

Местные хозяйственные организации стремились закрепить на предприятиях демобилизованных воинов. По ориентировочным сведениям, с 1928 г. по 1940 г. на Дальнем Востоке осталось в пределах 39 тыс. бывших военнослужащих [14, с. 101].

В последующие годы объемы миграционных процессов уменьшились, стабилизировавшись приблизительно в равных величинах. Прослеживается ярко выраженная тенденция повышения удельного веса городского населения, характеризующаяся индустриальную направленность региона [15].

Государство было заинтересовано в развитии организованных форм миграции, позволявших сосредоточивать трудовые ресурсы в «нужных» регионах и отраслях, что соответствовало мобилизационному характеру экономики.

Великая Отечественная война временно отодвинула на второй план задачи мирного хозяйственного строительства, в том числе и плановое переселение на Дальний Восток, масштабы которого резко уменьшились: лишь 2 105 семей в 1943 г. были отправлены в Камчатскую область[7].

В новых условиях приходилось рассчитывать на изначально собственные трудовые ресурсы. Комплектование рабочей силы осуществлялось за счет сокращения административно-управленческого аппарата и вспомогательных рабочих, тружеников непроизводственной сферы деятельности и менее значимых, по меркам военного времени, отраслей экономики. Практически все население, в том числе и не занятое общественно-полезным трудом, направлялись непосредственно на предприятия оборонного значения.

Руководители дальневосточных предприятий

и организаций, использовавшие в довоенный период принудительный труд в большом количестве, безусловно, испытывая большие трудности при комплектовании трудовых коллективов, стремились переложить эти проблемы на вышестоящие инстанции. Имелись резервы, которые позволяли выполнять производственную программу без значительного привлечения дополнительной рабочей силы.

Между тем планы по производству продукции оборонного значения не учитывали возможности региона. На Дальнем Востоке проблема трудовых ресурсов обострилась до предела взаимоисключающими моментами. С одной стороны, неизбежная мобилизация в армию большого числа трудоспособного населения, с другой – необходимость при расширении имеющихся и создании новых трудоемких производств не только закрепления, но и увеличение прежнего состава работников соответствующего квалификационного уровня.

С учетом экономического и военного потенциала страны разрабатывались оперативные документы, которые определяли планы обороны государственной границы, порядок стратегического развертывания и использования Вооруженных сил СССР. В различное время они носили разные названия: «О стратегическом развертывании Красной Армии на случай войны на Западе по варианту ПС» (1924), «Записка по обороне СССР» (1927), «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1936), «Основы стратегического развертывания на Дальневосточном театре военных действий» (1938), «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке в 1940-1941 годы» (1940), «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (май 1941) [16, с. 30].

Таким образом, укрепление обороноспособности включало с одной стороны меры, направленные на поддержание Вооруженных Сил и воинских формирований в боевой готовности. С другой стороны – на создание военно-промышленного комплекса, позволяющего сформировать стратегические запасы материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, подготовку органов государственной власти, местного самоуправления и населения в административно-территориальных границах к работе в условиях военного времени.

Список литературы

1. XVIII съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М., 1939. С. 650.
2. Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока. 1933–1937 гг. Владивосток, 1975. С. 89.
3. ГАХК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 22. Л. 179.
4. РГАЭ Ф. 1562. Оп. 20. Д. 147-а. Л. 17; Д. 187. Л. 16.
5. ГАХК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 950. Л. 38.
6. ГАХК Ф. П–242. Оп. 2. Д. 109. Л. 7.
7. Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 334 с.
8. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 58.
9. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1967. М.,1968. Т. 1. С. 168-169.
10. ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; ГАПК. Ф.68. Оп. 4. Д. 10. Л. 5.
11. История советского Приморья / под редакцией А.И. Крушанова. Дальневосточное книжное издательство: Владивосток, 1970 г. С. 119-121.
12. РГАЭ Ф. 5675. Д. 185. Л. 1.
13. ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 182. Л. 19.
14. Глущенко И.И. Рабочий класс советского Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922-1937) гг. Владивосток, 1986. С.86; Смирнова М.В. Источники пополнения трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в предвоенные годы // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 101.
15. ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 64-70; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15, 18; Д. 170. Л. 25, 33.
16. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. Москва. 1993. №3. С.30.

Об авторе

Филиппова Алина Валерьевна – техник, научно-исследовательская лаборатория, Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова, alina.filippova2013@yandex.ru

УДК 94 (476). 070

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1905–1914 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ)

Цумарева Е.П.

Исследуются программы либеральных и консервативных партий, популяризированные через средства массовой информации (СМИ), по вопросам школьного, гимназического и ВУЗовского образования на территории Беларуси в начале XX в. Отражены важнейшие темы общероссийской полемики, среди которых выделены вопросы о церковно-приходской и светской школе, степени влияния российской и польской культур в образовательном процессе, необходимости развития системы ВУЗов, выборе пути реформирования системы образования между либерализмом и консерватизмом.
Ключевые слова: система образования, Беларусь, либерализм, консерватизм, министерская школа, национальная школа, Виленский университет.

LIBERAL AND CONSERVATIVE DRAFT CHANGES IN THE EDUCATION SYSTEM IN THE YEARS 1905–1914. (THROUGH THE EXAMPLE OF BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES)

Tsumareva E.P.

This study researches the programs of the liberal and conservative parties, popularized through the mass media, regarding school, gymnasium and high school education in the territory of Belarus at the beginning of the twentieth century. It reveals important topics of All-Russia polemic, among which questions about the parochial and secular schools, the level of influence of the Russian and Polish culture in the educational process, the need to develop a system of higher education institutions, choosing the path of reforming the education system between liberalism and conservatism.
Keywords: education system, Belarus, liberalism, conservatism, ministerial school, national school, Vilnius University.

Введение. В белорусских губерниях в начале XX в. система образования была тесно связана с религиозными особенностями, национальным и лингвистическим факторами. Многонациональная пресса белорусско-литовских губерний раскрывала требования введения образования на «природном языке». Ярким маркером дискуссии являлась дилемма между церковно-приходской и министерской школой, что было особенно важно для белорусских земель с «разноверными» учащимися. В гимназическом образовании остро проявился «инородческий» вопрос, т.к. учащиеся, в основном «инородцы» (к которым консерваторы относили поляков и евреев) совместно с родителями критиковали идею «русской национальной школы». Остро дискуссионным являлся вопрос о возобновлении в белорусских землях высшего образования, упразднённого, как известно, после подавления восстания 1830–1831 гг.

Обобщённо, развитие образовательного процесса определялось борьбой либеральных «гуманитарных» идей и консерватизма, зачастую переходившего в белорусско-литовских губерниях в традиционализм.

Цель статьи – выявить особенности либерального и консервативного проектов развития сферы образования на территории белорусских губерний в 1905–1914 годах.

Изучение системы образования Российской империи с учётом общеимперских и региональных характеристик, детерминированности пространства категориями «империя – окраина» представлено в исследованиях Р.Б. Вендровской, С.В. Снапковской [1, 2].

Основная часть. Историческими условиями развития сферы образования являлись революционные события и вызванная ими либерализация 1905–1907 гг., а позже возврат к консервативно-охранительным тенденциям. Права национальностей на выбор языка обучения в Российской империи закрепили Указ 17 апреля 1905 г., 14 пункт которого разрешил «преподавание Закона Божие инославных христианских исповеданий… на природном языке учащихся»; пункт 6 Указа Сенату от 1 мая 1905 г., по которому допускалось «преподавание литовского и польского языков в учебных заведениях Северо-Западного края с программами начальных 2-х классных и городских училищ, а также средних учебных заведений в тех местностях, где большинство учащихся принадлежат к литовской и польской народности»; положение Совета министров от 24 августа 1906 г., в котором были отменены правила 3 апреля 1892 г. о взысканиях в административном порядке за тайное обучение в 9 губерниях Западного края [3, с. 287; 4; 5].

Принятое законодательство свидетельствует о первостепенной важности проблемы языка преподавания в белорусско-литовских губерниях. По данному вопросу разгорелись дискуссии между либеральным и консервативным политическими лагерями.

Либеральный лагерь и его СМИ поддержали законы об образовании на «родном» языке. Газеты признавали язык «первичным условием всякой коллективности». Они доказывали, что обучение в школе на национальном языке являлось «самым элементарным» требованием педагогики, гарантировало естественность в отношениях между учителем и учеником. Обучение на чужом языке напротив, вносило «горькую раздвоенность» личности, отрешало «от общения с семьёй», превращало «школу в казарму» [6, с. 52; 7; 8].

Газета «Kurjer Litewski» подчёркивала, что без взаимной «любви» и уважения невозможно объединение народов в Российской империи, а унижение роли родного языка являлось «насильственным действием» и вызывало лишь ненависть. Альтернативу монополии русского языка польские краёвые газеты видели в преподавании «на языках польском и литовском» [9].

Требования законодательного оформления преподавания на родном языке звучали с думской трибуны. Например, депутат-мусульманин Г.Х. Еникеев, входивший в комиссию по образованию при Государственной думе, доказывал, что «инородцам» нужно просвещение, а не «курсы» русского языка [7]. В выступлениях с думской трибуны в защиту разнообразия языков преподавания, барон А.Ф. Мейендорф утверждал, что для организации обучения только на русском языке не хватит русских культурных сил; литовский депутат, трудовик А.А. Булат также доказывал пользу для государства от обучения на «природном языке». Монархисты в своих СМИ переходили на личные оскорбления этих политиков. Так, про октябриста барона А.Ф. Мейендорфа писалось, что он «инородец», делающий «рекламу инородческим культурным апостолам» [10, с. 1318-1322; 11].

В реализации политики в отношении языка преподавания наблюдалось расхождение позиции местной администрации с законами. Об ущемлении прав других языков в преподавании, кроме русского, свидетельствовала либеральная пресса. Газета «Утро России» указывала, что местная власть в белорусско-литовских губерниях часто не разрешала использовать польский и литовский языки в официальных заведениях, не допускала внешкольного обучения родному языку в связи с опасностью открытия под этим предлогом тайных школ. По мнению газеты, это было проявлением политики «обрусения» [12; 13]. Монархическая пресса косвенно признавала эти факты, расценивая правонарушения как «формальные». Более того, монархическая печать ставила в пример всем чиновникам инспектора народных училищ Дисненского уезда В.Г. Нечаева, приказавшего преподавать Закон Божий католикам в Глубокском городском училище на русском языке, а также представителей местной власти, которые поддерживали «русское дело», превышая свои полномочия [14].

В ответ на такую позицию администрации, католический епископ Э. Ропп издал предписание священникам-законоучителям уходить из школ, где «невозможно будет» вести преподавание вопросов религии на польском языке. Эта ситуация расценивалась монархистами как «бойкот», в результате чего в Виленской и Гродненской губерниях «больше ста школ» остались без преподавателей-ксёндзов [14].

В более бесправном положении в сравнении с польским и литовским языками, находился белорусский язык, расцениваемый властями как «наречие» русского языка. Наравне с национальными элитами других народов, белорусская интеллигенция отстаивала права обучения на белорусском языке по учебникам К. Каганца «Белорусский букварь, или Первая наука чтения», А. Пашкевич (Тётки) «Первое чтение для деток белорусов» (1906 г.), Я. Коласа «Второе чтение для детей белорусов» (1909 г.). Отдельно в Государственной думе звучала тема преподавания на белорусском языке. «Kurjer Litewski» указывал на двойные стандарты: с одной стороны, в противовес польскому влиянию, русские националисты допускали обучение закону Божьему «будто бы на языке белорусском», и в тоже время не допускали этот язык в белорусские начальные училища [9]. Газета «Окраины России» расценила данное высказывание как попытку иронии над депутатами. В отношении белорусов, которые «понимали русский язык», монархической прессой отрицалась возможность введения в школу «белорусского наречия». Вариант становления и развития национальной белорусской школы консервативной прессой не рассматривался.

Обратим внимание на то, что либерально-консервативные деятели допускали «терпимость» в национальной русской школе к интересам других народов России. По их мнению, обучение должно было осуществляться «не убивая» чувства национального достоинства, с предоставлением «инородцам» права «изучать свой язык и историю». Как общемировая тенденция, описывался процесс «обособления национальностей», т.е. формирования наций[15].

Монархическая пресса заняла жёсткую позицию, которая выразилась в тезисе: «русское государство и русская национальная идея должны требовать для империи русскую национальную школу». По их мнению, школа должна была воспитать «действительных граждан» России, быть объективной и относиться к учащимся «не касаясь

их религиозных верований» [16, с. 429]. Однако, вразрез с продекларированной религиозной непредвзятостью, монархические СМИ настаивали на воспитании белорусов «в духе православной веры». Возможность введения национальных школ консерваторы расценивали как путь «к распадению» государства [14, 16].

Либерализация законодательства в 1905 г. и назначение «инородцев» на государственные посты монархисты восприняли как «удар» по религиозно-нравственному и национальному воспитанию. Консерваторы отмечали, что раньше пост попечителя учебного округа занимали «прочные русские люди»: А.П. Ширинский-Шихматов, П.И. Батюшков, Н.А. Сергиевский, В.А. Попов. Новый попечитель, барон Б.Э. фон Вольф, возглавивший Виленский учебный округ в 1906–1908 гг., характеризовался монархистами как не знакомый с краем человек, проведший жизнь за границей и в лифляндском замке, плохо владевший русским языком, состоявший в «немецком союзе», не имевший отношения к школьному делу. Соответственно, монархическая печать проводила кампанию с требованием отставки барона Вольфа и его помощника С.В. Флерова. Газета «Весь Северо-Западный край» печатала опровержение этих обвинений [17].

В итоге, либералы были категорически против «сложившейся ситуации», при которой школа превратилась в средство «агрессивной национальной политики». В отличие от либералов, консерваторы считали, что школа без политики «немыслима» [8; 18].

В либеральном лагере широко обсуждался проект о всеобщем образовании. Либеральная пресса поддержала программу министерства образования о «всеобщем обучении» в белорусско-литовских губерниях детей от 8 до 11 лет, т.к. либеральная идеология основывалась на требовании введения «всеобщего, бесплатного и обязательного» обучения в начальной школе [6, с. 55]. Статистические подсчёты показали, что в 6 губерниях Северо-Западного края для реализации программы потребуется 21 617 школ, тогда как в 1906 г. имелось только 2 176 школ; для реализации реформы требовалось 8 430 974 руб., в то время как государством ассигновалось 694 978 руб. [19]. Несмотря на значительную нехватку средств, газета «Северо-Западный голос» волокиту в проведении реформы объясняла не столько «недостатком денег», сколько «трусливой боязнью» бюрократов «просветительной» политики. Газета отмечала, что Министерство народного просвещения (МНП) вносило на рассмотрение Думы 25-й по счёту проект о всеобщем начальном обучении в империи, однако решения так и не было принято [20].

Монархическая пресса, в отличие от либералов, критиковала теорию об «общей пользе всякого просвещения и о «справедливости»», расценивала её как уступку «всяким сепаратизмам». Депутаты Государственной думы и политики, принявшие либеральные законы, обвинялись консерваторами в расточительности государственных средств. От министерства консервативные СМИ требовали включиться в борьбу с влиянием «инородцев» и оставить идеи всеобщего просвещения [21].

В контексте либеральных веяний в 1907 г. состоялся съезд директоров и инспекторов народных училищ Виленского учебного округа, принявший решения о предоставлении широкой инициативы в процессе обучения частным лицам и общественным учреждениям; возможности организации начального образования на местных языках, при условии обязательного обучения государственному языку.

Либеральная печать осуждала поворот образовательной политики с 1907 г. к консервативно-охранительным принципам, что наиболее ярко проявились в деятельности МНП под управлением Л.А. Кассо (1910–1914 гг.). Газеты «Утро России», «Речь», «Весь Северо-Западный край», «Биржевые ведомости» писали об особенностях образовательной политики в Северо-Западном крае, где создавались препятствия в деятельности учителей. СМИ критиковали требования к руководителям учебных заведений формировать преподавательский состав, особенно учителей истории и русского языка, из лиц «русского происхождения»; не допускать к занятиям и увольнять учителей-членов кадетской партии; «изгнать космополитизм»; распространять в школах только научные СМИ и «Губернские ведомости» [22]. С переходом правительственного курса к официально-охранительным мерам, в либеральной прессе прозвучала теория «малых дел». Газета «Весь Северо-Западный край» раскрыла мнение С. Владимирова, который доказывал важность поступательной работы в сфере народного просвещения в условиях «политического прозябания». Эти «малые дела» играли важную роль в преодолении культурной «спячки» и прояснении «общественного и гражданского» сознания населения [23].

Сплочению и оформлению консервативных взглядов в сфере образования способствовало открытие 3 августа 1908 г. в г. Вильно по инициативе общества «Крестьянин» собрания учителей начальных училищ. На нем в преподавательскую среду местные монархисты стремились внести раскол. К «неугодным» относили учителей, поддерживавших идеи «демократизации и общегуманитарного направления» школьного образования. Им в

противовес ставились наставники с монархическими убеждениям, «не космополиты», а «верные сыны великой России», включившиеся в «борьбу с инородцами». По мнению газеты «Окраины России», учителя, вышедшие из «местных крестьян», производили впечатление «крепких русских людей, преданных Царю и отечеству» [24].

Вопросом общероссийского значения являлся выбор между светскостью и церковностью школьного образования.

Либерально-демократическая печать в качестве недостатков церковно-приходских школ отмечала невозможность преподавать научные знания, строгий перечень учебников, низкую результативность обучения и отрицательные результаты «в смысле… сближения населения с церковью». По мнению либералов, данный тип школ не соответствовал потребностям народа, который уже не довольствовался «одним часословом» [25]. В то же время, признавалось право церкви открывать школы на собственные средства наравне с другими общественными заведениями, но государство должно было организовывать народные, министерские школы.

Монархическая печать соглашалась с нежелательностью разделения учащихся на «своих» и «чужих» в преподавательской практике священнослужителей, что сформировало «злобное отношение к духовенству» в среде учителей и деревенской молодёжи. Православное духовенство по школьному вопросу заняло категоричную позицию и заявило, что в случае перехода церковно-приходских школ в другие ведомства, будут забраны деньги, земли и пожертвования на них [25].

Левомонархическая пресса отмечала достоинства министерской школы. Жалобы духовенства на «нерелигиозность учителей» в СМИ получили встречное предложение – более активно преподавать духовные предметы, т.к. учитель «только обучает арифметике, чтению и письму». Отмечена эффективная работа священников в благоустроенных старых министерских школах, в отличие от церковно-приходских [25].

В рассмотрении важного для государства вопроса финансовых затрат выяснилось, что в губерниях, где земства оказывали широкую помощь министерской школе, церковная школа была обеспечена несколько меньше; в неземских губерниях обе школы были «обеспечены плохо». Анализ ведомости Гродненского епархиального училищного совета о церковных школах и отчёта гродненского директора народных училищ за 1906 г. показал, что министерская школа была эффективнее по охвату учеников, затратам на одного учащегося и выпускника. Поэтому звучали призывы поддержать «лучшую», т.е. министерскую школу, дав ей необходимые средства к дальнейшему развитию [26].

Характеризуя среднюю ступень образования, газеты «Голос Москвы» и «Белорусская жизнь» определяющим историческим условием в белорусских землях считали преобладание в городах «инородцев», вследствие чего они имели «более лёгкий доступ» к средним учебным заведениям и сформировали большее количество «образованных интеллигентных классов», чем белорусы. Кроме этого, в СМИ несправедливым расценён факт содержания за счёт белорусов этих учебных заведений [27].

В сфере гимназического образования рельефно проявилась борьба либеральных и консервативно-монархических взглядов. Учащиеся и родители проявляли политическую активность, выступали против административного давления. Например, консервативная пресса активно поддерживала «русских родителей» учащихся 2-ой Виленской гимназии, добившихся роспуска родительского комитета, возглавляемого «инородцем Руком». Монархисты предлагали ликвидировать участие родительского комитета в общественной жизни гимназий или создать родительское представительство «с определённо русским направлением». Однако ситуация «разъединения интересов» школы и родителей вызвала протест либеральных СМИ, городской думы и местного населения, и в результате родительский комитет был снова открыт [28]. Виленская гимназия описывалась в монархических СМИ как пример опасности «ополячивания» государственных учебных заведений.

В организации воспитательной работы монархическая печать поддерживала требования администрации средних учебных заведений о стопроцентном присутствии воспитанников на торжествах, связанных с памятными датами из истории России. «Kurjer Litewski», усмотревший в этом решении давление бюрократии, подвергся жёсткой критике.

Насущной проблемой для Северо-Западного края было отсутствие высшего образования, в связи с чем каждый год виленским городским самоуправлением инициировалось рассмотрение возможности возобновления деятельности Виленского университета. В состав комиссии по вопросу об открытии ВУЗа в 1908 г. городская управа включила представителей от земств Витебской, Минской, Могилёвской губерний, делегатов от русского населения, землевладельцев: князя С.И. Васильчикова, А.К. Бутенева-Хрептовича, В. Зубова, С. Красовского. Этот вопрос серьёзно дебатировался в крае, в Государственной думе, в либеральных и консервативных СМИ.

Местные власти расценили осуществление проекта как «весьма желательное» с культурной

точки зрения, необходимое для оживления городской жизни и финансирования городского бюджета, т.к. студенчество дало бы «до 60 000 в год дохода». Были составлены сметы здания, сельскохозяйственные общества выразили готовность внести через «самообложения» средства в фонд университета [29]. Большие надежды возлагались на юбилейный 1913 г., когда исполнялось сто лет со дня основания Виленского университета. В Санкт-Петербурге проекту учреждения Виленского «вольного университета с преподаванием на языках литовском, польском, русском и других европейских» покровительствовал профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук И.А. Бодуэн-де-Куртене, отстаивавший права национальных меньшинств [29].

Монархические круги стремились подавить эту инициативу. Активно выступали против проекта возрождения в г. Вильно университета один из лидеров Окраинного общества, чиновник Полесских железных дорог Н.Ю. Мацон, преподаватель гимназии В. Контор, депутат Г.Г. Замысловский. Газета «Речь» поддерживала «либеральный» проект чиновника канцелярии генерал-губернатора А.А. Кона, который не понимал, как можно «восставать против открытия высшего учебного заведения». Положительно оценивая значение университета, чиновник предлагал обеспечить права русских введением для студентов-поляков «процентной нормы» при поступлении. Этот проект был категорически отвергнут на собрании Окраинного общества [30]. Альтернативой Виленскому университету как центру высшего образования монархическая пресса видела витебское отделение Московского археологического института, открывшееся 27 октября 1911 г.

Материалы печати свидетельствуют о широком движении за открытие ВУЗа в белорусских губерниях. О необходимости открыть высшее сельскохозяйственное учебное заведение писала газета «Наша Ніва», т.к. занятие земледелием требовало научного подхода. Газета «Биржевые ведомости» писала, что в МНП с ходатайством об открытии медицинского факультета в Витебске обращались витебский городской голова В.Е. Литевский, член Государственного совета от землевладельцев Витебской губернии Я.Н. Офросимов, бывший витебский голова П.Ф. Коссов. С ходатайством об открытии политехникума обращалась делегация из Минска. Несмотря на эти просьбы, Л.А. Кассо расценил вопрос об открытии университета в Северо-Западном крае «преждевременным» [31].

Это решение открыто критиковал профессор А.Л. Погодин, который доказывал необходимость и полезность ВУЗа в деле сближения Северо-Западного края с Россией. В таком университете должны были работать литовцы, белорусы, поляки в совместном изучении края как одной из частей России [32].

Общим во взглядах либеральных и монархических газет являлось понимание того, что система университетов в империи не являлась завершённой. Газета «Виленский вестник» расценивала как «ненормальное явление» отсутствие ВУЗа в обширном учебном округе, состоявшем из 6 губерний, с населением в 13 млн. чел., с 35 мужскими гимназиями и 14 реальными училищами. В результате, выходцы из края обучались в других местностях империи и назад не возвращались, а должности докторов, агрономов, учителей предоставлялись «пришлым» людям. Ощущалась нехватка медиков и юристов, особенно после введения института мирового суда [33].

Заключение. Таким образом, борьба либеральных и консервативных тенденций представляла собой возможные пути развития системы образования. Либеральным программам была свойственна опора на положения Манифеста 17 октября 1905 г., идеи признания прав народов Российской империи на национальную школу, светскости образования, необходимости завершения системы образования и введения ВУЗов в Беларуси. Консервативные партии и их пресса основывались на требованиях введения «русской национальной» школы, отказа от системы высшего образования в белорусских губерниях в виду опасности «инородческого» влияния.

Список литературы

1. Снапковская С.В. Развитие образования и педагогической мысли на территории Беларуси в 60-е гг. XIX–начале XX вв. : дис. … д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2012. 335 с.

2. Вендровская Р.Б. В.Н. Сорока-Росинский: проблемы русской национальной школы // Педагогика. 1996. № 3. С.75–81.

3. О порядке выполнения пункта седьмого Именного Указа 12 дек. 1904 г. в отношении девяти Западных губерний : положение комитета министров 1 мая 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25 отд-ние 1. С. 286–287.

4. Об укреплении начал веротерпимости : положение комитета министров от 17 апр. 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1908. Т. 25 отд-ние 1. С. 258–262.

5. Об отмене действия Правил 3 апр. 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях За-

падного края, а также Царства Польского : положение Совета министров 24 авг. 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1909. Т. 26 отд-ние 1. С. 823.

6. Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы : кадеты и октябристы : документы, воспоминания, публицистика / сост.: Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1996. С. 51–58.

7. У Думе і каля Думы // Наша Ніва. 1909. 1 (14) мая. С. 257–258.

8. Владимиров С. Национализация школы // Весь Северо-Западный край. – 1908. – 13 янв. – С. 2.

9. O rusyfikacji // Kurjer Litewski. 1905. 6 (19) października. S. 3.

10. Государственная Дума : стеногр. отчеты. Созыв 3-й, сессия 4-я. СПб.: Гос. тип., 1910. Ч. 1. Заседания 1–38 (с 15 окт. по 17 дек. 1910 г.). [3], XV с., 3368 стб.

11. Государственная Дума и вопрос об окраинах // Окраины России. 1906. № 8. С. 129–131.

12. Гонения на польский язык // Утро России. 1914. 22 мая. С. 3.

13. Обрусители // Утро России. 1914. 22 мая. С. 3.

14. Кулаковский П. Приезд белорусской делегации // Окраины России. 1912. № 16. С. 233–236.

15. Какая школа нужна нашему краю? // Россия. 1906. 9 сент. С. 4.

16. Божелко Т. Против книжного белорусского языка // Окраины России. 1908. № 29–30. С. 427–430.

17. Барон Вольф // Весь Северо-Западный край. 1908. 15 февр. С. 3.

18. Политика в школе // Весь Северо-Западный край. 1908. 19 янв. С. 2.

19. Всеобщее обучение в Северо-Западном крае // Россия. 1906. 31 мая. С. 4.

20. Ещё один проект // Северо-Западный голос. 1907. 26 янв. С. 1–2.

21. Кулаковский П. Новый вид сепаратизма – белорусофильство // Окраины России. 1907. № 20. С. 305–308.

22. Результаты школьной политики. Из Минска // Речь. 1911. 16 (29) окт. С. 7.

23. Владимиров С. «Малые дела» // Весь Северо-Западный край. 1908. 9 янв. С. 2.

24. К собранию народных учителей в Вильно // Окраины России. 1908. № 29–30. С. 426–427.

25. Вопросы трудящихся масс (письмо учителя о церковно-приходских школах) // Россия. – 1906. 19 мая. С. 2.

26. Гродно // Окраины России. 1908. № 14. С. 218–219.

27. У виленских октябристов // Голос Москвы. 1910. 6 апр. С. 6.

28. Из Вильны // Окраины России. 1908. № 15–16. С. 236.

29. Вильно. Проект университета // Речь. 1908. 13 (26) янв. С. 5.

30. Виленские мракобесы // Речь. 1908. 1 (14) апр. С. 5.

31. Депутация от Витебской губернии у Л.А. Кассо // Биржевые ведомости. 1913. 6 апр. С. 2.

32. Погодин А.Л. Виленский университет // Виленец. 1912. 20 февр. С. 1–2.

33. К вопросу об учреждении университета в Северо-Западном крае // Виленский вестник. 1914. 7 февр. С. 2.

Об авторе

Цумарева Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Белорусско-Российский университет (Могилев), ilmazum@tut.by

УДК 94(47).084.6

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1913 ГОДУ РУССКИМ ГЕНЕРАЛОМ Н.П. МИХНЕВИЧЕМ

Черниловский А.А.

В статье анализируются сделанные в начале XX века русским генералом Н.П. Михневичем прогнозы Первой мировой войны. Этот военный мыслитель справедливо указывал, что надвигающаяся мировая война будет длительной, изматывающей, а ее масштабы – огромными. Но он ошибочно полагал, что социально-экономическая отсталость России в случае войны даст ей преимущества над передовыми странами Европы.
Ключевые слова: прогноз, военный теоретик, стратегия, Первая мировая война, всеобщая воинская повинность, социально-экономическая отсталость России.

GENERAL MIKHNEVICH'S PREDICTION OF THE UPCOMING WAR IN 1913

Chernilovsky A.A.

The forecasts of the First World War made in the early twentieth century by Russian general N. P. Mihnevich are analyzed in this article. This military thinker rightly pointed out that the impending world war would be long, exhausting, and its scale would be also huge. But he mistakenly believed that the socio-economic backwardness of Russia in case of the war would give it an advantage over the advanced countries of Europe.
Keywords: a forecast, a military theorist, the strategy, the First World War, the compulsory military service, the socio-economic backwardness of Russia.

В последние десятилетия XIX и в начале XX века военные теоретики европейских стран, в том числе Российской Империи, сознавали, что вероятность мировой (по тогдашней терминологии европейской) войны велика и пытались дать прогнозы ее хода.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать представления о будущей войне одного из крупнейших военных теоретиков и военных историков того времени, русского генерала, после революции перешедшего на службу в Красную армию, Николая Петровича Михневича (1849 – 1927).

Имя этого генерала неоднократно упоминались в отечественной военной историографии, причем в работах военных историков можно встретить как апологетические [9, 10], так и критические [1] оценки наследия русского военного мыслителя.

Михневич был автором многих работ по теории [6; 7] и по истории [2; 3; 4; 5; 8] военного искусства. В 1899 – 1901 годах он, будучи профессором Академии Генерального штаба, издал двухтомную работу «Стратегия», впоследствии дважды переизданную: в 1906 и в 1910 – 1911 годах. В 1913 год Михневич, занимавший на тот момент пост начальника Главного штаба русской армии, издал в качестве учебника для Интендантской академии работу «Основы стратегии», представляющую собой сокращенный вариант его «Стратегии», с внесением в нее некоторых изменений. Именно по этой работе как последней по времени издания перед мировой войной мы намерены проанализировать его представления о надвигающемся военном конфликте.

В задачи статьи не входит анализ взглядов Михневича на теорию военного искусства в целом, мы намерены ограничить предмет изучения лишь его представлениями о будущей войне с Германией и ее союзниками.

Михневич следующим образом характеризовал уровень мировой и российской цивилизации в начале XX века: «Жизнь современных нам культурных народов характеризуется:

1) *в материальном отношении* – широким применением пара и электричества, изобретением средств движения в воздухе и огромным развитием техники во всех направлениях;

2) *в экономическом отношении* – капиталистическим (тимократическим) строем государственной жизни, огромным развитием заводской и обрабатывающей промышленности, причем значительная часть населения (до 70 %) живет в городах, на фабриках и заводах;

3) *в духовном отношении* – увлечением идеей *национализма* – стремлением к объединению больших национальных групп.

Установивши эту характеристику, необходимо запомнить, что она не охватывает жизни народов всего земного шара. Например, она не вполне касается и России, которая не вышла еще из естественной культуры, богатство населения которой в значительной мере зависит от производства естественных продуктов (хлеба, скота, необработанных материалов), население которой в большинстве (85 %) еще живет хлебопашеством» [6, с.1-2].

Михневич на страницах своей работы неоднократно указывал на огромную социально-

экономическую и культурную отсталость России от стран Западной Европы: «Перед нами встают две противоположности – земледельческая Россия, у которой 87,2 процента населения занимаются сельским хозяйством, и торговая Великобритания, государство тимократического типа, построенное на капитале, где занимаются обработкой земли только 4 процента населения. В остальных государствах Европы около трети населения сельские хозяева, во Франции почти половина» [6, с.10].

Вместе с тем, русский военный мыслитель постоянно подчеркивал огромные потенциальные возможности своей страны: «Вот некоторые данные, обрисовывающие Россию как государство. Россия по пространству (21,8 миллионов квадр. верст) второе государство в мире, по населению (165 миллионов жителей) – третье, по земельному богатству (14,7 гектаров на душу) – первое. Местами чувствуется все-таки малоземелье, поэтому необходимо переселение и подъем культуры. Прочный однообразный состав главной массы населения 72% славян, из коих 65,5% восточных славян» [6, с.9].

Огромные пространства и природные ресурсы создают условия для будущего развития России: «Пространство Европейской России в 9 раз более населения Германии или Франции; если принять, что около трети его менее благоприятно для культуры по суровости климатических условий нашего севера, то естественно допустить, что в Европейской России может свободно разместиться население, в 7 раз превышающее нынешнее население Германии, т. е. около 400 миллионов. <…> Средняя Европа, заполненная горными хребтами, никогда не может сравниться с равниной России, треть которой лежит в виноградной полосе и покрыта черноземом, со всевозможными минеральными богатствами (железо, каменный уголь, нефть); благословенный юг России в высокой степени благоприятен для размещения огромного населения» [6, с.9-10].

Еще одним залогом могущества России является колоссальный рост населения: «Рост России громадный: за 50 – 55 лет население удваивается. Если территория не будет изменяться, то в 1930 году население России будет 200 миллионов человек, а в 1985 году – 400 миллионов» [6, с.17-18].

Исходя из этого, Михневич описывал состояние военного дела в современную ему эпоху: «Всеобщее применение общеобязательной воинской повинности, капиталистический строй государств и могущественная техника вызвали появление небывалых огромных армий нашего времени. Целые народы готовятся стать под знамена для достижения своих исторических целей. При таких условиях борьба должна решиться совершенным истощением духовных и материальных сил одной из сторон» [6, с.6].

Михневич немало писал о технической стороне будущей войны, о роли новых вооружений, в частности о перспективах использования в боевой обстановке автомобильного транспорта: «Применение автомобилей-грузовиков может значительно облегчить решение этой трудной задачи (снабжения походных колонн продовольствием – А.Ч.), так как при порядочных дорогах они могут без затруднений подвезти необходимые запасы с тыла, с расстояния 50 – 60 верст в течение нескольких часов» [6, с.161].

Вместе с тем, Михневич в 1913 г. ни слова не говорил об использовании аэропланов на войне, хотя уже был опыт их боевого применения в Триполитанской и Первой Балканской войнах. Боевое значение воздушного флота виделось ему исключительно как использование летательных аппаратов легче воздуха для разведки и связи: «При достаточном сближении с противником можно установить постоянное наблюдение за ним посредством вышек, воздушных шаров и т. п. <…> В настоящее время, с изобретением способа перевозки водорода под давлением, типа «змеевого шара» и употребления телефона для связи – они широко употребляются для разведки. С решением вопроса об управлении полетом воздушных шаров (дирижабли) и применением беспроволочного телеграфирования разведки значительно облегчат выяснение обстановки и управление современными громадными армиями» [6, с.143].

В начале XX в., когда все шире применялось радио, Михневич говорил о возможности использования при обороне побережья от десанта таких архаичных средств связи как гелиограф и даже сигнальные огни.

В это время было совершенно очевидно, что надвигающая общеевропейская война станет войной коалиционного типа. Михневич подчеркивал крайнюю сложность этого типа войн: «Если несколько государств составляют коалицию, то общая сила их всегда менее суммы сил, их составляющих. Конечно, все союзники желают победы для достижения поставленной цели, но каждый из них старается взвалить на плечи другого наиболее трудную работу, а кроме того, в большинстве случаев и на конечный результат борьбы смотрят различно: одному, например, желателен полный разгром противника; другой же склонен только ослабить временно противника, чтобы вынудить его на уступки, но вполне заинтересован в сохранении его на будущее.

Объединить действие коалиций трудно, даже установив общее командование их армиями.

Недоверие, зависть, интриги легче получают применение в коалиционных войнах, чем в войнах, веденных без союзников. Главное затруднение встречается в эксплуатации средств союзных государств во имя общих интересов, так как они будут находиться в руках разных властей.

При ведении операций приходится руководствоваться мнением союзников, почему дипломатия начинает брать нежелательный перевес. Иногда приходится отказаться от слишком смелого предприятия, чтобы не отшатнуть союзника, в другой раз приходится торопиться действиями, чтобы удержать за собой союзника; иногда приходится отказаться от военного успеха, чтобы избежать зависти. <…> После нескольких неудач на прочность коалиции рассчитывать трудно. <…> При борьбе против коалиции следует искать слабых ее сторон, как в политическом, так и в военном отношении и туда направить свои удары» [6, с.4-5]. Последняя фраза вызывает недоумение – азбучной истиной стратегии является то, что в борьбе против коалиции главные силы должны быть направлены против самого сильного противника.

В отечественной военной историографии неоднократно отмечалось, что российский военный теоретик прогнозировал будущую мировую войну более адекватно, чем, например, Шлиффен, полагавший, что длительные войны невозможны в эпоху, когда благосостояние народов зависит от международной торговли и военная машина требует миллионов на свое содержание [11].

Михневич справедливо писал, что в условиях всеобщей воинской повинности, позволяющей выставить десятки миллионов бойцов, исход войны не может быть решен в первых сражениях, его будут определять экономические факторы: «При теперешних громадных военных средствах трудно ожидать решительных успехов с одной из сторон и быстрого окончания войны. Подготовительный период, благодаря железным дорогам, сократился, а потому войны будут возникать внезапнее, чем прежде, и первые удары будут отличаться более решительным характером, хотя и далеко не решающим судьбу войн, так как при принятой повсеместно военной системе население выставит не 2 – 3 армии одна за другой, а чуть ли не 20. При таких условиях, конечно, вопрос о средствах ведения войны на возможно продолжительное время получает особенно важное значение. Следовательно, народно-хозяйственная деятельность населения имеет большое значение» [6, с.7].

В то время, в 1913 г., было совершенно очевидно, что расходы на будущую большую войну станут астрономическими. Исходя из ежедневных расходов на содержание одного солдата в мирное время, предположив, что в военное время такие расходы будут вдвое больше и война не может окончиться раньше, чем через полгода, Михневич рассчитал, что военные расходы пяти крупнейших государств континентальной Европы составят $5^1/_4$ миллиарда рублей [6, с.14]. «Но как ни велико значение денег для войны, все-таки не иссякновение государственных финансовых средств, а лишь полное экономическое разложение страны может привести к прекращению войны» [6, с.14] – пророчески указывал русский генерал.

Михневич, разумеется, не мог не понимать, что экономическая отсталость России отрицательно сказывается на ее военных возможностях: «Германия от вдвое меньшего населения может выставить в поле почти такую же армию как Россия. Это подтверждается и процентом мужского рабочего населения, входящего в состав вооруженных сил: везде армия вмещает в свои ряды почти треть рабочего населения, а у нас почти одну шестую. <…> В будущей большой европейской войне, при отсутствии союзников, России придется начать ее с обороны, как это было при Карле XII и Наполеоне, что, конечно, невыгодно и нежелательно» [6, с.11].

Кроме того, финансовое положение России в случае войны также будет неблагоприятным относительно европейских государств: «Относительно удовлетворения денежной потребности государств на ведение войны не все они находятся в одинаковых условиях. В этом вопросе преимущество будет на стороне государств тимократического типа с обширной торговлей. Смотря на обороты внешней торговли государств <…> опять поражаемся бедностью русской торговли <…> торговля Англии в 10 раз сильнее торговли России, а с этим связывается и мировой кредит государства» [6, с.15 – 16].

Но наряду с этими совершенно верными оценками российский военный теоретик делал абсурдный вывод, что социально-экономическая отсталость России, господство в ней натурального крестьянского хозяйства якобы дает ей преимущество в случае войны перед передовыми капиталистическими странами Европы.

Логика Михневича по этому вопросу заключалась в том, что при развале международной торговли Россия, независимая от импорта хлеба, окажется в выигрышном положении: «Если бы морские пути были прерваны, то Англия и Германия вынуждены были бы переживать голод; в России же с ограничением вывоза явился бы даже избыток хлеба. Вообще всякая заминка в хлебной торговле может страшно отразиться на продовольствии населения государств, живущих преимущественно торговлей и фабричным трудом, так как

нигде больших запасов хлеба не держат; хлебная торговля имеет полный годовой оборот, на каждый месяц приходится урожай в какой-нибудь части земного шара, и запасы продовольственных хлебов в Англии и Швейцарии никогда не превышают месячной пропорции» [6, с.16].

Мысль о преимуществах России в затяжной войне у Михневича повторяется постоянно: «В капиталистических государствах Европы в случае войны треть рабочего населения призывается под знамена, за ними остаются семьи на попечении государства и понижение фабричной деятельности, а затем голодовка. Эти государства должны стараться дать полное напряжение своих средств в самом начале войны и торопиться решительными действиями.

Особенности народно-хозяйственного быта России уменьшают в значительной степени значение для общественного ее строя экономических потрясений военного времени и дают уверенность в том, что хозяйственный организм России не может быть поколеблен в своих устоях бедствиями будущей войны, как бы надолго она не затянулась и каких бы жертв не потребовала от страны. Таким образом, время является лучшим союзником наших вооруженных сил, а потому нам не опасно применять «стратегию утомления и изнурения», избегая в первое время решительных столкновений с противником на самой границе, когда превосходство сил может быть на его стороне» [6, с.16- 17].

Данный прогноз оказался совершенно несостоятельным: хотя международная торговля в ходе мировой войны действительно оказалась в глубочайшем упадке, но и державы Антанты, и Германия смогли не допустить массового голода путем введения карточной системы. В то же время в России, заранее записанной Михневичем в победители, произошел развал железнодорожного транспорта, а в начале 1917 г. начался голод в городах, приведший к Февральской революции. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что Михневич говорил о возможности для России в военное время «голодовок и катастроф от сокращения передвижения грузов по железным дорогам внутри государства» [6, с.18].

Отмечая тот факт, что в европейских странах большинство населения живет в городах, а в России – в деревне, Михневич писал: «Эти цифры, помимо определения типа государства и его наклонностей, имеют большое военное значение: боевые качества армии определяются процентом земледельческого ее населения, так как городская жизнь и работа на фабриках понижают физические качества населения, делают его менее способным переносить тяготы и лишения походной жизни» [6, с.11]. Едва ли такую мысль можно считать совершенно беспочвенной – действительно очевидцы утверждают, что солдаты, призванные в армию из сельской местности, лучше горожан переносят длительные переходы и самоокапывание, более искусны в маскировке и ориентировании на местности – однако считать это обстоятельство решающим фактором, определяющим боеспособность армии, было явным преувеличением.

Кроме того, среди русских военных в это время была популярна теория Н.Я. Данилевского о начавшемся упадке европейской, романо-германской цивилизации, которую должна сменить на мировой арене более молодая славянская цивилизация. Из этой концепции Михневич также вывел военное преимущество для России: «При внимательном изучении военной истории бросается в глаза тот факт, что у молодых народов, только выступающих на историческое поприще, военная энергия и доблесть проявляется в самой высокой степени; по мере же одряхления народа ослабевают все его жизненные функции, в том числе способность смотреть смерти в глаза. <…> С развитием культуры воинственность народов ослабевает, а это сказывается на их моральной упругости на войне.

Это подтверждается историей как древнейших народов, павших под ударами молодого народа – персов, так и историей великого когда-то Рима, завоеванного молодыми народами, предками современных народов Западной Европы. В среде этих народов русские выступили на историческое поприще почти на 1000 лет позже, почему и являются более молодым народом с более крепкими нервами, с большей способностью к перенесению трудностей походной жизни и боевых впечатлений» [6, с.25-26].

Михневич подробно описывал инженерное оборудование будущих театров военных действий на востоке и на западе, при этом он, исходя из опыта последних войн – франко-прусской (1870 – 1871), русско-турецкой (1877 – 1878), русско-японской (1904 – 1905) – весьма высоко оценивал значение крепостей, считая, что они способны на длительный срок сковать значительную часть наступающей армии: «Новая укрепленная граница Франции имеет важное значение, как в оборонительном, так и в наступательном смысле. <…>

Путем искусства французская армия получила возможность стратегического развертывания на самой границе. При современных условиях быстрое вторжение значительных масс противника во Францию сделалось невозможным: прорвавши первую оборонительную линию через 3 – 4 перехода придется остановиться на второй,

имея фланги и тыл под ударами французских армий, может быть и ослабленных первыми неудачами, но имеющих везде прочно созданные опорные пункты. Если бы была прорвана и вторая линия, на что нужно много времени, тогда Париж вступит в свои права, притянет к себе полмиллиона войск и тем облегчит дальнейшую организацию обороны из богатых средств юга Франции, где Лион имеет такое же значение, как Париж на севере» [6, с. 114-115].

Данный прогноз оказался ошибочным: во время Первой мировой войны, из-за наличия в германской армии большого количества передовой по тому времени осадной артиллерии, крепости Франции и Бельгии, оказавшиеся в тылу у наступающего противника, могли продержаться не более нескольких дней. Первая мировая война, собственно, и положила конец крепостям в их классическом виде.

Прогнозируя начальный этап мировой войны на Восточном фронте, Михневич неоднократно утверждал, что она начнется с наступления германских и австро-венгерских войск в Польше, в то время как главные силы русской армии будут развертываться восточнее, за основанием польского выступа: «Наш передовой (Привислинский) театр охватывается противником, который на первые дни операций может иметь численное превосходство над нами; поэтому мы вынуждены отнести свое стратегическое развертывание назад, за восточные выходы из передового театра, и тогда, хотя и ценою временной уступки части нашей территории, мы получаем охватывающую базу, на которой армия успеет сосредоточиться и двинуться вперед, навстречу противнику» [6, с. 64].

В другом месте Михневич вновь повторяет: «В случае войны на западной границе было бы рискованно с нашей стороны сосредотачивать значительное количество войск в Польше: наши противники, при более коротких расстояниях и густой сети железных дорог, обязательно должны на первое время иметь перед нами превосходство в силах; следовательно, необходимо отнести стратегическое развертывание нашей армии настолько назад, чтобы мы успели его закончить до появления значительных сил противника в районе нашего стратегического развертывания. Это в последнее время и достигнуто изменением мирной дислокации войск и подготовкой театра военных действий в инженерном отношении (еще незаконченной)» [6, с. 122].

Данный прогноз также оказался ошибочным: вследствие того, что главные силы германской армии согласно «плану Шлиффена» были развернуты на Западном фронте, русская армия начала войну с активных действий, с решительного наступления в Восточной Пруссии и Галиции.

Таким образом, российский генерал совершенно справедливо говорил, что многомиллионные армии, основанные на всеобщей воинской повинности, не могут быть разгромлены за несколько недель или месяцев, что война неизбежно станет длительной, и исход ее будет зависеть в первую очередь от экономических факторов. Вместе с тем, неадекватным оказался самый важный прогноз Михневича: что Российская Империя именно благодаря своей отсталости победит в затяжной войне. Мировая война завершилась для России национальной катастрофой.

Список литературы

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 434 с.
2. Михневич Н.П. Военно-исторические примеры / сост. Н.П. Михневич. изд. 3-е испр. с портр., краткими биографиями, картами и планами. СПб., 1892. 126 с.
3. Михневич Н.П. Война 1861 – 1865 г. за нераздельность Союза Соединен. Штатов С. Америки. СПб.: 1894. 33 с.
4. Михневич Н.П. История военного искусства. М.: Эксмо, 2008. 446 с.
5. Михневич Н.П. Основы русского военного искусства: сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Зап. Европе в важнейшие ист. эпохи / сост. Н. П. Михневич. СПб.: 1898. 177 с.
6. Михневич Н.П. Основы стратегии: Курс Интендант. акад. СПб.: 1913. 252 с.
7. Михневич Н.П. Стратегия: Кн. 1-2 / Н.П. Михневич. СПб., 1899 – 1902.
8. Михневич Н.П. Франко-германская война 1870 – 1871 годы. СПб.: 1896. 22 с.
9. Русская военная мысль конца XIX – начала XX веков. М.: Наука, 1982. 252 с.
10. Строков А.А. История военного искусства. М.: Воениздат, 1967. 711 с.
11. Шлиффен А. Канны. М.: Воениздат, 1938. 416 с.

Об авторе

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Карачевский филиал), senior.chernilowsky2013@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ПОСТСОВЕТСКОЙ КУМЫКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Б. АТАЕВА)

Гусейнов М.А.

В статье рассмотрены пути развития исторического романа в кумыкской литературе, его эволюция в постсоветский период. Базируясь на творчестве известного кумыкского прозаика Баммата Атаева (1925-2007), автор характеризует социокультурные факторы, обусловившие активизацию исторической тематики в литературе постсоветского периода; выявляет доминирующие особенности романов кумыкского писателя, предстающие характерными для словесности исследуемого периода.
Ключевые слова: исторический роман, постсоветский период, идейный пафос, художественные особенности, реальность и вымысел.

THE HISTORICAL NOVEL IN POST-SOVIET KUMYK LITERATURE (FOR EXAMPLE NOVELS B. ATAEVA)

Huseynov M. A.

In the article the ways of development of the historical novel, its evolution in the post-Soviet period. Based on the work of famous Kumyk writer B. Ataev (1925-2007), the author characterizes the socio-cultural factors, which resulted in activation of the historical themes in literature of the post-Soviet period; identifies the dominant features of the novels Kumyk writer, appearing characteristic of the literature of the study period.
Keywords: historical novel, the post-Soviet period, the ideological pathos, artistic features, reality and fiction.

Развитие литературного процесса в переломные периоды общественной жизни определяется социокультурными факторами. Наглядным подтверждением этому служит период второй половины 1980–начала 1990-х годов. Официальной идеологией нашей страны был взят курс на демократизацию всех сфер жизни, что обусловило раскрепощение художественной мысли, определенное обновление вектора словесной культуры.

В этот период наблюдается активизация национального сознания, в том числе в плане усиления интереса к национальной истории, ее древним пластам, героическим страницам. Соответственно произведения исторической тематики в постсоветский период обрели определенную динамику развития.

Осмысление прошлого на новом уровне в рассматриваемый период поначалу имело выражение в публицистике, поэзии. Символично, что кумыкская художественная проза также довольно скоро ответила на веяния времени. Свидетельством этому служит и роман Баммата Атаева «Младший сын шамхала», изданный в 1991 году [1]. Последующее развитие литературной ситуации подтверждает то, что историческая тема с течением времени набирала обороты, развивалась по восходящей. Помимо произведений иных жанров прозы и поэзии, романы «Солтанмут» Б. Атаева [2], написанный в продолжение названного выше романа, «Йырчи Казак» И. Керимова [3], «Казак-кровник» С. Загирова [4], «Сали Сулейман» М. Халилова [5] видятся наглядными образцами данной тенденции словесного искусства.

Оригинальными, новаторскими произведениями предстают исторические романы «Младший сын шамхала» («Шавхалны гиччи уланы») и «Солтанмут» Б. Атаева. Своеобразие данных произведений заключается в том, что это были первые романы за весь советский период развития, посвященные досоветской героической истории кумыков.

В советский период освещение прошлого в литературе, в основном, ограничивалось идеологической планкой – историей революции 1917-го года. По сравнению с другими литературами Дагестана в этом направлении успешно развивалась кумыкская проза. Историко-революционные романы «Махач» И. Керимова [6], «Три солнца» М.-С. Яхьяева [7], созданные на документальной основе, будучи изданы в переводе на русский язык в центральных московских издательствах, обрели известность в масштабе всей страны.

Кроме того, рядом кумыкских писателей были созданы историко-революционные произведения в жанрах повести, рассказа, очерка (Х. Арсланбеков, Х. Давудов и другие). В числе этих авторов фигурирует и Б. Атаев, которым были написаны повести «Зарево» («Оьртен», Махачкала, 1978), «Пламенные годы» («Ялынлы йыллар», Махачкала, 1970) и другие. Б. Атаев, на всем протяжении своей творческой деятельности, испытывавший влечение к исторической теме, при этом около 20-ти лет своего творчества, посвятивший революционной тематике, в 1990-е годы совершил переход к более далеким

пластам национальной истории. Названные выше исторические романы Б. Атаева служат показателем эволюции как творчества писателя, так и эволюции жанра исторического романа в кумыкской литературе постсоветского периода.

В этой связи правомерно также отметить, что указанные процессы свойственны и другим национальным литературам Дагестана. В частности, в числе произведений аналогичного характера можно отметить романы «Внук Хаджимурата», «Манана» А. Абу-Бакара, «Ахульго» Ш. Казиева, «Имам Гамзатбек» Г. Гаджиева. Исторические романы, произведения исторической тематики исследуемого периода становились объектом рассмотрения в трудах дагестанских литературоведов С.Х. Ахмедова [8], З.К. Магомедовой [9], Э.М. Омаршаевой [10], М.А. Гусейнова [11] и других.

Помимо этого, нельзя не сказать и о том, что значительное внимание кумыкскими и дагестанскими авторами уделялось также новому осмыслению событий советского прошлого, в частности, периода коллективизации, репрессий 1930-х годов. То есть историческая тематика выдвинулась на лидирующие позиции, а исторический роман стал одним из жанров-сюзеренов художественной прозы.

Исторические романы Б. Атаева представляются знаковыми явлениями в кумыкской прозе. В них впервые предметом писательского внимания стала почти забытая историческая личность, сыгравшая важную роль в национальной истории. Объектом художественного воспроизведения в них является жизнь и деятельность одного из сыновей Шамхала Тарковского, общественного, политического деятеля, основателя и правителя Эндиреевского княжества Солтанмута, которая приходится на конец XVI-начало XVII веков. По существу, писатель задался целью воспроизвести один из узловых этапов истории родного народа, образ реального исторического лица, который боролся за свободу и независимость родного края, притом одерживал на этом поприще крупные военные победы. Исторические события и образы оказались созвучны времени издания произведений, что определило их широкий общественный резонанс.

Помимо удачно выбранной тематики, перед автором романов о Солтанмуте стояла проблема адекватного, убедительного воспроизведения исторических событий и лиц. Ввиду того, что произведения посвящены реальному историческому лицу, одним из важных критериев становится принцип историзма. Б. Атаев, к слову сказать, являясь по образованию историком (обучался на историческом факультете Дагестанского государственного университета), стремится к строгому соблюдению требований жанра исторического романа. Ключевыми сюжетами, эпизодами произведений становятся сведения, нашедшие отражение в исторических источниках. В числе таковых предстают, к примеру, следующие факты: Солтанмут являлся сыном шамхала Чопана, рожденным от кабардинки; был обделен при разделе имущества своего отца, имел в результате этого неприязненные отношения со своими старшими братьями; отличался своенравным, независимым характером; им было создано Эндиреевское княжество, простиравшееся в междуречье Терека и Сулака от Салатавии до Каспийского моря, ставшее довольно влиятельным на северо-восточном Кавказе; когда он был в преклонном возрасте его сын Айдемир взошел на шамхальский трон; в пору расцвета Эндиреевского владения было создано известное историческое сочинение «Дербент-наме» Мухаммеда Аваби Акташи и др. Кроме того, в романах в качестве действующих лиц фигурирует значительное количество реальных исторических деятелей, современников Солтанмута, правда, по сравнению с ним относительно меньших по значимости, находят отражение факты менее значительные, находящие подтверждение в документальных источниках. Данные особенности наглядно демонстрируют ориентированность писателя к максимальной объективированности повествования.

Однако при рассмотрении романов Б. Атаева следует учитывать, что они являются не документальными произведениями, а художественными. В этой связи их рассмотрение должно базироваться прежде всего на критериях художественности, естественно, с учетом их жанровой дефиниции – исторического романа, в котором важно соблюдение разумных пропорций между правдой и вымыслом, стремление к объективности, правдивости, убедительности в отображении исторического прошлого.

В романах Б. Атаева прежде всего обращает внимание продуманность структуры, определенная логика в подаче образа, явлений действительности. В центре внимания писателя – образ Солтанмута, его становление и формирование как исторической личности, лидера родного народа, общественно-политического деятеля. Автор, придерживаясь хронологии жизни и деятельности главного героя, тем самым четко оттеняет его эволюцию.

Судьба Солтанмута способствовала формированию его характера – стремлению к свободе, независимости, отстаиванию своих прав. Он долго жил в неволе в качестве аманата, затем, будучи незаконнорожденным сыном шамхала, будучи чанка, был обделен братьями при разделе имущества. Это укрепляло дух его борьбы за свое

место в жизни, отстаивание своих прав как одного из наследников шамхальского престола. Реализуя свои шамхальские амбиции, он стал создавать свое княжество. Не ограничившись отведенной ему территорией, он расширил свои владения, вступив из-за этого в конфликт со своими старшими братьями и выйдя в нем победителем.

По мере роста авторитета Солтанмута, вследствие успешного развития его княжества происходит его политический рост; растет его влияние на сопредельные княжества, ханства. Вся эта ситуация определяла более крупные задачи, которыми он стал руководствоваться в своей деятельности.

Так, Солтанмут ратует за единение кумыков, разделенных в пору его жизни на несколько княжеств-бийликов. Учитывая геополитическую ситуацию в регионе, когда Северный Кавказ, Дагестан, его родной край стремятся вовлечь в сферу своих интересов три крупные державы – шахский Иран, царская Россия, Османская империя, – Солтанмут ратует за независимость, самостоятельность, национальную суверенность своей родины. В этом контексте им значительное внимание уделяется созданию дееспособной армии, вооруженной лучшими для своего времени видами оружием, налаживаются союзнические институты с определенными княжествами, с целью быстрого вооруженного реагирования на потенциальные внешние угрозы.

В итоге, Солтанмут вырастает до успешного полководца, мудрого правителя, обеспокоенного судьбой родного края, его будущностью. Главный герой, в контексте романов писателя, становится символом свободы и независимости, борца за интересы родного народа.

В романах Б. Атаева главный герой, как это свойственно историческим произведениям, посвященным реальным лицам далекого прошлого, преподносится в идеализированном свете. При этом в оценке его деятельности акценты делаются на тех аспектах, которые созвучны времени написания произведений. В конкретном случае – это борьба за объединение кумыков, отстаивание своей национальной идентичности. Как отмечено выше, в этот период наблюдалась активизация национального самосознания, усиление интереса к национальным истокам, героической истории. В этой связи удачная расстановка акцентов, определявшаяся как реалиями воспроизводимой эпохи, так и детерминированная современным состоянием общества, обусловила актуальное звучание романов Б. Атаева.

В романах Б. Атаева наблюдаются эпизоды, которые имеют особую значимость в плане отражения их идейного содержания, художественных концепций писателя. Автору важно продемонстрировать, что Солтанмут был с юных лет искусным воином, доблестно проявившим себя в боях с врагом. Именно в этой ипостаси он предстает в одном из начальных эпизодов романа «Младший сын шамхала», в котором обрисована битва за освобождение древнего города-крепости Дербента от власти шахского Ирана. Юный по возрасту главный герой романа демонстрирует на деле свои смелость, решительность, мужество, характерную ему не по годам рассудительность, лидерские качества.

Незаурядные воинские доблести Солтанмута воспроизводятся в эмоционально-пафосном ключе: «<…> Солтанмут саблей взмахивает и валит оземь первого из сарбазов (иранских воинов – М.Г.), затем – второго, третьего. Рубя на куски попадающихся ему на пути иранских воинов, Солтанмут устремляется в гущу боя» («<…> Солтанмут сарбазланы биринчисине, сонг экинчисине, уьчюнчюсюне серпе, авдара. Сарбаз асгерлилени къаршы гелген-гелгенин чархлай туруп Солтанмут урушну къалынына гире»; здесь и далее подстрочные переводы наши – М.Г.) [1, 48–49]. Победа, одержанная в этой битве, способствует росту авторитета Солтанмута как воина, радетеля интересов родного края, его независимости.

Однако в последующем, в русле отражения эволюции центрального образа, Б. Атаев значительное внимание уделяет его изображению в качестве мудрого правителя. Тот факт, что спустя немного времени с момента создания им княжества в селе Эндирей, этот населенный пункт стал крупным торговым, экономическим, культурным центром северного Дагестана, что отражено и в документальных источниках, свидетельствует о многом. Будучи последователен, автор стремится продемонстрировать повседневную жизнь и быт жителей княжества, показать то, чем прирастало их благосостояние. Писатель воздает должное воспроизведению полевого труда, труда разного рода ремесленников. Но при этом наиболее существенной видится изображение рынков, которыми был славен Эндирей. На его рынках местные жители торгуют «зерном, пчелиным медом, сухофруктами, корнями растений, используемых в качестве красок, шкурами диких и домашних животных. Кумыкским покупателям русские купцы привозят веревки из конопли, льняные ткани, огнестрельное оружие, изделия, посуду из железа» («<…>ашлыкъ, жибин бал, къакъ емишлер, бояв тамур, къыр жанланы терилерин, уьй гьайванланы гёнлерин сатып ала. Къумукъ алывчулагъа рус купецлер кендир йип, кетен къумач, тюбек от, атылагъан савут, темир алатлар, савут-саба гелтире») [2, 7]. В романе подчеркивается мысль о том, что на фоне торговцев из близких и дальних краев

желанными гостями были русские купцы, которые привозили самые востребованные для местных жителей товары.

Согласно авторской концепции, сама жизнь диктует княжеству определенный вектор общественного, политического развития. Если поначалу Солтанмут в равной мере отстаивал независимость родного края от окружающих его крупных держав, то в скором времени приходит осознание того, что время диктует необходимость налаживания добрососедских отношений с Россией. В романе «Солтанмут» обстоятельно освещаются поездки главного героя в крепость Терки, являвшуюся форпостом России на северо-восточном Кавказе, с прошением о принятии своего княжества в ее подданство. В итоге в 1616 году после очередного обращения такое прошение было удовлетворено.

В ходе повествования неоднократно устами Солтанмута подчеркивается, что будущее родного народа, сохранение его национальной идентичности заключается в дружбе и единстве с Россией. Символично звучащее логичным апофеозом в заключение романа «Солтанмут» завещание достигшего преклонных лет центрального образа своему сыну Казаналипу, заменившему его на княжеском троне: стоять на страже интересов родного народа и жить при этом в мире с русскими.

Идейная суть образа, пафос романа, оказавшиеся созвучными времени создания произведений, стали факторами, обеспечившими их читательский успех, по большому счету их своевременное художественное звучание. Важным предстает то, что пафос органично вытекает из удачно выстроенной композиции, благодаря художественным средствам, обусловившим убедительность образа известной личности, воспроизведенной на фоне судьбы народа, картин минувшей исторической эпохи.

В этом контексте показательны включаемые в романное повествование формы домысла и вымысла, придающие полноту и обстоятельность изображению прошлого. В частности, примерами домысла являются детализация биографии Солтанмута (с кем дружил, с кем конфликтовал), конкретизация отмеченных выше событий, диалоги исторических лиц, монологи главного героя. Помимо этого, основная сюжетная канва романов обрастает, дополняется вымышленными побочными сюжетными линиями, образами, которые высвечивают рельефно исторический фон, придают повествованию романный характер, эпический размах, активизируют его художественное звучание. В одних случаях события и персонажи, в той или иной мере причастные к центральному герою, дополняют его портрет, призваны четче высветить его образ, в других – оттеняют национальный исторический колорит, обусловлены стремлением подчеркнуть документальную основу, достоверность романов, в-третьих – вызваны целью придания увлекательности романному действу. В целом, содержание романов Б. Атаева дает основание считать, что исторические реалии и авторские домысливания сочетаются в разумных пропорциях и существенно не противоречат друг другу.

В романах Б. Атаева наблюдается использование различных средств: сюжетной инверсии, пейзажных зарисовок и др., сообщающих повествованиям увлекательность, интригу, придающих им определенную эмоциональную тональность. Исторические экскурсы писателя в более ранние, по сравнению с воспроизводимой эпохой, периоды, отступления от основной канвы сюжета имеют характер вставных эпизодов и выполняют, как это свойственно произведениям исторического жанра, существенные композиционные, художественные функции.

Следует отметить, что в романах Б. Атаева впечатляет их языковая составляющая. Писатель стремится соблюсти баланс между «военной» и «мирной» деятельностью Солтанмута; батальные сцены в романах органично сочетаются с изображением повседневного быта жителей Эндиреевского княжества. В этой связи автором вовлекается в оборот значительное количество лексических единиц архаического характера, историзмов, иноязычных слов. В их числе фигурируют виды оружия, одежды, пищи, дающие представление об изображаемой эпохе.

Языковая архаика находит выражение не только в отдельных лексических единицах, но и в сравнениях, фразеологизмах. Например, сравнением «твердый, как сталь» («болатдай къатты») подчеркивается решимость, несгибаемость характера персонажей, сравнением сабель, мечей с молнией («яшмындай йыртыллайгъан» – «блистающие словно молния») оттеняется стремительность боя, его напряжение и переменчивость. Словом, подобного рода выражения, имеющие устойчивый характер, в историческом произведении наполняются определенным смыслом. По существу, автором вовлекаются в оборот устойчивые образы, закрепленные в устно-народном творчестве, являющиеся традиционными в национальной словесной культуре. То есть в контексте исторического романа оттеняется их архетипическое значение.

Определенное созвучие подобным характеристикам имеет место в оценке персонажей, участвующих в батальных сценах, которые пе-

рекликаются с национальным фольклорным, устно-поэтическим наследием. В частности, главный герой Б. Атаева, как, впрочем, и его соратники, бесстрашен, отважен, ловок: он смело вступает в бой, оказывается нередко в его гуще; чуть ли не каждый его взмах саблей – это смерть врага. При этом он облекается в культ воина-победителя, лидера-освободителя.

Данные аспекты поэтики романов Б. Атаева восходят своими истоками как к национальному фольклору, в частности, так и восточным традициям в целом. В этой связи нам представляется, что архетипы народной, словесной культуры, в данном случае применительно к произведениям, посвященным далеким пластам исторического прошлого (при всей их кажущейся прямолинейности), наполняются глубинным смыслом. Вбирая в себя ментальные характеристики национального сознания, они имеют действенность на эмоциональном, художественном, эстетическом уровнях.

Аналогична функциональная, нравственно-эстетическая значимость включенных в романное повествование пословиц. В произведениях Б. Атаева они являются одним из часто используемых изобразительно-выразительных средств наряду с архаизмами, сравнениями; только в первом романе («Младший сын шамхала») их число составляет около полусотни. И это представляется неслучайным. Ведь в паремиях отлиты национальные морально-нравственные ценности, выработанные в течение многовекового развития. *Показательны пословицы, связанные с оружием, сражениями, конфликтами: «Отважному рабу (слуге) не знать беды» («Тавакелли къулгъа балагь ёкъ), «Оружие не подведет, если не подведет тот, кто за нее взялся» («Савут тутгъан бузмаса, савут бузмас»), «Сначала рассудок, потом месть» («Гьакъыл алдын, ачув сонг»), «Прощенный враг никогда не прощает сам» («Гечилген душман бир де гечмес»), «Не ступит нога медведя в лес, у которого есть свой лев» («Арсланы бар ормангъа аюв да аякъ басмас») «Война не родит сына» («Давдан улан тувмас»).* Следует подчеркнуть, что применение *такого* рода архетипных выражений, традиционных образных характеристик, архаичной лексики обусловлено именно жанром исторического романа**.**

Таким образом, можно констатировать об осмысленном применении автором средств художественной выразительности, способствующих полновесному отражению исторической эпохи, достижению убедительности в воспроизведении событий и образов далекого прошлого, глубокому постижению национальной картины мира.

Романы «Младший сын шамхала» и «Солтанмут» Б. Атаева являются одними из знаковых исторических романов постсоветского периода в кумыкской литературе. Они символизируют об усилении национального самосознания, национальной идентичности, отраженной обстоятельно в художественной литературе.

Исторические романы Б. Атаева «Младший сын шамхала» и «Солтанмут» имеют ценность не только как факт истории литературы последнего десятилетия минувшего века. Ввиду того, что данная тенденция, – художественного воспроизведения прошлого, вековой и более давности, – не нашла должного продолжения в национальной прозе, романы Б. Атаева и поныне не утрачивают своего значения, ценности, читательской востребованности.

Список литературы

1. Атаев Б. Младший сын шамхала (Шавхалны гиччи уланы). Махачкала, 1991. На кум.яз.
2. Атаев Б. Солтанмут. Махачкала, 1996. На кум. яз.
3. Керимов И. Йырчи Казак (ЙырчыКъазакъ). Махачкала, 2006. На кум.яз.
4. Загиров С.Казак-кровник (Къанлы къазакъ). Махачкала, 2012. На кум.яз.
5. Халилов М. Сали Сулейман. Махачкала, 2014. На кум. яз.
6. Керимов И. Махач. М.,1964.
7. Яхьяев М.-С. Три солнца. М.,1978; Яхьяев М.-С. Три солнца. М.,1985.
8. Ахмедов С.Х. Художественная проза народов Дагестана. Махачкала, 1996.
9. Магомедова З.К. Историческая проза Мариам Ибрагимовой. Махачкала, 2009.
10. Омаршаева Э.М. Дагестанский исторический роман второй половины XX века: самобытность и типологическая общность: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Махачкала, 2011.
11. Гусейнов М.А. Картины эволюции кумыкской прозы 1960–1980-х годов (дополн. изд.). Махачкала, 2012.

Об авторе

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, и.о. зав. отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы, Дагестанский научный центр РАН, malik60@list.ru

УДК 82.091

ПРОБЛЕМА ЧУЖОГО ВЗГЛЯДА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Дёгтева Я. Н.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования феномена чужого взгляда в философских системах различных эпох и творчестве Ф. М. Достоевского.
Ключевые слова: чужой взгляд, Достоевский, диалог, философия, зрительное восприятие, отношения, личность.

THE PROBLEM OF THE OTHER'S VIEW IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT AND F.M. DOSTOEVSKY'S ARTISTIC WORKS

Dyogteva Ya. N.

This paper presents some results of the research of the other's view phenomenon on philosophical systems of various epochs and F. M. Dostoevsky's artistic works
Keywords: other's view, Dostoevsky, dialogue, philosophy, visual perception, relationships, personality.

Как и всякое великое явление культуры, творчество Ф. М. Достоевского как будто отзывается на коллизии того времени, в котором оказывается. В свете научно-технического прогресса в период активного развития так называемого информационного общества чужой взгляд представляется одним из наиболее важных для изучения феноменов. Рассмотрение чужого взгляда невозможно в рамках какой-либо одной науки, сам объект исследования предполагает междисциплинарный подход к анализу. Так, проблема восприятия (в том числе зрительного) «другого» до сих пор остаётся активно разрабатываемой в гуманитарной сфере знания [1]. Эти явления во многом связаны с усилением интереса к внутреннему миру человека, самопрезентации, поиску собственной идентичности. Как следствие стала особенно актуальной проблема зеркального Я, «я-для-других». А эти темы изощренно разыгрываются у Достоевского. Феномен зрительной перцепции в рамках проблемы визуального традиционно раскрывается посредством описания особенностей глаз, их наличия или отсутствия, движений и т.п. Чужой взгляд терминологически определяется двояко: как направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект, так и манера субъекта смотреть (в том числе на себя) отчуждённо (чужими глазами). В художественных произведениях писателя чужой взгляд может быть отрефлексирован самим героем, что отражается в монологических или диалогических самоотчётах, а может быть описан повествователем или другим героем [2].

Как известно, русская литература вступает в диалог с различными сферами знания, например, психологией, культурологией, исторической наукой, философией. Русскую литературу вообще не без оснований считают «философской», во многом потому, что она, как и философия, отражает значимые общественные процессы, отсюда неудивительно обнаружение типологических связей творчества великого писателя с философскими системами различных эпох [3]. С учётом этого художественную прозу Достоевского принято рассматривать не как переосмысление западных или более ранних отечественных принципов и мотивов в литературе или философии, а как полноценный диалог с имеющимися традициями и идеями [4, 5].

В творчестве Достоевского бытие определяется через общение, люди не могут существовать и быть сами собой друг без друга, их сознания взаимозависимы. Например, чужое слово, даже идущее вразрез с их собственным мнением, для многих героев важнее и предпочтительнее последнего. Нередко они осуждают себя, красноречиво опровергают аргументы, приводимые другими людьми в их оправдание, но при этом сопротивляются и тем, кто соглашается с ними самими. В процессе этого противоборства теряется целостность собственного суждения и обретается диалогичность сознания [6]. Таким образом, внешний диалог переходит в диалог внутренний. При этом внешние диалоги могут протекать и в полном молчании, но в рамках системы взглядов [7]. «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [8, с. 300]. Эта и некоторые другие идеи, реализованные в художественной прозе Достоевского, перекликаются с размышлениями отечественных и зарубежных философов разных эпох.

Иными словами, феномен чужого взгляда в творчестве Достоевского следует анализиро-

вать в контексте общения героев. Чтобы состоялся полноценный (в экзистенциальном понимании) диалог, им необходимо установить контакт глаз и принять как схожесть, так и отличия друг друга, взять во внимание сознание другого. Здесь также необходимо помнить, что действующие лица в текстах писателя изображаются с уже усвоенными в процессе онтогенеза паттернами восприятия себя и других, то есть каждому герою свойственен определённый набор особенностей восприятия, некая точка зрения, позиция, с которой он воспринимает окружающих.

В плане понимания бытийного значения чужого взгляда необходимо отметить точку зрения М. Бубера на эту проблему. Он как экзистенциальный философ разработал теорию межличностных отношений на основе концепции диалогического бытия [9].

Так, Бубер предложил различать три вида диалогов:

– подлинный;
– технический;
– монолог, замаскированный под диалог.

Вид диалога можно установить, зная, как люди смотрят друг на друга – как на субъект или объект. При этом необязательна вербализация, иногда подлинный диалог свершается глазами, если люди смотрят друг на друга как на личность, иное существо, взаимно открыты для познания, то есть являются друг для друга «Ты».

Дело в том, что Бубер отмечал двойственность человека и невозможность существования «Я» людей самого по себе (это утверждение созвучно содержательным описаниям взаимоотношений героев Достоевского): «Я» существует только в соотнесении с чем-либо или кем-либо. Исходя из того, с чем (или кем) соотносится «Я», выделяется «Я-Ты» и «Я-Оно». Иными словами, обнаруживается двойственная природа человека в отношениях с так называемым «Ты» и «Оно».

Для человека с позиции «Я-Оно» мир – «не сопричастен процессу познания. Он позволяет изучать себя, но ему нет до этого дела» [10, с. 296]. Безличное знание о мире принадлежит «Я», «Оно» человека не изучает.

Совсем по-другому происходит процесс соотнесения «Я-Ты». В данном случае перед нами мир отношений, бытие между «Я» и «Ты». Человек соотносится с существованием другого. Первичным является не «Я», а именно отношение «Я и Ты». С этой точки зрения, «Я» человека формируется в процессе встреч с «Ты», в череде этих встреч и происходит осознание себя.

Однако не следует думать, что «Ты» – всегда другое разумное существо. Бубер отмечает, что «Ты» можно обнаружить и в неживом предмете. Это зависит от взгляда самого смотрящего человека.

Иными словами, взгляд человека на вещи и других людей может варьироваться в контексте этой теории: на человека можно смотреть как на предмет – «вещный» взгляд, и, наоборот, на животное или вещь можно смотреть как на «Ты».

Взгляд на нечто или некто как на «Ты» имеет свои особенности. Он протекает в настоящем времени, непосредственно, мир «Ты» не имеет связности иной, кроме схождения всех отношений в Центре (все отношения сходятся к Богу, Бог никогда не становится «Оно», при этом является мирообразующим началом), но влияет на восприятие всего окружающего. В отношениях «Я-Ты» человек может делать выбор, игнорировать внешний детерминизм, поэтому обретает свободу.

Субъекты «Ты» и объекты «Оно» не константны, «Ты» со временем становится «Оно». Но в новой встрече с «Я» «Оно» может вновь стать «Ты».

Согласно рассуждениям Бубера, отношения между людьми являются первичными по отношению к «Я», которое формируется во взаимодействии с «Ты». Главное в подлинном диалоге, вовсе не обмен фразами, а принятие инаковости другого, взаимная открытость, взгляд на другого как на «Ты». В таких диалогах человек может быть понят другим, волен поступать независимо от внешних обстоятельств, ведь на вещный мир свой отпечаток наносит другой (как «Ты»), обретает свободу. Для подлинного диалога иногда достаточно смотреть друг на друга, не произнося ни слова. Главное, чтобы человек смотрел на другого как на «Ты», а тот отвечал ему тем же.

В творчестве Достоевского интенсивно проявляются особенности диалога в экзистенциальном понимании, в его связи с чужим взглядом. Например, действующие лица типа Девушкина и Голядкина страдают от того, что более приспособленные к жизни герои не видят в них живых людей, не устанавливают с ними зрительный контакт, чем ставят под угрозу существование материально не обеспеченных героев. Неудивительно, что и сами «бедные люди», находясь в этом неизбежном «бытии-для-другого» не признают самоценности, смотрят на себя «чужими глазами». Но и в мире героев, имеющих, условно говоря, более престижную позицию в обществе, также наблюдаются проблемы с «истинным диалогом». Контакт глаз не спасает от ошибок восприятия. В людях не видят то самое «ты» возможно по причине массо-

вого отступничества от религиозных первооснов, отрицания соборности общества. Иными словами, индивидуальный мировоззренческий кризис сказывается на общественных отношениях. «Ясновидящие», непредвзятые герои типа князя Мышкина оказываются за бортом жизни, так и не усвоив те культурные стереотипы, которыми руководствуются окружающие их лица. «Инаковость» таких героев даже если и понимается окружающими, то не принимается, открытость новому опыту и людям не только не одобряется, но в какой-то мере пресекается. Встреча людей в пространстве современного им социума нередко начинается с оценивания того «вещного мира», который потенциально принадлежит незнакомцу, внешних обстоятельств, в которые он погружён, а также с прогнозирования, на какие ресурсы может претендовать этот неизвестный пока носитель сознания [11, 12, 13, 14].

В этом контексте особенности чужого взгляда у Достоевского включены в систему понимания «натуры человека», становления личности самим писателем. Концепция человека, развитая в публицистике, нашла своё отражение в художественном творчестве. Человек не определяется социальной ролью, но важен духовный компонент, потенциал, пусть ему и не суждено реализоваться в заданных условиях. Кроме того, Достоевский отмечал двойственность человеческой природы, находил её нормальной. Есть личность родовая, а есть – индивидуалистическая. Личность родовая равносильная самореализации. Развитой личности нельзя преследовать узколичные цели, нужно соотносить их с нравственным долгом перед человечеством. Необходимо отдать себя другим, чтобы любить и получать любовь в ответ. По его мнению, развитие личности невозможно в условиях крайнего индивидуализма; для полноценного самоосуществления человеку необходимо быть включённым в общину, братство, при этом как братское начало рассматривается именно любовь в её религиозном смысле. В современном писателю обществе он наблюдал противоборство родового и индивидуального начал [15]. Этот процесс он выпукло показал в своих произведениях: замкнувшиеся на собственном благополучии герои теряют веру, идут против Божьего правила, а глубоко верующие во Христа стремятся к братству и самоотдаче. Развивающиеся, покаявшиеся герои приходят к самоосуществлению, отказываясь от буржуазных ценностей, постигая свою родовую сущность, духовную близость с миром [13, 14, 16].

Вопросы самоосуществления неизбежно перекликаются с проблемами познания мира и самопознания. В западной традиции эти идеи разрабатывались в том числе в контексте чужого взгляда. Так, А. Шопенгауэром рассматривалась проблема видящего глаза в неразрывной связи с познанием мира в целом. По его мнению, мир есть представление, весь он является объектом для смотрящего. Объекты не существуют без воспринимающего их субъекта. Знания об объекте суть не более чем представления о нём. Эти представления и познаёт субъект.

Таким образом, нет никакого объективного знания. Есть лишь знание о субъективном представлении.

Для того чтобы познавать мир, нужен видящий глаз и рассудок, то есть глаза и рассудок необходимы для формирования представления. Без этих как минимум двух компонентов объекты можно только назвать словами.

По Шопенгауэру, «первый раскрывшийся глаз» – посредник знания о мире. Безусловно, мир существует независимо от человека, но бытие этого мира зависит от вышеуказанного посредника знания. Очевидно, мир не прекращает существования, независимо от того, видят его или нет, но именно миром он становится при условии, что его созерцает видящий глаз.

Согласно учению философа, индивиды существуют для познания [17]. Познавать можно не сам мир, но представления о нём, причём касается это не только мира вещного, но и других людей.

Очевидно, невозможно переоценить роль видящего глаза в философии Шопенгауэра. Можно заключить, что для существования человека как объекта мира необходим видящий глаз, который бы его воспринимал. Мы становимся теми, кто мы суть, при условии, что нас кто-либо видит.

Как и Шопенгауэр, французский философ Ж.-П. Сартр так или иначе обращался к проблеме чужого взгляда, но в отличие от первого, он освещал тему так называемого «взгляда другого» в сочетании с проблемами взаимоотношений человека. В соответствии с его воззрениями, если на нас устремлён чей-либо взгляд, то мы уже не воспринимаем мир, но сознаём то, что нас рассматривают. Чужой взгляд отсылает нас к нам же. Иными словами, мы начинаем чувствовать себя рассматриваемыми, теряем своё расстояние к миру, но обретаем понимание другой стороны мира. Присутствие другого часто сопровождается комплексом негативных переживаний, которые также важны и реальны.

Одна из трудностей понимания – то, что на нас могут не смотреть на самом деле, это может только казаться нам. Однако и в таком случае достоверно то, что мы являлись рассматривае-

мыми, а вот взгляд другого человека – вероятностен. Упомянутые уже негативные переживания, испытываемые при этом, помогают нам определиться в понимании своего «рассматриваемого-бытия», что в свою очередь представляется как вероятность того, что нас рассматривают, а эта вероятность вытекает из достоверности того, что человеческое «я» всегда – «я для другого».

По логике Сартра, взгляд другого заставляет человека осознать, что он существует в нескольких сознаниях, существует для всех живых людей [18]. Взгляд других ставит людей на путь осознания своего «рассматриваемого-бытия» или «бытия-для-другого», заставляет человека обратиться к себе же, условно говоря, является триггером механизма рефлексии.

Можно найти общие моменты с воззрениями Достоевского и вышеуказанных зарубежных мыслителей и в работах отечественного философа С. Л. Франка. Последний много внимания уделил толкованию понятия «мы». В его системе «мы» не просто «я» и «ты», но их встреча [19]. Чтобы осознать значение встречи «я» и «ты», необходимо рассмотреть базовые категории философии Франка.

«Я» – воспринимающий субъект. От его восприятия зависит квалификация окружающих в качестве «ты» и «оно». «Оно» – предмет или существо, на которое смотрят, как на вещь. «Ты» не просто поддаётся анализу или рассматриванию, но и само вторгается в пределы «я», является реальностью, устремлённой на «я».

«Мы» как встреча «я» и «ты» – взаимное вторжение, узнавание себя в другом. При этом важна роль взгляда в этой встрече. Франк отмечает, что убийцы-профессионалы стараются не устанавливать визуальный контакт с объектами своей деятельности, чтобы не увидеть в них «ты», то есть не встретиться с собой. Объясняется это тем, что встреча глаз сразу же устраняет установку на живое существо как на некий предмет [20]. Герой-парадоксалист, страдавший от проблем в установлении отношений с людьми, сам отмечал своё неумение смотреть людям в глаза: «…я всю жизнь смотрел как-то в сторону и никогда не мог смотреть людям прямо в глаза» [21, с. 103].

С точки зрения социальной философии Франка, «мы» первично по отношению к своим компонентам. «Мы» – изначальная целостность, в которой формируются «я» и «ты». Это утверждение базируется на данных филогенеза и онтогенеза человека. Древний человек дифференцировал себя и окружающих за счёт взгляда других. Младенец начинает выделять себя из диады «ребёнок-мать» за счёт направленного на него взгляда матери (или субъекта, её заменяющего).

Для понимания разновидностей чужого взгляда в рамках встреч «я» и «ты» важно знать две основные формы взаимоотношений.

Первая форма – «ты» чуждо или враждебно «я».

Данная форма отношений может быть временной (при первой встрече, когда ещё не знаешь человека, например), либо постоянной. Здесь возможны два варианта.

Первый вариант формулируется следующим образом: «ты» не является «я», но претендует (на самом деле или в воображении «я») им быть.

Отношения похожи на взаимодействие двойников. «Ты» занимает наше место. Часто сталкиваются с такой формой отношений застенчивые люди: они воображают окружающих потенциально опасными и стесняющими свободу. Достоевский описал негативное состояние, возникающее в ситуации встречи двойников: «Морозом подёрнуло у него по спине. Между тем прохожий исчез совершенно, не стало уже слышно и шагов его, а господин Голядкин всё еще стоял и глядел ему вслед» [11, с. 357]; «Рассмотрев без церемонии господина Лужина, Раскольников ядовито улыбнулся, снова опустился на подушку и стал по-прежнему глядеть в потолок» [16, с. 114]; «Иван Фёдорович с первого взгляда на него понял, что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа» [14, с. 242].

Второй вариант – «ты» – «мне-подобное-не-я» [20, с. 51].

Такое «ты» таинственно и непонятно. Соответственно, это «ты» неравноценно «я». Значит, схоже с «оно», обладает признаками предметного бытия, может быть, как конкурентом «я», так и его «орудием». Таким образом смотрела на Степана Трофимовича Варвара Петровна: «… стал наконец … её созданием, даже, можно сказать, её изобретением, стал плотью от плоти её» [13, с. 16]. Герой «Записок из подполья», столкнувшись с противоположным ему крупным, общительным офицером, неоднократно испытывал переживания, вызванные его неравноценностью с оппонентом: «Но я-то, я, – смотрел на него со злобою и ненавистью, и так продолжалось... несколько лет. Злоба моя даже укреплялась и разрасталась с годами» [21, с. 129].

Вторая форма взаимоотношений – «ты» близко (в узком значении – родственно) «я».

То есть это такое «ты», которое находится вне «я», но тождественно «я», его тайна не угрожает, не стесняет. Эта форма отношений

важна для самопознания. Мы находим подтверждение своему существованию вне себя, узнаём себя в других. «Я» выражается во внешнем по отношению к нему «ты». Так, Настасья Филипповна задаёт вопросы князю: «А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? … Что во мне такого остолбеняющего?» [12, с. 89].

По Франку, любовь – онтологическое отношение, она возможна только в таких встречах. В любви люди признают себе подобного другого в его отличии от себя, получая в нём онтологическую опору своего существования. «У меня в глазах темнеет; я на тебя как на солнце смотрю», – говорит Ордынов Катерине [11, с. 276].

Отношения «мы» составляют духовную соборность как скрытую основу общественной жизни современного Франку общества. Все социальные институты как бы надстраиваются над соборностью. Общественное единство невозможно организовать, так как «мы» первично и само является источником организации отдельных «я» и «ты».

Нельзя недооценивать отношения «я» и «оно». Эти опредмеченные отношения позволяют укреплять взаимодействие «я» и «ты», дают разумный порядок, в них меньше тайны, поскольку «оно» легче подвергаются изучению и анализу.

В итоге, «я» участвует в отношениях с «ты» и «оно». Причём именно от восприятия «я» зависит квалификация другого как «ты» или «оно». На восприятие человека влияет встреча взглядов, визуальный контакт. Живой взгляд из «оно» делает «ты». Однако взгляд на человека как на «ты» также может быть разным. Во-первых, «ты» как пугающий двойник или нечто неравноценное «я»; оба варианта сопровождаются переживаниями негативного характера, стесняют свободу смотрящего или вызывают желание поработить другого. Во-вторых, «ты» как нечто родное и понятное даёт онтологическую основу существованию человека, такого другого можно любить. Вторая форма встречи «я» и «ты», видимо, даёт основу соборности российского общества.

Иными словами, с точки зрения Франка, как друг на друга люди посмотрят, так они и будут взаимодействовать.

Обобщая столь разные, на первый взгляд, воззрения философов различных эпох и культур, целесообразно отметить, что отношения человека во многом обусловлены его личным восприятием окружающего мира и людей как части этого мира. Для того чтобы опознать человека именно как живое существо, достаточно установить с ним кратковременный визуальный контакт. После того, как мы встречаемся с чужим живым взглядом, от наших внутренних характеристик (например, образа мысли и восприятия) зависит, как мы будем строить с ним отношения. Взгляд «другого» можно интерпретировать по-разному. Поскольку наше «я» формируется в отношениях, то, исходя из прошлого интерактивного опыта, мы оцениваем других людей, а затем строим взаимодействие. Здесь возможны различные варианты: получится у нас встреча по типу полноценного диалога или любви в её онтологическом смысле, или же мы будем стеснены и раздражены этим другим (возможно избегание контакта), или будем преследовать его с целью поработить, сделать своим орудием. Следует учитывать, что как мы оцениваем другого, так и он оценивает нас.

Очевидно, «просто» смотря в глаза другому человеку, мы запускаем эти механизмы, и от того, как мы воспримем друг друга, зависят дальнейшие отношения.

Недопустимо прямо проецировать философские постулаты на материал литературного творчества. Учитывая особенности художественной реальности, нельзя полностью переносить приведённые выше факты и на самоотчёты героев произведений: даже в случае описания взгляда субъектом смотрения не всегда уместно говорить о полноценной апперцепции действующих лиц, так как их поступки изображаются в этическом событии жизни или в заданном автором мире познания. Кроме того, для условного выделения «философских воззрений» в творчестве конкретного писателя требуется анализ, в ходе которого должно осуществляться своего рода транспонирование художественной реальности в плоскость не просто «мыслительную», но абстрактно-логическую. Тем не менее, даже несистематическое обращение к истории философской мысли позволяет обозначить некоторые общие черты чужого взгляда, запечатлённые и в творчестве Достоевского. Философские взгляды при этом соотносятся не столько с мировоззренческими установками писателя, сколько с системой воззрений и поступков героев, выражением их позиции в рамках художественного произведения.

Пользуясь философскими категориями, можно заключить, что в случаях, нередко встречающихся в прозе Достоевского, взгляд действующего лица обращён к человеку либо как к «оно», либо как к неприятному или пугающему «ты»: установка на родное и онтологически близкое «ты» работает редко.

В зависимости от того, какие перцептивные установки усвоил сам субъект зрения, варьируют не только особенности его чужого взгляда на других, но и интерпретация чужих взглядов,

обращённых к нему. Личность при этом рассматривается как социальное качество индивида, в какой-то степени обусловливающее его общность с себе подобными. Человек целостный, «родовой» стремится к достижению надличностных целей, учитывает бытие других людей, ощущает своё единство с ними, несёт религиозные и нравственные ценности в своё окружение, принимает ответственность за себя и даже за других. Его мировоззрение позволяет понимать бытие другого как равное своему, смотреть на окружающих как на «ты», любить их такими, какими их сотворил Создатель. Неудивительно, что умением видеть в испорченном эгоизмом человеке его родовую сущность обладают не все герои Достоевского (как отмечалось, некоторые из них даже не оценивают себя как полноценную личность), а только те, которые несут в себе это качество. Вероятно, объекты и субъекты, чуждые человеку, недоступны не только для его понимания, но и взгляда.

Одним словом, актуальные для современной культурной ситуации проблемы, связанные с чужим взглядом (зрительное самовосприятие, перцептивные установки, построение образа «я-для-других»), оказываются совсем не чуждыми произведениям Достоевского. А междисциплинарное рассмотрение особенностей чужого взгляда в творчестве писателя не только обнаруживает их обусловленность авторской теорией личности, но и позволяет выявить «большой диалог» Достоевского с философской мыслью разных времён.

Список литературы

1. Длугач Т.Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер // Историко-философский ежегодник 2015. Ин-т философии РАН. М.: Аквилон, 2015. С. 191-242.

2. Дёгтева Я. Н. Чужой взгляд: уточнение дефиниции в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Известия ВГПУ. Воронеж, 2016. Т. 272. №3. С. 162-165.

3. Белопольский В. Н. Достоевский и философия: связи и параллели. Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т, 1998. 101 с.

4. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 370 с.

5. Мочульский К. В. Достоевский: жизнь и творчество. Париж: Ymca-press, 1980. 564 с.

6. Бахтин М. М. Проблемы творчества поэтики Достоевского. 5-е изд., доп. Киев: NEXT, 1994. 509 с.

7. Басин Е. Я. «Странный» Достоевский. Антология. Статьи. М.: «СЛОВО», 2013. 280 с.

8. Бахтин М. М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского». М.: Контекст, 1977. С. 300.

9. Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. 173 с.

10. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: Филос. Альманах. М.: Политиздат, 1992. С. 296.

11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы.1972. 517 с.

12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. Т. 8: Идиот: роман в 4 ч. 1973. 509 с.

13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. Т. 10: Бесы: роман. 1974. 519 с.

14. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. Т. 14: Братья Карамазовы: кн. I - X: роман в 4 ч., с эпилогом. 1976. 510 с.

15. Белопольский В. Н. Достоевский и другие. Статьи о русской литературе. Ростов н/Д: Foundation, 2011. 250 с.

16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. Т. 6: Преступление и наказание: роман. 1973. 425 с.

17. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Харвест, 2011. 848 с.

18. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 638 с.

19. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.

20. Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.

21. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. Т. 5: Игрок; Повести и рассказы. 1973 .407 с.

Об авторе

Дёгтева Ярославна Николаевна – аспирант, кафедра русской литературы, Воронежский государственный университет, Dyogteva@phil.vsu.ru

УДК 808.5+82.091

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Кирсанов М.А.

В статье представлен анализ риторической структуры одного из ключевых стихотворений М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта», история и обстоятельства создания которого до сих пор полны загадок.
Ключевые слова: Лермонтов, лирика, «Смерть поэта», риторическая структура, поэтический дискурс.

RHETORICAL PECULIARITIES IN M. YU. LERMONTOV'S WORKS

Kirsanov M.A.

This article studies the rhetorical structure of one of M.Yu. Lermontov's key poems "Death of the Poet". The history and the circumstances of its creation show that elegy was consciously rebuilt by the author in a prophetic satire.
Keywords: Lermontov, lyrics, "Death of the Poet", rhetorical structure, iambic discourse.

Об особой миссии поэта писали все выдающиеся мыслители, начиная с Аристотеля, который одним из первых обратил внимание на то, что «…в поэзии предпочтительнее невозможное, но убедительное возможному, но неубедительному». В новые времена данное утверждение стало основой для формулировки образной природы литературы. Структура художественного образа, по мнению большинства современных теоретиков, в отличие от научно-логической картины мира, присуща исключительно художественному мышлению, допускающему «множественные переходы между вещами, их частичное совмещение, такую связь, где нет ни тождества, ни противоположности, а есть взаимопревращаемость, сходство в различии».

Антитезой поэзии в античности служила риторика с ее четкой аргументацией, продуманной композицией, системой выразительных средств и… рифмой. Рожденная софистами и закаленная в судебных спорах, риторика стала мощным орудием воздействия на слушателя в противоположность эстетическому наслаждению красотой, словно по наитию, создаваемому автором поэтического произведения [6].

В античности риторическое и аргументативное начала были слиты воедино, как политика и судебное красноречие. В поэзии же логические построения долгое время считались необязательными и даже вредными для выразительности стиха.

Позже отношение к «практической» риторике и «описательной» поэтике существенно изменилось: «Уже поэтика Возрождения не допускает существования не охваченной риторическими моделями литературы <…> В XVII век литература вступает, представляя собой осознанное поэтико-риторическое единство». В эпоху классицизма слияние риторики и поэзии становится безусловным, «риторичность слова в данный период даже усиливается, т.е. оно подчеркнуто выступает как оформление и обозначение литературы» [6].

Кумиром юного Лермонтова был Пушкин. Мы точно не знаем, виделись ли они, об этом он ничего не писал. Наступил январь 1837 года. В Петербурге, за Черной речкой был смертельно ранен Александр Сергеевич Пушкин. Лермонтов в это время лежал больной, но к нему дошла скорбная весть о гибели любимейшего поэта. Нашлись такие, кто всю вину сваливал на самого Пушкина. Мол, доигрался, дескать, Дантес прав во всем, ибо дрался за свою честь. А Пушкин уж слишком возгордился. Да и Наталья Николаевна не без греха, кокетлива, мол, сверх меры, сама сохла по Жоржу Дантесу. И как всю эту великосветскую мерзость мог слушать Лермонтов [5]!

«По силе мысли, по сжатости и точности стихотворение «Смерть Поэта» можно назвать поэтической прокламацией», – считал Георгий Гулиа. В нем раскрыта истинная подоплека трагедии, сотканной грязными руками великосветского общества, до конца обнажена общественная, политическая и государственная сторона преступления на Черной речке.

Стихотворение «Смерть Поэта» до сих пор вызывает споры относительно природы его пафоса. Представляя собой сложнопостроенное лирическое высказывание, это творение лермонтовского гения, по нашему мнению, может рассматриваться и как пример взаимодействия поэтической и юридической интенций. Оснований для такого подхода, как нам кажется, более чем достаточно. Во-первых, 22-летний Михаил Лермонтов и его окружение воспринимали дуэль и смерть А.С. Пушкина как организованное убийство, а не поединок равных, что послужило поводом для создания шедевра. Во-вторых, само стихотворение, кроме признания его огромной обличительной силы, друзьями и врагами Лермонтова оценивалось как основание «для возникновения конкретных правоотношений» [13, с. 393], то есть

– юридический факт. В-третьих, юридический статус всей ситуации вокруг стихов был придан резолюцией императора на докладной записке шефа III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, результатом чего и стало 44-страничное «Дело по секретной части Министерства Военного департамента военных поселений, канцелярии 2-го стола № 22. По записке генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским, начатое 23 февраля 1837 года и законченное 17 июня 1838».

Основанием для возбуждения этого дела могли стать сразу несколько пунктов из «Свода законов Российской империи» (1832) и, в частности, статья о составлении и распространении письменных и печатных сочинений с целью возбуждения к бунту, которое каралось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы в крепость на срок от 8 до 10 лет. Но, учитывая все обстоятельства, подробно изученные современной наукой, скорее всего, Михаил Лермонтов и его друг Святослав Раевский могли попасть под преследование по статье 238, один как сочинитель, а другой как распространитель пасквилей и подметных писем против правительства, за что подлежали «крайнему истязанию» [12, с. 86]. Но до суда, как известно, дело не дошло и все окончилось высочайшим повелением: «…л.-гв. Гусарского полка корнета Лермантова за сочинение известных <…> стихов перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов и, в особенности, за намерение тайно доставить сведения корнету Лермантову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего гражданского губернатора» [7].

Такой приговор вызывает удивление мягкостью и жесткостью одновременно, так как квалифицирует деяние молодых людей как незначительный проступок, выводя его за рамки уголовной юрисдикции, а с другой стороны, выражает отношение к литературному произведению как к документу, нарушающему некие установления, не отраженные в приказе военного министра графа А.И. Чернышева. Последнее обстоятельство тем более удивительно, что, по свидетельству П.А. Висковатого, первая редакция стихотворения «Смерть поэта» была известна жандармам, но «ни Мордвинов, ни граф Бенкендорф, которому Мордвинов доложил о стихах, ничего предосудительного в них не нашли» [3, с. 336]. И лишь тогда, когда копию стихотворения с эпиграфом и прибавлением анонимно прислали письмом на высочайшее имя с надписью «Воззвание к революции», все моментально приняло дурной оборот [2, с. 361].

Но только ли дело в эпиграфе и прибавлении? Очевидно, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо попробовать взглянуть на структуру и композицию стихотворения, приложенного к докладной записке графа Бенкендорфа, как на документ, содержащий основание для уголовной или иной ответственности (corpus delicti) и в то же время в известной мере претендующий на автономный юридический статус.

В контексте последнего предположения нельзя не отметить, что эпиграф с неопределенной, обозначенной самим М.Ю. Лермонтовым атрибуцией [8, с. 329] – «из трагедии», признаваемый исследователями за перевод из 4 акта трагедии Жана де Ротру «Венцеслав», идентифицируется как прямое обращение к высокому суду (appellatio):

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим;
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Этот элемент заголовочного комплекса, на первый взгляд, выполняет фатическую функцию контактоустановления («phatic communion»), достижения единения с адресатом [10, с. 9]. В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что «эпиграф позднейшего происхождения» и, по мнению большинства комментаторов, «присоединен к стихотворению с целью ослабить впечатление политической резкости заключительных стихов» [8, с. 330], а, следовательно, адресован непосредственно Николаю Павловичу.

Но есть и другая версия. Т.А. Иванова в статье «Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова "Смерть Поэта"» (1970), аргументированно отводя русский перевод А.А. Жандра в качестве возможного источника, указывает на актуализацию в первой строке слова «отмщенье», повторенного дважды и превращающего «просьбу в приказ» [8, с. 103]. Более того, сравнивая эпиграф с текстом трагедии Ротру, Т.А. Иванова приходит к выводу о его оригинальном происхождении: «Подхватив и развив мысль Ротру о суде и наказании преступника как примера для потомства и взяв саму формулу отмщенья, Лермонтов строки монолога Кассандры не повторил. Он их перевел и переделал, сократил, изменил интонацию…» [7] Таким образом, приходится признать что лермонтовский эпиграф является мистификацией (insinuatio), задуманной с целью

возбуждения общественного мнения (publicam opinionem), и его следует считать частью целостной авторской композиции, выполняющей не фатическую, а императивную функцию, а именно – давление на власть предержащих. Это существенно изменяет смысл всего текста элегии, придавая ему статус обличительной речи (invective). При этом нельзя не отметить, что по уровню и степени напряженности пафоса эпиграф оказывается ближе всего к 16-строчному прибавлению, образуя совместно с ним законченную в композиционном отношении структуру: в начале – обращение к суду земному, в заключении – к суду небесному, интерпретируемому как «суд потомства». Интонационный строй эпиграфа и прибавления, обращенных напрямую к политическим оппонентам, кардинально отличается от тональности основного корпуса строк, но при этом корректирует несогласованность лирической инструментовки внутри текста («Не *вы* ль сперва так злобно гнали…» ≠ «И прежний сняв венок, – *они* венец терновый…»)

Предположение о том, что между эпиграфом и прибавлением существует определенная структурная связь, подкрепляется и данными стиховедческой экспертизы: эпиграф, насколько можно судить по 6-строчному отрывку, представляет собой драматическую разновидность вольного нерифмованного ямба с доминированием 5-стопных форм, тогда как в заключительных строфах и прибавлении использован рифмованный вольный ямб с доминантой 6-стопного ряда. Белый 5-ст. ямб с небольшими вкраплениями укороченных строк в сознании читателей начала XIX века связывался с новой (романтической) традицией переводов В.А. Жуковским трагедий Шиллера и особенно – с «Борисом Годуновым» А.С. Пушкина, «после которого старый драматический 6-ст. ямб быстро сошел на нет – сперва в книжной драме, а потом и на сцене (несмотря на потребовавшуюся перестройку декламационной манеры)» [4, с. 124].

Таким образом, начало и конец текста стихотворения М.Ю. Лермонтова в списке Бенкендорфа образуют структурно противопоставленные (как старая и новая традиция декламационного поэтического дискурса), но эстетически и семантически актуализированные части, которые существенно переформатируют первоначальный (элегический) замысел автора, придавая произведению в целом статус политической сатиры. В пользу этой версии говорит и оценка шефа III отделения: «Вступление к этому сочинению дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное» [9, с. 486].

В таком композиционном обрамлении нарративно-элегическая часть стихотворения, составляющая 56 центральных строк, уже воспринимается как собственно судительная речь со всеми присущими ей в этой системе координат композиционными признаками: вступление (prooemium), главная часть (probatio), заключение (peroratio), состоящими из соответствующих компонентов.

1) ***Propositio*** – постановка проблемы и нахождение материала (1– начало 9 строки): тезис о гибели Поэта с обвинительной постановкой проблемы убийства. Аргументы здесь еще не представлены и все строится на системе общеизвестных свидетельств, акцентирующих внимание на факте смерти и нагнетающих эмоциональное напряжение за счет амплификационного расширения статуса установления – квалификация происшедшего как умышленного убийства (homicidium voluntarium). Маркируя собой начала строк, слова с мортальной семантикой и коннотацией образуют градационный комплекс с тавтограмматическим выделением звука [п] и эпанафорической кульминацией, подчеркиваемой однородными авторскими знаками пунктуации:

П*огиб* **п**оэт! – невольник чести –
П*ал*, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
П*оникнув* гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и *убит*!
Убит!.. [8, с. 84]

Тема убийства/смерти закономерно становится лейтмотивом всего произведения, пронизывая его в анлауте и коде большинства строф системой стилистически выделенных маркеров (*угас, увял, убийца, и он убит, и взят могилой, сраженный, венец терновый, и умер, замолкли звуки, на устах печать* и другие) и активизируя в сознании читателя инвективную суть всего сложно выстроенного высказывания.

2) ***Controversia*** – определение спорного пункта (9 – 20 строки): прямое называние травли поэта как причины трагедии («Не вы ль сперва так злобно гнали») и косвенное упоминание интимных обстоятельств появления картеля Пушкина («Чуть затаившийся пожар»). В пользу такой трактовки этого фрагмента говорит тот факт, что стихотворение задумывалось как ответ на распространяемые «партией Дантеса» сплетни. Обращает внимание в этом отношении строго хронологическая разработка внешних и внутренних свидетельств, образующих причинно-следственную цепочку событий и поступков: «злобно гнали» – «судьбы… приговор» – «вынести не мог» – «угас… гений». Особенное значение для повышения выразительности здесь имеет

амебейно акцентированная кода строфы («**У**гас… дивный гений / **У**вял торжественный венок»), напрямую связанная с началом 5-й строфы, в которой мотив посмертного гонения актуализирован заменой венка на «венец терновый», вызывающий прямые ассоциации с казнью Христа.

3) ***Signa*** – улики, прямое доказательство (21 – 33 строки, 2 строфа): содержит описание психологического портрета убийцы и реконструкцию события, в которой статус установления (status coniecturalis) – довод «от образа действия» – заменяется на статус оценки (status qualitatis) – довод «от причины», что и составляет разногласие (discordia) с оправдательным обоснованием (firmamentum) действий Дантеса.

В отличие от предыдущей строфы, состоящей из четко артикулируемых строк-формул, эта представляет собой постепенное разворачивание насыщенного обличительным пафосом синтаксического периода (25 – 33 строки) по контрасту с внешне объективным повествованием (21 – 24 строки). Здесь называются орудие (*пистолет*) и способ убийства (*навел удар*). При этом для усиления впечатления в конце строфы также используются анафорические подхваты и синтаксические повторы: («**Не мог** щадить… / **Не мог** понять… / **Н**а что́ он руку поднимал!»)

Обе начальные строфы объемом в 33 строки, написанные 4-ст. ямбом со скрытой формой строфики (7 четверостиший (АвАв и CddC) + 1 пятистишие (eFFFe)), представляют собой своеобразную метрическую реминисценцию: 4-стопный ямб этой модификации доминирует в поэзии А.С. Пушкина, что, естественным образом, напоминает о шедеврах пушкинской лиры. В определенном смысле можно было бы даже говорить о наложении в рамках полиметрической композиции на повествовательный дискурс пушкинского 4-ст. ямба, составляющего большую часть всего текста (с учетом знаменательного последнего четверостишия (53 – 56 строки, conclusio), замыкающего тему смерти Поэта в кольцевую композицию, narratio), элегического дискурса отступления, представленного в 4-й строфе (с доминантой 6-ст. ямба, digressio) и декламационного дискурса вольного ямба, использованного для введения иллюстративного примера (exemplum) в 3-й строфе (4–5–6-ст. ямб, traductio) и для разработки темы посмертной травли поэта в 5-й строфе (6–5–4-ст. ямб, peroratio). В композиционном отношении все эти разновидности ямбического дискурса чередуются по четко выверенной логической схеме, в которой все оказывается построенным по канонам судебного красноречия (genus iudiciale): обвинение, психологический портрет убийцы и жертвы, возбуждение негодования, амплификационное расширение и эмоциональное усиление основных положений, тезис о невозможности искупления вины и о суде потомства.

4) ***Traductio*** – компаративная демонстрация (34–38 строки), состоящая «в рассмотрении сходного явления или случая с целью эристического продвижения, доказательства и обоснования определенного утверждения» [10, с.224]. Продолжая разработку темы дуэли как ритуального убийства, Лермонтов воссоздает описание сцены поединка Ленского и Онегина, в которой вольно интерпретирует выведенные А.С. Пушкиным [8, с.85] характеры:

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Обращает внимание тот факт, что Лермонтов осуществляет семантическую инверсию образа Ленского, выдвигая на первый план романтическую интерпретацию его судьбы. Точно также он поступает и с образом Онегина, необоснованно приписывая ему, как и Дантесу, свойства бретёра (ср.: «Его убийца хладнокровно / Навел удар...»). Таким образом, иллюстрация оказывается фигуральной аналогией, основанной «на сопоставлении неоднородных объектов» [11, с. 236], и может квалифицироваться как паралогизм.

5) ***Digressio*** – элегическое отступление (39 – 44 строки), состоящее из серии риторических вопросов, усиленных анафорическим повтором вопросительного слова (*Зачем…*). Выполняя функцию переключения внимания, одновременно это отступление развивает тему «приговора судьбы» и дополнительно характеризует Поэта как мудреца («Он, с юных лет постигнувший людей»). В результате глубокой и последовательной синтаксической инверсии в рифменной области оказываются качественные прилагательные, образующие в этой строфе тернарного типа (AAbCCb) амплификационную систему эпитетов, усиливающих контрастность оценочного ряда.

6) ***Peroratio*** – заключительное слово (45 – 52 строки): представляет собой усиление основных аффектов, которые С.В. Шувалов назвал чередованием двух контрастных эмоциональных «волн»: грусть о погибшем поэте (miseratio) и негодование по отношению к его убийцам (indignatio) [7]. Доминирующий здесь 6-ст. ямб контрастирует с 4-стопной (47 – 48 строки) и особенно – с 5-стопной формой (51 строка), содержащей знаменательное в контексте первых строк эпиграфа слово «мщенье».

7) ***Conclusio*** – заключение (53 – 56 строки): является возвращением к нарративному дис-

курсу 4-ст. ямба 1-й и 2-й строф (метрическая реминисценция) с суммированием (recapitulation) всего сказанного о таланте поэта («Воспетый им с такою *чудной* силой» → «Замолкли звуки *чудных* песен») и кольцевым замыканием темы гибели поэта/певца тавтограмматическим выдвижением, как и в первой строфе, звуков [п] и [у]:

Приют **п**евца **у**грюм и тесен,
И на **у**стах его **п**ечать.

И, наконец, прибавление: 16 строк, насыщенных обличительным пафосом, о чем свидетельствует 5 восклицательных знаков. Структура вольного ямба здесь характеризуется резкими скачками стопности (от 6-ти и 5-ти до 4-х и даже 3-стопных форм), что говорит о высшей степени эмоционального напряжения. Сама система лирической инструментовки (*а вы, вы, пред вами, вам, и вы*) многократно регистрирует объект обвинительного заключения (каковым, собственно, прибавление и является), который уточняется за счет уничижительных перифрастических определений (*надменные потомки, известной подлостью, жадною толпой, палачи, наперсники разврата* и другие) и заставляет не всуе вспомнить концовку другого стихотворения, написанного М.Ю. Лермонтовым [8, с. 136] спустя почти 3 года после смерти А.С. Пушкина:

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

«Железный стих» прибавления, совершенно не предусмотренного элегическим жанром, может квалифицироваться как главный аргумент, в судебном разбирательстве и французской дуэли именуемый coup de grace (завершающий смертельный удар), который однозначно должен был расцениваться адресатами как injuria verbalis (оскорбление словом), как прямой вызов.

Список литературы

1. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М.: АСТ, 2013. 635 с.
2. Боричевский И. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 323–362. (Лит. наследство; Т. 45/46).
3. Висковатый (Висковатов) П. Лермонтов на смерть Пушкина // Вестник Европы. 1887. Кн.1. С. 329–347.
4. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2 изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
5. Гулиа Г. Жили поэты… М.: Известия, 1988. 432 с.
6. Кирсанов М.А. Суггестивное и аргументативное начало в философской лирике М.Ю.Лермонтова («И скучно и грустно…») / П.А.Ковалев, М.А.Кирсанов // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. №2. С. 30-36.
7. Кирсанов М.А. Стихотворение М.Ю.Лермонтова «Смерть поэта» как юридический факт / М.А.Кирсанов, П.А.Ковалев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2015. №1(64). С.137-141.
8. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Н. Ф.Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 386 с.
9. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер. М.: Художественная литература, 1989. 672 с.
10. Малиновский Б. Проблема смысла в примитивных языках // Язык и грамотность в социальной практике. Клеведон: Открытый университет, 1993. С. 1–10.
11. Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н /Д: Феникс, 2008. 637 с. (Высшее образование)
12. Свод законов уголовных. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 561 с.
13. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.

Об авторе

Кирсанов Марк Александрович – аспирант, кафедра истории русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, mark9109@mail.ru

УДК 82.1/.9

РОБИНЗОНАДА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Козьмина Е. Ю.

В статье критически рассматривается специальная литература о робинзонаде и выделяются различные точки зрения на ее жанровый статус: является ли она самостоятельным жанром или разновидностью другого, «базового» жанра. Доказывается, что робинзонада – разновидность географического романа приключений, особенность которого – в сочетании авантюрного сюжета и систематических «географических описаний». Эти композиционные формы появились в робинзонаде под воздействием т. н. литературы путешествий. Робинзонада – исторически первый вариант географического романа приключений, оказавший влияние на возникновение других разновидностей.
Ключевые слова: жанр, географический роман приключений, робинзонада, Д. Дефо «Робинзон Крузо», генезис жанра, инвариант жанра, авантюрная литература.

ROBINSONADE AS A KIND OF GEOGRAPHIC ADVENTURE NOVEL

Kozmina E. Y.

Article critically examines the special literature on Robinsonade and highlights the different points of view on its genre status: it is a separate genre or another kind of "base" of the genre. It is proved that Robinsonade – not a separate genre, and a variety of geographical adventure novel, a feature which combined adventure plot and systematic "geographical descriptions". However, Robinsonade – historically the first version of this genre, fully manifested itself in the novel D. Defoe "The Adventures of Robinson Crusoe" and influenced the occurrence of other species.
Keywords: genre, geographical adventure novel, robinsonade, D. Defoe "Robinson Crusoe", the genesis of the genre, the genre invariant, adventurous literature.

Робинзонада традиционно рассматривается как самостоятельный литературный жанр, описывающий жизнь героя в изоляции (как правило, на острове) в результате катастрофы (чаще – кораблекрушения). Оснований для выделения этого жанра достаточно – это и набор константных признаков, и собственное имя – «робинзонада», появившееся уже в 1798 году [4, с. 113] и огромное количество подражаний и даже пародий [14, с. 39].

Однако существует и другое мнение. Робинзонада, в частности – роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» – представляется неким синтетическим жанром, в котором можно обнаружить самые разнообразные жанровые традиции. Так, А. А. Елистратова пишет: «“Робинзон Крузо” Дефо … в еще необособленном, нерасчлененном виде совмещает в себе множество различных литературных жанров. Это путешествие; это автобиографический роман приключений; это “роман воспитания”; это беллетристическое переложение локковской теории общественного договора и предвосхищение “робинзонад” английской буржуазной политической экономии» [7, с. 112–113]. Немецкие исследователи видят в робинзонаде смешение «романа преобразования», «путешествия», утопии и даже романа воспитания [20].

Ряд ученых рассматривает робинзонаду как вариант другого жанра. Так, например, А. Аникст считает ее «отдельным видом» романа «авантюрно-приключенческого типа» [1]; к авантюрному роману причисляет робинзонаду Соколянский [14] и J. A. Cuddon, последний, впрочем, косвенно: в его словарной статье «Abenteuerroman» («Приключенческий роман») об этом упоминания нет, но в конце автор делает отсылку к готическому, плутовскому роману и робинзонаде, таким образом прослеживая связь этих литературных явлений [19, с. 2]. Еще один базовый жанр, вариантом которого считают робинзонаду, – это морской авантюрный роман [11, с. 50], [2].

Чтобы уточнить жанровую природу робинзонады, необходимо обратиться к ее генезису – к источникам, возникновению «образцового» (канонического) произведения и стереотипным конструкциям, а также к дальнейшему направлению развития.

Образцом жанра, безусловно, следует считать роман Д. Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», появившийся в 1719 году. Однако до этого времени в литературе существовали так называемые «преробинзонады» (термин ввел англ. исследователь П. В. Гоув [цит. по: 4, с. 113] или «ранние произведения» [21]. К источникам робинзонады относят также восточные сказки и античные путешествия [20]. А. Н. Николюкин в словарной статье перечисляет ряд конкретных художественных произведений, играющих роль «преробинзонад»: «роман-аллегорию» Б. Грасиана-и-Моралеса «Критикон» (1651), роман Г. Невиля «Остров Пайнса» (1668), фрагмент шестой книги «Симплициссимуса» Х. Я. К. фон Гриммельсгаузена (1669) [12, стб. 881], а

А. Аникст в качестве первой преробинзонады называет книгу арабского писателя XII века Ибн-Тофаиля «Самоучащийся мыслитель» [1]. Мы видим, что традиции робинзонады, по мнению исследователей, уходят далеко вглубь веков.

Основная сюжетная ситуация преробинзонад – изоляция человека от других людей, причем место действия тоже должно быть изолированным (поэтому и выбирается остров), и там герой в одиночестве создает свою рукопись в форме дневника или мемуаров; кроме того, изоляция эта редко происходит по собственной воле, а чаще в результате катастрофы. Вот краткая схема преробинзонады, изложенная в шестой главе «Симплициссимуса»: «Симплициус после кораблекрушения Обретает камрада себе в утешение … Симплиций на острове один пребывает, А друга своего во гроб полагает. Симплиций кончает другим в назидание На пальмовых листьях рукописание» [5, с. 360].

Однако в романе Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» мы обнаруживаем признак, отсутствующий в преробинзонадах, но без которого классическая робинзонада немыслима, – это система особых «географических описаний»: местности, климата, флоры и фауны. Сам характер и структура этих описаний существенно меняется по сравнению с «ранними робинзонадами».

Во-первых, они даются с особой «идеологической» точки зрения – в кругозоре не обычного наблюдателя-путешественника, а исследователя-профессионала, моряка, естествоиспытателя, натуралиста. Вот небольшие фрагменты из романа «Приключения Робинзона Крузо» в качестве примера: «Когда мы достигли $12^0$18’северной широты, нас захватил второй шторм. Так же стремительно, как и в первый раз, мы понеслись на запад и очутились далеко от торговых путей …» [6, с. 45], «В тот момент, когда мы поравнялись с ее оконечностью, я ясно различил милях в шести от берега со стороны океана другую полосу земли и заключил вполне основательно, что узкая коса – Зеленый мыс, а полоса земли – острова того же названия» [6, с. 34]; «Что касается убитой мною птицы, то, по-моему, это была разновидность нашего ястреба: она очень напоминала его окраской перьев и формой клюва, только когти у нее были гораздо короче» [6, с. 57]. Очевидно, что такие описания может дать лишь человек, обладающий определенными сведениями и навыками; и в романе Д. Дефо есть указание, откуда Робинзон Крузо получил их – от капитана, с которым герой познакомился в Лондоне: «…я, кроме того, приобрел изрядные сведения в математике и навигации, научился вести корабельный журнал, делать наблюдения и вообще узнал много такого, что необходимо знать моряку» [6, с. 19]. Подобные описания мы встречаем и в других романах-робинзонадах, см., например, фрагмент из «Швейцарского Робинзона»: «Особенно живописное зрелище представляли скалы. Они походили на оранжерею, где вместо цветов в горшочках на выступах и в расщелинах росли редчайшие и разнообразнейшие растения, в большинстве своем колючие с сочными плотными листьями: разновидности алоэ, так называемые фиги д’Индия, выбрасывающие роскошные, выше человеческого роста колючие свечки, шипастый змеиный венок…» [3, с. 113]. Приводить подобные примеры можно бесконечно.

Во-вторых, мы обнаруживаем в структуре описания четкие предметные границы [Лобанова. Описание] – каждый элемент в нем отделен от других, не сливается и не смешивается с ними.

В-третьих, эти описания не являются символическими, в них нет второго плана, иносказательности; они точно (в идеале – научно точно) передают окружающую героев обстановку.

Таким образом, можно сказать, что, начиная с романа Д. Дефо, робинзонада определяется уже не только сюжетной ситуацией изоляции героя, его выживания на острове, но и особой композицией, в которой важное место занимают такие композиционно-речевые формы, как «географические описания». И далее мы делаем вывод о том, что пространство в робинзонаде начинает играть более значительную роль, чем в ранних текстах.

В этой связи хотелось бы остановиться на любопытной работе С. Кржижановского «Reise-Roman» [9], которая позволяет проследить, как из «преробинзонад» появляются классические робинзонады.

С. Кржижановский характеризует роман путешествий, вынося в заголовок статьи немецкое название жанра – Reise-Roman. Автор выделяет две основные особенности этого жанра – 1) «единственным “событием” чистого романа путешествий является самый процесс покрытия пути, факт “смены мест”»; 2) «единственный законный герой романа этого типа – само Пространство, как таковое» [9]. Далее С. Кржижановский намечает границы жанра романа путешествий, отделяя его от психологического и приключенческого романов. Противопоставление с авантюрным романом нам особенно интересно. Исследователь пишет: «Роман приключений внешне схож с романом странствий: но на самом деле, в то время, как последний жив пространством, страстно влечется в него, для первого – пространство лишь препят-

ствие, подлежащее преодолению» [9].

Как представляется, робинзонада складывается тогда, когда соединяются эти две противоположные тенденции – приключения, где «пространство лишь препятствие», и относительная автономность пространства, его самодостаточность. Это сочетание впервые проявилось в романе «Робинзон Крузо».

Особое изображение пространства в виде «географических описаний» заимствовано робинзонадой из различных публицистических, документальных и полулитературных источников, что подтверждается учеными, исследовавшими историю создания романа Д. Дефо.

Так, довольно хорошо изучены фактографические источники романа «Приключения Робинзона Крузо» и прежде всего реальная история Александра Селькирка, описанная У. Роджерсом в книге «Путешествия вокруг света от 1708 до 1711 капитана Вудса Роджерса» (1712) [2]. Исследователи также называют в качестве документальных источников романа записи знаменитого капера, пирата, а по совместительству – ученого-исследователя У. Дампира [13], о котором пишут, что он «“точный наблюдатель всех вещей на земле, море и воздухе”, чье произведение «Новое кругосветное путешествие», опубликованное в 1697 году, стало классикой путешествий и приключений» [22, с. 8]. А. А. Елистратова считает, что Д. Дефо обращался также к запискам Френсиса Дрейка, сэра Вальтера Ролея (Роли) и Ричарда Гаклюйта [7].

Следует отметить, что не только эти материалы послужили фантазии Д. Дефо и других писателей. Ориентация на документальность в робинзонаде связана, безусловно, с общей атмосферой времени. Несмотря на то, что эпоха Великих географических открытий завершилась к XVII веку, освоение мира в XVIII веке еще продолжалось полным ходом; Д. Урнов называет это явление «магистральным процессом эпохи» [18, с. 63]. Поэтому «книга Дефо, появившись среди прочей весьма многочисленной литературы о путешествиях, захлестнувшей Англию того времени: подлинных и вымышленных отчетов о кругосветных плаваниях, мемуаров, дневников, путевых заметок купцов и мореходов, – сразу заняла в ней главенствующее положение, консолидировав в себе многие ее достижения и литературные приемы» [13].

Итак, робинзонада появилась благодаря сочетанию сюжетных авантюр и формы документальной литературы, подобной заметкам путешественников и мореплавателей с разнообразными довольно точными описаниями (отметим, что якобы достоверность истории Робинзона Крузо всерьез обсуждалась после выхода романа в свет). Однако достоверность эта мнимая – Остров Отчаяния в тех географических координатах и с теми населяющими его животными и птицами, с его климатом просто не мог существовать: «На остров Робинзона, который Дефо поместил недалеко от Вест-Индии, близ устья реки Ориноко, писатель даже перенес часть той флоры и фауны, которая была на острове Хуан Фернандец (*так в тексте – Е. К.)* и совсем не могла существовать там, где жил Робинзон» [8, с. 315].

Сочетание авантюр и псевдодокументального повествования оказалось настолько плодотворным, что практически сразу же сложился инвариант этого типа романа (под инвариантом понимается «форма или структура, выделяемая интуитивно читателем или реконструируемая исследователем на основе сравнения конкретных произведений, для которых она играет роль воспроизводимого творческого принципа, порождающей модели, используемой автором для создания нового произведения как вариации типического художественного целого» [16, с. 79]). На основе этого инварианта возникло множество различных вариаций и имитаций; исследователи выделяют «детские» и «взрослые» робинзонады, «мужские» и «женские», «национальные», «лесные» и даже «болотные». Структура жанра позволяет вместить и разнообразные «идейные концепции» – от религиозных до дидактических.

Позже появляется целый ряд романов, в основных своих признаках – сочетание авантюр и псевдореальных «географических описаний» – напоминающих робинзонаду, но при этом они очевидно не являются ею: это, например, такие романы, как «Остров сокровищ» Р. Стивенсона (1883); «Затерянный мир» А. К. Дойла (1912), «Земля Санникова» В. Обручева (1924) и целый ряд других. Меняются, прежде всего, цели героев. Так, в «Затерянном мире» Эдуард Мелоун и лорд Джон Рокстон вместе с профессором Челленджером отправляются на плато, чтобы проверить научную гипотезу профессора; то же – в романе «Земля Санникова»: Горюнов с товарищами совершают экспедицию, чтобы найти место обитания онкилонов, т. е. Землю Санникова. В «Острове сокровищ» сквайр Трелони снаряжает корабль, чтобы отправиться за сокровищами капитана Флинта, а в «Детях капитана Гранта» лорд Гленарван ищет пропавшего капитана. Более того, в этот список можно внести и все романы про индейцев, т. к. они тоже сочетают авантюры и «географические описания», но в центре изображения – не освоение острова, как в робинзонаде, а контакты европейцев и туземцев; отсюда и иные,

нежели в предыдущих вариантах, цели героев. Широко распространены и такие разновидности, где все эти признаки успешно сочетаются, например, «Наследник из Калькутты» Р. Штильмарка.

Все сюжеты названных романов – очевидно приключенческие, хотя бы потому, что основное их действие происходит в «чужой» стране (авантюрная литература, как известно, строится на двоемирии: «Изображенное пространство отчетливо разделяется на две сферы: “свой” и “чужой» для героя миры … “Чужой” мир … обусловливает возможность неожиданных, непредсказуемых … событий и поступков» [15, с. 8]), основаны на циклической сюжетной схеме и изобилуют различными препятствиями, которые герои должны преодолеть. Но по характеру устойчивых мотивов и целям героя, а также и по другим признакам художественного целого можно выделить несколько типов романа, которые, вслед за Н. Д. Тамарченко, мы будем называть «географическим романом приключений» [17]. Исследователь формулирует следующие черты инварианта географического романа приключений: 1) место действия – страна, отделенная «от обычного, хорошо известного нам мира; она мало известна, еще не изучена или даже неизвестна вообще», а «главное во всех этих случаях состоит в том, что в экзотической стране возможны такие встречи и события, которые не могли бы произойти в обжитых, цивилизованных странах» [17, с. 157]; 2) авантюры сочетаются с «развернутыми и систематическими (подчиненными единой задаче) географическими описаниями» [17, с. 158]; 3) в описаниях мы ощущаем правдоподобие, «которое помогает читателю “ войти ” в изображенный мир» [17, с. 159].

Н. Д. Тамарченко выделяет четыре типологические разновидности: 1) открытие неизвестного мира; 2) поиски клада или пропавшего человека; 3) строительство «дома» в «чужой» стране (робинзонада); 4) европейцы и туземцы в экзотической стране («колониальный роман»). Робинзонада отличается от перечисленных разновидностей сюжетом освоения «чужого» мира, а также мотивами «преобразующего мир труда» и «защиты нового “дома” от пришельцев» [17, с. 176].

Таким образом, мы видим, что робинзонада – это одна из разновидностей географического романа приключений, а не отдельный самостоятельный жанр. Однако роль робинзонады в представленной типологии особая – именно с нее начинается географический роман приключений, а ее «порождающая модель» становится основой для всех последующих модификаций и вариантов, причем основой весьма продуктивной даже в современной литературе.

Список литературы

1. Аникст А. Робинзонада. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-7181.htm
2. Бабух С. Дефо. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le3/le3-2241.htm
3. Висс Й.-Д. Швейцарский Робинзон // Верн Ж. Собрание сочинений. В 29 т. Т. 9. М.: Ладомир, 2004. С. 5–275.
4. Волков А. Р., Попов Ю. И. Русские робинзонады XIX века // Вопросы русской литературы. Львов: Вища школа. 1987. Вып. 2 (50). С. 112–119.
5. Гриммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. 672 с.
6. Дефо Д. Приключения Робинзона Крузо. Свердловск: Ср.-Уральское кн. изд-во, 1979. 318 с.
7. Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 476 с.
8. Корнилова Е. Даниэль Дефо и его роман «Приключения Робинзона Крузо» // Дефо Д. Приключения Робинзона Крузо. Свердловск: Ср.-Уральское кн. изд-во, 1979. С. 310–318.
9. Кржижановский С. Reise-Roman. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-7053.htm
10. Лобанова Г. А., Гурович Н. М. Описание // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятия. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 152–154.
11. Миримский И. Статьи о классиках. М.: Худ. лит., 1966. 252 с.
12. Николюкин А. Н. Робинзонада // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т научной информации по обществ. наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 881–882.
13. Романчук Л. Особенности повествовательной структуры в «Робинзоне Крузо» Дефо. Режим доступа: http://roman-chuk.narod.ru/1/Defoe_2.htm
14. Соколянский М. Г. Западноевропейский роман эпохи просвещения: проблемы типологии. Киев, Одесса: Вища школа, 1983. 124 с.
15. Тамарченко Н. Д. Авантюрная литература // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятия. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 8–9.
16. Тамарченко Н. Д. Инвариант // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятия. М.: Изд-

во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 79.

17. Тамарченко Н. Д., Стрельцова Л. Е. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений: учеб. пособие по литературе для 5 кл. школ гуманитар. типа. 2-е изд., перераб. М.: Аспект Пресс, 1995. 239 с.

18. Урнов Д. М. Дефо. М.: Молодая гвардия, 1978. 256 с. (Жизнь замечательных людей. … Вып. 4 (575)).

19. Abenteuerroman // A Dictionary of Literature Terms and Literature Theory / Cuddon J. A. New-York: Wiley-Blackwell, 2013. P. 2.

20. Rehm W., Kohlschmidt W. Robinsonade. URL: http://bit.ly/1UmmneT

21. Robinsonade // SF-encyclopedia. URL: http://www.sf-encyclopedia.com/entry/robinsonade

22. Williams G. Naturalists at Sea. Scientific Travellers from Dampier to Darwin. New Haven, London: Yale University Press, 2013. 309 p.

Об авторе

Козьмина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, klen063@gmail.com

УДК 860+821.34.2

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕЙ К. КАСТАНЕДЫ В РОК-ПОЭЗИИ ХЕЛАВИСЫ

Любарский Р. В.

В статье представлен анализ идей Карлоса Кастанеды в контексте произведений представительницы русской рок – поэзии Натальи О`Шей (Хелависы). Сделан вывод о том, что концепция Карлоса Кастанеды оказала непосредственное влияние на творчество Хелависы.

Ключевые слова: Карлос Кастанеда, Хелависа, Наталья О`Шей, рок-поэзия, мотивы воина, шамана как связующего звена между мирами, тумана как барьера восприятия на пути мага, создания реальностей и путешествия в них, сновидения и сновидческой действительности.

ART MODELING IDEAS OF C. CASTANEDA IN ROCK POETRY OF HELEWISE

Lyubarskii R. V.

The article presents the analysis of the ideas of Carlos Castaneda in the context of works of representatives of Russian rock poetry of Natalia O`Shea (Helavisa). It is concluded that the concept of Carlos Castaneda have had a direct impact on the work of Helewise.

Keywords: Carlos Castaneda, Helavisa, Natalia O Shea, rock-poetry, the motives of the warrior, the shaman as a mediator between the worlds, the fog as a barrier of perception on the path of the magician, creating realities and travel in them, dreaming and dreaming reality.

Идеи Карлоса Кастанеды отразились в одном из направлений современной рок – поэзии, которое носит название фолк – рок. Одной из его представительниц является Наталья О`Шей, известная в музыкально – поэтическом мире как Хелависа, солистка и автор песен группы «Мельница». С 1999 по 2004 год работала ассистентом кафедры ирландской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Является кандидатом филологических наук. Ее творчество проникнуто тематикой Средневековой Европы и Древней Руси. Крестовые походы, рыцарские баталии, средневековый мистицизм, обусловленный верой в антропоморфные существа, сжигание инквизицией ведьм, сказочные сюжеты – все это находит отражение в произведениях Хелависы. Совместно с ней группа «Мельница» выпустила такие альбомы, как: «Дорога сна» (2003), «Master of the Mill» (2004), «Перевал» (2005), «Зов крови» (2006), «The Best» (2007), «Дикие травы» (2009), «Рождественские песни» (2011), «Ангелофрения» (2012), «Радость моя» (2013), «Алхимия» (2015). В своем «Зеленом блоге» Хелависа признавалась: «Конечно, я читала Кастанеду. Хорошо, что вы задали этот вопрос, всегда нужно определиться с верностью предпосылок. А то однажды про меня девушка писала диплом, да так здорово писала, что решила, что текст Цветаевой "Богиня Иштар" принадлежит моему перу».

Концепции Карлоса Кастанеды отражаются в одной из ее песен, которая носит название «Дорога Сна». Первая строфа произведения является зачином, претворяющим основной ход событий в стихотворении, положенном на музыку:

Налей еще вина, мой венценосный брат,
Смотри - восходит полная луна;
В бокале плещет влага хмельного серебра,
Один глоток - и нам пора
Умчаться в вихре по Дороге Сна... [2]

В своей статье «Икстлан - Петушки» [10] Виктор Пелевин находит множество связей между книгой Карлоса Кастанеды «Путешествие в Икстлан» и романом Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». Пелевин пишет, что Карлос Кастанеда для путешествия в отдельную реальность использует галлюциногенный кактус пейот, содержащий мескалин, служащий непосредственным расширителем сознания. Однако, Венедикт Ерофеев намекает на то, что главный герой «Москва – Петушки» также находится вне повседневной действительности, описывая призрачность находящихся вокруг него людей. При этом главным катализатором пребывания в параллельном измерении являются «кубанская» водка, розовое крепкое, сложные коктейли, приготовляемые из лака для ногтей и средства от потливости ног. Хелависа в свою очередь пишет о «влаге хмельного серебра», после принятия которого совершается путешествие по «дороге Сна». Серебро, главным образом, характеризует кубок, в котором находится влага, а «луна», также играющая немаловажную роль в песне, восходит над ним. Ее лучи освещают напиток, тем самым выводя его за границы типичного людского восприятия. В «Поэме без героя» А.А.Ахматовой присутствуют строчки:

И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл. [5, с. 365]

Лучи месяца падают на «Серебряный век»,

делая его таковым. При этом, данный период в классической литературе опоэтизирован наравне с луной, и отмечен особым типом творчества, особой тональностью поэзии, оттенком высокого трагизма и изысканной утонченности. Основываясь на этом, вино в произведении Хелависы несет поэтизированную подоплеку и служит средством для вдохновения двух героев в песне.

С одной стороны, напиток, фигурирующий в «Дороге Сна», выполняет усыпляющие функции, заставляя главных персонажей видеть сон, с другой – происходит непосредственное путешествие во сне, вызванное воздействием на сознание участвующих в данном процессе продукции определенного калибра. Употребление вина главными героями произведения Хелависы в качестве расширения сознания обусловлено средневековыми библейскими верованиями, в то, что вино является кровью Христовой по его же словам, произнесенными на тайной вечере. Иными словами, путешествие во сне у Хелависы невозможно без вмешательства вина. Неслучайно автор показывает причинно-следственную связь в собственном произведении:

Один глоток - и нам пора

Умчаться в вихре по Дороге Сна…[2]

Находясь во сне, персонажи песни окунаются в мир средневековой старины:

По Дороге Сна - пришпорь коня; здесь трава сверкнула сталью,

Кровью - алый цвет на конце клинка [2].

Путешествие ведется в духе рыцарского образа жизни со всеми атрибутами, которыми является клинок и преодоление тягот пути на лошадях. У Хелависы не найдешь прямых упоминаний о практиках и магических ритуалах, о которых пишет в своих книгах Карлос Кастанеда. Мир, который предстает в творчестве Натальи О`Шей, имеет романтизированную основу. В центре внимания два персонажа – мужчина и женщина, оставляющие позади повседневность, созданную с точки зрения Библии Адамом и Евой. Реальность «Дороги Сна» существует вне других неслучайно. Помимо общего фона, в ней фигурируют герои, испытывающие друг к другу положительные эмоции. Они являются определенного рода поводом для того, чтобы героям песни остаться наедине. Чтобы максимально обезопасить персонажей от вмешательства извне, которое возможно в любом случае, Хелависа рисует действительность специально для них, создавая обстановку, поддерживающую романтический ореол. В ней косвенным образом описывается культ прекрасной дамы и культ рыцаря, которые являются основой средневековых убеждений. О романтизированной действительности свидетельствуют не только одиночество главных героев, но и присутствующие детали средневекового колорита: «два клинка», скачки на лошадях, упоминания короля и королевы, чародейство. В европейском романтизме авторами активно использовался хронотоп ночи. По мнению различных исследователей, ночь служит укрытием от неприглядной жизни и вносит в нее недостающую гармонию. Как правило, авторы описывают интимную ночную обстановку с использованием света звезд и луны. Красман В.А. в статье «К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме» пишет: «В романтических текстах часто выводится на первый план иллюзорность ночи, её фантастичность, связанная с категорией сна. Возникают проблемы соотношения сна и смерти, сна и иллюзии, сна и яви» [6]. В произведении Хелависы, помимо соотношения сна и яви, которое реализуется в их явном противопоставлении, изображается ночное время суток, в котором на героев падает свет луны, в бокале отражается звезда:

И чтоб забыть, что кровь моя здесь холоднее льда,

Прошу тебя - налей еще вина;

Смотри - на дне мерцает прощальная звезда;

Я осушу бокал до дна... [2]

Противопоставление выражается в соотношении тепла и холода по отношению к крови. Активность жизни, что наполняет человека признаками, благодаря которым его можно отнести к категории «живой», ставится под сомнение. Тем не менее, в бокале, предназначенном для погружения персонажей в состояние поэтической одухотворенности, в виде отражения присутствует звезда. Луна, звезда, ночь вносит в произведение через главных героев состояние внутренней умиротворенности. Звезда сквозь ночь проникает в самые неожиданные места, придавая реальности ощущение таинственности. Однако, героиня, употребляя напиток романтической направленности, пытается забыть, что ее «кровь здесь холоднее льда», тем самым делая мир людей неотличимым от мира сна, возводя в категорию реального сон и явь. Карлос Кастанеда упоминал, что путешествие в мир сновидения основывается на создании «Острова тоналя». Каждый объект определенной реальности воин нагваля проецирует посредством осознания его нахождения как незыблемого компонента, составляющего мир тоналя. При этом, Карлос Кастанеда говорит о том, что проецирование объектов и субъектов

действительности возможно тогда, когда воин полностью поймет сущность истинной природы вещи и направит саму суть своих сакральных внутренних сил для воплощения истинной цели. В мире сновидения Хелависа воссоздает пространственно-временной континуум, характеризующийся расцветом аристократизма и рыцарской добродетели. Она наполняет мир сновидения безудержными конными скачками, звуками и отражениями клинков, относящимися к далеким смутным временам. О создании отголоска средневековой реальности во сне Хелависа пишет строки, говорящие о том, что все это было воспроизведено для двух лиц мужского и женского пола: Это для тебя и для меня - два клинка для тех, что стали Призраками ветра на века [2].

Два человека, фигурирующих в песне, выстраивают эпоху Средневековья с помощью определенных мыслительных операций для самих себя. Исходя из чего, следует отметить необычность данного путешествия во сне не просто как видение чего-то независящего от человека, а как непосредственное управление процессами, происходящими там. Хелависа подчеркивает призрачность нахождения конкретных объектов действительности в строчке: «…два клинка для тех, что стали/Призраками ветра на века» [2]. Карлос Кастанеда в своих произведениях рассказывает об астральном дубле человека знания, стоящем в основе существования любой действительности. По сравнению с созданным предметом абстрактного или конкретного мира вещь, пребывающая в повседневности, кажется более реальной при учете нахождения материальной оболочки человека в ней. Однако, при безграничном усилии мага, направленном на строительство Вселенной, грань между реальностью и ирреальностью стирается. То есть для персонажей Хелависы фигурирующая в тексте произведения «призрачность» является не чем иным, как непосредственная часть реальности мира снов. Астральный дубль человека знания является призрачной субстанцией, а именно той, которая недоступна взору простому смертному. Следовательно, все производное от астрального дубля, как у Карлоса Кастанеды, так и у Хелависы можно считать незримым для различного частного круга лиц с вытекающей отсюда «призрачностью клинков». При этом мир будет оставаться реальным до тех пор, пока персонажи Хелависы не потеряют в этом надобности, который будет оставаться невидимым для всех остальных. С одной стороны, концепт «призрачность» является мнимым отражением двустороннего сновидения, с другой – незримым отражением мировосприятия конкретных людей.

Хелависа противопоставляет нехватку реального времени с долгой дорогой сновидящих:

Так выпьем же еще - есть время до утра,
А впереди дорога так длинна [2].

В центре нашего внимания два смежных мира сновидения: Карлоса Кастанеды и Хелависы. Карлос Кастанеда не определяет четких границ сновидческой реальности. Длина пути сновидцев, с точки зрения автора одиннадцати книг, измеряется собственной мыслью воинов. В зависимости от того, куда проникнет маг, используя восприятие и осознание, отрезок, выделенный для путешествия во сне, расширяется в сторону бесконечности. В творчестве Хелависы происходит существенное отделение «Дороги сна» от реальной жизни:

По Дороге Сна, мимо мира людей, что нам до Адама и Евы,
Что нам до того, как живет Земля…[2]

В песне «Дорога Сна» идет полярное разграничение двух миров: мир сновидения и мир земной. Мир земной представляет собой реальность, в которой существую обычные люди с их повседневными заботами. Мир сновидения – измерение, которое существует вне зависимости от людской повседневности. Причем, персонажи Хелависы ощущают определенную отрешенность от планеты Земля. Путешествие во сне для них – способ отгородиться на время от влияний событий обыденного человеческого существования. Хелависа явно дает понять, что подобные «хождения во сне» возможны только для людей особого типа: «Только никогда, мой брат – чародей…» [2] Чародей – это персонаж фантастических или фэнтезийных произведений, обладающий волшебными способностями. Лишь человек, обладающий сверхъестественным могуществом, способен осуществлять путешествия в мир сновидения. Данный вид силы черпается из духовно – богатой душевной человеческой составляющей. Сновидцы в произведениях Карлоса Кастанеды называются людьми знания, видящими или магами. Автор называет шаманов индейцев яки магами, тем самым приобщая чудеса, которые они творят, к магическим способностям. Главным их достоинством является знание, заключающееся в понимании определенного порядка, с точки зрения которого, построена система мироздания. Мир сновидения у Карлоса Кастанеды соотносится с Вселенной тоналя. Путешествие во сне является одним из способов попадания в альтернативное измерение. Карлос Кастанеда активно сталкивает мир тоналя с миром людей. Мир тоналя, в свою очередь, является следствием отложившейся в сознании мага действительности, которую он воспринимает со своей субъективной точки зрения.

Поэтому видящему доступно располагать на «острове тоналя» предметы живой и неживой материи в произвольном порядке, исключая и добавляя их. В произведениях массовой литературы жанра фентэзи появление вещей из ниоткуда в определенной плоскости приравнивается к колдовству, а точнее, к применению сверхъестественных сил. Карлос Кастанеда активно использует одушевленное производное от слова «магия», чтобы подчеркнуть отличительные особенности людей знания от обычных. Причем, магия в фентэзийных произведениях представляет собой определенной сгусток энергии чародея, идущий из глубины его души. Карлос Кастанеда пишет об энергии, протекающей по всему телу, которую, если сконцентрировать в какой-нибудь точке собственного тела, то возможности человека знания будут практически безграничны. В итоге – магия в понимании Карлоса Кастанеды та духовная высокоразвитость, которая возвышает воина над прочими людьми, позволяющая создавать миры, так как если духовность у него будет на минимальном уровне, то «дыры» в коконе/душе перекроют энергетические каналы. Таким образом, женщина в песне Хелависы путешествует с человеком, обладающим магическими способностями и духовным развитием, черпающим силы из своей внутренней составляющей (у Кастанеды – светимости), позволяющей оставаться на «Дороге Сна». Немаловажный акцент Хелависа делает на взаимоотношениях главных героев определенного характера: «Только никогда, мой брат – чародей, ты не найдешь себе королеву, а я не найду себе короля» [2]. Автор произведения «Дорога Сна» делает своих действующих лиц несчастными в любви. Пока они вдвоем путешествуют во сне, в их душе происходит нравственный обмен, заключающийся в своеобразном замещении личных отношений на хождение во сне вдалеке от повседневной суеты с последующим духовном совершенствованием. Карлос Кастанеда по этому поводу противопоставляет полноту и неполноту человека знания в лице Ла Горды. Карлос Кастанеда говорит о том, что привязанность воину к какому-либо субъекту или объекту повседневной реальности влечет за собой не только недопустимое прочное взаимодействие с ней, но и многочисленные разрывы в энергетическом коконе воина. Привязанность как чувство имеет тесную связь с любовью к кому-либо и чему-либо. Причем, по словам Ла Горды, исходя из примера, связанного с сыном Доньи Соледад, любовь – это одностороннее потребление энергии. Когда человек знания любит, он невольно отдает часть своей энергии другому, тем самым оставаясь в ослабленном состоянии. Люди знания равного могущества подобным паразитическим существованием могут даже убить своего партнера. Именно поэтому героям Хелависы не дано найти себе королеву и короля, так как такое желание недопустимо для магов, берущих силу из собственной души. Персонажи Хелависы должны оставаться максимально полными энергией, если желают находиться в потусторонних мирах как можно дольше. Что касается Ла Горды, ее обучению основам нагвализма мешала привязанность к ребенку. Причем, она, как и потенциальная любовь двух главных героев Хелависы, приравнивается к зацикливанию на определенных проявлениях мира обыденного людского существования. А любое явление данного измерения должно быть на стадии отрицания, так как вне его есть вещи, находящиеся в большем приоритете.

Не менее удачной является песня Хелависы «Воин Вереска». В центре ее внимания непосредственно «Воин Вереска». Однако, основным компонентом произведений Хелависы является мотив двугеройства, который чаще всего выражается в присутствии героя и его возлюбленной. Это связано с внедрением средневековой тематики в произведения автора, которое обуславливается рыцарским культом прекрасной дамы. В высмеивающей средневековую отсталость книге Мигеля де Сервантеса Сааведра «Дон Кихот» показан персонаж, стремящийся ради своей возлюбленной Дульсинеи совершать подвиги. Идеализированный образ существования рыцаря у Хелависы находит отражение в показе воина, уходящего на подвиги различного характера и преданной возлюбленной, которая несмотря ни на что будет ждать его возвращения. Повествование ведется от лица персонажа, уходящего в далекое странствие. Но, несмотря на это, если исходить из его попытки диалогизировать собственный эмоционально – чувственный рассказ, впоследствии начнет вырисовываться образ героини, ожидающей своего возлюбленного:

Я не стою, поверь, чтобы ты слезы лила обо мне,

Чтоб ты шла по следам моей крови во тьме…[3]

Хелависа рисует образ страдающей женщины, которой печально осознавать, что ее спутник может никогда не вернуться назад. Причем, исход заранее неизвестен, следовательно, героиню пугает неосведомленность: если бы было очевидно, что воин вернется назад в целости и сохранности, отсутствовали бы слезы. Однако, в данной ситуации дама понимает, что возможна, как хорошая развязка, так и плохая; поэтому ей больно отпускать лирического героя в неведомое. Сам «воин вереска» представляет собой человека, по его мнению, холодного и

приносящего боль всему живому. Он предвидит трагические последствия, которые случатся с ним в самом конце пути, безграничное горе женщины - героини, при этом преуменьшая достоинства своей личности:

...провожая в дорогу,

Из которой я никогда не вернусь; жди-не жди, никогда не вернусь...

...Я не стою, поверь, чтоб ты слезы лила обо мне...[3]

С одной стороны, он показывает себя с отрицательной стороны, чтобы любящая его девушка поняла, что в их отношениях нет будущего, с другой – «воин вереска» не хочет, чтобы она испытывала чувство безграничного горя, которое легко может перейти в ее внутренне – личностную трагедию, а, возможно, иметь следствие в определенных внешне-физических проявлениях. Хелависа вводит песню третье лицо – автора, находящегося в тексте произведения в изолированном положении в отличие от двух других персонажей. Он обращается к лирической героине, говоря о воине в третьем лице, при условии, что он на протяжении всей песни ведет речь от первого лица с помощью местоимения «я». При этом, автор считает, что чувства женщины настолько сильны, что она непременно отправится на бессмысленные поиски «воина вереска»:

И не ищи - ты не найдешь следов,

Что Воин Вереска оставил, уходя [3].

Итак, основе песни «Воин Вереска» - опасное путешествие героя. В этом произведении Хелависа показывает экзистенциальное одиночество основного персонажа. Автор поэтически воссоздает индивидуальный характер пути воина, тем самым делая упор на невозможности лирической героини следовать за ним. Метафорическое следование по лезвию дождя предусматривает индивидуальность жизненного предназначения человека.

Песня Натальи О`Шей «Шаман» также наполнена намеками на творчество, а точнее, на идеи Карлоса Кастанеды. Произведение начинается с описания беспокойного состояния природы:

Солнце над озером

Плавало в тумане свежей кровью

Среди синего молока.

Плачут волки за далекой сопкою –

Знать, дело в осени.

В стойбище им лайки вторят воем...[4]

В произведении Карлоса Кастанеды «Сказки о силе» воины, находящиеся на краю обрыва, слышат лай собаки. «Прислушайтесь к этому лаю, - сказал дон Хуан. - Именно так моя любимая земля помогает мне привести вас к этой последней точке. Этот лай - самая печальная вещь, которую может услышать человек» [1, т.4, с. 459].

Карлос Кастанеда утверждает не просто единение шамана с силами природы, но и с ее живыми организмами. Автор прикрепляет определенное животное к шаману, которое обладает определенной магической силой. Исходя из такого единения, происходит обмен ощущениями между двумя его субъектами. То есть животное чувствует внутреннее состояние человека знания и наоборот. Карлос Кастанеда осуществляет полное слияние субъектов силы, в ходе которого маг становится неотделим от своего товарища из мира природы. Неслучайно дон Хуан произносит фразу: «Человек кричит через свою собаку, поскольку они являются компаньонами по рабству на всю жизнь, выкрикивая свою печаль и свою запутанность» [1, т.4, с. 459].

Шаман индейцев яки склонен выражать свои эмоции, ненадолго переселяясь в животный организм, посредством плавного переноса астрального дубля. Карлос Кастанеда приобщает данный магический феномен к любви воина к земле. Именно когда человек знания относится к ней с благодарностью, к материи, из которой он черпает силу, она отвечает ему различными проявлениями окружающего мира. К примеру, лаем собаки. Однако, собачий лай носит печально – угнетающий характер. По мнению Карлоса Кастанеды, воин через собаку «выкрикивает свою печаль и свою запутанность» и «молит свою смерть прийти и освободить его от тусклых и унылых цепей его жизни» [1, т.4, с. 459]. Это ознаменовано переходом видящих в творчестве Карлоса Кастанеды со стороны повседневного рутинного существования в область, где перед ним откроются множество нового и неизведанного. Человек, кричащий через лай собаки, осознает гнетущую повседневность, как нечто сковывающее человеческую душу, как то, что ограничивает его возможности. Поэтому дон Хуан произносит: «Именно так моя любимая земля помогает мне привести вас к этой последней точке» [1, т.4, с.452]. Подведение к краю, который отделяет жизнь простых людей и вселенную тоналя/нагваля, ознаменовано несостоятельностью действительности людей, заставляющей постоянно зацикливаться на ней как на единственно возможной и существующей. Описание состояния окружающего мира в песне Хелависы предваряет строфу, в которой говорится о количестве миров шамана, тем самым говоря об экзистенциальной сущности обыденного мира. Для этого автор вводит не только плачущих волков, но и вторящих им лаек. Таким образом, Хе-

лависа показывает безысходность, проявляемую в жизни людей, намекая на должное отсутствие концентрации на подавляющих человеческий дух многочисленных жизненных факторах. Это обусловлено тем, что шаман считается посредником между двумя реальностями: живых и мертвых. В песне «Воин Вереска» также присутствует вой: «Над болотом туман, волчий вой заметает следы…» [4] Данная начальная строка произведения задает его основной тон, который выражается в заведомой экзистенциальной направленности всего стихотворения. Воин Вереска отправляется в дорогу, из которой никогда не вернется, при этом ему больно оставлять даму, которая будет его ждать, несмотря на неблагоприятный исход. Волчий вой, фигурирующий в песне, «заметая следы», передает преобладающее настроение лирического героя. В толковом словаре «вой» имеет значения: 1. Продолжительный протяжный крик некоторых животных. 2. разг. Громкий, протяжный плач [9, с. 145]. Плач характеризует печальное эмоциональное состояние воина, связанное с грядущим одиночеством и связанными с этим душевными томлениями героини, косвенно присутствующей в песне. Одной из важных пейзажных деталей стихотворения Натальи О`Шей «Шаман» является метафорическое описание солнца:

Солнце над озером
Плавало в тумане свежей кровью
Среди синего молока [4].

Карлос Кастанеда в книге «Сказки о силе» [1, т.4, с. 461] пишет о шаре света, который он увидел, когда его глаза «расфокусировались». Шар света – производное явление любви дона Хенаро к Земле. Когда дон Хенаро провел ритуал, заключающийся в высказывании Земле хороших чувств, она ему ответила шаром света, прошедшим сквозь бенефактора Карлоса Кастанеды. Действие шара автор описывает как скольжение по пространству, в котором собрались воины нагваля. При этом, дон Хуан произносит: «Любовь Хенаро – этот мир…Он только что обнимал эту огромную Землю, но поскольку он такой маленький, то все, что он может сделать, - это только плавать в ней» [1, т.4, с. 450]. Плавание в Земле дона Хенаро способствует безграничному преумножению его шаманских способностей. То есть планета снабжает его тем, без чего не может существовать любой шаман, в ответ на проявление любви к ней. В песне «Шаман» посредством глагола «плавать» и солнца, которое является альтернативой светящегося шара, показывается непосредственная связь шамана с планетой Земля и всем тем, что имеет к ней отношение различной степени важности. Вторая строфа песни начинается с синонимичного обозначение рода деятельности главного персонажа:

Он колдун, он ведун, он шаман, он проклят
Сам собою в трех мирах [4].

«Проклят сам собою» означает намеренное принуждение себя к различному роду деятельности при негативной коннотативной окраске. Другими словами, шаман обрек себя на существование в трех мирах, к которым он испытывает неопределенного вида неприязнь. Карлос Кастанеда различает вселенную тоналя/нагваля и мир обычных людей. В произведениях автора ведется речь о мире неорганических существ или о мире сновидения. С одной стороны, мир сновидения и мир тоналя и нагваля – неотделимо смежные понятия, так как путешествие во сне – один из способов создания Вселенной тоналя. С другой – они предстают как две разных действительности, одну из которых приходится создавать с нуля, при этом, вторая является обителью союзников или неорганических существ. Мир тоналя в некоторой степени можно отделить от мира нагваля. Действительность нагваля априори стоит выше острова тоналя и представляется субстанцией, которая создается более сильным магом – нагвалем и поддерживает существование иных измерений. Нахождение шамана Хелависы в трех реальностях может быть связано с традиционной трактовкой, которая делает его посредником между миром духов и миром живых, а третий мир, с точки зрения логики, - пространство между первыми двумя, именуемое пустотой. Потому что, когда шаман связывает две действительности, он фактически находится вне их, то есть между ними. Карлос Кастанеда находился на краю обрыва, при этом покончив с прошлой повседневной жизнью и готовясь окунуться в новую – остров тоналя. Однако, мир духов, о котором говорится практически во всех мифологиях народов мира, где существуют души умерших, имеет точки соприкосновения с кастанедовским миром неорганических существ. Неорганическое существо или союзник представляет собой материю, являющуюся чистым сгустком энергии определенного цвета, не имеющую телесную оболочку. Дух – сверхъестественное бесплотное существо. Следовательно, он воспринимается как различного рода энергии, собирающиеся вместе. Персонажа Хелависы в некоторой степени характеризует его прямая речь, введенная в стихотворение:

Он говорил слова:
«Как не вспомнит солнце земля зимою,
Так не вспомнить и мне его» [4].

У Карлоса Кастанеды подобную роль выполняет галлюциногенный кактус пейот, однако, в произведениях автора дон Хуан Матус вводит своего подопечного в ирреальный мир посредством звуковых колебаний, слегка напоминающим крик. При этом, шаманы индейцев яки или толтеки в действительности использовали бубен и иные ударные инструменты для обрядов магического характера. Упоминание оленя с семью рогами напрямую связано с путешествиями в потусторонний мир. Сибирские шаманы носили майхабши - головной убор, состоявший из железного обруча, увенчанного пластиной с концами, загнутыми в виде оленьих рогов. Причем, носить его разрешалось только шаманам высшего пятого уровня. Они владели искусством левитации, общения с духами и перехода в другие измерения. Иными словами, герой Хелависы – путешественник между реальностями, способный взаимодействовать с духами различного происхождения. Более того, находясь в реальности духов, шаман в случае опасности мог превращаться в оленя и отбиваться от враждебных астральных форм рогами. В творчестве Карлоса Кастанеды встречаются союзники или неорганические существа, настроенные агрессивно по отношению к магу, путешествующему между реальностями. Эти существа всеми силами пытались отнять способности у мага, тем самым получить телесную оболочку, а самого человека знания оставить навсегда в собственной обители. В книге «Гарри Поттер и узник Азкабана» [7, с. 230] Дж. Роулинг показала мальчика, обладающего магическими способностями, Гарри Поттера, который защищался от дементоров (враждебных духов-существ, высасывающих из людей жизненные силы) заклинанием «Патронус», в ходе которого из волшебной палочки вылетал олень, прогоняющий их. Отец Гарри Поттера Джеймс был анимагом, то есть умел превращаться в оленя. Шаманы индейцев яки носили оленьи головы, веря, что они помогут им при постижении иных границ восприятия, притом, что у Карлоса Кастанеды данная неотъемлемая часть индейской культуры не описывается. Однако, в книге «Путешествие в Икстлан» [1, т.3, с.387] он описывает историю человека, отказавшегося от духа – хранителя оленя во имя материальной выгоды. Толтеки использовали подобные головные уборы при исполнении танцев, которые Карлос Кастанеда в своих исследованиях назвал бегом силы или последнем танцем воина, зрителем которого является сама смерть. В мифологии индейцев яки олень считался образом могучего зверя – прародителя племени, родственника и покровителя. Славянская мифология также не обошлась без обожествления оленя: «У славян олень считался олицетворением предков. Олени переносили души умерших в потусторонний мир, множество их изображений было найдено на стенах древних ритуальных пещер» [12]. Последняя строфа песни Хелависы содержит строчки:

…А лайки рвутся с цепей,
А в их глазах небеса [4].

Карлос Кастанеда писал: «Когда воин ждет, он насыщает глаза миром...» [1, с. 345]. Подобно лайкам, шаман или воин ждет удобного момента, чтобы сбежать из удушливых объятий повседневности в миры, стимулирующие высший духовный рост человека знания. Побег из измерения людей у Карлоса Кастанеды состоялся в виде прыжка в бездну, через которую он попал во вселенную нагваля. Однако, пока воин находится в предвкушении этого заветного мгновения, он должен впустить в свое сознание те составляющие части, которые приводят в движение мир. Человеку знания требуется осознать структуру данной человеческой реальности, чтобы быть готовым к созданию собственной. Выражаясь другими словами, в глазах видящего должна отразиться планета Земля во всем ее многообразии. Л.Н.Толстой говорил, что «глаза – это зеркало души». Исходя из этого, составные части мироздания, те, что делают его таким, какой он есть, должны плотно укорениться в энергетическом астральном дубле человека знания. С другой стороны, строки Хелависы об отражении в глазах небес тесно связаны с кастанедовской любовью дона Хенаро к миру. Воин нагваля впускает в себя красоты планеты, тем самым наслаждаясь ими и проявляя чувства безграничной радости. Таким образом, дон Хенаро наполняет свою 0 внутреннюю составляющую силой, основанной на любви к Вселенной, что делает его непревзойденным бенефактором и учителем – нагвалем.

Таким образом, идеи Карлоса Кастанеды нашли отражение в текстах Хелависы в качестве мотивов воина – рыцаря нагваля, шамана как связующего звену между мирами, тумана как барьера восприятия на пути мага, создания реальностей и путешествия в них, а также в теме сновидения и сновидческой действительности.

Список литературы

1. Карлос Кастанеда. Собрание сочинений в 11-ти томах. Издательство «София». М., 2013.
2. http://lyrcs.ru/tracks/2157975353/Дорогасна
3. http://lyrcs.ru/tracks/2157973445/Воинвереска
4. http://lyrcs.ru/tracks/2157976754/Шаман
5. Ахматова А.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. М, 1998.
6. Красман В.А. К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме // Молодой учёный. 2011. №5. С. 32-47.
7. Дж. Роулинг. Гарри Поттер и Узник Аскабана. М., 2015.
8. Велимир Хлебников. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. СПб., 2001.
9. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
10. http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ixt/1.html
11. http://www.lib.ru/INOFANT/HAKSLI/doors.txt
12. http://gornaya-apteka.com/2012/12/olen-v-raznix-tradiciyax/
13. Толстой Л.Н. «Война и мир». Тула, 1977.
14. Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М, 1993.

Об авторе

Любарский Руслан Васильевич – аспирант 2 курса, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

УДК 821.161.1

ТВОРЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЦВЕТАЕВСКОГО ЦИКЛА «АХМАТОВОЙ» (1916)

Максимова Т.Ю.

В статье рассматриваются творческие истоки цикла «Ахматовой», созданного М.И. Цветаевой в 1916 году. Даётся подробный анализ стихотворения «Анне Ахматовой» (1915), ставшего своеобразной предтечей цикла, говорится о своеобразии авторского восприятия личности и творчества А.А. Ахматовой. Выявляются ключевые особенности образа адресата, созданного в стихотворении и в цикле.
Ключевые слова: М.И. Цветаева, стихотворение «Анне Ахматовой», цикл «Ахматовой», образ музы, лирическая героиня, творчество, адресат цикла, метафорический ряд.

CREATIVE SOURCES OF THE TSVETAYEVA'S CYCLE OF "AKHMATOVA" (1916)

Maximova T. Yu.

In article creative sources of the cycle of "Akhmatova" created by M. I. Tsvetaeva in 1916 are considered. The detailed analysis of the poem to "Anna Akhmatova" (1915) which has become a peculiar forerunner of a cycle is given it is told about an originality of author's perception of the personality and creativity A.A. Akhmatova. Key features of an image of the addressee created in the poem and in a cycle come to light.
Keywords: M. I. Tsvetaeva, poem to "Anna Akhmatova", cycle of "Akhmatova", image of a muse, lyrical heroine, creativity, addressee of a cycle, metaphorical row.

1916 год в творческой биографии Марины Ивановны Цветаевой стал одним из самых насыщенных и плодотворных. В этот период было написано немало стихотворений, вошедших впоследствии в сборник «Вёрсты», созданы такие известные циклы, как «Стихи о Москве», «Стихи к Блоку», «Бессонница». В их числе следует назвать и цикл, который поэтесса посвятила своей современнице, уже вкусившей в полной мере славы и известности - Анне Андреевне Ахматовой. Это произведение стало ярким свидетельством того, какое место занимала в ту пору ахматовская поэзия в творческом сознании Цветаевой.

Обращаясь к истокам авторского замысла, необходимо прежде всего сказать о том, что значительную роль в возникновении цикла, несомненно, сыграла поездка Цветаевой в Петербург (тогда уже Петроград) зимой 1915-1916 годов. Хотя её мечта о встрече с Ахматовой, которой в Петербурге тогда не было, и не осуществилась, Цветаева, выступая с чтением своих стихов «от лица Москвы», читала их, по её собственным словам, «как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова» [1, IV, с.287].

Как впоследствии поясняла Цветаева в своём очерке «Нездешний вечер» (1936), ей хотелось тогда «Москву - Петербургу - подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой - преклонить. Поклониться ей самой Поклонной Горой с самой непоклонной из голов на вершине. Что я и сделала, в июне 1916 года, простыми словами:

В певучем граде моём купола горят,
И Спаса Светлого славит слепец бродячий,
И я дарю тебе свой колокольный град
- Ахматова! - и сердце своё в придачу
[1, IV, с.287].

Цикл 1916 года, однако, не был первым обращением Цветаевой к образу поэтессы. Еще в феврале 1915 года ею было написано стихотворение «Анне Ахматовой». Можно сказать, что именно оно стало своеобразной предтечей цикла, созданного полтора года спустя. В этом стихотворении, при всей его краткости, оказались ясно обозначены те ключевые черты ахматовского портрета, который в дальнейшем будет подробно воссоздан в цикле. Поэтому мы с полной уверенностью можем сказать, что это небольшое стихотворение заслуживает внимания и как самостоятельное произведение, и как исток будущего цикла.

Обратим внимание, что в тексте стихотворения с точностью до указания минут, как важнейший факт внутренней жизни автора, отмечено возникновение того особого, сердечного восприятия ахматовской поэзии, которое позже так ярко проявится в цикле: «В утренний сонный час, //- Кажется, четверть пятого, - // Я полюбила Вас, // Анна Ахматова» [1, I, с.235].

Образ героини, представленный здесь, одновременно и экзотичен, и величествен:

Узкий, нерусский стан -
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия [1, I, с.234].

Можно предположить, что Цветаева, к тому времени ещё ни разу не видевшая Ахматову в жизни, создавала этот портрет, опираясь на известные в то время изображения поэтессы. А.

А. Саакянц в своей книге «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» пишет: «Нужно сказать, что молодая Ахматова и впрямь несла в своём образе некие приметы так называемой "роковой женщины" (и, более того, утверждала их — любила позировать, сниматься). То был образ молодой стройной, зябкой, кутающейся в шаль черноволосой горбоносой красавицы с тёмной челкой. К 1914 году литературные Петербург и Москва уже знали два портрета Ахматовой: О. Делла Вос-Кардовской и Н. Альтмана» [2, с.72].

Как нам представляется, именно с портретом работы замечательной художницы Ольги Людвиговны Делла-Вос-Кардовской (1875-1952), написанным в 1914 году, можно было бы сравнить цветаевское изображение Ахматовой. Однако это не значит, что поэтесса копирует его - хотя на портрете мы видим и «фолиант» - книгу, на которой лежит правая рука героини, и роскошную шаль, в самом деле, напоминающую мантию. Все эти детали становятся для Цветаевой некой отправной точкой, от которой она отталкивается, создавая собственную «версию» ахматовского образа.

Сам прерывистый, неровный ритм стихотворных строк, заданный первой строфой, словно предвосхищает следующее, возникающее во второй строфе, определение: «Вас передашь одной // Ломаной чёрной линией» [1, I, с.234]. И здесь происходит ещё одно, весьма неожиданное, пересечение поэзии с изобразительным искусством. Как известно, Ахматова ещё в 1910 году познакомилась в Париже с художником Амедео Клементе Модильяни (1884-1920). В 1911 году, когда она вновь приехала во Францию, он создал целую серию её портретов. История, связанная с ними, заслуживает отдельного разговора. Здесь же лишь отметим, что сама Ахматова до конца жизни хранила единственный уцелевший у неё рисунок Модильяни и поместила его на обложку своей последней книги «Бег времени», вышедшей в 1963 году. Однако в ту пору, когда Цветаева писала своё стихотворение, рисунки Модильяни, на которых была запечатлена Ахматова, оставались сугубо личным достоянием поэтессы и никак не могли быть известны широкой публике.

Тем не менее, читая стихотворение «Анне Ахматовой», мы можем убедиться в том, что Цветаева видит в облике своей героини ту же лаконичную выразительность и предельную «очерченность», которые вдохновили парижского художника. Модильяни запечатлел их в необычайно точном и запоминающемся графическом образе, с помощью той самой «чёрной линии», о которой говорит поэтесса. «Ломаность» же в цветаевском стихотворении означает резкость перепадов в настроениях адресата цикла и своеобразие их проявления: «Холод - в весельи, зной - // В Вашем унынии» [1, I, с.234].

Цветовое определение – «*чёрной* линией», данное во второй строфе стихотворения, будет дополнено и усилено в следующей строфе: «*Облачный – тёмен* - лоб // Юного демона» [1, I, с.234]. Необходимо подчеркнуть, что оно соотносится не столько с колоритом ахматовской лирики, сколько передаёт доминанту внутреннего состояния героини, - трагического, в представлении Цветаевой: «Вся Ваша жизнь - озноб. // И завершится чем она? [1, I, с.234].

Так от изображения внешнего облика, запечатлённого в первой строфе несколькими яркими штрихами, Цветаева уже во второй и третьей строфах переходит к «внутреннему портрету» адресата цикла. В душе своей героини поэтесса видит два, казалось бы, противоположных начала: силу, властность, повелительность - и беззащитность, ранимость, обнажённость чувств. Но и то, и другое, по Цветаевой, одинаково мощно способно воздействовать на окружающих и на читателя - увлекая их, полностью подчиняя себе: «Каждого из земных Вам заиграть - безделица! // И безоружный стих // В сердце нам целится» [1, I, с.234].

В этих строках автор вновь говорит о парадоксальном сочетании как будто бы несовместимых начал: с одной стороны, речь идёт об опасной и, возможно, даже губительной «игре» с чужими душами, а с другой стороны, подкупающее и навсегда берущее в плен обаяние свойственно «*безоружному* стиху». По Цветаевой, именно в этом кажущемся противоречии и заключена разгадка феномена ахматовской поэзии.

От четвёртой к пятой, завершающей, строфе стихотворения поэтесса словно прочерчивает некую линию. Говоря про «безоружный стих» и апеллируя к воображению читателя, она стремится вызвать у него ассоциацию со стрелой Амура, которая поначалу «в сердце нам целится», а затем, как и положено ей, достигает результата - вызывает любовь. Именно поэтому с такой искренностью и безоглядностью в финале стихотворения Цветаева признаёт: «Я полюбила Вас, // Анна Ахматова» [1, I, с.235].

Тем самым ещё раз подтверждается, какой могущественной силой, в глазах автора, наделена поэтесса, которой посвящено стихотворение. Заявленная ещё в первой строфе аналогия («шаль <…> как мантия») призвана подчеркнуть не только царственность облика героини, но и то, какой «королевской» властью она обладает. Указание на масштаб её воздействия на других людей мы находим в четвёртой стро-

фе: «*Каждого из земных* Вам заиграть - безделица!». А самым мощным *орудием* этой власти оказывается «*безоружный* стих». И, по воле властительницы, *владетельницы* этого стиха, он, подобно стреле Амура, пронзает сердца.

Весь этот метафорический ряд будет впоследствии продолжен и развёрнут Цветаевой в цикле 1916 года. Там, уже в первом стихотворении, Ахматова появляется перед нами в образе повелительницы сердец: «прекраснейшая из муз», по определению Цветаевой, обладает невероятным, безграничным могуществом:

Ты чёрную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как *стрелы*
[1, I, с.303].

В первом стихотворении цикла щедро будет использовано не столь уж привычное для цветаевской героини местоимение «мы». И это неслучайно: прибегая к обобщению, автор хочет подчеркнуть, что множество сердец покорено даром поэтессы. Цветаева ясно осознавала уникальность и неповторимость этого дара.

В своей книге «Скрещение судеб» М.И. Белкина отмечает: «Когда-то, полемизируя с теми, кто упрекал Ахматову, что та писала: «Всё о себе, всё о любви», Марина Ивановна возражала: «Да, о себе, о любви - и ещё - изумительно - о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном в Песне Песней, о воздухе, «подарке Божьем»... Какой трудный и соблазнительный подарок *поэтам* - Анна Ахматова!..» [3, с.227-228].

Своё трепетное и благодарное чувство по отношению к Ахматовой и её поэзии Цветаева в полной мере выразила в «именном» цикле стихов-прославлений, который был определён А.А. Саакянц как «восторженный гимн любви и восхищения. . .» [4, с.101]. Сама Цветаева, годы спустя, вернувшись из эмиграции, так вспоминала об этом времени: «Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце, и была Александровская Слобода, и была малина (*чудная* рифма – Марина), и была книжка Ахматовой... Была *сначала* любовь, *потом* - стихи...» [3, с.227].

Накал чувств в ахматовском цикле очень велик, и А.И. Павловский, например, считает: «Стихи, посвященные Ахматовой, восторженны, экзальтированны...» [5, с.123]. Вспомним, однако, слова самой Цветаевой о том, что безмерность её слов есть только тень безмерности её чувств. Изначально она была наделена удивительным, «безмерным» сердцем, которое в жизни, «нищей и тесной» [1, III, с.30], ей так часто приходилось смирять - дабы не испугать ближнего «лавиной чувств». Зов её души слишком редко вызывал адекватный ответный отклик или эхо.

В творчестве же не было нужды прятать, скрывать, «гасить» свои переживания – тот «небесный пожар», о котором она, спустя несколько лет, скажет в письме Ахматовой: «Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас! – Если были бы журналы, какую бы я статью о Вас написала! – Журналы – статью – смеюсь! – Небесный пожар!» (апрель 1921 года) [1, VI, с.201]. Цветаевская любовь, в каком-то смысле, действительно, если вспомнить слова Маяковского, может быть определена как «громада-любовь».

Именно в творчестве поэтесса могла себе позволить видеть и изображать всё «(Преувеличенно, то есть: // Во весь рост)» [1, III, с.32]. Цветаева всегда переносила в собственную творческую жизнь напряжённость и энергию самозабвенных, безоглядных чувств. «Гудят моей высокой тяги // Лирические провода» [1, II, с.176], - так метафорически обозначила она это свойство в цикле 1923 года «Провода». И в жизни, и в своей поэзии она была - если воспользоваться любимым ею определением В.К. Тредиаковского – «творитель» - и неоднократно признавала:

Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век
[1, I, с.249];

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь - прельщусь - смущусь – рванусь.
О милая! - Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь
[1, I, с.570].

Эта готовность и способность любить – душу другого человека, его талант – в полной мере проявилась именно в многочисленных авторских посвящениях поэтам-современникам. С годами таких посвящений будет становиться всё больше, и это станет одной из отличительных черт всего творчества Цветаевой.

В период 1910-х-1920-х годов она ощутила глубокое духовное родство со своей «сестрой» «по музе, по судьбам» и посвятила ей, по определению А.И. Павловского, "как бы оды, неожиданно воскресшие в XX веке; они, как и полтора столетия назад, обращены к царице - на этот раз к царице поэзии" [5, с.123]. Верность такой оценки можно подтвердить не только текстами стихотворений, вошедших в цикл. Есть и ещё одно, незавершенное, в котором мы можем найти такие строки:

- Куда это держишь путь,
Красавица - аль в обитель?
- Нет, милый, хочу взглянуть
На *царицу*, на царевича, на Питер.
<…>

...И вот меж крылец - крыльцо
Горит заревою пылью,
И вот - промеж лиц - лицо
Горбоносое и волосы как крылья
[1, I, с.310].

Так же, как и в цикле «Стихи к Блоку», начало которому было положено в 1916 году, облик адресата явлен читателю в субъективном авторском восприятии и изображении. Цветаева ищет и находит то, что было наиболее важно для неё самой. Но именно необычный угол зрения, индивидуальное понимание роли и значения этих людей, самобытный взгляд на их творчество позволяют поэтессе открыть нечто оригинальное и в образе современников, и в своей лирической героине.

Так проявилась одна из феноменальных особенностей творчества Цветаевой. Ей открывалось самое главное в человеке, некая сердцевина его души - часто неведомая, скрытая – не только от других, но и от него самого. И в жизни, и в искусстве Цветаева всегда стремилась «высвободить» эту тайну. Это позволило ей создать целый ряд замечательных портретов многих поэтов, живших в одну эпоху с нею, – не только Ахматовой и Блока, но и К.Д. Бальмонта, А. Белого, В.Я. Брюсова, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака.

Молодая Ахматова была для Цветаевой, как она определит позже, гостьей «из страны Любви» [6, с.211]. (75,211). Таинственная и властная, завораживающая и победительная, эта «гостья» вызывает у автора восхищение. При этом её изображение - и в стихотворении 1915 года, и в цикле, написанном в 1916 году, - даётся не обособленно. И в том, и в другом случае лирическая героиня самой Цветаевой активно включается в действие. Вследствие этого обращение к образу Ахматовой позволяет поэтессе добавить новые краски и к образу своей лирической героини.

Прославления «Царскосельской Музы», которые мы находим в цикле, необычайно насыщены эмоционально, это проявление неудержимого буйства чувств. Такой видится Цветаевой и душа самой Ахматовой – способной к глубоким переживаниям, подверженной игре страстей. Поэтому адресат цикла предстает перед читателем в образе, исполненном необычайной динамичности: «Ты, *срывающая* покров // С катафалков и с колыбелей…» [1, I, с.307]; «...на сердце вороном *налетев,* // *В облака вонзилась*» [1, I, с.303].

В поэзии Ахматовой, при всей её внешней сдержанности, Цветаева ощутила громадную внутреннюю напряженность и нашла возможность сделать этот накал чувств видимым, дав ему яркое образное выражение. Именно поэтому, среди многих других «титулов» («Муза плача», «Царскосельская муза», «Златоустая Анна»), появляется в цикле ещё один, очень важный для автора. В пятом стихотворении цикла Цветаева говорит про «грозный зов // Раненой Музы» [1, I, с.306].

Это определение обретает в произведении двойной смысл: Муза не только сама «ранена», но и читателя «ранит» «смертельной» своей «судьбой». Именно в этом видит Цветаева знак приобщённости к таинству настоящей поэзии:

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе
[1, I, с.303].

Подводя итог, мы можем заключить, что Цветаева, создав в 1916 году свой цикл «Ахматовой», сполна подтвердила те слова, что были сказаны ею в стихотворении, написанном в 1915 году: «Я полюбила Вас, // Анна Ахматова». Недаром позже, в одном из писем 1923 года, Цветаева скажет о том, как по-особенному она воспринимала и любила двух адресатов её «именных» циклов: «И ещё совсем по-другому уже Ахматову и Блока (Клочья сердца)» [6, с.390].

Список литературы

1. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994-1997.
2. Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.
3. Белкина М.И. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988. 464 с.
4. Саакянц А.А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910-1922). М.: Советский писатель, 1986. 352 с.
5. Павловский А.И. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой: Монография. Л.: Сов. писатель, 1989. 352 с.
6. Цветаева М.И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 496 с.

Об авторе

Максимова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века, Московский государственный областной университет, tatmaximova@list.ru

УДК 82

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ ФЕЙЗУДИНА НАГИЕВА

Меджидов А. А.

Выявляя большой воспитательный потенциал детской прозы дагестанского писателя Фейзудина Нагиева, автор указывает на важную роль детской художественной литературы в нравственно-патриотическом воспитании. После разрушения советской идеологии пустоту от дефицита качественной детской литературы заполняет западная псевдокультура, часто несовместимая с нашими нравственными нормами. Но все же эта культура, в том числе и литература, через СМИ и интернет проникает в семейное и школьное воспитание. Отсюда формирование качественных, адаптированных к современным условиям средств и методов воспитания молодежи становится актуальной проблемой.

Ключевые слова: дагестанская, лезгинская литература, Фейзудин Нагиев, детская проза, воспитание, нравственность, патриотизм.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF CHILDREN'S FICTION FEYZUDIN`S NAGIYEV

Mejidov A. A.

Identifying a great educational potential of children's fiction writer Dagestan Feyzudin Nagiyev, the author points to the important role of children's literature in the moral and patriotic education. After the destruction of the Soviet ideology void of high-quality children's literature deficit fills pseudo-western, often incompatible with our moral standards. Yet this culture, including literature, through the media and the Internet penetrates the family and school education. Hence the formation of high-quality, adapted to modern conditions of means and methods of education of young people is becoming an urgent problem.

Keywords: Dagestan, Lezgin literature Feyzudin Nagiyev, children's fiction, education, morality and patriotism.

Воспитанию детей и юношества в Дагестане уделяют особое внимание. Дети с детства получали в разных социальных слоях необходимое воспитание: домашнее (дома от родителей и старших), общественное (от сельского джамаата -сообщества), образовательное (в учебном заведении – медресе или школе), профессиональное (ученик – от мастера; молодой специалист – от более опытных сотрудников). Основными методами воспитания были труд и личный пример. Активное участие в воспитании детей принимали старшие в семье (родители, бабушка, дедушка). Дети учились на народном фольклоре – песнях, танцах, играх, праздниках, рассказах, сказках, притчах, пословицах и поговорках.

Первые произведения дагестанской детско-юношеской литературы создавались еще до революции. В своем становлении и развитии дагестанская детская литература прошла нелегкий путь поиска или создания новых художественных форм и идейных направлений.

Современная дагестанская художественная литература для детства и юношества явилась результатом творческого, созидательного осмысления всего предшествующего культурно-исторического опыта народа, эстетического опыта, наработанного всей советской многонациональной литературой. Она прошла сложный путь от зарождения до своей зрелости и в своем видовом и жанровом многообразии ко второй половине двадцатого века стала цельной идейно-эстетической системой. После распада СССР, как и многие другие области искусства, дагестанская детская литература также испытывает на себе все плоды экономической нестабильности страны.

Дореволюционная детская литература (дагестанская, лезгинская) – тема неизученная и ждет своих исследователей. Но скажем, что основное развитие и формирование дагестанской детской литературы XX века началось после Октябрьской революции; а в советский период детская литература достигла своего расцвета.

Детская литература, которая языком художественных образов призвана выполнить задачи воспитания и образования детей, стала составной и значимой частью художественной литературы и ставила своей целью формирование духовной и нравственной сущности подрастающего поколения горцев. В становлении и развитии лезгинской детской литературы огромную роль сыграло творчество Алибека Фатахова, Кияса Меджидова, Бубы Гаджикулиева, Меджида Гаджиева, Расима Гаджиева, Абдул-Фаттаха, Фейзудина Нагиева и других.

Особый толчок развитию дагестанской детской литературы придало учреждение в 1980 году Союзом писателей специального ежемесячного детского литературного журнала «Соколенок», выходящего на семи языках народов Дагестана. Дагестанские писатели получили возможность печатать свои произведения для детей.

В лезгинской литературе (не ошибусь, если скажу, что так обстоит дело и в других национальных литературах Дагестана и России) все-

гда ощущался дефицит интересных и поучительных произведений для детей.

В формировании и развитии детской литературы на лезгинском языке активное участие принял Фейзудин Нагиев. Несколько десятков его произведений (поэзия, драматургия, проза) публиковались в лезгинском выпуске литературного журнала «Соколенок» («Кард»), в журнале «Дружба-Россияне». Многие детские произведения Ф. Нагиева вошли в книгу «Ночь в Терсепуле» («Терсепулда йиф»).

Цикл детских рассказов открывает рассказ с названием «Ночь в Терсепуле». Это же название использовано в качестве общего для всего цикла детских рассказов [2, с. 168–134]. За рассказом «Ночь в Терсепуле» следуют увлекательные и глубокомысленные рассказы «Сайдум», «Аслан буба», «Милича»[1], «Буц» («Бутуз»), «Выдумки» («Багьнаяр»), «Песня тутового дерева» («Тутун тарцин мани»), «Бабушкино условие» («Бадедин шартI»), «Настоящий Муравей – Вредина и непоседа» («Бетер-женжел – Халис Цвег»), «Ночной разведчик» («Йифен разведчик»), «Запруда» («Банд»), «Легенда о последнем подснежнике» («Эхиримжи гъвергъвердикай риваят»), «Лев-сладкоежка» («Ширинар кIандай аслан»), «Красный петушок» («Яру кIек»), «Борьба за жизнь» («Уьмуьрдин женг»), «Техмезхан и Инжиханум» (Тагьмезханни Инжиханум»), «Отчаянная-башка и Безумная-башка» («Дирибашни Дилбаш»). Все эти рассказы в 1980–1990 годах печатались в журнале «Соколенок» на лезгинском языке.

Безусловно, детские рассказы имеют глубокое воспитательное значение для подрастающего поколения. Стихи и рассказы для детей, а далее – и для взрослых подготавливают малыша к подростковости, подростка к юношеству, юношу к становлению полноценным мужчиной. В этом отношении детская проза Фейзудина Нагиева носит особый воспитательный потенциал. В понятном для детей переложении писатель ставит перед детьми почти взрослые вопросы – о любви к земле, родине, матери, об отношениях между людьми… Детские рассказы Ф. Нагиева, как и его стихи для детей, поучительны, интересны не только для детей и юношества, но и для взрослых. Они учат уважать старших, любить свою землю и родину, историю и культуру, язык и национальные традиции.

В рассказе «Добрая память» (1979) автор немногословными фрагментами раскрывает духовную связь между старостью и молодостью, показывает преемственность народной культуры [2, с.109–113]. Рассказ идет от первого лица, врача. Каждый день с утра, идя на работу, он встречает старую женщину. Сидя на глинобитном крыльце у своего дома, она всегда вязала. Рассказчик сначала не знает, что старуха незрячая и вяжет вслепую: *«Как-то неестественно прямо держа голову, прикрытую выцветшей чохтой, она смотрела куда-то поверх домов и тополей. В то же время руки жили своей жизнью – в пальцах быстро мелькали спицы, и под их хлопотливый перестук рождалась на свет ажурная вязь невесомого платка. Не глаза и не голова этой прямой старушки управляли руками, казалось, что за долгие годы труда пальцы научились самостоятельно видеть и мыслить; и теперь сами, без помощи глаз и рассудка, творят удивительнейшие узоры»*[2] [2, с.109–110]; [3, с.103].

Рассказчику старуха напоминает свою бабушку, ее присутствие на крыльце всегда радует его. Когда крыльцо пустовало, он думал о ней, что «возможно, она болеет». А когда она снова появлялась, он радовался ей как своей родной бабушке. Он замедлял шаг и наблюдал за ее работой. Вот как описывает автор руки старой мастерицы через рассказчика: *«Сухие коричневые пальцы виртуозно владели спицами, глаза едва успевали улавливать их быстрое движение. Я смотрел на эти руки, на тонкую, как пленка, кожу, из-под которой выпирали широкие вздутые вены, и мне казалось, что вижу всю ее нелегкую жизнь, наполненную трудом и терпением.*

Как много могут сказать руки человека мудрецу, поэту или художнику... Даже если художник изобразит только лишь человеческие руки, то имеющий глаза и душу по их морщинкам и шрамам, словно по строчкам книги жизни, прочтет обо всех радостях и печалях человека» [2, с.111–112]; [3, с.104].

В творчестве Ф. Нагиева сквозной нитью проходит проблема исчезновения старых добрых традиций, народных промыслов и ремесел. Хорошо, когда старое поколение передает свой опыт и знания молодому поколению. Эта живая связь времен не должна быть прервана. Без преемственности исчезнет все, что отличает один народ от другого. Забвение своей культуры, истории, языка, традиций обезличивает народ, превращая его в серую массу. В рассказе «Добрая память» бабушка учит своему мастерству внучку: «*В один из последующих дней я застал бабушку не одну. Рядом на крыльце примости-*

[1] Так называют мальчика, любящего играться с девочками.

[2] Здесь и далее фрагменты текста даются в подстрочном переводе с лезгинского языка.

лась девочка лет семи, которая внимательно следила за каждым движением рук бабушки, постигая тайны ее чудесного ремесла. Из-под рук бабушки вился белоснежный пуховый платок с изящным, как морозные узоры на стекле, орнаментом. <…> Без любви такое не сотворишь, – говорит рассказчик. – Мало мастерства, нужна душа. И нужна большая душа, чтобы делиться ею так щедро...» [2, с.112]; [3, с.104–105].

В рассказе «Ночь в Терсепуле» (1989) старый учитель истории Рамаз буба хочет создавать сельский историко-культурный музей [2, с. 168–177]. Его беспокоит, что целые отрасли культуры уходят из сельской жизни. С ними уходят и традиции, названия многих явлений и предметов. Поэтому Рамаз буба собирает старинные предметы у себя во дворе с надеждой, что руководство села выделит помещение для музея. Старик на свои сбережения строит на речке мельницу, хотя многие сельчане надсмехаются над ним, считая его «чудаком».

И вот в район приезжает делегация ученых из ГДР (Германской Демократической Республики). Интересующиеся традициями лезгин они попадают в село, где живет Рамаз буба. Сколько бы не «оберегали» иностранных гостей сопровождающие их районные чиновники, вся культурная программа, запланированная партийным руководством района, оказывается для них не интересной. Неожиданно для местных чиновников, гости восхищаются предметами быта, орудиями труда, лежащими во дворе и под навесом Рамаз бубы. Гости и сами участвуют в строительстве мельницы. Они восторженно хвалят национальные блюда, которые приготовила для них жена Рамаз бубы.

Через несколько месяцев в немецком журнале появляется статья о Рамаз бубе и его хозяйке с фотографиями. Только после этого случая меняется отношение сельского и районного руководства к стараниям Рамаз бубы.

Автор показывает психологию некоторых руководителей, которые и близко не замечают добрые дела своих земляков. А обращают на них внимание лишь тогда, когда их похвалит посторонний человек. Воистину, как говорил поэт, «лицом к лицу – лица не увидать…»

В рассказах «Аслан буба», «Милича», «Бутуз», «Бабушкино условие», «Красный петушок» и др. автор показывает сельскую среду, где воспитываются лезгинские дети. Здесь каждый занимается своим делом. Взрослые заняты работой в колхозе или личными хозяйственными заботами. А дети даже с пяти лет помогают родителям – присматривают за младшими детьми («Буц», «Милича»). Чуть постарше дети помогают и во взрослых делах. Урди помогает дедушке Аслану, заготавливать в лесу и привезти на арбе хворост для печки-хар или печки-тонура, где мать или бабушка печет вкусный хлеб. В такой этнокультурной и трудовой среде дети учились языку, сказкам, традициям, приучались к труду. Особенно старые люди, бабушки и дедушки, являлись хранителями старых этнических традиций. Автор сетует на то, что с годами эти традиции и этническая среда исчезают [2, с.182–187].

Хотя героями рассказов «О Настоящем Муравье – Вредине и непоседе», «Отчаянная-башка и Безумная-башка», «Ночной разведчик», «Выдумки», «Запруда» являются дети постарше (7–14 лет), они уже чувствуют себя настоящими взрослыми. Но это стремление мальчишек, казаться взрослыми, не всегда заканчивается удачно. Часто дети допускают и серьезные проделки. Но все же эти ошибки в дальнейшей жизни служат для мальчишек хорошим жизненным уроком.

В рассказе «Лев-сладкоежка» (1981) автор переносит читателя из людского общества в общество лесных зверей. Здесь задача автора – убедить детей, взамен еды не увлекаться сладостями. От ежедневных сладостей даже такой царь зверей лев пострадал. Ему пришлось удалить все зубы и вставлять ослиную челюсть. Оставшийся без своих клыков и не справляющийся с мясной пищей лев был вынужден выходить по ночам и щипать траву [2, с.221–225].

В саркастическом рассказе «Сайдум» (1986) автор дает образ сельского забияки по имени Сайдум. Этот драчун не давал покоя жителям села. Но однажды этот забияка нарывается на драчливого петуха, который не только побеждает его, обращая в бегство, но и забирает себе его имя. И с тех пор имя Сайдума стал носить победитель-петух [2, с.177–182].

Рассказы Ф. Нагиева отличаются понятным для детей языком, тонким юмором и сарказмом, которые быстро занимают детское воображение. Рассказы «Песня тутового дерева», «Легенда о последнем подснежнике», «Борьба за жизнь», «Техмезхан и Инжиханум» объединяет некий элегический романтизм. Для того, чтобы сохранить природу, Жизнь на Земле, героям приходится совершить недетские подвиги.

Когда ненавистный к музыке свирепый хан в рассказе «Песня тутового дерева» приказывает срубить и уничтожить все тутовые деревья, чтобы люди не могли изготавливать чангуры (струнные музыкальные инструменты), предки дяди Килинжа в саманном стогу сберегли для потомков саженец тутового дерева. И вот через многие годы опять вырастают тутовые сады. И

вновь играет музыка чангура [2, с.199–203].

В рассказе «Легенда о последнем подснежнике» (1980) после вселенской катастрофы на земле остается один малыш [2, с.217–221]. Малыш обнаруживает в сухой земле живую каплю воды, которая просит его, чтобы он пролил ее на последний подснежник, который погибает на священной горе Шалбуздаг. И тогда природа должна вновь возродиться. Ценой неимоверных усилий малышу удается донести зажатую в ладони капельку до горы и пролить ее на увядающий подснежник: *«И вдруг словно разверзлось небо. Малыш дрогнул от камнепада раскатов. Засверкали молнии. И на землю пролились купные капли дождя. Быстро пробежали ручьи. Высохшая земля с жадностью впитывает в себя драгоценную жизненную влагу. И кругом вырастают зеленые травы... На высокой скале гордо стоял маленький человечек. В эту минуту в его сердце возрождался дух лезгинских мифических героев: Шарвили, Каменного Мальчика, Черной Головы…*

Он был горд.

Он был рад.

Он был счастлив…

– Капелька! – прокричал он в небо.

– А-ааа! – усилило его зов эхо.

– Где ты!

– Вот я! – донеслось до слуха малыша ответ капельки.

– Вот мы! – повторили за капелькой тысячи и тысячи капель.

– Капелька! Подснежник жив! – что есть сил прокричал малыш.

– Спасибо тебе, славный герой!

– Спасибо тебе, славный пехлеван!

– Слава! Спасибо! – доносилось отовсюду.

А малыш стоял на скале, словно превратившись в настоящего пехлевана.

И казалось, будто мать-земля высоко подняла его на своей ладони» [2, с.221].

Значительную дидактико-воспитательную функцию носят малые формы рассказа – притчи Ф. Нагиева. В своей монографии «Малые жанры прозы в лезгинской литературе» профессор К. Х. Акимов о притчах Ф. Нагиева пишет: «С рядом оригинальных притч выступил писатель Фейзудин Нагиев (1951) в книге «Ночь в Терсепуле». К ним относятся «Скандал», «Когда приходит трудное время…», «Самый богатый», «Хан, поклонившийся бедняку», «Горе». Оригинальность их заключается в современности содержания и эмоциональности воздействия на читателя.

В притче «Самый богатый» («Виридалайни девлетлуди») известную идею Ф. Нагиев излагает на современном материале: за скатертью с щедрым угощением среди друзей разгорается спор о том, кто из них богаче. У первого оказалось пять домов и парк автомашин, у второго – счет в швейцарском банке и вилла на Канарских островах, у третьего – огромные земельные угодья и плодоносящие сады. *«А ты чего молчишь?» – спрашивают они у четвертого. Тот отвечает: «Я богаче вас всех! У меня есть богатые, как вы, друзья!»*

Притча «Когда приходит трудное время…» (автор ее назвал «Когда приходит трудное время, из холмов родной земли вырастают горы») наводит читателя на серьезную мысль о судьбе родной земли. В притче сжато пересказывается история родной земли: она была цветущей, богатой… Здесь жили свободные, здоровые и счастливые люди без печали и забот… Вдруг появились злые иноземные захватчики, которые начали разрушать, грабить, а людей брать в плен и покорять. Люди, которые привыкли жить свободно, не сдались, стали отчаянно защищать свою землю. Врагов было много, хозяев земли – мало… Вдруг земля пришла в движение: она начала сжиматься – встали холмы; холмы сжимались – вырастали горы, которые давили врагов… С тех пор каждый раз, когда появлялись иноземные захватчики, холмы и горы приходили в движение – враги убегали, оставляя свои трупы. Назидание притчи автор выразил следующим образом: *«Да, трудности в одиночку невозможно преодолеть. Чтобы их преодолеть, нужно чтобы из людей образовались семьи, из семей – племена и народы».* Как не трудно догадаться читателю, только сплоченный народ сможет выстоять против захватчиков, защитить свою землю и оставаться свободным.

В притчах Ф. Нагиева использованы различные изобразительные средства языка, пословицы и идиоматические выражения, а также диалоги и картины природы: *«кьуру чукьван»* – сухое бревно; *«хуррам инсанар»* – жизнерадостные люди; *«кефли межлис»* – веселое застолье; *«цекврен дерт эхиз тахьай фил»* – слон, который не мог стерпеть горе муравья; *«Гьардаз вичин дерт екез аквада»* – каждому свое горе кажется большим и др. Они усиливают эмоциональность и моральное воздействие притч. Притча в лезгинской прозе развивается и обогащается как в идейно-тематическом, так и в жанровом отношении; она осмысливает жизнь и имеет философский подтекст» [1, с.38–39].

В сегодняшней России национальная идея, стратегия национальной политики основывается на гражданском патриотизме: «Любой

человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим» [4]. В этой связи роль художественной литературы в воспитании грамотного, нравственного полноценного человека – патриота своей страны, своего народа многократно возрастает. Творчество Ф. Нагиева (его стихи, рассказы) давно вошло в школьные учебники и хрестоматии. Присущий детским рассказам Ф. Нагиева романтический пафос создает особую атмосферу, особый настрой для восприятия читателем. Такие рассказы являются добротной основой для воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма.

В наше время, в условиях неравной конкуренции с электронными источниками информации, очевидна необходимость поиска новых, нестандартных возможностей использования художественных образов, их влияния на эмоциональную сферу подрастающего поколения. Касаясь вопроса восприятия школьниками литературных произведений, Н. Н. Казначеева говорит о необходимости «рассмотрения процессов усвоения и присвоения подростками и юношами знаний в условиях значительного изменения знаниевого пространства», ибо возросший объем информации «интенсивно влияет на структуру самого знания». При этом «существует потребность систематизации знаний, методологического обоснования воспитания на уроках литературы – предмета, изучение которого в школе традиционно способствует развитию эстетической и нравственной сферы личности, формированию ценностной ориентации, направленной на идеал» [5, с.43].

Нам кажется, что таким «предметом», изучение которого в школе способствует и будет способствовать «развитию эстетической и нравственной сферы личности» и «формированию ценностной ориентации, направленной на идеал», была, есть и будет оставаться художественная литература. И творчество Ф. Нагиева (его стихи, рассказы) давно вошло в школьные учебники и хрестоматии. Присущий детским рассказам Ф. Нагиева романтический пафос создает особую атмосферу, особый настрой для восприятия читателем. Такие рассказы являются добротной основой для нравственно-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Список литературы

1. Акимов К. Х. Малые жанры прозы в лезгинской литературе. Махачкала: Мавел, 2006. 48 с.

2. Нагиев Ф. Р. Ночь в Терсепуле (Терсепулда йиф). Махачкала: ДКИ, 1996. 240 с.

3. Нагиев Ф. Р. Добрая память (перевод: Олег Шушеначев) // Журнал «Дружба-Россияне». 1991. № 2. С.103-105.

4. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

5. Казначеева Н. Н. Воспитание личности на уроках литературы в условиях информационной социализации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск. 2015. № 2 (32). С.41-45.

Об авторе

Меджидов Абил Абдурахманович – соискатель, кафедра литературы, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала), abi-med@rambler.ru

УДК 821.161'01

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПОСЛАНИИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА II К РИМСКОМУ ПАПЕ КЛИМЕНТУ III

Сарин Е.И.

Средневековое послание было одним из образцов, на который ориентировались древнерусские книжники при создании жанра. В данной статье мы обратимся к анализу Послания митрополита Иоанна II к римскому папе Клименту III.
Ключевые слова: средневековое послание, автобиографический потенциал, митрополит Иоанн II, римский папа Климент III.

AUTOBIOGRAPHICAL POTENTIAL OF THE MESSAGE OF METROPOLITAN JOHN II TO POPE CLEMENT III

Sarin E. I.

The medieval epistle was one of the samples which Old Russian scribes were guided by during the creation of the genre. In this article we will analyze the Message of Metropolitan John II to Pope Clement III.
Keywords: medieval epistle, autobiographical potential, Metropolitan John II, Pope Clement III.

Послание – это жанр средневековой книжности, в котором по определению с наибольшей ясностью реализуется образ автора. Следовательно, это тот жанр, в котором можно ожидать появления автобиографических элементов. Древнерусское послание опирается на традиции апостолического письма, посланий отцов церкви и византийских эпистол. В XI-XIII веках на этапе формирования жанра русские книжники ориентировались на модели, которые извлекались из образцов переводной литературы. Происходило постепенное усвоение эпистолярного формуляра, композиционных правил составления текста, законов функционирования образов автора и адресата. Заметим, что, с точки зрения Д.М. Буланина, на русской почве длительное время не существовало так называемого дружеского послания, которое было хорошо развито в византийской литературе, он определяет древнерусские сочинения этого рода как «славянскую реплику апостольского послания, лишь генетически родственного византийскому дружескому письму» [1, с. 183-184]. Функционирование жанра было связано с разработкой дидактической тематики, сопряженной с полемикой, догматикой и аскетикой. М.В. Антонова полагает, что «в древнерусской литературе XI-XIII вв. используются византийские и ближневосточные жанровые модели и формируется особая жанровая разновидность послания – учительное, которое включает в себя элементы проповеди-поучения, обличения, полемики, что несомненно отражается на поэтических особенностях» [2, с. 21].

Вообще средневековое послание, несомненно, обладает автобиографическим потенциалом. Исследователи неоднократно подчеркивали, что апостольское послание было одним из образцов, на который ориентировались древнерусские книжники при создании жанра. Л.Н. Мончева подчеркивает свойственную апостольскому, в первую очередь, –паулианскому посланию деиндивидуализацию и деконкретизацию образов автора и адресата. Эта особенность влекла за собой универсализацию содержания, типизацию жизненных ситуаций, отражавшихся в тексте [3, с. 190]. В то же время апостольские послания имели в своем составе автобиографические элементы. Постепенное освоение моделей жанра в древнерусской книжности проявилось в некоторой «размытости» и неточности использования характерной топики. Д.М. Буланин называет это явление «жанровой аморфностью текста» [1, с. 180]. В то же время, как мы уже сказали, существовали авторитетные образцы и определенные законы, функционировавшие в византийской литературной практике. В отечественной медиевистике формуляр (или канон) эпистолы был представлен в работах В.А. Сметанина. Он полагает, что поздневизантийское послание имеет обязательные части: 1) инскрипт (внешний адрес), 2) прескрипт, 3) семантема, 4) клаузула. В прескрипте, начальной и конечной части семантемы, а также в клаузуле используются шаблонные формулы, которые выявляются по ключевым словам. Исследователь полагает, что можно выделить 14 эпистолярных формул. Среди них для нас значительный интерес представляют следующие:

– формула констатации получения письма,

– kentron – формула (определение стимула составления письма, могут быть указаны самые разнообразные причины), – формула высказывания по поводу получения письма,

– формула выражения потребности в

письменной связи,

– mneme – формула (заверения во взаимной памяти, обещание помнить просьбу),

– формула просьбы о письме,

– формула мотивировки собственного письма [4, с. 68-70].

Высказывание по поводу получения письма могло включать выражение благодарности, радости, подтверждение получения послания и пр. Выражение в потребности письменного общения включало упреки за молчание; жалобы на неаккуратность корреспондента; простую констатацию отсутствия писем; сообщения об отправленных ранее письмах или о невозможности это сделать; указания лиц, которые доставляют письмо и пр. Мнемоническая формула представляла собой заверения во взаимной памяти, обещания помнить конкретные просьбы. Прочие перечисленные формулы в специальных комментариях не нуждаются. Таким образом, вполне очевидно, что ряд формул традиционной византийской эпистолы имел несомненное автобиографическое значение.

Н.В. Понырко, издавшая древнерусские послания XI-XIII вв., отмечает, что для этих сочинений «характерно минимальное использование нормативных черт эпистолографии (в большинстве случаев они ограничиваются прямым указанием адресата, формулой обращения и приветствия, упоминанием о ранее полученном письме)» [5, с. 4]. Тем не менее в исследовании М.В. Антоновой поэтики жанра древнерусского послания доказывается, что, несмотря на подчас очень широкое общественное звучание, на поднимаемые общечеловеческие проблемы и вопросы, в данных сочинениях обнаруживается «отражение конкретных черт личностей корреспондентов, реальных взаимоотношений между ними, частных предпосылок или жизненных (бытовых) поводов составления письма, что вступает в противоречие с эпистолярным этикетом создания образов автора и адресата» [2, с. 226].

Обратимся к краткому анализу наиболее характерного для средневековой культуры жанра на примере Послания митрополита Иоанна II к римскому папе Клименту III. По наблюдениям исследователей, послание имеет достаточно строгое построения с точки зрения соблюдения формуляра. Это не удивительно, поскольку митрополит был греком по национальности и сочинение первоначально было написано по-гречески (место и время перевода на русский язык не известно) [5, с. 29]. Бытовало данное сочинение параллельно в греческих и русских списках, причем греческие в основном относятся к XIII-XV векам, а русские к XVI-XVIII векам и читаются по преимуществу в составе Кормчих книг [5, с. 29]. Иоанн II занял митрополичий престол, скорее всего, не позднее 1080 года и пребывал на нем вплоть до 1089 года. Содержание его послания связано с актуальной для русского общества полемикой с католической церковью. Мы не будем обращаться к изложению данного вопроса, отметим лишь, что предположения о политической подоплеке его написания подробно изложены Н.В. Понырко [5, с. 26-28]. Данные о взаимоотношениях русского митрополита и римского папы извлекаются только из анализируемого Послания, других источников, в которых бы сохранилась информация об этих вероятных контактах, не сохранилось. В начале сочинения автор в достаточно витиеватой форме, но соблюдая основные эпистолярные правила, сообщает об обстоятельствах, сопутствовавших написанию послания: «Възлюбих юже о Господи любовь твою, человече божии и апостольскаго достоинъ сѣданья и званья, яко и далече сѣдя нашея худости и смѣренья, любовными крилы постигаеши до насъ, и цѣлуеши ны, яко своя, любезно, и молишися духовнѣ, и нашю вѣру истинную и православную, юже приимъ, чюдишися, якоже епископъ вашего священьства възвѣсти намъ. Понеже си тако и таковыи ту священникъ бысть, сего ради худыи азъ цѣлую тя, и честьную главу, и рамнѣпротиву тя цѣлую. И буди ми вельми радуяся и от вышняя и божественныя руки покрываемъ. И даи же благии и милостивыи Богъ при тобѣи при твоихъ духовныхъ исправитися посредѣвасъ и насъ» [5, с. 30].

В данном отрывке обнаруживаются обязательные самоуничижительные характеристики, мотив братской любви во Христе, формула приветствия. Но самое главное в аспекте нашего исследования – это наличие указания на получение некоего сообщения. Иоанн II, как следует из текста, принимал у себя епископа – посланника от римского папы, который передал ему выражение своего расположения («яко и далече сѣдя нашея худости и смѣренья, любовными крилы постигаеши до насъ, и цѣлуеши ны, яко своя, любезно, и молишися духовнѣ»). Какие еще темы и проблемы были затронуты во время этого визита, остается неизвестным, однако митрополит посчитал необходимым дать письменный ответ. Хотя в приведенном отрывке мы фиксируем выражения радости и дружелюбия, обязательные для эпистолярной топики, но основной текст послания свидетельствует о невозможности сотрудничества между автором и представителями католического мира. Иоанн II с большими подробностями излагает «вины» «латинян» –

противоречия между догматами и обрядами греческой и римской церквей. Н.В. Понырко полагает, что папа Климент III (вернее – антипапа) искал союзников в противоборстве со своим противником Урбаном II и Византией, которая поддерживала последнего. Обращаясь к русскому митрополиту – греку по национальности, он пытался установить дружеские контакты, но «митрополит Иоанн не был склонен к компромиссу, это видно из содержания его послания, из его, хоть и любезного и мягкого, однако непримиримого тона» [5, с. 28].

Таким образом, элементы эпистолярного формуляра, а именно: указание на получение сообщения, общая информация о его содержании и описания обстоятельств, сопутствовавших получению сообщения, в Послании митрополита Иоанна II могут быть интерпретированы как автобиографические детали, а «рамочная» ситуация эпистолярной коммуникации между автором и его адресатом – Климентом III – расценена как автобиографическая.

Список литературы

1. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. München, 1991.
2. Антонова М.В. Древнерусское послание XI-XIII веков: Поэтика жанра. Брянск, 2011.
3. Мончева Л.Н. Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы // Труды Отдела древнерусской литера-туры ИРЛИ РАН. Т.XLII. Л., 1985.
4. Сметанин В. А. Эпистолология поздней Византии, проэлевсис. (Конкретно-историческая часть) // Античность и Средние века. Вып.15. Свердловск,1978.
5. Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.

Об авторе

Сарин Евгений Игоревич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, sarin.evgeniy@mail.ru

УДК 82-1/29

ПОЭТИКА ЗАСТЫВШЕГО МГНОВЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА И БОРИСА РЫЖЕГО

Семина А. А.

В статье рассматриваются особенности поэтики Г. Иванова и Б. Рыжего, проявившиеся в тех стихотворениях, в которых авторы стремятся воссоздать образ остановившегося мгновения. В поэзии Г. Иванова подобные стихотворения содержат описания картин, воспоминаний, а также предсмертных мгновений и единичных ощущений лирического героя; в лирике Б. Рыжего чрезвычайно важным оказывается образ фотографии, который не только присутствует в стихотворениях на содержательном уровне, но и выстраивает поэтический текст в соответствии с собственными канонами.
Ключевые слова: Г. Иванов, Б. Рыжий, «стихотворения-картины», «стихотворения-фотографии», визуальность, поэтика.

THE POETICS OF A LINGERING MOMENT IN GEORGY IVANOV'S AND BORIS RYZHY'S LYRICS

Semina A. A.

The article compares G. Ivanov's and B. Ryzhy's poetics appealing to the poems, in which these authors try to create an image of a lingering moment. In G. Ivanov's poetry such lyrics contain descriptions of pictures, recollections, near-death experiences and singular feelings of a persona; in B. Ryzhy's lyrics it is an image of a photograph which becomes extremely important for him. This image presents in B. Ryzhy's lyrics not only as an element of the plot, but it forms a poetic text according to its own rules sometimes.
Keywords: G. Ivanov, B. Ryzhy, "poems-pictures", "poems-photographs", visuality, poetics.

Влияние поэзии Г. Иванова на художественный мир Б. Рыжего исследователями отмечалось не раз. Так, в своих работах данную тему затрагивали А. Арьев [1], Н. Непомнящих [8], а биографические исследования И. Фаликова [14] и Ю. Казарина [7], посвященные Б. Рыжему, свидетельствуют не только о знакомстве последнего с творчеством Георгия Иванова, но и об особом, личном отношении Б. Рыжего к «первому поэту эмиграции».

Влияние, оказанное Г. Ивановым на Рыжего, несомненно. Однако необходимым условием соответствующей «рецепции» должно было явиться некое глубинное «родство» поэтов, обусловившее выбор Б. Рыжего. И действительно, между ними много общего. Оба поэта тяготеют к предельной музыкальности лирического выражения, что многократно подчеркивалось литературоведами: «Музыка для него [*Георгия Иванова. – А.С.*], как и для символистов, является бесспорной идеальной первоосновой вселенной» [11. с. 13]; «Музыка была основой существования Бориса Рыжего. В его стихах на вербальном уровне слово и понятие «музыка» являются наиболее частотными. Музыка в его поэзии – это и лейтмотив, и концепт, и макротема» [7, с. 59]. Вместе с тем необходимо отметить, что, наряду с музыкальным, изобразительное начало также было значимым для обоих поэтов: «Первое его увлечение было рисование. Он так хорошо рисовал в младших классах, что учитель рисования стал считать его будущим художником… Георгий Иванов, вспоминая те дни, когда он просто бредил живописью, рассказывал мне, что он постоянно, глядя на какой-нибудь пейзаж или на каких-нибудь людей, представлял их себе картинами в рамах» [9, с. 253]; «Борис был очень увлекающийся человек: если он рисовал, то говорил, что станет великим художником» [7, с. 49].

Несмотря на приведенные биографические свидетельства, подтверждающие особое внимание авторов к области изобразительного искусства, изобразительные аспекты их поэтики на сегодняшний день практически не исследованы. Вместе с тем изучение наследия поэтов в данном ключе представляется необходимым: ни у какого другого русского поэта нет столь великого множества «картинных» стихотворений, как у Г. Иванова; ни один из русских поэтов не обращается к образу фотографии столь регулярно, как Б. Рыжий (о чем свидетельствуют и названия некоторых стихотворений: «Фотография», «Из фотоальбома», «Есть фотография такая…»). Именно в стихотворениях этих авторов часто можно увидеть, как «останавливается» время и лирический герой подробно фиксирует свое ощущение неповторимого, единичного мгновения. Большинство подобных произведений Г. Иванова составляют те стихотворения, в которых поэт описывает изображенное на той или иной картине / гравюре / литографии; в наследии Б. Рыжего данные тексты можно условно назвать «стихотворениями-фотографиями», «стихотворениями-фильмами», а также такими стихотворениями, которые воссоздают мгновение, остановленное скульптором в камне («За чугунной решеткой» и др.). В рамках данной статьи более значимым представляется обратиться к «стихотворениям-фотографиям» Б. Рыжего, поскольку

именно они типологически родственны соответствующим стихотворениям Г. Иванова и в большей степени отвечают стремлению автора зафиксировать тот или иной момент. В текстах Б. Рыжего данные стихотворения условно можно разделить на две группы: это непосредственно «стихотворения-фотографии», содержащие те или иные авторские указания на их межвидовую природу, а также стихотворения, представляющие собой фотографическую фиксацию некого «кадра», но лишенные соответствующих авторских обозначений. По причине того, что на данный момент полного собрания поэтических текстов Б. Рыжего не существует, говорить о количественном соотношении «стихотворений-фотографий» в его лирике едва ли возможно, однако в книге «Стихи», изданной в 2016 г., из 292 стихотворений текстов, обладающих теми или иными признаками «стихотворений-фотографий», насчитывается не менее 25.

Стихотворения, запечатлевающие «остановившиеся» мгновения, у обоих поэтов выступают символом победы человека – посредством искусства – над временем, способностью его творений и его памяти преодолеть неизбежность смерти и разрушения, что непосредственно самому художнику не дано. Иногда в подобных стихотворениях присутствует не только описание той или иной картины, но и рефлексия по поводу судьбы тех, кто ее когда-либо созерцал. Так, в стихотворении «Кофейник, сахарница, блюдца…» лирический герой Г. Иванова противопоставляет персонажей росписи фарфоровых чашек их смертным зрителям: *«И столько губ и рук касалось, / Причудливые чашки, вас, / Над живописью улыбалось / Изысканною – столько глаз. / И всех, и всех давно забытых / Взяла безмолвная страна, / И даже на могильных плитах, / Пожалуй, стерты имена»* [6, с. 100 – 101]. «Игрушечный» мир фарфоровой росписи, на первый взгляд, такой хрупкой, в итоге оказывается долговечнее жизни нескольких поколений, тем самым выявляя трагическую хрупкость человеческого бытия: *«А на кофейнике пастушки / По-прежнему плетут венки»* [6, с. 101]. Данный мотив чрезвычайно характерен для Г. Иванова, хотя приведенное стихотворение относится к раннему сборнику «Вереск» (1916), который еще не пронизан «чувством катастрофы» [4, с. 3], свойственным мироощущению поэта после эмиграции.

Фотография в поэзии Б. Рыжего также выступает носительницей особой связи, соединяя в одном мгновении прошлое, настоящее и будущее. Как и в рассмотренном выше стихотворении Г. Иванова, наибольшей выразительности этот образ достигает тогда, когда людей, непосредственно с ним связанных, уже нет в живых: в случае Б. Рыжего снимок выступает своего рода субститутом реальности, в которой появление человека уже невозможно, предлагая созерцающему фотографию иную, альтернативную реальность. В одном из подобных стихотворений лирический герой, размышляя о месте своего будущего захоронения, просит зарыть свой прах «на безымянном кладбище свердловском», желая и после смерти быть рядом с близкими людьми. «Оживляет» образы ушедших в небытие друзей героя и его самого неизвестная женщина, рассматривающая фотоальбом с их снимками: *«Она откроет голубой альбом, / где лица наши будущим согреты, / где живы мы, в альбоме голубом, / земная шваль: бандиты и поэты»* [10, с. 215]. Примечательно, что смерть, являющаяся для запечатленных на фотографии людей «будущим», заставляет женщину рассматривать их лица под другим ракурсом – с большей теплотой и сочувствием (*«где лица наши будущим согреты»*). В то же время, в противовес актуальной для данной женщины реальности, изображенные на снимке, люди еще живы, а значит, фотография позволяет ей увидеть их такими, какими в реальности увидеть их было бы невозможно: происходит «наложение» восприятия их как живых на знание об их смерти и сопутствующую этому знанию смену угла зрения, вследствие чего создается неповторимое «бытийное» восприятие людей, запечатленных в «бытовой» обстановке. Упоминаемые в одной строке и уравненные определением «земная шваль» бандиты и поэты в очередной раз подтверждают мысль о равенстве всех не только перед смертью, но и перед объективом фотоаппарата: кого бы ни запечатлевал снимок, этот человек навсегда обретает бессмертие и право на «теплый» взгляд со стороны просматривающих альбом.

В ранних стихотворениях Г. Иванова описание картин можно назвать преобладающим (неслучайно первая книга автора названа в честь картины его любимого художника Антуана Ватто – «Отплытье на о. Цитеру»). Вместе с тем стремление «остановить мгновение» не покидало поэта на протяжении всего творческого пути, обогащаясь новым, трагическим смыслом. В более поздних подобных стихотворениях Г. Иванов обращается главным образом к воспоминаниям, ставшим для поэта священными после разъединения с Петербургом, либо фиксирует отдельные состояния лирического героя в изгнании и моменты «прозрения» неких высших смыслов, открывающихся поэту. Так, в следующем тексте поэт запечатлевает ощущение героя, уже не отдающего себе отчет в собственных воспоминаниях и стремящегося от них освободиться, чтобы получить последнюю, уже не ограниченную ничем свободу: *«Закроешь*

глаза на мгновенье / И вместе с прохладой вдохнешь / Какое-то дальнее пенье, / Какую-то смутную дрожь. / И нет ни России, ни мира, / И нет ни любви, ни обид – / По синему царству эфира / Свободное сердце летит» [6, с. 275]. Перекликается с приведенным стихотворением и другое, также написанное в эмиграции: *«В глубине, на самом дне сознанья, / Как на дне колодца – самом дне – / Отблеск нестерпимого сиянья / Пролетает иногда во мне…»* [6, с. 289].

Обращение к поэтике застывшего мгновения во многом связано у Г. Иванова со стремлением увековечить воспоминания о жизни «на берегах Невы», где поэт был счастлив. Особая сила выразительности подобных стихотворений достигается благодаря резкому контрасту «тогда» и «теперь»:

Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.

Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет [6, с. 438].

Для подобных стихотворений чрезвычайно характерно «чувство присутствия», создаваемое рядом назывных предложений (*«Петербург, апрель, закатный час, сиянье, волны, каменные львы…»)*. Временная и пространственная дистанции между описываемым событием и героем стираются: «размывая» границы действительности, его внимание перемещается в хронотоп дорогого прошлого, так что герой ощущает себя по-прежнему «там», «дома»: *«И совсем я не здесь, / Не на юге, а в северной царской столице. / Там остался я жить. Настоящий. Я – весь. / Эмигрантская быль мне всего только снится – / И Берлин, и Париж, и постылая Ницца»* [6, с. 586]. Парцелляция (*«Там остался я жить. Настоящий. Я – весь»*), выделяющая значимые смысловые компоненты строфы, подчеркивает противопоставление подлинной жизни в Петербурге эмигрантскому «сну» – существованию, которое герой жизнью назвать не может.

Хотя мотив «идеального прошлого» является сквозным в мировой элегической поэзии, особого внимания заслуживает частотность обращения к нему Г. Иванова и Б. Рыжего – поэтов XX, а не «элегического» XIX века. При этом, несмотря на склонность Б. Рыжего к пародированию традиционных жанров, во многом обусловленную эпохой, присутствуют в корпусе его текстов и «подлинные» элегии. Так, например, герой следующего стихотворения называет себя умершим после некоторых счастливых событий, тем самым противопоставляя последующее «прозябание» потерянной Жизни и «отменяя» его: *«И когда бы плёнку прокрутили / мы назад, увидела бы ты, / как пылятся на моей могиле / неживые желтые цветы. / Там я умер, но живому слышен / птичий гомон, и горит заря / над кустами алых диких вишен. / Всё, что было после, было зря»* [10, с. 317]. Обращение к образу пленки, которую можно «прокрутить» назад, является частью метафоры «жизнь – кинофильм», достаточно частотной в лирике Б. Рыжего. Наиболее полно данная метафора реализуется в стихотворении «Где обрывается память, начинается старая фильма…» [10, с. 281], подробно проанализированном К. Верхейлом [3].

Важно отметить, что в поздних стихах Г. Иванова фиксируемое мгновение часто оказывается предсмертным – как, например, в известном стихотворении «Синеватое облако…», представляющим собой внутренний монолог лирического героя за несколько минут до самоубийства. Текст последовательно отражает впечатления, на первый взгляд обычные, но обладающие для героя огромным значением, поскольку они становятся последними для него. Особенно выразительными выглядят его образные ассоциации, которые кажутся нелепыми, но благодаря значимости момента наполняются высшим смыслом (*«Все какое-то русское – / (Улыбнись и нажми!) / Это облако узкое, / Словно лодка с детьми…»* [6, с. 288]). Исключительная выразительность подобных стихотворений достигается также за счет конфликта между последними надеждами героя и неумолимой безысходностью действительности: *«А небо было в розах и в огне / Таких, что сердце начинало биться… / Как будто все обещанное мне / Сейчас, немедленно, осуществится»* [6, с. 350].

В «стихотворениях-фотографиях» Б. Рыжего мгновение также зачастую оказывается остановлено самой смертью: так, в стихотворении «Север» поэт апеллирует к теме смерти, изображая мертвеца. Персонаж был обнаружен лирическим героем и описан в деталях: *«Он лежал под звездою алмазной / и глядел из-под хвои и сучьев – / безобразный, богатый, трёхглазый»* [10, с. 24]. Метафора «человечья руина» переводит изображение во вневременной план, уподобляя мертвеца развалинам древних памятников и тем самым подчеркивая обретенное им право на

собственное величие: *«человечья руина лежала / и глядела в лицо небосводу»* [10, с. 24]. В присутствии подобного, уже обращенного к вечности человека герой ощущает собственную ничтожность и испытывает чувство вины (*«даже вздох свой считаю преступным»*).

Сопоставление поэтических и фотографических методов изображения исследователями проводилось не однажды. «Использование в качестве литературных тропов приемов фотографа может отразить не только статичность или динамичность произведения, детализированность или размытость образа; отображение в слове взгляда фотографа или фотографируемого, а часто и зрителя может расширить время и пространство» [13]. По мнению О. Северской, «поэтический текст и фотография имеют сходную ритмическую организацию» [12].

Часто признаками подобных «стихотворений-фотографий» становятся указательные частицы «это», «вот», на что указывал еще Р. Барт, правда, обращаясь к фотографии, а не к соответствующему поэтическому тексту: «Фотография это не что иное, как непрерывный зачин из этих «Посмотри», «Взгляни», «Вот тут», она пальцем указывает на некоего визави…» [2]. Среди «стихотворений-фотографий» Б. Рыжего присутствуют тексты, начинающиеся именно таким образом: *«Вот красный флаг с серпом висит над ЖЭКом…»* [10, с. 342], *«Вот здесь я жил давным-давно…»* [10, с. 174], *«Вот дворик крохотный в провинции печальной…»* [10, с. 151]. Стихотворение «Разговор с Богом» также, хотя и не содержит соответствующих отсылок, представляет собой разговор лирического героя с Богом во время просмотра фотографии:

— Господи, это я мая второго дня.
— Кто эти идиоты?
— Это мои друзья… [10, с. 353]

Указательная частица «это» и указательное местоимение «эти» свидетельствуют о том, что Бог и герой обращаются к чему-то, скрытому от читателя, но присутствующему в окружающей их реальности – а именно, фотографии. Последующее обращение героя к Богу (*«– Э, не рви на куски. На кусочки не рви, мерзостью назови, ад посули посмертно, но не лишай любви високосной весной, слышь меня, основной!»* [10, с. 353]) подтверждают данное соображение. Фотография, запечатлевшая то, что Бог, по представлению героя, может назвать «мерзостью», для самого героя выступает символом любви, запечатленной в кадре, – любви, являющейся для героя основой бытия (*«слышь меня, основной!»*).

Как и для приведенного выше стихотворения, в большинстве случаев для стихов Б. Рыжего подобного рода характерна ироническая тональность, которая как бы «оттеняет» ностальгическую ноту, закономерно обусловленную обращением к хронотопу «идеального прошлого», либо к тем моментам, когда лирический герой был счастлив. По той же причине иронией пронизаны практически все стихотворения Б. Рыжего, посвященные близким друзьям, – как, например, в следующем «стихотворении-фотографии»: *«А это я в костюме «Baltman» / сижу, в штиблетах «Salamander» – / красивый, молодой, усталый, / как трансконтинентальный лайнер»* [10, с. 244]. Как во многих «стихотворениях-фотографиях», в приведенном тексте хронотоп изображения задается назывным предложением: *«Брега Невы»*. В соответствии с канонами жанра подробно описывается фон и – по порядку – называются лица, зафиксированные на снимке: *«На фоне килек и стаканов / сидим, не хочим встать со стулов. / Леонтьев, Пурин и Кирдянов. / Кирдянов – это Алимкулов»* [10, с. 244]. Эрративы [5] «не хочим» и «стулов» выступают признаками иронии автора – как и его сравнение собственного изображения на фотографии с трансконтинентальным лайнером.

Подобной самоиронией пронизаны также стихотворения Б. Рыжего, где автор говорит о себе как о поэте. Подтверждение этому можно увидеть и в следующем «стихотворении-фотографии»: *«В Свердловске живущий, / но русскоязычный поэт, / четвёртый день пьющий, / сидит и глядит на рассвет. / Промышленной зоны / красивый и первый певец / сидит на газоне, / традиции новой отец»* [10, с. 320]. Как и в предыдущих случаях, изображение на фотографии передается назывными предложениями: *«Венок из ромашек, / спортивные, в общем, штаны, / кроссовки и майка…»* [10, с. 320].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в творчестве Г. Иванова и Б. Рыжего образ остановившегося мгновения получил всестороннее воплощение. Если в поэзии Г. Иванова при обращении к данной теме можно проследить эволюцию (в ранних стихотворениях – описания картин, в более поздних – фиксация петербургских воспоминаний, воссоздание предсмертных мгновений и единичных ощущений лирического героя), то в лирике Б. Рыжего подобного развития не обнаружено: на протяжении всего творческого пути поэт прибегает к образу фотографии, наделенному для него особым значением. Выступая связующим звеном между настоящим,

прошлым и будущим, фотография у Б. Рыжего присутствует не только в текстах, содержащих соответствующие авторские указания, но и в тех стихотворениях, которые лишены специальных отсылок к фотоискусству, но являются фотографическими по своей сути. Характерными чертами при обращении поэта к стихам подобного рода становятся указательные частицы «вот», «это», назывные предложения, ироническая тональность описания, а также особый, «внебытовой» угол зрения, в соответствии с которым изображаемое видится лирическим героем в системе координат не только земного существования, но и вечности. Как и для Б. Рыжего, для Г. Иванова при обращении к подобным стихотворениям характерно употребление назывных предложений, создающих у читателя «эффект присутствия», а также апелляция к вечности, выступающей прерогативой изображений, но не человека, их созерцающего. В этом отношении изображения в стихотворениях Г. Иванова также выступают в роли своеобразной связи времен, соединяя невидимой нитью всех, кто когда-либо останавливал на них взгляд и любовался мгновением, остановленным задолго до этого их создателем.

Список литературы

1. Арьев А.Ю. Блок, Иванов, Рыжий. О стихах Бориса Рыжего [Электронный ресурс] // Звезда, 2009. № 9. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/9/aa12.html (дата обращения: 30.09.2016).
2. Барт Р. Camera lucida. М., 1997.
3. Верхейл К. Жить по кругу или жить по прямой? О стихотворении Бориса Рыжего «Где обрывается память, начинается старая фильма…» Заметки к докладу // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сб. науч. статей и докл. / под ред. Н.Л. Быстрова, Т.А. Арсеновой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 113 – 128.
4. Гапеенкова М.Ю. Трагизм мироощущения в эмигрантской поэзии Георгия Иванова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006.
5. Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 30.09.2016).
6. Иванов Г.В. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: Согласие, 1993 – 1994.
7. Казарин Ю.В. Поэт Борис Рыжий. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.
8. Непомнящих Н. «Чувство смерти» в поэзии Бориса Рыжего // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сб. науч. статей и докл. / под ред. Н.Л. Быстрова, Т.А. Арсеновой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 141 – 158.
9. Одоевцева И.В. На берегах Сены. СПб.: «Лениздат», «Команда А», 2014.
10. Рыжий Б.Б. Стихи. СПб.: Пушкинский фонд, 2016.
11. Рылова А.Е. Георгий Иванов и русский символизм: дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2006.
12. Северская О.И. Поэтическая фотография // Русская речь, 2011. № 4. С. 25 – 30.
13. Сухоева Д.А. О фотографической поэтике В.Ф. Ходасевича («Соррентинские фотографии») // Зримое слово, говорящий образ: литература и фотография: Материалы конференции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://discours.philol.msu.ru/uploadedfiles/conferences/zrimoeslovo/suhoeva.pdf (дата обращения: 30.09.2016).
14. Фаликов И.З. Борис Рыжий. Дивий камень (серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2015.

Об авторе

Семина Анна Андреевна – аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *seminaaa@yandex.ru*

УДК 82-98

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИМВОЛА В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»

Тархова Е. В.

Процесс интериоризации является неотъемлемым условием передачи элементов культуры социума. Художественный символ, как лингвокультурологическая единица, также подвергается этому процессу. Одним из способов интериоризации выступает интертекст, представляющий собой включение различных текстов в основной текст. В рассматриваемом романе интертекст представлен эпиграфами, предваряющими каждую главу произведения.
Ключевые слова: художественный символ, интериоризация, интертекст, эпиграф.

INTERIORIZATION OF AN ARTISTIC SYMBOL IN THE NOVEL "THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN" BY JOHN FOWLES

Tarkhova E.V.

The process of interiorization is a necessary condition in the translation of cultural elements in the society. An artistic symbol, as a linguistic and cultural unit, is also included in this process. One means of interiorization is the intertext which represents the inclusion of various texts into the main text. In the novel under analysis the intertext is presented with the epigraphs preceding every chapter of the book.
Keywords: an artistic symbol, interiorization, intertext, epigraph.

Преемственность в культуре является одним из важных факторов, обеспечивающих ее существование и дальнейшее развитие. В процессе трансляции социокультурного опыта осуществляется операция интериоризации, под которой понимается образование внутренних структур человеческой психики через усвоение элементов системы культуры и символов внешней социальной деятельности. Другими словами, этот процесс включает в себя внутреннее осознание предметов внешнего мира [4].

Художественный символ, выступающий единицей культуры, передается из поколения в поколение путем интериоризации, в процессе которой осуществляется восприятие, понимание и прочтение его содержания. Весь процесс интериоризации художественного символа включает 4 этапа. В том случае, если семантическая структура слова на любом из уровней (например, на уровне импликационала) содержит семы, соотносимые с символическим значением в силу существования архетипических форм, существующих в коллективном бессознательном, эти семы детерминируют потенциальную возможность актуализации символического смысла. На втором этапе происходит «подъем» семы импликационала на уровень интенсионала. Это способствуют изменению статуса слова в силу реализации символьного значения. На третьем этапе происходит личное, авторское осмысление символа и сообщение ему дополнительных (исходя из авторского миропредставления) символьных смыслов. На четвертом этапе осуществляется встраивание символа в общую структуру текста, то есть его интериоризация. Художественный символ понимается как особая образная конструкция, конвенциональная объективная субстанциальность, содержащая множество смыслов, которые заключены в одну языковую единицу [6].

Одним из способов интериоризации художественного символа в тексте является представление эпохи, в которой развертывается действие произведения. В начале анализируемого романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» дата – март 1867г., которая относится к эпохе перемен, происходящих в обществе:

(1) *"It was such an age of change! So many orders beginning to melt and dissolve"* [13].

В фокусе внимания писателя проблемы ограничения свободы индивида обществом и государством. В ходе переломных событий Викторианской эпохи герои романа сталкиваются с необходимостью принятия решений, выбора, осознанием ответственности за свои поступки, переосмыслением понятия нравственности, с душевным дисбалансом и душевным насилием. Но главная проблема романа – определение человеком своего пути. Поиски правды, "разрешения" противоречий – смысл жизни Чарльза Смитсона, главного героя романа. В романе чувствуется влияние философии постмодернизма, характеризующегося разочарованием в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, неограниченность человеческих возможностей, творчество и свободу разума [7, с. 67-69]. Сам роман написан в Викторианском стиле: в нем присутствуют ироническое включение текстов художественной культуры, игра с читателем (читатель является то сторон-

ним наблюдателем, то главным героем), предоставление ему свободы выбора финала романа, любовный треугольник, но с участием двух дам, а не рыцарей, как в классическом викторианском произведении; идеи лабиринта, ризомы и явление интертекстуальности, которое также может выступать одним из способов интериоризации.

Основной конфликт романа разворачивается с участием трех героев: Чарльза Смитсона, молодого палеонтолога, дворянина, обрученного с дочерью богатого купца, Эрнестиной Фримен, и гувернанткой Сарой Вудраф. Внезапно возникшее искреннее чувство Чарльза к Саре заставляет его преодолеть все условности викторианства и отказаться от обеспеченной жизни с нелюбимой невестой. Но, пожертвовав своей репутацией, он так и не обретает счастья с Сарой. В итоге его истинное счастье состоит в освобождении и духовном перерождении.

Анализируемый роман содержит большое количество эпиграфов, цитат, аллюзий и реминисценций. Все эти явления можно отнести к понятию интертекстуальности – текстовой категории, выражающей соотнесенность одного текста с другими, их взаимодействие, которое обеспечивает приращение смысла произведения. Понятие «интертекстуальность» было введено Ю. Кристевой в конце 60-х гг. XX века и представляло собой включение «прототекстов» в другой текст [5]. Проблема интертекста была основана на теории полифоничности М.М. Бахтина, заключающейся в отсутствии изолированности художественного произведения, его определенном положении среди системы текстов, а также в наличии множества самостоятельных «партий» героев, выступающих наравне с автором [2, с. 3-8]. Интертекстуальность создается путем включения в основной текст элементов других текстов, которые могут быть знакомы (или не знакомы) читателю.

Теория интертекстуальности базируется на следующих положениях:

1) каждый текст представляет собой часть универсального интертекста;

2) каждый текст может быть связан с повествованием автора и предшествующими текстами маркированно, посредством межтекстовых связей;

3) интертекстуальность создает коммуникативную триаду «автор – текст+контекст – реципиент».

Интертекстуальный компонент может принадлежать и самому автору, будучи взятым из его предыдущих произведений. Интертекстуальность рассматривается не только как лингвистический феномен, но и как социокультурное явление, включающее взаимодействие членов социума и их идей. Признается, что интертекстуальность способствует созданию нового смысла, раскрытию которого помогают межтекстовые параллели [1, с. 104].

Использование интертекста характерно, прежде всего, для представителей модернизма и постмодернизма, основной чертой творчества которых является неомифологизм – намеренное включение предшествующих мифов, античных текстов в новый текст. Одним из элементов интертекстуального характера выступает эпиграф, который может представлять собой ссылку на конкретное произведение, способное придать тексту особый колорит и вызвать у читателя определенное эмоциональное состояние, апеллируя к внутренним структурам его сознания [3].

В рассматриваемом романе “The French Lieutenant’s Woman” каждой главе предпослан эпиграф, общее количество которых равняется 80 (1 эпиграф предпослан всему произведению, и 79 предваряют повествовательную часть глав, при этом 43 главы имеют по 1 эпиграфу, и 18 глав – по 2 эпиграфа). Так как главы не имеют названия, можно предположить, что эпиграфы выполняют своего рода замещающую и генерализующую функции, самым общим образом представляя проблему и тему, которые раскрываются в каждой главе, тем самым сообщая читателю определенный настрой в плане перцепции описываемых событий. Тексты эпиграфов представляют собой высказывания деятелей экономики, искусства, науки, выдержки из документальной литературы, рекламы, английских песен, поговорок, газет, художественных текстов. Для воссоздания социальной обстановки и культурно-исторического фона викторианской эпохи Фаулз использует тексты 1828-1869 гг., за исключением текста эпиграфа к последней главе. Такой спектр текстов эпиграфов разных по жанровой принадлежности и тематике позволяет охватить информацию об основных событиях и условиях в социальной, экономической и политической сферах государства викторианской эпохи. Кроме этого, в анализируемом романе эпиграфы выполняют очень важную проспективную функцию, выступая своего рода «предтекстом» для введения художественного символа.

Нарратив в романе «Женщина французского лейтенанта» выстраивается на основе трех символов – «ветер», «камень» и «море». Во многих культурах художественный символ «Ветер» олицетворяет высшую силу, направляющую и организующую деятельность окружающего мира. Символ «Камень» во многих древних культурах олицетворяет силу, постоянство и целостность, ему также приписываются магические и священные свойства, дающие жизненные силы. С течением времени у этого символа появилось

еще одно значение, выраженное в душевной черствости и холодности. Море – это символ превращения и возрождения. Оно также является знаком очищения и бесконечности познания, а в психологии – подсознания [10].

Эпиграф к первой главе вводит в произведение символ «Ветер» - "**Wind** foul or fair". В данном случае первый эпиграф в романе представляет собой часть стихотворения Т. Гарди "The Riddle":

(2) "Stretching eyes west
*Over the **sea,***
***Wind** foul or fair,*
Always stood she
Prospect-impressed;
Solely out there
Did her gaze rest,
Never elsewhere
Seemed charm to be" [14].

В тексте первой главы формируются два семантических поля, ядро которых составляют слова «море» и «ветер», которые «подхватываются» с первой строки повествования:

*(3)"An easterly is **the most disagreeable wind** in Lyme Bay"; "long claw of old gray wall that flexes itself against **the sea**"; " these two were strangers, people of some taste, and not to be denied their enjoyment of the Cobb by a mere **harsh wind**", "another **wind was blowing** in 1867"* [13].

При этом лексическая единица с символическим значением составляет периферию поля, что, собственно, и создает предпосылки символизации. Интерес представляет также тот факт, что вторая строфа стихотворения Т. Гарди так же важна для осмысления фокуса внимания автора романа и дальнейшего формирования художественного символа:

(4) "Always eyes east
*Ponders **she** now—*
As in devotion—
Hills of blank brow
*Where no **waves** plough.*
Never the least
Room for emotion
*Drawn from **the ocean***
*Does **she** allow"* [14].

Здесь прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что во всей этой стихии присутствует женщина, одинокая, почти потерявшая надежду, и уже не ищущая поддержки у моря. Строки поэта Т. Гарди *"Never the least Room for emotion Drawn from **the ocean** Does **she** allow"* передаются прозой романа Дж. Фаулза:

(5) "… *figure on that somber, curving mole. It stood right at the seawardmost end, apparently leaning against an old cannon barrel upended as a bollard. Its clothes were black. The wind moved them, but the figure stood **motionless, staring, staring out to sea, more like a living memorial to the drowned…**"* [13].

Автор описывает ветер сильным, сбивающим с ног, поднимающим шторм на море, перемешивая все на дне океана:

*(6) "The **wind moved** them <…> There came **a stronger gust of wind**, one that obliged Charles to put his arm round Ernestina's waist to support her, and obliged the woman to cling more firmly to the bollard.<…> he stepped forward as soon as the **wind allowed**"* [13].

В контексте всего романа ветру приписываются такие свойства, как *disagreeable, beginning, great, freezing to the timid, harsh, sharp, fundamentalist, invigorating.* Это подчеркивает его характер, силу и свободу. При этом в использовании эпитетов отмечается изменение от состояния "disagreeable" до состояния "harsh". Данный символ противопоставлен консервативной викторианской эпохе и в контексте романа олицетворяет собой начало революции в Великобритании в 1867 г. Именно поэтому «Ветер» воспринимается как символ перемен, совпадая в этом смысле с культурными коннотациями этого слова. Но перемены могут иметь как позитивный, так и негативный характер, как это отражается в эпиграфе к 54-й главе произведения:

*(7) "My **wind** is turned to **bitter north***
*That was **so soft a south** before"* [12].

Понимание предназначения этого эпиграфа в раскрытия символа ветра как источника перемен, равно как и в выполнении эпиграфом прогностической функции в плане соотнесенности его с текстом главы возможно только в случае прочтения полного текста английского поэта XIX века Э.Х. Клафа "A Song of Autumn", седьмая и восьмая строки которого предвещают утрату:

*(8)**"MY WIND is turned to bitter north,***
***That was so soft a south before**;*
My sky, that shone so sunny bright,
With foggy gloom is clouded o'er
My gay green leaves are yellow-black,
Upon the dank autumnal floor;
For love, departed once, comes back
No more again, no more.
A roofless ruin lies my home,
For winds to blow and rains to pour;
One frosty night befell, and lo,
I find my summer days are o'er:
The heart bereaved, of why and how
Unknowing, knows that yet before
It had what e'en to Memory now
Returns no more, no more." [12]

Таким образом, в импликации эпиграфа неожиданный для Чарльза поворот событий: по

возвращению в Лайм-Риджис он не находит там Сары, которая покинула город, не оставив своих координат. Для Чарльза это большая и неожиданная потеря, он молит Бога о возвращении Сары, поскольку искренне любит ее. Символизирует эту перемену смена направления ветра от мягкого (теплого) южного на холодный северный.

Символ «Камень» также несет негативную информацию, обозначая безысходность, отсутствие свободы, ненужность и «окаменелость» души. Этот символ вводится в описании увлечений Чарльза, изучением окаменелостей и их коллекционированием. Он занимается палеонтологией – новой наукой для викторианской эпохи, и это выделяет его среди других персонажей романа. Передача символического смысла осуществляется следующими словами и коллокациями: *stone, sea-urchins, marine-shells, fossils, stone deaf, Stonebarrow, keystone, touchstone, stone walls, stone face, to throw stones, a falling stone, ammonite, stranded*, а также входит в качестве морфемы в имена собственные: *Mr. Gladstone, Mr. Dizzystone.* В данном ряду можно заметить градацию словосочетаний, описывающих разные состояния камня: неподвижный и зафиксированный (stone walls) падающий (a falling stone), бросаемый (throw stones). В сопоставлении с контекстом романа можно провести параллель с изменениями состояния и отношения к действительности главного героя: он перестает заниматься своим главным увлечением и чувствует готовность меняться, нарушая собственные жизненные правила, равно как и условности викторианского общества. Он начинает тайно встречаться с Сарой Вудраф, и ее независимость способствует формированию его нового взгляда на жизнь. Символизации объекта (камень) способствует контекстуальное окружение. В частности, в описании Чарльза автор использует художественное сравнение:

(9) "…he was more than an ***ammonite stranded*** *in a drought / Because he* ***had no more free will than an ammonite.*** */ He actually stopped, poor living* ***fossil*** */ He was one of life's victims, one* ***more ammonite caught in the vast movements of history, stranded*** *now for eternity, a potential* ***turned to a fossil****"* [13].

В этом случае лексические единицы "fossil" и "ammonite" в сочетании с лексемами "stranded, caught, stopped, no more free will" являются контекстуальными синонимами лексемы "victim".

В эпиграфах символ «Камень» встречается два раза – в 38 и 48 главах. В первом случае представлена окаменелость души:

(10) *"Sooner or later I too may passively take the print*

Of the golden age—why not? I have neither hope nor trust;

May ***make my heart as a millstone****, set my face* ***as a flint****,*

Cheat and be cheated, and die: who knows? we are ashes and dust" [15].

Во втором случае символическое значение слова «Камень» в сложном слове *"stepping-stones"* символизирует выход из затруднительного положения, который ведет к переменам:

(11) "I held it truth, with him who sings
To one clear harp in divers tones,
That men may rise on ***stepping-stones***
Of their dead selves to higher things" [15].

Еще одним ключевым символом в данном романе является море, представленное как первичный источник жизни – бесформенный, безграничный, неистощимый и полный неожиданностей. В романе описание моря актуализируется в коллокациях с такими эпитетами, как *milky blue, infinitely calm, dove-grey, pure, clean, cleansing, deliciously tender, ethereal.* Данный символ олицетворяет очищение, с помощью которого главные герои проходят процесс самопознания и обретения покоя. Вокруг этого символа по существу организуется все повествование романа, поэтому он является центральным ввиду его сущностной значимости и актуализационной многозначности: в зависимости от контекста он может передавать значение стихии, несущей бедствие, значение могущества, силы, хаоса, бездны, но также и значение жизненной энергии, свободы, очищения. В анализируемом романе символ «Море» выступает как символ жизненного пути человека Этот символ открывает и завершает роман. Его интериоризация также осуществляется использованием в эпиграфах. В частности, он предваряет восьмую и двадцать первую главы романа:

(12) "There rolls the deep where grew the tree,
O earth, what changes hast thou seen!
There where the long street roars, hath been
The stillness of the central sea*.*
The hills are shadows, and they flow
From form to form, and nothing stands;
They melt like mist, the solid lands,
Like clouds they shape themselves and go" [16].

(13) "Forgive me! forgive me!
Ah, Marguerite, fain
Would these arms reach to clasp thee:
But see! 'tis in vain. In the void air towards thee
My strain'd arms are cast.
But a sea rolls between us—
Our different past*"* [11].

В последнем случае море символизирует непреодолимую бездну. Эта бездна – время и расстояние, разница в происхождении и социальном статусе, в устремлениях и в понимании нравственного долга. В семантическом поле

«водное пространство» широко представлены лексические единицы с семой «вода» - sea (62), water (32), flow (4), strait (1), river (18), ocean (1), channel (2), что выделяет водное пространство в романе как ключевой символ всего произведения. Река (поток) являются символом уходящего времени и жизни, а также очищения и движения. В контексте романа река жизни состоит из загадочных законов и таинственного выбора, что делает ее символом жизни и судьбы человека:

(14) "The ***river of life****, of mysterious laws and mysterious choice, flows past a deserted embankment"* [13].

Анализ примеров показывает, что интериоризация символа может осуществляться путем введения в текст инотекстовых включений. Одним из приемов введения интертекстуальных компонентов текста является эпиграф. Эпиграф в романе Дж. Фаулза полифункционален: он вводит художественный символ, акцентируя его роль и функцию в тексте, а также задает смысловую канву главы. Восприятие и интерпретация символического содержания лексической единицы зависят укоренившихся в сознании социума сформированных культурой архетипических форм.

Список литературы

1. Баженова Е.А., Кожина М.И. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2-е изд., испр. и доп. М.: «Флинта: Наука», 2006. 112 с.
2. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 511 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text14/18.htm (Дата обращения: 4.08.2015)
4. Краткий психологический словарь// Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psychology.academic.ru/830/интериоризация (Дата обращения: 4.02.2015)
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philology.ru/literature1/kristeva-00.htm (Дата обращения: 12.08.2015)
6. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
7. Меняйло В. В. Эволюция картины мира автора в произведениях Дж. Фаулза: монография / В. В. Меняйло. СПб.: Астерион, 2011. 177 с.
8. Миф об Одиссее и Калипсо // Человек в истории и культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://top-antropos.com/mythology/greek/item/106-odissej-i-kalipso (Дата обращения: 31.08.2015)
9. Тахтамышев В.Г., Харламова С.Г. Преемственность как проблема современной культуры (интериоризация-экстериоризация в процессах наследования-трансляции социокультурного опыта) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-kak-problema-sovremennoy-kultury-interiorizatsiya-eksteriorizatsiya-v-protsessah-nasledovaniya-translyatsii (Дата обращения: 27.06.2015)
10. Трессидер Дж. Словарь символов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/tresidder_dzhek/ (Дата обращения: 21.08.2014)
11. Arnold M. Parting [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.telelib.com/authors/A/ArnoldMatthew/verse/EmpedoclesonEtna/parting.html (Дата обращения: 18.08.2015)
12. Clough A.H. A Song of Autumn [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.telelib.com/authors/C/CloughArthurHugh/verse/poemsproseremains/songautumn.html (Дата обращения: 15.08.2015)
13. Fowles J.R. The French Lieutenant's Woman [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/Fowles_John/ (Дата обращения: 31.03.2013)
14. Hardy T. The Riddle [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.portablepoetry.com/poems/thomas_hardy/the_riddle.html (Дата обращения: 22.06.2015)
15. Tennyson A. In Memoriam A.H.H. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.web-books.com/Classics/Poetry/Anthology/Tennyson/InMemoriam.htm (Дата обращения: 19.04.2015)
16. Tennyson A. Maud; A Monodrama [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.telelib.com/authors/T/TennysonAlfred/verse/maud/maud.html (Дата обращения: 16.08.2015)

Об авторе

Тархова Елена Владимировна – аспирант 4 курса, кафедра английского языка, Алтайский государственный педагогический университет, eagleo0408@mail.ru

УДК 81'373.45

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ЖУЖЕСЛОВА» В РЕЧИ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОБЕСЕДОВАНИЯ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ)

Балашова Т. А.

Статья посвящена англоязычным заимствованиям в русском рекрутинговом дискурсе (собеседовании при трудоустройстве). Рассматриваются структурно-семантические особенности реализации речевых стратегий при использовании заимствований, анализируется функция англицизмов с точки зрения институционального речевого стиля и социально-ролевого статуса коммуникантов.

Ключевые слова: англоязычное заимствование, рекрутинговый дискурс, дефиниционный концепт, социальный статус.

ENGLISH LANGUAGE BORROWINGS AND THE FUNCTION OF “BUZZWORDS” IN THE SPEECH OF MIDDLE MANAGERS (BASED ON A JOB INTERVIEW)

Balashova T. A.

The article is devoted to English language borrowings in the Russian recruiting discourse (a job interview). The author considers different examples of borrowings and analyses their function from the stand point of the institutional verbal style and the social status of communicators.

Keywords: English language borrowings; recruiting discourse; definitional concept; social status.

Сложный и многоаспектный процесс заимствования элементов одного языка другим, активизировавшийся в условиях прогресса глобализации в сфере экономики и культуры, является естественным результатом взаимодействия языков. Изучение этого процесса не теряет актуальности в отечественном языкознании, на что указывает значительное количество появившихся в последнее время исследований, посвященных национально-культурной специфике заимствованной лексики (И.В. Рябова) [16], процессам адаптации и функционирования заимствованных слов в русской речи (Е.В. Маринова, М.С. Селиванова) [14, 17], вопросам иноязычных заимствований в разных видах дискурса: в интернет-дискурсе (И.В. Горбунова) [7], рекламном медиадискурсе (М.А. Банщикова, А.Г. Дедюхина) [3, 8], рассматривается семантико-словообразовательный аспект (Н.В. Ваганова) [5], социокультурные, социально-стилистические и этико-стилистические особенности англоязычных заимствований (В.П. Коровушкин) [12] и т.д.

Под заимствованием традиционно понимается 1) процесс перемещения различных элементов (на уровне морфологии, синтаксиса, лексики и семантики) из одного языка в другой [13, с.24] и материальный результат этого процесса [14, с. 14], зафиксированный сначала в речи, а затем в языке путем включения заимствованного элемента в языковую парадигму. В речи участников собеседования на управленческие должности наблюдается достаточно большое количество англоязычных заимствований [4]. И, несмотря на то, что многие лингвисты обращаются к проблеме англоязычных заимствований в институциональном деловом дискурсе русского языка, исследования, посвященные этому аспекту в рекрутинговом дискурсе, до сих пор отсутствуют. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно с точки зрения социально-ролевого статуса участника коммуникативной ситуации англоязычные заимствования меньше всего изучены.

Целью предлагаемой статьи является определение функции англоязычных заимствований в речи менеджеров среднего звена с точки зрения социально-ролевого статуса участников коммуникации. В статье анализируются примеры англоязычных заимствований, которые используются преимущественно в речи и ещё не прошли процесс адаптации, ведущий к функционированию слова в системе языка-реципиента в качестве полноправной лексической единицы заимствующего языка. В качестве языкового материала для исследования использовались видеосюжеты телепрограммы «Кадры решают» [10], где соискатель (далее – С) проходит собеседование с работодателем (далее – Р) или кадровым агентом (далее – КА), а эксперт кадрового рынка (далее – Э), психолог – специалист по нейролингвистическому программированию (далее – П) и консультант по бизнес-стилю (далее – К) комментируют процесс коммуникации с точки зрения его эффективности.

Собеседование при приеме на работу является частью дискурса трудоустройства и частным проявлением институционального делового дискурса, который определяется Т. М. Ширяевой как

«целенаправленная статусно-ролевая речевая деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, базирующиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе» [23, с.7]. Англоязычный дискурс трудоустройства в последнее время стал объектом интереса отечественных лингвистов [18], и это объясняется экстралингвистическими факторами: его структура вместе с рядом текстов (резюме, сопроводительное письмо) в настоящее время оказывает значительное влияние на отечественную деловую коммуникативную культуру в сфере трудоустройства, которая, тем не менее, сохраняет ряд специфических культурных особенностей [18].

В речи участников собеседования на управленческие должности англоязычные заимствования характеризуются высокой степенью частотности и используются для описания понятий и явлений, относящихся к профессионально-деловой сфере, что объясняется характером институционального речевого стиля. Т. Лукманн определяет институциональный речевой стиль как разновидность языка, используемого в определенном сообществе: 1) обусловленного определенным стилем жизни; 2) закрепленного за определенными сферами общения, 3) имеющим специфические показатели соответствующего речевого стиля — особой коннотативной насыщенности применительно к словам, выражающим ценности данного сообщества, особых переосмыслений слов, особых правил речевого этикета [11, с. 27].

С этой точки зрения речевой стиль собеседования на управленческие должности можно охарактеризовать с трех позиций: 1) статуса участников коммуникации: необходимо отметить высокий профессиональный статус рекрутера, являющегося на собеседовании официальным представителем и «лицом» организации, и соискателя, уже имеющего опыт профессиональной и управленческой деятельности; 2) сферы общения, которая является профессионально-деловой: коммуникация на собеседовании осуществляется строго в рамках профессионального общения, участники следуют принципам деловой коммуникации, соблюдается этикет делового общения; 3) собственно показателей речевого стиля, обладающих рядом особенностей, к которым мы относим использование англоязычных заимствований в речи участников собеседования. Помимо этого, исследователи выделяют и структурные особенности, характерные для собеседования: это диалогическое взаимодействие, в ходе которого участники коммуникации применяют определенные коммуникативные стратегии и тактики [1].

В исследуемом виде дискурса достаточно высокой степенью частотности отличается использование лексических единиц, относящихся к управленческому и экономическому жаргону, для понимания которых необходимо специальное образование и опыт деятельности в профессиональной сфере, например, *эссессмент (assessment — оценка), вин-вин (win-win – взаимовыгодный), кэш-фло (cash-flow — финансовый поток), джоб оффер (job offer — предложение о работе), брендбук (brand book - официальное описание сущности и ценностей бренда), raw materials (сырье)* и другие. Со структурно-семантической точки зрения в речи менеджеров среднего звена высокой частотностью употребления отличаются следующие классы лексических заимствований:

–аббревиатуры: *эйчар (Human Resource [manager] – работник отдела кадров), кипиай (Key Performance Indicators — ключевые показатели эффективности), семио (Social Media Optimization — оптимизация сайта под социальные сети), сиви (CV - резюме);*

–названия должностей: *контент-менеджер, проджект-менеджер, эвент-менеджер, мерчендайзер*, *супервайзер, сейлс-директор, дистрибьютер*;

Наряду с использованием упомянутых классов лексических заимствований в речи участников собеседования в процессе профессионально-деловой коммуникации прослеживаются некоторые особенности употребления англицизмов в речевом контексте. В частности, в ряде случаев англоязычное слово сопровождается объяснением, дефиницией или интерпретацией выраженного им понятия. Следует оговориться, что дефиниция заимствования обладает существенным содержательным статусом в структуре дискурса. Так, рассматривая информационную сущность англоязычного заимствования в рекламном тексте, А. Г. Дедюхина и Т. М. Грушевская отмечают, что одной из её составляющих является дефиниционный концепт — «понятие, определение, раскрывающееся посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем» [9, с.131]. Отмеченные авторами определения по принципу словарной дефиниции нередко встречаются в анализируемом типе дискурса. Так, при употреблении англоязычного слова в речи, участник коммуникации стремится пояснить его средствами родного языка. При этом в речи используются следующие приемы:

а) Дефиниция дается через **синоним-эквивалент**, выраженный словом или словосочетанием, имеющим широкое употребление в профессиональной сфере деятельности:

Пример 1. *С: (...) в задачах компании было*

*/ развить контракты-**ритейл** / поэтому / основная задача / это было / заключение контрактов / и развитие **розничного** направления бизнеса //* (Серия 4, ч. 1 8:30) [10]. Словарь терминов маркетинга дает следующее определение слова «*ритейл*» *— розничная продажа, розница, розничная торговля, магазин - продажа товаров и услуг конечному потребителю* [20]. В приведенном примере англицизм «ритейл», выступающий в качестве определения к слову «контракты», образует информативный центр высказывания, в связи с чем говорящий перефразирует заимствование, прибегая к его синониму «розничный», который, по его мнению, будет понятен адресату. В следующем примере мы наблюдаем **прием нанизывания синонимов** — англоязычное существительное «*файтинг*» определяется через три **эквивалента-перевода**: «*схватка, битва, драка*»:

Пример 2. *П: это **файтинг** как таковой/ **схватка/ битва** / вот ей интересно там / где **драка** //* (Собеседование менеджера по маркетингу, 11:24) [10].

б) В некоторых случаях коммуникант, использующий в своей речи англоязычное заимствованное слово, дает ему довольно точное **определение-дефиницию**:

Пример 3. *С: Я хотела бы что-то / [связанное] (...) может быть/ с **кейтерингом** / может быть / **выездное питание / буфет** для театра* / (Серия 39, 22:20) [Там же]. Отметим, что здесь определение заимствования «кейтеринг», данное соискателем, во многом совпадает с определением слова в словаре терминов маркетинга: *кейтеринг (catering) – отрасль общественного питания, с применением выездного производства и (или) выездного оказания услуг* [20]. Кроме того, в данном высказывании мы наблюдаем наслаивание двух приемов – как бы предполагая, что одного объяснения недостаточно, говорящий подбирает **синоним**: «*буфет*». Таким образом, в анализируемом примере используется также прием **двойной дефиниции**.

в) Прием **двойной дефиниции** встречается в рекрутинговом дискурсе довольно часто – в примере, приводимом ниже, аббревиатура *HR*, от которой образовалось слово «эйчар», сначала расшифровывается на языке оригинала, затем ей предлагается объяснение на русском языке:

Пример 4. *П: что нужно **эйчару** / надо понять / **эйчар** / это **руководитель** там / **хьюман ресурс** / это **руководитель отдела персонала** / ...* (Серия 39, 9:00) [10]. В примере определение дается дважды — в первый раз через соединение русскоязычного слова «*руководитель*» и англоязычного словосочетания «*хьюман ресурс*» *(Human Resource – отдел кадров)*, а во второй раз – с помощью описания-уточнения на родном языке коммуниканта «*руководитель отдела персонала*».

г) В речи участников собеседования также встречаются **дефиниции**, **расширяющие значение заимствованного слова**:

Пример 5. *С: были сформированы / эффективные команды / **торговых представителей** / **мерчендайзеров** //*(Серия 4, ч.2, 11:36) [Там же]. В словаре иностранных слов русского языка *«мерчендайзер» – сотрудник компании, обеспечивающий наличие товаров в торговой сети и занимающийся мониторингом продаж* [19]. В данном примере мы имеем дело не с эквивалентным синонимом, а с расширением значения англоязычного слова «*мерчендайзер*», которое вбирает в себя значение понятия *sales representative* (*торговый представитель)*. Именно это объяснение предлагает кандидат, давая определение заимствованному слову.

д) Предыдущий пример также иллюстрирует ещё одну разновидность дефиниции – **обратную дефиницию.** В случае обратной дефиниции сначала употребляется русскоязычное слово, а потом ему подбирается англоязычный эквивалент:

Пример 6. *С: это интернет-магазин / который (...) / по позициям (...) / **номер один** по яндексу, рамблеру / то есть / **в топе** стоит //* (Серия 7, 4:20) [10]. Случай обратной дефиниции демонстрирует также следующий пример:

Пример 7. *П: (...) её нужно рекомендовать в компании /(...) / где контакт прямо из **рук в руки** / Э: да/ **фейс ту фейс** //* (Серия 39, 10:24) [Там же]. При этом англицизм *фейс ту фейс (англ. face-to-face, лицом к лицу)* выполняет функцию конкретизации высказанной собеседником мысли, «*контакт из рук в руки*» предполагает непосредственный, личный контакт. Если обратить внимание на то, что данный прием реализован в диалоге, то можно сделать вывод, что сопутствующей функцией приема является подтверждение успешности коммуникации, сигнализирование того, что высказанная мысль понятна и близка собеседнику.

е) Помимо приема обратной дефиниции мы наблюдаем использование приема **ложной дефиниции**:

Пример 8. *Э: если под **директором развития сети**/ подразумевается просто **супервайзер** / **под которым** там **/ пять, десять или сто агентов одного уровня** /* (Серия 6, 31:28) [Там же]. Должность «*директор развития сети*» определяется с помощью англоязычного заимствования «*супервайзер*», которому сразу же после этого дается определение: *человек у которого в подчинении «пять, десять, сто агентов»*. Говорящему не

ясно, что входит в должностные обязанности директора развития сети, и он предлагает один из вариантов — «*супервайзер*» — понятие, которое Словарь иностранных слов русского языка определяет как *«организатор работ, которые требуют действий по определенной единой программе, наблюдающий за правильностью исполнения такой программы»* [19]. Как видно из словарной статьи, «*супервайзер*» не является эквивалентом «*директора развития сети*». Логично предположить, что использование англицизмов в этом контексте является самоцелью, несмотря на то, что это может затруднить процесс коммуникации.

ж) Особый интерес, на наш взгляд, представляет **дефиниция в форме метафоры**, так как подразумевает творческую интерпретацию понятия, выраженного иноязычным словом:

Пример 9. *П: то есть / человек на уровне* ***стартапа / драйвера/*** *на уровне* ***всех зажечь*** // (Серия 6, 31:46) [10]. В высказывании использованы два англоязычных заимствования: «*стартап» и «драйвер»*. «*Стартап*» — существительное, означающее недавно созданную фирму (*start-up - a company that is just beginning to operate, especially an Internet company* [24, с. 1497]. Как мы видим из примера, при заимствовании русским языком слово расширило свое значение. В Универсальном дополнительном практическом толковом словаре И. Мостицкого зафиксировано одно из дополнительных значений этого слова — «*зачинатель, новичок*» [22]. В высказывании указанное слово употреблено в значении «*зачинатель*», «*двигатель*» — человек, который начинает некое дело и продвигает его вперед, что подтверждается следующим за ним словом - «*драйвер*». В английском словаре Коллинза одно из определений слова «*driver*» - *something that creates and fuels activity, or gives force or impetus* [25] *(то, что создает и активизирует процесс, дает ему движущую силу и импульс)*. В данном высказывании «*стартап*» и «*драйвер*» — это человек, способный выступить движущей силой какой-либо деятельности, характеризуется через метафору «*всех зажечь*». Нельзя не отметить и тот факт, что в определении, данном в словаре Коллинза, глагол «*fuel*», означающий «разжигать», «зажигать», эквивалентен глаголу «зажечь» в метафоре, которую использует говорящий.

Анализ языкового материала позволяет поставить ряд вопросов. Во-первых, почему, с одной стороны, с помощью англицизма происходит подтверждение успешности коммуникации, а с другой, намеренное затруднение коммуникации (см. пример 7 и 8)? Во-вторых, насколько оправдано употребление в речи англоязычных заимствований, если для передачи сообщения в русском языке существуют более или менее точные эквиваленты, которыми говорящий пользуется для дублирования словоупотребления в своём высказывании? Тот же вопрос ставит С.В. Власенко: «С точки зрения психолингвистики, интересен и актуален вопрос именно и непосредственно о мотиве использования «чужой» лексемы на том месте, где существует возможность употребления не одного, а сразу нескольких русскоязычных вариантов» [6, с. 83].

Мы предлагаем ответить на эти вопросы с позиции социолингвистики: используемые в речи участников собеседования англицизмы выполняют функцию «модного слова», употребление которого обусловлено социально-психологическими и экспрессивно-стилистическими факторами. В английском языке для обозначения «модного слова или фразы из профессионального жаргона» существует понятие «*buzzword*». В Универсальном русско-английском словаре *buzzword* переводится с помощью калькирования как «*жужеслово*» (*buzz — жужжать*, *word — слово*), и ему дается следующее толкование - *модные слова-пустышки - основа управленческого новояза* [21]. В словаре «Мультитран» слову *buzzword* даются следующие определения: *специальный термин, произносимый с целью произвести впечатление на дилетантов; жаргонный профессиональный термин; профессиональный жаргонизм; модное выражение; учёное или специальное словечко; «заумные» технические (бюрократические, финансовые) термины; слово, способное произвести впечатление на непосвящённого; усилительное слово часто бессмысленное, используемое в профессиональном жаргоне; слово, которое у всех на слуху* [15]. *Жужеслово*м можно назвать и англоязычное заимствованное слово, используемое в профессиональной речи с целью произвести выгодное впечатление. Мы определяем *жужеслово* как «модное» иноязычное заимствованное слово, обладающее эмоциональной экспрессивностью, которое используется в речи с целью произвести впечатление на собеседника и подчеркнуть принадлежность к узкому кругу «экспертов», профессионалов в определенной сфере деятельности, а также людей, разделяющих общую профессиональную и языковую картину мира. Функцией «жужеслова» в этом случае является своеобразная «фильтрация» и исключение «чужого» из общего круга «своих» – тех людей, которые имеют доступ к закрытому для среднего человека знанию. В качестве иллюстрации сказанного может послужить пример, в котором эксперт кадрового рынка, психолог и консультант по бизнес-стилю обмениваются репликами, анализируя процесс коммуникации на собеседовании.

Психолог использует термин «*локус контроля*»:

Пример 10. *П:* ***локус контроля*** *снаружи/ если говорить психологически / Э: да* ***внешний локус*** *контроля /* ***да /я знаю тоже такое слово*** *(смех) К:* ***молодцы*** *(смех)* (Серия 6. 21:43) [10]. Утверждая, что он «знает тоже такое слово», участник коммуникации подчеркивает свою осведомленность в узкоспециализированной области знания, что делает его суждение более авторитетным, заслуживающим доверия. С одной стороны, он словно входит в «тайный сговор» с первым собеседником, а с другой стороны, осознает некоторую грубость вторжения в профессиональную сферу психолога, что создает определенный комизм ситуации, на которую оба собеседника реагируют смехом. Третий участник коммуникации признает «интеллектуальное превосходство» двух других, а также их общность, на что указывает её реплика «*молодцы*» и следующий за ней общий смех.

Проведенное исследование показывает, что многочисленные англоязычные заимствования в речи управленцев среднего звена на собеседовании не являются оправданными с точки зрения языковых причин, так как их употребление, на наш взгляд, обусловлено ситуацией речи. Речь коммуникантов выступает одним из важных (хотя и не единственным) средством самопрезентации. Англоязычные «модные слова» в речи участников собеседования выполняют определенную функцию: они передают информацию о социальном статусе. Богатство вокабуляра, а заимствованные англоязычные слова, несомненно, воспринимаются носителями языка определенного социального слоя, как обогащенный словарный запас, выступает сигналом высокого социального статуса, на который претендует стремящийся занять управленческую должность соискатель в процессе коммуникации с работодателем. Тот факт, что в речи употребляются слова, ещё не вошедшие в систему языка-реципиента и требующие уточнений и пояснений (дефиниций), объясняется стремлением коммуникантов к языковой инновации и экспрессии – речевой выразительности. Вместе с тем, это эффективный прием, позволяющий подчеркнуть свою образованность и профессиональную компетентность: «тот или иной неологизм становится какое-то время своеобразным «тестом», выявляющим уровень образования человека, прежде всего знание им чужого языка; его профессиональную и социальную принадлежность» [14, с. 28].

Таким образом, обилие англицизмов в речи участников собеседования служит совершенно определенной цели придать речи более высокий статус, так как их наличие выступает сигналом «престижной речи», способом демонстрации своей принадлежности к престижной группе знатоков и профессионалов. Их характеризует функциональная избыточность, этими заимствованиями пользуются, выйдя на уровень социально-делового общения, большая их часть остается за рамками языковой компетенции среднего носителя языка. Такие слова (и понятия, ими выражаемые) являются индексами принадлежности говорящего к кругу образованных людей [11, с. 62]. Употребление англицизмов диктуется желанием подчеркнуть высокий уровень образованности или знание языкового этикета, а также другие качества, ценимые сегодня обществом: уровень информированности о новом, современном, технически приоритетном [2, с. 17].

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что значительное количество англицизмов в речи участников собеседования является одной из характерных черт коммуникативного речевого стиля институционального делового дискурса. Появление «*жужеслова*» в речи участников собеседования обусловлено социально-психологическими и стилистическими причинами, а именно 1) престижностью иноязычного слова по сравнению с исконным русским словом; с помощью «*жужеслова*» реализуется тактика самопрезентации; 2) стратегией взаимодействия с собеседником (определение «общего круга» знаний, компетенций, опыта); 3) эмоциональной экспрессивностью иноязычного слова. Использование таких слов обусловлено ситуацией общения, её профессионально-деловой направленностью, выбором определенных приемов реализации речевых стратегий, а также ролью и статусом коммуникантов.

Список литературы

1. Агеева Ю.В. Реализация стратегии самопрезентации в ходе собеседования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 5. С. 186-195.

2. Ахметшина Ю. В. Англоязычные заимствования в системе иностранного языка: определение понятия, причины заимствования (на примере немецкого языка) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 5. С. 16-18.

3. Банщикова М.А. Заимствованные англоязычные профессионализмы как компонент профессионального жаргона в немецком рекламном медиадискурсе: автореф. дис... канд. филол. на-ук. Москва, 2011. 21 с.

4. Балашова Т.А. Англоязычные заимствования в речи участников собеседования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (51). С. 45-48.

5. Ваганова Н.В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX-начала XXI в. в современном русском языке): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 279 с.

6. Власенко С. В. Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 81-90

7. Горбунова И.В. Функциональная систематика англицизмов в русскоязычном сегменте сети интернет // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. №3. С. 141-149.

8. Дедюхина А.Г. Англоязычные заимствования в российской рекламе: автореф. дис. .. канд. филол. на-ук. Краснодар, 2011. 24 с.

9. Дедюхина А. Г., Грушевская Т. М. Дефиниционный концепт информационной сущности англоязычного заимствования // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 128-131.

10. Кадры решают… [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.uspeh.tv/programms/detail.php?ID=7558 (дата обращения 05.06.2015)

11. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 334 с.

12. Коровушкин В.П. Англоязычные заимствования в лексиконах русских субкультур // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56). С. 85-90.

13. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и лингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

14. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. д-ра филол. наук. Москва, 2008. 45 с.

15. Мультитран. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=buzzword (дата обращения 07.06.2015)

16. Рябова И.В. Национально-культурная специфика заимствованной лексики : на материале экономической лексики русского языка: автореф. дис. .. канд. филол. на-ук. Москва, 1996. 22 с.

17. Селиванова М.С. Семантическая адаптация англицизмов в русском языке: автореф. дис. .. канд. филол. на-ук. Новгород, 2007. 25 с.

18. Стеблецова А.О. Дискурс трудоустройства: сопоставительное исследование деловых коммуникативных культур // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 420-426.

19. Словарь иностранных слов русского языка. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения 07.06.2015)

20. Словарь терминов маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/ ((дата обращения 07.06.2015)

21. Универсальный русско-английский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://universal_ru_en.academic.ru/ (дата обращения 07.06.2015)

22. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mostitsky_universal.academic.ru/ (дата обращения 07.06.2015)

23. Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2008. 50 с.

24. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby Oxford University Press, USA; 7 edition. 1907p.

25. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения 07.06.2015)

Об авторе

Балашова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского государственного института культуры, 3003088@mail.ru

УДК 81’23

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕЖАНРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОНТОГЕНЕЗА

Бондаренко А.О.

Статья посвящена психолингвистичеким аспектам исследования речевых жанров, проблеме становление речевой компетенции в онтогенезе, а также формированию речежанрового мышления при овладении иностранным языком.
Ключевые слова: психолингвистика, речежанровое мышление, речежанровая компетенция, языковая личность, онтогенез.

SPECIFICITY OF THE DEVELOPMENT OF GENRE COMPETENCE IN THE PROCESS OF ONTOGENESIS

Bondarenko A.O.

The article is devoted to psycholinguistical aspects of studying speech genres, the problem of formation of speech competence in ontogeny and formation of genre speech thinking in the mastering of a foreign language.
Keywords: genre speech thinking, genre speech competence, language personality, ontogeny.

В настоящее время изучение жанров речи стало одним из значимых и перспективных исследовательских направлений. Жанры речи стали предметом изучения не только в генристике, но в том числе в психолингвистике. Причина тому – универсальная природа речевых жанров, они – связующая нить, благодаря которой «далекая» от человека языковая система находит свое применение в реальности [2, с. 109]. Большой интерес для психолингвистики представляет проблема речежанровой компетенции и процесс ее становления в ходе индивидуального развития личности. Ее разработкой и изучением в своих трудах занимались Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, И.Н. Горелов, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и многие другие.

В науке давно известно, что процесс речепорождения не имеет единой модели, коммуникативная деятельность каждого отдельного индивида невероятно разнообразна, поэтому разные ситуации общения, стили и речевые жанры по-разному формируют мысль в речи. Жанры речи не являются искусственно созданным условием коммуникации, они живут в языковом сознании человека в форме сложившихся схем, фреймов. Любой процесс речевой деятельности начинается с появления мотива и далее переходит на стадию коммуникативного намерения. Уже изначально в процессе становления дискурса говорящий распознает социально-коммуникативную ситуацию (разговор по душам, беседу, конфликт, светское общение) и целевую установку общения. По мнению психолингвистов И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, на этой стадии у коммуниканта зарождается хотя и призрачная, но цель высказывания [2, с. 213]. Таким образом, на самых ранних этапах формирования речи существует направленность на определенный речевой жанр. Можно говорить о том, что речемышление имеет жанровую сущность, она определяет модель порождения речи, смысловой характер высказывания и много другое. Речежанровый компонент коммуникации обуславливает особенности смыслового восприятия речи.

В работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов отмечается, что смысловое восприятие является глубоким процессом мышления, состоящим из множественного кодирования, сложных трансформаций внешних языковых кодов во внутренний код. А внутренний код, в свою очередь, образовывает содержание текста, и как результат – его понимание [7, с. 46]. С момента начала коммуникации включается единый психологический процесс понимания речи, в котором говорящий не только отправляет речевое сообщение слушающему, но и воспринимает ответную мыслительную деятельность, осознает намерения и интенции речи. Жанровая сущность дискурсивного мышления помогает постичь смысл высказывания. Успешность общения обусловливается как языковой компетенцией, так и социально-психологической, речежанровой компетенцией сторон общения. Знание речежанровых норм и правил общения, понимание жанровых установок коммуникантов увеличивает его эффективность и существенно снижает риск возникновения коммуникативного недопонимания и конфликта [4, с. 19]. По мнению К.Ф. Седова, степень «вплетения» жанровых норм в сознание личности повышает уровень его речежанровой компетенции и преобразует характер речемышления [8, с. 86].

Являясь неотъемлемой частью языкового сознания индивида, речевые жанры, их выбор и выбор жанровых стратегий в процессе общения –

это индивидуальное проявление личности, демонстрирующее его сложную сущность. Именно языковая личность становится ключевым звеном в паре «индивид – речевые жанры» и должна составлять основу для изучения жанров речи и моделей речежанрового поведения [1, с.16]. Речежанровая компетенция – это способность построить продуктивное общение согласно речежанровым нормам; это составляющий элемент общей компетенции общения. По степени развитости речежанровой компетенции можно дать речевой портрет индивида, определить его принадлежность к той или иной социальной группе. Что же касается психолингвистической сущности речевых жанров, жанрового мышления и речежанровой компетенции личности, то здесь встает вопрос о том, как происходит становление жанровой компетенции в процессе индивидуального развития личности. Таким образом, можно отметить существование прямой связи между генристикой и одной из областей психолингвистики – онтолингвистикой. Предметом изучения этой науки является процесс становления речи в онтогенезе. Поскольку онтолингвистика исследует процесс развития способностей к выстраиванию дискурса, объектом ее изучения становится детский дискурс.

С начальных этапов развития ребенок «впитывает» в себя определенную систему жанровых норм, овладевает ее формами и применяет их в практической деятельности. Проведенные исследования показывают, что интонация, вокальная канва речи оформляют коммуникативную ситуацию. Поэтому ребенком понимается жанр как единство тональности, темпа, тембра, ритма, громкости голоса, его эмоциональной окрашенности, и только потом начинает выделять в нем важные части [6, с. 51]. Определенно можно утверждать, что жанровое мышление предшествует словесному этапу речевого развития индивида, но систему речевых жанров младенцев составляют протосубжанры неинформативного общения.

Общение в семье – одна из основополагающих ступеней в формировании коммуникативной жанровой компетенции. Семья – это уникальный микросоциум, поэтому она обладает индивидуальными жанровыми схемами, оформляющими повседневные ситуации, т.е. имеет свой исключительный речевой портрет.

Еще одним фактором, влияющим на развитие жанровой компетенции, является игровая деятельность. К.Ф. Седов считает, что игра – это особого рода тренировка, где отрабатываются коммуникативные жанровые нормы [8, с. 175]. Сюжетно-ролевая игра наиболее способствует развитию и улучшению коммуникации. В процессе сюжетно-ролевой игры ребенок может примерить на себя различные статусы и роли, осознать социальные отношения в окружающем мире.

Двухлетний-трехлетний ребенок усваивает принципы речевого поведения в социуме. Субжанры приветствия, прощания и благодарности входят в обиход. Он обладает довольно большим и разнообразным типовым набором сценариев социального общения людей, так называемыми жанровыми фреймами. Ребенок накапливает их механически, инстинктивно в ходе общения с ограниченным кругом лиц, семьей. Такое общение можно охарактеризовать неофициальной личностно-нацеленной направленностью. Оно реализуется в виде диалога и использует простые обыденные речевые жанры (вопросы, бытовые разговоры, просьбы, жалобы, ссоры, этикетные жанры и др.). Стоит заметить, что разговор осуществляется в произвольной форме, отсутствует регулированная схема общения. В этом возрасте ребенок разделяет фатические и информативные жанры и овладевает рассказом, одним из первых информативных жанров [5, с. 102–110].

На примере жанра рассказа наиболее заметно движение в развитии жанровой компетенции детей дошкольного возраста. Рассказ относится к жанрам разговорной речи и имеет сообщительную монологическую направленность. В раннем возрасте рассказ представляет собой речевые высказывания из одного акта и имеет форму диалога. Общая цель рассказа – поделиться информацией, но на ранних этапах речевого развития ребенку сложно выполнить эту задачу без помощи направляющих вопросов со стороны взрослого. Ребенок способен рассказать о предметах и моментах случившихся в жизни. Рассказ-фантазия – особый вид рассказа, проявляющийся в игре и характерный для старших детей 4–5 лет. С развитием ребенка рассказ становится более складным, логичным и цельным, переходит от диалога к монологу.

В возрасте 5–6 лет увеличение социального взаимодействия детей ведет к росту жанрового разнообразия. В этом случае, можно говорить о выучиваемых жанрах бытовой и личностно-ориентированной коммуникации. Конечно, процесс «обучения» новым речевым жанрам не может происходить без коммуникативных неудач, ребенок учится не только переживать их, но и подвергает анализу, опробывает на практике различные речевые тактики, в дальнейшем применимые в схожих обстоятельствах.

Расширяя и увеличивая количество социальных коммуникаций, ребенок дошкольного возраста активно развивает жанровое мышление. С

развитием мышления, памяти, фантазии, мировосприятия происходит овладение новыми жанрами. Помимо привычного общения в семье, круг коммуникантов и коммуникативных ситуаций расширяется, в сознании ребенка углубляется понимание различий между фатической и информативной речью. Школьное обучение способствует овладению риторическими жанрами, повышению уровня языкового контроля и обдуманности высказываний. И в возрасте 7–8 лет можно говорить о четком понимании и разделении официальных и неофициальных, публичных и непубличных, персональных и институциональных жанров.

В речи подростков усматривается символическая образность, окружающая действительность моделируется исключительно при помощи средств языка. В жанрах информативного дискурса увеличивается роль нарративных (аналитических) стратегий разворачивания замысла в текст [8, с. 154]. Таким образом, в процессе формирования языковой личности новый тип дискурсивного поведения замещает ранее усвоенный, расширяются возможности речи.

Важно также отметить, что если в формировании информативного жанрового мышления можно выявить общие для всех тенденции развития, то, говоря о фатических жанрах, языковая личность овладевает ими по-разному в зависимости от социальной обстановки ее развития. Так, каждая личность создает свой собственный уникальный речевой портрет. Говоря о риторических жанрах, требующих от языковой личности подготовленности речи, риторичности, оценочности и осознания стратегий и тактик, мы подразумеваем риторическую грамотность индивида, языковую компетенцию и культуру общения, стремление совершенствовать свои речевые навыки.

Отдельный интерес в изучении психолингвистических аспектов речевых жанров представляет речежанровое мышление при овладении иностранным языком. В современной системе образования ребенок очень рано сталкивается с иностранным языком, обычно в школе или даже еще раньше, поэтому в процессе овладения неродным языком важно погружение в коммуникативную ситуацию, приближенную к естественному процессу овладения языком. Как отмечает В.Л. Скалкин, коммуникативная ситуация – это фундамент вербальной коммуникации, протекающей в реальных условиях [9, с. 165].

Исследование Н.Ю. Смирновой, посвященное формированию жанрового мышления в условиях искусственного билингвизма, позволило установить, что при овладении иностранным языком языковая личность отталкивается от выработанной в родном языке концепции жанрового мышления. Учитывая тот факт, что обучающийся начинает знакомство с иностранным языком с изучения этикетных правил и норм, то вначале он осваивает вторичные фатические жанры, в частности, светскую беседу. Т.е. процесс формирования жанрового мышления на неродном языке идет сверху вниз, от более сложных вторичных жанров к первичным бытовым. Процесс овладения первичными фатическими жанрами начинается при более глубоком изучении иностранного языка. Необходимо отметить, что умение использовать различные речевые тактики, способствующие успешной коммуникации, показывают степень сформированности речежанрового мышления на втором (иностранном языке), умение порождать и воспринимать иностранный дискурс [10, с. 277–283]. Таким образом, можно сделать вывод, что, усваивая жанровые стереотипы иностранного языка, языковая личность переходит от простой нериторической фатики и этикетных субжанров к сложным информативным и риторическим жанрам.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, процесс овладения речевыми жанрами и становления речежанровой компетенции начинается с первых этапов развития языковой личности. Степень овладения жанрами варьируется в зависимости от возраста коммуникантов. С увеличением социальных контактов объем жанрового репертуара увеличивается, в речи детей начинают использоваться как первичные, так и вторичные жанры речи. А возможность разделять фатические и информативные, персональные и институциональные коммуникативные жанры говорит об уровне сформированности коммуникативной компетенции. Что касается процесса формирования речежанрового мышления в условиях искусственного билингвизма, то в этом случае можно наблюдать обратную тенденцию овладения вначале высшим уров-нем языкового пространства, т.е. вторичными жанрами речи, а затем и бытовым уровнем повсе-дневной коммуникации как показателем высшего уровня овладения иностранным языком.

Список литературы

1. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.

2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.

3. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С.109–121.

4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

5. Кощеева О.В. Становление речежанровой компетенции в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») / О.В. Кощеева // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2011. Вып.14. Ч. III. С. 102–110.

6. Ли Н.М. Взаимодействие матери и ребенка. Интонационный аспект (возраст 1.3 – 1.8) // Психолингвистика и проблемы и проблемы детской речи. Череповец, 2000. С.50–52.

7. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215с.

8. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 124–137.

9. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Русский язык, 1981. 248 с.

10. Смирнова М.Ю. Формирование жанрового мышления в условиях искусственного билингвизма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. №2. С. 277–283.

Об авторе

Бондаренко Алина Олеговна – аспирант 2 курса, кафедра теории языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, alina–292007@mail.ru

УДК 811.161.1'42

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКА СИММЕТРИИ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Величкова Л.В., Двойменная В.И.

В работе представлен анализ средств поэтического текста: метро–ритмических параметров, системы вокализма и консонантизма в их дифференциальных признаках, участвующих в выражении признака, а также лексико-грамматических средств. Показано, что функционирование признака симметрии создает стройность стихотворного текста на разных его уровнях, а нарушение симметрии способствует выделению значимых моментов поэтического текста.
Ключевые слова: признак симметрии, стихотворный текст, дифференциальные признаки фонем, стихотворный метр, ритм, рифма.

MANIFESTATION OF THE SIGN OF THE SYMMETRY AT VARIOUS LEVELS OF THE POETIC TEXT

Velichkova L.V., Dvoymennaya V.I.

The analysis of means of the poetic text is shown in this work as the meter-rhythmic parameters, system of vocals and consonants in their differential signs which participate in the expression of the sign, also lexical and grammatical means. The functioning of the sign of symmetry creates symmetry of the poetic text at its different levels, and the disturbance of the sign promotes allocation of the significant moments of the poetic text.
Keywords: a sign of the symmetry, poetic text, differential signs of phonemes, poetic meter, rhythm, rhyme.

Признак симметрии присущ всем явлениям окружающего мира. Он наблюдается и исследуется в различных областях науки. Симметрия (от греческого symmetría – «соразмерность») – необычайно широкое понятие, которое в бытовом сознании ассоциируется с бесчисленным множеством объектов и явлений действительности. Сложность приложения термина «симметрия» к лингвистическому анализу заключается в том, что унифицированного, терминологически однозначного определения симметрии в науке о языке нет. Вместе с тем, на всех уровнях системы языка исследователь наблюдает функционирование этого признака. Интерес представляет проявление признака симметрии в речи. В лингвистике функционированию этого признака целенаправленно не уделялось внимание. Вместе с тем, в описаниях системы языка, начиная с уровня фонологии, можно проследить симметричность проявления признаков каждого уровня языка в его элементах. Исследуя элементы системы языка, лингвист задается вопросом о проявлении симметрии в речи, где этот признак не может быть непосредственно наблюдаем на сравнительно небольшом пространстве материала. Анализ проявления этого признака, как и других, предполагает разработку специальных механизмов исследования.

Симметрия является свойством систем вокализма и консонантизма каждого языка [3], она проявляется и на уровне супрасегментных единиц [4]. Сама природа языковой системы в концепции Ф. де Соссюра и основоположников фонологии предполагает симметрию как один из основных признаков, проявление которого можно наблюдать в бинарном соотношении единиц различных уровней по признакам каждого из уровней. Проявление этого признака, на наш взгляд, можно проследить в наиболее яркой форме на примере поэтического текста. На относительно малом пространстве текста сосредоточены языковые средства для выражения определенного эмоционального настроя, при этом возможности данного языка часто проявляются особенно интенсивно и многообразно. В цели нашего исследования входит рассмотрение элементов текста, реализующих признак симметрии, а также анализ функциональной нагрузки этого признака с точки зрения степени его проявления. Для исследования было выбрано стихотворение известной русской поэтессы Беллы Ахмадулиной.

Потом Я вспомню

Потом я вспомню, что была жива,
зима была, и падал снег, жара
стесняла сердце, влюблена была -
в кого? во что?
Был дом на Поварской
(теперь зовут иначе)... День-деньской,
ночь напролет я влюблена была -
в кого? во что?
В тот дом на Поварской,
в пространство, что зовется мастерской
художника.
Художника дела
влекли наружу, в стужу. Я ждала
его шагов. Сморкался день в окне.

Потом я вспомню, что казался мне
труд ожиданья целью бытия,
но и тогда соотносила я
насущность чудной нежности - с тоской
грядущею... А дом на Поварской -
с немыслимым и неизбежным днем,
когда я буду вспоминать о нем...
[1, с.185].

Стихотворение написано пятистопным ямбом, который ближе к разговорной речи. Мы предполагаем, что оно может восприниматься слушателями как прозаический текст в силу того, что ритмические параметры текста приближают его к разговорной речи в жанре рассказа: данному стихотворению присущи длинные строки с чередованием ударных и безударных, что больше свойственно разговорной речи на русском языке.

˘ _ ˘ _ ˘ _ ˘ _ ˘ _

Б.Ахмадулина пытается преподнести нам стих как рассказ о прошлом, которое от нее далеко и сейчас является воспоминанием. В данном стихотворении довольно сильно эпическое начало.

Мы сталкиваемся с намеренным авторским употреблением разрывов в стихе, в результате чего подлежащие и сказуемые разносятся по разным строкам. Такой прием вносит на грамматическом уровне стихотворного текста явную асимметрию. Для наглядности в схеме стихотворения этот разрыв будет отмечен двойными вертикальными чертами.

1. Потом я вспомню, что **была** жива,
2. зима **была**, и падал снег, жара||
3. стесняла сердце, влюблена **была** -
4. в кого? во что?
5. Был дом на Поварской
6. (теперь зовут иначе)... День-деньской,
7. ночь напролет я влюблена **была** -
8. в кого? во что?
9. В тот дом на Поварской,
10. в пространство, что зовется мастерской||
11. художника.
12. Художника дела
13. влекли *наружу*, *в стужу*. Я ждала
14. его шагов. Сморкался день в окне.
15. Потом я вспомню, что казался мне
16. труд ожиданья целью бытия,
17. но и тогда соотносила я||
18. насущность чудной нежности - с тоской||
19. грядущею... А дом на Поварской -
20. с немыслимым и неизбежным днем,
21. когда я буду вспоминать о нем...

Рифма существует в стихотворении, однако, её проявление не наглядно для читателя/слушателя, рифму надо искать, внимательно приглядеться и вчитаться в текст. Системной рифмовки, как явной черты стихотворения, у поэтессы нет. При удалении из текста графических разделителей она появится и будет парной.

Повторы слов, оборотов выступают симметризаторами текста, но они повторяются как в прозе, а не как элементы стиха, придающие ему гармонию. Такие регулярности зачастую встречаются в прозаическом тексте. Отметим также и облегчение размера в стихе. По правилам стихосложения слог, который должен быть ударным, у Б.Амадулиной становится безударным, разрушая заданную метром симметрию. С вокальной точки зрения стихотворение обладает системностью больше, чем с метрической стороны. Так мы находим и внутреннюю рифму: «наружу, в стужу». Вокальные, фонические моменты стиха создают стройность, гармонию гласных, где *Vv*- передний ряд гласных; *Vm*- средний ряд; *Vh*- задний ряд;

о- о- ø- а- а а- а- а- е- а я- е- ø- а- а о- о	*Vh- Vh- Vm- Vm* *Vm- Vm- Vm- Vv- Vm* *Vm- Vv- Vm- Vm* *Vh- Vh*
о- ø- о е- у- а- е- о ø- е- ø- а- а о- о	*Vh- Vh* *Vv- Vh- Vm- Vv- Vh* *Vv- Vm- Vm* *Vh- Vh*
о- ø а- ø- е- ø- о о- ø	*Vh* *Vm- Vv- Vh* *Vh*
о- ø- а и- у- у- ø- а о- о- а- е- е о- о- ø- а- е ø- а- е- ø- я ø- а- ø- и- я у- у- е- ø- о у- ø- о- ø- о ы- ø- ø- е- е а- у- ø- а- е	*Vh- Vm* *Vv- Vh- Vh- Vm* *Vh- Vh- Vm- Vv- Vv* *Vh- Vh- Vm- Vv* *Vm- Vv- Vm* *Vm- Vv- Vm* *Vh- Vh- Vv- Vh* *Vh- Vh- Vh* *Vm- Vv- Vv* *Vm- Vh- Vm- Vv*

Нам представляется интересным сосредоточие максимального количества гласных заднего ряда в одной строке, что было отмечено красным цветом; синим цветом были отмечены идентичные строки по своему содержанию гласных переднего и среднего ряда.

Очевидно преобладание гласных заднего ряда (27), немного меньше в стихотворении гласных среднего ряда (21) и малочисленными оказались гласные переднего ряда (15).

Вокалические симметризаторы разрушаются на уровне синтаксиса, строфики, что делает текст "неудобным" для восприятия. Графически подчеркнута негармоничность, "нестихотворность", и создает автор это отсутствием заглавных букв и переносами строк.

На уровне консонантизма мы видим вариации фонем по их основному дифференциальному признаку в русском языке– «звонкость\глухость». Через всю вертикаль текста проходит оппозиция **б-п :**

п-б (1)потом - была,
б (2) была,
б (3) была,
б-п (5) был - Поварской,
б (7) была,
п (9) Поварской,
п (10) пространство**,**
п (15) потом,
п (19) Поварской,
б (20) неизбежным,
буду (21).

Другие оппозиции по признаку «звонкость\глухость» в пространстве текста составляют фонемы **д-т:**

д (5) дом,
д-д (6) день - деньской,
т-д (9) тот дом,
д (14) день,
т (16) труд,
т (17) тогда,
т (18) тоской,
д (19) дом,
д (20) днем
и фонемы ж - ш:
ж (1) жива,
ж (2) жара,
ж (11 и 12) художника,
ж-ж - ж (13) - ш (14) наружу, в стужу, ждала - шагов,
ж (16) ожиданья,
ж (18) нежности,
ж (20) неизбежным.

Признакосодержащие члены (звонкие согласные фонемы) образуют минимум одну и более контактную оппозицию с фонемами, не несущими этот признак (глухими): **б-п**: *потом – была*, *был – Поварской*, *тот дом*, *наружу, в стужу, ждала–шагов*,

в остальных случаях они чередуются по вертикали поэтического текста, их повторы и нарушение их последовательности фонемой с противоположным знаком оппозиции участвует в создании ассоциативных рядов текста: непосредственное нахождение в описываемой обстановке, смена яркого воспоминания с ощущением нахождения *там* в напоминание с чувством сожаления, а в конце текста утверждающее « *буду*»;

д-т: *день, день–деньской, дом* как важные, окрашенные в оптимистическое настроение элементы текста, встреча двух « полюсов»: *тот дом* и последующие *труд, тогда, тоской* как противоположный ряд.

ж-ш: оппозиция ассоциируется с напряжением, при этом доминирует признакосодержащий элемент **ж**, контактная оппозиция **ж, ж, ж-ш** усиливает ощущение напряжения и его спада: *наружу, в стужу, ждала – шагов*.

Сонанты выступают в начале текста: **л** (1,2,3) *была*, и в его завершающей части:(15, 19, 20, 21) *мне, дом, днем, нём.*

В конце текста сонанты выступают в абсолютном конце слова, то есть в слабой позиции с точки зрения их представленности в речевом потоке, что позволяет говорить об их несущественной роли в создании образности текста. Сонанты не участвуют активно в вертикальной симметрии фонологических признаков консонантизма, они не участвуют в создании корреляций по основным дифференциальным признакам системы русского консонантизма.

В дополнении к пиррихиям и разрывам появляется ощутимая асимметрия метра и ритма в четырех местах стихотворения: *художни**ка** - труд**о**жиданья целью бытия- «но **и** тогда соотносила я»*- данная строка представляются нам безвоздушной, вязкой,- «с не**мы**слимым и неизбежным днем». По метру стихотворение принадлежит к пятистопнику, но в нем всего лишь два акцента, что показывает явное тяготение автора к асимметрии. Здесь уместно наблюдение Е.А.Зоз о том, что «даже повтор звука с фонетическим значением, противоположным общей оценочно-эмоциональной тональности текста, под воздействием системы этого текста приобретает характер отголоска доминирующего мотива произведения, способствует воплощению его эстетического замысла» [2, с. 45].

Регистрируемые «осложнения» ритмико-интонационной структуры стиха (перебивки акцентов, «синкопы» и прямые отступления от правильного размера, синтаксическая неоднородность), как и эксперименты с его звуковой формой (например, «утяжеление», затемнение тембровых красок за счет аллитераций или, напротив, облегчение, «осветление» звучащего текста через ассонансы и повторы сонорных, даже уход от очевидных созвучий),- словом, все те выразительные особенности поэтического текста, которые мы рассматривали в

качестве явлений, привносящих асимметрию в рамках текста, воспринимаются именно как стилистические «модификаторы» формы, не нарушающие общую силлабо-тоническую «канву», а усложняющие, разнообразящие ее.

Проведенный анализ позволил проследить функции признака симметрии в создании поэтического образа на уровне метро-ритмических параметров, лексико-грамматических средств и фонемного состава. На фонологическом уровне можно сделать вывод об активном участии вокализма, и особенно консонантизма в реализации признака симметрии через ведущий дифференциальный признак («звонкость\глухость»). Перемены настроя поэтического текста находят отражение в распределении фонем, маркированных и немаркированных наличием ведущего признака (звонких и глухих).

Мы рассмотрели функционирование формальных признаков, участвующих в реализации признака симметрии поэтического текста. Мастерство автора, видимо, составляется из осознанных и скрытых приемов, обусловленных возможностями языка и владением автором этими возможностями. Рассмотрение этих вопросов относится к области литературоведения.

Восприятие поэтического текста и роль параметров разных уровней в этом процессе представляет большой интерес и может быть исследовано методом психолингвистического эксперимента. Восприятие поэтического текста в значительной степени может быть обусловлено воздействием признака симметрии, это воздействие на уровне признаков фонем и метро–ритмических параметров отличается от воздействия лексических единиц текста, которые также принимают участие в выражении этого признака. Нарушение признака симметрии происходит в кульминационных моментах, что прослеживается на примере анализа, представленного в настоящей работе.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. Избранное. М.: Советский писатель, 1988. С.477.

2. Зоз Е.А. Взаимодействие структурных уровней поэтического текста // Единицы поэтической речи и их функции: сб.науч.тр. / МИИЯ им. М.Тореза. 1990. Вып. 352. С.41 -49.

3. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. / Н.С.Трубецкой; пер. с нем. А.А.Холодовича; ред. С.Д.Кацнельсона; послесл. А.А.Реформатского; науч. подгот. и вступ. ст. Л.А.Касаткина. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2000. С.351.

4. G.Meinhold und E.Stock. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches - Institut Leipzig, 1982, 266 S.

Об авторах

Величкова Людмила Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии, Воронежский государственный университет, luvel1@rambler.ru

Двойменная Виктория Игоревна – соискатель, кафедра немецкой филологии, Воронежский государственный университет, dvvita@yandex.ru

УДК 81'373

РОЛЬ ОБРЯДОВОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Егорова О.Н., Манукян Д.Д.

Обряды сопутствуют многим событиям жизни человека. Они фиксируют миропорядок, отражают многообразные связи и взаимоотношения людей в обществе. При этом всякий обряд, включенный в художественную канву, может способствовать как воссозданию исторической эпохи, так и более образному восприятию национального характера.
Ключевые слова: обряд, текст, фольклор, цитация, магический ритуал.

THE ROLE OF CEREMONY LEXIS IN FICTION

Egorova O.N., Manukyan D.D.

Ceremonies accompany many of the events of human life. They manifest world order, reflect multiform links and relations of people in the society. So, any ceremony in fiction can serve both the creation of corresponding historical epoch and more imaginative perception of national character.
Keywords: Ceremony, text, folklore, citation, magic ritual.

Язык является системой знаков передающих информацию. Рассматривая и анализируя художественные произведения, мы анализируем, прежде всего, язык, т.е. лексические средства, при помощи которых писатель воссоздает окружающий мир. Именно слово позволяет писателю воздействовать на читателя и воссоздать в его воображении незабываемые образы.

«В самую сию минуту вижу необыкновенный свет в темном моем коридоре, вижу огненные круги, которые вертятся с блеском и с треском и, наконец, - о чуда! – являют мне твой образ, образ неописанной красоты, неописанного величества! Очи твои сияют, как солнцы; уста твои алеют, как заря утренняя, как вершины снежных гор при восходе дневного светила, - ты улыбаешься, как юное творение в первый день бытия своего улыбалось, и в восторге слышу я сладко-гремящие слова твои…» [1].

У каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные своеобразным наполнением каждого слова, особенностями языка, которые закрепляются в языковой системе и составляют национальную специфику.

В.А. Маслова, И.Г. Яковенко считают, что для выяснения сущности языка и его роли в формировании национального менталитета нужно подходить к языку не только как к средству коммуникации, но и как к неотъемлемому составному компоненту культуры, ибо язык и культура связаны между собой. Система образов, обрядов, традиций, существующие в человеческом сознании, выражаются в языке.

Обрядовый фольклор - это произведения устного народного творчества, которые, в отличие от фольклора внеобрядового, являлись органической частью традиционных народных обрядов [2]. В жизни любого народа обряды занимали важное место: они складывались из века в век, передавались из поколения в поколение, постепенно накапливая разнообразный опыт.

Обряды сопутствовали многим событиям жизни человека, среди которых важнейшие - рождение, вступление в брак, смерть, исцеление и др. Жанровый состав обрядового фольклора разнообразен и расшифровка семантики лексических единиц обрядовых текстов дает не только информацию об общей структуре обряда, символике предметов, но и о мировосприятии той или иной общности производящей этот обряд.

Основополагающим в обрядовом тексте является действенный код. А при анализе обрядового текста необходимо говорить о значимости семантики расшифровки этого кода. Выделение семантической периферии каждой лексической единицы обрядового текста позволяет составить более полное представление о духовных ценностях народа. В предметном коде обряд высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение.

В системе обряда за многими предметами закреплена определенная магическая функция: охранительная, замещения, исцеления, очищения и др. На второй план уходят инструментальная, конструктивная, характеризующая функции, и возникает либо вещеобразность частей тела, либо псевдотелесность вещей.

Народные обряды и обрядовый фольклор получили глубокое и многогранное отображение в художественной литературе. В русской литературе фольклорные элементы можно встретить у

А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого и другие.

В русских исторических романах использование фольклорных элементов для создания исторического колорита широко наблюдалось уже в повестях и романах 20-30-х годов XIX века.

«Через две недели была и свадьба. Гостей съехалось тьма-тьмущая, ведь и тогда охотников пировать на чужой счет было вдоволь. Только столом тряхни, так то и дело гляди в окошко: поезда поездом к рыльцу по них клич кликали. Ну, ведь у прежних бар не пиво варить, не вино курить; хлеб, соль не купленные. Особенно у барона лавливались в море золоточешуйные рыбы с русскими клеймами, а на суши зверки на колесках. Вот повели жениха с невестой со всеми немецкими причудами в церковь. Барон под венцом стоял, охорашивая свою бороду, переступал с ноги на ногу, словно часовой журавль, и покрякивал очень гордо; зато бледная Луиза, бледная как фламское полотно, была ни жива ни мертва и сказала да так невнятно, так невольно, что оно девяноста шести нет стоило. Между тем кой-кто из гостей, особенно дамы в огромных своих фишбейнах, как цветки в корзинах, из-под вееров, словно из-за ширм, подсмеивались над неровнею.

«Муж не бобер, - сказала одна баронесса своей соседке, - проседь только меху цены придает».

«Морщины – такие борозды, на которых всходят плохие растения», - прибавил какой-то забавник.

«Поглядим, - рассуждали иные, - голубка ли выклюет глаза этому старому ворону, или он ощиплет ей перушки!» [3].

В середине XIX века фольклор широко использовался и в драмах, например, Мея «Царская невеста» и «Псковитянка», Чаева «Грозный царь Иван Васильевич. Народная песня в лицах». Стилизация под фольклор составляет в них основу речевого колорита. Чаев в подзаголовках к драмам сам указывает на фольклор как на жанрово-стилистическую особенность своих произведений, на имитацию в них стиля народных исторических песен.

Использование фольклорных элементов в художественных текстах применяется и для характеристики персонажей, и для воссоздания исторического колорита.

Наиболее ярким и умелым примером использования народно-поэтических средств, органически вплетенных в канву повествования, может служить роман А.К. Толстого «Князь Серебряный», в котором наблюдается широкое использование фольклорных элементов как для описания эпохи, создания исторического колорита, так и для характеристики героев.

Ритуал и традиция – тайные рычаги всех интеллектуальных сил народа. Это чудеса преданий и роскошь поэзии, прелесть эмблем, господство над умами в любопытстве и страхе.

В каждый обряд вкладывается свое содержание, но он всегда представляет собой условное действие, цель которого - выразить в символической форме конкретные представления и определенные идеи.

В романе «Князь Серебряный» мы встречаем элементы народных сказаний, былин, заговоров, заклинаний, гаданий, поверий при помощи которых отображается мировосприятие того времени.

«Месяц взошел на небо, звезды ярко горели. Полуразвалившаяся мельница и шумящее колесо были озарены серебряным блеском. Вдруг раздался конский топот, и вскоре повелительный голос закричал под самой мельницей:

- Эй, колдун!

Казалось, новый приезжий не привык дожидаться, ибо, не слыша ответа, он закричал еще громче:

- Эй, колдун! Выходи, не то в куски изрублю!

Послышался голос мельника:

- Тише, князь, тише, батюшка, теперь мы не одни, остановились у меня проезжие; а вот я сейчас к тебе выйду, батюшка, дай только сундук запереть.

- Я те дам сундук запирать, чертова кочерга! - закричал тот, которого мельник назвал князем, - разве ты не знал, что я буду сегодня! Как смел ты принимать проезжих! Вон их отсюда!

- Батюшка, не кричи, бога ради, не кричи, все испортишь! Я тебе говорил уже, дело боится шума, а проезжих прогнать я не властен. Да они же нам и не мешают; они спят теперь, коли ты, родимый, не разбудил их!

- Ну, добро, старик, только смотри, коли ты меня морочишь, лучше бы тебе на свет не родиться. Еще не выдумано, не придумано такой казни, какую я найду тебе!

- Батюшка, умилосердись! что ж мне делать, старику? Что увижу, то и скажу; что после случится, в том один бог властен. А если твоя княжеская милость меня казнить собирается, так лучше я и дела не начну!

- Ну, ну, старик, не бойся, я пошутил.

Проезжий привязал лошадь к дереву. Он был высокого роста и, казалось, молод. Месяц играл на запонках его однорядки. Золотые кисти мурмолки болтались по плечам.

- Что ж, князь, - сказал мельник, - выучил ты слова?

- И слова выучил, и ласточкино сердце

ношу на шее.

- Что ж, боярин, и это не помогает?

- Нет, - отвечал с досадой князь, - ничего не помогает! Намедни я увидел ее в саду. Лишь узнала она меня, побледнела, отвернулась, убежала в светлицу!

- Не прогневись, боярин, не руби невинной головы, а дозволь тебе слово молвить.

- Говори, старик.

- Слушай, боярин, только я боюсь говорить...

- Говори! - закричал князь и топнул ногой.

- Слушай же, батюшка, уж не любит ли она другого?

- Другого? Кого ж другого? мужа? старика?

- А если... - продолжал мельник, запинаясь, - если она любит не мужа?..

- Ах ты леший! - вскричал князь, - да как это тебе на ум взбрело? Да если б я только подумал про кого, я б у них у обоих своими руками сердце вырвал!

Мельник отшатнулся в страхе.

- Колдун, - продолжал князь, смягчая свой голос, - помоги мне! Одолела меня любовь, змея лютая! Уж чего я не делал! Целые ночи перед иконами молился! Не вымолил себе покою. Бросил молиться, стал скакать и рыскать по полям с утра до ночи, не одного доброго коня заморил, а покоя не выездил! Стал гулять по ночам, выпивал ковши вина крепкого, не запил тоски, не нашел себе покоя в похмелье! Махнул на все рукой и пошел в опричники. Стал гулять за царским столом вместе со страдниками, с Грязными, с Басмановыми! Сам хуже их злодействовал, разорял села и слободы, увозил жен и девок, а не залил кровью тоски моей! Боятся меня и земские и опричники, жалует царь за молодечество, проклинает народ православный. Имя князя Афанасья Вяземского стало так же страшно, как имя Малюты Скуратова! Вот до чего довела меня любовь, погубил я душу мою! Да что мне до нее! Во дне адовом не будет хуже здешнего! Ну, старик, чего смотришь мне в глаза? Али думаешь, я помешался? Не помешался Афанасий Иванович; крепка голова, крепко тело его! Тем-то и ужасна моя мука, что не может извести меня!

Мельник слушал князя и боялся. Он опасался его буйного нрава, опасался за жизнь свою.

- Что ж ты молчишь, старик? али нет у тебя зелья, али нет корня какого приворотить ее? Говори, высчитывай, какие есть чародейные травы? Да говори же, колдун!

- Батюшка, князь Афанасий Иванович, как тебе сказать? Всякие есть травы. Есть колюка-трава, сбирается в Петров пост. Обкуришь ею стрелу, промаху не дашь. Есть тирлич-трава, на Лысой горе, под Киевом, растет. Кто ее носит на себе, на того ввек царского гнева не будет. Есть еще плакун-трава, вырежешь из корня крест да повесишь на шею, все тебя будут как огня бояться!

Вяземский горько усмехнулся.

- Меня уж и так боятся, - сказал он, - не надо мне плакуна твоего. Называй другие травы.

- Есть еще адамова голова, коло болот растет, разрешает роды и подарки приносит. Есть голубец болотный; коли хочешь идти на медведя, выпей взвару голубца, и никакой медведь тебя не тронет. Есть ревенка-трава; когда станешь из земли выдергивать, она стонет и ревет, словно человек, а наденешь на себя, никогда в воде не утонешь.

- А боле нет других?

- Как не быть, батюшка, есть еще кочедыжник, или папоротник; кому удастся сорвать цвет его, тот всеми кладами владеет. Есть иванда-марья; кто знает, как за нее взяться, тот на первой кляче от лучшего скакуна удерет.

- А такой травы, чтобы молодушка полюбила постылого, не знаешь?

Мельник замялся.

- Не знаю, батюшка, не гневайся, родимый, видит бог, не знаю!

- А такой, чтобы свою любовь перемочь, не знаешь?

- И такой не знаю, батюшка; а вот есть разрыв-трава; когда дотронешься ею до замка али до двери железной, так и разорвет на куски!

- Пропадай ты с своими травами! - сказал гневно Вяземский и устремил мрачный взор свой на мельника.

Мельник опустил глаза и молчал.

- Старик! - вскричал вдруг Вяземский, хватая его за ворот, - подавай мне ее! Слышишь? Подавай ее, подавай ее, леший! Сейчас подавай!

И он тряс мельника за ворот обеими руками. Мельник подумал, что настал последний час его. Вдруг Вяземский выпустил старика и повалился ему в ноги.

- Сжалься надо мной! - зарыдал он, - излечи меня! Я задарю тебя, озолочу тебя, пойду в кабалу к тебе! Сжалься надо мной, старик!

Мельник еще более испугался.

- Князь, боярин! Что с тобой? Опомнись! Это я, Давыдыч, мельник!.. Опомнись, князь!

- Не встану, пока не излечишь!

- Князь! князь! - сказал дрожащим голосом мельник, - пора за дело. Время уходит, вставай! Теперь темно, не видал я тебя, не знаю, где ты! Скорей, скорей за дело!

Князь встал.

- Начинай, - сказал он, - я готов.

Оба замолчали. Все было тихо. Только колесо, освещенное месяцем, продолжало шуметь и вертеться. Где-то в дальнем болоте кричал дергач. Сова завывала порой в гущине леса.

Старик и князь подошли к мельнице.

- Смотри, князь, под колесо, а я стану нашептывать. Старик прилег к земле и, еще задыхаясь от страха, стал шептать какие-то слова. Князь смотрел под колесо. Прошло несколько минут.

- Что видишь, князь?

- Вижу, будто жемчуг сыплется, будто червонцы играют.

- Будешь ты богат, князь, будешь всех на Руси богаче!

Вяземский вздохнул.

- Смотри еще, князь, что видишь?

- Вижу, будто сабли трутся одна о другую, а промеж них как золотые гривны!

- Будет тебе удача в ратном деле, боярин, будет счастье на службе царской! Только смотри, смотри еще, говори, что видишь?

- Теперь сделалось темно, вода помутилась. А вот стала краснеть вода, вот почервонела, словно кровь. Что это значит?

Мельник молчал.

- Что это значит, старик?

- Довольно, князь. Долго смотреть не годится, пойдем!

- Вот потянулись багровые нитки, словно жилы кровавые; вот будто клещи растворяются и замыкаются, вот...

- Пойдем, князь, пойдем, будет с тебя!

- Постой, - сказал Вяземский, отталкивая мельника, - вот, словно пила зубчатая ходит взад и вперед, а из-под нее словно кровь брызжет!

Мельник хотел оттащить князя.

- Постой, старик, мне дурно, мне больно в составах... Ох, больно!

Князь сам отскочил. Казалось, он понял свое видение. Долго оба молчали. Наконец Вяземский сказал:

- Хочу знать, любит ли она другого!

- А есть ли у тебя боярин, какая вещица от нее?

- Вот что нашел я у калитки! Князь показал голубую ленту.

- Брось под колесо! Князь бросил.

Мельник вынул из-за пазухи глиняную сулею.

- Хлебни! - сказал он, подавая сулею князю. Князь хлебнул. Голова его стала ходить кругом, в очах помутилось.

- Смотри теперь, что видишь?

- Ее, ее!

- Одною?

- Нет, не одну! Их двое: с ней русый молодец в кармазинном кафтане, только лица его не видно. Постой! Вот они сплываются... все ближе, ближе... Анафема! они целуются! Анафема! Будь ты проклят, колдун, будь проклят, проклят!

Князь бросил мельнику горсть денег, оторвал от дерева узду коня своего, вскочил в седло, и застучали в лесу конские подковы. Потом топот замер в отдаленье, и лишь колесо в ночи тиши продолжало шуметь и вертеться» [4].

Воде издавна приписывали волшебные качества. Она, согласно утверждениям, является самым лучшим носителем информации, её легко очищать от негатива и записывать на нее нужные сведения. Она являлась священной стихией и всегда наделялась благодетельной силой, что и отображено в цитируемом отрывке.

Особую роль ритуал играет во врачевании, когда целью является регенерация человеческого существа. Ритуал возвращает человека ко Времени начала, чтобы он начал новую жизнь, заново родился и исцелился.

Один из эпизодов романа «Князь Серебряный» изображает опричников, которые привезли раненного Вяземского к колдуну-мельнику, чтобы тот заговором остановил кровь:

«- Можно ль унять кровь, старик?

- Трудно, кормилец, трудно. Сабля-то была наговорная!

- Наговорная? Слышите, ребята, я говорил, наговорная. А то как бы ему одному семерых посечь!

- Так, так! - отозвалися опричники, - вестимо, наговорная; куды Серебряному на семерых!

Мельник все слушал и примечал.

- Ишь как руда точится! - продолжал он, - ну как ее унять? Кабы сабля была не наговорная, можно б унять, а то теперь... оно, пожалуй, и теперь можно, только я боюсь. Как стану нашептывать, язык у меня отымется!

- Нужды нет, нашептывай!..

Мельник нагнулся над Вяземским, перевязал ему раны, прочитал «Отче наш», положил руку на голову князя и начал шептать:

«Ехал человек стар, конь под ним кар, по ристаням, по дорогам, по притонным местам. Ты, мать, руда жильная, жильная, телесная, остановись, назад воротись. Стар человек тебя запирает, на покой согревает. Как коню его воды не стало, так бы тебя, руда-мать, не бывало. Пух земля, одна семья, будь по-моему! Слово мое крепко!»

По мере того как старик шептал, кровь текла медленнее и с последним словом совсем перестала течь….» [4].

Этот эпизод отображает верования народа

о мощной жизненной энергии заключенной в крови человека. И если каким-либо образом воздействовать на кровь, то можно восстановить или повредить жизненную энергию человека.

При переводе текста на другой язык и при воссоздании реалий чужой культуры часто имеет место такое явление, как «социокультурная адаптация». Особенно это свойственно произведениям, которые отличаются яркой национальной окраской, как по форме, так и по содержанию. Не все традиции, свойственные одному народу, имеют яркое отражение в других культурах, а одни и те же образы-символы могут иметь в разных лингвокультурах разную интерпретацию, что позволяет говорить о возможности замены некоторых реалий, свойственных данному языку, эквивалентами, существующими в языке, на который делается перевод. Тем самым мы говорим о социокультурной адаптации, которая позволяет читать текст, воссозданный в рамках другой культуры.

Например, устойчивое выражение «дремучий лес» переводится на французский «foret profonde» (глубокий лес), «стрельцы» - des gardes royaux (королевские гвардейцы), «змея подколодная» - cette petite vipère (эта маленькая гадюка), maudite vipère (проклятая гадюка), «чаща лесная» - le plus profond de la forêt (самый глубокий лес) и т.д. Подобным образом осуществляется достижение смысловой адаптации и при переводе других терминов, имеющих ярко выраженный национальный характер.

Говоря о воссоздании особенностей национального колорита в художественных текстах мы, прежде всего, говорим о традициях и особенностях мировосприятия представителей разных культур. А при переводе текстов с ярко выраженными национальными особенностями стремимся к достижению смысловой адаптации, что вполне возможно, но требует более тщательной работы с текстом.

Если внешние формы языков лежат на поверхности и бросаются в глаза, то сложнее дело обстоит с их внутренними формами, поскольку семантические отличия между языками не лежат на поверхности, а спрятаны в их глубине.

Таким образом, художественный текст, в который включены фольклорные элементы, имеет сложную, синкретичную структуру. Народно-поэтические языковые средства, органически вписанные в диалогическую и монологическую речь героев, в сочетании с архаическими, разговорно-просторечными, не только усиливают в произведении речевой колорит изображаемой эпохи, способствуют стилистической дифференциации речи героев, ее разнообразию в зависимости от социальной среды, ситуации, индивидуального характера, но и придают языку произведения неповторимую национальную самобытность.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь / Русская историческая повесть в 2 т. М.: Художественная литература, Т.1. 1988. С. 28.
2. Обрядовый фольклор [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litdic.ru/obryadovyj-folklor/ (дата обращения: 25.07.2016).
3. Бестужев-Марлинский А.А. Замок Эйзен. Русская историческая повесть в 2 т. М.: Художественная литература, Т.1. 1988. С. 200-201.
4. Толстой А.К. Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного. М., 1991. 320 с.

Об авторах

Егорова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Армавирский государственный педагогический университет, olga-nik06@mail.ru

Манукян Диана Давидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Армавирский государственный педагогический университет, nomadic_girl@mail.ru

УДК 80;801;808

РОЛЬ ПАУЗ В СЦЕНИЧЕСКОМ МОНОЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА ПЬЕСЫ Ж. КОКТО «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС»)

Захватова Е.А.

Статья посвящена исследованию паузального членения сценической речи на материале моноспектакля «The Human Voice» по одноименной пьесе Жана Кокто «Человеческий голос» (Jean Cocteau, «La Voix Humaine»). В статье анализируются виды пауз и их роль в сценическом монологе; описываются условия коммуникативной ситуации, в которой используется определенный вид пауз; устанавливается роль экстралингвистических пауз в создании выразительности речи. В работе использовались современные методы экспериментального исследования – акустический и аудиторский анализ, элементарные приемы количественного анализа. Полученные результаты имеют как теоретическое значение в сфере интонационно-стилистического описания звучащей речи, так и практическое – при обучении соответствующего интонационного оформления экспрессивной иноязычной речи.
Ключевые слова: сценический монолог, синтаксическая пауза, синтагматическая пауза, логическая пауза, пауза хезитации, экстралингвистическая пауза.

THE ROLE OF DIFFERENT TYPES OF PAUSES IN THE STAGE MONOLOGUE («THE HUMAN VOICE» «LA VOIX HUMAINE» BY JEAN COCTEAU)

Zakhvatova E.A.

The article «The role of different types of pauses in the stage monologue («The Human Voice»«La Voix Humaine» by Jean Cocteau)» examines different types of pauses and their functions in the stage monologue. The material of the research is a monoplay «The Human Voice» by Jean Cocteau. The role of the different types of pauses and their functions are defined. The article reflects the results of the research with the help of expert phoneticians and also includes the electro-acoustic analyses (the computer programme «Speech Analyser»). The given results can help to practice the intonation of the extra expressive stage speech in the language learning situation.
Keywords: stage monologue, grammar pause, syntagmatic pause, logical pause, the pause of hesitation, the extralinguistic pause.

На сегодняшний день изучение и описание интонации звучащего текста является одним из актуальных направлений теоретической и прикладной фонетики. Проблема звучащего текста, интерес к звучащему слову, к его воплощению в жизни и на сцене, его интонационному оформлению волновала ученых и исследователей во все времена. Е.И. Григорьев справедливо отмечает, что «…*живая звучащая речь* является единственным надежным источником пополнения знаний о функциональных свойствах единиц языковой системы, так как именно в ней данные единицы обнаруживают взаимозависимость и взаимное влияние при формировании смысла высказывания. Особенно это касается просодической стороны речи» [1, с. 28]. Подтверждение данного мнения можно найти у А.А. Реформатского, отмечавшего, что интонация проявляется только в речи, «…существует в речи и тем самым принадлежит речи». Изучать интонацию можно именно в речи, «…делая различные записи звуковой цепи и пробуя ее членить и соотно-сить с иными сегментами...» [4, с. 6].

Цель данной статьи заключается в описании значимости паузации в сценической речи, а именно в звучащем сценическом монологическом дискурсе. Сценический монолог с точки зрения лингвистики трактуется как звуковая реализация актерами языка художественной литературы на театральной сцене, являющаяся важным выразительным средством их игры и ориентированная на устойчивые орфоэпические нормы литературного языка. В качестве материала настоящего исследования был избран сценический монолог в исполнении шведской актрисы Ингрид Бергман, сыгравшей роль одинокой женщины в телеспектакле «The Human Voice» («La Voix Humane» by Jean Cocteau) [7]. «Человеческий голос» – это драма безумно влюбленной женщины, которая становится жертвой своих эмоций, переживая разрыв с любимым человеком. Монолог представлен в форме монолога-диалога по телефону с мужчиной, голос которого зритель не слышит. Монолог героини можно условно разделить на три основные части: первая часть монолога – женщина дает себе установку быть сильной и убедить своего возлюбленного, что у нее все хорошо. При этом она еще не знает о его предстоящей женитьбе на другой женщине; вторая часть – разговор, когда мужчина сообщает героине, что его женитьба на другой женщине состоится на следующий день; третья часть монолога – героиня, узнав всю правду, признается в своих чувствах и переживаниях партнеру.

Среди компонентов интонации пауза занимает особое место. Что касается сценического искусства, то именно в сценическом монологе пауза занимает особое место. Под паузой в данной ра-

боте понимается «способ членения речи на отдельные смысловые отрезки большей или меньшей протяженности, составляющие иерархии фо-нетических единиц» [5, с. 42].

Анализ экспериментального материала выявил, что паузы в звучащем монологическом высказывании выполняют важную функцию: они вызваны предлагаемыми обстоятельствами и обладают эмоционально-модальной окраской. В ходе экспериментально-фонетического исследования были получены следующие результаты: сценический монолог характеризуется наличием таких видов пауз, как:

1. Синтаксические, обозначающие границы между фразами и сверхфразовыми единствами (18%):

Пример №1. *ˏYesë[1] it was ˏterrible* **ë** *I ' couldn't ˚hear you with ' all these ' people ˚chattering a ˏwayë at the > same time || You mustn't aˏpologize* **ë** *it's all ˏnatural |[2] You can live your whole life | waiting for the disaster / I'll 'put the ˚yellow 'box 'downstairs with the ˏhouse ˏkeeper* **ë** *„then you can „send „somebody //[3]*

Несмотря на переживания, героиня старается держаться и вести себя относительно спокойно, о чем и свидетельствует наличие синтаксических пауз в ее речи.

2. Синтагматические, отделяющие одну синтагму от другой (40%):

Пример №2. *it wouldn't be very honestë if you had left* ë *without letting me know|*

I had time **ë** *to get used toë this idea* ë *and to understand* ë *what d'you mean|*

I had 'dinner at /Margaret' // 'Now/ it ' must 'be / e'leven fif \teen//

Примечателен тот факт, что короткие синтагмы преобладают в начале монолога: героиня ждет звонка от своего возлюбленного, она остро переживает разрыв с любимым, хотя в глубине души у нее еще теплится надежда на продолжение их отношений. И вот он – долгожданный звонок. Она пытается держаться, быть сильной, но эмоционально окрашенная речь героини, частые паузы говорят о ее крайне напряженном состоянии и волнении:

Пример №3. *Yes, | very well… Uhm,| I am fine.*

Yes,| I'd just got into || ten minutes ago|| You hadn't called before,| had you?||

Are you at home?|| But what time is it|| a little clock by your bed?||

Yes,| but I thought|| What?|| Last night?|| Well,| I went to bed straight away||

And what about you?|| You'd just got in?|| You haven't been out|| Uhm |what case?|| Oh,| darling, you mustn't overwork||

Самые протяженные синтагмы наблюдаются в конце монолога героини, когда все точки расставлены над «i» и героиня полностью раскрывается перед возлюбленным (нет причины уже что-либо скрывать от него). Ниже приведен отрывок из этого монолога, в котором дана расстановка пауз:

Пример №4. *Listen, darling,| listen!| I have never lied to you| yes I know,| I know, |ye… |I believe you, darling, |you| you don't have to convince me…| it isn't that?||*

I wasn't telling the truth |and I told you| how I was |dressed| and that I had dined |with Margaret|| I haven't dined and I am not wearing my grey suit|| I am wearing my night gown|| Yes, |and I haven't eaten I haven't dressed| I haven't been out all day|

Количество синтагматических пауз составило 40% от общего числа пауз, что объясняется характером экспериментального материала: в монологе героини внимание слушателя акцентируется там, где оно необходимо для передачи смысла высказывания.

3. Логические паузы (25%). Логическая пауза – одно из важных выразительных средств устной звучащей речи. Место и длительность логических пауз могут быть различными, в зависимости от сверхзадачи, контекста, условий общения. Актеры отмечают, что при работе над ролью анализ текста начинается именно с овладения логикой мысли и действия, так как от этого зависит распределение ударения, расстановка пауз, а также вся ритмическая организация текста. Логические паузы, составляющие 25% от общего числа пауз, помогают членить речь на смысловые отрезки: синтагмы, фразы, сверхфразовые единства. Ниже приведены примеры логических пауз.

Пример №5. *I know darling*ë *but I wasn't the same*

*You can live your whole life*ë *waiting for the disaster*ë *excepting it* ë *it can still be breaking*ë *when it comes*

*I don't want to blame yourself*ë *listen*ë *it is all my fault* ë *it's my fault*

Героиня расставляет логические паузы таким образом, что слушатель невольно начинает осознавать, что причиной разрыва отношений является героиня, а не предстоящая женитьба ее возлюбленного на другой женщины. Примечателен тот факт, что в речи актрисы логические паузы совпадают с грамматическими только в 40%

[1] *ë – сверхкраткая пауза*
[2] *| - краткая пауза*
[3] *// - долгая пауза*

случаев, что объясняется жанровой принадлежностью исследуемого материала, представляющего собой квазиспонтанную речь.

4. Паузы хезитации (7%). Перерывы в звучании устной речи не всегда зависят от синтаксического строения текста. Паузы образуются по самым разным причинам [2]: паузы для самокоррекции и запинки; паузы, вызванные внешним вмешательством; остановки звучания. В сценическом монологе данные паузы определяются как паузы хезитации. Анализ экспериментального материала показал, что паузы хезитации вызваны предлагаемыми обстоятельствами и несут эмоционально-модальную нагрузку. В узком корпусе исследования паузы хезитации разрывают слова, причем после такой вынужденной остановки героиня повторяет все слово целиком (*I… I can't; my… my grey suit; I… I knew; you can… you can live; to…to understand; and… and listening; I'd … I don't know;*); отделяют части предложения там, где реализация паузы не предусмотрена синтаксическим строением предложения (*I am\ absolutely calm; it wouldn't be very honest if you had / left without letting me; I had time to get used to this idea and to … to understand what d'you mean).* В ходе акустического анализа была зафиксирована пауза хезитации длительностью 600 мсек, которая разрывает слова: героиня настолько волнуется, услышав голос любимого по телефону, что речь ее становится сбивчивой под влиянием захлестнувших ее переживаний: *I >said* ***Ië I*** *'can't åhear you||*

5. Экстралингвистические паузы (10%). К экстралингвистическим паузам относят смех, плач, вздохи, рыдания. В сценической речи экстралингвистические паузы являются неотъемлемой частью создания образа, восприятия героем предлагаемых обстоятельств. В анализируемом монологе данный вид пауз представлен истерическим смехом героини, а также вздохами, громкими возгласами и диким плачем. Экстралингвистические паузы составляют 10% от всех представленных видов пауз. Данные виды пауз относят к невербальным компонентам коммуникации: они экономят языковые средства общения, выражают эмоциональное состояние героини, дополняя картину происходящего. В анализируемом сценическом монологе рыдания, вздохи и возгласы героини оказываются более показательными и выразительными, нежели слова. Здесь нельзя не согласиться с А.А. Леонтьевым в том, что «…все эти дополнения увеличивают семантически значимую информацию, но не посредством дополнительных речевых включений, а «околоречевыми» приемами» [3].

Таким образом, самый низкий процент принадлежит паузам хезитации, что объясняется намерением героини: чтобы убедить партнера, речь должна быть относительно ровной и несбивчивой. В этом и проявляется мастерство и талант актрисы Ингрид Бергман – справиться с волнением, взяв себя в руки, чтобы максимально выполнить сверхзадачу высказывания. По длительности всего сценического монолога были представлены сверхкраткие (50-200 мсек), краткие (200-400 мсек), долгие (400-700 мсек) и сверхдолгие (700 мсек) паузы. Практически в равном соотношении находились краткие (49%) и долгие (45%) паузы, сверхкраткие составили 5.7%, а сверхдолгие – 2.7%, что объясняется спецификой исследуемого материала. Ниже приведена сводная таблица соотношения видов пауз по длительности звучания в анализируемом сценическом монологе.

Таблица 1.

Соотношение видов пауз по длительности звучания в сценическом монологе (%)

Виды пауз	сверх-краткие 50-200 мсек	краткие 200-400 мсек	долгие 400-700 мсек	сверх-долгие 700 мсек
Количество (100%)	5.7%	49%	45%	2.7%

Проанализировав роль пауз в сценической речи, можно сделать вывод, что они играют далеко не второстепенную роль, помогая зрителю более тонко и эмоционально прочувствовать весь накал страсти героини и напряженность отношений между партнерами. Нельзя не согласиться здесь с мнением великого мастера К.С. Станиславского о том, что «…в паузе нередко передают ту часть подтекста, которая идет не только от сознания, но и от самого подсознания, которая не поддается конкретному словесному выражению» [6, с. 54].

Список литературы

1. Григорьев Е.И., Тычинина В.М. Звуки речи и их коммуникативная функция / Е.И. Григорьев. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 128 с.

2. Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи / О.В. Долгова. М.: Высшая школа, 1978. 156 с.

3. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 5.

4. Реформатский А.А. Фонологические этюды. М.: Наука, 1975. 157 с.
5. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.:Ленинградс. ун-т, 1982. 242 с.
6. Станиславский К. С. Работа актера над ролью. М.: Искусство, 1955. Т.4. 554 с.
7. Cocteau J. «The Human Voice». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=vgeC02jaKVw (дата обращения 12.03.16).

Об авторе

Захватова Екатерина Алексеевна – аспирант 3 курса, кафедра английской филологии, Ивановский государственный университет, sunset23@bk.ru

УДК 808

РИТОРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АРГУМЕНТАТИВНОЙ МОДЕЛИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ)

Курочкина А.М.

В статье выявляются основные риторические параметры аргументативной модели рекламных текстов гостиниц и отелей. Аргументативная модель состоит из трех основных компонентов: этического, рационального и эмоционального, выступающего в качестве основного. Все эти компоненты реализуются в текстах гостиничной рекламы при помощи специфического набора стратегий.

Ключевые слова: аргументативная модель, гостиничная реклама, риторические параметры, эмоциональный компонент рекламы, рациональный компонент рекламы, этический компонент рекламы.

RHETORICAL PARAMETERS OF ARGUMENTATIVE MODEL IN ADVERTISING TEXT (BASED ON MATERIAL OF HOTEL ADVERTISING)

Kurochkina A.M.

The article identifies the main parameters of rhetorical argumentative model of hotels advertising texts. Argumentative model consists of three main components: ethical, rational and emotional, acting as the main. All of these components are implemented in the hotel advertising texts using a specific set of strategies.

Keywords: argumentative model, hotel advertising, rhetorical parameters, the emotional component of advertising, the rational component of advertising, ethical component of advertising.

Разработка аргументативных моделей – одна из важнейших задач современных исследователей аргументации.

В работах последних лет предлагаются логические [2, с.98], когнитивные [3, с.20] и риторические модели аргументации.

Рамки риторического моделирования некоторые ученые ограничивают анализом определенного набора выразительных средств [4, с.10; 6, с.146], заявляя, что риторический подход «не позволяет построить сколько-нибудь точную модель аргументации» [5, с.7]. По мнению других исследователей, такое представление о риторическом подходе к аргументации и риторическом моделировании нарушает системное представление о процессе аргументации и не соответствует реальным аргументативным процессам [9, с.166].

Для нас риторический подход к изучению аргументации означает рассмотрение аргументации как способа речевого воздействия на адресата, осуществляемого в соответствии с замыслом адресанта на основе риторических аргументов, предъявляемых и организуемых с помощью риторических стратегий и тактик [7, с.9–10].

Задача настоящей статьи – выявление риторических параметров аргументативной модели рекламных текстов, функционирующих в сфере гостиничных услуг.

Материалом для исследования послужили тексты гостиничной рекламы из русской и английской версии журнала Conde Nast Traveller. Всего проанализировано 112 текстов (53 на английском языке и 59 на русском языке).

«Понятие рекламной модели обычно используется для характеристики коммуникационной схемы воздействия на сознание потребителей» [1, с.22].

Для разработки аргументативной модели рекламы гостиничных услуг рассмотрим этический, рациональный и эмоционально-психологический функционально-смысловые компоненты используемой аргументации (см. об этом: [8, с.235]).

1. **Этический компонент** аргументации рекламы гостиничных услуг (выявлен в 25 текстах на английском языке и в 27 текстах на русском языке) представляет собой совокупность ценностных ориентаций потенциальных потребителей, на основе которых создаются ценностные (этические) аргументы, обычно достаточно эффективно воздействующие на адресата, помогающие принять окончательное решение об использовании/неиспользовании услуги. Такие аргументы опираются на ценностные ориентации самих потенциальных потребителей предлагаемой услуги [12] или формируют у клиента восприятие проживания в гостинице в качестве определенной ценности.

Например:

Наслаждаться белоснежными пляжами и голубыми лагунами *отправляйтесь на Мальдивские острова. В компании «Евробизнестур» вам подберут одну из вилл в отеле Dusit Thai Maldives на атолле Баа. В отеле есть собственный риф, где обитают тропические рыбы и морские черепахи,*

спа-центр Devarana Spa в пальмовой роще, 5 баров и ресторанов международной и тайской кухни, теннисный корт и библиотека (Conde Nast Traaveller Rus, 2015, август – сентябрь, с. 7).

В представленном тексте актуализируется ценностный аргумент отдыха на уединенном острове как наслаждения. Этот мощный по своему воздействию аргумент помещен в самом начале текста, то есть в традиционно сильной позиции, на которую сразу обращают внимание читатели.

Или:

Gran hotel atlantisbahía real. Right on the seafront near the stunning beauty of Corralejo Natural Dune Park, Fuerteventura. ***This is a hotel designed for the ultimate in relaxation, privacy and luxurious pampering, where personal touch and attention to detail are guaranteed*** *(Conde Nast Traveller UK, 2016, май, с. 175).[Gran hotel atlantisbahía real. Прямо на берегу моря, недалеко от природного парка Дюны Корралехо, Фуэртовентура. Этот отель предназначен для полного расслабления, уединения и роскошного ухода за телом, где индивидуальный подход и внимание к деталям гарантированы].*

Ценностные (этические) аргументы реализуются в рекламном тексте с помощью ценностных (этических) риторических стратегий. Ценностные стратегии в гостиничной рекламе представлены стратегией преимущества и стратегией статусности (См. об этом: [11]).

Стратегия *преимущества* показывает превосходство рекламируемого объекта по каким-либо признакам над аналогичными предложениями конкурентов:

В отеле «St. Regis Москва Никольская» услуги дворецкого предоставляются всем гостям, независимо от того, в номере какой категории они остановились. Дворецкий позаботится о том, чтобы вещи были распакованы (или упакованы перед отъездом), о том, чтобы гостям доставили напитки и утреннюю газету, и выполнит любые другие пожелания гостей (Conde Nast TravellerRus, 2015, август-сентябрь, с. 114).

Glewstone court country house hotel. A charming Georgian manor house set in 2 acres of beautiful grounds with stunning views of the Herefordshire Countryside. 1 of only 11 UK Good Hotel Award Winners 2015. Three Counties Wedding Award Nominee 2016. One of the best wedding venues in Herefordshire: fully licensed. Trip Advisor Certificate of Excellence 2015. The perfect venue for a wedding, private function, celebration or retreat with partner, family or friends (Conde Nast Traveller UK, 2016, май, с. 175).[Glewstonecourt – сельский отель. Очаровательный Георгианский загородный дом расположен на 2 акрах красивой земли с прекрасным видом на сельскую местность Херфордшир. Один из всего 11 лауреатов Премии UK Good Hotel Awards 2015. Три номинации на Свадебную премию 2016. Одно из лучших свадебных мест в Херфордшире: полностью признанное. Сертификат качества Trip Advisor 2015. Идеальное место для свадьбы, частных торжеств, праздников или отдыха с партнерами, семьей или друзьями].

С помощью стратегии *статусности* подчеркивается, что рекламируемый отель выбирается определенной категорией потребителей, с которой ассоциируют себя или к которой хотят принадлежать потенциальные покупатели отдыха в гостинице или отеле:

Реставрация русского царизма. Предложение Astoria Private Jet включает перелет на частном борту из Москвы, Лондона или Нью-Йорка в Санкт-Петербург, ночь в «Царских апартаментах» отеля «Астория», бутылку винтажного шампанского Roederer Christal Magnum 2002 и романтический ужин на двоих (Conde Nast Traveller Rus, 2015, июнь – июль, с. 138).

Или:

London calling. Rebranded, upgraded and totally up to date, St. James in the heart of Westminster is a slick, contemporary retreat for the ***chic 21st-century traveller*** *... (Conde Nast Traveller UK, 2015, июль, с. 120).[Лондон зовет. Обновленный, модернизированный и полностью готовый к настоящему времени St. James в самом сердце Вестминстера – это блестящий и современный отдых для шикарного путешественника 21-го века].*

2. **Рациональный компонент** аргументации рекламы гостиничных услуг (выявлен в 24 текстах на английском языке и в 27 текстах на русском языке) можно назвать псевдорациональным. При внешних признаках рациональности данные аргументы обычно воздействуют на область чувств адресата, а не на его логическое мышление [10, с.99]. Для эффективного воздействия в рекламном тексте используются только аргументы, делающие образ рекламируемой гостиницы запоминающимся, привлекающие потенциального потребителя, который, как правило, не имеет возможности проверить факты, приводимые как основания для рациональных аргументов.

Например:

Выигрышный номер. В «Лотте отель Москва» – ***300 номеров****, но только* ***один королевский люкс****, на обустройство его* ***490 м²*** *потратили* ***пять миллионов долларов****. Зато теперь в его ванной есть сауна и джакузи, на полу лежат шелковые и шерстяные ковры ручной работы, а*

в спальной, гостиной, столовой, кабинете, гостевой комнате и даже собственном конференц-зале стоит итальянская мебель (Conde Nast Traveller Rus, 2015, август – сентябрь, с. 117).

Упоминание количественных данных создает иллюзию максимальной правдивости и точности: потенциальный потребитель не должен сомневаться, что действительно живет в «королевском люксе». В реальности трудно представить, что постоялец захочет проверить, сколько всего номеров в отеле, или будет измерять площадь собственных апартаментов. Невозможно проверить и сумму, потраченную на обустройство номера.

Или:

… From a spot like no other to the remote South African bushveld, the SunLux journey continues to The Palace of the Lost City, rising like mirage from its rugged surroundings. This was Sol Kerzner's flagship masterpiece and remains true to its opulent roots with mind-boggling detail ***including a 300,000-piece mosaic*** *(Conde Nast Traveller UK, июль, 2015, с. 127). [В месте, находящемся за южноафриканским бушвельдом, путешествие SunLux продолжает The Palace of The Lost City, встающий как мираж из своего скалистого окружения. Это флагманский шедевр Сола Керцнера, остающегося верным своей любви к роскоши и ошеломляющим деталям, включая мозаику из 300 000 частей].*

Рациональные аргументы реализуются в рекламном тексте с помощью рациональной риторической стратегии*дифференцирования*.

Например:

Прибытие. Команда дворецких к вашим услугам в отеле Burj Al Arab Jumeirah в Дубае. Это лишь одна из возможностей мира Jumeirah. Создание ***самого роскошного отеля в мире*** *научило нас мыслить нестандартно (Conde Nast Traveller Rus, 2015, июнь–июль, с. 9).*

RESORT RIO. If you are looking at taking a luxurious vacation without feeling a pinch in your pocket, head to Resort Rio, the ***No. 1*** *Five Star Deluxe Resort in North Goa (Conde Nast Traveller UK, 2016, май, с.175).[Курорт Rio. Если вы ищете вариант для роскошного отдыха, который не ударит по карману, направляйтесь на курорт Rio. № 1 среди люксовых пятизвездочных курортов в северном Гоа].*

3. **Эмоциональный компонент** (выявлен в 38 текстах на английском языке и в 42 текстах на русском языке) – важнейшая составляющая аргументации рекламы гостиничного бизнеса.

Эмоциональные аргументы апеллируют к различным эмоциям адресата, воздействуя на его поступки и взгляды.

Например:

Те, кто приедет в отель Belmond Hotel Caruso на Амальфитанском побережье вдвоем до 1 ноября, смогут поужинать, не выходя из бассейна инфинити с видом на Средиземное море. На специальном плавающем столе подадут блюда от шефа ресторана Belvedere Мимо ди Рафаэле, музыканты, стоя у самого бортика, будут играть кантоны на скрипках и гитарах. На десерт приготовлен салют (Conde Nast Traveller Rus, 2015, август-сентябрь, с. 21).

Воздействие на чувства потенциальных потребителей в данном случае осуществляется сразу по нескольким направлениям: учитывается и визуальное наслаждение от красивого вида и салюта, и тактильные ощущения (нахождение в инфинити-бассейне), и вкусовое восприятие от изысканных блюд, и слуховое удовольствие от живой музыки, которая чаще всего вызывает положительные эмоции у слушателей.

Или:

Pimalai. Resort & Spa. Secret sanctuary. «Experience traditional Thai elegancein a contemporary living space…with only nature at your doorstep»

Pimalai is one of those rare resorts whose architecture has been designed entirely around the natural contours and lush vegetation of over one hundred acres of grounds leading to 900 meters of pristine sandy beach. Indulge in luxury in one of our elegantly designed pool villas, set high in the lush hillside allowing you to be as close as possible to nature. From your villa, all you will see is what has been there for thousands of years; virgin forest enveloping steep hills climbing into a blue sky.

The tranquility of the place, the abundance of flora, the exquisite views, the fiery sunsets, all combine to maximize the sensation of being in a heavenly place. Indeed the name of the resort «Pimalai» translates as heavenly. Enjoy a private romantic dinner on your terrace, sip champagne while dipping in your pool, or perhaps a soothing massage in your villa's sala…

Live, laugh, love and indulge in moments that will be remembered long after the holiday is over (Conde Nast Treveller UK, 2016, май, с. 146).

[Pimalai. Курорт и Spa. Секретное святилище. «Опыт традиционной тайской элегантности в современном жизненном пространстве … только с природой на вашем пороге».

Pimalai является одним из тех редких курортов, чья архитектура была разработана полностью вокруг естественных контуров и пышной растительности более ста акров земли, ведущей девятисотметрового нетронутого песчаного пляжа. Не отказывайте себе в роскоши на одной

из наших элегантно оформленных вилл с бассейном, расположенных высоко на пышном склоне, позволяя вам быть как можно ближе к природе. Все, что вы увидите из вашей виллы, было там в течение тысяч лет: девственный лес, обволакивающий крутые холмы и восходящий в синее небо.

Спокойствие этого места, обилие флоры, изысканные пейзажи, огненные закаты – все объединяется, чтобы максимизировать ощущение пребывания в райском месте. На самом деле название курорта «Pimalai» переводится как «Небесный». Наслаждайтесь уединенным романтическим ужином на террасе, потягивайте шампанское во время погружения в бассейн, или, возможно, успокаивающего массажа в беседке вашей виллы ...

Прямо сейчас смейтесь, любите и предавайтесь моментам, которые будете помнить еще долго после того, как праздник закончится].

В этом рекламном тексте представлен максимально широкий спектр положительных эмоций, которые постояльцы могут получить от услуг, предоставляемых отелем.

Эмоциональные аргументы реализуются с помощью эмоциональных риторических стратегий: *ассоциативной, аффективной* и стратегии *имиджирования.*

При использовании стратегии *имиджирования* услуга преподносится в качестве одной из составляющих определенного имиджа клиента, без которого его самоощущение и восприятие окружающими будет неполным:

Дубровник. Мечтайте, пока мечта не сбудется. Adriatic Luxury Hotels (Conde Nast Traveller Rus, 2013, май, с. 15).

***Luxury escapes**... Created for you. Centara Hotels & Resorts offers incredible escapes to tropical Thailand and beyond, where warm sunshine, white sand beaches and turquoise seas are the perfect setting for private villas with their own pool or Jacuzzi. You and your partner will be able to enjoy luxurious pampering at the award-winning SPA Cenvaree, complete with joint treatment rooms; and share intimate beachside dinners prepared by our top-notch chefs (Conde Nast Treveller UK, 2015, май, с.153). [Роскошный отдых… Создан для Вас. Centara Hotels & Resorts предлагает невероятный отдых в тропическом Таиланде и за его пределами, где теплое солнце, белые песчаные пляжи и бирюзовое море становятся идеальным местом для частных вилл с собственным бассейном и джакузи. Вы и ваш спутник будете иметь возможность наслаждаться роскошным уходом за телом в титулованном Spa Cenvaree, снабженным комплексом процедурных кабинетов, и уединенными обедами на пляже, приготовленными нашими первоклассными шеф-поварами].*

При помощи *ассоциативной* стратегии устанавливаетсясвязь рекламного текста с какими-либо фактами, не имеющими прямого отношения к выбору гостиницы. При использовании этой стратегии чаще всего на первый план выступают иррациональные мотивы выбора услуги. Например, в рекламе гостиницы Le Royall Deauville подчеркивается ее «кинематографическое» оформление, которое, однако, в реальности никак не может повлиять на комфорт постояльцев:

В ста тридцати двух номерах отремонтированного отеля Le Royall Deauville развесили портреты кинозвезд вроде Халли Берри, Элизабет Тейлор и Майкла Дугласа (сами же номера теперь декорированы в серо-синей и бордово-золотой гамме) (Conde Nast Traveller Rus, 2015, август – сентябрь, с. 18).

А*ффективная* стратегия строится на том, чтобы вызвать у потенциального потребителя ощущение неожиданности, приятного сюрприза после прочтения текста рекламы. Эти чувства должны перейти и на отношение к самому рекламируемому объекту: гостинице или отелю. Эффект воздействия часто достигается при помощи юмора, словесной игры:

Выстрел Авроры. Отель «Марриот Москва Аврора» в рамках полной реновации обновил половину номерного фонда, включая тридцать пять люксов (Conde Nast Traveller Rus, 2015, июнь – июль, с. 139).

В этом рекламном тексте знаменитое историческое событие: выстрел крейсера «Аврора», который возвестил о начале штурма Зимнего дворца в 1917 году, что стало одним из символов Октябрьской революции и значительных перемен в жизни страны, – искусственно увязывается с реставрацией гостиницы, в названии которой есть слово «Аврора». Так авторы рекламного текста подчеркивают важность обновления номерного фонда отеля.

Таким образом, аргументация рекламы гостиничных услуг включает три функционально-смысловых компонента: этический, рациональный и эмоциональный и строится по риторической аргументативной модели. В структуру риторической модели аргументации рекламы гостиничных услуг входят ценностные (этические), рациональные и эмоциональные риторические аргументы, реализующиеся с помощью ценностных (этических), рациональных и эмоциональных риторических стратегий.

Список литературы

1. Антипов В. Г. Рекламные модели г. Кемерово: этический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4 (64). С. 22–28.

2. Брюшинкин В.Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. 2010. Вып.12. С. 96 – 105.

3. Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО. 2009. №2. С. 2 – 22.

4. Герасимова И.А. Практический курс по аргументации: учеб. пособие. М.: ИФРАН, 2003. 237 с.

5. Ивунина Е. Е. Неявное знание в структуре аргументации: автореф. дис. …канд. философ. наук. Москва, 2008. 28 с.

6. Мисюк А.В. Моделирование аргументации: подход Стивена Тулмина // РАЦИО, 2009. № 2. С. 145–151.

7. Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: автореф. дис. …д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 31 с.

8. Пригарина Н.К. Концептуальные основы построения риторической модели аргументации // Известия Сочинского государственного университета. 2013. №3 (26). С. 233–236.

9. Пригарина Н.К. Риторические параметры аргументативной модели рекламного дискурса // Материалы Четвертой межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики», г. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2015 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ«ЛЭТИ», 2015. С. 166–168.

10. Урванцев К.Г. Жанры современной теле- и радиорекламы (риторический аспект): дисс. … канд. фил. н. Волгоград, 2006. 187 с.

11. Франтасова (Курочкина) А.М. Коммуникативные стратегии рекламы гостиничных услуг // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 9: сб. статей. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. С. 122 – 124.

12. Франтасова (Курочкина) А.М. Ценности адресата в текстах гостиничной рекламы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 115–119.

Об авторе

Курочкина Ангелина Михайловна – аспирант, кафедра языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, frantasovaml@mail.ru

УДК 802.0-561.8

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСЕМАНТА ARM)

Песина С.А., Дружинин А.С.

Одним из наиболее приоритетных направлений в современной лингвистике можно считать антропоцентризм, философия которого фокусирует внимание языковедов на изучении того, как посредством живого естественного языка происходит актуализация и номинация важнейших мировоззренческих установок человека как результатов его концептуализации и категоризации своей социокультурной ниши. В рамках данной статьи ставится задача продемонстрировать влияние антропоцентрических факторов на развитие семантической структуры слова. В частности, посредством описания когнитивных механизмов семантической деривации в различных речевых смыслах английского полисеманта *arm* устанавливаются антропологические основания, заключающиеся в (метафорическом и метонимическом) осмыслении человеком того, как посредством строения и функционирования собственного тела можно объяснить суть окружающих его объектов и явлений.
Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистическая антропология, антропоцентрическая семантика, лексический инвариант, метонимия, метафора.

ANTHROPOCENTRIC FACTORS OF LEXICAL POLYSEMY (IN CASE OF THE ENGLISH POLYSEMANT *ARM*)

Pesina S.A., Druzhinin A.S.

In contemporary linguistic studies, anthropocentrism can be regarded as a school of thought which is beginning to take priority. Its philosophy focuses on investigating the processes and mechanisms of a human's nominalizing and actualizing their vision and understanding of the world (resulting from the conceptualization and categorization of their sociocultural niche) by means of natural language. The objective of the article is to demonstrate the impact of anthropocentric factors on the development of the semantic structure of a word. In particular, describing the cognitive mechanisms of semantic derivation in different discourse meanings of a polysemantic word *arm*, the authors explore anthropocentric principles which lie in a person's metaphorical and metonymic rethinking of how the organization of the environment (the nature of surrounding objects and observed phenomena) can be explained through the organization and functional structure of a body.
Keywords: anthropocentrism, linguistic anthropology, anthropocentric semantics, lexical invariant, metonymy, metaphor.

«Человек – есть мера всех вещей» – именно этим постулатом Протагор ознаменовал поворот философской мысли в сторону человекоориентированных, субъективистских учений, согласно которым человек признается центром и высшей целью мироздания, а человечество находит свои жизненные ориентиры в себе и живет по законам, которые создает непосредственно сам, и по ним же судит о собственной и окружающей жизни. Поиск телеологических оснований в самом человеке и определение объема и параметров его чувственного восприятия в качестве единственно возможного объективного «ресурса» для постижения бытия становятся идеологическими принципами такого теоретического направления, как **антропоцентризм**.

Антропоцентризм возникает уже в греческой культуре первоначально в виде бессознательного очеловечивания космоса и божества. В античной философии принцип антропоцентризма предложил Сократ, хотя в целом для Древней Греции была более характерна другая мировоззренческая установка - космоцентризм, который рассматривался как постоянно меняющееся, гармоничное, живое целое, представленное совокупностью объектов, центральным из которых был он сам. Макрокосм определял жизнь и судьбу отдельного микрокосма (человека). Здесь следует искать истоки планетарно-космического мировоззрения, которое в настоящее время становится для человечества жизненно необходимым, предполагающим ориентированность на выявление новых возможностей планетарно-космического процесса с учетом воздействия на него человечества. Его характеризует неразрывная связь с духовной культурой человечества, его интуицией, мировоззрением и учениями на разных этапах его развития.

В Средние века человек понимается как единственный представитель тварного мира, который сам может творить. При этом бог по своей сущности непостижим и открывает себя через свои энергии в религиозном опыте человека, основанном на вере.

В эпоху Возрождения антропоцентрическое мировоззрение фокусируется на самом человеке, а не на его связях с Космосом, Природой, Богом. Идеология эпохи Возрождения дарит человеку взгляд на мир, согласно которому природа выступает как единый, исключающий всякую сверхъестественность, универсальный принцип в объяснении всего сущего. Человек сам является вершителем своей истории, культуры и судьбы. Глубинную сущность человека составляет итог мировой истории его развития, включая его филогенез, а также результат социальных преобразований. Таким образом, антропоцентрическое мировоззрение становится основой возникновения светской культуры и гуманизма как новой формы жизни самого человека.

Антропоцентризм набирает силу в Новое время, особенно с развитием рационализма (Декарт, Лейбниц, Спиноза) и эмпиризма (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк), по-разному трактующих гносеологические предпосылки становления мыслящего субъекта. В XX веке изменяется сама методология изучения человека: на первое место выходит не познание сущности человека, а раскрытие отношений человека к миру и к самому себе. Эпистемологическая проблема находит свое решение в поиске биологических объяснений познавательных способностей субъекта, исходя из которых формируются фундаментальные «ипостаси» его бытия – пространственно-временной континуум, семантические и языковые описания. Теперь человек – это не просто субъект познания, а аутопоэзное единство [1] с самоорганизующейся гносеосистемой (сознанием), координирующей собственные адаптивные механизмы в окружающей когнитивной и социокультурной нише.

Лингвистическая антропология как самостоятельная область междисциплинарных исследований обозначила свое существование в 60-е годы XX века при изучении исчезающих языков мира. Со временем задачи и методологические инструменты этой отрасли науки претерпели некоторые изменения: в круг интересов лингвоантропологов стали входить не только формальная документация и типологическая классификация редких языков, но и пристальное изучение взаимосвязи социокультурного и речевого поведения представителей того или иного сообщества. Теперь можно говорить о том, что в широком смысле лингвистическая антропология призвана изучать то, как посредством живого естественного языка происходит актуализация и номинация важнейших мировоззренческих установок человека как результатов его концептуализации и категоризации действительности. Речь идет о выявлении и отражении в языке особой «логики» хода мысли человека в процессе его исторического, социального и духовного развития. При этом личность, одновременно как составляющая социума, и как центр и высшая цель мироздания, вербализует свои жизненные ориентиры, которые сама же и создает и по которым живет.

Одним из главных течений лингвоантропологии является **антропоцентрическая семантика**, выдвигающая на первый план задачу моделирования образа человека по данным языка. В связи с этим в языке, понимаемом в целом как общественный продукт, получают отражение идеи о том, что все основные жизненно-функциональные характеристики его носителя (интеллектуальные, чувственные и телесные) имеют социальную природу, поскольку отдельный человек существует только в связях и отношениях с другими внутри того или иного сообщества.

В рамках данной статьи ставится задача продемонстрировать то, как антропоцентризм проявляется в семантике многозначного слова (на примере полисеманта *arm*); т. е. посредством описания когнитивных механизмов семантической деривации в различных речевых смыслах полисеманта (или его лексико-семантических вариантах, далее ЛСВ) предполагается установить антропологические факторы, лежащие в основе узуального переосмысления его содержательных инвариантных признаков.

Набор данных инвариантных признаков составляет инвариантное значение слова, которое формируется в сознании человека со временем по мере различных смысловых актуализаций слова в тех или иных контекстах. Когда мы говорим о варьировании, то неизбежно встает вопрос о некоем системном, абстрактном инварианте всех вариантов. Например, в результате многократных рекуррентных случаев употребления слова «ручка» мы путем обобщения своего речевого и языкового опыта и путем абстракции от несущественных признаков приходим к выводу о том, что ручка – это что-то, связанное с рукой, это предметы, за которые держатся или берутся кистью руки. И если далее мы сталкиваемся с употреблением этого слова в определенной речевой ситуации в ином качестве (как неологизм или окказионализм), то мы без труда определяем нужный смысл на основе имеющегося опыта. Следовательно, здесь стоит говорить о формировании в сознании абстрактного семантического ядра на основе семантических компонентов общего характера, являющимся следствием многочисленных актуализаций в том числе переносных значений многозначного слова.

В качестве основного метода определения лексического инварианта (ЛИ) используется когнитивный анализ лексических значений посредством реконструкции процессов семиозиса, а также эмпирический семантический анализ и анализ словарных дефиниций [8, 6]. На первом этапе выделяется так называемое номинативно-непроизводное значение (ННЗ), включающее необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы слово было опознано на уровне обыденного сознания («буквальные семы»). На его основе осуществляется осмысление всех переносных признаков, оно является отправной точкой для мотивации всех метафорически образуемых смыслов, поскольку «имплицитно присутствует» в семантической структуре слова и всегда в ней подразумевается [3]. ННЗ формулируется с помощью компонентного и когнитивного анализа словарных дефиниций лексемы с учетом принципа частотности [7, 5]. Так, для существительного arm усредненное ННЗ можно представить как *the upper limb of the human body extending from the*

shoulder to the wrist. Следующим шагом вывода ЛИ является интерпретация значений слова на основе установленного НН значения.

Поскольку ЛСВ (1) передает понятие о руке человека вообще, значение (arm) (2) - each of the forelimbs of an animal - ('The monkey was required to move its arm within a horizontal plane" 'I looked down and saw it there, a fearsome looking thorn dug deep into the flesh of the poor animal's arm") [OED] является его сужением, так как речь идет только о конечности животного. То же самое относится и к ЛСВ (3) a flexible limb of an invertebrate animal, e.g., an octopus.

Arm (4) – a sleeve of a garment - (The shirt has the same pattern as the short sleeve shirts except for an additional pattern over the biceps and the elbow on both arms) является метонимией от значения arm (1) по смежности по модели «часть тела - одежда этой части тела», где вместо самой руки подразумевается надетый на нее рукав.

Анализируемое слово содержит богатейшую группу метонимических значений. Так, метонимия arm (5) – an ability to throw a ball skillfully - (Davis has one of the best arms in the organization, but his repertoire remains a work in progress) является переносом на основе механизма "действия, совершаемые объектом (частью тела человека) - способность умело совершать подобные действия". Следует особо подчеркнуть, что рука, осуществляющая бросок меча в спортивной игре, номинируется как arm в том случае, когда бросок совершен мастерски.

Следующее значение arm (6) – an athlete with an ability to throw a ball skillfully - (he wasn't the best arm in the outfield, but his performance at the plate more than compensated.) является, по нашему мнению, метонимией второй ступени, так как налицо сложный перенос, когда вначале способность мастерски бросать мяч именуется arm, поскольку данные действия осуществляются рукой человека, а затем по модели "часть-целое" рукой (arm) именуется уже сам спортсмен, умело осуществляющий броски мячом.

Следующее значение по аналогии с hand "помощник" является метонимией по модели "часть целое" (синекдоха): arm (7) – used to refer to the holding of a person's arm in support or companionship - Ever the gentleman he offered her an arm for support and she accepted thankfully [OED]. Рука, о которую можно опереться переносится на всего человека, который оказывает помощь.

Хотя следующее значение и аналогично предыдущему (синекдоха), словарь Oxford отдельно выделяет значение arm (8) – Used to refer to something perceived as powerful or protective - Priss kept a protective arm around her lover's waist, not too tight, not too loose. [OED] (synonyms: reach, power, force, authority, strength, might, potency). В данном значении arm часто используется с прилагательным protective.

Значение arm (9) – something, such as a support on a chair, that is designed to cover or support the human arm [AHDEL]; a side part of a chair or other seat on which a sitter's arm can rest - (She got down on her knees, poked her head over the arm of a chair and stared at us as if she had been electrocuted.) [OED]. можно трактовать как метонимию по смежности - часть кресла, которая специально предназначена для руки человека, начинает обозначаться как рука "arm". Данный ЛСВ можно анализировать и как метафору, т.к. семантические компоненты, лежащие в основе arm как ручки кресла, вполне предполагают сравнение на основе идентифицирующих и функционального признаков, связанных с удлиненной горизонтальной частью кресла, предназначенной для опоры руки сидящего человека projection of an armchair, long, horizontal, used to support.

Еще одно значение arm (10) – One of the types of troops of which an army is composed, such as infantry or artillery (The artillery arm has produced many great generals, most notably Napoleon) [OED] является сложным случаем для компонентного анализа. Это значение можно трактовать как метафору, если предположить, что в ее основе лежит уподобление рода войск, такого, как артиллерия или пехота руке человека arm (1) the upper limb of the human body extending from the shoulder to the wrist. В той степени, в которой артиллерия или пехота являются частью большего военного подразделения (армия), так и рука является лишь частью всего тела человека. В данном случае можно выделить следующие семантические компоненты: one of the types of troops, of which an army is composed (as units of soldiers who fight on foot with small arms). Это же значение можно трактовать как метонимию, если предположить, что номинация осуществлялась по модели «орудие/оружие - люди, которые осуществляют деятельность с использованием этого орудия/оружия» (в данном случае воюют с оружием (arms) в руках (arms).

Далее предполагается анализ метафорических значений. В задачу этой части исследования входит выявление того, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений. При этом анализ проводится на принципах когнитивного подхода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующие образы восприятия. Предстоит продемонстрировать, насколько антропоцентричны метафорические значения, а также доказать, сохраняются ли когнитивные образы, лежащие в основе главного значения при осмыслении метафор.

Так, в основе метафоры arm (11) – A narrow strip of water or land projecting from a larger body - (Shuswap Lake is shaped like an H and is made up of

four large arms: the Shuswap Lake Main Arm, Salmon Arm, Anstey Arm, and Seymour Arm.) (synonyms: inlet, creek, cove, fjord, bay, voe) [OED] лежит уподобление узкой полоски воды или суши человеческой руке. В той степени, в какой узкий пролив или речная/морская коса, или отмель являют собой узкие ответвления от основной части ландшафта, в той же степени и рука является ответвлением (проекцией) от тела человека. В данной метафоре перенос осуществлен только на основе идентифицирующих семантических компонентов: strip of water/land, projecting from a larger part, narrow.

Arm (12) – A branch or division of a company or organization - First, it is given direction by a political arm, or college, of Commissioners, but the college is unelected) [OED] (synonyms: branch, section, department, division, subdivision, wing, sector, chapter, lodge, detachment, agency, office, bureau, offshoot, satellite, extension). В данном случае метафорическое значение "дочерняя компания/организация"основано на уподоблении того, как ответвление от большей организации напоминает руку человека. Рука человека так же, как и филиал, "дочка" компании или предприятия являет собой ответвление/проекцию всего тела человека. Здесь следует выделить компоненты a division of a company/organization, smaller than the main company/organization.

Arm (13) – math. each of the lines enclosing an angle - One of the arms of angle [alpha] and one of the arms of angle [beta] are extended by the same amount [OED]. Данное метафорическое значение основано на образе двух лучей, исходящими из одной точки и образующих стороны угла и уподоблено рукам как проекциям от тела человека. Отведенные в сторону руки человека вполне могут по форме напоминать угол как геометрическую фигуру. В данном ЛСВ можно выделить компоненты combination of two half-lines/rays, with a common endpoint. При этом семантика значений half-line и ray потенциально предполагает компоненты long, thin, которые потенциально предполагают arm.

Arm (14) – the part of an anchor from the crown to the fluke [Meriam]. Данный ЛСВ основан на сравнении части якоря от его "макушки к лапе" с arm (1) по внешнему виду. Соответственно макушка и лапа якоря напоминают по форме отведенные в стороны руки человека. В этой метафоре присутствуют компоненты the part of an anchor, long, narrow.

Arm (15) – any of the usually two parts of a chromosome lateral to the centromere [Meriam] В данном случае метафора построена на сравнении двух боковых частей хромосом с руками человека. Значение основано на следующих идентифицирующих компонентах one of the two thread-like structures of nucleic acids, carrying genetic information, lateral.

Следующее значение представляет интерес, поскольку полностью подтверждает существование инвариантного ядра у данного многозначного слова, т.к. передает понятие о любом объекте, который по функции, положению, форме, т.е. внешнему виду напоминает руки человека. Появление метафорического значения очевидно, если речь идет о каком-либо ответвлении от основного объекта, являющегося опорой (в соответствии со стоящем человеком и поднятыми или отведенными сторону руками).

Arm (16) – A thing comparable to an arm in form or function, typically something that projects from a larger structure; anything considered to resemble an arm in appearance, position, or function [FD]. Иллюстрации, приводимые словарями, являются только частью возможных номинаций исходя из пучка инвариантных признаков, стоящим за словом: arm of a counterweight/completed machine/ cables/ stabilizer/cultivators/bridge/tractor/robotic/landing/sea/record player etc. Как можно видеть из примеров, речь фактически может идти о неограниченном числе референций, а само слово становится широкозначным. Это фактически означает, что семантическое ядро, лежащее в основе всех значений arm, будет иметь максимально обобщенный абстрактный характер.

Далее целесообразно привести примеры употребления arm во фразеологических единицах (ФЕ). Все они носят антропоцентрический характер. Рассмотрим выражение arm (17) get one's arms around - fully understand an issue or situation.(‘Doctors are having difficulty getting their arms around these new findings) [OED]. Генерирование общего смысла данной фраземы происходит на основе системных значений входящих в нее слов и символического образа обнимающих что-либо рук. В определенной коммуникативной ситуации, не связанной с описанием характерной позы человека, а описывающей затруднение, в котором человек оказывается, происходит изменение референции. Символический образ обнимающих рук оказывается в едином блоке (ситуации) с контекстом, связанным с нерешенной проблемой, безвыходным положением, т.е. с какой-либо трудностью. Антропометрический характер образа, когда фактически самое близкое и понятное для человека (собственное тело) способствует разрешению конфликта, носит исключительно позитивный характер. Наряду с близостью тела человека, значение руки (arms) «содержит» в своей семантике потенциальные инвариантные признаки, связанные с помощью/помощником человека (a hand – a helper, arm (7) – used to refer to the holding

of a person's arm in support or companionship). Связывая это в своем сознании, индивид выводит схематический когнитивный образ человека (возможно, самого себя), как бы обнимающего проблему, трудности. Отметим, что данный образ может быть предельно субъективным, ярким, либо представлять собой размытый абрис в полном соответствии с конкретным воспринимающим, либо коммуницирующим сознанием. Соответственно, при осмыслении данной совокупной ситуации интерпретирующее сознание выводит смысл всего высказывания: «полностью понимать характер возникшей проблемы/трудности».

Осуществленный выше компонентный анализ метафорических значений позволил определить частотность выделенных нами семантических компонентов: такие компоненты, как something long/narrow, lateral, projects from a larger structure, a smaller division of a company/organization указывают на то, что рука в представлении среднего носителя языка является важной боковой частью, отходящей от чего-то большего. Проведенный анализ позволил достаточно объективно сформулировать абстрактное содержательное ядро полисеманта arm (его лексический инвариант): **something smaller often long/narrow or lateral that projects from a larger structure/is a division of it.**

Сформулированный нами лексический инвариант отражает сохранившиеся в сознании носителя языка воспоминания о случаях реализаций актуальных переносных значений в своих смысловых вариантах [2, 4]. Более того, интерпретационный анализ семантической структуры слова выявил антропоцентрические основания, заключающиеся в (метафорическом и метонимическом) осмыслении человеком того, как посредством строения и функционирования собственного тела можно объяснить суть окружающих его объектов и явлений. Таким образом, концептуализация человеком действительности в нише своего когнитивного и социокультурного развития обнаруживает очевидные антропоцентрические «преломления» сквозь призму его собственного телесного опыта: свойства и особенности структуры телесной организации становятся отправной точкой для толкования и описания сложной структуры и организации всего окружающего мира. Находя метафорические и метонимические аналогии, Языковая Личность способна «очеловечить» практические любой фрагмент реальности, предстающий ее восприятию. Наиболее ярко это проявляется в лексической многозначности слов, связанных с семантикой строения тела.

Список литературы

1. Матурана У.Р. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995. С. 235-381.
2. Назарова О.Л., Песина С.А. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 134-140. (Nazarova, O. L., & Pesina, S. A. (2016). Social character of language as a set of collective typical sign situations. Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki, No 3. Pp. 134-140.
3. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концеп-тов // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. М.-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 256-269.
4. Новиков Д.Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте: Прототипическая база английского лексикона. М.: МГИМО–Университет, 2010. 118 с.
5. Песина С.А., Юсупова Л.Г. Значение как объект окружающей среды и его соотношение с концептом и смыслом // Когнитивные исследования языка; Тамбов : изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. Вып. XX : От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению :сборник научных трудов, 2015. С. 869-876.
6. Песина С.А. Инвариант многозначного слова в феноменологии// Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2015. № 2. С. 120-127.
7. Песина С.А., Латушкина О. Л. Эмпирический анализ метафоры с позиции теории лексической инвариантности / С.А.Песина // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск : ЧелГУ Выпуск 100 : Филология и искусствоведение №4 (386), 2016. С. 151-156.
8. Песина С.А., Солончак Т.Ю. Метафора и лексический инвариант // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). №10. Том 1 (49). Рига – Москва. 2014. С. 238-245.

Об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, spesina@bk.ru

Дружинин Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, andrey.druzhinin.89@mail.ru

УДК 811.11-112

О РАЗНООБРАЗИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КОНЦЕПТА «RAIN» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Попова Т.А.

В данной статье рассматриваются многочисленные номинации концепта «дождь» – важной для британского социума составляющей концептосферы «погода» – и их характеристики в английской языковой картине мира. Приведены лексические средства, вербализующие концепт «дождь» в английском языке, представлена их классификация с элементами компонентного анализа.
Ключевые слова: концепт, дождь, языковая картина мира, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, английская лингвокультура, компонентный анализ.

ON THE DIVERSITY OF LEXICAL-SEMANTIC PARADIGM OF THE CONCEPT “RAIN” IN THE ENGLISH LANGUAGE WORLDVIEW

Popova T.A.

The article deals with the numerous nominations of the concept “rain” and their characteristics in the English language worldview. The given concept is an important for the British society component of the conceptual sphere “weather”. Lexical means which verbalize the concept “rain” in the English language are introduced, and their classification with the elements of component analysis is given.
Keywords: concept, rain, language worldview, linguocultural studies, cognitive linguistics, English linguoculture, component analysis.

Культура нации может быть представлена в виде ментальных образований, концептов. Наиболее распространенное определение концепта, поддерживающее данную точку зрения, предлагает Ю.С. Степанов: это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [1, с. 40-41].

Чаще всего представителем концепта в языке является слово. Нельзя не согласиться с А. Вежбицкой в том, что «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [2, с. 293]. Об этом также говорит Н.Н. Болдырев: «концептуальная информация разного типа, как известно, выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов» [3, с. 26]. Таким образом, концепт воплощается в языке с помощью языковых средств.

Важность концепта для носителей того или иного языка может быть отражена в образовании большого количества слов для различных его проявлений, смысловых оттенков, коннотаций и т.д. Широко известен тот факт, что некоторые особо важные концепты той или иной национальной культуры имеют обширное количество языковых выражений. Наиболее распространенным примером, ставшим уже хрестоматийным, можно назвать большое количество слов (примерно 40-50) для обозначения снега у некоторых народностей Севера, впервые замеченное и описанное Ф. Боасом при изучении влияния языков на картину мира их носителей. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «какое-то слово обозначает падающий снег, другое – снег тающий, третье – снег с твердым настом, четвертое – снег с ветром, пятое – снег, который все равно растает, шестое – мягкий снег, который лег поверх твердого и т.д. Число таких названий в некоторых языках достигает четырех десятков» [4, с. 54].

Гипотеза лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сепира гласит, что язык не только оказывает влияние на картину мира индивида, но одновременно является и ее отражением. Языковая картина мира отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через призму понятий, сформированных на основе представлений человека. В данном случае как никогда актуальна метафора «язык как зеркало культуры» [5, с. 23]. По словам С.Г. Тер-Минасовой, разные народы находят разные пути от внеязыковой реальности к понятию и далее – к словесному выражению. Соответственно, языковые картины мира у разных народов различны [5, с. 24].

Для английской же языковой картины мира распространенным погодным явлением и одним из важнейших концептов является дождь. Этот факт подтверждается наличием большого количества языковых единиц, возникших для объективации различных видов дождя в английском языке. Таким образом, очевидна необходимость анализа лексических средств, при помощи которых дождь во всем его многообразии представлен в английской лингвокультуре. Данная статья является продолжением серии работ по исследованию концепта “rain” в английской языковой картине мира [6], [7].

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно языковых единиц, следует сказать несколько слов о важности погоды и, в частности, такого погодного явления, как дождь в английской культуре и картине мира. Во-первых, согласно культурным стереотипам, Англия неизменно ассоциируется с дождями и туманами. В.А. Левашова утверждает, что “the English often say that they have no climate but only weather, or that they have three types of weather: rain in the morning, rain in the afternoon or rain in the evening” [8, с. 9]. Таким образом, погода формирует образ и восприятие страны.

Во-вторых, без преувеличения можно сказать, что англичане одержимы своей погодой и очень любят ее обсуждать. Предмет погоды относится к тому базовому коммуникативному блоку британского социума, который отражает один из ключевых параметров национальной концептосферы. К. Фокс, антрополог и автор книги “*Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*”, отмечает, что практически любая беседа англичан начинается с обсуждения погоды [9]. Известнейшее высказывание доктора Сэмюэля Джонсона гласит: “It is commonly observed, that when two Englishmen meet, their first talk is of the weather; they are in haste to tell each other, what each must already know, that it is hot or cold, bright or cloudy, windy or calm” [9, с. 25].

В-третьих, некоторые авторы отмечают, что дождь в комплексе с другими погодными условиями, составляющими климат и погоду Англии, имеет прямое влияние на формирование национального характера и менталитета. Например, М.П. Любимов утверждает, что под влиянием погоды сформировались такие черты английского характера, как консерватизм, прагматизм, сплин, стремление к уединенности, частной жизни (*privacy)* и преуменьшению, недосказанности (*understatement)* [10].

Опираясь на определение концепта, сформулированное С.Г. Воркачевым («это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [11]), мы проанализируем языковое выражение концепта «дождь» в английском языке. Для этого рассмотрим лексические средства, которые на основе интегральных семантических признаков могут быть объединены в лексико-семантическую парадигму «дождь».

Для начала обратимся к авторитетным словарям английского языка и проследим, как в них представлено лексическое значение слова *rain*. Longman Dictionary of Contemporary English определяет существительное *rain* следующим образом: “water that falls in small drops from clouds in the sky”. Oxford Advanced Learner’s Dictionary дает следующее определение: “water that falls from the sky in separate drops”.

Теперь обратимся к характеристикам дождя. Условно разделим языковые единицы, обозначающие дождевые осадки, на две большие категории: сильный дождь и слабый дождь. Следующие существительные используются для обозначения сильного дождя (см. табл. 1). Дифференциальные признаки, выделенные жирным шрифтом, показывают отличия членов данной лексико-семантической парадигмы друг от друга и от лексемы *rain*. В круглых скобках даны аббревиатуры словарей, расшифрованные в списке литературы [12]. В квадратных скобках даны синонимы, приводимые словарем:

Таблица 1

Наименования сильного дождя в английском языке

Наименование дождя	Дефиниция
rainstorm	a **heavy** fall of rain (OALD); a **sudden** heavy fall of rain [= downpour] (LDCE); a weather condition **with strong wind** and heavy rain (COD); a storm with a lot of rain (MEDAL)
shower	a **short** period of rain or snow (OALD)
downpour	a **heavy** fall of rain that often starts **suddenly** (OALD); a lot of rain that falls **in a short time** (LDCE); a **large amount** of rain that falls **quickly** (MEDAL)
cloudburst	a **sudden very heavy** fall of rain (OALD); a sudden **short** rain storm (LDCE); a short period in which **a lot of rain** falls (MEDAL)
deluge	a **sudden very heavy** fall of rain (OALD); a large flood, or period when there is **a lot of rain** (LDCE); a sudden, **large amount** of rain, or a flood (COD)

Приведем примеры контекстов, в которых могут употребляться данные наименования дождя:

*We sheltered from the **rainstorm** in a little hut* (OALD).

*We were caught in a heavy **shower*** (OALD).

*For the past six hours the **downpour** had been continuous and torrential* (British National Corpus, далее BNC [13]).

*It had poured with rain; a total **cloudburst**, thunder cracking and grumbling in the skies above the*

city (BNC).

Soon it had become a continuous ***deluge*** *as if countless buckets of black ink were being emptied from the sky above them* (BNC).

Существительные *rainstorm*, *downpour* и *cloudburst* имеют единственное значение и являются *только* наименованиями дождя. Существительное *shower* полисемантично и помимо наименования дождя имеет значение (основное): “a piece of equipment that you stand under to wash your whole body”; а также значение “ a lot of small, light things falling or going through the air together”.

Такие существительные, как *rainstorm, shower, cloudburst, downpour* в русском языке лакунарны: для их обозначения не существует отдельного слова, а используются развернутые конструкции, например, ‘сильный, внезапный, кратковременный дождь’.

Отметим, что в отличие от других членов парадигмы в семантике слов *rainstorm*, *downpour*, *deluge* и *cloudburst* имеется значение **внезапности** (в словарных дефинициях это показано словами “starts suddenly”, “sudden”). В существительном *shower* на передний план выходит сема **кратковременности** (“a short period of rain”). Существительное *rainstorm* имеет дополнительный семантический оттенок “with strong wind”, отличающий его от прочих наименований дождя.

Существительное *deluge* пришло в английский язык из французского: одним из значений слова *déluge* является «всемирный потоп, согласно Библии» (“inondation universelle, d'après la Bible” (LDF). Метафорическое значение в данном случае строится на важном семантическом компоненте «большое количество воды», которая выпадает во время дождя и заливает землю. Таким образом, происходит актуализация библейской аллюзии, связанной с темой потопа.

Проанализировав словарные дефиниции, мы видим четко прослеживающуюся тенденцию так называемого *foregrounding* – выдвижения на первый план определенных сем, которые актуализируются в том или ином значении наименования дождя. При помощи компонентного анализа представляется возможным выделить следующие семантические компоненты (см. табл. 2). Так, каждое существительное – наименование дождя имеет в своем составе семы, входящие в значение слова «дождь», и вместе с тем включает в себя одну или несколько сем, придающих ему несколько иное лексическое значение:

Таблица 2

Компонентный состав слов-наименований дождя

Наименование дождя	Семы, входящие в состав значения
Rainstorm	rain + heavy + sudden + **with strong wind** (дождь + интенсивный + внезапный + **с сильным ветром**)
Shower	rain + **short** (дождь + **кратковременный)**
Downpour	rain + heavy + **sudden** + large amount + **in a short time / quickly** (дождь + интенсивный + **внезапный** + большой объем осадков + **кратковременный)**
Cloudburst	rain + heavy + **sudden** + **short** + a lot of rain (дождь + интенсивный + **внезапный** + **кратковременный** + большой объем осадков)
Deluge	rain + heavy + **sudden** + large amount / a lot of rain (+ biblical allusions) (дождь + интенсивный + **внезапный** + большой объем осадков (+ библейские аллюзии)

Степень интенсивности дождя может быть выражена не только существительными, но и атрибутивными прилагательными (см. табл. 3). Рассмотрим ряд таких прилагательных:

Таблица 3

Прилагательные, употребляемые с существительным “rain” для выражения интенсивности дождя

Прилагательное	Русский эквивалент	Пример контекста употребления (из BNC)
heavy	сильный, проливной	The **heavy** rain was likely to continue in western parts of the country today.
hard	сильный, проливной	The silence of the valley was like the stillness that sometimes follows a **hard** rain.
torrential	проливной, обильный	**Torrential** rain was drowning the countryside.
driving	проливной	The cold silent house was battered by wind and damp by **driving** rain.
pelting	проливной	From the balcony I watched the stream of figures in white pyjamas rushing through the **pelting** rain…
pouring	проливной	I stood at the doorway, hesitating to dash in the **pouring** rain…
showery	проливной, ливневый	Some **showery** rain is going to spread in from the south to parts of the region by dawn.
abundant	обильный	…the need to protect against strong winds and **abundant** rain…had an important effect on the nature of Scottish buildings.
widespread	обложной	**Widespread** rain and snow showers are expected in large areas of New Mexico this week
slashing	хлещущий	Ruth could hear the wind and **slashing** rain outside.

Таким образом, можно сделать вывод о разнообразии прилагательных, используемых для обозначения сильного дождя в английском языке.

Для полноты картины обратимся к наиболее частотным глаголам, которые употребляются при вербализации высокой степени интенсивности дождя (см. табл. 4).

Таблица 4

Глаголы, выражающие высокую степень интенсивности дождя в английском языке

Глагол	Дефиниция	Пример контекста употребления
to pour	when rain pours down or when it's pouring (with) rain, rain is falling heavily	It's **pouring** outside.
to pelt	(of rain) to fall very heavily	I drove home with the rain **pelting** through the window.
to teem	(of rain) to fall heavily	The rain was **teeming** down.

Русским эквивалентом данных глаголов являются выражения *идет проливной дождь, льет как из ведра*. Представляется интересной внутренняя форма следующих глаголов. Например, *to tipple down with rain*, означающее "to rain heavily" (русский вариант – «идет сильный дождь, льет как из ведра») в словарях маркировано как *British informal.* Более распространенное значение глагола *to tipple* – 'выпивать', особенно, когда речь идет о привычке. Значение глагола *to hammer down* концентрируется на звуке, издаваемом дождем. Глагол *to lash down (out there)* употребляется, когда дождь настолько сильный, что бьет, словно кнутом.

В английской языковой картине мира существует всего два существительных для обозначения слабого дождя: *drizzle* и его диалектный вариант *mizzle,* обозначающие "light fine rain which is stronger than mist but less than a shower" (в русском варианте – *мелкий дождь, моросящий дождь, морось, изморось*).

Слабый дождь выражается прилагательными *light, drizzling, thin, soft, spitting, spotting, slight* и *moderate.*

Рассмотрим глаголы, которые употребляются для обозначения несильного дождя (см. табл. 5):

Таблица 5

Глаголы, обозначающие слабый дождь в английском языке

Глагол	Дефиниция	Русский эквивалент
to patter	to make quick, light sounds as a surface is being hit several times	стучать, топотать
to spatter	to fall on a surface in drops, often noisily	брызгать, разбрызгивать
to spit	(*informal*) when it is spitting, it is raining lightly	моросить, плевать, брызгать
to sprinkle	to rain gently	накрапывать, кропить

Приведем примеры контекстов, в которых данные глаголы могут употребляться:

*Rain **pattered** against the window* (OALD).

*We heard the rain **spattering** on the roof* (OALD).

*You don't need an umbrella - it's only **spitting*** (LDCE).

*It's only **sprinkling**. We can still go out* (OALD).

Глагол *to spit*, имеющий основное значение 'плевать' применяемый в отношении дождя, основан на метафорическом переносе смысла: капли редкого дождя, падающие на землю, могут напомнить плевки. Глаголы *to patter* и *to spatter* могут рассматриваться как примеры звукоподражания.

Для наглядности представим результаты анализа наименований дождя в виде схемы (см. рис. 1). Начнем с общего понятия, гиперонима, для наименования всех видов осадков в английском языке – *downfall* или *precipitation*. Гипонимами будут являться следующие погодные явления: *rain* ('дождь'), *snow* ('снег'), *hail* ('град') и *sleet* ('мокрый снег', разновидность снега с дождем). Кроме существительного *rain* общеродовым понятием может также быть *rainfall* – "the total amount of rain that falls in a particular area in a particular amount of time; an occasion when rain falls".

Итак, проанализировав ряд номинаций концепта «дождь», мы убедились в том, что в английском языке функционирует большое количество лексических единиц, номинирующих различные его проявления. На основе анализа лексем-номинаций концепта «дождь» можно сделать вывод о необходимости разных обозначений для различных вариаций дождя. Такое разнообразие лексем указывает на неоспоримую важность данного концепта в английской лингвокультуре и картине мира.

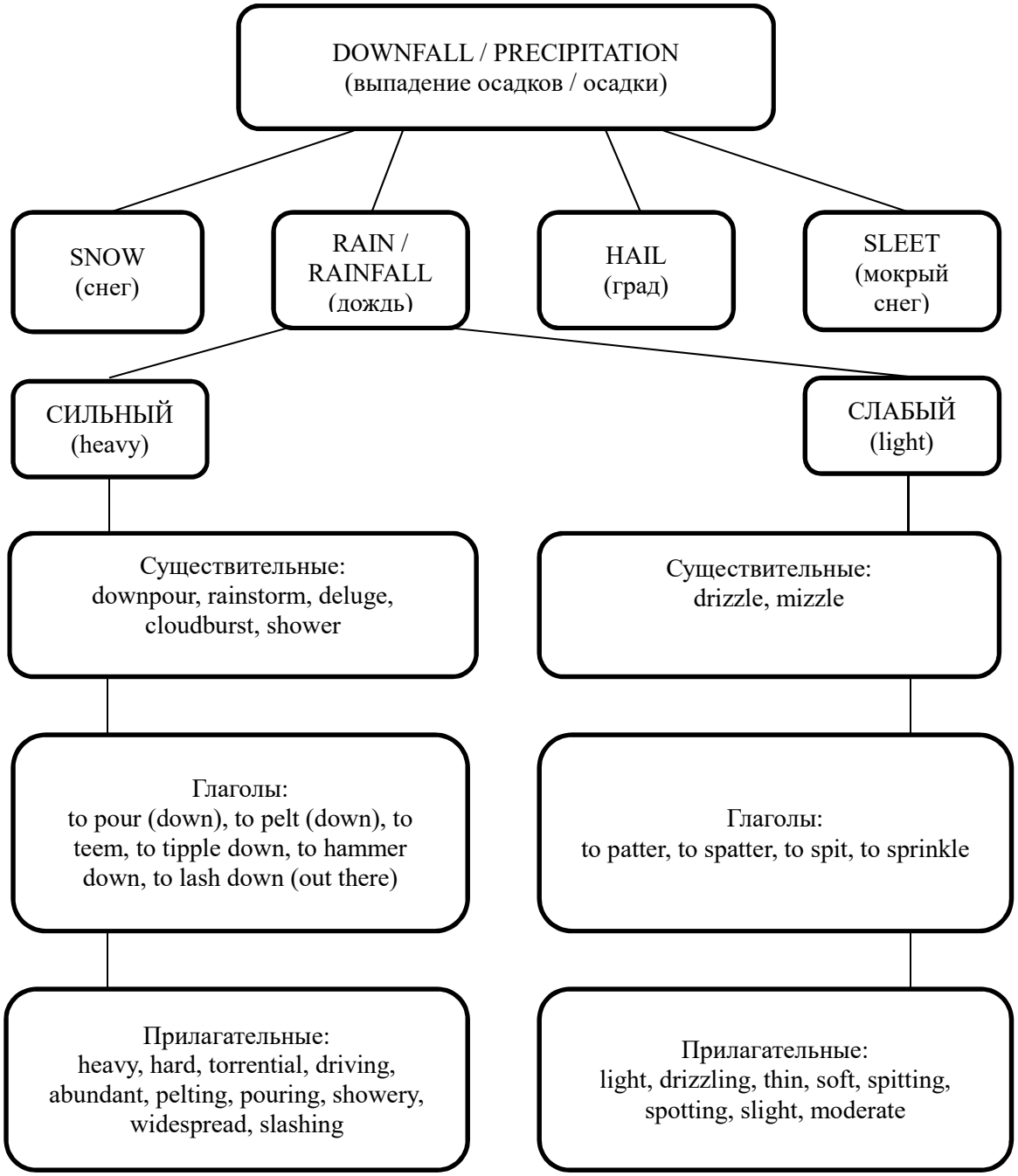

Рис. 1. Вербализация концепта «дождь» в английском языке

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. С. 40-76. 824 с.

2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание. Воронеж: ВорГУ, 2001. С. 25-45. 182 с.

4. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.

5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 334 с.

6. Попова Т. А. Вербализация концепта “RAIN” («дождь») во фразеологии и паремиологии английского языка // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 4 (38) (в печати).

7. Попова Т. А. Когнитивные особенности концепта “RAIN” («дождь») в английской лингвокультуре (на материале лексико-семантического анализа) // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Языкознание. 2016. № 3 (в печати).

8. Levashova V. Britain Today: Life and Institutions. М.: Высшая школа, 2007. 240 с.

9. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Nicholas Brealey Publishing, 2008. 424 p.

10. Любимов, М. П. Гуляния с чеширским котом: мемуар-эссе об английской душе. М.: Б.С.Г. – Пресс, 2004. 608 с.

11. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79-95. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lincon.narod.ru/method.htm

12. Список сокращенных обозначений словарей:

OALD – Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition. Oxford University Press, 2005. 1920 p.

LDF – Larousse Dictionnaire de Français. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais

LDCE – Summers, D. The Longman Dictionary of Contemporary English. 4th edition. Longman, 2007. 1949 p.

MEDAL – The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2007. 1854 p.

COD – Cambridge Online Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org

13. British National Corpus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://corpus.byu.edu/bnc/

Об авторе

Попова Татьяна Андреевна – аспирант, кафедра английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, dear.tania@yandex.ru

УДК 415.2:43-07

К ВОПРОСУ ЭКВИВАЛЕНТИКИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Л. УЛИЦКОЙ И ИХ ВЕРСИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Радченко Е.Н.

В работе рассматриваются русские и немецкие высказывания с точки зрения передачи в них таксисно-хронологических отношений. Анализируется номинализация как один из приемов передачи эквивалентных таксисных отношений при переводе современной русскоязычной художественной прозы на немецкий язык.
Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, таксис, одновременность, разновременность, номинализация.

TO THE QUESTION OF EQUIVALENCE OF THE RUSSIAN AND GERMAN TAXIS

Radchenko E.N.

In this article the author deals with some peculiarities of the language realization of the taxis relations. The author analyses certain peculiarities of the language realization of the taxis relations in Russian and German: nominalization – one of the methods to render equivalent taxis relations at translation of modern Russian fictional prose to German.
Keywords: functional grammar, functional-semantical field, taxis, simultaneity, unsimultaneity, nominalization.

В современном научном сообществе идея этноуникальности каждого языка считается давно установленным фактом. Результаты подобных исследований сходятся в том, что:

1. каждый язык имеет свою собственную систему единиц и отношений, свою собственную структуру;
2. каждый язык отражает (а конкретнее концептуализирует и оформляет) действительность;
3. каждый язык отражает действительность , опираясь на уникальную систему единиц, отношений и структуры.

Иными словами, объективная реальность, отраженная в языке, несет на себе признаки этноуникальности или национального колорита. Языковая модель мира национально окрашена, так как «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [4, с. 7].

Результативность процесса социальной интеракции обусловлена основной – когнитивной (хранение, переработка и передача информации об окружающем мире) – функцией языка. Постановка и решение таких задач, как: «… выявление структур и моделей знания и языкового значения, описание способов концептуальной организации знаний в процессах восприятия, понимания и построения языковых сообщений» [6, с. 275] и составляют когнитивно-дискурсивную парадигму в лингвистике.

Представление о формировании и передаче таксисных отношений одновременности или разновременности также обусловлено наличием определенных национальных факторов, то есть способно «отразить национальное своеобразие» [3, с. 73] функционирования упомянутых языковых структур.

Согласно функционально-семантической концепции, «план выражения категории таксиса составляют различные полипредикативные (в широком смысле) высказывания определенных типов со специфическим взаимодействием разноуровневых (лексических, морфологических, лексико-грамматических и синтаксических) средств. Иначе говоря, таксис трактуется в данной концепции как особая функционально-семантическая категория (ФСК), организованная по принципу поля [8, с. 101; 2, с. 72, 77-79]. Данный принцип выявления конституентов ФСП таксиса для русского языка был положен С. М. Полянским в основу описания ФСП таксиса для немецкого языка [См.: 7].

Исследование проблематики установления центральных и периферийных конституентов поля таксиса, описание конкретного функционирования этих конституентов в речи – основополагающие задачи в исследовании соответствующего ФСП, тесно связанные с конкретно-языковой экспликацией семантической доминанты таксисных значений.

Следует обратить внимание на то, что тип и степень проявления семантических признаков таксисных отношений, их сочетаемость с другими семами и их корреляционные связи зачастую требуют специфических инвариантов семантической и синтаксической организации предложений русского и немецкого языков.

Для установления упомянутых специфических инвариантов автор воспользовался основ-

ными частными методами, входящими в дидактико-лингвистическую область:

1. метод системности - рассматривает язык как систему, состоящую из взаимосвязанных элементов разных языковых уровней;

2. метод функциональности – рассматривает способы взаимодействия языковых единиц разных уровней с точки зрения содержания высказывания;

3. метод создания системы понятий или "классификационных решеток" по Авериной: «…окружающий мир отражен в сознании наций (А и В) в виде обобщенных представлений-сигнификатов. Каждый сигнификат обозначается словом. Слово всегда называет группу сходных явлений. Набор общих признаков позволяет отнести представление именно к этой ячейке, называемой именно этим словом. Ребенку, осваивающему родной язык, передается классификация явлений, достигнутая нацией за много веков развития. Носитель языка всегда смотрит на мир через классификационную решетку своей нации. Но мир многомерен и каждый предмет имеет массу признаков. Другая нация может выделить в том же явлении другие признаки, роднящие его уже с другими явлениями и заставляющие поместить его в другую ячейку, называемую своим словом.

Вот и получается, что прежде, чем произнести слово, нужно "уложить" возникшее у Вас представление именно в ту ячейку, в которую его укладывают те, чей язык Вы изучаете. Тогда Вы будете называть все, что Вас окружает, именно так, как это делает носитель языка» [1, с. 10];

4. метод взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности - происходит одновременное формирование четырех видов речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение, письмо;

5. метод профессиональной направленности (при отборе материала учитывается род занятий и профессиональные интересы).

Русский и немецкий языки располагают богатым набором языковых средств выражения таксисных отношений. Ядерное положение в обоих языках фиксируется за полипредикативным комплексом. Однако обращает на себя внимание и представляет определенный интерес для исследования тот факт, что при наличии разветвленной системы временных форм немецкого глагола частым случаем репрезентации таксисных значений является процесс свертывания конструкций с формами финитного глагола или нефинитной глагольной формой темпорально-акциональными группами с парадигматическими девербативами.

Опираясь на концепцию и используя понятийный аппарат современной функциональной грамматики Бондарко, в данной статье сделана попытка анализа определенных закономерностей свертывания полипредикативных конструкций при передаче аспектуально-таксисных отношений на материале современного художественного дискурса в процессе перевода с русского языка на немецкий.

В немецкоязычных версиях оригиналов русских текстов можно выделить конкретные наиболее характерные случаи упомянутой замены, а значит, можно говорить об определенных видах перестроек структуры предложения при переводе с русского языка на немецкий при формировании таксисных отношений с употреблением девербативов.

Рекуррентными случаями является факт свертывания придаточной части сложноподчиненного предложения времени (СПП времени) в один член предложения, например, им может быть темпорально-акциональныя группа, в которой сохраняется предикация исходного языка, что наглядно демонстрируют приведенные примеры:

Таня всякий раз, когда они встречались, просила отца …(360).
Bei jeder Begegnung bat Tanja den Vater, ihr zu erzählen (397);
С тех пор, как случился с ней ее последний приступ,… голос ее звучал нетвердо (349).
Seit ihrem letzten Anfall… klang ihre Stimme unsicher (384-385);
Семья прожила в запретной зоне секретной лаборатории несколько лет, пока не началась война (55).
Die Familie lebte einige Jahre im Sperrgebiet des Geheimlabors, bis zum Krieg (60).

Временные формы глагола формируют не только ядро общей временной ориентации, то есть, относят описываемые события к сфере настоящего, прошедшего и будущего, а также ядро аспектуально-таксисных отношений, указывая на одновременность или разновременность указанных действий.

Союзы СПП времени, делясь на дифференцированные и недифференцированные, маркируют описываемые события как одновременные / разновременные. Обращает на себя внимание тот факт, что в подавляющем большинстве случаев свертыванию в темпорально-акциональную группу подвержены СПП времени с дифференцированными союзами, которые заключают в себе семантику одновременности / разновременности, длительности, кратности, временного интервала, границы действий.

Еще одним характерным примером варьирования языковых средств выражения таксисных отношений можно считать употребление темпорально-акциональных групп с парадигматическими девербативами в немецком языке на месте деепричастных оборотов в русском языке:

Он,… уйдя на пенсию, продолжал… ездить в свое отделение (41).
Er… kam selbst nach seiner Pensionierung… auf seine Station (44).
Одну из квартир и купил, вернувшись с фронта Гольдберг (58).
Eine dieser Wohnungen kaufte Goldberg nach seiner Heimkehr von der Front (63).

Тенденция обращения к номинальным формам для выражения таксисных отношений прослеживается и на периферии данного ФСП, а именно нередки случаи употребления в немецком языке девербативов на месте неопределенной формы глагола (НФГ) в русском:

Она… постановила… себя баловать (356).
Sie… verordnete sich Verwöhnung (392).

Наличие скрытой предикативной линии в тексте языка перевода (ПЯ), а именно в темпорально-акциональных группах с таксисными девербативами, позволяет считать, что темпоральный смысл формы финитного глагола (ФГ) русского языка присутствует в тексте ПЯ имплицитно (*Begegnung – begegnen; Anfall – anfallen; Krieg – kriegen; Pensionierung – pensionieren; Heimkehr – heimkehren; Verwöhnung – verwöhnen)* [См.: 4, с. 11].

Данная содержательная замена повлияла на средства представления актуальной таксисной семантики:
всякий раз, когда они встречались – (СПП времени с дифференцированным союзом времени + текстема с временной экстенцией, содержащая лексический конституент *раз*) / *bei jeder Begegnung* – (дифференцированный предлог + определительное местоимение + семантически немаркированное существительно/девербатив);
с тех пор, как случился с ней ее последний приступ – (СПП времени с дифференцированным союзом времени) / *seit ihrem letzten Anfall* – (дифференцированный предлог + притяжательное местоимение + семантически маркированное согласованное определение + семантически немаркированное существительное/девербатив);
пока не началась война – (СПП времени с дифференцированным союзом времени) / *bis zum Krieg* (дифференцированный предлог + семантически немаркированное существительное/девербатив).
постановила себя баловать – (ФГСВ + (НФГ + объект действия-намерения)) / *verordnete sich Verwöhnung* (ФГСВ + объект действия-намерения/девербатив (прямое дополнение в аккузатив)).

Во всех перечисленных случаях семантика разновременности / одновременности передаётся в немецком языке высказываниями, содержащими парадигматические девербативы без/с семантически маркированными предлогами.

Как видно, в немецком варианте предложные конструкции, содержащие девербативы глаголов определенной семантики / определенного способа действия с предлогами *seit*, *bei, bis, bis zu, …* или в качестве прямого дополнения в виде объекта действия/намерения, а также при наличии в них семантически маркированных обстоятельств/атрибутов, формируют собственно таксисные отношения одновременности или разновременности. Так, в формировании таксисных отношений предшествования / следования участвуют высказывания с предлогами *seit*, *nach, bis, bis zu…* или прямое (беспредложное) дополнение – объект действия-намерения, а в формировании таксисных отношений одновременности – *bei, während...* Следует заметить, что в большинстве случаев речь идет о предлогах деривационно-родственных, другими словами, соотносительных по своему морфемному строению с союзами.

Однако, как следует из результатов проведенного анализа, между темпоральными союзами и предлогами имеются определенные семантические различия. Так, отдельные союзы могут формировать как таксисную семантику одновременности, так и семантику разновременности, например, союзы *seit, seitdem*, что связано с семантикой финитного глагола-предиката. Предложная темпорально-акциональная группа с девербативом способна формировать таксисные отношения с одной конкретной семантической нагрузкой или одновременность, или разновременность, так предложные конструкции с предлогом *seit* в сочетании с номинализованным предикатом безальтернативно выражают отношения разновременности, а конкретно предшествования.

И темпорально-акциональные группы и адвербиалии времени, как следует из примеров, выступают или в качестве момента соотнесения, или момента события. Стоит отметить, что наиболее часто используются текстемы временной экстенцией с ретроспективным значением. Определенные темпоральные уточнители, конкретно наречия времени, формирующие семантику быстроты смены событий, мы находим в темпорально-акциональных группах.

Наличие / отсутствие определенных квантитативных маркеров катализирует определенные семантические оттенки единичности / мультипликативности событий, в качестве которых могут выступать квантитативные атрибуты, например: *jeder (каждый), letzt (последний)*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- наиболее характерными случаями использования явления номинализации в немецком языке при формировании таксисных отношений являются случаи замены: а) СПП времени → темпорально-акциональная группа с парадигматическим девербативом; б) конструкция с нефинитной глагольной формой → темпорально-акциональная группа с парадигматическим девербативом;
- выражение релевантных отношений обеспечивается: а) семантикой существительного-парадигматического девербатива, обозначающего в предложении второстепенное (в грамматическом аспекте) действие; б) значением предлогов, участвующих в передаче аспектуально-таксисных отношений одновременности/разновременности между ситуациями;
- в формировании собственно таксисных отношений одновременности или разновременности участвуют парадигматические девербативы + семантически маркированные предлоги *seit*, *bis, bis zu, bei, während...*/ парадигматические девербативы – прямое дополнение в виде объекта действия/намерения;
- семантика единичности / мультипликативности событий формируется следующим образом: семантика девербатива от производящего глагола (+квантитативные атрибуты / обстоятельства);
- таксисная категория в художественном тексте в большинстве случаев осложнена дополнительной семантикой, что свидетельствует о задействовании в реализации семантики таксисных отношений потенциала переходных зон смежных ФСП.

В дальнейшем представляется актуальным системное описание и детальная характеристика отдельных конституентов ФСП аспектуально-таксисных отношений для русского и немецкого языков с акцентом на национальную и культурную специфику.

Список литературы

1. Аверина Е. Д. Иностранный за 200 часов. М., 1994. С. 10.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. Гехтляр С. Я. Русская традиция и русская культура в зеркале языка: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 184 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. член-кор. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 263 с.
5. Микитенко Е. И. Немецкие текстовые эквиваленты временных форм украинского языка. Одесса, 1982. 20 с.
6. Ольшанский И. Г. Модели представления знаний и когнитивные аспекты полисемии // С любовью к языку… М.-Воронеж, 2002. С. 270 –277.
7. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1990. 90 с.
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.

Об авторе

Радченко Елена Николаевна – преподаватель кафедры немецкого языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, lenarad71@mail.ru

УДК 811.112.2

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Россихина М.Ю., Россихина Г.Н.

В статье рассматривается употребление слов и выражений немецкого молодежного языка в современной художественной литературе. Выявляются сходства и различия в употреблении молодежной и разговорной лексики. Особое внимание уделяется английским заимствованиям. Оценивается роль молодежного социолекта в отражении внутреннего мира героев, в создании их речевого портрета и экспрессивно-стилистического фона произведений о молодежи и для молодежи.
Ключевые слова: язык, художественная литература, заимствования, немецкий, молодежный, разговорный.

ON PECULIARITIES OF USING GERMAN YOUTH SLANG IN FICTION

Rossikhina M.Y., Rossikhina G.N.

The article investigates the usage of words and word combinations of the German youth slang in modern fiction. It identifies similarities and differences between youth' vocabulary and general colloquialisms. English borrowings are paid a special attention to. The article also analyses the role of youth slang in portraying characters, their inner world, speech and creating an expressive stylistic background in fiction written for young people and about them.
Keywords: language, fiction, borrowings, German, youth, colloquial.

Немецким молодежным языком (Jugendsprache) в германистике традиционно называется социолект немецкоязычной молодежи [5, 16, 17], который в отечественной лингвистике чаще всего именуется молодежным жаргоном.

В современном немецком языке молодежный социолект используется не только в устном общении молодых людей, он проникает во все языковые сферы, что находит отражение как в отечественных, так и в зарубежных лингвистических исследованиях. Целый ряд трудов посвящен изучению специфики молодежного социолекта в средствах массовой информации [1, 4, 10] и Интернет-коммуникации [2, 3, 6]. Есть даже работы, посвященные обсуждению возможностей интегрирования молодежного языка в богослужения с целью привлечения молодежи в церковь [9]. Вопрос об использовании молодежного жаргона в немецкоязычной художественной литературе также затрагивается в трудах отечественных [1] и зарубежных германистов [8, 10], но изучен, на наш взгляд, недостаточно, поэтому выбран темой данной статьи.

Эмпирическим материалом исследования послужили пять произведений художественной литературы конца XX в. – начала XXI в., написанных о молодежи и для молодежи. Первым следует упомянуть роман „Crazy“, написанный шестнадцатилетним автором Б. Лебертом, впервые опубликованный в 1999 г. Этот роман имел колоссальный успех, был переведен на 33 языка и экранизирован. В романе представлена история шестнадцатилетнего Беньямина, отправленного родителями в интернат, чтобы он закончил школу. Автор показывает жизнь подростка, попавшего в новую для него среду, в новую молодежную группу. Для заглавия Б. Леберт выбрал английское слово *crazy* (сумасшедший, чокнутый), очевидно, потому, что время написания этого произведения характеризуется большим притоком английских заимствований как в нормативный, так и в молодежный язык. В романе лексема *crazy* повторяется десятки раз, автор даже выделяет ее другим шрифтом. Приведем примеры (все примеры приводятся по изданию 2001 г. [15]):

„Unsere Freundschaft ist einfach *crazy.* Immerhin hat sie uns hierhergebracht“[15, S. 134].

„Er fände mich auch seltsam. Allerdings auf eine positive Art. *Crazy* eben“[15, S. 106].

„Jetzt hat er eine ganze Meute hinter sich. Da müsste er mitmachen. Dazu sei er zu *crazy*“, meint Florian [15, S. 95].

Crazy становится словом для обозначения всего непонятного („Kafka ist *crazy*“, „Musik sei *crazy*“, „Du bist *crazy*“), а также употребляется в качестве оценочного эпитета с положительной коннотацией („Der ist gut. Mel Gibson ist *crazy*“). Кроме *crazy* здесь встречаются и другие англицизмы, например: *cool, checken, Macker, Sweatshirt, Lover, T-shirt, Winner* и др. Многие из них, попадая в немецкий язык, подчиняются правилам немецкой грамматики:

Irgendwie ist das *cooler* als alles andere [15, S. 81].

В этом примере английское прилагательное *cool* образует сравнительную степень так же, как и немецкие прилагательные.

Персонажи романа „Crazy“ в своей речи употребляют и очень распространенные молодежные

жаргонизмы *echt* и *total*, которые в качестве интенсифицирующих наречий с экспрессивно-оценочной функцией органично вписываются не только в диалоги молодых людей, но и в авторскую речь. Ср.:

„Seid ihr denn *total* bescheuert?“ fragt Janosch [15, S. 135].

Wir sehen nun *echt* lustig aus [15, S. 173].

Для молодежных групп характерно использование прозвищ, которые получают их члены, причем эти прозвища чаще ориентированы на внешность, реже на черты характера [7, S. 42], что нашло отражение и в анализируемом романе. Так, например, один из учеников интерната из-за своей полноты получает прозвище *Kugli* (от нем. Kugel „шар“). На протяжении всего романа автор называет его то *Kugli*, то *dicker Felix*:

Kugli ergreift als erster das Wort [15, S. 107].

Das gilt wohl auch für *den dicken Felix* [15, S. 95].

У Флориана, поскольку он „невероятно нежен и чувствителен“ (ungeheuer zart und empfindlich), обидное прозвище *Mädchen* (девочка). Причем автор многократно напоминает читателю об этом прозвище, повторяя фразу *„den alle nur Mädchen nennen“* (которого зовут только девочкой). Приведем примеры:

Florian, *den alle nur Mädchen nennen*, ist auch dabei [15, S. 95].

Neben Felix läuft der kleine Florian, *den alle nur Mädchen nennen* [15, S. 147].

Отличительной чертой речи молодежи является также употребление разговорных слов и выражений, что представлено в анализируемом произведении большим количеством пейоративной лексики. Особенно часто в своей речи учащиеся интерната используют вульгаризм *Scheiße.* Он является для членов данной молодежной группы универсальным словом для обозначения всего негативного. Приведем несколько примеров:

„Wir schwimmen alle in der gleichen *Scheiße*“ [15, S. 25].

„Mein Sexualleben war *Scheiße* und wird immer *Scheiße* sein“ [15, S. 28].

„Die Jugend ist *Scheiße*“, antwortet Kugli [15, S. 64].

Синтаксически роман „Crazy“ отличается употреблением коротких простых, а также неполных предложений, что свойственно эмоционально окрашенной устной речи молодых людей. Причем в романе эта особенность характерна не только для речи персонажей, но и для речи автора, поскольку шестнадцатилетний автор-рассказчик того же возраста, что и его персонажи. Так, например, он вспоминает о своей собаке:

Ich muss an unseren Hund denken. Charlie. Ein Bernhardiner-Mischling. Sein Vater war ein Monster. Seine Mutter ebenfalls. Kein Wunder, das er über einen Meter groβ wurde. Vor zwei Jahren ist er gestorben. Mir kommt es vor wie eine Ewigkeit. Charlie war ein Freund. Eine groβe Stütze in schwierigen Zeiten… Er war ein Felsen. Hinter dem ich mich verstecken konnte. Zu jeder Zeit. An jedem Ort [15, S. 149].

Другим нашумевшим молодежным романом конца XX в. является „Soloalbum“ (1998г.) 23-летнего на тот момент автора Б. Штукрад-Барре (Примеры приводятся по изданию 2007 г. [19]). В нем так же, как и в романе „Crazy“, мы наблюдаем отражение основных черт современного молодежного социолекта. В глаза бросается обилие англицизмов (*Feedback, T-Schirt, High Life, Tip, Party, check up, shut up, Repeat-Taste, Make-up, so lonely, trashen, boy* и др.) и их креативное использование в сочетании с немецкой лексикой в одном предложении („she's kaputt, *too*“). Если в „Crazy“ англицизм – заглавие романа, то в „Soloalbum“ все названия глав даются на английском языке (*Whatever, Alive, Stand by me, Step out, Flashbax* и т.д.).

Роман изобилует не только молодежными жаргонизмами (*gaga, dada, Typ, hammermäβig, cool, Hasch, abgedreht* и др.), но и разговорной пейоративной лексикой (*Scheiße, Drecksau, Bullen, Titten, kotzschlecht* и др.) В отличие от взрослых, которые, как правило, высказывают свое недовольство в завуалированной форме, молодежь не сдерживает себя в характеристиках ненавистных личностей. Поэтому главные действующие лица часто используют здесь вульгаризмы, оскорбительно называя других персонажей (*Blödfressen, Arschloch, fette Sau, Straβenkröter, verwöhnte Ärsche, Fettsäcke, vernarbte Fresse* и др.). Речи персонажей в романе не коснулась литературная обработка. В ней сочетаются молодежная жаргонная лексика и просторечные слова и выражения. Например:

– *Nee*, *haste* recht, klar, klingt erst *abgedreht*, aber ist ja logisch, *hammermäβig* [19, S. 72].

Лексемы *abgedreht* и *hammermäβig* – молодежные жаргонизмы, *nee* вместо nein и *haste* вместо hast du – элементы разговорной речи. Грамматические нарушения, свойственные устной разговорной речи, без всяких изменений присутствуют в прямой речи действующих лиц этого произведения, например, *findste* вместо findest du [S. 214], *isses* вместо ist es [S. 170], *gebense* вместо geben Sie [S. 199], *könnense* вместо können Sie [S. 193]. Часто наблюдается опущение одной или нескольких букв в артиклях (Erst *mal'n* bisschen Pause [S. 178]) и местоимениях (Und wie *war's*? [S. 94], Wusste *ich's* doch [S. 94]). К аутентичным диалоги приближают и свойственные живой устной речи

повторения *jaja, neinnein, dochdoch* и др. Приведем пример:

– Das kann ich so nicht bestätigen.

– *Dochdoch*, sagt sie.

– *Neinnein*, bestimmt nicht [19, S. 121].

Здесь так же, как и в романе "Crazy" молодежные жаргонизмы, коллоквиализмы и вульгаризмы создают не только языковой портрет персонажей, они типичны и для авторской речи, которая часто переходит в несобственно-прямую. Например:

Kacke, es klappt nicht. Ihr *Hintern* war *o.k.*, ihre *Möpse* auch, sowieso egal alles, wie auch die Eltern, sie allein war es doch, sie war es, das war es [19, S. 18].

Конечно, пуристов роман „Soloalbum" может только шокировать, но молодым читателям он пришелся по вкусу, о чем свидетельствуют его многочисленные переиздания. Высокую оценку этой книге дают и многие критики. Так, Г. Шмидт советует всей молодежи прочитать ее: „Jugend der Welt – kauf dieses Buch und lies es!" (Эти слова можно прочитать на обложке издания 2007 г.)

Мы упомянули два самых известных молодежных романа конца XX в., в которых отражается молодежный язык и молодежная культура, авторы без прикрас показывают образ жизни молодежи, привлекая этим внимание общественности к ее проблемам.

В начале XXI в. границы распространения немецкого молодежного жаргона расширяются. Он все чаще проникает в язык средств массовой информации, завоевывает сайты, чаты и форумы в Интернете, а также активнее используются в текстах художественной литературы, особенно в произведениях о молодежи и для молодежи. Для изучения специфики функционирования молодежного социолекта в немецкоязычной художественной литературе XXI в. были привлечены три молодежных романа, изданные в 2003 г. [22], 2005 г. [21] и в 2006г. [12]. В них, в отличие от проанализированных выше романов „Crazy" и „Soloalbum", в которых рассказчиками и действующими лицами были юноши 16-18 лет, повествование ведется от лица девочек-подростков 13-15 лет, что не могло не сказаться на языке этих произведений. Он отличается большим количеством коллоквиализмов и молодежных жаргонизмов, но в нем отсутствуют вульгаризмы, которыми изобилуют „Crazy" и „Soloalbum". Следует отметить, что авторы книг о жизни девочек-подростков женского пола, может быть и поэтому жаргон в их романах более „мягкий". Разность в возрасте писательниц (от 30 до 60 лет), на наш взгляд в языке их произведений не чувствуется. Учитывая, что произведения о проблемах подростков будут читать в основном подростки, все три автора используют слова и выражения, характерные для общения этой группы молодых людей, тем самым оживляя события в романах и максимально приближая их к действительности.

Рассказчиками в выбранных для анализа романах являются Франка (H. Wich. Zwei Zicken voll verliebt), Юлия (M. Vogel. Herzensbrecher vorever) и Ангелина (S. Flegel. Schule, Ballet & Dornröschenkuss). Девочки-подростки рассказывают о своей семье, учебе, времяпрепровождении, дружбе, первой влюбленности и связанных с этим проблемах. Во всех трех произведениях это очень живое повествование и большое количество диалогов, отличающихся характерной для молодежи эмоциональностью. Уже с момента приветствия друг друга подростки отступают от правил нормативного языка. Они не пользуются общепринятыми формами, а изобретают свои, свидетельствующие о принадлежности к определенной группе. Приведем примеры:

Da überholt mich jemand und boxt mich in die Seite. „*Hi*, Franka!" Braune Haarsträhnchen, die ich unter tausend anderen sofort wiedererkennen würde. „*Hi*, Stefan! Lange nicht gesehen" [22, S. 23].

„*Hi*, Bille!", brüllte Isabel in den Hörer. „Du warst klasse!" [12, S. 173].

При устном общении для прощания подростки также выбирают различные слова и выражения. В нашем случае это лексема *ciao*, которая в лексиконе молодежного языка Р. Седлачека толкуется как шутливая форма прощания (scherzhafter Abschiedsgruβ), особенно распространенная среди австрийской молодежи [18, S. 148-149]. Например:

Charlotte steht auf. „Ich hab eh schon einen Cola-Schwips. Lass nur, ich finde allein raus. *Ciao*, Zicke!"

„*Ciao*, Zicke!" [22, S. 16]

В соответствии с тенденциями в молодежном языке и особенно в языке подростков героини молодежных романов имеют свои прозвища, иногда даже одинаковые, показывающие их принадлежность к одной и той же группе. Так, главная героиня романа „Zwei Zicken voll verliebt" Франка и ее подруга Шарлотта называют друг друга *Zicke*, что отражено даже в названии этого произведения. Встречаются здесь и такие обращения к девочкам, как *Mäuschen, Schnecke, Murmeltier* и др. Ср.:

"Danke für den Applaus, *Schnecke*!"[22, S. 15].

„Hey, *Murmeltier*! Schläfst du jetzt schon am hellichten Nachmittag?"[22, S. 73].

„Was ist das denn für ein *Mäuschen*-Auftritt?"[22, S. 75].

В текстах рассматриваемых художественных произведений для наименования девушек чаще других используется жаргонизм *Tussi*. Эта

лексема зарегистрирована в лексиконе Г. Эмана с двумя значениями: 1. allgemein: Mädchen; 2. speziell: Freundin [11, S. 144], а в словаре Р. Седлачека с тремя: 1. feste Freundin eines Burschen im Sinn von Anhängsel; 2. aufgetakeltes, hochnäsiges Mädchen; 3. junge Frau, die sich nur nach der Mode richtet, um den Männern zu gefallen [18, S. 149]. В нашем материале жаргонная лексема Tussi имеет разные значения. В романах „Zwei Zicken voll verliebt" и „Herzensbrecher vorever" реализуется значение „aufgetakeltes, hochnäsiges Mädchen". Например:

„Die *Tussis* da drüben haben sich ganz schön aufgebrezelt", kommentiert Charlotte [22, S. 89].

„Warum willst du denn so aussehen wie diese komische *Tussi*?" frage ich. [21, S. 11].

В романе „Schule, Ballet & Dornröschenkuss" жаргонизм *Tussi* употребляется в своем более общем значении „Mädchen" :

„Sag mal, Bertram", fragte Isabel, „wenn du ein Mädchen kennen würdest, das behauptet, ihr beide wärt zusammen, was aber nicht stimmt". … „Aber hallo! Kommt ganz drauf an, wie die *Tussi* ist. Sieht sie gut aus? Wenn ja, dann ist das was ganz anderes". [12, S. 29].

Для наименования юношей во всех трех произведениях используются коллоквиализмы *Typ* (нейтрально) и *Macho* (пренебрежительно). Ср.:

„Und vielleicht läuft dir ja sogar irgendein netter *Typ* über den Weg, in den du dich sofort Hals über Kopf verliebst…" [21, S. 90].

„Und jetzt ist sie mit diesem *Macho* durchgebrannt" [22, S. 63].

Для выражения чувств и эмоций подростки используют лексемы с позитивно-оценочной семантикой. Их излюбленными словами высокой оценки людей и ситуаций являются *geil, cool, Hammer, klasse*. Приведем примеры:

„Au ja," kreischt Nina. „Das wäre *klasse*!"[21, S. 12].

„Hier, sieh dir das an. Ist das nicht der *Hammer*? Da müssen wir unbedingt mitmachen" [21, S. 14].

„Muss ein *cooler* Typ sein, dieser Hornikel," meinte Valentino anerkennend [12, S. 82].

Но даже таких позитивно-оценочных/негативно-оценочных лексем молодым людям с переполняющими их эмоциями кажется недостаточно, и они усиливают их с помощью интенсификаторов *total* и *echt*. Например:

„Und der Kuss eben war *echt klasse*"[21, S. 73].

Laura seufzt verzückt. „Und ob! Es war nicht nur nett, sondern *total klasse*" [21, S. 114].

Лексемы *total* и *echt* в анализируемых произведениях встречаются десятки раз, интенсифицируя самые различные качества как положительные (*total nett, total lecker, total originell, echt gut, echt cool*), так и отрицательные (*total dämlich, echt fies, echt gemein, total mies*). Они употребляются для усиления значения не только прилагательных, но и причастий (*total verheult, total verliebt, total durchgeknallt, total aufregend, echt spannend*). В качестве интенсифицирующих наречий с экспрессивно-оценочной функцией в молодежном языке употребляются также и другие лексемы, например, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Um diese *abartig* dumme Frau endgültig zu verwerfen, muss ich nur ihre Briefe lesen [19, S. 183].

Ich bin *wahnsinnig* froh, dass nicht ich, sondern Isabel die Wette gewonnen hat! [12, S. 205].

„Wow! Dann muss es ihnen *verdammt* wichtig sein" [12, S. 120].

В данных примерах в роли усилителей значений прилагательных выступают лексемы *abartig*, *wahnsinnig*, *verdammt,* но они не так частотны в нашем эмпирическом материале как *total* и *echt*.

Распространенным выражением эмоциональной оценки людей и событий в молодежном социолекте является также лексема *super*, что нашло отражение и в анализируемых художественных текстах, где она употребляется не только как самостоятельная оценка, но и как интенсифицирующее средство других оценок в составе сложных прилагательных. Сравним примеры:

„Diana ist eine *super* Schauspielerin!"[21, S. 11].

„Danke", sage ich. „Du bist *super*." [12, S. 66].

Zu Hause werde ich mit einem *superleckeren* Mittagessen für den anstrengenden Vormittag entschädigt [21, S. 87].

„Und von Paris nach Nizza gibt es *supergünstige* Flüge"[21, S. 12].

В первых двух примерах жаргонизм *super* выступает как самостоятельное оценочное определение, а в двух других он усиливает значение оценочных прилагательных *lecker* и *günstig*. Отметим, что в виде восклицания *super* может выражать не только положительные, но и отрицательные эмоции. Здесь наблюдается явление энантиосемии, характерной для многих молодежных жаргонизмов. Приведем пример, где *super* выражает возмущение:

Meine beste Freundin sieht mich verständnislos an. „Na, klar. Ich fahr doch bei dem Mistwetter nicht mit dem Fahrrad". *Super*! Offensichtlich war ich die Einzige, die so dämlich war, mit dem Fahrrad durch diese Sintflut zu fahren [21, S. 17].

Употребление большого количества экспрессивно-оценочных лексем и их интенсификаторов свидетельствует о свойственном молодежи гиперболизме, природу которого в конце XX в.

объяснил в своей статье „Jugendkultur und Jugendsprache“ известный немецкий лингвист К. Якоб: „Die jugendliche Hyperbolik könnte Ausdruck des einseitigen Wertesystems und des jugendlichen Narzissmus sein“ [13, S. 344].

Кроме лексических усилителей экспрессивно-оценочную функцию выполняют фонетические средства, одним из которых является удлинение гласных звуков, которое на письме передается повторением букв, реализуя один из принципов молодежного жаргона: Schreibe, wie du sprichst! (Пиши, как говоришь!) В анализируемых текстах обнаружен целый ряд примеров, отражающих этот принцип:

„Eine Hochzeit in St. Tropez, das ist *sooo* cool!“ [21, S. 9].

„Mann, es muss *sooo* toll sein, die Hauptrolle in „Zeiten der Liebe“ zu spielen!“ [21, S. 11].

„Sie war ja *sooo* doof, du glaubst es nicht, Bille!“ [12, S. 74].

Встречается также удлинение в одном слове разных гласных, передающееся их повторением: „Jumiliaaa!“ trötet sie mir direkt ins Ohr: „Aaaaaufsteeeehn!“ [21, S. 112].

Восторженные эмоции часто выражаются английским междометием *wow*, встречающимся не только в немецком, но и в русском, и во французском молодежном жаргоне. Приведем примеры:

Stefan führt mich hoch in sein Zimmer. „*Wow*!“ rufe ich [22, S. 168].

„*Wow*, das ist vielleicht 'ne Wucht!“ Natascha berührte ehrfürchtig den Stoff [12, S. 97].

Кроме междометия *wow* здесь встречаются и другие английские заимствования (*Lover, Loser, Smalltalk, Outfit, show, checken, shoppen, Casting, cool, One-Night-Stand, Make-up, girl, okay*), но их не так много, как в романах „Crazy“ и „Soloalbum“. Это, вероятно, объясняется тем, что в начале XXI в. бум на англицизмы, наблюдавшийся в конце XX в. постепенно угасает. Они становятся привычными, обыденными, исчезает элемент новизны, и молодежь теряет к ним интерес, на что указывает в предисловии к своему лексикону „Endgeil“ известный немецкий исследователь молодежного языка Г. Эман [11, S. 10].

Такая тенденция молодежного жаргона как употребление сокращений также нашла отражение в текстах выбранных нами произведений. Чаще всего встречаются апокопы: *Bio* от Biologie, *Mathe* от Mathematik, *Abi* от Abitur, *Disko* от Diskothek и др. Приведем примеры:

Ich schlage das *Mathebuch* auf. *Mathe* ist immer eine gute Ablenkung [21, S. 184].

„Herr Hornikel! Wir haben jetzt *Bio*!“ [12, S.184].

„Aber um als Schauspielerin Karriere zu machen, brauchst du schließlich kein *Abi*“ [21, S. 98].

„Ich würde sie ja in 'ne Disko mitnehmen“, fuhr Isabel fort [12, S. 180].

В анализируемых романах Г. Вич, М. Фогель и С. Флегель как в речи персонажей, так и в авторской речи молодежные жаргонизмы переплетаются с коллоквиализмами, что способствует отражению в художественном тексте реальной действительности. Ведь в устном общении молодежь использует не литературный, а разговорный язык, включая в него сугубо молодежные слова и выражения, что авторы и передают в речи своих персонажей:

„Ach, mir *geht* nur dieser *Macho auf den Keks*“ [22, S. 31].

„Shit! ruft Ulli: „Die sind wirklich *total durchgeknallt*.“ [22, S.80].

„Dann müssen wir unbedingt bei Anne *vorbeidüsen*. Die wird *Augen machen*!“ jubelt Nina. „Komm doch auch mit, Paps. Jacques' Porsche ist *echt der Hammer*“ [21, S. 181].

В данных примерах *Macho, total, echt, der Hammer* - молодежные жаргонизмы, а лексемы *durchgeknallt, vorbeidüsen* и выражения *auf den Keks gehen, Augen machen* – коллоквиализмы, которые зарегистрированы не в лексиконах молодежного жаргона, а в словарях разговорного [14] и нормативного языка с пометой „umg.“ (разговорное) [20].

В диалогах подростков встречается дружеское разговорное обращение *Mensch* как к девочкам, так и к мальчикам. Ср.:

„*Mensch*, Bille, was hättest du an meiner Stelle getan?“, fragte er mich [12, S. 132].

„*Mensch*, Isabel, am Freitag ist Premiere! Gib mir Zeit, bis die vorbei ist!“ [12, S. 197].

Как и в разговорной речи *Mensch* используется авторами не только как обращение, но и как возглас удивления:

Mensch, jetzt verstand ich Isabel! [12, S. 195].

Коллоквиальные тенденции в рассматриваемых молодежных романах проявляются также в употреблении разговорных отрицаний *nee* вместо nein и *nix* вместо nichts:

Ich bleibe stehen und stemme die Ellbogen in die Hüften . „Du hast *nix* kapiert, oder?“ [22, S. 53].

„Stören wir dich?“ fragt Papa. „Nee, überhaupt nicht“, sage ich [22, S. 143].

Здесь в речи персонажей, авторской и несобственно-прямой речи встречаются также грамматические отклонения от нормы литературного языка, например: *Hast du's gut* вместо Du hast es gut, *ging's* вместо ging es, *ich bin's* вместо ich bin es, *ich hab* вместо ich habe и т.д. Сочетание молодежных жаргонизмов с разговорными элементами создает неповторимый колорит речи молодежи.

Итак, анализ пяти романов на предмет употребления в них молодежного языка позволяет нам определить его роль в этих произведениях. Она заключается в том, что молодежный язык 1) создает речевой портрет действующих лиц; 2) показывает внутренний мир героев; 3) отражает определенную субкультуру; 4) способствует созданию правдоподобности описываемых событий; 5) создает экспрессивно-стилистический фон произведения. Поскольку роль молодежного социолекта столь значительна, он получает все большее распространение в немецкоязычной художественной литературе.

Список литературы

1. Польская Д.М. Язык молодежи в словаре и тексте (на материале немецкой молодежной литературы и прессы): дис. … канд. филолог. наук. Смоленск, 2013. 217 с.

2. Россихина М.Ю., Быков А.А. Специфика Интернет-сленга немецкоязычной молодежи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2016. №4. С. 116 – 126 .

3. Россихина М.Ю., Быков А.А. Сокращение как неотъемлемый атрибут Интернет- коммуникации немецкоязычной молодежи // Известия Смоленского государственного университета. 2015. №2(30). С. 156–165.

4. Россихина Г.Н., Полозова О.С. Об употреблении немецких молодежных жаргонизмов в прессе // Вестник Брянского государственного университета. Серия « История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание», 2013. №2. С. 328 – 332.

5. Androutsopoulos J.K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen . Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 1998. 684 S.

6. Androutsopoulos J.K. Jugendliche Schreibstile in der Netzkommunikation: Zwei Gästebücher im Vergleich // Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. Internationale Fachkonferenz 2001 an der Bergischen Universität Wuppertal. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 307-321.

7. Beneke J. Die jugendspezifische Sprechweise – eine umstrittene Erscheinung unserer Gegenwartssprache // Sprachpflege. 34/1985. S. 109-111.

8. Bluhm L. Jugend und Jugendkultur in der zeitgenössischen Literatur // Jugendsprache – Jugendliteratur – Jugendkultur. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 217-234.

9. Christmann P. Möglichkeiten und Grenzen der Verwendung von Jugendsprache in liturgischen Feiern. Bonn, 2003.

10. Chun M. Jugendsprache in den Medien. Eine jugendsprachliche Analyse von Jugendromanen, Hip-Hop-Texten und Kinofilmen. Saarbrücken: Akademikerverlag, 2012. 343 S.

11. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. München, 2005. 180 S.

12. Flegel S. Schule, Balett & Dornröschenkuss. Stuttgart/Wien: Thienemann, 2006. 205 S.

13. Jacob K.H. Jugendkultur und Jugendsprache // Deutsche Sprache 18. 1988. S.320-350.

14. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Klett, 1990. 959 S.

15. Lebert B. Crazy. Köln: Kiepenheuer, 2001. 175 S.

16. Neuland E. Jugendsprache. Tübingen und Basel: Francke, 2008. 210 S.

17. Pauli S. Ey Alter, du bist voll der Wort-Checker! Jugendsprache: Eine empirische Untersuchung der Spracheinstellungen von Jugendlichen und Erwachsenen. Hamburg: tredition, 2010. 240 S.

18. Sedlaczek R. leet & leiwand. Das Lexikon der Jugendsprache. Wien: echomedia, 2006. 190 S.

19. Stuckrad-Barre B. Soloalbum. Köln: Kiepenheuer, 2007. 245 S.

20. Universalwörterbuch. 7. Aufl. Mannheim/Zürich: Dudenverlag, 2011. 2112 S.

21. Vogel M. Herzensbrecher vorever. Hamburg: Klopp, 2005. 188 S.

22. Wich H. Zwei Zicken voll verliebt. Hamburg: Klopp, 2003. 189 S.

Об авторах

Россихина Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, департамент иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНОСА НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Савельева О.Е.

В статье рассматриваются вопросы того, как в процессе преподавания английского языка облегчить усвоение англоязычных грамматических структур, не совпадающих по форме с грамматическими конструкциями русского языка. Автором предлагается использование фасилитаторов – моделей в родном языке, наглядно иллюстрирующих структуру иноязычных грамматических конструкций. Основное внимание автор уделяет работе с безличными предложениями, выраженными формальным подлежащим *it*.
Ключевые слова: интерференция и положительный перенос, фасилитаторы, безличное предложение, обучение грамматике английского языка.

USE OF POSITIVE TRANSFER AT GRAMMATICAL LEVEL IN STUDYING IMPERSONAL SENTENCES AT LESSONS OF ENGLISH

Savelyeva O.E.

The article deals with the question of how while teaching English it may be possible for teachers to facilitate the process of learning the grammatical structures of the English language, which do not coincide with those of the Russian language. The author suggests using facilitators, or special models of the mother tongue, which can visually illustrate the structure of the foreign grammatical structures. Special attention is focused on working with impersonal sentences denoted by the formal subject *it*.
Keywords: interference and positive transfer, facilitators, impersonal sentence, teaching English grammar.

В методике преподавания иностранных языков большое внимание уделяется таким явлениям, как интерференция и положительный перенос, которые оказывают существенное влияние на процесс овладения иностранным языком.

Приведем одно из определений интерференции, зафиксированное в лингвистическом словаре: «Интерференция (от лат. Inter — между собой, взаимно и ferio- касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [3, с. 197]. Что касается положительного переноса, в своем языковом словаре авторы Панькин В.М. и Филиппов А.В. определяют это понятие следующим образом: «это оправданный и неошибочный перенос навыков пользования моделями, структурами родного языка в производстве речи на неродном языке (также и в теоретических представлениях) при их совпадении, прямой, полной соотносительности» [5]. Здесь же авторы замечают, что такие совпадения частичны и советуют использовать эти совпадения как методический прием при обучении иностранному языку, в особенности на начальном этапе. «При обучении языку и особенно при переводе, насколько возможно, целесообразно придерживаться положительного переноса, не создавая искусственного несовпадения (ср. англ. I have a knife лучше перевести Я имею нож, чем У меня есть нож). Такие искусственные обильные несовпадения ведут к отчуждению от изучаемого языка или к отдалению от показа логики, духа языка, на котором написан подлинник, следовательно, от менталитета автора и его народа» [5].

По словам А.В. Щепиловой, «положительный перенос знаний, умений и навыков в область нового иностранного языка обеспечивает ускорение процесса его изучения. Происходит быстрое, адекватное построение модели лингвистического явления в языковом сознании обучающегося или быстрое формирование навыка. Поэтому положительный перенос иначе называют фацилитацией. Активно прибегают к переносу старшие школьники. Их аналитические способности уже развились, они изучают иностранный язык сознательно, поэтому чаще используют перенос на уровне учебных умений и грамматических обобщений. У младших школьников положительный перенос возможен, если учитель стимулирует его возникновение» [6, с. 41].

Положительный перенос при изучении иностранного языка происходит на различных уровнях:

а) на уровне речемыслительной деятельности: чем большим количеством языков человек владеет, тем более развиты его речемыслительные механизмы (такие, например, как кратковременная память, механизмы восприятия – зрительно и на слух, механизмы выбора, комбинирования, механизмы продуцирования при говорении и письме);

б) на уровне языка: положительный перенос, может охватывать все аспекты языка (фонетический, грамматический, лексический, орфографический);

в) на уровне учебных умений: умения, которыми обучающийся овладел в процессе изучения родного языка, переносятся им на овладение иностранным языком и тем самым облегчают процесс усвоения;

г) на социокультурном уровне: социокультурные знания и социокультурные поведенческие навыки также могут быть объектами переноса [1].

В нашей статье мы сконцентрируем внимание на языковом уровне влияния положительного переноса, а конкретно, на грамматическом аспекте. Грамматическая сторона англоязычной речи представляет огромную трудность для русскоговорящих школьников, поскольку лексические единицы можно выучить или посмотреть в словаре, правила чтения и орфографии можно довести до автоматизма, упражняясь в чтении текстов, тогда как грамматические явления и закономерности нужно глубоко изучать и понимать их логику. Выучив несколько грамматических шаблонов, как советуют некоторые современные авторы, невозможно свободно продуцировать речь на иностранном языке. На наш взгляд, из всех языковых аспектов грамматика подвергается наибольшему интерферирующему влиянию родного языка, нежели все другие аспекты.

Сравнивая русский и английский языки по грамматическому критерию, можно выделить как ряд общих черт, так и большое количество отличий. Общие явления, как правило, не вызывают трудностей при обучении иностранному языку. К таким чертам можно отнести, например, наличие единственного и множественного числа, порядок прилагательного и существительного в словосочетании (ср: a <u>black</u> cat = <u>черный</u> кот, в отличие, например, от французского chat <u>noir</u>), наличие страдательного и действительного залога и т.п.

Однако в грамматиках русского и английского языка отличительных черт можно выделить больше, чем общих: наличие/отсутствие артикля, склонение русских существительных и прилагательных по падежам (в отличие от английских), наличие в английском и отсутствие в русском языке фиксированного порядка слов, различия в ряде грамматических конструкций (I have = у меня есть, there is a vase on the table = на столе ваза, I like the picture = мне нравится картина, и т.д.), количество глагольных окончаний, различия в употреблении предлогов, различия в системе времен и т.п. В связи с этим возникает необходимость искать оптимальные пути преодоления постоянных случаев интерференции, возникающей у русскоязычных школьников при обучении английской грамматике.

Между тем, при всех несовпадениях в грамматических системах русского и английского языков, в некоторых случаях вполне возможно так перефразировать фразу на родном языке, чтобы обеспечить наиболее наглядную иллюстрацию иноязычной модели. К примеру, фразу I have можно проиллюстрировать как сходную по конструкции «Я имею», фразу I like в методических целях можно заменить эквивалентной «Я люблю» (если слово like обозначает отношение к обобщенному ряду объектов: I like cakes) или «Я получаю удовольствие от» (если слово like употребляется для обозначения отношения к конкретному объекту: I like this cake), фразу there is/are можно перевести как «имеется/имеются», конструкцию времени Present Continuous на примере предложения I am sitting можно для наглядности представить как «Я являюсь сидящим», и т.п.

Одну из трудностей при обучении английской грамматике русскоязычных школьников представляет конструкция безличного предложения с формальным подлежащим *it*. Это обусловлено тем, что в английском языке грамматическое предложение всегда имеет подлежащее и сказуемое, тогда как в русском главные члены предложения довольно часто могут отсутствовать:

*В парке темно. – **It is** dark in the park.*

*Говорят, что будет холодно. – They say **it will be** cold.*

В связи с этим возникает интерференция, в особенности при работе с такими конструкциями в настоящем времени, поскольку в этом времени в русскоязычном предложении нет ни подлежащего, ни сказуемого, тогда как, например, в прошедшем времени появляется, по крайней мере, сказуемое: В парке <u>было</u> темно. Но и при появлении глагола школьники забывают о формальном подлежащем, поскольку его употребление нехарактерно для русских предложений подобного рода. Довольно часто учащиеся, в особенности на начальном этапе обучения, независимо от возраста переводят такие конструкции следующим образом: In the park dark / In the park was dark.

Таким образом, возникает необходимость поиска методически целесообразных аналогий для того, чтобы наглядно продемонстрировать обучаемым работу данной грамматической модели.

В некоторых случаях может помочь местоимение «это»:

*Понятно, почему ты не приходишь. = **Это** понятно, почему ты не приходишь. = **It** is clear why you don't come.*

Однако далеко не всегда безличное предложение можно проиллюстрировать таким образом:

В городе туманно. (Предложение «В городе *это* туманно» не имело бы соответствующего смысла).

Обращаясь к информационно-справочной системе «Национальный корпус русского языка» (http://ruscorpora.ru), приведем ряд примеров, когда безличные предложения приобретают, как и в английском языке, формальное подлежащее. Чаще всего такое подлежащее выражено местоимением ***оно***:

Наверное, в масштабах всего населения, без деления на возрастные группы, так ***оно*** *и есть. [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005];*

Так ***оно*** *и произошло. [В эти дни // «Computerworld», 2004];*

Оно, может быть, и *к лучшему, так как не пришлось опасаться скорпионов, тарантулов, змей. [А. Б. Подцероб. В сердце Сахары // «Наука и жизнь», 2007];*

Оно, может быть, и *было бы полезно выслушать подобный совет от того, кто сам следует своим рекомендациям... [Владимир Войнович. Замысел (1999)];*

Хоть ***оно, может быть, и*** *грешно хвалить черта, а этого я, все-таки, похвалю, — этот, видно, своего не упустит». [В. Г. Короленко. Судный день (1890)];*

— Видите ли, — начал я, несколько путаясь, — ***оно, может быть, и*** *некстати теперь, но я, пожалуй, готов сообщить. [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)];*

*«****Оно, может быть, и*** *все устроится к лучшему, — думал он, — а я вот таким-то образом беды избежал». [Ф.М. Достоевский. Двойник(1846)];*

Оно, конечно*, сочинить стихи Катулла, речи Цицерона или там, допустим, "Энеиду" Вергилия— дело нехитрое[А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000];*

Без тараканов ***оно, конечно****, плохо, но вошки тоже сойдут. [Андрей Геласимов. Степные боги (2008)].*

Фразы «***оно, может быть, и»*** и ***«оно, конечно»*** характеризуют в приведенных примерах просторечный или разговорный стиль, но используемая в них конструкция могла бы служить наглядной иллюстрацией структуры английской модели безличного предложения, по крайней мере, в части употребления формального подлежащего. Например, к предложению типа: It is very cold in the room можно было бы предложить такой вариант перевода, как: Оно, конечно, в комнате холодно… Несомненно, переведенный вариант несет дополнительное имплицитное значение (во-первых, стиль снижается до просторечного, во-вторых, как правило, после подобной конструкции следует противопоставительная реплика), но структурно такие обороты как «***оно, может быть, и»*** и ***«оно, конечно»*** могли бы служить наглядной опорой, обусловливающей подстановку в английское предложения оборота it is. К тому же, добавочные к местоимению слова ***конечно*** или ***может быть, и*** можно схематично использовать для индикации места глагола to be:

Оно, ***конечно****, в комнате холодно.*

It ***is*** *cold in the room.*

Однако есть такие безличные предложения, в которых подстановка формального подлежащего оно не может звучать аутентично. К примеру, это безличные предложения, вводящие время:

Сейчас 7 часов вечера.

Три часа, как мы здесь сидим.

В данном случае в ситуации настоящего времени вместо местоимения ***оно*** было бы, на наш взгляд, целесообразно ввести в русскоязычный контекст фразу ***это уже***. Обращаясь вновь к Национальному корпусу русского языка, находим один из примеров с этой фразой в безличном значении:

— Ну вот, и они много лет не виделись, потом— это уже пять лет тому назад — господин Курцер прислал письмо из Германии. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)]

Таким образом, изменив наши примеры, получаем:

Сейчас 7 часов вечера. = Это уже сейчас 7 часов вечера!

Три часа, как мы здесь сидим. = Это уже три часа, как мы сидим здесь!

И опять вставленное в контекст местоимение несколько меняет окраску предложения, делая его более эмоциональным. Но для схематичной иллюстрации формального подлежащего it местоимение **это (+ уже)** в данном случае вполне подходит.

Исходя из утверждения профессора А.В. Щепиловой о том, что «положительный перенос иначе называют фацилитацией» [6; с. 41], назовем **фацилитаторами** такие модели родного языка учащегося, которые могут служить помощниками в иллюстрации иноязычных грамматических структур.

Таким образом, выделим два условных фацилитатора для наглядного представления структуры английского безличного предложения, вводимого формальным подлежащим it: **оно, конечно (оно, может быть, и**) и **это уже** (в случаях, когда вводится время).

На примере одного из учебных пособий по английскому языку, в которых прорабатывается тема предложений с конструкцией it + to be, рассмотрим, как могут работать эти фацилитаторы для выполнения предложенных авторами упражнений.

Так, рассмотрим учебник Т. Камяновой

English. Практический курс английского языка [2]. В упражнении 6.14 на странице 44 предлагается задание:

6.14 Переведите следующие безличные предложения:

1. 7 часов утра. 2. 8 часов вечера. 3. 2 часа ночи. 4. В этой комнате тепло. 5. На улице холодно. 6. Летом у нас жарко. 7. В университете интересно. 8. Зимой холодно. 9. Сегодня тепло 10. Осенью не холодно.

Сделаем подстановку и перефразируем предложенные предложения с помощью упомянутых нами фацилитаторов:

1. Это уже 7 часов утра! 2. Это уже 8 часов вечера! 3. Это уже два часа ночи! 4. В этой комнате оно, конечно, тепло. 5. На улице оно, может быть, и холодно. 6. Летом оно, конечно, у нас жарко. 7. В университете оно, может быть, и интересно. 8. Зимой оно, конечно, холодно. 9. Сегодня оно, может быть, и тепло. 10. Осенью оно, может быть, и не холодно.

Наблюдаем, что в целом аутентичность русскоязычных высказываний в перефразированных предложениях не нарушается, при некоторых изменениях в их стилистике. Таким образом, использованные нами фацилитаторы органично вписываются в структуру предложения и облегчают наглядное представление о построении английского безличного предложения с конструкцией it+to be.

Подводя итоги вышесказанному, суммируем основные моменты. Грамматика английского языка представляет, как правило, значительную трудность для усвоения русскоязычными учащимися. В связи с этим, было бы целесообразно наглядно иллюстрировать работу различных англоязычных грамматических конструкций и моделей. Некоторые методисты предлагают использовать различного рода схемы и условные обозначения (например, различные геометрические фигуры для различных частей речи). Однако, на наш взгляд, такие условные обозначения могут создавать для некоторых школьников дополнительную трудность, связанную с необходимостью учить еще один сигнальный «язык», ведь нужно запомнить, какому явлению какой символ соответствует.

В данном случае на помощь могут придти определенного рода фацилитаторы, то есть такие модели родного языка, подстановка которых в изначальное русскоязычное предложение сможет максимально приближенно проиллюстрировать структуру иноязычной модели. В случае со структурой безличного предложения, выражаемого в английском языке с помощью формального подлежащего it, можно рассматривать две модели фацилитатора: с местоимением **оно** (***оно, может быть, и*** и ***оно, конечно)*** и с местоимением **это** (***это уже…!***). Влияя некоторым образом на стилистику изначального предложения, эти модели, тем не менее, могут служить аутентичной схематичной опорой, облегчающей перенос при изучении несовпадающих в английском и русском языке грамматических конструкций.

На наш взгляд, активно использовать модели-фацилитаторы целесообразно было бы на начальном этапе обучения иностранному языку (первый-второй год обучения) независимо от возраста обучающихся. Это обусловлено тем, что на этом этапе происходит знакомство с абсолютно новой языковой системой и применение наглядных и понятных опор в родном языке могло бы способствовать снятию тех первоначальных трудностей, которые могут вызвать фрустрацию и психологический барьер к дальнейшему изучению иностранного языка. Между тем, вопрос о применении фацилитаторов в обучении иностранному языку требует дальнейшей более детальной теоретической разработки и практических выводов.

Список литературы

1. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку. Обнинск, 2001. 46 с.
2. Камянова Т. English. Практический курс английского языка. М., Издательство «Дом Славянской Книги», 2005. 384 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь, под ред. Ярцевой, В.Н. Издательство: М.: Советская Энциклопедия. 1990. 685 с.
4. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] http://ruscorpora.ru
5. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М. : Флинта : Наука, 2011. 160 с.
6. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 245 с.

Об авторе

Савельева Ольга Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, oe.savelyeva@gmail.com

УДК 81

НАТУРОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Тимофеев С.Е., Храброва Е.С.

Настоящее исследование посвящено изучению аспекта диахронического сопоставления политической метафоры. В статье приводится анализ натуроморфной метафоры на примере инаугурационных речей президентов США двух разных эпох: Барака Обамы (2009 г.) и Франклина Делано Рузвельта (1933 г.). Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, какие изменения претерпевает метафора с течением времени и какие факторы этому способствуют.
Ключевые слова: метафора, политический дискурс, диахроническое сопоставление.

THE METAPHOR OF NATURE IN A PRESIDENTIAL DISCOURSE (DIACHRONIC ASPECT)

Timofeev S.E., Khrabrova E.S.

The research is devoted to the study of diachronic comparison of political metaphor. There is an analysis of metaphors of nature in the article in terms of inaugural speeches of the US presidents: Barack Obama (2009) and Franklin Delano Roosevelt (1933). Definite conclusions on the changes of metaphor with the course of time and factors promoting this process were drawn.
Keywords: metaphor, political discourse, diachronic comparison.

В последнее время все большую популярность в науке о языке приобретают исследования в области когнитивной лингвистики. Подобный интерес обусловлен тем, что во второй половине XX века многие вопросы, касающиеся метафоры, стали рассматриваться с совершенно иной позиции, в метафору будто «вдохнули новую жизнь». Появление когнитивных наук, занимающихся изучением процессов познания и восприятия, а в частности открытие новой, в определенной степени революционной теории когнитивной метафоры, позволило исследователям взглянуть на этот феномен под другим углом. Устоявшийся подход, определявший метафору в общем как видение одного объекта через другой, когда метафора рассматривается как одно из основных средств порождения нового знания, сменился новым, когнитивным. Метафору, теперь стали рассматривать как определенную форму мышления, средство воздействия на мысли и чувства адресата.

Современная когнитивистика смело заявляет, что мы не только выражаем мысли посредством метафор, обогащая эстетический аспект речи, но и мыслим метафорами, узнавая и познавая с их помощью окружающий мир и действительность.

Суть процесса метафоризации заключается в сопоставлении неких реально существующих объектов на основе аналогии или ассоциативной связи между ними. Сознание человека обладает ключевыми для этого процесса способностями к установлению подобных связей, сравнению и анализу. Благодаря образному мышлению человек способен творчески подходить к восприятию и анализу неизвестных ситуаций, решению различных незнакомых вопросов и проблем. Сознание не только распознает объекты за счет установления сходства между областями, которые воспринимаются разными органами чувств, но и находит нечто общее между конкретными и абстрактными объектами.

За последнее время в когнитивной лингвистике наметился явный взлет количества исследований, связанных с анализом метафоры с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. В первую очередь, в данном подходе в качестве первостепенной стоит задача изучить рассматриваемое языковое явление на предмет удовлетворения когнитивным и дискурсивным требованиям, т.е. проанализировать связи этого явления с мыслительной деятельностью человеческого сознания, а также исследовать оказываемое влияние на процесс коммуникации между людьми.

Второй важной задачей является определение факторов, обусловивших востребованность метафоры в тот или иной период времени. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенным политическим событием [2].

В настоящей статье на основе анализа речей ведущих политических деятелей США производится сопоставление политической метафорики с позиции аспекта диахронии.

Диахроническое сопоставление подразумевает рассмотрение исторического развития тех или иных языковых явлений и языковой системы в целом с позиции хронологической устойчивости или изменчивости метафоры в рамках определенного дискурса. Исследователь стремится показать контраст в метафорах (или отсутствие такового) в разные этапы развития определенной политической ситуации [2].

В качестве материала для исследования были изучены и проанализированы инаугурационные речи президентов разных эпох: Барака Обамы (2009) [7] и Франклина Делано Рузвельта (1933) [8]. В качестве интернет-источников, опублико-вавших версии официальных переводов данных речей, были выбраны [3] и [6] соответственно.

Для авторов данной статьи наибольшую ценность представляет проведение диахронического сопоставительного исследования натуроморфной метафоры. Подобный выбор объясняется тем, что сейчас, в наше время вопросы экологии и охраны окружающей среды стоят особенно остро, хотя еще лишь несколько десятков лет тому назад упоминались гораздо реже и в меньшей степени волновали человечество. Таким образом, анализ натуроморфной метафоры в речах президентов разных эпох позволяет проследить за произошедшими изменениями либо, наоборот, устойчивостью таких выражений с течением времени. В результате анализа натуроморфной метафоры и контекста, в котором она употребляются, представляется возможным судить о многих важных аспектах, характеризующих приоритеты и принципы, которыми руководствуется тот или иной политик.

Задача данной статьи – проследить, как в речи политических деятелей разных эпох меняется или остается прежним контекст употребления натуроморфной метафоры. С этой целью необходимо проанализировать контекст, в котором используется метафора, концептуализирующий сферу природы, учитывая различные факторы влияния; выявить закономерности применения натуроморфной метафоры к тем или иным реалиям, процессам, явлениям; исследовать официальный перевод рассматриваемых выражений; провести параллель или выделить общее в контекстах употребления метафоры каждым из политиков.

Как Барак Обама, так и Франклин Рузвельт в своей речи используют выражения, понятийную основу которых формирует натуроморфная метафора. Приведем примеры таких выражений в речи каждого из президентов.

Метафорические обороты, используемые Б. Обамой.

Yet, every so often ***the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms****.*

Но были времена, когда ***присяга звучала во времена сгущающихся туч и бушующих бурь.***

With hope and virtue, let us ***brave once more the icy currents, and endure what storms may come.***

С надеждой и достоинством давайте еще раз ***справимся с ледяными потоками и выдержим бури, которые ожидают нас.***

Анализируя предложенные выше примеры, можно прийти к определенным выводам. Сравнивая тяжелые периоды из истории своей страны с природными явлениями, в силе и непредсказуемости которых в нашу эпоху люди все чаще и чаще убеждаются, Б. Обама тем самым создает желаемый образ в сознании реципиента, что позволяет настроить его мысли и чувства в соответствии с представляемой им картиной. Так, выражение *времена сгущающихся туч и бушующих бурь* (*gathering clouds and raging storms)* позволяет наглядно и живо передать образ, соответствующий сложным временам в истории США. А то, с чем еще только предстоит столкнуться, Б. Обама сравнивает с *ледяными потоками (the icy currents)* и *бурями (storms)*. Такое сравнение привносит свои особые, достаточно холодные и резкие оттенки в общее представление адресатом картины возможного будущего.

Таким образом, Б. Обама, задействуя в своей речи натуроморфную метафору, позволяет слушателю на время «окунуться» в картины непростых времен в прошлом и представить пережитый опыт. Сформированное, таким образом, в сознании реципиента отражение прошлого позволяет Б. Обаме, заводя речь о возможных сложностях в будущем, «сгладить острые углы», не навлекая на себя, тем самым, излишних упреков и обвинений со стороны мирных граждан. По мнению авторов данного исследования, подобный эффект можно объяснить следующим образом: все то, что заставляет страну сплотиться ради достижения общей цели, порождает те самые особые чувства патриотизма и единения, которыми человек, переживший подобный опыт, дорожит всю свою дальнейшую жизнь. В истории страны пережитое событие может рассматриваться как отрицательное, так и положительное, но воспоминания о нем, все равно заставляют пробудить особые чувства, испытываемые человеком в то самое время.

Метафорические обороты, используемые Ф. Рузвельтом:

the withered leaves of industrial enterprise lie on every side…

повсеместно замирают промышленные предприятия…

… and there must be an end to … which too often has given to a sacred trust the likeness of callous and selfish wrongdoing. Small wonder that ***confidence languishes****, for it thrives only on honesty, on honor, on the sacredness of obligations, on faithful protection, on unselfish performance; without them it cannot live.*

Надо покончить с тем образом действий ..., который слишком часто превращал священный долг в подобие бессердечного и своекорыстного проступка. Неудивительно, что **доверие тает**, ибо оно зиждется только на честности, чести, на нерушимости обязательств, на ревностной защите, на

бескорыстной деятельности, а без всего этого оно существовать не может.

Времена Рузвельта – это эпоха попыток безграничного и бесконтрольного подчинения сил природы на благо общества. Создание фабрик и промышленных предприятий, использование без оглядки природных ресурсов, «масштабная стройка» и попытки обуздать природу – вот главные приоритеты прошлого столетия в гонке за лидерство среди держав. Анализируя выдержку из речи Рузвельта, в которой прекратившее работу предприятие сравнивается с листом, упавшим на землю (*the withered leaf)*, нетрудно прийти к выводу, что в прошлом столетии у большинства государств, взявших курс на развитие, природа ассоциировалась прежде всего с ресурсом, средством и платформой для создания. Могущество природных сил не воспринималось всерьез, отсюда и метафора: промышленные предприятия закрываются подобно тому, как опадают листья с деревьев – постепенно, по одному листочку; большинство не заметит, лишь единицы обратят внимание. Но со временем дерево останется без листвы точно так же, как и страна без промышленности. Именно эту мысль и хочет донести Рузвельт до аудитории.

Ситуацию в государственном секторе во времена, предшествующие своему приходу к власти, Рузвельт описывает такой фразой, как *confidence languishes*. На русский язык глагол *to languish* можно перевести как «*вянуть*», «*чахнуть*», «*таять*». Все эти глаголы описывают неспешный, постепенный процесс, сравнимый с увяданием растения или таянием снега. То же самое имеет в виду и Рузвельт: процесс разрушения, коррумпирования служащими государственного сектора – это процесс, который медленно, но верно способен привести к крушению целой системы, принципы и законы функционирования которой закладывались на протяжении всей истории. Анализ контекста, основанный на метафорическом сравнении сферы природы со сферой жизнедеятельности и функционирования человека, позволяет сделать следующие выводы. Растение при должной заботе растет и развивается. Как только уход прекращается, все затраченные труды идут насмарку – растение вскоре завянет. Точно так же и любая социальная система: сколько бы трудов и сил ни было вложено, какие бы принципы ни составляли ее фундамент, если перестать контролировать процесс функционирования системы, итогом станет ее деструкция.

Сравнивая метафорические обороты, используемые в речи двумя лидерами, мы приходим к следующим умозаключениям. Б. Обама использует натуроморфную метафору, обращаясь либо к прошлому опыту, пережитому страной, либо к возможному будущему, в отличие от Ф. Рузвельта, употребляющего метафору в описанных примерах только в настоящем времени. Подобное отличие свидетельствует о различии во взглядах обоих лидеров в отношении к природе.

Натуроморфная метафора в речи Б. Обамы отражает реальность проблем настоящих дней. В глазах современного образованного человека, не безразличного к проблемам, ставящим под угрозу существование всего человеческого вида, вопросы, касающиеся природы, приобретают все большую ценность и значимость. Проблема заключается в том, что на данной ступени развития человеческой цивилизации, при том уровне достижений в науке и технике, решение всех вопросов, прямо или косвенно связанных с охраной окружающей среды и изменением экологической обстановки, представляет собой желаемую, но довольно непростую, с одной стороны, а с другой – просто невыгодную для многих отраслей и сфер человеческой деятельности задачу. Таким образом, Б. Обама весьма осторожен в высказываниях, затрагивающих вопросы, относительно роли природы в человеческой жизни.

Анализ натуроморфной метафоры в речи президента Рузвельта также подводит нас к некоторым важным выводам. Сопоставление происходящих в стране процессов с такими обыденными явлениями, как таяние снега или опадание листвы, символизирует особое, по меньшей мере «на равных», а возможно даже «завоевательское» и «потребительское» отношение к природе. Не задумываясь над возможными последствиями политики бесконтрольного использования природы в своих целях, лидеры большинства ведущих стран прошлого столетия подвели к тому, что сейчас выработка новой стратегии и изменение устоявшейся линии поведения представляет собой крайне сложную задачу. Однако, стараясь учесть и в дальнейшем не допустить всех тех ошибок, которые имели место в прошлом, и принимая тот факт, что с каждым днем экологическая обстановка во всем мире усугубляется, руководители государств хотя и осознают невозможность резкого перехода от исторически сложившихся и устоявшихся канонов и принципов управления государством, но все-таки предпринимают попытки, «отыскивая бреши в крепкой политической стене», заполнять их «кирпичиками умной политики», в которой находится место и для природы.

В результате проведенного исследования было установлено, что течение времени меняет контекст, в котором употребляется натуроморфная метафора. Отношение лидеров к вопросам природы в связи с этим также изменяется. Среди

основных факторов, способствующих такому изменению, авторами были отмечены следующие: проводимая руководством страны политика; текущая мировая экологическая обстановка; опыт предыдущих поколений.

Исследования натуроморфной метафоры в политическом дискурсе позволяют проследить отношение каждого из политических деятелей ко многим проблемам. Среди первоочередных можно выделить такие, как забота о здоровье граждан, защита живой и неживой природы, экология окружающей среды. На основании сделанных выводов, можно составить частичный портрет личности политика с позиции «человек-отношение к природе».

Таким образом, подводя итог всему выше сказанному, можно сделать вывод, что изучение концептуальной метафоры в аспекте диахронии позволяет проследить, как определенная метафора функционирует и проявляет себя в разные эпохи, какие смысловые оттенки и оценочные потенциалы она приобретает с течением времени и какое эмоциональное и психическое воздействие оказывает на реципиента.

Список литературы

1. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №1. С. 5-11.

2. Будаев Э. В. Сопоставительный анализ политической метафоры / Э. В. Будаев // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (67). С. 106–114.

3. ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ БАРАКА ОБАМЫ [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_usa/3356-inauguracionnaja-rech-baraka-obamy.html (дата обращения 20.03.2016).

4. Кондратьева О. Н. Натурморфная метафора как средство осмысления концепта «душа» в русской лингвокультуре (диахронический аспект) / О. Н. Кондратьева // Филологические науки. – Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, 2012. – Вып. 4. – С. 83-93.

5. Кравцова Ю.В. Понимание метафорической модели в современных научных парадигмах / Ю.В. Кравцова. Наукові праці. Том 67. Випуск 54.Киев. С. 44-48.

6. Первая инаугурационная речь Франклина Рузвельта, 1933 год [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.kapitalisty.ru/party/podrobnee/007/ (дата обращения 20.03.2016).

7. Barack Obama's First Inaugural Address [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://en.wikisource.org/wiki/Barack_Obama%27s_First_Inaugural_Address (дата обращения 20.03.2016).

8. Franklin D. Roosevelt // 1 - Inaugural Address // March 4, 1933 [электронный ресурс] – Режим доступа. URL: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=14473 (дата обращения 20.03.2016).

Об авторах

Тимофеев Сергей Евгеньевич – магистрант факультета иностранных языков, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, drumliker@mail.ru

Храброва Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, indivisibility@inbox.ru

УДК 81.367

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Трошина Н.В., Фёдорова С.К.

В статье представлен анализ наиболее выразительных синтаксических конструкций поэзии Арсения Тарковского, обладающих компаративной семантикой. В контексте пространственного культурного кода раскрываются образные основания сравнений с эталонами, обозначающими топосы на поэтической карте.
Ключевые слова: сравнительная конструкция, эталон сравнения, Арсений Тарковский, пространственный культурный код, топос.

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE SPATIAL CULTURAL CODE IN THE ARSENY TARKOVSKY'S POETRY

Troshina N.V., Fjodorova S.K.

The article presents an analysis of expressive syntactic constructions with comparative semantic in Arseny Tarkovsky's poetry. Shaped base of the standard of comparison, which represent topoi on the poetic map, are disclosed in the context of the spatial cultural code.
Keywords: comparative construction, standard of comparison, Arseny Tarkovsky, spatial cultural code, topos.

Весьма продуктивным средством формирования компаративной семантики в поэзии Арсения Тарковского являются единицы синтаксического уровня, и наиболее яркими в структурном, семантическом, образно-изобразительном планах оказываются сравнительный оборот и неполная сравнительная придаточная часть.

В целом сравнение как лингвистическая единица обладает своими особыми конструктивными признаками, отличающими ее от других языковых явлений. В идеальном, полном варианте сравнение представляет собой трехчленную структуру, включающую в себя объект, эталон и основание сравнения. Наиболее творческим, индивидуальным элементом сравнительной конструкции является эталон сравнения (обозначение предмета, явления, действия, с которым и осуществляется сопоставление). Именно эталоны сравнения в стихотворениях А. Тарковского позволяют раскрыть центральные категории мироощущения поэта, сложное и причудливое взаимодействие символов поэтического мира. Они являются средством актуализации культурных кодов, которые отражают способ мышления людей и детерминируют содержание и формы языковых репрезентаций.

Н.Ф. Алефиренко определяет культурный код как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения…» [1, с. 61-62]. По мнению В.В. Красных, код культуры – эта своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [5, с. 297]. Выделяют несколько базовых культурных кодов: антропоморфный, биоморфный, объектный, анимический, мифологический, темпоральный, пространственный, акциональный и др.

Рассмотрим эталоны сравнения в поэтических текстах Арсения Тарковского в аспекте пространственного (географического) культурного кода, который связан с созданием образов через обозначение топосов на поэтической карте. Понятие «топос», используемое при исследовании пространственно-временной парадигмы художественного произведения, характеризует «пространственный образ, отложившийся в сознании, а точнее в подсознании писателя из впечатлений реального мира и прямо или косвенно, порой с весьма значительной степенью абстрагирования, воплощающийся в произведениях в качестве архитектонической модели» [8, с. 5].

Ряд топосов, отраженных в компаративных конструкциях поэзии Тарковского, можно отнести к геокультурным. Под геокультурным топосом понимают не какое-то абстрактное пространство, а реально существующий географический объект, конкретную территорию (страну, город и др.), образ которой воплощается в поэтическом тексте. Такой образ формируется, когда определенное географическое место становится предметом внутренней рефлексии, эстетических переживаний и философских размышлений лирического героя. Геокультурный топос – это своего рода знак особого отношения поэта к миру, это «не только образ определенного географического места в литературном воплощении, но и одна из возможных форм бытия лирического героя и его переживания» [7, с. 3].

Геокультурное пространство, представлен-

ное через эталоны сравнения, в поэзии Тарковского встроено в парадигму «Поэт – Мир». При этом топонимы становятся отправными точками раскрытия особой мифологии и онтологии пространства. Так, в стихотворении «Жизнь, жизнь» в сравнение включен топоним *Урал*: «Я каждый день минувшего, как крепью, / Ключицами своими подпирал, / Измерил время землемерной цепью / И сквозь него прошел, *как сквозь Урал*» [Т. 1, с. 243; здесь и далее цитаты стихотворений Тарковского даются по изданию [10]; в скобках указываются номер тома и страница]. Топос *Урал* задействован в общей картине устройства пространства и времени, имеющей явный мифологический подтекст. Поэт уподоблен могучему титану Атланту, подпиравшему небесную твердь, и скандинавскому богу Одину, который принял облик змея и прополз сквозь скалу, чтобы добыть мед поэзии у хранивших его великанов. И не случайно из всех горных систем, расположенных в России, поэт выбирает именно Урал. Он символизирует границу между Европой и Азией, двумя частями света, и эта обусловленная географией рубежность геокультурного топоса в полной мере соответствует основному мотиву космологии мира и «срединного» положения в нем человека, представленному в поэзии Тарковского: «Я человек, я посредине мира, / За мною мириады инфузорий, / Передо мною мириады звёзд. / Я между ними лёг во весь свой рост – / Два берега связующее море, / Два космоса соединивший мост» [Т. 1, с. 172].

Поэтогоническая семантика накладывается и на геокультурный топос *Россия*, использованный в качестве эталона сравнения в стихотворении «Посредине мира»: «Я Нестор, летописец мезозоя, / Времен грядущих я Иеремия, / Держа в руках часы и календарь, / Я в будущее втянут, *как Россия,* / И прошлое кляну, как нищий царь» [Т. 1, с. 172]. Данное сравнение не только олицетворяет пространственный образ, но и вводит его в систему самоидентификации лирического героя, поэта-творца, чувствующего неразрывную связь своей судьбы с судьбой всей страны. Пространственный образ становится основанием существования человека, который пытается пережить всю данную ему жизнь в ее предельной полноте.

Стоит отметить, что топоним *Россия* включен в образную параллель, выстраиваемую через сравнения и предикатные метафоры, которые передают многоликость лирического субъекта поэзии Тарковского: *Нестор – Иеремия – Россия – нищий царь*. Примечателен в этом ряду образ нищего царя. Нищета царя в интерпретации Тарковского – это результат взаимопроникновения понятий *царь – пророк – священник*, вписанных поэтом в библейскую парадигму. «В Ветхом Завете царь, пророк, священник – не просто близкие, но перекрывающие или даже замещающие друг друга понятия. Утрата царского достоинства – это утрата пророческого дара, которым был наделен первый царь, пророк и священник Адам, и она приводит к утрате власти над тем словом, которое было дано от века» [4]. Образы летописца Нестора, ветхозаветного пророка Иеремии и нищего царя – это попытка осмыслить место поэта в мире, тайную сущность слова и языка. И включение в этот ряд образа России – утверждение кровной связи человека, его мыслей, его языка, поэтического слова с родной землей; эта мысль прослеживается и в стихотворении «Словарь»: «Я ветвь меньшая от ствола России, / Я плоть ее, и до листвы моей / Доходят жилы, влажные, стальные, / Льняные, кровяные, костяные, / Прямые продолжения корней» [Т. 1, с. 190].

Пространственный код в поэтике Арсения Тарковского встроен в систему мира духовного. Человек из мира предметного, в котором он живет, мыслит, чувствует, переходит в сферу, которая является высшим уровнем познания самого себя и мира в целом. Поэт создает тексты особого характера, в которых хронотоп преображается в эонотопос (от греч. *эон* – вечность, век и *топос* – место, местность, пространство). Термин, предложенный В.В. Лепахиным в работе «Икона и иконичность» и использованный С.В. Кековой для описания поэтического мира Арсения Тарковского, отражает взаимосвязь времени и пространства (по аналогии с «хронотопом» М.М. Бахтина), но при этом время в эонотопосе не существует «вне сопричастия вечности, а пространство можно скорее назвать внепространственностью» [Цит. по: 3, с. 27]. Некоторые эталоны сравнения в компаративных конструкциях представляют такого рода топосы.

Эонотопос библейского Рая эксплицируется эталоном сравнения в стихотворении «Стелил я снежную постель…», посвященном А.А. Ахматовой: «Под небом северным стою / Пред белой, бедной, непокорной / Твоею высотою горной / И сам себя не узнаю, / Один, один в рубахе черной / В твоем грядущем, *как в раю*» [Т. 1, с. 312]. Сравнение отражает «вневременность» и «внепространственность» бытия лирического героя, переживающего боль, скорбь вместе с поэтессой. Вместе с тем христианские представления о Рае как о месте утраченного духовного единства Бога и человека проецируются на судьбу лирического героя, испытывающего горькое чувство одиночества.

Важным для поэтического пространства Тарковского является эонотопос церкви, священ-

ного места, дома Божьего. Церковь, пусть даже старая, заброшенная, – это средоточие духовной силы, мощной энергетики, которая проявляется и в природе, хранящей тайны мироздания: «И обозначились между стволами / Проемы черные, *как в старой церкви,* / Забытой Богом и людьми» [Т. 1, с. 23].

Образ церкви неотделим от образа иконы, которая являет собой двуединство божественного и человеческого, небесного и земного. В стихотворении «Затмение солнца. 1914» Арсений Тарковский использует сравнение, которое становится духовно-энергетическим центром поэтического текста: «А утром в село на задворки / Пришел дезертир босиком, / В белесой своей гимнастерке, / С голодным и темным лицом. / И, *словно из церкви икона*, / Смотрел он, как шел на ущерб / По ржавому дну небосклона / Алмазный сверкающий серп» [Т. 1, с. 153]. Сравнение облика дезертира, «с голодным и тёмным лицом», босого, в выцветшей гимнастерке, с иконическим ликом отражает особые религиозно-философские коннотации, которыми наделяется образ героя стихотворения: дезертир словно «таинственный вестник конца света, начинающегося с затмения солнца. Он оставляет ребёнку, вынесшему ему хлеб-соль, «ружейный патрон» как пророческий знак его будущей жизни и судьбы, которую тоже опалит пожар войны – сначала гражданской, а позднее – Великой Отечественной» [9, с. 22].

Эталоны сравнения с локальным значением участвуют в репрезентации и мифопоэтической модели мира Арсения Тарковского. Во «Второй оде» эксплицирован миф о первочеловеке-великане, приносящем себя в жертву миру. Сравнения задействованы в создании общей картины творения вселенной: «Подложи мне под голову руку / И восставь меня, как до зари / Подымала на счастье и муку, / И опять к высоте привари, / Чтобы пламя твоё ледяное / Синей солью стекало со лба / И внизу*, как с горы*, предо мною / Шевелились леса и хлеба, / Чтобы кровь из-под стоп, *как с предгорий*, / Жарким деревом вниз головой, / Каждой веткой ударилась в море / И несла корабли по кривой» [Т. 1, с. 298]. При этом эталоны сравнения (*гора, предгорье*) отражают один из параметров оппозиции «верх» / «низ» (воплощенной в иных понятийных категориях: «божественное, бессмертное» / «земное, смертное»), концептуальной для мифопоэтической модели мира.

Ряд сравнений, декодирующих пространственный культурный код в поэзии Тарковского, содержит лексемы с локальной семантикой; при этом пространственные характеристики становятся значимыми для раскрытия смыслов, важных для понимания поэтического текста в целом.

В стихотворении «Жили-были» поэт использует сравнение с эталоном *могила*: «Брата старшего убили, / И отец уже ослеп, / Все имущество спустили, / Жили, *как в пустой могиле*, / Жили-были, воду пили / И пекли крапивный хлеб» [Т. 1, с 340]. Сравнение отражает невыносимость существования тех, кто в тяжелые военные годы остался в живых; это пребывание на границе жизни и смерти.

Другой эталон сравнения с локальным значением встречается в стихотворении «Я в детстве заболел»: «А мать стоит, рукою манит, *будто / Невдалеке*, а подойти нельзя…» [Т. 1, с. 292]. Данное сравнение участвует в раскрытии мотива явления с того света родных и любимых людей. Невозможность подойти к матери, дотронуться до нее, пойти с ней в мир иной – это воплощение преодоления смерти.

Мотив смерти прослеживается и в сравнении *как на бойне*: «Снег, *как на бойне*, пахнет сладко…» [Т. 1, с. 127]. Запах снега, пропитанного кровью, – предощущение гибели. В поэзии Тарковского этот запах (запах крови, запах госпитальный, сладкий запах снега и земли) ассоциативно связан со смертью, которую несет война: «Бензином пахнет *снег* у всех, / В любом краю, но в Подмосковье / Особенно, и *пахнет кровью*. / Остался этот запах с тех / Времен, когда сороковые / По снегу в гору свой доспех / Тащили годы чуть живые...» [Т. 1, с. 138].

Локальным значением обладает эталон сравнения *сцена* в стихотворении «Сны»: «…Уходят вверх ее ступени, / Но нет перил над пустотой, / Где судят тени, *как на сцене*, / Иноязычный разум твой» [Т. 1, с. 244]. Образ лестницы в данном лирическом тексте, как и во всем творчестве Тарковского, символизирует движение к небесам. И сравнение *как на сцене*, которое «включает» некую театральную мистерию, участвует в создании картины непростого для человека восхождения: «нет перил», поддерживающих идущего; внизу пустота, в которую в любой миг человек может сорваться; наконец, строгий суд, которому подвергается «иноязычный» (не говорящий «на одном языке» с Богом) разум.

То же сравнение встречается в стихотворении «Ночь под первое июня»: «…Спи, *как на сцене*, на своей поляне, / Спи, – эта ночь твоей любви короче, – / Спи в сказке для детей, в ячейке ночи, / Без имени в лесу воспоминаний» [Т. 1, с. 223]. Жизнь лирического героя и его возлюбленной, как действо на сцене, находится под пристальным вниманием посторонних, но настоящие, тайные мысли, чувства не выставлены напоказ, они в душе героев, в их воспоминаниях.

Интересен в плане понимания поэтиче-

ского текста и другой эталон сравнения, обладающий локальной семантикой: «В снежном, полном веселости мире, / Где алмазная светится высь, / Прямо в грудь мне стреляли, *как в тире*, / За душой, как за призом, гнались…» [Т. 1, с. 330-331]. Тир становится отражением той атмосферы, в которой существует поэт. «Снежный, полный веселости мир» на самом деле оборачивается жестоким и циничным аттракционом, где забавы ради готовы убить душу поэта-творца.

Образ пространства всегда воспринимается в комплексе с образами натурфактов (природных объектов) и артефактов (искусственно созданных объектов), его наполняющих. Множество функционально разобщенных предметов сосуществует в одном пространстве лишь в силу того, что человек, исходя из своих потребностей, включает их в единый функциональный контекст. Предметный мир поэзии Арсения Тарковского тесно сплетается с художественным пространством; и каждый из предметов становится отмеченным культурным смыслом. По определению С.А. Манскова, предметы в художественном пространстве поэзии Тарковского могут быть охарактеризованы как «бытийные» [6, с. 63], отражающие концептуальную для поэта парадигму «Я – Предмет – Мир», обладающие символическими значениями, восходящими к претекстам и архетипам.

Среди артефактов, которые моделируют пространство в поэзии Тарковского, особое место занимает *зеркало*. В стихотворении «Дом» встречается сравнение, декодирующее одновременно пространственный и объектный культурные коды и эксплицирующее сакральный образ зеркала как границы и одновременно связующего звена между двумя мирами: «В дом вошел я, *как в зеркало*, жил наизнанку…» [Т. 1, с. 32]. Пространство, центром которого в данном лирическом контексте становится дом, наделяется двумя характеристиками: «за» и «перед» зеркалом. Такое зеркально перевернутое отражение пространства соответствует раздвоенности бытия лирического героя, маркирует границу между прошлым и будущим.

Знаковым в поэзии Арсения Тарковского является и образ камня, относящегося к элементам категории «земное». Сравнение с эталоном *камень* использовано поэтом в стихотворении «Оливы»: «Седые оливы, рога мне / Кладите на плечи теперь, / Кладите рога, *как на камни*: / Святой колыбелью была мне / Земля похорон и потерь» [Т. 1, с. 251]. Камень – символ прочности, устойчивости; сравнение плеч с камнями отражает внутреннее состояние лирического героя, прошедшего тяжелый жизненный путь «средь стольких могил и видений» и словно укоренившегося в земной действительности.

Выражением категории «земное» можно считать и эталон сравнения в следующих строках из стихотворения «Луна в последней четверти»: «Смотрю в окно и узнаю / В луне земную жизнь мою, / И в смутном свете узнаю / Слова, что на земле пою, / И *как на черепке* стою, / На срезанном ее краю» [Т. 1, с. 261]. Лексема *черепок*, организующая сравнение, вместе с *земной жизнью*, *словами на земле* представляет земной, личностный мир, в котором творит поэт. И этот мир, незначительный по масштабу (маленький, как черепок), «втягивается» в беспредельное внешнее пространство, и только взгляд из окна, меняющего перспективу восприятия, позволяет увидеть нерасторжимую связь этих двух пространств.

В стихотворении «Еще в ушах стоит и гром и звон…» встречается сравнение с эталоном *подушка*: «Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта Свистит, но слышно, *как из-под подушки*: / В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты И в четверть сна, в одну восьмую жизни» [Т. 1, с. 338]. Сравнение, наряду с обстоятельствами *в полбарабана, в полтрубы, в полфлейты,* передает приглушенность музыки, звучащей вполсилы. Как отмечает Ж. Баратынская, «причиной такой полуреализации в событийной действительности могли быть и звон трамвая и пространственная удаленность героев (они сидят у ворот сада). Однако у этой «половинчатости», незавершенности есть и другое объяснение; незавершенность жизненного пути героев-детей, … судьба которых еще только намечена, не ясно «прописана», вариабельна» [2].

Название еще одного предмета легло в основу эталона сравнения в стихотворении «Чем пахнет снег»: «И только в марте потеплеет, / И, *как на карте*, запестреет / Там косогор, там буерак, / А там лозняк, а там овраг» [Т. 1, с. 138]. Топографические координаты, отмеченные на поэтической карте, символизируют весеннее возрождение. Вместе с тем эталон сравнения отражает особенности восприятия мира лирическим героем, умеющим увидеть в окружающем пространстве всё многообразие его элементов, запечатлеть их в своем сознании. Именно такими способностями обладает поэт, топограф человеческой жизни.

Рассмотренные образные основания сравнений в поэтических текстах Арсения Тарковского в аспекте пространственного культурного кода позволяют выявить некоторые особенности его поэтического мира, в котором преломление образов с локальной семантикой через индивидуальное художественное мышление поэта создает уникальные «ментальные модели» сравнения.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 392 с.

2. Баратынская Ж. Poetik der «Ewigen Rukkehr» Arsenij Tarkovskijs als Phanomen des konvergenten Bewusstseins. Hamburg, 2011 [URL: http://ediss.sub.uni-hamburg.de/volltexte/2011/5326/pdf/dissertation.pdf] Дата обращения 15.01.2016.

3. Кекова С.В. Эонотопос в поэтическом мире А. Тарковского: к проблеме религиозно-философской герменевтики поэтического текста // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. С. 27-31.

4. Кекова С.В., Измайлов Р.Р. Сохранившие традицию. Заболоцкий. Тарковский. Бродский. Саратов: Изд-во «Лицей», 2003. 192 с.

5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

6. Мансков С.А. Предметный мир поэзии А. Тарковского // Вестник БГПУ (Современные гуманитарные науки). 2001. №1. С. 63-70.

7. Пудова А.С. Геокультурная топика в лирике Б.Л. Пастернака. Автореф. дис.… канд. филол. наук. Тюмень, 2011. 26 с.

8. Разумова Н.Е. Пространственная модель мира в творчестве А.П. Чехова. Автореф. дис. …докт. филол. наук. Томск, 2001. 46 с.

9. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев: Издатель Н.М. Лысенко, 2014. 272 с.

10. Тарковский А. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1991.

Об авторах

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, natalya_troshina@mail.ru

Фёдорова Светлана Константиновна – старший преподаватель кафедры латинского языка и русского языка, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, veto2005@yandex.ru

УДК 791.43.01

ВЕРБАЛЬНЫЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В СЕРИИ МУЛЬТФИЛЬМОВ О ТРЁХ БОГАТЫРЯХ

Федотова И.П.

Анализируется лингвистическая система мультфильмов о трёх богатырях с точки зрения наличия в ней интертекстуальных маркеров, выделенные маркеры группируются согласно типу претекста и рассматриваются функции интертекстов.
Ключевые слова: *интертекстуальность, кинодиалог, вербальные маркеры, претекст, функции интертекста.*

VERBAL INTERTEXTUAL MARKERS IN THE CARTOONS ABOUT THREE RUSSIAN FAIRY TALES' HEROS

Fedotova I.P.

The article deals with the verbal text of the Russian cartoons about three fairy tales' heroes, points out its verbal intertextual markers, analysis sources of inertextuality.
Keywords: *intertextuality, cino-text, verbal markers, pretext, intertext functions.*

Кино, являясь одним из наиболее сложных в семиотическом плане объектом, представляет собой новую область относительно роли и значимости слова в структуре фильма в целом. Исследованиям подвергается функционирование и взаимодействие вербальных и невербальных средств при реализации ими коммуникативной функции. По мере развития кинематографа вербальная составляющая получала всё бóльшее значение; речь открыла для кино область отвлечённых рассуждений, говорящие с экрана персонажи раскрывают свои характеры не только во внешнем действии, но и вербально. Слово в фильме выполняет особую роль и обладает определённым набором характерных признаков.

Текст, создаваемый кинофильмом, рассматривается учеными с различных точек зрения в зависимости от парадигмы проводимого исследования. В нашей работе мы опираемся на термин «кинодиалог» в трактовке В.Е. Горшковой, рассматривающей кинодисурс как совокупность всех семиотических систем, участвующих в создании фильма, а кинодиалог как исключительно вербальный компонент кинодискурса [1]. Актуальность исследования кинодиалога определяется, прежде всего, устойчивым интересом лингвистики к содержательному аспекту любого текста, призванного участвовать в акте коммуникации. Направлением нашего исследования является выявление в кинодиалоге специфических черт общетекстовых категорий, поскольку кинодиалог есть одна из новых форм бытования языка В наших предыдущих работах была рассмотрена общетекстовая категория информативности [5], настоящее же исследование посвящено категории интертекстуальности и параметрам реализации данной категории в исследуемой текстовой среде.

Структура лингвистической системы фильма, кинодиалога, включает в себя различные компоненты, часть которых создаётся непосредственно для фильма (титры всех видов), а часть создаётся с опорой на разного рода претексты (диалоги героев, диегетические письменные компоненты). В качестве претекстов для кинодиалога выступают как культура в целом, так и конкретные произведения литературы, песенного искусства, фольклора и кино. Апеллирование к ранее созданным вербальным текстам позволяет авторам вписать своё кинопроизведение в контекст российской культуры, а историческая давность претекстов открывает перед авторами возможность продемонстрировать родство героев и зрителя в аспекте менталитета.

Современный кинематограф предлагает зрителю произведения различных форм, и одной из самых популярных форм на протяжении десятилетий остаётся мультипликационное кино. Возникнув на раннем этапе развития кинематографа, мультфильмы с годами приобретают всё более актуальные смыслы. Именно мультфильмы в настоящее время занимают бóльшую часть времени детей дошкольного и младшего школьного возраста [8]. Традиционно за мультфильмами признаётся образовательная и воспитательная функции, они несут в себе образы добра, чистоты, демонстрируют модели поведения в повседневной жизни и в критических ситуациях. Реализация подобных функций невозможна без опоры на существующую реальность, что приводит к появлению параллелей между реальным миром и миром мультфильма. Узнаваемость ситуаций, фраз, действий получила в научных исследованиях название интертекстуальности, категории, которой в различной степени обладает каждый текст. Ранее мы подробно рассматривали возможные

формы проявления интертекстуальности в кинодиалоге [9], в данной же статье представим анализ конкретного лингвистического материала с точки зрения реализации в нём категории интертекстуальности. Реализация данной категории осуществляется через наличие в кинодиалоге вербальных интертекстуальных маркеров, понимаемых нами как эксплицитное или имплицитное цитирование ранее созданных вербальных текстов.

Сама структура мультипликационного фильма носит интертекстуальный характер, поскольку в широком смысле интертекстуальность понимается как общий механизм тектообразования [6]. В связи с этим отметим пять основных характеристик современных мультфильмов [7]:

1) доминирование характера героя над внешностью – зрителю дается возможность самому найти в персонаже интересное;

2) добро побеждает зло – даже если по ходу фильма создаётся иллюзия победы злых сил, в конечном итоге они всегда проигрывают;

3) герой никогда не действует в одиночку – мультфильмы учат действовать дружно, слушать мнения окружающих;

4) музыкальное сопровождение создаёт мощный ассоциативный ряд;

5) комичность главных персонажей – героям позволяется вести себя глупо, ведь каждый может ошибиться.

В качестве материала для исследования были выбраны шесть мультипликационных фильмов о трёх богатырях российской студии мультипликации «Мельница». Цикл мультфильмов о трёх богатырях получил беспрецедентное в российском прокате отечественных фильмов внимание зрителей. Помимо того, что первый фильм цикла стал первым полнометражным произведением в жанре мультипликации в постсоветский период, само обращение к былинным героям является неординарным и новым для отечественной мультипликации, т.к. даже в советский период, признаваемый специалистами периодом расцвета мультипликационного искусства, режиссёры и сценаристы не использовали тему трёх богатырей. Первый мультфильм цикла «Алёша Попович и Тугарин Змей»[1] вышел на экраны в 2004 году, последующие фильмы создавались с периодичностью в полтора-два года («Добрыня Никитич и Змей Горыныч»[2]; «Илья Муромец и Соловей-разбойник»[3]; «Три богатыря и Шамаханская царица»[4]; «Три богатыря: на дальних берегах»[5]; «Три богатыря: ход конём»[6]).

Мультфильмы о трёх богатырях интересны различным социальным группам и представляют собой захватывающее зрелище как для детей, так и для взрослых. Дети воспринимают сюжет на поверхностном уровне, на уровне сказочного повествования, взрослые, имея более сформированную интертекстуальную компетенцию, воспринимают прямые и скрытые аллюзии. Кинодиалог мультфильмов о трёх богатырях создавался целенаправленно для воплощения на экране в анимационной форме, и в связи с тем, что задача мультфильмов и их целевая аудитория предполагают тесную связь с культурой нашей страны, её традициями, обычаями и повседневной жизнью, мультфильмы изобилуют интертекстуальными маркерами как вербального, так и невербального характера.

Признавая за мультфильмами о трёх богатырях все присущие современным мультфильмам черты, обратимся непосредственно к объекту нашего исследования – лингвистической системе фильмов, и предмету – специфики реализации в кинодиалоге категории интертекстуальности.

Для удобства представляется целесообразным сгруппировать выделенные интертекстуальные маркеры по типу претекста. Самая многочисленная группа имеет своим претекстом современную массовую вербальную культуру в различных сферах жизни, а именно бытовые ситуации и профессиональные жаргоны. Обратимся к примерам.

Князь Киевский, будучи главой государства и обличенным государственными делами, регулярно употребляет в своей речи слова и выражения, относящиеся к современному деловому стилю речи. Его реплики в сочетании со старославянскими словечками и общим визуальным рядом мультфильмов (одежда, строения, уклад жизни Киевской Руси) создают комический эффект, вызывая при этом снисходительное отношение к герою.

- Вече объявляю закрытым, о дне следующего заседания будет сообщено дополнительно .
- А что если я вето наложу? Чуть мне слово, а я сразу вето.
- Вот это прочие расходы. – А может прочие сократить? – Ну-ну, а ты часом не демократ?
- Животина казённая, на балансе числится.
- Здесь все равны – демократия! Демократия ваша до смуты доведёт.
- Ты подверг опасности жизнь главы государства.

Современный профессиональный жаргон в своей речи также употребляют и другие герои мультфильмов. Например, невеста Ильи Муромца, Алёна, занимающаяся журналистикой, в моменты выполнения своих профессиональных обязанностей ведёт себя как назойливый, везде

сующий свой нос репортёр. Её речь в такие моменты изобилует устойчивыми выражениями из репортёрского жаргона.

▪ Вы подтверждаете отставку Ильи Муромца?

▪ Я желала придать гласности будни русских героев.

▪ Вот она, свобода слова…

▪ Значит первое – предлагаю создать согласительную комиссию, второе – безусловно, пригласить иностранных наблюдателей, третье…

В речи Алёны удачно, на наш взгляд, сочетаются интертекстуальные маркеры с претекстами как в современной, так и в исторической эпохе.

▪ Таким образом, открытие северного дровяного пути, который некоторые уже поспешили назвать Северным потоком, неуклонно толкает рейтинг Киевского князя вверх… Допечатай без меня, мне в Осколково, там новая конюшня открывается, будут показывать, как готовить сани летом».

Ещё одним героем, речь которого изобилует интертекстуальными маркерами, имеющими своим претекстом современный стиль речи, является конь Юлий. Изображенный создателями как образованный, но эгоистичный, Юлий всегда оправдывает свои действия, критикует или уговаривает кого-либо, ссылаясь на научные факты, международную политику или общие принципы поведения. При этом его реплики состоят из профессиональных терминов, непонятных другим героям, или ссылаются на явления современной России (игра «Кто хочет стать миллионером», уклонение от армии, родители-депутаты, лозунги).

▪ Недостаток пищи в молодом организме способствует отмиранию клеток головного мозга.

▪ Я сразу хочу предупредить, у меня клаустрофобия. – Что? – Это боязнь замкнутых пространств.

▪ Вот ты в армии служил? А ты? Хм, плоскостопие…. Они в студентах отсиделись.

▪ У меня отец – депутат, и мать – депутат, я выбираю звонок другу.

▪ Богатыри, как назло, в горячей точке.

▪ Дайте хоть поесть перед дорогой! Я утюг не выключил!

▪ Лошади и зайцы – дружба навек!

В целом, благодаря таким репликам образ коня Юлия является самым осовремененным и близким зрителям по речевому поведению.

Речевое поведение трёх упомянутых персонажей (князь Киевский, Алёна, конь Юлий) является значимым фактором при создании образов самих героев. Именно их речевое поведение вызывает ассоциации с конкретными сферами жизни и представителями этой сферы, позволяет сформировать зрительское мнение о героях, как правило, отрицательное, («чинуша», «назойливая», «умник») на первых минутах просмотра фильма. Однако интересным нам представляется тот факт, что к концу фильма первое отрицательное мнение об этих героях меняется на противоположное. Объяснение мы видим в том, что после просмотра зритель судит героев не по их словам, а по совершённым поступкам, персонажи воспринимаются как личности, а их речевое поведение более не является определяющим фактором для описания.

Интертекстуальные маркеры с претекстами в современной культуре также встречаются и в речи других героев, но в меньшем количестве. Каждый такой маркер создаёт комичную ситуацию, в основе которой лежит оксюморон.

▪ Нда, до чего олигархи страну довели… – говорит Колыван, заглядывая в пустой сейф во дворце. Но при этом Колыван сам много лет обкрадывает князя, да и заглядывает он в чужой сейф.

▪ Одних долгов мало, ещё бы вид на жительство нужен… – Чего? Дачу тебе под Киевом…– Баба Яга торгуется с Колываном.

▪ О, мудрейший Колыван, форс-мажор у меня сейчас – монгольский хан просит купца позволить ему не выплачивать долг.

▪ А должность так и называется «Дракон при монастыре», должность не пыльная – льготы, премии, сверхурочные вдвойне оплачиваются – змей Горыныч рассказывает Добрыне о своей жизни в китайском монастыре.

▪ Надпись на фото «Привлекательная царица познакомится с князем средних лет для серьёзных отношений» – один из немногих письменных вербальных маркеров в рассматриваемом цикле мультфильмов.

▪ Каким образом отходы утилизируете? – Так, эт самое… на вторичное производство – придворный боярин разговаривает с дружинником.

▪ Эй, Потаня, принять вправо, остановиться – три богатыря гонятся за разбойниками на корабле, используя при этом фразу из жаргона работников ГИБДД.

С лингвистической точки зрения все приведённые примеры содержат канцеляризмы и речевые клише официально-делового стиля и профессиональных жаргонов. Проникновение таких грамматических и лексических конструкций в стиль художественного повествования, каким, без сомнения, является кинодиалог, приводит к смешению стилей и вызывает желаемый эффект противопоставления и выделения персонажа. Отметим следующие характерные черты канцеляризмов: замена простого глагольного сказуемого

составным именным (*подвергать опасности, придать гласности, объявлять закрытым*), использование отглагольных существительных (*боязнь, открытие, производство, недостаток*), вытеснение активных оборотов пассивными и безличными (*сверхурочные оплачиваются, будут показывать, будет сообщено*). Речевые клише, представляющие собой готовые обороты, используются в качестве легко воспроизводимого в определенных условиях и контекстах стандарта. Клише образуют конструктивные единицы, сохраняют свою семантику и выразительность, позволяют экономно выразить мысль и способствуют быстроте передачи информации (*наложить вето, сократить расходы, глава государства, горячая точка, для серьёзных отношений*). Высказывания коня Юлия также изобилуют речевыми штампами, избитыми лексическими выражениями, не отражающими реального положения дел, а в виде метафоры, метонимии или перефраза входящими в эмоциональное высказывание (*они в студентах отсиделись, я утюг не выключил, дружба навек*).

С точки зрения теории речевых актов кинодиалог анализируемых мультфильмов структурируется согласно функционально-прагматическим правилам диалогического общения. Диалоги и монологи героев отражают естественно-устные ситуации общения и конституируются всеми типами речевых актов (констативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, эмотивы, декларативы, вокативы, интеррогативы). Констативы, будучи самым распространенным типом речевых актов, наиболее часто содержат интертекстуальные маркеры, однако необходимо также отметить декларативы и экспрессивы.

Далее обратимся к примерам, иллюстрирующим употребление интертекстуальных маркеров с претекстами в бытовой сфере. В этой группе отличительным фактом является использование в качестве претекста комичных и анекдотичных ситуаций, возникающих между супругами или друзьями.

- Ты просто боишься серьёзных отношений – упрекает Алёшу его невеста Любава.
- Тебе до жены нет дела, а то, что она второй год в старой шубе ходить будет… об этом ты не думаешь – жена Добрыни очень недовольна тем, что мужу снова необходимо уехать из дома.
- Учти – воротишься, а я к маме перееду – Настасья решила применить запрещённый приём, чтобы удержать мужа дома.
- Вот и я Любаве говорю, зачем куда-то ехать, а она заладила «отпуск да отпуск» - Алёша жалуется друзьям.
- А ты мне не указывай, понял? – А ты меня на «понял» не бери – Алёша Попович и конь Юлий пытаются найти общий язык.
- Я же богатырский конь! Вдруг завтра в бой, а я уставший! – конь Юлий всеми силами пытается избежать работы.
- Не знаешь, что делать… упал-отжался. – Опять? – Не опять, а снова, 10 раз.
- Всем стоять, работают три богатыря – друзья спускаются на верёвках по стене замка.

Такие ситуации и произносимые в них фразы позволяют увидеть зрителю, что богатыри – это такие же люди, у них могут возникнуть вполне обычные для всех семейных пар или для друзей проблемы, они шутят друг с другом и над собой. Такое осознание вызывает душевный отклик в зрителях и рождает дополнительные симпатии к героям.

В этом блоки примеров мы видим использование речевых клише из разговорного стиля речи в конститивах, эмотивах, декларативах и директивах. С грамматической точки зрения речевые акты героев имеют форму повествовательного и вопросительного предложения, а с точки зрения прагматики анализируемые реплики являются установками упрёка, угрозы, жалобы, отказа от работы и повеления.

Таким образом, функции вербального интертекста в описанных ситуациях сводятся к экспрессивной, фатической и реферативной. Первая позволяет сообщить зрителю о своих культурно-семиотических ориентирах, вторая устанавливает контакт между героями и зрителями, третья активизирует в сознании зрителя информацию о внешнем мире. Интертекстуальные маркеры с претекстами в профессиональной и бытовой сферах приближают героев исторического мультфильма к современности, являются своеобразным вербальным мостом между жителями мультипликационной Киевской Руси и Россией XXI века.

Следующая группа интертекстуальных маркеров представляет особый интерес, поскольку отражает тенденции в выборе претекста. Информационный бум последних десятилетий вызвал к жизни новые формы интертекстуальности, художественная литература перестала быть единственным источником цитирования, общество чаще апеллирует к кинематографическим произведениям, песням, к выступлениям, услышанным по радио или в прямом эфире. Исследования новых видов прецедентных текстов пока малочисленны, но, несомненно, актуальны и заслуживают пристального внимания. Нам интересны работы по исследованию кино как источника интертекстуальности [2, 3, 4], поскольку исследуемый кинодиалог, среди прочих, содержит

реплики, прецедентными текстами для которых послужили кинофильмы прошлых лет.

Сразу отметим, что многие из выделенных вербальных интертекстуальных маркеров имеют изменённую лингвистическую структуру, оставаясь при этом узнаваемыми. Изменение оригинальной фразы позволяет вписать реплику в контекст мультипликационного повествования и соединить интертекстуальный смысл со смыслом сцены.

«А тебя, Добрыня, я попрошу остаться» – говорить князь Киевский Добрыне Никитичу по окончании совещания по поводу поиска пропавшей царевны. Фраза представляет собой ясно читаемую ссылку на реплику Мюллера из фильма «17 мгновений весны»[7] («Штирлиц! А вас я попрошу остаться… еще на одну минуточку»). Подтверждением бытования данной фразы вне кинотекста может служить оговорка актёра С.Маковецкого, озвучивавшего князя Киевского. Актёр, работая в студии звукозаписи и репетируя данную реплику, несколько раз оговорился и использовал местоимение «вас» вместо требуемого сценарием «тебя» (www.3bogatirya.ru «Фильм о фильме»).

Встречаясь с Добрыней в очередной раз, монгольский хан выгораживает себя: «Ох, Колыван, нехороший человек, поссорить нас хотел». Появившееся благодаря фильму «Джентльмены удачи»[8], Словосочетание «нехороший человек», широко используется в нашем обществе в качестве замены ругательного слова.

В мультфильме «Три богатыря: ход конём» в словах песни мы слышим фразу «Буду бить аккуратно, но сильно», которая является прямым цитированием реплики из фильма «Бриллиантовая рука»[9].

Приведённые примеры иллюстрируют использование в качестве претекстов фильмов советского периода, однако современный кинематограф также находит своё отражение в серии мультфильмов о трёх богатырях.

Отправляясь в поход с Добрыней Никитичем, молодой влюблённый гонец Елисей учится у него быть героем и постоянно расспрашивает: «В чём сила, брат? – Во сне сила, и у кого её больше, тот спит крепче». Фильм «Брат 2»[10] является культовым кино 1990-х гг., а вопрос о силе, ставший актуальным в эпоху глобальных перемен, не потерял своей остроты и в наши дни. Для мультфильма фразу адаптировали, но цитирование попрежнему остаётся эксплицитным.

Разыскивая украденного коня Бурушку и царскую казну, Илья Муромец встречает в лесу шайку разбойников, после боя поверженные разбойники говорят: «Не мы такие, жизнь такая». Впервые такими словами оправдывали свои незаконные действия герои фильма «Бригада»[11].

Также отметим фразу Добрыни Никитича «Я работаю один, и никакой напарник мне даром не нужен», которая не является прямой ссылкой на конкретный фильм, однако отражает сценарные особенности целого жанрового направления. Классический голливудский боевик – это всегда подвиги главного героя, который в одиночку сражается с неприятелем, не приемлет командной работы, а напарника считает обузой.

Нельзя также обойти вниманием цитирование известной «Песни о друге» В. Высоцкого. Когда Добрыня узнаёт, что Змей Горыныч, которого он считает другом, имеет отношение к похищению царевны, он не может поверить услышанному и произносит: «Ну не может мой друг оказаться вдруг».

Так, мы видим, что кинофильмы советского и постсоветского периода, а также песня советского периода стали прецедентными текстами для нескольких реплик в исследуемом кинодиалоге. Без сомнения такой выбор сценаристов обусловлен широким функционированием данных фраз вне их изначального кинотекста. В лингвистическом плане наблюдается использование как целых грамматических конструкций, так и отдельных лексем, в некоторых случаях с незначительным изменением в лексико-грамматическом составе высказываний. Использование героями таких интертекстуальных реплик позволяет зрителю увидеть в персонажах своих соотечественников, людей одной культуры и менталитета, а нам позволяет говорить о реализации поэтической и фатической функций интертекста. Интертекст предстаёт как своего рода игра на опознавание культовых фильмов и песен, а также устанавливает общность коммуникантов в семиотическом и культурном планах.

Многочисленные примеры интертекстуальности на основе кино не отвергают, однако, возможности обнаружить маркеры на основе литературных прецедентных текстов. Художественная литература и фольклор являются неисчерпаемым источником вдохновения и кладезем мудрости, воспользоваться которым всегда считалось признаком образованности. Отличительной особенностью выделенных нами интертекстуальных маркеров на основе литературы и фольклора является принадлежность их претекстов к жанру детской или юношеской литературы, что вполне объясняется целевой аудиторией мультфильмов.

- Был русский дух, да весь вышел – формула «русский дух» и связанное с ней лингвисти-

ческое оформление принадлежат русским народным и авторским сказкам.

- Не хочу я быть фрейлиной, фу, фрейлина какая-то, стану-ка я сразу царицей – Баба Яга, поселившись во дворце князя, теряет чувство меры и начинает просить всё бóльшего. Здесь в изменённом лингвистическом оформлении мы видим цитирование сказки А.С. Пушкина «Золотая рыбка» .
- Прилетели комарики на воздушном шарике – возмущается конь Юлий, когда в город прибывают подручные Колывана, напрямую цитируя стихотворение К.Чуковского «Тараканище».
- Ну всё, я вас породила, я вас и убью – говорит Баба Яга, когда созданные ею чудовища стали нападать на её избушку. Данный интертекстуальный маркер в изменённом лингвистическом оформлении цитирует фразу из повести Н. Гоголя «Тарас Бульба».

В целом, интертекстуальные отсылки к произведениям художественной литературы немногочисленны, но хорошо узнаваемы. Данные интертексты также выполняют поэтическую и фатическую функции.

Следующая группа интертекстуальных вербальных маркеров имеет своими претекстами исторические факты. В исследуемом кинодиалоге мы выделили всего два таких маркера, однако они оба отсылают зрителя к известным историческим событиям и действиям, с ними связанными.

Сражаясь против солдат византийского императора, Илья Муромец и князь Киевский оказываются вдвоём против целого войска. В ответ на предложение противника: «Русские, сдавайтесь!», князь кричит: «Русские не сдаются!». Эту крылатую фразу приписывают солдатам 13-й роты 226-го Земляного полка, которые во время Первой мировой войны в 1915 году обороняли небольшую крепость Осовец, расположенную на территории современной Польши. Месяц за месяцем гарнизон отказывался сдаться, находясь под постоянным огнём. Эта оборона и последняя атака, известная как «атака мертвецов», вошли в историю как пример беспрецедентного мужества и силы духа русских солдат, а их ответ противнику до сих пор символизирует стойкость русских воинов. Использование такой патриотической фразы в мультипликационном фильме, на наш взгляд, позволяет зрителю испытывать чувство гордости за сражающихся и восхищаться их мужеством.

Второй выделенный вербальный интертекстуальный маркер ссылается на события Отечественной войны 1812 года, когда по приказу главнокомандующего русские войска подожгли Москву и оставили город. «Князь, может нам лучше поджечь Киев и организованно отступить?» – предлагает конь Юлий, когда видит, что ситуация в городе складывается не в пользу князя. В отличие от фразы «Русские не сдаются», известной большинству именно в лингвистическом оформлении, а не по историческому факту, данная реплика ссылается на известный исторический факт, который может иметь различное лингвистическое оформление.

Таким образом, выделенные вербальные интретекстуальные маркеры в кинодиалогах мультфильмов о трёх богатырях могут быть сгруппированы в пять групп по типу претекста: профессиональные жаргоны, бытовые анекдотические ситуации, кинофильмы, художественная литература и фольклор, исторические факты.

Использование интертекстуальных вербальных маркеров позволяет детализировать образ героя, глубже описать ситуацию или придать ей необходимые дополнительные смыслы. В целом, каждый интертекст выполняет ряд функций, поскольку не всегда возможно отделить одну функцию от другой, но среди преобладающих отметим фатическую, поэтическую, экспрессивную и реферативную. Чаще всего интертексты присутствуют в речевых актах типа констатив, изменённая во многих случаях лексико-грамматическая структура не отнимает у интертекстов возможности быть опознанными зрителем.

Рассматривая интертекстуальные маркеры в мультфильмах о трёх богатырях, нельзя не упомянуть о невербальном проявлении интертекстуальности.

Основной и, пожалуй, первый, приходящий на ум при озвучивании названия, невербальный маркер – это известная картина В. Васнецова «Богатыри». Законченная художником в 1898 году, картина была куплена П.М. Третьяковым для своей галереи; на картине изображены три богатыря, герои русских былин. В мультфильмах картина с богатырями (сюжет тот же, но лица и одежда богатырей изменены в соответствии с образами героев мультфильмов) неоднократно появляется в кадре, с ней связаны несколько эпизодов: Любава пишет картину, а три богатыря ей позируют, сидя на муляжах коней ; картина висит во дворце, и князь, каждый раз проходя мимо, с гордостью смотрит на богатырей; конь Юлий забирает картину с собой, когда они с князем вынуждены покинуть Киев.

Пожалуй, основным претекстом невербальных маркеров в рассматриваемом цикле мультфильмов является современная массовая культура. Авторы мультфильмов постоянно апеллируют к фильмам, телешоу, модным трендам и манерам поведения. Отметим лишь некоторые примеры.

- Алёна, пытаясь попасть в Константинополь вслед за Ильёй Муромцем, встречает в порту представителя развлекательной индустрии, внешний вид которого и его манера держаться в утрированном виде копируют поведение тусовщика, нагловатого, не терпящего отказа парня, занятого поиском красивых девушек для своего клуба.
- Замедленные части боя – данный приём встречается в нескольких мультфильмах.
- Большие, беспомощные глаза попавшего в беду героя – явная ссылка на кота из серии мультфильмов про Шрека[12].

Следующий пример отмечен многими зрителями как ссылка на сцену из другого фильма. В мультфильме «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Соловей рассказывает палачу и Византийскому императору о том, как Илья набедокурил, все элементы сцены на невербальном уровне (музыка, жесты, кадры) копируют сцену из фильма «Новые приключения неуловимых»[13], когда батька Бурнаш рассказывает о неуловимых в штабе Кудасова (www.3bogatirya.ru, «Илья Муромец и Соловей-разбойник», комментарии к мультфильму).

Так, мы отметили самые яркие, на наш взгляд, невербальные интертекстуальные маркеры в исследуемых мультфильмах. Добавим, что невербальные системы фильма обладают неисчерпаемыми возможностями для передачи интертекстуальности, поскольку создаваемыми ими визуальные и акустические образы обращены к подсознанию, а выполняемые ими апеллятивная, реферативная и фатическая функции позволяют зрителю ощущать себя в центре событий, чувствовать свою информированность и причастность к происходящему.

Также в ходе исследования мы пришли к выводу, что интертекстуальность мультфильмов данного цикла на вербальном уровне выявляется исключительно носителями русского языка и культуры, в то время как интертекстуальность на невербальном уровне в большей степени является интернациональной, поскольку в её основе лежат современные глобализированные невербальные претексты. В целом, обращение к современным вербальным и невербальным текстам позволяет авторам создавать комические эффекты в исторических мультфильмах и «оживлять» быт своих героев, придавая ему современные черты.

Таким образом, в исследуемой текстовой среде – лингвистической системе мультфильмов о трёх богатырях – общетекстовая категория интертекстуальности реализуется через ряд вербальных интертекстуальных маркеров, которые обладают чётко выраженной направленностью на культурные и исторические явления российского общества.

В заключение скажем, что интертекстуальность, представленная в цикле мультфильмов о трёх богатырях на вербальном уровне, является важной составляющей успеха данных мультфильмов у зрителей, поскольку устанавливает между героями и зрителями связь в поле «свой / чужой» через такой неотъемлемый элемент культуры и самосознания как язык.

Примечания

1. Алёша Попович и Тугарин Змей, 2004, реж. К. Бронзит.
2. Добрыня Никитич и Змей Горыныч, 2006, реж. И. Максимов.
3. Илья Муромец и Соловей-разбойник, 2007, реж. В. Торопчин.
4. Три богатыря и Шамаханская царица, 2010, реж. С. Глезин.
5. Три богатыря: на дальних берегах, 2012, реж. К. Феоктистов.
6. Три богатыря: ход конём, 2014, реж. К. Феоктистов.
7. 17 мгновений весны, 1973, реж. Т. Лиознова.
8. Джентльмены удачи, 1971, реж. А. Серый.
9. Бриллиантовая рука, 1968, реж. Л. Гайдай.
10. Брат 2, 2000, реж. А. Балабанов.
11. Бригада, 2002, реж. А. Сидоров.
12. Шрек, 2001-2010, реж. Э.Адамс, В. Дженсон.
13. Новые приключения неуловимых, 1968, реж. Э. Кеосаян.

Список литературы

1. Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 277 с.
2. Косарев М. И. Прецедентные феномены со сферой-источником «кино» в печатных СМИ Германии // Известия Уральского государственного университета. № 50, 2007. С. 109-116.
3. Крылова М.Н. Кино как источник интертекстуальности (на материале сравнительных конструкций) // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (24 мая 2012 г., Красноярск): в 2 ч. Ч. 1, 2012. С. 355-361.

4. Метелкина О. А. Крылатые фразы из отечественного кинематографа как прецедентные тексты // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012). 2012. С. 64-66.

5. Муха И.П. Категория информативности кинодиалога. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

6. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на примере англо-американских коротких рассказов). Автореф. дисс. … док. филол. наук. Волгоград, 2005. 31 с.

7. Пять отличающих черт современных мультфильмов. 2014. URL : http: / megomult.ru (дата обращения: 25.12.2015)

8. Соколова М.В. Мультфильмы для современных дошкольников // Современное дошкольное образование. Теория и практика. № 2. 2011. URL : http:/sdo-journal.ru (дата обращения: 22.12.2015)

9. Федотова И.П. Проявление интертекстуальности в кинодиалоге // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3, 2015. С. 320-324.

Об авторе

Федотова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Дальневосточный институт управления (филиал РАНХиГС при Президенте РФ), irina_mukha@mail.ru

УДК 811

МЕРА ЗДОРОВЬЯ (О ГРАДУИРОВАНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЮСОВ «ЗДОРОВЫЙ – БОЛЬНОЙ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ)

Федяева Н.Д., Троян С.В.

В статье полюса семантического пространства «здоровый – больной» рассматриваются как объекты градуирования и оценки, результаты которых зависят специфики взгляда на мир – идеализированного, обыденного, профессионального. Тезис о взаимодействии в процессе мировосприятия и языковой концептуализации действительности дуального и градуального принципов находит подтверждение на материале высказываний о здоровье и болезнях.
Ключевые слова: градуальность, шкала градации, оценка, ценность, антонимы, русский язык, русская лингвокультура.

MEASURE OF HEALTH (ABOUT GRADUATION METHOD OF AXIOLOGICAL POLES "HEALTHY - SICK" IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE)

Fedyaeva N.D., Troyan S.V.

In the article poles of semantic space "sick - healthy" are regarded as objects of graduation and evaluation, the results of which are dependent on the specific view of the world - an idealized, everyday, professional. The thesis about the interaction in the process of the world perception and linguistic conceptualisation of reality for the dual of gradual principles find confirmation in the statements about health and disease.
Keywords: duality, graduality, tonal range, evaluation, value, antonyms, Russian language, Russian linguistic cultures.

Интуитивно понятен и многократно отмечен учеными: философами, культурологами, лингвистами – тот факт, что, воспринимая бесконечное многообразие мира, человек абстрагируется от частностей и сводит их к системе бинарных оппозиций. Лежавший еще в основе архаических картин мира принцип дуальности продолжает быть актуальным и для современного обыденного мировосприятия. Иначе говоря, и сейчас стремление к определенности, возможной благодаря бескомпромиссной простоте дуального подхода, характерно для процессов как познания окружающего мира, так и осознания и оценки последнего.

Вместе с тем (и это тоже проявление константности дуального принципа) имеет место желание почувствовать нюансы, воспринять сложные переходы между качествами, разную степень их интенсивности и т.п. Осознанная или бессознательная тяга к детализации, несогласие мириться с двоичным: черно-белым, красиво-некрасивым, добро-злым и т.п. – миром, невозможность игнорировать различия порождают принцип градуальности, важность которого для процессов мировосприятия столь же очевидна, как и значение дуального подхода.

Язык, одновременно и отражающий картину мира своего носителя, и в большей или меньшей степени задающий ее ориентиры, располагает богатым репертуаром средств, приспособленных для воплощения результатов дуального и градуального мировосприятия. В лексической системе языка такими средствами, безусловно, являются антонимы, представляющие «разделенное надвое» понятие, и синонимы, позволяющие говорящему отразить качественно-количественную неоднородность признака.

Понятно, что чем важнее для человека качество, тем более детализированным окажется его спектр. Очевидно и то, что обращение к фактам языка позволит описать этот спектр довольно подробно.

Теоретическими основами нашего исследования являются идеи ученых, анализирующих категорию градуальности, процесс градуирования и воплощение его результатов в естественном языке (см. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 10] посредством таких понятий, как:

градуальность – семантическая категория, суть которой заключается в отражении способности качественного признака выступать в данном носителе в той или иной степени проявления относительно другого носителя или нормы этого признака, а также находиться в состоянии перехода от одной степени проявления к другой [4, с. 20]. Гра-дационные отношения формируют скалярно-анто-нимический комплекс;

скалярно-антонимический комплекс (термин Н. Д. Арутюновой [1; 2]), или *векторный синонимико-антонимический комплекс* (термин С.М. Колесниковой [6]), – градуальная оппозиция, передающая такой тип отношений, при которых внутренние члены (синонимы – градонимы) характеризуются различной степенью (градусом) одного и того же признака, а внешние, крайние члены оппозиции (антонимы) представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние, явление [6]. Иными словами, это объединение поляризованных значений, относящихся к

одному параметру объекта (класса объектов), разделённых градационной шкалой. Изначально термин был употреблен при описании отношений между количественными (размерными) прилагательными, относящимися к физическим свойствам объектов, однако, вне всякого сомнения, им может быть описано семантическое пространство любого признака, сформированное самыми разнообразными единицами.

По представляющемуся абсолютно справедливым и находящему бесчисленные подтверждения замечанию Н.Д. Арутюновой, градации подвергается не только все семантическое пространство признака, но и отдельные его точки, обладающие свойством «растяжимой точечности» [1. с.233] В настоящей статье будут рассмотрены примеры градуирования полюсов скалярно-антонимического комплекса «здоровый – больной».

«Здоровый – больной» – семантическая оппозиция, играющая в жизни человека одну из приоритетных ролей. Здоровье – традиционная ценность культуры, ее константа, неотъемлемый атрибут идеальной жизни. Вполне закономерно, например, что большинство поздравлений начинаются с пожеланий здоровья, более того – могут ими ограничиваться (см. поздравительное клише *Главное – здоровье, остальное приложится*). Здоровье, таким образом, и оказывается самостоятельной ценностью, и имеет особое значение для ценностной системы в целом, так как обусловливает общее позитивное положение дел (*В здоровом теле здоровый дух; Где здоровье, там и красота; Здоровье и счастье не живут друг без друга; Здоровье горы своротит* [7]). В свою очередь болезнь негативна сама по себе и, кроме того, отравляет, очерняет все вокруг: от довольно безобидного (*У кого болят кости, тот не думает идти в гости)* до истинно трагического (*Болезнь пришла – беда в дом вошла* [7]).

Характеризуя оппозицию в целом, нужно отметить, что расстановка в ней оценочных знаков представляется постоянной. Разумеется, поляризованные значения ассоциируют противоположные оценки, а оценочные смыслы синонимов обусловлены степенью близости к соответствующему полюсу или удаленности от него. Иметь здоровье *нормальное* – хорошо (это аксиологическая норма, совпадающая с позитивным флангом), *среднее* гораздо хуже. Человеку хочется быть *сильным* и *крепким*, а не *хилым, слабым, болезненным* и т.п.

Градуируется ли здоровье? Безусловно, размерные семы накладываются на основное значение, причем довольно специфически.

С одной стороны, в дело вмешивается архаическое, но не переставшее работать в наше дни соображение «чтобы не сглазить». Охарактеризовать собственное здоровье как в высокой степени хорошее страшно, поэтому в ответ на вопрос о самочувствии мы слышим и отвечаем сами, что оно *приличное* и *нормальное*, тем самым указываем на факт соответствия норме, но не эксплицируем оценку.

С другой стороны, хорошее здоровье все же специально номинируется: его обладатель – *сильный, крепкий, бодрый, цветущий человек,* он *в принципе здоровый* (см. известное противопоставление полной и краткой формы прилагательного по принципу «постоянный – временный») или даже *здоровущий* (здесь, правда, размерные семы нередко «вырываются вперед», актуализируя значение «большой»).

Номинируется хорошее здоровье и через сравнение. Например, современный наивный носитель языка с равным успехом воспроизводит два стереотипных образа здоровья. Первый можно назвать традиционным в том смысле, что он восходит, по-видимому, еще к архаичному состоянию картины мира. Хорошее здоровье в таком случае *лошадиное*, *как у быка*, а на его обладателе *пахать можно (надо)*. Показательно, что, несмотря на безусловную ценность здоровья, некоторая «неумеренность» нередко становится объектом критики, даже осуждения. Вспомним фразу из кинофильма «Служебный роман», брошенную Верой профсоюзной активистке Шурочке *Да на тебе пахать надо!*, которая иллюстрирует отрицательно-ироничную оценку: Шура настолько здоровая и крепкая женщина, что становится противно от ее энергии.

Другой образ – дитя новейшего времени: здоровье такое, *как у космонавта, хоть в космос запускай*. Отметим, что одним из следствий антропоцентризма картины мира является тот факт, что уподобление человека животному нередко становится своеобразным понижением в ранге; подобные характеристики ассоциируют отрицательные оценочные смыслы, в связи с чем о своем лошадином здоровье люди говорят гораздо реже, чем о чужом, ср.: *Нечего его жалеть! Здоровья у него как у лошади* (из разговора). С космонавтом, по нашим наблюдениям, люди сравнивают себя более охотно, но обычно понижают оценку невербально – например, шутливым тоном.

Субъективная боязнь сглаза и объективная сложность установления факта здоровья становятся причиной того, что в языке подчеркивается визуальный характер оценки: *выглядит здоровым, на вид здоровый* и т.п. К сожалению, жизненный опыт говорит нам о том, что внешнее и внутреннее не всегда совпадает, ср.: *Как все*

ужасно, неужели Юра страшно болен, он такой красивый, здоровый, занимается спортом. По нему и не скажешь…(из разговора).

Что касается профессиональной картины мира, то весьма показательна формула, определяющая здорового человека и подчеркивающая относительность параметра: *практически здоров, годен* (в значении *здоров* или *здоров, но*), сравним оценку такого диагноза: *Домой возвращался, бодро шлепая по лужам, с диагнозом «практически здоров»* (Андрей Битов); *У Коли было плохое зрение – близорукость, почти минус десять, тем не менее он не сомневался, что окажется годен* (Владимир Шаров).

Итак, здоровье, разумеется, градуируется с учетом его степени, однако на положительном фланге шкалы располагаются только значения нормальной и высокой степени проявления признака. Все шаги в противоположную сторону (например, *не вполне здоровый, не совсем здоровый, не очень здоровый*), формально отрицающие не факт здоровья, а только факт его интенсивности, уже вряд ли относятся к флангу.

Перейдем к градуированию нездоровья.

Первое, о чем следует упомянуть в этой связи, – существование второй (после «здоровье – болезнь») базовой оппозиции: «легкие – тяжелые болезни». Это противопоставление находит отражение в наивной и профессиональной картинах мира, в русском речевом этикете и, разумеется, в системе номинаций.

Как заметила Н.Д. Арутюнова [1], образ идеального мира (идеализированная картина мира) исключает такое явление, как тяжелые болезни, вместе с тем это только одна из возможных трактовок идеала. Если же рассматривать идеальные миры, созданные в культуре (в частности, в литературе), то можно подумать, что игнорируются, напротив, болезни легкие. Так, у подлинных героев невозможно представить что-нибудь вроде насморка: они страдают от тяжелых ран (в древних и средневековых эпосах, приключенческих романах, детективах и др.) или серьезных недугов (в 19 – начале 20 вв. безусловными лидерами был туберкулез (образ чахотки до предела романтизирован) и тиф, в современной культуре – рак).

Обыденная картина мира в принципе чужда обеим этим тенденциям. Закрыть глаза на существование тяжелых заболеваний невозможно, воспевать их – противно природе обычного человека. В этой связи можно сказать, что наивная картина мира, скорее, поддерживает первую версию идеализированной картины мира: гнать от себя мысли о тяжелой болезни, тем более – не говорить о ней так долго, как будет возможно.

Анализируя практику повседневной коммуникации, мы обнаруживаем, что тяжелая болезнь для речевого этикета – тема повышенного риска. Ср.: *– А если подтвердится, что у него рак? – Замолчи! Не хочу об этом ни говорить, ни думать!* (Анна Данилова). Безусловной причиной такого отношения является близость в сознании концептов «тяжелая болезнь» и «смерть».

Иное дело – такие болезни, которые не угрожают жизни человека. Они градуируются в обыденной картине мира с учетом степени их серьезности. Наименьшая степень болезненности отмечается у тех недугов, которые практически не препятствуют обычной жизнедеятельности человека. Человек склонен даже отказывать им в статусе болезни, тем самым выдворяя за границы полюса (см. диалоги типа *Заболел? – Нет, ерунда – насморк*). Подобную тенденцию мы наблюдаем в детском стихотворении Романа Тусжанова [9]:

Нет, Анюта, все в порядке,
У меня нет лихорадки.
Кашель, насморк – все дела –
Это просто ерунда.

Эффективной борьбой с такими заболеваниями являются широко рекламируемые лекарственные средства, которые излечивают за минуты: герои рекламных роликов, еще недавно страдавшие от головной боли, насморка и т.п., приняв чудо-средство, немедленно возвращаются к активной жизни. Понятно, что в этом есть значительное преувеличение, однако скорость выздоровления (даже с учетом того, что в реальной жизни она существенно ниже) – один из важных параметров, организующих градацию на соответствующем участке шкалы. По-видимому, другой важный фактор – отсутствие необходимости обращаться за помощью, ср: *У меня просто кашель! Он сам пройдет, это ненадолго, зачем врачу только мозг пудрить* (форум).

Более тяжелые, но принципиально излечиваемые болезни весьма обременительны в острой фазе, однако по прошествии времени превращаются в довольно распространенную тему разговора: *Представляешь, мне же в прошлом году оперировали – камни в почках дробили. Еле пережила…* (из разговора); *Да ты не переживай, нам вообще в три месяца паховую грыжу оперировали!* (из разговора). Люди охотно рассказывают о том, как ходили по врачам, лежали в больницах и т.п.

Профессиональные номинации, лишенные эмоционального компонента, градуируют полюс «тяжелые болезни» посредством указания на степень (группы инвалидности) или стадию (стадии онкологических заболеваний и т.п.), при этом взгляд профессионала может совпадать со

взглядом профана там, где появляется отношение, ср.: *То есть он был здоровый больной, каких любят и врачи, и сёстры, и прочий обслуживающий персонал* (Алексей Слаповский) – персонаж оказался в больнице «с пустяковиной», был, образно выражаясь, больным, но здоровым.

Подытожим.

Используя базовые оппозиции, с одной стороны, и подмечая нюансы, с другой, человек бесконечно «промеряет» важные для него объекты и их признаки; в результате формируются представления о множестве сложно организованных семантических пространств. Язык в бесконечном многообразии своих единиц хранит опыт обыденного и профессионального освоения соответствующего фрагмента действительности, а также его культурной обработки и идеализации.

Семантическое пространство «здоровый – больной», основанное на константном для культуры и жизненно важном для каждого человека противопоставлении, подвергается осмыслению и оценке/переоценке как со стороны социума в целом, так со стороны микросоциумов, например профессиональных сообществ, и отдельных носителей языка. Тот факт, что градуированию и оценке подвергается не только семантическое пространство в целом, но и его полюса свидетельствует о ярко выраженном ценностном характере оппозиции «здоровый – больной» и ее высокой значимости для картины мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Воротников Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: дис. … д. филол. наук. М., 1999. 345 с.
5. Воротников Ю. Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 214 с.
6. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения. – Москва: Прометей, 2012. 294 с.
7. Пословицы о здоровье, болезни. URL: http://posloviz.ru/category/zdorove-bolezn/ (дата обращения: 12.03.2016).
8. Сепир Э. Градуирование // НЗЛ. Вып.XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 43-79.
9. Стихи ру. Роман Тусжанов. Мишка заболел. URL: https://www.stihi.ru/2014/02/10/8207 (дата обращения: 12.03.2016).
10. Федяева Н. Д. Нормы в пространстве языка. М.: Флинта, 2011. 172 с.

Об авторах

Федяева Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и лингводидактики, Омский государственный педагогический университет, ndfed@yandex.ru

Троян Светлана Викторовна – соискатель, учитель русского языка и литературы, Средняя общеобразовательная школа №144 (г. Омск), sveta-fajyz@mail.ru

УДК 81.22

АФОРИЗМЫ МАРСЕЛЯ ПРУСТА: ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВАТОРСТВО?

Шумакова А.П.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью афоризмов Марселя Пруста в русской и зарубежной лингвистике. В работе рассматривается применение Прустом традиционных для афоризмов средств выражения категорий авторской обобщенности и лингвистической универсальности: Présent, Passé composé, Futur Simple в значении настоящего, Conditionnel, Impératif, существительных, обозначающих человека, с определенным или неопределенным артиклем, личного местоимения 1 л., мн.ч. nous, обобщенно-личного местоимения on, безличных оборотов. К индивидуальным языковым особенностям, характеризующим Марселя Пруста как афориста, относится использование личных местоимений 1 и 3 лица единственного числа – je, il, elle, а также имен собственных. Пруст находит свое решение в споре субъективного авторского «я» и универсальности высказывания.
Ключевые слова: афоризм, Марсель Пруст, лингвистическая универсальность афоризма, авторская обобщенность афоризма, субъективность афоризма.

MARCEL PROUST' APHORISMS: TRADITIONS OR INNOVATION?

Shumakova A.P.

The message of the investigation is determined by the insufficient learning of Marcel Proust aphorisms in Russian and foreign linguistics. Proust's usage of traditional for aphorisms means of author's generalization and linguistic universalization categories : Présent, Passé composé, Futur Simple in the meaning of present, Conditionnel, Impératif, of the nouns defining a man, with a definite or indefinite article, a personal pronoun of plural nous, a general-personal pronoun on and of non-personal constructions are being observed in the investigation. There are some individual language peculiarities characterized Marcel Proust as aphorist. They are the usage of the personal pronoun in singular – je, il, elle, and proper names. Proust finds the decision in subjective authorized arguing and in the universalization of speach.
Keywords: aphorism, Marcel Proust, linguistic universalization of the aphorism, author's generalization of the aphorism, aphorism's subjectivity.

Марсель Пруст как романист издавна привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных литературоведов, лингвистов, культурологов. Среди российских ученых-прустоведов известны А.Д. Михайлов, Т.М. Николаева, А.Н. Таганов, перу которых принадлежат многочисленные статьи и монографии, причем последние монографии увидели свет совсем недавно: «Поэтика Пруста» [6], «О чем на самом деле писал Марсель Пруст?» [7], «Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920-50-е годы)» [12]. Во Франции со второй половины XX века публикуются научные журналы с результатами работы между-народных исследовательских групп, посвящен-ных Марселю Прусту: «Nouvelles directions de la recherche proustienne» (с 1962 года) и «Bulletin d'informations proustiennes» (с 1975 года).

Несмотря на большой исследовательский багаж, накопленный российскими и зарубежными учеными в разработке творческого наследия французского писателя, остаются лакуны в изучении отдельных аспектов его произведений. Марсель Пруст как афорист остался за рамками научных исследований, а малые формы, вышедшие из-под его пера, фигурируют преимущественно в сборниках афористических высказываний разных авторов. Вышедший во Франции в 2015 году сборник «Перепады юмора Марселя Пруста» («Sautes d'humour de Marcel Proust») под редакцией и с предисловием литературного журналиста Сержа Санчеза [Sanchez, 2015] объединил цитаты с юмористическим содержанием из произведений и писем Марселя Пруста. Называя Пруста последователем Мольера и Фрейда, Санчез подчеркивает присущую прустовским творениям смесь вдохновенных описаний, самого тонкого философского анализа и сцен неотразимого комизма [Sanchez, 131, 14]. Объединение иронических речений великого французского автора в самостоятельный сборник является, безусловно, нетривиальным подходом к прустовскому наследию, но замечания, которыми они предваряются, не относятся напрямую к афоризмам и цитатам, а характеризуют в общем творческую манеру писателя. Ценным является приведенное С. Санчезом наблюдение: «Пруст часто повторял, что анекдот (фр. *anecdote* — краткий рассказ об интересном случае) представляет интерес только тогда, когда он ведет к более общим размышлениям, иначе говоря, когда можно из него извлечь одно из тех *универсальных правил*, которые позволяют временами переносить жизнь» [Sanchez, 147]. По своему определению афоризмы как раз попадают в разряд *универсальных правил*. **Афоризм** – это авторский текст, содержащий обобщенную, глубокую, иногда парадоксальную мысль, имеющий выразительную форму и размер

от одного до трех предложений [Шумакова, с.30].

Материалом данного исследования послужили афористические речения, обнаруженные в романах Пруста «Jean Santeuil», «La Prisonnière», «Albertine disparue», «A l'ombre des jeunes filles en fleurs», «Sodome et Gomorrhe», «Le Côté de Guermantes», «Le Temps retrouvé». Задача настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать характерные особенности философских речений Марселя Пруста сквозь призму типологических семантических характеристик жанра афоризма. Подобный анализ позволит выделить общие характеристики, которые роднят высказывания Пруста со всеми афоризмами, и, в то же время, определить индивидуальные семантические признаки, присущие только афоризмам этого автора.

С точки зрения семантики афоризмы относятся к универсальным высказываниям малой формы. Как следует из приведенного выше определения афоризма, основной общепризнанной отличительной чертой афористического высказывания является его всеобщность (обобщенность, генерализованность) [Гаврилова, 56], [Радзиевская, 90], [Дмитриева, 45]. Эта особенность позволяет отнести афоризм к категории универсальных высказываний, отграничивая его тем самым от конкретизированных высказываний. В отличие от них, универсальные высказывания содержат обобщающее представление о фактах, повествуют о свойствах предметов, не воспринимаемых говорящим в данный момент, предписывают определенные этические правила, представляют собой вывод, знание о жизни [Сластникова, 63-64].

По мнению некоторых зарубежных и российских исследователей, релевантной чертой произведений Марселя Пруста является субъективность [Bayard, 236], [Mitterand, 42], [Трыков]. Касаясь прустовской «техники письма», Ю. Степанов отмечает близость Пруста к импрессионистам [Степанов, 24], отличительной чертой которых являлась передача личных впечатлений творца через его произведение. А.Н. Таганов, говоря о языке Пруста, отмечает, что «семантика слова определяется, с одной стороны, его традиционным смыслом, а с другой – субъективным содержанием» [Таганов, 2010, 105]. В связи с этим привлечение такого параметра, как обобщенность, к анализу афоризмов М. Пруста приводит нас к противоречию между субъективностью как творческим методом писателя и требованием объективности, предъявляемым к афоризмам. Афоризм как текст с универсальной семантикой должен быть отчужден от момента речи и говорящего. Мы проанализируем, какие языковые средства использует М. Пруст, чтобы придать своему субъективному личному опыту универсальное значение.

Афоризм выражает мнение, суждение о человеке и человеческом поведении в одном из четырех его аспектов: физическом, психологическом, социальном и политическом [Schapira, 50]. Все то, что объясняет, открывает или освещает особенности человеческой природы, может стать образцом афоризма. Как отмечает Р. Барт, в афоризмах человеческий интеллект стремится установить отношения между сущностями. Структурно это выражено числом семантических акцентов, в роли которых чаще всего выступают существительные [Barthes, 71]. В связи с тем, что в афоризме преимущественно имена существительные формируют стержень высказывания, характер глагольной системы подтверждает, что роль предикатов в этом виде текста сведена к минимуму. В большинстве афоризмов глагол не выражает свойственных ему категорий (времени, вида, наклонения, залога). Объяснение этому мы находим в том, что афоризм как текст с универсальной семантикой отчужден от момента речи и говорящего. Использование определенных форм глагола напрямую зависит от семантико-прагматического типа афоризма. Констатируемое лингвистами статистическое преобладание глагола *être* над всеми другими глаголами, особенно в форме 3 л. ед.ч. *est* [Meleuc, 77], правомерно квалифицировать как грамматическую особенность разряда **характеризующих** афоризмов. Например:

(1)L'être aimé *est* successivement le mal et le remède qui suspend et aggrave le mal. (Sodome et Gomorrhe)

(2)La possession de ce qu'on aime *est* une joie plus grande encore que l'amour.

(La Prisonnière)

Глагол *être* используется здесь в разных структурных моделях характеризующих афоризмов: **фразе-метафоре** (1) и модели **SN1 – это гипероним SN2** (2).

Предикат в настоящем времени доминирует в разных типах афоризмов в связи с тем, что, как утверждает М. Перельман, «présent – это время максимы, сентенции, то есть того, что всегда рассматривается как актуальное, никогда не устаревающее» [цит. по Schapira, 75]. *Présent de l'Indicatif* выступает как средство языковой реализации общезначимости афоризмов и обобщенности выраженного в них суждения. Рассмотрим примеры подобного употребления.

(3) Plus le désir *avance*, plus la possession véritable *s'éloigne*.(Albertine disparue)

(4) Cela *fait* souvent de la peine de penser. (Sodome et Gomorrhe)

В афоризмах (3), (4) можно наблюдать реализацию так называемого генерализующего (панхронического) настоящего, способствующего

намерению автора свести к нулю конкретное значение выполнения действия через операцию абстрагирования. В приведенных примерах настоящее время указывает на тот факт, что наличие у людей общих особенностей поведения (характера) ведет к некоторым действиям с их стороны, либо к некоторым для них последствиям, и эти действия (состояния, последствия) легко предугадать за счет высокого уровня типизации. Отсюда можно сделать вывод, что степень обобщенности высказывания возрастает с ослаблением его временной локализованности. Как указывает Т.В. Сластникова, «для *Présent de l'Indicatif* характерна передача такого действия или состояния, когда имеет место обобщение признаков, приписываемых субъекту» [Сластникова, 63].

Выражение общезначимости в афоризмах не сводится исключительно к использованию предикатов, выраженных глаголами в *Présent de l'Indicatif.* Афоризмам свойственно использование прошедшего времени в значении настоящего. Таким свойством обладает *Passé composé*. Прошедшее время может обозначать не только предшествование, но и синхронность точке отсчета, если она (точка отсчета) не позиционируется относительно момента речи.

(5) La nature ne semble guère capable de donner que des maladies assez courtes. Mais la médecine *s'est annexé* l'art de les prolonger. (La Prisonnière)

Обобщенный характер *Passé composé* часто связан с первичной функцией этой временной формы – выражать прошедшее действие, последствия которого проявляются в настоящем. Такую взаимосвязь можно проследить в следующих примерах:

(6) La médecine *a fait* quelques petits progrès dans ses connaissances depuis Molière, mais aucun dans son vocabulaire . (Sodome et Gomorrhe)

Использование *Futur simple* в функции настоящего времени связано с модальной транспозицией. Например:

(7) Nous *croirons* difficilement aux vices, comme nous ne *croirons* jamais au génie d'une personne avec qui nous sommes encore allés la veille à l'Opéra. (La Prisonnière)

(8) Un amoureux *sera* moins heureux de causer de l'amour avec Stendhal que de sa maîtresse avec un porteur d'eau. (Jean Santeuil).

В афоризме (7) предикат, стоящий в будущем времени, имеет значение неизбежности, которое усиливается благодаря использованию наречия *jamais*, выражающего категоричность: человек никогда не поверит в гениальность людей, которых давно и хорошо знает. Автор не сомневается в своем суждении, основанном на предварительных наблюдениях, хотя в действительности соответствие (или несоответствие) авторского суждения объективному положению дел может быть установлено только в будущем.

Существуют афоризмы, где предикат имеет форму глагола в условном наклонении, либо все афористическое высказывание строится как условное предложение. Например:

(9) Si nous n'*avions* pas de rivaux le plaisir ne *se transformerait* pas en amour. (Le Temps retrouvé)

(10) Les homosexuels *seraient* les meilleurs maris du monde s'ils ne *jouaient* pas la comédie d'aimer les femmes. (Albertine disparue)

(11) Il ne *serait* pas plus stupide qu'un autre s'il *avait eu*, comme tant de gens du monde, l'intelligence de rester bête. (Le Côté de Guermantes)

Способность *Conditionnel* выражать предположение (10) или действие, зависящее от условия (9), (11), делает его востребованным в афоризмах. Фразы с условной зависимостью формируют целую смысловую категорию афоризмов – **афоризмы аподиктической зависимости** [Манякина, 158].

Значительную часть корпуса афоризмов представляют высказывания с предикатом в *Impératif*. Повелительное наклонение является отличительным признаком **предписывающих афоризмов**. Обратимся к примерам.

(12) *Laissons* les jolies femmes aux hommes sans imagination! (Albertine disparue)

(13) *Vivez* tout à fait avec la femme et vous ne verrez plus rien de ce qui vous l'a fait aimer. (Le Côté de Guermantes)

В афоризмах повелительное наклонение выступает в своей первичной функции – выражение побуждения во всех его оттенках и обозначение действия, которое в отвлеченном значении имеет вневременной характер.

Как уже указывалось, имена (термы) представляют основу афоризма, его каркас. По своей семантической структуре термы делятся на следующие основные типы:

1) термы, отсылающие к конкретным индивидуализированным объектам;

2) собственные имена;

3) дескрипции – именные группы, ядром которых является имя собственное или имя нарицательное, называющее множество, к которому принадлежит обозначаемый предмет.

Универсальный характер речения находит свою реализацию в функции подлежащего, выраженного абстрактным существительным ед. числа с определенным артиклем. Например:

(14) *La jalousie* n'est souvent qu'un inquiet besoin de tyrannie appliqué aux choses de l'amour. (La Prisonnière)

(15) *Le sommeil* est comme un second appartement que nous aurions et où, délaissant le nôtre, nous serions allés dormir. (Sodome et Gomorrhe)

В рассматриваемых афоризмах определенный артикль выступает в одном из своих значений – обобщающем, – помогающем существительному реализовать понятие, свободное от пространственных и временных ограничений. Определенный артикль здесь сопровождает существительные, выражающие абстрактные понятия (сон) или психологические и духовные аспекты жизни человека (ревность).

В афоризмах можно проследить взаимообусловленность между значением обобщенности и типом деятеля. Основные способы передачи обобщенности деятеля, как указывает В.Г. Гак, можно разместить на семантической шкале, крайними точками которой выступают определенность деятеля – полная устраненность деятеля, а между ними – совокупность деятелей, собирательность, деятель с неопределенно-личным значением, то есть те случаи, когда субъект неизвестен или не называется, деятель с обобщенно-личным значением (местоимение *on*), деятель с неопределенно-указательным значением (*ça, cela*), и, наконец, крайняя степень устранения субъекта представлена безличным предложением [Гак, 625-627].

Примером определенного деятеля в афоризмах являются существительные, обозначающие человеческое существо в ед. или мн. числе с определенным артиклем или в ед. числе с неопределенным артиклем. Например:

(16) *La femme* est trop heureuse que, sans rien donner, elle reçoive beaucoup plus qu'elle n'a d'habitude quand elle se donne. (Le Temps Retrouvé)

(17) *Les femmes* un peu difficiles, qu'on ne possède pas tout de suite, dont on ne sait même pas tout de suite qu'on pourra jamais les posséder, sont les seules intéressantes.

(Le Côté de Guermantes)

(18) *Une femme* que nous entretenons ne nous semble pas un femme entretenue tant que nous ne savons pas qu'elle l'est par d'autres. (Albertine disparue)

В своих афоризмах Марсель Пруст предпочитает при обобщении создавать образ типичного объекта либо через упоминание отдельных представителей данного класса (*un, une*): *une femme* – типичная женщина (18), либо через соотнесение со всем классом как совокупностью отдельных объектов (*les*): *les femmes* – все женщины (16), (17). Кстати, в афоризмах Пруста мы отметили преобладание существительного *femme* над существительным *homme* в роли деятеля. Для обозначения мужчин Пруст использует более широкую палитру обозначений, включающую их профессии (*l'écrivain, le peintre*), сексуальные предпочтения (*les homosexuels*), характер взаимоотношений (*un amoureux)*. Можно попытаться объяснить такие различия в репертуаре средств выражения личным опытом Пруста, который лучше знал мужчин, чем женщин.

Определенность деятеля может выражаться в афоризмах также с помощью местоимений:

1) личного местоимения 1 л. мн.ч. *nous*:

(19) *Nous* cultivons les bégonias, nous taillons les ifs, par pis-aller, parce que les ifs et les bégonias se laissent faire. Mais *nous* aimerions donner notre temps à un arbuste humain, si *nous* étions sûrs qu'il en valût la peine. (Le Côté de Guermantes)

(20) *Nous* ne sommes tous, nous les vivants, que les morts qui ne sont pas encore entrés en fonctions. (Journées de lecture)

(21) *Nous* croyons aimer une jeune fille, et *nous* n'aimons helas! en elle que cette aurore dont son visage reflète momentanément la rougeur. (Albertine disparue)

Приведенные примеры позволяют наблюдать семантическую многозначность местоимения *nous. Nous* может обозначать: всю совокупность людей, включая автора и читателя (19); противопоставление одной группы людей, включающей автора и читателя, другой группе людей (20); автора, противопоставляемого остальным людям (21). Именно к афоризму (21) относится замечание М.В. Ляпон, что «с помощью *мы* в подобных случаях говорящий затушевывает свою причастность ко всем, для кого верна найденная им формула … Говорящий включает свое *я* в *мы* из вежливости. В самом деле, автор формулы (афоризма) как открыватель закономерности, свойственной массе, имеет право на особое место среди *всех*, он как бы встает над другими. Таким образом, *мы* в этих условиях может означать мнимое включение, выполняя одну из ключевых ролей… – сокрытие информации о себе» [Ляпон, 5-6]. Подобное использование местоимения *nous* позволяет Прусту объективировать свои личные переживания.

Посредине семантической шкалы типов деятеля располагаются афоризмы с подлежащим, выраженным обобщенно-личным местоимением *on*:

(22) *On* a toujours tort d'essayer d'aimer, *on* aime ou *on* n'aime pas. (Jean Santeuil)

(23) Dans l'attente, *on* souffre tant de l'absence de ce qu'*on* désire qu'*on* ne peut supporter une autre présence. (Sodome et Gomorrhe)

On представляется нам доминантным местоимением афоризма. Его обобщающий характер объясняется тем, что в силу отсутствия морфологических признаков рода, лица и числа оно способно обозначать человека как модель, как универсального агента. Прустовские афоризмы с использованием местоимения *on* могут быть приложимы к любому человеку, за счет чего расширяется сфера их использования.

Наряду с местоимением *on* неопределен-

ность деятеля может быть выражена относительными местоимениями *qui, ce qui, ceux qui, celui qui.* Например:

(24) *Ceux qui* aiment et *ceux qui* ont du plaisir ne sont pas les mêmes. (A l'Ombre des jeunes filles en fleurs)

(25) *Celui qui* veut entretenir en soi le désir de continuer à vivre et la croyance en quelque chose de plus délicieux que les choses habituelles doit se promener, car les rues, les avenues, sont pleines de Déesses. (La Prisonnière)

Используя конструкцию с *qui*, которая является одной из преобладающих моделей пословиц [Schapira, 70], писатель тем самым придает своим афоризмам свойственную пословице авторитетность (24), (25).

Крайняя степень устранения субъекта представлена в афоризмах Марселя Пруста безличными оборотами *il y a, il est + имя прилагательное, il faut, il vaut mieux, il s'agit.* Рассмотрим примеры.

(26) *Il faut* qu'on se lève quand passe ta femme, cela changera de sa grand-mère car pour elle les hommes se couchaient. (Le Côté de Guermantes)

(27) *Il y a* des maux dont il ne faut pas chercher à guérir parce qu'ils nous protègent seuls contre de plus graves. (Le Côté de Guermantes)

(28) *Il vaut mieux* rêver sa vie que la vivre, encore que la vivre ce soit encore la rêver. (Les Plaisirs et les Jours)

(29) *Il est faux* de croire que l'échelle des craintes correspond à celle des dangers qui les inspirent. On peut avoir peur de ne pas dormir et nullement de ne pas d'un duel sérieux, d'un rat et pas d'un lion.(Le Temps retrouvé)

Афоризмы с подобной семантической организацией выполняют функцию акцентации: таким образом автор выделяет понятие (явление, процесс). Кроме того, присутствие оборотов *il faut, il vaut mieux, il est faux* позволяет Прусту передать категоричность, которая должна служить исчезновению всех сомнений в непреложности изреченной мысли.

Таким образом, исследовав различные способы выражения подлежащего в афоризмах М. Пруста, мы приходим к выводу о том, что доминирующей тенденцией является использование термов, обозначающих общее понятие или называющих множество (как и в афоризмах других авторов). Тем не менее, мы можем отметить и другие способы, которые использует писатель для обозначения действующих лиц. Например:

1) личное местоимение 1 л. ед.ч. *je*:

(30) *J'*appelle ici amour une torture réciproque. (Les Plaisirs et les Jours)

(31) *J'*avais la naïveté des gens qui croient qu'un goût en exclut forcément un autre. (Sodome et Gomorrhe)

(32) Ma paresse *m'*ayant donné l'habitude , pour mon travail, de le remettre jour par jour au lendemain, *je* me figurais qu'il pouvait en être avec la mort. (LeTemps retrouvé*)*

В анализируемых примерах личное местоимение *je* применяется Прустом либо для обозначения себя как автора и своего персонального опыта (30, 32), либо для представления так называемого «абсолютного человека», то есть человека в тех проявлениях, которые свойственны всем людям – например, наивности как распространенной человеческой черты (31).

2) личные местоимения 3 л., ед ч. *il* и *elle*:

(33*) Elle* croit qu'elle l'aime comme *elle* croit en ce moment qu'*elle* cite du Victor Hugo parce qu'*elle* dit un vers de Musset. (Le Côté de Guermantes)

(34) Le point culminant de sa journée est celui non pas où *elle* s'habille pour le monde, mais où *elle* se déshabille pour un homme. (A l'Ombre des jeunes filles en fleurs)

(35) *Il* trouvait "plutot bête" cette jeune fille mille fois plus intelligente que lui, peut-être seulement parce qu'elle l'aimait. (La Prisonnière)

Писатель отбирает наиболее характерные черты, которые достаточно забавны, чтобы рассмешить, и достаточно универсальны, чтобы научить. Это могут быть распущенность (34) или ограниченность знати (33), (35). Таким образом, индивидуальное у Пруста обретает черты типичного, персонаж становится выразителем идей/достоинств/пороков своего класса. По той же причине Пруст использует

3) имена собственные:

(36) *Gilberte* était comme ces pays avec qui on n'ose pas faire d'alliance parce qu'ils changent trop souvent de gouvernement. (Albertine disparue)

(37) *M. de Charlus* taxait d'inversion la grande majorité de ses contemporains, en exceptant toutefois les hommes avec qui il avait eu des relations. (La Prisonnière)

У Пруста происходит значительная субъективизация афористического выражения по сравнению с классическим афоризмом. Можно объяснить это эволюцией не только формы, но, прежде всего, содержания, тематики новых афоризмов. Пруст осмелился вынести на всеобщее обозрение темы, которые до него оставались в полутени, но, главное, что, по мнению его друга, Фернана Грега, отличает творение Пруста, следующее: «в нем находишь такую плотность истин о человеческих сердцах, …и о классах, описанных сверху донизу, такую коллекцию индивидуальных типов, охарактеризованных до мельчайшей детали, от графинь до кухарок и от послов до грумов….» [Gregh, 158].

Субъективное выражение становится у Пруста одновременно гарантией истинности излагаемой мысли, ее аутентичности, а с другой стороны, залогом оригинальной формы, эффективно воздействующей на читателя.

Таким образом, Марсель Пруст как афорист, с одной стороны, оставался верен афористической традиции, используя типичные языковые средства для передачи категорий лингвистической универсальности и авторской обобщенности в своих речениях, с другой стороны, принадлежащие ему афоризмы прошли сквозь призму тонкого и субъективного взгляда на мир, что нашло отражение в новых выразительных способах, которые он использовал. Прустовские афоризмы с точки зрения семантики и формы представляют собой поиск решения в конфликте между индивидуальным опытом и системой, между универсальной значимостью и авторским «я».

Список литературы

1. Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки, 1986, № 3. С. 56-62.

2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.

3. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков). Дисс. на соиск. учен.степ. канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 189 с.

4. Ляпон М.В. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. М.: 2001, № 2. С.1-24.

5. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризма(на материале немецкого языка). Дисс. на соиск. учен.степ. канд. филол. наук. Днепропетровск, 1980. 230 с.

6. Михайлов А.Д. Поэтика Пруста. - М.: Языки славянской культуры, 2012. 504 с.

7. Николаева Т. М. О чём на самом деле писал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.

8. Радзиевская Т.В. Прагматический аспект афористических текстов // Известия АН СССР, серия Литература и Язык, т.47, 1988, № 1. С.89-98.

9. Сластникова Т.В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте (на материале французского языка). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1992. 155 с.

10. Степанов Ю.С. Марсель Пруст, или жестокий закон искусства // Marcel Proust “A la recherche du temps perdu. A l’ombre des jeunes filles en fleur”. Moscou: Editions du Progrès, 1982. С. 5-31.

11. Таганов А.Н. К проблеме понятия «остранение» в литературе // Художественное слово в пространстве культуры: жанр, прием. Межвуз. сб. научных трудов. Иваново: ИвГУ, 2010. С. 101—107.

12. Таганов А.Н. Марсель Пруст в русском литературном сознании (1920-50-е годы). Иваново: ИвГУ, 2013. 208 с.

13. Трыков В.П. Пруст Марсель. [ModFranceLit.ru]. Режим доступа: http://modfrancelit.ru/prust-marsel/ (дата обращения: 02.08.2016).

14. Шумакова А. П. Французский афоризм как текст: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.05. Смоленск, 2006. 241 с.

15. Barthes R. Le degré zéro de l’ écriture: Suivi de Nouveaux Essais critiques. P.: Seuil, 1972. 187 p.

16. Bayard P. Proust et la digression // Marcel Proust 3: nouvelles directions de la recherche proustienne 2. Textes réunis et présentés par Bernard Brun. Rencontres de Cerisy-la-Salle (2-9 juillet 1997). Paris-Caen: Lettres modernes Minard, 2001. Pp. 235-253.

17. Gregh F. Mon amitié avec Marcel Proust (souvenirs et lettres inédites). Paris : Editions Bernard Grasset, 2013. 159 p.

18. Marcel Proust: Œuvres complètes. (Ebook) -https://www.arvensa.com/catalogue/oeuvres-completes/marcel-proust/ (дата обращения: 02.08.2016).

19. Meleuc S. Structure de la maxime // Langages, № 13, 1969. Pp.69-99.

20. Mitterand H. La littérature française du XX siècle. Paris: Nathan, 2001. 128 p.

21. Sanchez S. Les sautes d’humour de Marsel Proust. Paris: Payot&Rivages, 2015. 160 p.

22. Schapira Ch. La maxime et le discours d’autorité. Paris: SEDES, 1997. 176 p.

Об авторе

Шумакова Алла Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и французского языков Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина, chumakova_alla@mail.ru

УДК 364.013

ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА КАК ИННОВАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Антипова Е. И., Дубовская Д. А.

Статья посвящена социальному контракту как новому целевому виду государственной социальной помощи населению. Наряду с существующей системой государственной помощи и поддержки, социальный контракт призван решать задачи преодоления бедности, побуждать малоимущих граждан к самообеспечению. Рассматриваются основные принципы, особенности и условия заключения социальных контрактов с малоимущими семьями и одиноко проживающими гражданами. Авторами указывается комплексное применение мероприятий в рамках социального контракта по выходу граждан из категории малоимущих. Анализируется практика внедрения и перспективы применения технологии социального контракта в Челябинской области.
Ключевые слова: социальный контракт, инновации в социальной работе, государственная социальная помощь, малоимущие граждане.

TECHNOLOGY OF SOCIAL CONTRACT AS INNOVATION IN SOCIAL WORK

Antipova E. I., Dubovskaya D. A.

The article is devoted to the social contract as new target type of state social assistance to the population. On a par with the existing state social assistance and support system, the social contract is intended to solve the problems of poverty reduction, to encourage disadvantaged people to self-sufficiency. Considered the basic principles, characteristics and conditions of social contracts with the poor families and citizens living alone. The author points out the complex application measures of the social contract for the people leaving the category of the poor. Analyzed the practice of implementation and application prospect the technology of social contract in Chelyabinsk region.
Keywords: the social contract, innovations in social work, state social assistance, poor citizens.

В число важнейших приоритетов общественной жизни входит совершенствование социальной сферы в условиях вызовов XXI века. На Всероссийской научно-практической конференции «Сценарии развития социальной сферы в условиях новых вызовов», состоявшейся в 2014 году, обсуждались проблемы экономического благосостояния, повышения уровня и качества жизни граждан. За последнее время по вопросам развития социальной сферы опубликован ряд монографий, посвященных теоретико-методологическим проблемам исследования инновационных процессов в социальной сфере [5; 6; 18; 19; 20]. В трудах описываются современные технологии социальной работы с различными категориями граждан, рассматриваются подходы к стандартизации социального обслуживания, специфика оценки и контроля качества социальных услуг.

Как отмечает Я.П. Ламажапова, возрастает сложность и институциализация новых форм социальной организации, фундаментальные регулятивы управленческой деятельности претерпевают существенные изменения. Социальное управление должно быть глобальным и мировоззренчески ориентированным, гибким и мобильным [9, с. 43].

Укрепление и модернизация социальной сферы предполагает внедрение различных иннонваций. Одной из областей инновационной практики является социальная работа, что было подчеркнуто на V Всероссийском съезде социальных работников и социальных педагогов России 2016 года, посвященном 25-летию социальной работы. В рамках мероприятия обсуждались аспекты инновационной деятельности, вопросы совершенствования законодательства в области социального обслуживания населения, развития социальной работы как отрасли научного знания и проблемы подготовки кадров для социальной сферы.

Для максимального приближения государственной социальной политики к адресатам помощи и оказания своевременной поддержки малоимущим гражданам, обладающим трудовым потенциалом, разработана технология социального контракта. Федеральным законом от 25.12.2012 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» установлено оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта.

По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в 2013 году в России заключено 37,8 тыс. социальных контрактов, в том числе, с семьями с детьми - 28,8 тыс. социальных контрактов, в 2015 году - 47 тыс. социальных контрактов, в том числе, 35 тыс. - с семьями с детьми [13, 14].

Государственная помощь на основании социального контракта - это новый целевой вид социальной помощи малоимущим гражданам, призванный стимулировать их для поиска выхода из сложной жизненной ситуации, повышать экономическую активность и социальный статус.

За последнее время по вопросам оказания помощи на основании социального контракта опубликован ряд научных трудов, посвященных социальному контракту как инновационной модели государственной социальной помощи малоимущим гражданам, инструменту сокращения бедности трудоспособного населения [2; 7], правовому средству обеспечения достойного уровня жизни [3]. В работах рассматриваются принципы, особенности социального контракта, анализируется законодательная и практическая деятельность органов власти по оказанию помощи гражданам на основании социального контракта, способствующей сокращению бедности в стране.

Социальный контракт - это договор между трудоспособным малоимущим гражданином и органом социальной защиты населения о предоставлении этому человеку или его семье государственной социальной помощи в виде денежных (ежемесячных или единовременных) выплат и социальных услуг, в соответствии с которым гражданин обязуется реализовать целевые мероприятия.

И.В. Малофеев выделяет два типа социальных контрактов: на оказание поддерживающей помощи; на оказание помощи на начальном этапе [11].

Контракты первого типа заключаются с гражданами, нуждающимися в дополнительном доходе, который позволил бы оплатить повседневные или непредвиденные расходы (например, ежемесячная оплата содержания ребенка в дошкольном образовательном учреждении).

Контракты второго типа заключаются с гражданами, имеющими четкий проект деятельности и нуждающимися в единовременной помощи для его внедрения (например, приобретение инструментов для ведения личного подсобного хозяйства или оборудования для осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности).

Особенностью рассматриваемого вида помощи является комплексный подход к решению проблемы нуждаемости. Наряду с адресной денежной выплатой разрабатывается своеобразная карта социального сопровождения малоимущей семьи (одиноко проживающего гражданина), предполагающая предоставление комплекса услуг (мероприятий) по социальной адаптации с одновременным осуществлением активных самостоятельных действий получателем помощи по выходу из сложной жизненной ситуации. Данные мероприятия указываются в программе социальной адаптации, предусмотренной социальным контрактом.

Заметим, что государственная помощь на период действия социального контракта не исключает одновременного получения других видов помощи, на которые гражданин имеет право.

Алгоритм оказания государственной помощи на основании социального контракта можно представить следующим образом: заявление - собеседование - обследование (анализ ситуации) - принятие решения (разработка проекта программы социальной адаптации) - заключение социального контракта - исполнение социального контракта - анализ эффективности исполнения социального контракта (оценка результата изменений).

Наличие алгоритма действий по оказанию помощи и инструментария позволяет говорить о технологии социального контракта, основными принципами реализации которой являются: добровольность участия; обязательность исполнения условий социального контракта; индивидуальный подход при составлении программы социальной адаптации; целевой характер оказания помощи.

В нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации определены различные критерии назначения помощи, а также направления ее предоставления и размеры денежных выплат. Форма и сроки действия социального контракта также установлены региональным законодательством.

Государственная помощь на основании социального контракта предоставляется исключительно на осуществление мероприятий, закрепленных в законодательстве. Анализ региональной нормативно-правовой базы показал, что перечень данных мероприятий является открытым и определяется экономическими возможностями региона. К данным мероприятиям отнесены: поиск работы; прохождение профессионального обучения и дополнительного образования; осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности; ведение личного подсобного хозяйства; осуществление ремонта жилья; добровольное лечение от алкогольной (наркотической) зависимости; заключение соглашения по погашению задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг; обеспечение посещения детьми школы, дошкольных образовательных организаций [1].

Так, в Саратовской области в соответствии с региональным Законом «О государственной социальной помощи в Саратовской области» социальная помощь на основании социального контракта оказывается с 01.01.2014 г. Основными целевыми направлениями предоставления помощи являются развитие личного подсобного хозяйства; профессиональное обучение; приобретение оборудования для трудоустройства; занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью. Социальная помощь предоставляется в виде ежемесячной или единовременной выплаты. Размер ежемесячной выплаты составляет от 500

рублей до 2,0 тыс. рублей, размер единовременной помощи - от 5,0 до 24,0 тыс. рублей [21, с. 11].

В Красноярском крае на основании регионального Закона «Об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта в Красноярском крае» в 2015 году государственную помощь получили 172 многодетные семьи на развитие личного подсобного хозяйства в размере от 15,0 до 70,0 тыс. рублей [17, с. 31].

Средний размер единовременной денежной выплаты социальной помощи на основании социального контракта по России составляет 32,7 тыс. рублей. В отдельных регионах предусматривается более высокий размер выплаты. Так, средний размер помощи в Тверской области составляет 142,9 тыс. рублей, Республике Саха (Якутия) - 119,8 тыс. рублей, Ямало-Ненецком автономном округе - 97,2 тыс. рублей, Камчатском крае - 79,4 тыс. рублей, Республике Коми - 61,6 тыс. рублей [13].

В Челябинской области рассматриваемый вид помощи оказывается малоимущим семьям (одиноко проживающим гражданам) в соответствии с областным Законом от 30.01.2014 г. № 642-ЗО «О государственной социальной помощи на основании социального контракта в Челябинской области». Порядком предоставления данного вида помощи, утвержденным постановлением Правительства Челябинской области от 16.07.2014 г. № 332-П «О Порядке предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта в Челябинской области», определены размер, сроки оказания помощи и условия (критерии), при соблюдении которых гражданам назначается помощь [4; 16].

Гражданам предоставляется данный вид помощи в виде единовременной выплаты в размере 30,0 тыс. рублей. Срок действия социального контракта, как правило, составляет три месяца. Он корректируется в зависимости от жизненной ситуации гражданина, выбранного целевого направления и мероприятий по выходу из кризисной ситуации.

Получателями помощи за период действия вышеуказанного областного Закона явились 93 гражданина, большинством адресатов помощи стали семьи с детьми до 16 лет. Из общего числа получателей помощи 90 % составили граждане, проживающие в сельской местности, 10 % - в городской местности [15].

Данный вид государственной помощи имеет особое значение для семей с детьми, поскольку риск попадания данной категории населения, в том числе многодетных и неполных семей, в группу «социально уязвимые» наиболее высок среди всех категорий населения. Семьям с детьми оказывается «энергичная поддержка» [12, с. 26]. Поэтому приоритет при заключении социальных контрактов отдается семьям с детьми, в которых есть члены семьи трудоспособного возраста, не имеющие постоянного источника дохода либо владеющие низким доходом.

Государственная социальная помощь направляется на развитие личного подсобного хозяйства, организацию индивидуальной предпринимательской деятельности, прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, поиск работы, оплату содержания детей в дошкольном образовательном учреждении.

Наиболее востребованным оказалось направление помощи на развитие личного подсобного хозяйства: приобретение крупного рогатого скота, птицы, кормов; покупка сельскохозяйственной техники; ремонт хозяйственных строений. Развитие личного подсобного хозяйства способствует увеличению разнообразия рациона питания, улучшению материального положения семьи за счет реализации получаемой продукции, а также развитию трудовых навыков у детей.

Один социальный контракт был заключен на организацию индивидуальной предпринимательской деятельности.

Социальная помощь на прохождение профессионального обучения, получение дополнительного профессионального образования или поиск работы не востребована, так как данные услуги граждане получают бесплатно без сбора дополнительных документов через службу занятости.

Оказание помощи осуществляется по заявительному принципу. После подачи заявления с необходимыми документами проводится собеседование, анализируются условия труда и быта клиентов социальной работы и на основании оценки потенциала семьи (одиноко проживающего гражданина) разрабатываются направления выхода из сложной жизненной ситуации с составлением проекта программы социальной адаптации. После проверки документов и утверждения муниципальной межведомственной комиссией и комиссией Министерства социальных отношений Челябинской области кандидатуры на получение помощи оформляются протоколы заседаний комиссий, заключается социальный контракт и реализуется программа социальной адаптации.

Анализ индивидуальных программ социальной адаптации позволил прийти к выводу, что наибольший эффект от внедрения новой технологии дает системный подход к данному виду деятельности.

Специалистами по социальной работе региона при разработке программы социальной

адаптации предусматриваются мероприятия различного профиля, в том числе направленные на стимулирование оказания гражданам данного вида помощи: психолого-педагогическая работа с детьми по социальной реабилитации, адаптации, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; посещение культурно-познавательных, спортивно-оздоровительных мероприятий; оказание натуральной помощи, мониторинг изменения ситуации в семье.

Программой социальной адаптации предусматриваются мероприятия, направленные на обеспечение членами семьи условий для развития, воспитания и образования детей: консультирование родителей по развитию педагогической грамотности, посещение занятий «школы семейного воспитания», проведение индивидуальных бесед по определению стиля воспитания, уровня педагогических знаний и возможностей. Кроме того, специалисты разрабатывают мероприятия, направленные на стимулирование малоимущих граждан к активному участию в поддержке собственной семьи через трудоустройство, содействие в трудоустройстве на более оплачиваемую работу, проведение мероприятий, направленных на повышение интереса к выбранной профессии.

В целях реализации мероприятий, предусмотренных программой социальной адаптации, органы социальной защиты населения муниципальных образований Челябинской области взаимодействуют с органами образования, здравоохранения, занятости населения региона.

Успешная реализация комплекса вышеуказанных действий направлена на создание условий для самообеспечения малоимущих граждан, что возможно лишь при высоком уровне профессионализма и активности специалистов органов социальной защиты населения.

На территории Челябинской области практика внедрения технологии социального контракта только расширяется.

В соответствии с принципом разграничения полномочий между Центром и субъектами Российской Федерации механизм правового регулирования в сфере социальной помощи населению обеспечивает баланс между федеральным и региональным законодательством, а также предоставляет возможность активнее задействовать региональный уровень. Однако, учитывая современные социально-экономические условия развития регионов, уровень разработанности нормативно-правовой базы, актуальным является вопрос софинансирования из средств федерального бюджета расходных обязательств субъектов Российской Федерации на оказание рассматриваемого вида помощи.

Преимуществами применения технологии социального контракта являются:

- соблюдение принципа адресности за счет ужесточения критериев отбора кандидатов на получение помощи;

- использование единовременной денежной выплаты как наиболее весомой поддержки - данный вид помощи наиболее эффективен по сравнению с небольшими размерами единовременного социального пособия; размер единовременной выплаты по социальному контракту превышает в 3 раза прожиточный минимум в Челябинской области;

- возможность применения технологии в сельской местности, где наблюдается высокий уровень безработицы.

Изучение эмпирического материала по внедрению такой инновационной технологии в процедуры социальной помощи и поддержки населения как социальный контракт позволяет подойти к осмыслению актуальных для современной России проблем, обозначенных специалистами: наличие признаков патерналистской модели оказания помощи, появление пассивности и иждивенчества в обществе [8; 10].

Адресный, а не категориальный, подход к оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта гарантирует оказание помощи исключительно нуждающимся в ней людям.

С момента внедрения технологии социального контракта в Челябинской области более полно реализуется трудовой потенциал, повышается социальная ответственность граждан, ослабевает иждивенческий мотив в их поведении. Результат практической апробации социальной технологии показывает, что данный вид помощи имеет хорошие перспективы.

Повышается результативность оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта путем усиления ее адресности, а также эффективность использования финансовых ресурсов по разделу «социальная политика» за счет их концентрации на оказание данного вида помощи. Качественное планирование и прогнозирование специалистами денежных средств обеспечивает эффективное внедрение рассматриваемой технологии.

Таким образом, технология социального контракта направлена на активные действия граждан в целях получения постоянного дохода от трудовой, индивидуальной предпринимательской

или иной деятельности. Получатели государственной социальной помощи, выполняя условия программы социальной адаптации, предусмотренной социальным контрактом, выходят на более высокий уровень жизни за счет получения социальных услуг и адресной материальной помощи на проведение целевых мероприятий.

Как профессиональная деятельность и прикладная наука, социальная работа призвана придать инновационный характер развитию современного общества. Внедрение новых социальных технологий зависит от состава кадров, знаний, навыков специалистов, а также от создания соответствующих условий профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Антипова Е.И., Дубовская Д.А. Государственная социальная помощь на основании социального контракта // Государство и право в условиях гражданского общества: международная научно-практическая конференция «Государство и право в условиях гражданского общества». Челябинск: ООО «Аэтерна», Уфа, 2015. С. 12-14.

2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Маликов Н.С., Чесалкина Е.Ю. Социальный контракт как основа модернизации системы социальной поддержки трудоспособного малоимущего населения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 3. С. 4-19.

3. Гришина Я.С. Правовая природа социального контракта (договора социальной адаптации) как правового средства обеспечения достойного уровня жизни // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. Т. 2. № 62. С. 68-76.

4. Закон Челябинской области от 30.01.2014 г. № 642-ЗО «О государственной социальной помощи на основании социального контракта в Челябинской области» // Южноуральская панорама. 2014. 11 февраля.

5. Качество жизни в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы. Коллективная монография / под общей ред. Г.В. Астратовой. Изд.-во Сургутского гос. педагогического университета, 2014. 258 с.

6. Крысова Е.В., Зыкова Н.Н. Качество социального обслуживания населения: проблемы стандартизации и оценки. Монография. Изд.-во Поволжского гос. технолог. университета, 2014. 172 с.

7. Кудинова К.В. Социальный контракт - инновационная активная модель государственной социальной помощи // Глобальный научный потенциал. 2012. № 18 (18). С. 94-96.

8. Кук Л. Государство в социальной сфере: уходит или остается? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 120-144.

9. Ламажапова Я.П. Новые методологические подходы к управлению сложными социальными системами // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С.40-44.

10. Маликов А.Н. Технологии совершенствования взаимодействия власти и общества в сфере социальной защиты населения // Вестник Брянского гос. университета. 2011. № 2. С. 255-257.

11. Малофеев И.В. Социальный контракт как форма социальной поддержки // Вестник Красноярского гос. педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. Том 2. № 3. С. 26-29.

12. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5-30.

13. О практике применения и эффективности оказания семьям с детьми государственной социальной помощи на основании социального контракта в субъектах Российской Федерации для использования органами социальной защиты населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/60 (дата обращения: 19.09.2016).

14. Протокол Минтруда России № 1 от 13.05.2016 г. «Протокол заседания коллегии Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/analytics/123 (дата обращения: 19.09.2016).

15. 93 южноуральских семьи получили помощь на основании социального контракта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // minsoc74.ru/novosti/93-yuzhnouralskih-semi-poluchili-pomoshch-na-osnovanii-socialnogo-kontrakta (дата обращения: 19.09.2016).

16. Постановление Правительства Челябинской области от 16.07.2014 г. № 332-П «О Порядке предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта в Челябинской области» // Южноуральская панорама. 2014. 29 июля (спецвыпуск № 31).

17. Семенов С.Д. Социальный контракт в действии // Социальная работа. 2016. № 3. С. 29-31.

18. Современные технологии социальной работы с семьей и детьми. Коллективная монография / под редакцией Н.П. Клушиной, Е.И. Зритневой. Ставрополь: Изд.-во Северо-Кавказского федерального университета, 2016. 247 с.

19. Ткаченко А.С., Усманов Б.Ф., Фальковская К.И. Инновации в управленческой деятельности руководителей (на примере социальных учреждений). Монография. Москва: Изд.-во Московского гуманитарного университета, 2014. 186 с.

20. Уваров Н.Н. Экономическая теория и проблемы развития социальной сферы. Монография. М.: Изд.-во Московского государственного гуманитарного университет им. М.А. Шолохова, 2015. 76 с.

21. Федорова О.В. Государственная помощь малоимущим на основании социального контракта // Социальная работа. 2015. № 5. С. 11-13.

Об авторах

Антипова Евгения Игоревна – старший преподаватель, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); главный специалист, отдел семьи, комитет социальной политики (Челябинск), antipova_evgeniy@mail.ru

Дубовская Дарья Андреевна – студент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), dasha_dubovskaya@mail.ru

УДК 378

МОТИВАЦИОННЫЙ ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Балыкина О.С., Серегина Н.В.

В данной статье представлена программа курса «Мотивационный тренинг». Проанализированы результаты многолетней работы преподавателей Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, читающих этот курс. Кроме того, прослежена динамика адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. Обосновывается эффективность программы «Мотивационный тренинг» как средства адаптации студентов.
Ключевые слова: готовность, психологическая готовность, тренинг, мотив, мотивация, адаптация, студенты.

MOTIVATIONAL TRAINING AS A MEANS OF ADAPTATION OF STUDENTS TO TRAINING IN HIGH SCHOOL

Balykina O.S., Seregina N.V.

The article present the result of the program of the course «Motivational training». We analyzed the results of many years of **lecturers** of Bryansk state university of name I.G Petrovsky, reading motivational training course. In addition, traces dynamics adaptation of first-year students to training in high school. It substantiates the effectiveness of the program «Motivational training» as means of adaptation of student.
Keywords: readiness, psychological readiness, training, motive, motivation, adaptation, students.

Современный мир сложный, многополярный, динамично развивающийся, каждый человек должен быть готов проявить себя в нем, реализовать свои возможности в полной мере. Каждый период жизни человека связан с достижением определенных целей, каковой и является подготовка к будущей профессиональной деятельности в процессе обучения студентов в вузе. В настоящее время общество нуждается в специалистах, соответствующих всем требованиям конкретного профиля, они должны быть компетентны, проявлять способность работать в команде и быть готовыми успешно адаптироваться в новых условиях.

В педагогической психологии уделяется большое внимание психологической готовности студентов первых курсов к обучению в вузе. Современное вузовское образование требует от них умения логически мыслить, анализировать, проводить аналогии, делать выводы и обобщения. Помимо познавательных способностей, они должны быть мотивированы к освоению учебных дисциплин.

В зарубежной психологии изучением проблемы «готовности» занимались Э. Тордайк, У. Томас, Ф. Знанецкий, А. Бине, К. Роджерс и др. В отечественной психологии выделяют две стороны этого состояния: функциональную (В.И. Демидов, Б.Ф. Ломов, Н.Д. Левитов, В.Н. Мясищев) и личностную (В.А. Сластенин, Н.А. Зенкова, Я.Л. Коломинский).

Психологическая готовность характеризуется как целостное интегративное психологическое образование, основанное на согласованности личностных характеристик, обеспечивающее эффективность, и развитие всех видов деятельностей, входящих в нее [2].

Важными компонентами психологической готовности являются познавательные, мотивационные, коммуникативные, эмоциональные и волевые характеристики. Только лишь целостность этих компонентов позволяет молодым людям успешно адаптироваться к требованиям вуза и эффективно осваивать будущую профессию.

В зарубежной психологии проблемой адаптации занимались такие известные психологи как А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, З. Фрейд, Э. Эриксон и другие. В отечественной психологии данной проблемой занимались Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов. Исследование изменений эмоциональных и когнитивных характеристик личности излагается в научно-педагогических трудах И.А. Георгиева, Г.С. Дунина, И.А. Милованова. Рассмотрены проблемы вузовской адаптации в психолого-педагогических исследованиях М.М. Безруких, Е.В. Вигенберга, А.Д. Глоточкина, С. В. Красикова, А.А. Реана, Г. Г. Овчинникова, Е.А. Ямбурга.

Под адаптацией студента в вузе понимается непрерывный, внутренне обусловленный процесс, который в конечном итоге характеризует принятие или непринятие формирующейся личностью внешних и внутренних условий осуществления учебно-профессиональной деятельности в учебном заведении, а также активность личности, обращенная на изменение этих условий в желаемом направлении [5].

Исследователи различают три вида адаптации студентов первого года обучения к условиям вуза:

1) формальная адаптация, затрагивающая познавательно-информационный аспект приспособления студентов к новому окружению, к структуре высшей школы, к содержанию обучения в ней, к своим правам и обязанностям;

2) общественная адаптация, т.е. процесс внутренней интеграции (объединения) групп студентов-первокурсников, и интеграция этих же групп со студенческим окружением в целом;

3) дидактическая адаптация, касающаяся подготовки студентов к новым формам и методам учебной работы в высшей школе [9, с.17].

Для оказания эффективной помощи в адаптации студентов дневного и заочного обучения всех факультетов и направлений подготовки в Брянском государственном университете в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования нового поколения был разработан и включен в учебные планы курс «Мотивационный тренинг» [6; 7].

В данной статье излагаются результаты многолетней работы преподавателей БГУ, читающих курс «Мотивационный тренинг». Помимо этого, наше исследование следует рассматривать как продолжение цикла работ, посвященных изучению проблем мотивации и адаптации студентов вуза [1; 3; 4; 8].

Тренинг – это один из самых активных и продуктивных методов обучения. Мы будем рассматривать мотивационный тренинг как средство психологического воздействия на студентов, побуждающих их к получению знаний, умений и навыков; развитию социальных установок, коммуникативных способностей, приобретению опыта межличностного общения.

Цель курса «Мотивационный тренинг» - овладение студентами методами создания и усиления учебной мотивации, изучение системы общепсихологических знаний, включающих фундаментальные концепции, устоявшиеся закономерности, факты психологических явлений, способствующих успешной адаптации.

Мы считаем, что основными задачами изучения данной дисциплины являются:

- ✓ ознакомить студентов с особенностями обучения в высшей школе и нормативно-правовой документацией, регулирующей деятельность вуза,
- ✓ рассмотреть условия и последовательность выполнения разных видов учебных и учебно-исследовательских письменных работ,
- ✓ научить использовать в учебно-профессиональной деятельности разные виды источников информации,
- ✓ раскрыть особенности эффективной подготовки и приёмы устного выступления,
- ✓ научить студентов определять и формировать мотивы деятельности, добиваться максимального результата,
- ✓ мотивировать стремление студентов участвовать в профессиональной педагогической деятельности,
- ✓ научить ставить цель, планировать и организовывать самостоятельную учебно-профессиональную деятельность, рационально рассчитывать время,
- ✓ проанализировать механизмы взаимодействия в группе и научить способам продуктивного взаимодействия в обычных и конфликтных ситуациях.

Применение данного учебного курса позволяет обеспечить формирование компетенций, необходимых для успешной адаптации первокурсников к учебной деятельности, развить способности к самоорганизации и самообразованию, а также готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, мотивировать студентов к осуществлению профессиональной деятельности.

Таким образом, в результате освоения дисциплины «Мотивационный тренинг» студенты должны:

Знать:

- ✓ основные положения уровневой системы высшего образования,
- ✓ структуру, задачи и специфику функционирования вуза и особенности обучения в высшей школе,
- ✓ понятие деятельности, особенности учебно-профессиональной деятельности; понятие мотива и мотивации, основные группы мотивов, приемы самомотивации,
- ✓ факторы успешности учебно-профессиональной деятельности,
- ✓ основы психологической саморегуляции и совладания со стрессом,
- ✓ основные аспекты планирования будущей карьеры,
- ✓ особенности оформления и основные требования к учебным и учебно-исследовательским работам,
- ✓ возможности использования в учебно-профессиональной деятельности разных источников информации,
- ✓ основные барьеры коммуникации и средства их преодоления.

Уметь:

- ✓ использовать ресурсы различных подразделений университета для повышения успешности учебно-профессиональной деятельности,

✓ выполнять различные учебные и учебно-исследовательские работы с учетом современных требований,

✓ грамотно использовать в учебно-профессиональной деятельности различные информационные ресурсы; учитывать возможные барьеры коммуникации и преодолевать их при подготовке и организации устного выступления,

✓ применять базовые знания в образовательной, культурно-просветительской, экспертно-аналитической, организационно-управленческой деятельности,

✓ определять цели, планировать и расставлять приоритеты в деятельности,

✓ повышать личную эффективность в общении: формировать позитивное впечатление, использовать активное слушание, соблюдать этикет в общении, бесконфликтно общаться с разными людьми,

✓ определять стрессовые ситуации и преодолевать стрессовые состояния, устранять причины развития стресса,

✓ учитывать и планировать время,

✓ учитывать основные критерии и факторы карьерного успеха в процессе учебно-профессиональной деятельности.

Владеть:

✓ приемами расстановки приоритетов и мотивации в учебно-профессиональной деятельности,

✓ методами самооценки, самоконтроля и принятия ответственности за результаты деятельности,

✓ разными способами вербальной и невербальной коммуникации,

✓ способами эффективного взаимодействия с другими субъектами образовательного процесса,

✓ техниками противостояния стрессу и поиска личных ресурсов,

✓ процедурами учета и приемами планирования времени; методами самопрезентации и планирования карьеры [6;7].

Мотивационный тренинг помимо теоретического курса, содержит и практическую часть. В нее входят задания, тренинговые упражнения на актуализацию и развитие умений работы с разными источниками информации, представления результатов в письменном виде, а также навыков устного выступления. Кроме того, важной составляющей практической части курса «Мотивационный тренинг» являются занятия по самопознанию, саморазвитию, межличностному общению. Выбор упражнений, заданий, методик определяется преподавателями в соответствии с целью и задачами конкретного занятия, с учетом особенностей студенческой группы.

Нами разработано содержание курса «Мотивационный тренинг».

Тема 1. Мотивационно - коммуникативный тренинг «Введение в профессию».

Знакомство с участниками группы. Экспресс-опрос ожиданий относительно обучения по данному направлению подготовки. Тренинг командообразования и групповой сплоченности. Формирование образа будущей профессии.

Тема 2. Структура, задачи и особенности функционирования вуза.

Закон об образовании РФ. Уровневая система высшего образования. Нормативно-правовая документация, регулирующая деятельность университета. Организационная структура вуза: основные подразделения и институты.

Тема 3. Психология учебной и профессиональной деятельности.

Понятие деятельности. Структура деятельности. Особенности учебной и профессиональной деятельности. Понятие о мотиве и мотивации. Целеполагание и планирование как фактор успешности деятельности.

Тема 4. Виды учебных и учебно-исследовательских письменных работ.

Виды письменных работ. Основные требования к учебным и учебно-исследовательским письменным работам. Специфика оформления письменных работ. Особенности выполнения конкурсных учебно-исследовательских работ.

Тема 5. Специфика работы с различными источниками информации.

Виды носителей информации. Документальные и предметно-вещественные источники информации. Правила работы в библиотеке. Электронные источники информации.

Тема 6. Психология устного выступления.

Устная речь как уникальный вид речи. Техника устной речи. Основы речевого этикета. Психологические основы управления беседой. Барьеры коммуникации. Виды устных выступлений. Особенности подготовки устного выступления. Взаимодействие с аудиторией и обратная связь.

Тема 7. Психологические основы личной эффективности.

Повышение личной эффективности в общении: формирование первого впечатления, активное слушание. Самопрезентация как самореклама. Индивидуальный имидж. Проектирование и формирование имиджа. Этикет в общении.

Тема 8. Психология целеполагания и планирования карьеры.

Понятие карьеры. Виды и этапы карьеры. Факторы успешности карьеры. Карьерные кризисы. Карьера молодого специалиста. Карьерный

самоменеджмент. Особенности карьерного роста в сфере образования [6,7].

В рамках изучения курса «Мотивационный тренинг» как эффективного средства адаптации первокурсников, нами было проведено эмпирическое исследование.

Исследование проводилось на базе Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. В нем участвовали студенты первого курса факультетов физической культуры, истории и международных отношений, естественно-географического и физико-математического. Исследование проводилось в 2011-2016 учебных годах. Общее число респондентов, принявших участие в исследование 247 человек.

Цель исследования – выявление особенностей адаптации студентов первого курса, изучивших курс «Мотивационный тренинг», к обучению в вузе.

Объект исследования: процесс адаптации студентов-первокурсников в вузе.

Предмет исследования: особенности адаптации студентов-первокурсников, изучивших курс «Мотивационный тренинг», к обучению в вузе.

Гипотезой исследования является предположение о том, что мотивационный тренинг является эффективным средством адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе (констатирующем) проводилась предварительная диагностика (начало учебного семестра). На втором этапе (формирующем) в течение учебного семестра студенты изучали курс «Мотивационный тренинг». На третьем этапе (контрольном) была проведена повторная диагностика, для того, чтобы проследить динамику изменений показателей адаптации первокурсников к обучению в вузе (конец учебного семестра).

Для исследования особенностей протекания адаптации студентов-первокурсников проводилось изучение показателей мотивации обучения в вузе. Для этого был применен тест-опросник «Мотивация достижения» (А. Мехрабиан), предназначенный для диагностики двух обобщенных устойчивых мотивов личности: мотива стремления к успеху и мотива избегания неудачи [10]. Результаты исследования по данной методике представлены на рисунке 1.

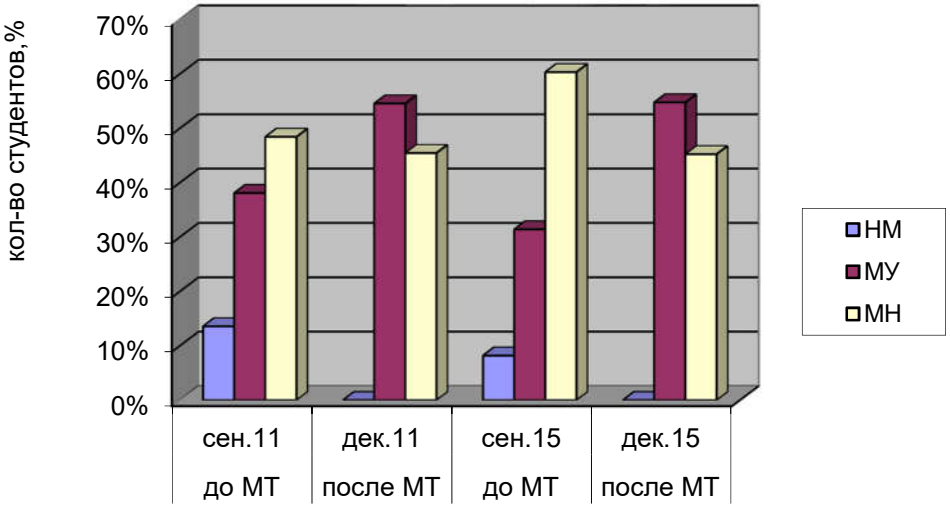

Рис.1. Результаты изучения мотивации достижения студентов.
Примечание: НМ: нет доминирующего вида мотивации; МУ – преобладает мотивация достижения успеха; МН – преобладает мотивация избегания неудачи

Результаты исследования показали, что у студентов первого курса преобладает мотивация избегания неудачи (в сентябре 2011 – 48,41%, в сентябре 2015 – 60,33%). Они проявляют неуверенность в себе, не верят в возможность добиться успеха, боятся критики. Ориентация на неудачи, нередко связана с неадекватностью профессионального самоопределения, так как современные выпускники подчас игнорируют объективную информацию о своих способностях, имеют завышенную или заниженную самооценку, нереалистичный уровень притязаний. Мы установили, что изучение курса «Мотивационный тренинг» способствовало мотивированию студентов на успех (декабрь 2011 – 54,54%; декабрь 2015 – 54,76%). Студенты стали ставить перед собой конкретную цель учебной деятельности, достижение которой может быть равнозначно расце-

нено как успех. Исследование показало, что студенты проявляют стремление добиваться успехов в своей учебно-профессиональной деятельности, в которой предпочитают средства и действия, направленные на достижение поставленной цели. Ориентация на достижение успеха способствует объективной оценке своих возможностей и успехов. Следовательно, студенты, мотивированные на успех, проявляют тенденцию возвращения к решению задачи, в которой они потерпели неудачу, а после неудачи они, как правило, добиваются лучших результатов.

Таким образом, была выявлена положительная динамика в мотивации студентов первого курса разных факультетов БГУ. Это подтверждается статистической обработкой данных с помощью критерия χ^2 (данные 20:$\chi^2_{эмп.}$=18,48 при $\chi^2_{кр}$=13,82 p=0,001; данные 2015: $\chi^2_{эмп.}$=35,4 при $\chi^2_{кр}$=13,82 p=0,001). Преобладание мотивации достижения успеха способствует успешной адаптации первокурсников в вузе.

Для исследования особенностей адаптации студентов-первокурсников мы применяли методику «Диагностика социально-психологической адаптации» (К. Роджерс, Р. Даймонд). Наглядно результаты исследования представлены на рисунке 2. Уточним, что все полученные значения по шкале лжи в указанном опроснике, находятся в пределах нормы, следовательно, полученные результаты можно считать достоверными.

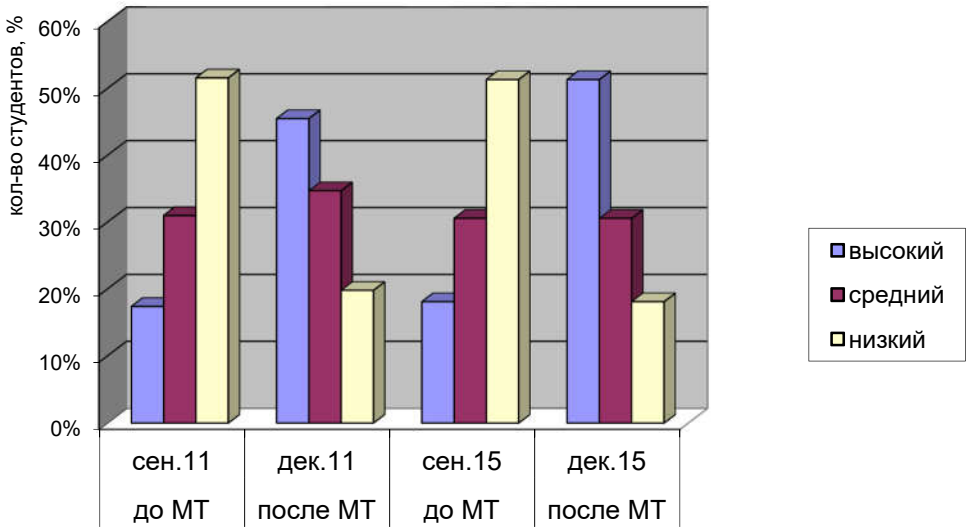

Рис. 2. Результаты изучения социально-психологической адаптации студентов (по шкале "адаптивность").

Исследование показало, что в начале первого курса у большинства первокурсников отмечается низкий уровень адаптивности (в сентябре 2011 – 51,58%, в сентябре 2015 – 51,33%). Они чувствуют себя не совсем уверенными, проявляют повышенную тревожность в ситуации взаимодействия с однокурсниками, преподавателями, им тяжело адаптироваться к учебному процессу. То есть, студенты-первокурсники испытывают трудности вхождения в новую профессиональную и социальную ситуацию.

Освоение студентами курса «Мотивационный тренинг» способствовало повышению их адаптивности. У большинства первокурсников выявлен высокий уровень адаптивности (декабрь 2011 – 45,5%; декабрь 2015 – 51,33%). Они стали чувствовать себя увереннее, у них снизился уровень тревожности, и появилось более четкое осознание себя в данной социальной общности. На наш взгляд, этому способствует также ряд условий: высокий уровень эмоционального комфорта (78,5%), высокий уровень приятия других (75,2%). Все это способствует снижению конфликтности в группе, нормализации эмоциональной обстановки, что влечет за собой улучшение адаптации к условиям учебной деятельности.

Таким образом, наблюдается положительная динамика уровня адаптивности студентов-первокурсников разных факультетов. Изменения содержания программы учебного курса способствовали повышению ее эффективности. Это подтверждается статистической обработкой данных с помощью критерия χ^2 (данные 2011:$\chi^2_{эмп.}$=18,4 при $\chi^2_{кр}$=13,82 p=0,001; данные 2014: $\chi^2_{эмп.}$=51,7 при $\chi^2_{кр}$=13,82 p=0,001).

Это подтверждается результатами исследования по шкале «дезадаптивность», представленных на рисунке 3.

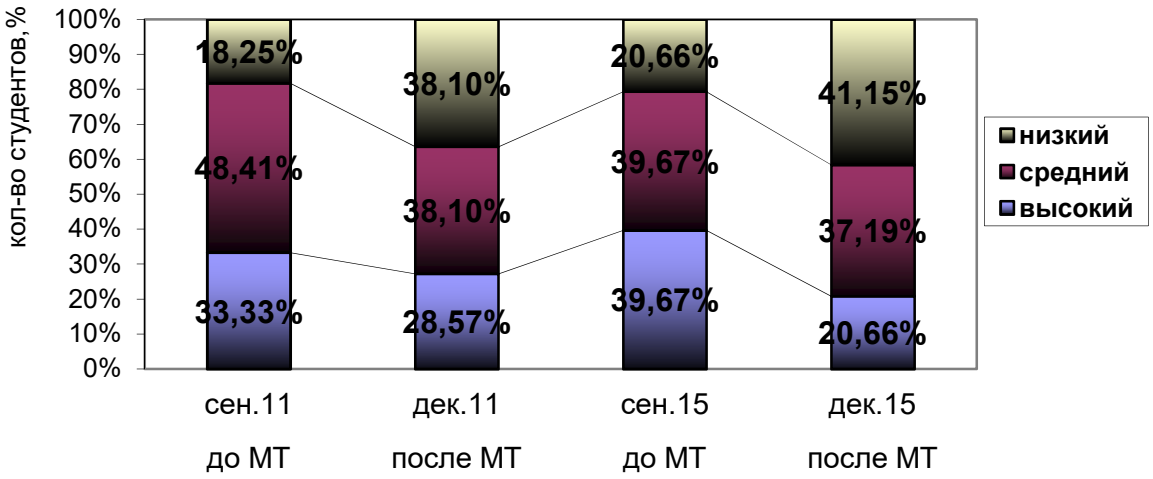

Рис. 3. Результаты изучения социально-психологической адаптации (по шкале "дезадаптивность").

У большинства студентов-первокурсников в начале учебного года выявлены средний и высокий уровни дезадаптивности. Это свидетельствует о том, что им сложно приспосабливаться к характеру, условиям, режиму учебно-профессиональной деятельности. Дезадаптивность проявляется в эмоциональном дискомфорте, непринятии себя и других, внешнем контроле.

Результаты исследования уровня дезадаптивности после проведения курса «Мотивационный тренинг» показали, что изучение курса способствовало снижению дезадаптивности первокурсников. Это подтверждается статистической обработкой результатов исследования (данные 2011: $\chi^2_{эмп.}$=10,41 при $\chi^2_{кр}$=9,21 p=0,01; данные 2015 $\chi^2_{эмп.}$=38,3 при $\chi^2_{кр}$=13,82 p=0,001).

Таким образом, гипотеза о том, что мотивационный тренинг является эффективным средством адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе, подтвердилась. Мы полагаем, что изучение учебного курса «Мотивационный тренинг» оправдано с точки зрения методического обеспечения психолого-педагогического сопровождения студентов. Данный курс способствует развитию коммуникативных способностей студентов, приобретению опыта межличностного общения и их успешной адаптации.

Список литературы

1. Балыкина О.С., Петухова Л.П. Эмпирическое исследование мотивации спортсменов /Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения: сб. материалов XIII Международной научно-практической конференции /Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2010. С. 18-22.

2. Гемешлиев Ф.К, Лызь Н.А. Модель психологической готовности студентов к освоению программ профессиональной подготовки // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 10 (123).

3. Голуб Л.Н., Елисеева Е.В., Киютина И.И., Комарова С.В., Петухова Л.П., Шкитырь О.Н. Мотивация достижения успеха как детерминанта социальной компетентности студентов ВУЗа. // В кн.: Вопросы современной науки: коллект. науч. монография / под ред. Н.Р. Красовской. М.: Изд. Интернаука, 2016. Т. 13. С. 56-71.

4. Елисеева Е.В., Петухова Л.П., Мезенцева И.А., Серегина Н.В. Эмпирическое исследование гендерных и мотивационных детерминант саморазвития личности студентов вуза //Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 50-4. С. 349-359.

5. Коротких О.Г. Развитие инициативы как условие эффективной адаптации современного студента // Электронный сборник научных трудов «Здоровье и образование в XXI Веке» №6, 2009, (Т.11). С.257-259.

6. Мотивационный тренинг. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. Сост. Балыкина О.С., Ерохина Н.М., Петухова Л.П. Брянск, 2015. 128 с.

7. Мотивационный тренинг. Практикум: Учебное пособие для вузов. Сост. Балыкина О.С., Ерохина Н.М., Петухова Л.П. Брянск, 2015. 100 с.

8. Скобликова А.С., Балыкина О.С. Темперамент и адаптация первокурсников в высшем учеб-

ном заведении. Актуальные вопросы психологии: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 27 августа 2015: Сборник научных трудов. Краснодар, 2015. С. 76-82.

9. Ткачева Г.В. Научно-дидактические условия учебной адаптации студентов на начальном этапе обучения. Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – вуз». М.: Прогресс, 2003. 240 с.

10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Психотерапия, 2009. 544 с.

Об авторах

Балыкина Ольга Сергеевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, o.balyckina@yandex.ru

Серегина Наталья Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, nata0479@yandex.ru

УДК 37.015.31

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ВОЛЕВОГО САМОКОНТРОЛЯ СТУДЕНТОВ В СИТУАЦИИ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ

Голубева Г. Ф., Фещенко Е. М.

В статье рассматривается возможность развития эмоциональной устойчивости студентов в новых образовательных условиях. Особое внимание уделяется изучению проявления эмоционально-волевого контроля студентов в ситуации оценивания знаний. Раскрывается специфика проявления эмоциональной устойчивости и волевой регуляции личности на разных этапах обучения в ВУЗе. Предлагаются педагогические технологии формирования эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля.
Ключевые слова: эмоциональная регуляция, волевой самоконтроль, учебная деятельность, оценка знаний, эмоциональная стабильность, самочувствие, активность, формирование эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля.

FORMATION OF EMOTIONAL STABILITY AND A STRONG-WILLED SELF-CONTROL OF STUDENTS IN SITUATIONS OF KNOWLEDGE ASSESSMENT

Golubeva G.F., Feshchenko E.M.

In this article the possibility of development of emotional stability of students in new educational conditions is considered. Special attention is paid to studying of demonstration of emotional and strong-willed control of the students in a situation of knowledge estimation. A specificity of the demonstration of emotional stability and strong-willed regulation of the students personality at different stages during the study in the higher education institution is revealed. Pedagogical technologies of formation of emotional stability and strong-willed self-checking are offered.
Keywords: emotional regulation, strong-willed self-control, educational activity, assessment of knowledge, emotional stability, health, activity, formation of emotional stability and strong-willed self-checking.

Современные образовательные условия, связанные с введением Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), предъявляют повышенные требования к профессиональным качествам выпускников ВУЗов. Многие компетенции, которые реализуются в рабочих программах изучаемых дисциплин, направлены на развитие в личности студентов самостоятельности, способности к самоорганизации, готовности качественно выполнять свои профессиональные действия в нестандартных ситуациях. В новых образовательных условиях студент должен уметь сознательно ставить перед собой учебные цели, выбирать средства их достижения. Повышается роль самостоятельной работы в учебной деятельности студентов, для выполнения которой необходимы хорошо сформированные регулятивные компоненты личности. Именно поэтому в последнее время возрастает интерес к изучению эмоционально – волевой устойчивости студентов.

Проблема изучения эмоциональной устойчивости, волевого самоконтроля, динамики их протекания на разных этапах обучения у студентов-психологов важна для понимания проблемы формирования профессиональных компетенций будущих психологов.

Актуальность изучаемой проблемы позволила сформулировать цель исследования, которая заключается в изучении особенностей формирования эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля студентов в ситуации оценивания знаний.

Проблеме изучения волевых и эмоциональных процессов посвящены фундаментальные труды как зарубежных, так и отечественных ученых. К данной проблеме обращаются В.К. Вилюнас, Л.С. Выготский, К.Э. Изард, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев [5; 6; 10; 11; 14].

Так, Л.С. Выготский рассматривает развитие высших психических функций, как переход «естественных» функций в «культурные», который происходит в ходе общения ребенка со взрослым на основе опосредования этих функций речью и другими знаковыми структурами [6].

Эмоциональная устойчивость, по мнению Л.М. Аболина, это «свойство, характеризующее индивида в процессе напряженной деятельности, отдельные эмоциональные механизмы которого, гармонически взаимодействуя между собой, способствуют успешному достижению поставленной цели» [2].

Я.В. Сорокина, проводя анализ подходов к проблеме изучения эмоционально-волевой регуляции активности в учебной деятельности студентов вуза, представляет психологический модуль, который направлен на разрешение проблемных ситуаций и обеспечивает формирование профессиональных компетенций, а также самосознания, самоконтроля, самооценки студентов [20].

По мнению В.И. Долговой и М.Ю. Буслаевой, «эмоциональная устойчивость – это, с одной стороны, результат целостной функциональной си-

стемы эмоциональной саморегуляции напряженной и одновременно продуктивной деятельности, с другой – системное качество личности, приобретаемое индивидом и проявляющееся у него в единстве эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других отношений, в которые он вливается в условиях напряженной деятельности» [9, с.35].

Эмоциональная устойчивость – это интегральное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных, мотивационных компонентов психологической деятельности индивида, которое обеспечивает оптимальное, успешное достижение цели деятельности и эффективное социально-ролевое поведение в сложной эмотивной обстановке. М.В. Музыченко считает, что при изучении данного феномена необходимо учитывать такие характеристики личности, как: помехоустойчивость, работоспособность, чувство уверенности в себе, своих силах, активность, самочувствие, настроение [15].

В научной литературе эмоциональную устойчивость рассматривают также, как способность психики сохранять высокую функциональную активность в условиях воздействия стрессоров, фрустраторов как в результате адаптации к ним, так и в результате высокого уровня развития эмоционально-волевой саморегуляции [21; 22].

Эмоционально-волевую устойчивость можно охарактеризовать как комплексную психолого-педагогическую характеристику личностного развития, в которой взаимосвязано представлены волевые состояния и волевые качества, способствующие осуществлению личностью волевых действий в ситуациях повышенной эмоциональной напряженности.

Эмоционально-волевая устойчивость является образованием, которое формируется в процессе жизнедеятельности и включена в процесс общего развития личности.

В эмоционально-волевую устойчивость входят такие личностные качества, как инициативность, самостоятельность, решительность, настойчивость. Данные качества личности принято называть волевыми, но в них явно присутствует эмоциональный компонент [8; 12].

Анализируя материалы исследований, посвященных формированию и развитию эмоционально-волевой устойчивости в разном возрасте, можно отметить, что в психолого-педагогической литературе особое место в изучении данного феномена отводят подростковому возрасту, который является чувствительным для формирования регуляции и воли. Обращается также внимание на дошкольный и младший школьный возраст, в границах которого происходит становление произвольности и первых признаков воли [1; 6; 14].

Эмоциональная регуляция и волевые проявления в студенческом возрасте в психолого-педагогической литературе не достаточно изучены. Чаще всего вопрос о развитии эмоционально-волевой регуляции в ранней зрелости авторы рассматривают в контексте профессиональной адаптации молодых специалистов. При этом навыки эмоционально-волевой устойчивости в период адаптации необходимы студентам в различных учебных ситуациях: в стрессогенных ситуациях (сдача экзаменов, решение тестовых заданий), в ситуациях принятия ответственных решений, а также в ситуациях общения, когда необходимо контролировать свои эмоции и поведение [7, с.50].

Исследование степени развития эмоциональной устойчивости и волевого контроля в учебной деятельности студентов посвящены труды таких ученых, как Д.Д. Барабанова, А.В. Быкова, В.И. Долговой, М.Ю. Буслаевой [3; 4; 9].

По мнению Д.Д. Барабанова, к старшим курсам самооценка таких волевых качеств, как «дисциплинированность», «решительность», «волевая саморегуляция» и «инициативность» снижается. Самооценка по качествам «ответственность», «целеустремленность», «самостоятельность», «упорство», «организованность» растет. Также увеличивается самооценка по такому качеству, как «внимательность» [3, с.120].

Представляется важным вопрос изучения эмоционально-волевой устойчивости у студентов в ситуации оценивая знаний. Изучение данного феномена позволит студентам не только осознать свое поведение в период выполнения учебных действий, но и наметить пути совершенствования механизмов саморегуляции. Обобщая теоретический материал по проблеме исследования, можно отметить, что вопрос эмоциональной регуляции и волевого самоконтроля является актуальным, имеет разные подходы к изучению и требует дальнейшего исследования.

С целью изучения эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля студентов в ситуации оценивания знаний нами было проведено эмпирическое исследование, гипотезой которого послужило предположение о том, что эмоциональная устойчивость и волевой самоконтроль студентов в ситуации оценивания знаний имеют тенденцию к снижению, а именно: снижаются положительные эмоции, настойчивость, самообладание и волевой самоконтроль.

Исследование проводилось на базе фа-

культета педагогика и психология Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. В исследовании принимали участие студенты первого и четвертого курсов, направлений подготовки «Психология», «Психология образования». Выборка испытуемых составила 113 человек, из них 55 студентов 1 курса и 58 студентов 4 курса. Ситуацией оценки знаний стали тестовые срезы контроля знаний по пройденному учебному материалу.

В исследовании использовались следующие диагностические методики:

- шкала дифференциальных эмоций (К. Изард, адаптирована А. Леоновой);
- шкала оценки субъективной комфортности А. Леонова;
- методика САН (В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева);
- диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) А. Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана.

Опытно-экспериментальная работа проводилась в несколько этапов:

- на первом этапе были изучены особенности эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля студентов в обычной учебной ситуации, проведен анализ данных исследования;
- на втором этапе в ситуации оценивания знаний (написание теста достижений по предмету на зачете) были вновь изучены эмоциональная устойчивость и волевой самоконтроль студентов;
- на третьем этапе был проведен сравнительный и статистический анализ данных по эмоциональной устойчивости и волевому самоконтролю у студентов в обычной ситуации (1-ый этап) и в ситуации оценивания знаний (2-ой этап).

По результатам проведенного исследования были разработаны психолого-педагогические рекомендации для кураторов студенческих групп, направленные на формирование эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля студентов в ситуации экзаменационного стресса.

В начале нашего исследования для изучения эмоциональной устойчивости студентов была использована шкала дифференциальных эмоций, разработанная К. Изардом и адаптированная А. Леоновой. Данная методика позволила исследовать переживания, студентов, присущие им в данный момент времени. На рисунке 1 представлены результаты сравнительного анализа эмоциональных переживаний студентов 1 курса на разных этапах исследования.

Данные, представленные на рисунке 1, показывают, что в ситуации оценки знаний у студентов 1 курса снижаются положительные эмоции, незначительно увеличиваются тревожно-депрессивные эмоции.

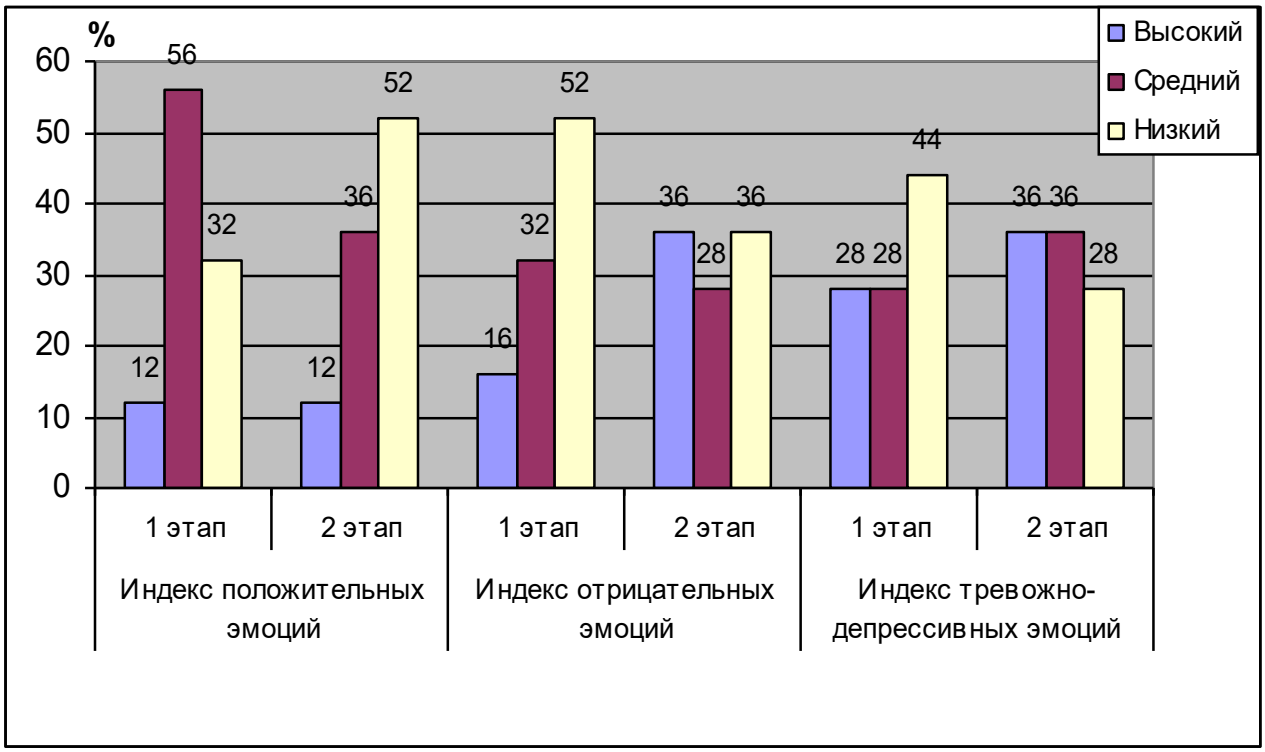

Рис. 1. Сравнительный анализ результатов эмоциональных переживаний студентов 1 курса на разных этапах исследования.

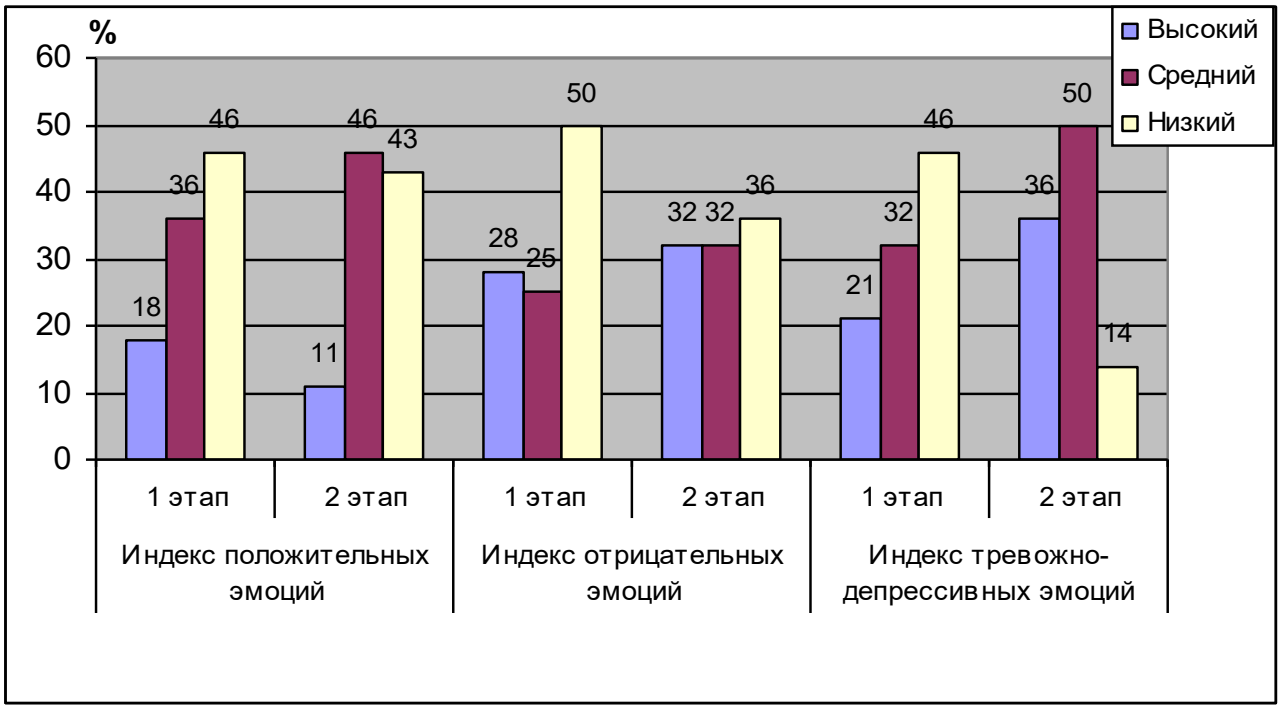

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов эмоциональных переживаний студентов 4 курса на разных этапах исследования.

В ситуации оценки знаний у студентов 4 курса, которые представлены на рисунке 2, изменяются эмоциональные переживания в сторону снижения положительных эмоций, возрастают тревожно – депрессивные переживания.

Мы видим, что положительные эмоции у студентов 1 и 4 курса в момент оценки знаний снижаются.

Для изучения эмоциональной устойчивости студентов была использована шкала оценки субъективной комфортности А. Б. Леоновой, результаты изучения отображены на рисунке 3.

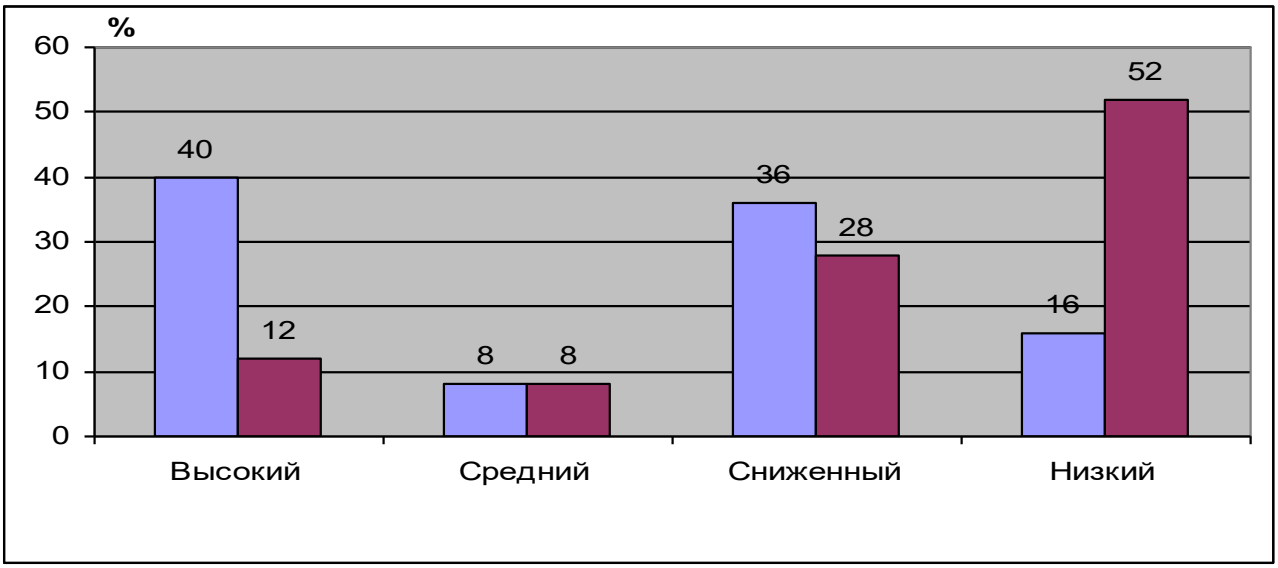

Рис. 3. Результаты исследования субъективной комфортности студентов 1 курса на разных этапах исследования.

У студентов 1 курса в сложной стрессовой ситуации происходит снижение комфортного состояния – низкий уровень на 1 этапе составлял 16%, а в ситуации оценки знаний – 52%. Первокурсники оценивают свое эмоциональное состояние отрицательно. Они считают, что у них плохое субъективное состояние, низкая энергетика, повышенная взволнованность.

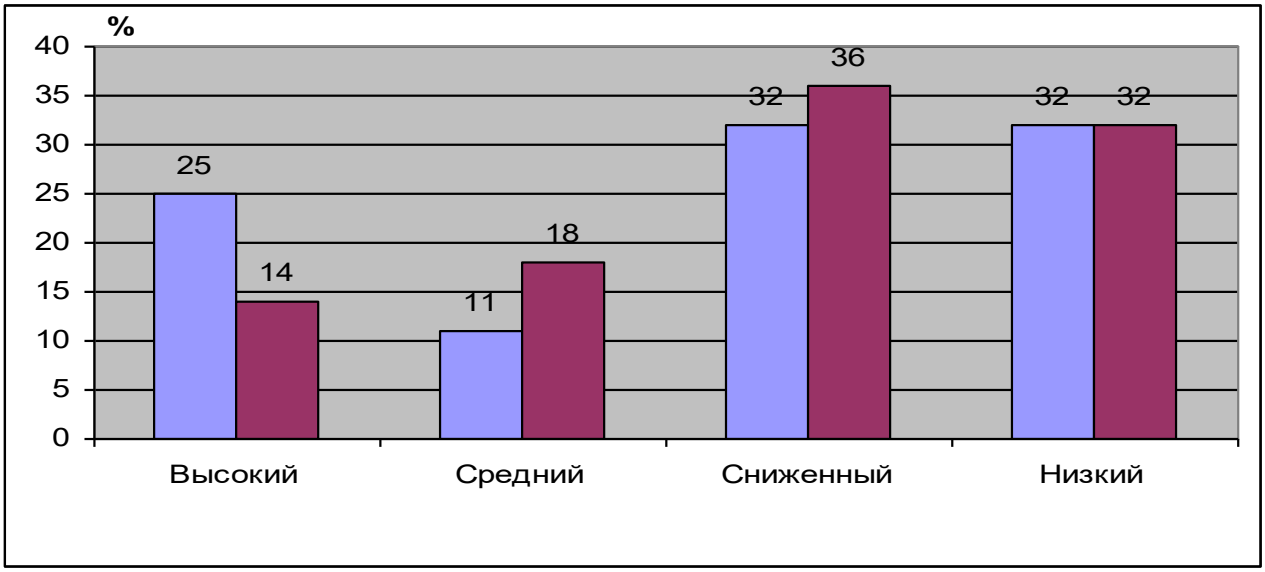

Рис. 4. Результаты исследования субъективной комфортности студентов 4 курса на разных этапах исследования.

Рассматривая результаты, которые были получены на выборке студентов 4-го курса (рисунок 4), можно отметить, что субъективная комфортность у них в ситуации оценки знаний имеет незначительную тенденцию к снижению. Это может быть связано с тем, что студенты старших курсов имеют определенный опыт эмоционального реагирования и проявления волевого контроля в ситуации сдачи экзаменов, написания тестов контроля оценки знаний.

Следующим этапом психолого-педагогического исследования было изучение таких характеристик как: самочувствие, активность, настроение с помощью методики САН (В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева). Результаты, полученные на выборке студентов первого курса, представлены на рисунке 5. Данные рисунка показывают, что самочувствие, активность, настроение у студентов 1 курса снижаются в момент выполнения тестовых заданий.

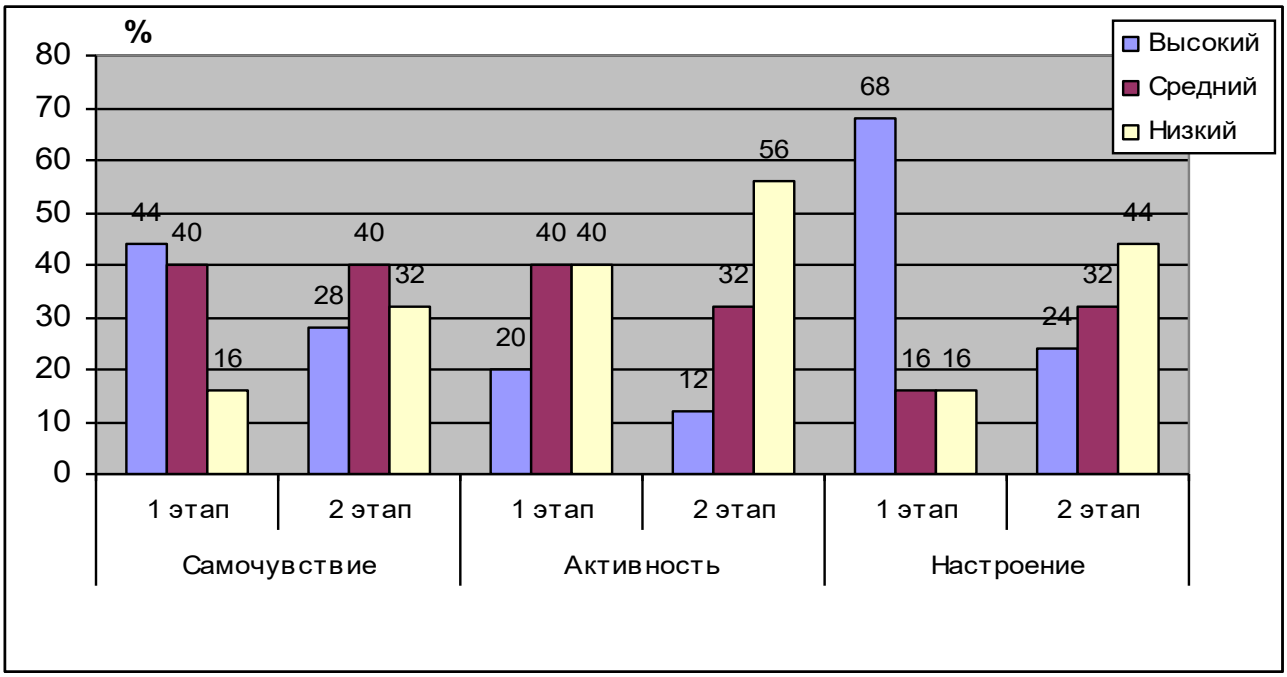

Рис. 5. Результаты исследования самочувствия, активности, настроения студентов 1 курса на разных этапах исследования.

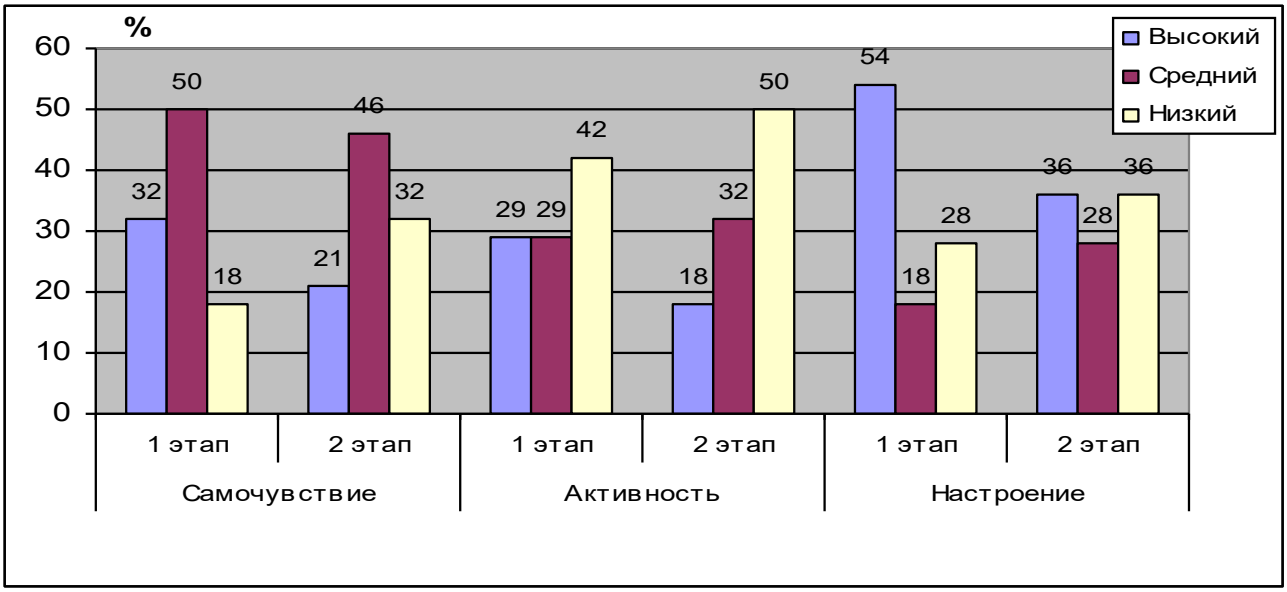

Рис. 6. Результаты исследования самочувствия, активности, настроения студентов 4 курса на разных этапах исследования.

В ситуации оценки знаний у студентов 4 курса незначительно снижаются самочувствие, активность, настроение (рисунок 6).

Для изучения волевого самоконтроля студентов был использован опросник ВСК, разработанный А.Г. Зверковым и Е.В. Эйдманом. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля студентов 1 и 4 курса (Методика ВСК) в ситуации оценивания знаний (в %)

Уровни / характеристики	Настойчивость		Самообладание		Волевой самоконтроль	
	1 курс	4 курс	1 курс	4 курс	1 курс	4 курс
Высокий	16	44	16	21	16	28
Средний	48	28	40	61	44	54
Низкий	36	18	44	18	40	18

В ситуации оценивания, на втором этапе исследования настойчивость в большей степени проявляют студенты 4 курса (44%), чем студенты 1 курса (16%). Различия наблюдаются и по низкому уровню настойчивости – низкий уровень настойчивости у студентов 1 курса составляет 36%, а у студентов 4 курса – 18%.

Самообладание на высоком уровне проявляется у 16% студентов 1 курса и у 21% студентов 4 курса. Более низкий уровень самообладания характерен для студентов 1 курса (44%), чем для студентов 4 курса (18%).

Волевой самоконтроль в ситуации оценивания в большей степени присущ студентам 4 курса – высокий уровень составляет 28%, а у студентов 1 курса – 16%. Также различия наблюдаются и по низкому уровню волевого самоконтроля – 40% студентов 1 курса и 18% студентов 4 курса.

Таким образом, мы видим, что у студентов 4 курса в ситуации оценки знаний в большей степени, чем у студентов 1 курса, выражены настойчивость, активность, волевой самоконтроль.

Данные результаты могут свидетельствовать о том, что у студентов 4 курса за период обучения в вузе совершенствуется саморегуляция. Развитие волевого самоконтроля происходит также в силу накопления опыта сдачи экзаменов и смены системы мотивации в процессе получения высшего образования. У студентов 1 курса такой опыт только накапливается, для них проверка знаний является значимой, вызывающей тревогу, волнение, эмоциональные переживания.

Для подтверждения представленных выше интерпретаций, выводов и статистической значимости полученных результатов мы воспользовались математической обработкой данных. Для этой цели был использован φ-критерий Фишера.

Вначале были статистически проверены результаты студентов 1 курса, полученные на разных этапах исследования. Полученные значения φ-критерия Фишера показывают, что различия в уровнях характеристик эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля у студентов 1 курса наблюдаются по следующим параметрам:

- по высокому уровню индекса отрицательных эмоций (φ эмпир. = 1,70), который увеличивается в ситуации оценки знаний студентов;
- по высокому (φ эмпир. = 2,39) и низкому (φ эмпир. = 2,17) уровню субъективной комфортности. В ситуации оценки знаний студенты 1 курса чувствуют себя менее комфортно, чем в обычной учебной ситуации;

- по низкому уровню самочувствия (φ эмпир. = 1,67), что свидетельствует об ухудшении состояния студентов в момент проверки знаний;

- по высокому и низкому уровням настроения (φ эмпир. = 3,33), (φ эмпир. =2,28). Настроение снижается у первокурсников в связи с ситуацией оценки знаний;

- по низкому уровню самообладания (φ эмпир. = 2,68), что указывает на снижения самоконтроля в ситуации оценивания знаний;

- по низкому уровню волевого самоконтроля (φ эмпир. = 1,99). Студентам – первокурсникам сложно справляться с эмоциями, переживаниями, когда происходит оценка их знаний.

Таким образом, мы видим, что у студентов 1 курса в ситуации оценки знаний ухудшается самочувствие, самообладание и волевой самоконтроль. За счет повышенного уровня эмоциональной напряженности деятельность студентов 1 курса дезорганизуется, не позволяя показать знания в полном объеме. Ситуация выполнения учебных тестов по дисциплине пока еще сложна для первокурсников в силу информационной неопределенности, дефицита времени, высокой мотивации получения положительной отметки по предмету.

У студентов 4 курса различия в эмоциональной устойчивости и волевом самоконтроле наблюдается по следующим уровням и характеристикам:

- по низкому уровню индекса тревожно-депрессивных эмоций (φ эмпир. = 2,61), который в ситуации оценки знаний имеет тенденцию к снижению;

- по среднему уровню настойчивости (φ эмпир. = 2,17), который в сложной ситуации снижается.

По остальным характеристикам анализируемых психолого-педагогических явлений у студентов 4 курса существенных изменений не наблюдается. Ситуация оценки знаний не повлияла на положительные эмоции, субъективную комфортность, активность, настроение, самообладание, волевой контроль студентов 4 курса. Это может быть объяснено тем, что за период обучения в вузе у студентов совершенствуется саморегуляция, развиваются рефлексивные качества, умение понимать требования преподавателя. Развитие волевого самоконтроля происходит также в силу накопления опыта сдачи экзаменов студентами.

По результатам проведенного исследования с целью формирования волевого самоконтроля и стрессоустойчивости студентов в ситуации оценивания знаний для кураторов студенческих групп были разработаны практические рекомендации, которые включают в себя следующие блоки:

- формирование эмоциональной устойчивости средствами физической активности и досуговой деятельности;

- диагностика ресурсных состояний личности и копинг-стратегий в преодолении экзаменационного стресса;

- развитие рефлексии, формирование эмоциональной зрелости, самопознания, мотивации достижения при решении сложных жизненных ситуаций;

- участие в групповых развивающих, коррекционных занятиях и тренингах, способствующих развитию эмоциональной устойчивости и волевого самоконтроля студентов;

- формирование умений организации и планирования самостоятельного освоения учебного материала при подготовке к экзаменационным испытаниям.

Вывод. В ходе исследования эмоциональной стабильности и волевого самоконтроля в ситуации оценки знаний было выявлено, что у студентов первого и четвертого курса снижаются положительные эмоции и настроение, ухудшается самочувствие, меньше проявляется самообладание и волевой самоконтроль. Студенты четвертого курса в ситуации оценки знаний не проявляют тревожно-депрессивные эмоции, в отличие от студентов первого курса. При этом студенты старшего курса в меньшей степени, чем студенты первого курса, в ситуации оценки знаний проявляют настойчивость. Ситуация оценки знаний не повлияла на положительные эмоции, субъективную комфортность, активность, настроение, самообладание, волевой контроль студентов четвертого курса.

Результаты, полученные в ходе проведенного психолого-педагогического исследования, представляют интерес для преподавателей учебных заведений, кураторов студенческих групп, заинтересованных в снижении у студентов эмоционального напряжения в ситуации оценивания знаний (на экзамене, зачете, при тестировании) и повышении их успеваемости.

Список литературы

1. Асташова Н. А. Гуманистические основы педагогической деятельности // Вестник Брянского государственного университета. 2016. №1 (27). С.307-311.

2. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека: Монография [Электронный ресурс]. Издательство Казанского университета, 1987. 262 с. Режим доступа: http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/index.p (дата обращения 15.11.2016).

3. Барабанов Д.Д. Сравнительный анализ изменений волевой регуляции у студентов первого и второго курса (мониторинг) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. №4. С.119-130.

4. Быков А.В., Шульга Т.Н. Становление волевой регуляции в онтогенезе: Учебное пособие. М: Изд-во УРАО, 2006. 210 с.

5. Вилюнас В.К., Гиппенрейтер Ю.Б. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1-е изд., 2008. 496 с.

6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

7. Гасанова Р. Р. Методы формирования эмоционально-волевой устойчивости в процессе обучения в вузе // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы III Междун. научно – прак. конф. (Чебоксары, 31 июля 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 2 (3). С. 50-52.

8. Голубева Г. Ф. Проблемы подготовки психологов-консультантов для психологической службы в образовании // Вестник Брянского государственного университета. 2009. №1. С.117-121.

9. Долгова В. И., Буслаева М. Ю. Формирование эмоциональной устойчивости. Челябинск: АТОКСО, 2010. 203 с.

10. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 764 с.

11. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

12. Клепцова Е. Ю., Орел Э. С. Проблемы эмоционально-волевой регуляции студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 32. С. 67-71.

13. Кузнецова О. В. Формирование эмоциональной устойчивости педагогов дошкольного образовательного учреждения в период модернизации образования // Молодой ученый. 2015. №1. С. 367-369.

14. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций: под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 47-66.

15. Музыченко М.В. Критерии эмоциональной устойчивости студентов-психологов // Психология, социология и педагогика. 2012. №12. [Электронный ресурс]. URL: http://psychology.snauka.ru/2012/12/1458 (дата обращения: 26.10.2016).

16. Никифоров А.С. Эмоции на 100%. Для тех, кто не любит врачей и лекарства. М.: Эксмо, 2009. 240 с.

17. Прохоров А.О. Особенности психических состояний личности в обучении // Психологический журнал. 2011. №1. С. 47-54.

18. Сергиенко Е.А., Г.А. Виленская, Ю.В. Ковалева. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010. 352 с.

19. Слободяник Н.П. Формирование эмоционально-волевой регуляции: 60 конспектов занятий: Практическое пособие. М.: Айрис-Пресс, 2004. 176 с.

20. Сорокина Я. В. Эмоционально-волевая регуляция активности в учебной деятельности студентов вуза: дис. кандидата психол. наук: 19.00.07 / Сорокина Яна Владиславовна. Уфа, 2012. 218 с.

21. Спасенников В. В., Задорожнюк И. Е. Пути оптимизации образовательных процессов: потенциал экономической психологии // Социология образования. 2012. №12. С. 15-53.

22. Фещенко Е. М. Особенности психологического сопровождения внедрения новых образовательных стандартов в школе // Вестник Брянского гос. университета. 2013. №1-1. С. 214-217.

23. Чернов А. В. Влияние рефлексии и регуляторных процессов на интенсивность психических состояний студентов в ситуации экзамена // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 5. С.121-127.

24. Чижова К.И. Эмоционально-волевая устойчивость как способ предупреждения педагогических конфликтов // Среднее профессиональное образование. 2015. №3. С. 49-53.

Об авторах

Голубева Галина Федоровна – кандидат психологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, golubeva.galia2012@yandex.ru

Фещенко Елена Михайловна – кандидат психологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, jovnec@yandex.ru

УДК 378.147

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ В ВУЗЕ

Ретивых М.В., Воронин А.М., Степченко Т.А.

В статье раскрывается сущность и структура методологической культуры современного педагога как субъекта педагогической и научно – исследовательской деятельности, и излагается опыт ее формирования на примере факультета технологии и дизайна Брянского государственного университета.
Ключевые слова: методологическая культура, педагогическая деятельность, научно – исследовательская деятельность.

MODERN METHODOLOGICAL CULTURE OF THE TEACHER: THE NATURE, STRUCTURE AND THE FORMATION OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Retivyh M.V., Voronin A.M., Stepchenko T.A.

The article reveals the essence and structure of modern methodological culture of the teacher as subject of pedagogical and scientific - research activities, and describes the experience of its formation as an example of the Faculty of Technology and Design Bryansk State University.
Keywords: methodological culture, pedagogical activity, scientific - research activity.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» законодательно регламентирована образовательная, экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. Образовательная деятельность – это деятельность по реализации образовательных программ [5, с. 5]. Экспериментальная деятельность направлена на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий, образовательных ресурсов и осуществляется в форме экспериментов. Инновационная деятельность осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ [5, с. 27].

В ФГОС ВО определено, что бакалавр по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» готовится к педагогической, культурно – просветительской и научно – исследовательской деятельности.

Эти обстоятельства актуализируют проблему переосмысления содержания и путей формирования в вузе методологической культуры современного педагога.

Следует отметить, что различные аспекты данной проблемы изложены в работах И.Г. Безрукова, В.И. Загвязинского, А.М. Новикова [1; 2; 4]. Но наиболее системно сущность и содержание методологической культуры педагога были рассмотрены академиком РАО В.В. Краевским.

Уточняя определение понятия методологии педагогики, данное М.А. Даниловым, В.В. Краевский добавляет в него деятельностный аспект, и это понятие им определяется следующим образом: «Методология педагогики есть система знаний об основаниях и структуре педагогической теории, о принципах, подходах и способах добывания знаний, отражающих педагогическую действительность, а также система деятельности по получению таких знаний и обоснованию программ, логики и методов, оценке качества специально – научных педагогических исследований» [3, с. 18].

Таким образом, В.В. Краевский выделял два аспекта методологии педагогики: «знаниевый» и «деятельностный». На этом основании он считал, что нужно различать методологическую культуру учителя – практика и педагога – исследователя.

Эти различия он обосновывал следующим образом:

- педагог – исследователь производит педагогические знания, а учитель – практик их использует;
- методологическая культура учителя – практика основывается в основном на методических знаниях, а педагога – исследователя – на методологических знаниях, которые важнее методических знаний;
- учитель – практик проектирует учебно – воспитательный процесс, а педагог – исследователь проектирует научно – исследовательский процесс;
- учитель – практик осуществляет методическую рефлексию, а педагог – исследователь осуществляет методологическую рефлексию [3, с.123-126].

В то же время В.В. Краевский подчеркивал, что и учителю – практику, и педагогу – исследователю необходимы такие общие умения, как находить проблему и выражать ее в конкретной педагогической задаче, выдвигать гипотезу и осуществлять мысленный эксперимент, определять пути и этапы решения педагогических проблем, анализировать результаты [3, с. 127].

А.М. Новиков в своей книге «Методология образования», основываясь на определении методологии как учения о структуре и организации

теоретической и практической деятельности, рассматривает отдельно методологию научно – педагогического исследования и методологию практической педагогической (образовательной) деятельности. В структуре того и другого вида деятельности он выделяет три фазы: фазу проектирования, технологическую фазу и рефлексивную фазу [[4, с. 265-298]. Таким образом, А.М. Новиковым реализован деятельностный подход к определению сущности и структуры методологии образования и обоснован вывод о том, что основаниями современной методологии являются философско–психологическая теория деятельности, системный анализ (системотехника) и науковедение, включающее в себя гносеологию (теорию познания) и семиотику (науку о знаниях).

Деятельностный подход к определению сущности и структуры методологической культуры современного педагога обуславливает необходимость обратиться к характеристике его профессиональной деятельности.

ФГОС ВО по направлению «Педагогическое образование» предполагает подготовку бакалавров к педагогической, культурно – просветительской и научно – исследовательской профессиональной деятельности. По этим видам деятельности выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

- в области *педагогической деятельности:* способностью и готовностью разрабатывать и реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов, решать задачи воспитания и духовно – нравственного развития обучающихся, применять современные образовательные методики и технологии, осуществлять подготовку обучающихся к профессиональному самоопределению, организовывать сотрудничество с обучающимися и их родителями, обеспечивать охрану жизни и здоровья обучающихся;

- в области *культурно – просветительской деятельности:* способностями к изучению, формированию и реализации потребностей детей и взрослых в культурно – просветительской деятельности, организации культурного пространства;

- в области *научно – исследовательской деятельности:* способностью использовать систематизированные теоретические и практические знания для определения и решения исследовательских задач в области образования, разрабатывать современные педагогические технологии с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания и развития личности, использовать в учебно–воспитательной деятельности основные методы научного исследования.

Поскольку культурно – просветительская деятельность не является обязательной для некоторых педагогических направлений подготовки (например, по направлению «Профессиональное обучение»), в дальнейшем мы не будем оперировать этим понятием.

Таким образом, современный педагог является одновременно субъектом практической педагогической (образовательной) и научно – исследовательской деятельности. Это обстоятельство обуславливает сущность, специфику и содержание его методологической культуры.

В.В. Краевский, определяя структуру методологической культуры педагога, в первую очередь выделял культуру его мышления, которая предполагает знание методологических норм и умение применять эти нормы в процессе решения проблемных педагогических задач, умение проектировать и конструировать научно – исследовательский процесс, а также умение осуществлять методологическую рефлексию, включающую в себя анализ педагогического исследования по таким характеристикам, как проблема, тема, объект и предмет, цель, задачи, гипотезы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, защищаемые положения [3, с. 123-127].

Мы считаем, что на основе изложенных выше идей академика В.В. Краевского можно выделить когнитивный, технологический и рефлексивно – аналитический компоненты методологической культуры современного педагога как субъекта педагогической и научно – исследовательской деятельности, содержание которых представлено на рисунке 1.

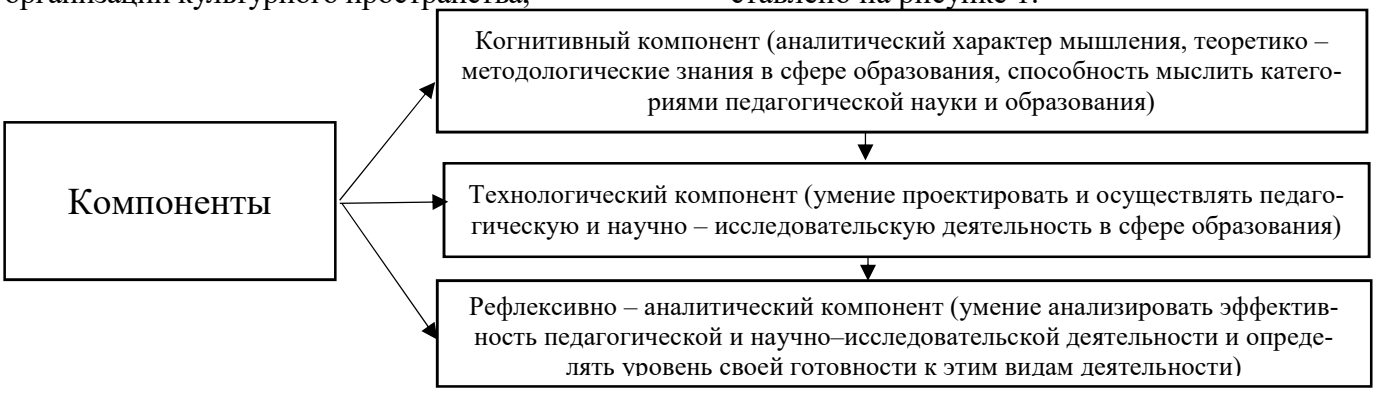

Рис. 1. Компоненты и содержание методологической культуры современного педагога.

Таким образом, методологическую культуру современного педагога можно определить как интегративную характеристику уровня его развития в качестве субъекта педагогической и научно – исследовательской деятельности, включающую в себя когнитивный, технологический и рефлексивно – аналитический компоненты.

Формирование методологической культуры педагога осуществляется в процессе обучения в вузе, практической, педагогической и научно – педагогической деятельности в образовательном учреждении, а также в системе повышения квалификации.

Позитивный опыт формирования методологической культуры будущих педагогов накоплен на факультете технологии и дизайна Брянского государственного университета.

Преподавателями кафедры теории и методики профессионально – технологического образования под научным руководством профессора М.В. Ретивых разработана программа курса «Методология и методика педагогических исследований», которая имеет следующее содержание:

- актуальные проблемы и методологические основы педагогики как науки об образовании;
- современные методологические подходы в научно – педагогических исследованиях;
- методологическая культура современного педагога: сущность и структура, показатели сформированности;
- категориальный аппарат педагогического исследования;
- научная концепция как творческое ядро педагогического исследования;
- логика и структура процесса научно – педагогического исследования;
- методы педагогического исследования и требования к ним;
- теоретико – методологические аспекты и тематика междисциплинарных исследований в образовательной сфере;
- оформление, опубликование и защита результатов научно – педагогического исследования.

Изучение курса завершается зачетом, на котором студенты отвечают на один вопрос по программе и представляют план проведения исследования по теме выпускной квалификационной работы.

Основными направлениями научных исследований на факультете являются:

- актуальные проблемы технологического образования;
- автоматизация процессов решения проектных, конструкторских и технологических задач;
- формирование культуры здоровья и безопасности жизнедеятельности населения;
- дизайн – проектное образование и подготовка будущих педагогов к дизайн – технологической деятельности.

Советом факультета ежегодно утверждается план научных исследований. Тематика НИР конкретизируется по кафедрам в соответствие с их спецификой.

На факультете действуют инновационный научно – образовательный центр компьютерных технологий и автоматизированного проектирования, на базе CAD/CAM/CAPP – систем, региональное отделение единого фонда электронных ресурсов «Наука и образование» Института научной информации и мониторинга РАО, конструкторско – технологическое бюро, на базе которых осуществляется научно – исследовательская деятельность студентов и преподавателей с применением информационных технологий.

Ежегодно коллектив факультета технологии и дизайна совместно с ректоратом университета проводит Международные научно – практические конференции по актуальным проблемам профессионально – технологического образования.

Так, 18-20 мая 2016 года проведена конференция по теме «Формирование профессиональных компетенций обучающихся в организациях общего и профессионального образования», в которой приняли участие представители из разных регионов России, а также Белоруссии, Грузии, Израиля.

Хороших результатов добиваются студенты факультета технологии и дизайна в дизайн – технологической и художественно – творческой деятельности. Они принимают активное участие в Российских и международных выставках (Германия, Греция, Италия). Коллектив факультета сотрудничает с вузами Белоруссии, Грузии, Израиля, Китая, Польши.

Эти мероприятия безусловно способствуют формированию когнитивного, технологического и рефлексивного компонентов методологической культуры будущих педагогов.

В 2017 году запланировано проведение 23-25 мая Международной практической конференции по теме «Социальное партнерство как эффективный механизм формирования образовательного пространства», целью которой является обобщение результатов научных исследований по проблемам проектирования и реализации инновационных моделей социального партнерства в сфере образования.

Факультет технологии и дизайна выступил также инициатором проведения в 2017 году на базе Брянского государственного университета Международного конкурса «Моя система обучения» с целью выявления, обобщения и распространения инновационно – творческого потенциала педагогов России и зарубежья.

Формой конкурсного испытания будет «Урок» («Занятие»), при проведении которого конкурсант должен проявить знание своего предмета, умения ориентироваться в ситуации, способности выйти в обучении на межпредметный и метапредметный уровни. Планируется организованное посещение студентами этих конкурсных мероприятий с последующим их анализом с целью повышения уровня методологической и методической культуры обучающихся.

Уровни сформированности у студентов методологической культуры выявляются с помощью комплекса психолого – педагогических диагностических методик. Одновременно мы считаем, что поскольку культура человека формируется в деятельности, а основным видом деятельности студентов является учебная деятельность, то результаты этой деятельности можно считать интегративным показателем сформированности методологической культуры студентов.

Анализ показывает, что количественные и качественные показатели учебной деятельности студентов факультета технологии и дизайна имеют тенденцию к улучшению, что видно из таблицы 1.

Таблица 1.

№ п/п	Направление (профиль)	2013-2014 учебный год		2014-2015 учебный год		2015-2016 учебный год	
		Успев., %	Качество, %	Успев., %	Качество, %	Успев., %	Качество, %
1	«Техносферная безопасность (защита в чрезвычайных ситуациях)»	85,3	61,8	88,35	75,65	95,1	81,5
2	«Педагогическое образование (технология и безопасность жизнедеятельности)»	92,6	73,2	95,35	83,1	97,6	85,3
3	«Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника)»	82,4	55,9	86,7	60,00	87,5	68,8

Из таблицы видно, что показатели успеваемости и качества знаний студентов факультета технологии и дизайна являются стабильно высокими. По этим показателям факультет занимает лидирующие позиции в общеуниверситетском рейтинге. Это свидетельствует об эффективности процесса формирования у студентов методологической культуры.

Список литературы

1. Безуглов И.Г., Лебединский В.В., Безуглов А.И. Основы научного исследования: Учеб. пособие для аспирантов и студентов - дипломников. М.: Академический Проект, 2008. 194 с.
2. Загвязинский В.И. Исследовательская деятельность педагога: Учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 176 с.
3. Краевский В.В. Методология педагогики: новый этап: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. М.: Академия, 2006. 400 с.
4. Новиков А.М. Методология образования. М.: «Эгвес», 2006. 488 с.
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Кодекс, 2013. 106 с.

Об авторах

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, aleks.rudckovsckaja@yandex.ru

Воронин Алексей Максимович – кандидат педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Bgu.ftid@yandex.ru

Степченко Татьяна Александровна – доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ta-step2007@yandex.ru

УДК 37

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ЧТЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Смахтина А.В.

Статья посвящена проблеме развития потребности в чтении младших школьников. Уточнены понятия «ресурс», «ресурсы чтения». В процессе исследования в качестве психолого-педагогических ресурсов были выявлены навык чтения и библиотерапевтическое свойство книги. Экспериментальным путем доказана значимость выделенных ресурсов в формировании потребности в чтении младших школьников.
Ключевые слова: потребность в чтении, психолого-педагогические ресурсы, ресурс навыка чтения, ресурс библиотерапевтического свойства книги, младший школьный возраст.

DEVELOPMENT PSYCHO-PEDAGOGICAL RESOURSES OF JUNIOR SCHOOLCHILD READING REQUIREMENT

Smakhtina A.V.

The article is dedicated to the problem of development of junior schoolchildren's reading requirement. In this work we clarify the concept of "resource", "reading resources". The research has revealed reading skills and bibliotherapeutic properties of the book as a psycho-pedagogical resources. The significance of these resources in forming the need for reading of junior school students was proven experimentally.
Keywords: reading needs, resource, reading resources, psycho-pedagogical resources, reading skills resource, bibliotherapeutic properties of the book resource, primary school age.

Чтение является важным элементом общекультурной, интеллектуальной жизни человека, занимая особое место в структуре формирования личности, ее интеллекта, культуры, мировоззрения, получения и углубления знаний и коммуникативной компетенции. Современный этап развития российского общества характеризуется снижением читательской активности. Чтение постоянно теряет свою популярность, что приводит к трансформации системы духовно-ценностных ориентиров, а, следовательно, и к деструктуризации культурного и информационного интереса. Изменяется статус чтения, продолжительность, характер, качество, интерес к литературе и отношение детей к чтению. Снижение у младших школьников потребности «читать» становится проблемой целого поколения и характеризуется рядом причин: сокращением свободного времени, влиянием информационной культуры, резким изменением «цивилизационно-техногенных» условий жизни. В этой связи возникает задача поиска новых путей развития потребности в чтении у младших школьников.

Одним из средств, способствующих решению поставленной задачи, являются психолого-педагогические ресурсы. Понятие «ресурс» является полидисциплинарным и используется в разных научных областях. В психологии ресурсы включены в понятие человеческого и личностного потенциала (Г. М. Зараковский, М. С. Каган, П. Г. Щедровицкий), связаны с возможностями адаптации человека к меняющимся условиям, психологической устойчивости в стрессогенных (стрессовых) ситуациях (Н. Е. Водопьянова, А Н. Демин, Е. Ю. Кожевникова), а также рассматриваются как средства к существованию, возможности людей и общества, как все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды (К. Муздыбаев) [5, с.101]. В социологии понятие «ресурс» обычно применяется по отношению к неоднократно используемым, относительно стабильным и «дефицитным» объектам, которые запрашиваются, используются и освобождаются процессами в период их активности [3, с. 54]. В педагогике «ресурс» – это способ к действию, но только при наличии цели [4, с.12].

Педагогические ресурсы представлены через условия, обеспечивающие процесс воспитания и обучения, то есть усвоение и передачу знаний, умений и навыков, необходимых в подготовке личности к функционированию в обществе. В основном педагогические ресурсы рассматриваются через ресурсы образовательные (информационный ресурс, коммуникативный ресурс, технологический ресурс, ресурс самообразовательной деятельности). Ресурсы чтения представляют собой «*возможности, условия обеспечения* читательской деятельности» (Е. И. Голубева) и классифицируются на внутренние и внешние. К первым отнесены: уровень информационной культуры и читательского развития конкретной личности; уровень ее образованности; образ жизни на данном жизненном этапе, социальный статус (школьник, студент, мать, имеющая маленьких детей, пенсионер); структура жизненных целей и ценностей

личности. К внешним: состояние рынка информационных источников, особенно состояние книгоиздания; степень доступности источников информации для рядовых граждан (развитие сети общедоступных библиотек, состояние системы книгораспространения); кадровое и методическое обеспечение развития информационной культуры населения, достаточное для полноценного использования современных возможностей получения информации всеми гражданами; информированность разных слоёв населения о существующих источниках информации, о новинках книгоиздания, о том, где можно с ними ознакомиться и работать; традиционные и вновь складывающиеся представления о культуре взаимодействия с информацией (в том числе, и взгляды на статус чтения) в семье, в среде сверстников, в социуме вообще [2, с.208-209].

Опираясь на вышеизложенное, нами обосновано определение, которое легло в основу исследования: «Ресурсы чтения – это намеренно созданные условия, влияющие на появление стойкой потребности в чтении». Для выявления психолого-педагогических ресурсов чтения были проанализированы текстовые массивы по проблеме снижения потребности в чтении (по методике контент-анализа) и выделены смысловые фрагменты, которые можно отнести к ресурсам; проранжированы описанные ресурсы по частоте встречаемости в текстах (таблица 1).

Таблица 1.

№	Ресурсы чтения (категории)	Частота встречаемости в тексте	Процентное соотношение
1.	библиотечный компонент: —библиотечные мероприятия по распространению книги и чтения; —обновление фондов библиотек; —наличие внешних партнеров у библиотек	1670 1189 304 177	16,7 %
2.	электронные коммуникации	1400	14 %
3.	читательская компетентность педагога: —использование педагогом специальных приемов, влияющих на развитие интереса к чтению; —повышение профессионального уровня педагогов в вопросах чтения; —авторитет учителя как читателя;	1394 827 539 28	13,9 %
4.	«продвижение книги» и повышение статуса чтения и «человека читающего» с помощью СМИ и рекламы	977	9,8 %
5.	семейное чтение	936	9,4%
6.	библиотерапевтическое свойство книги: —идентификация себя с литературным героем; — эмоциональное восприятие произведения	660 290 370	6,6 %
7.	воздействие издательств, книжной торговли на продвижение чтения	479	4,8%
8.	влияние государства на развитие читательской активности: —развитие «чтения» силами государства и местного самоуправления; —введение профессии «учитель чтения»; —увеличение часов «чтения» в школе	447 396 34 17	4,5 %
9.	навык чтения	431	4,3 %
10.	круг чтения	353	3,5 %
11.	создание комфортной среды для чтения (создание детских библиотек в новом имидже – брендинг)	352	3,5 %
12.	свободный доступ к книге	350	3,5 %
13.	создание библиотечных центров раннего развития (формирование потребности в чтении с ранних лет)	225	2,4 %
14.	внешние стимулы книги	169	1,7 %
15.	влияние сверстников на потребность в чтении	143	1,4 %
		Итого: 9986	100 %

Таким образом, было выделено пятнадцать ресурсов чтения. Среди них, нами выбраны наиболее доступные для школьной системы образования: навык чтения и библиотерапевтическое свойство книги. Навык чтения является неотъемлемым ресурсом младшего школьного возраста. Его формирование на ступени начального образовании способствует воспитанию литературных притязаний и вкуса, жизненной потребности в книге. Умение правильно, бегло читать оказывает влияние на развитие личности ученика, поэтому навык чтения рассматривается нами как психолого-педагогический ресурс чтения.

Библиотерапевтическое свойство книги – психолого-педагогический ресурс, который имеет первостепенное значение в развитии интереса к чтению. Основу этого ресурса составляет смысловое содержание художественного слова, эмоциональное восприятие произведения, идентификация себя с литературным героем. Книга способна оказывать терапевтическое воздействие на состояние учащегося, давая знания чужого опыта душевной жизни, наводя на размышления, также книга расширяет сферу сознания, подсказывает путь движения мысли от безысходности к созидательной активности [6, с.23]. Все это позволяет ребенку углубиться в мир книги, развить стойкую потребность в чтении. Поэтому данный ресурс необходимо использовать в школьной системе как установку на активизацию читательской деятельности.

Развитие потребности в чтении младших школьников реализовывалось через формирующий эксперимент, который состоял из двух этапов. Первый содержал методику, направленную на развитие навыка чтения (В.А. Бородиной). Второй этап исследования – это метод библиотерапии, который влиял на формирование стойкой потребности в чтении через уже сформированный навык чтения у детей. Цель первого этапа исследования была направлена на воспитании всех компонентов навыка чтения – технической и смысловой стороны через акмеологический принцип. Его основная суть – постепенное восхождение от внешнего познания слов, понятий, пластов через идейно-смысловые размышления, средства художественной выразительности, психологических чувств и образов к осознанию произведения в целом. Обучение ребенка навыку чтения происходило индивидуально, коллективно, реализуя личностно-деятельный и интерактивный подход [1, с.19]. Навык чтения формировался через игровую деятельность под постоянным контролем за процессом чтения, его результатами, рефлексией, на основе которой происходило познание и создание себя как читателя.

На втором этапе формирующего эксперимента через библиотерапевтический метод, который является основой ресурса библиотерапевтического свойства книги, мы разработали систему упражнений и приемов, активизирующих читательскую потребность. Основываясь на проективной функции библиотерапевтического метода (Н. Л. Карпова), были выбраны книги (таблица 2) по трем критериям:

1) литературные произведения, в которых по сюжету герои попадали на страницы книг или читали интересные книги, говорили о важности чтения;

2) книги, направленные на идентификацию себя с литературным героем;

3) эмоциональные книги, при чтении которых читатель «проживал» понравившиеся произведения, ощущая патетичность, экспансивность, чувствительность.

Таблица 2.

№	Список произведений	№	Список произведений
1.	А. Машковский «Книга». Рассказ.	11.	А. Волков «Волшебник Изумрудного города»
2.	М. Энде Бесконечная книга. Сказочная повесть.	12.	Н. Носов «Приключения Незнайки и его друзей»
3.	Т. Висландер, Ю. Висландер «Мама Му читает»	13.	М. Твен «Приключения Тома Сойера»
4.	Б. Степанцев «Вовка в тридявятом царстве»	14.	П. Трэверс «Мэри Поппинс»
5.	А.Битов «Сад»	15.	Л. Кэрролл «Алиса в стране Чудес»
6.	Ф. Искандер «Чик и Пушкин». Рассказы.	16.	А. Толстой «Приключения Буратино»
7.	Каверин «Освещенные окна»	17.	Н.Носов «Фантазеры»
8.	С.Маршак «В начале жизни». Почесть.	18.	В.Драгунский «Денискины рассказы»
9.	Д. Дефо «Робинзон Крузо»	19.	М. Бременер Толя Трилли. Рассказ.
10.	Р. Даль «Чарли и шоколадная фабрика»	20.	Е. Богат Узнавание. Эссе.

Библиотерапевтические произведения по объему, стилю, жанру, языку подбирались в соответствии с возрастом ребенка. Герои произведения были духовно близки читателю, а ситуации, описанные в книге, понятны и значимы; сведения, полученные из прочитанной книги, побуждали младшего школьника к чтению. Основная цель таких произведений – произвести впечатление на ребенка, тем самым активизировать читательскую деятельность.

Терапевтический эффект, направленный на формирование потребности в чтении, достигался также через индивидуальную беседу (мы выделяли значимые моменты, касающиеся уровня понимания книги, классифицировали положительных и отрицательных героев, составляли словесные портреты понравившегося героя, обговаривали «важность» чтения, соотносили «личность ребенка» с героем произведения) и через написание младшими школьниками сказок и сочинений по темам: «Книга в моей жизни», «Книга – мой лучший друг», «Читатель».

Эффективность выбранных методик подтверждают результаты контрольного эксперимента. Для оценки развития навыка чтения был использован

набор методик, предложенных А.Н. Корневым, О.А. Ишимовой («СМИНЧ», «ТОПЕЧ»), позволяющий получить данные о скорости, правильности, способе чтения и понимании прочитанного текста. Результаты обследования детей младшего школьного возраста показывают увеличение коэффициента навыка чтения, посещений учащимися школьной библиотеки. Отмечены факты обсуждения прочитанного школьниками на переменах, а также приобретение родителями книг для детей.

Для определения сформированности у учащихся потребности к смысловому содержанию художественного слова, эмоциональному восприятию произведения и идентификации «личности ребенка» во время чтения с литературным героем было проведено тестирование учащихся «Книга – лучший проявитель души» (Т. И. Тихомирова). В тестировании приняло участие 39 учеников: 20 – девочек, 19 – мальчиков. Каждому участнику было задано 13 вопросов. На первый вопрос (любишь ли ты читать книги) положительно ответили больше половины участников – 89,7 %. Главное для учеников в художественной литературе – характеры людей (41 %). Больше половины респондентов при чтении обращают внимание на лирические отступления и описание природы. 66,7 % младших школьников испытывало при чтении эмоциональное потрясение. Прочитанное произведение было понятно – 46,1 % детей. В качестве персонажей учащихся привлекают обыкновенные люди, такие же, как они сами (56,4 %). 92,3 % младших школьников представляют себя во время чтения на месте литературных героев и почти всем (94,8 %) интересен внутренний мир персонажей. Всего лишь у 8,3 % детей книга не вызывает желание помечтать, пофантазировать. У большинства респондентов (74,3 %) возникает потребность перечитать понравившуюся книгу и задуматься над смыслом прочитанного произведения (94,9%). Каждый из участников ожидает от книги: возможности поразмышлять (51,2 %), острых ощущений (2, 7 %), отвлечения от реальной жизни (46, 1%). Многие из учащихся читают понравившуюся книгу медленней, растягивая удовольствие (51, 3 %).

Таким образом, экспериментально доказана значимость реализации психолого-педагогических ресурсов. Применение специальных методик увеличило показатели чтения и читательской потребности в книгах у детей младшего школьного возраста. Общая логика последовательных этапов опытно-экспериментальной работы позволила достигнуть планируемых результатов в решении данной проблемы.

Список литературы

1. Бородина В. А. Летняя школа чтения: заочная творческая лаборатория. М.: РШБА, 2011. 392 с. (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря. Сер.1, Вып. 1-2). Приложение к журналу «Школьная библиотека.

2. Голубева Е. И. Ресурсы, мотивы и стимулы детского и подросткового чтения на материале исследований начала XXI века // Homolegens-3 – Человек читающий. М.: Школьная библиотека. 2006. С. 208-218.

3. Мальцев В.А. Технологии оптимального использования социальных ресурсов региона [сборник]// Научно-исследовательский институт синергетики. Вып. 9. Белгород: Белгородское областное издательство, 2006. С.54-60.

4. Миняева Н. М. Ресурс самообразовательной деятельности студента как социокультурный и педагогический феномен // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2010. № 4 (110). С. 12-17.

5. Муздыбаев К. Стратегия совладения с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, 2. С. 100 – 109.

6. Тихомирова И.И. Мотивация чтения: стимулы, мотивы, потребности // Психология детского чтения от А до Я: метод. словарь-справочник для библиотекарей. М., 2004. С. 122 – 133.

Об авторе

Смахтина Анна Владимировна – аспирант, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет, Annlogoped@yandex.ru

Правила предоставления рукописей.

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Требования к структуре статей

Статья формируется из отдельных структурных составляющих в следующей последовательности:

1) первая строка: номер УДК;
2) вторая строка: название статьи;
3) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов;
4) пропустив одну строку: аннотация на русском языке;
5) ключевые слова;
6) пропустив одну строку: название статьи на английском языке;
7) пропустив одну строку: фамилия и инициалы (транслитерация);
8) пропустив одну строку: аннотация на английском языке («Annotation»);
9) ключевые слова на английском языке («Keywords»);
10) пропустив одну строку: основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами;
11) пропустив одну строку: список литературы;
12) пропустив одну строку: сведения об авторах.

Статьи представляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников).

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал указать фамилии и инициалы авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал располагается аннотация статьи на русском языке, которая не должна превышать 1200 знаков (с пробелами). В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (7 – 12). Пропустив строку: размещается английское название, затем фамилия и инициалы (транслитерация). Через строку располагается английская часть (Annotation + keywords). Использование электронного переводчика недопустимо. Далее через один интервал располагается основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами (12 pt).

Пропустив одну строку располагается список литературы и ниже через один интервал необходимо указать сведения об авторе (авторах): ученая степень; ученое звание; должность; адрес места работы; e-mail – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

В список литературы включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется либо в порядке цитирования, либо в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт Times New Roman (обычный), 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

К статьям должна быть приложена авторская справка: фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.
Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58 E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России» -40705 годовая

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать 07.12.2016. Дата выхода журнала в свет 15.12.2016.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 40. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**